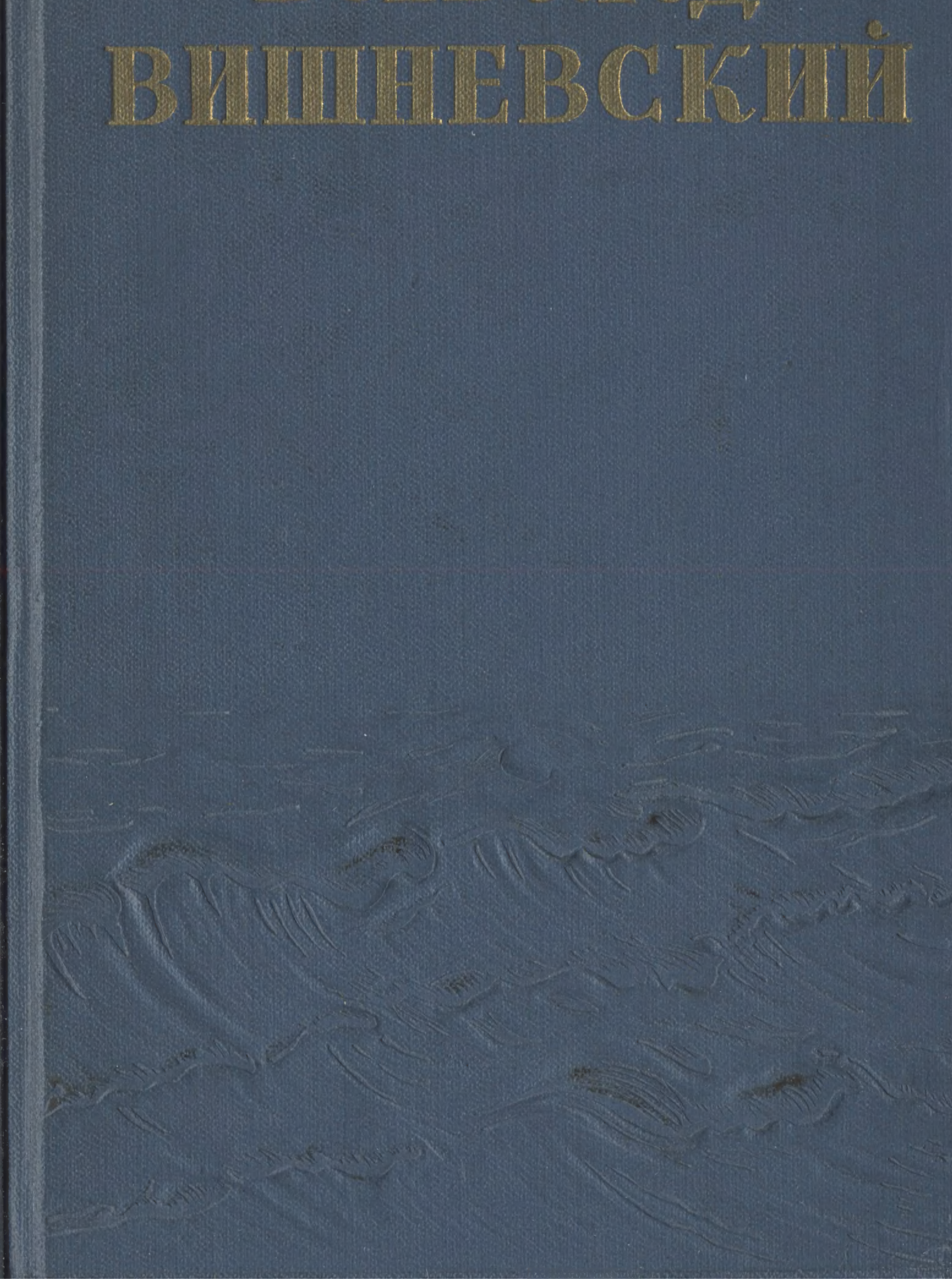
ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

Печатается по постановлению
Совета Министров СССР
от 17 марта 1951 года

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ПЯТИ ТОМАХ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1954

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПЬЕСЫ

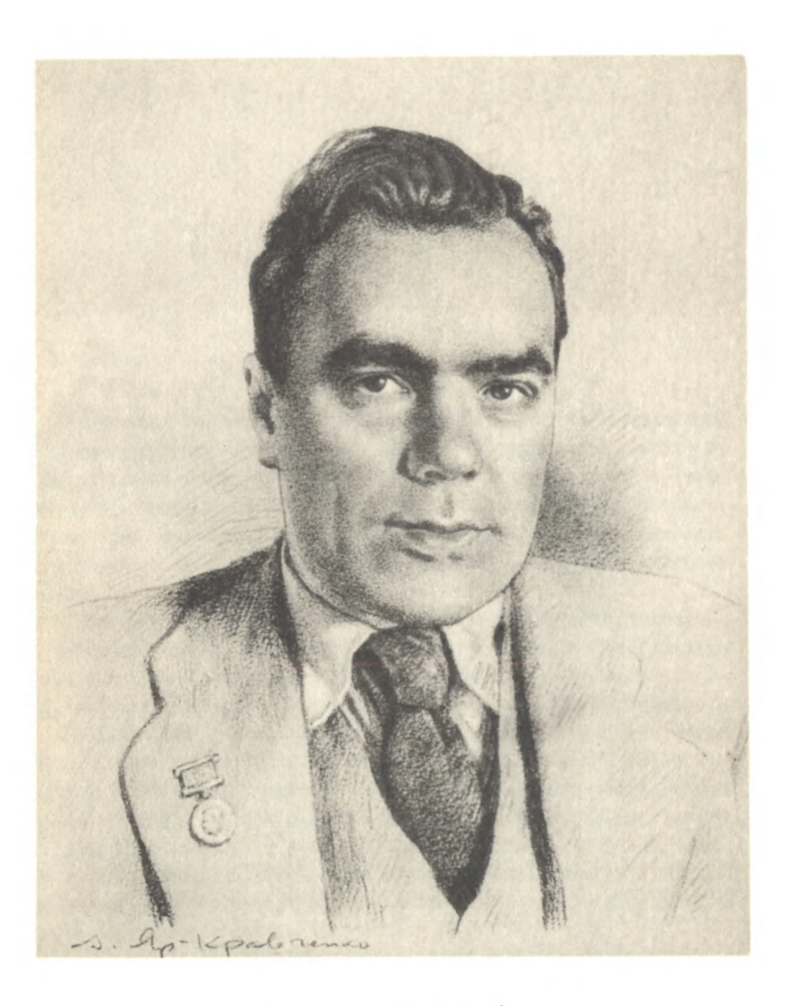
1929—1950 гг.

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1954

Постановлением
Совета Министров Союза ССР
от 8 марта 1950 года
ВСЕВОЛОДУ ВИТАЛЬЕВИЧУ
ВИШНЕВСКОМУ
присуждена
СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ
первой степени
за пьесу
«Незабываемый 1919-й»

Под редакцией:

П. П. Вершигоры, С. К. Вишневецкой,
К. М. Симонова, А. К. Тарасенкова,
А. П. Штейна

В. В. ВИШНЕВСКИЙ

Портрет работы художника
А. Яр.—Кравченко

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Всеволод Витальевич Вишневский, один из виднейших и самобытнейших советских писателей старшего поколения написал свою «Первую Конную» (1929), первое крупное произведение, сделавшее его имя известным советскому народу, будучи уже тридцатилетним зрелым человеком. За его плечами была большая, богатая событиями, прожитая, и даже не столько прожитая, сколько провоеванная жизнь.

Служба в одном из пехотных полков царской армии, империалистическая война, увиденная сначала детскими, а потом юношескими глазами, сыграли громадную роль в формировании личности, а впоследствии характера дарования Всеволода Вишневского.

Вишневский видел нарастание революционного движения среди солдат и контрреволюционный террор сначала царского, а затем Временного правительства в той наиболее беспощадной форме, в какой он проявлялся на фронте. Революция застала Вишневского юношей и в то же время опытным солдатом, человеком, видевшим все несправедливости старого режима в их самой оголенной, самой кровавой форме и восставшим против них всем своим молодым, горячим сердцем.

Вполне закономерно, что именно такой человек вступил добровольцем в Красную Армию в первые дни ее формирования, что он от первого до последнего дня провоевал всю гражданскую войну, сражаясь всегда на передовой, и что служение делу революции стало главным делом его жизни и впоследствии главным содержанием его творчества.

В годы гражданской войны Вишневский был дважды ранен и каждый раз оставался в строю. Он был награжден орденом

Красного Знамени, и последняя опубликованная при его жизни книга «Избранное» недаром вышла с написанным к его первой пьесе предисловием С. М. Буденного, которое называлось «О пьесе пулеметчика Вишневского».

Когда в 1950 году вышла эта книга, о Вишневском с полным правом уже можно было говорить как о человеке, который ездил в сражавшийся Мадрид, участвовал во взятии Бьерке, пробыл на Балтийском флоте всю ленинградскую блокаду и вошел в Берлин с передовыми частями Советской Армии. Но Вишневскому хотелось, чтобы эта маленькая вступительная статья Буденного к первой созданной им пьесе оставалась предисловием для всего написанного за многие годы. И он был прав, потому что характеристика Вишневского, данная в этой статье, как человека, который мог написать «Первую Конную» именно потому, что он сам был пулеметчиком в ней, эта характеристика, адресованная первому его крупному произведению, верна и по отношению ко всему его творчеству. Вишневский писал всю жизнь о Красной Армии и Флоте потому, что он был плоть от плоти их, и писал он так, что это ощущалось в каждом его слове.

Отгремела гражданская война. Вишневский остался служить в кадрах флота, и когда через тридцать лет, в феврале 1951 года, писателя пришли проводить в последний путь его читатели, то у гроба с телом капитана 1-го ранга Всеволода Вишневского бессменно стоял почетный флотский караул. Это было не только выражением глубокого уважения к памяти писателя, создавшего вдохновенные страницы о Красном Флоте и Красной Армии, это было свидетельством того, что Вишневский действительно и как писатель и как человек всю жизнь оставался в кадрах революционной армии.

Начав в 30-е годы вплотную заниматься литературной работой, Вишневский внутренне постоянно чувствовал себя представителем армии в литературе. Он организовывал ЛОКАФ (Литературное Объединение Красной Армии и Флота), объединял писателей, работавших над военной тематикой, ратовал за создание книг, морально готовящих молодежь дать отпор врагу в угрожавшей нам новой войне, настойчиво продвигал на страницы журнала «Знамя», где он был членом редколлегии, а потом редактором, прежде всего произведения, которые показывали нашу армию и флот, исторические подвиги русского народа.

Он руководил военной комиссией Союза писателей, курсами военных корреспондентов, на которых писатели готовились к этой профессии в обстановке надвигающейся войны. И вся эта работа велась тогда, когда Вишневский стал одним из виднейших наших писателей, весь этот разносторонний, кропотливый, нелегкий труд никогда не был для него чем-то вторым после его собственной писательской деятельности. Нет, это и было для него первостепенным делом его жизни. Сделать все, что в его силах, для того чтобы содействовать созданию литературы о Красной Армии и Флоте, о нашем героическом прошлом, о годах гражданской войны, литературы, которая в то же время была бы нацелена в будущее, — это было то главное и единственное, чему он отдавал все свои творческие силы.

Помогать в полную меру своих сил всем, чем он мог,— своим талантом писателя, публициста, критика, редактора, лектора, общественного деятеля,— созданию оборонной литературы, воспевающей нашу Красную Армию и Флот,— вот в чем видел Вишневский выполнение своего долга кадрового солдата революции. Характер личности и характер творчества Вишневского можно правильно понять, только оценив в целом всю ту его деятельность, которую он сам себе представлял именно как одно целое.

Если прочитать ряд статей, бесед, предисловий, примечаний Вишневского, написанных им в связи с его пьесами и сценариями, то можно отметить одну очень интересную, важную и характерную для Вишневского черту. Рассказывая о процессе творчества, он никогда не говорил о том, о чем любят подчас говорить другие писатели,—о муках творчества, о своих индивидуальных особенностях и вкусах, — он всегда очень скромен в этом, и в то же время он готов охотно и подробно писать и спорить о том, как лучше собрать материал, как изучать жизнь армии и флота, как надо ставить его пьесы, для того чтобы эта жизнь выглядела на сцене правдиво; как ставить фильм, чтобы моряки в нем были настоящие, чтобы в нем была настоящая Балтика, настоящий дух эпохи. Здесь он готов подробно рассказывать о собственной работе, потому что считает это важным не только для себя, а и для других, потому что правдивость, точность, знание материала, знание истории, знание всех подробностей жизни и быта армии и флота кажутся ему крайне важными; он требователен к себе и считает необходимым об этом говорить, потому что ему важно решение общественной задачи, задачи, которая стоит

не только перед ним, но и перед всеми, кто работает над оборонной тематикой, а он борется за то, чтобы таких людей было больше и работали они лучше.

Фильм «Мы из Кронштадта» с триумфальным успехом обошел весь мир. Наша печать и значительная часть печати за рубежом многократно останавливались на художественных достоинствах этого фильма, но сам Вишневский в выступлениях, связанных с этим фильмом, как раз об этом говорит меньше всего, или, вернее, вовсе не говорит. Его больше всего волнует то, что в Мадриде батальоны, снятые на несколько часов с позиций, шли в кинотеатр, слушали выступления руководителей компартии, смотрели фильм «Мы из Кронштадта» и под впечатлением фильма возвращались на позиции с твердой решимостью оборонять Мадрид так же, как красные моряки и солдаты обороняли Петроград. Это именно и составляло главный предмет гордости и радости Вишневского, потому что ради такого воздействия на зрителя он и писал сценарий.

Вишневский очень любил свою пьесу «Последний решительный». В 30-х годах это была первая пьеса о надвигающейся войне, о необходимости быть повседневно готовыми к ней. Это была оптимистическая и в то же время суровая в своей правдивости пьеса, говорившая о неизбежности тяжелых жертв на пути к победе. И Вишневский гордился ею не только потому, что его радовал собственный авторский успех, не только потому, что она нравилась зрителям и читателям, а прежде всего потому, что она мобилизовывала их, то есть делала именно то, ради чего он ее писал.

В тяжелые дни ленинградской блокады Вишневский при участии писателей А. Крона и Вс. Азарова написал музыкальную комедию «Раскинулось море широко...» На первый взгляд эта пьеса как будто стоит особняком в творчестве Вишневского, обычно носящем эпический характер. На самом деле она органична для него. Эта веселая, сочная, дышащая здоровьем и оптимизмом комедия, вышедшая из-под пера Вишневского осенью 1942 года, была свидетельством несокрушимого морального здоровья и самого писателя, и тех людей, в рядах которых он сражался и о которых написал пьесу.

Лучшие, ставшие всенародно известными произведения Вишневского — «Первая Конная», «Мы из Кронштадта», «Незабываемый 1919-й» — посвящены эпохе гражданской войны. Их непреходящая ценность не только в том, что они исторически

верно отражают эту эпоху, но и в том, что в них присутствует дыхание современности. Это не просто исторические пьесы или сценарии, в которых воссозданы те или иные картины героического прошлого. Нет, в произведениях Вишневского это героическое прошлое выражено так, что читатель чувствует свою связь с ним, чувствует историческую преемственность. Глубина этих произведений состоит в том, что гражданская война в них показывается как один из первых этапов борьбы за будущее социалистическое и коммунистическое общество. Эти произведения устремлены вперед, мы в них видим не только картины рождения Красной Армии и Флота, но и рождение черт нового, советского человека — солдата революции.

Вишневский — участник гражданской войны, ставший в своем творчестве ее певцом,— воспел историю не как героическое время, о котором хочется вспоминать ветерану, а как время боевой юности, о котором вспоминает зрелый и готовый к новым боям воин, вооружающий молодежь тем нержавеющим оружием, теми действенными примерами преданности революции, любви к родине, силы духа, которые воспитывают в народе уверенность в своей победе в грядущих боях.

Он хотел, чтобы его читатели пришли к этим будущим боям во всеоружии. Этой мыслью были одухотворены все его произведения.

В таком же всеоружии к будущим боям он хотел притти и пришел сам как писатель и боец. За годы Великой Отечественной войны он написал две пьесы: «У стен Ленинграда» и «Раскинулось море широко...», десятки статей, многие из которых являются блестящими публицистическими документами эпохи. Он выступал по радио с пламенными речами, тексты которых тоже являются яркими публицистическими документами и значение которых в дни блокады Ленинграда трудно переоценить. Кроме того, Вишневский на протяжении войны вел подробные дневники хода военных действий, всего того, чему он был лично свидетелем,— от обороны Таллина до штурма Берлина.

Автору этих строк в 1944 году во время прорыва линии Маннергейма довелось видеть, как Всеволод Вишневский вел на фронте эти свои ежедневные записи. Так упорно, стоически, с документальной точностью, со вниманием ко всем подробностям боя вести подобные ежедневные записи мог только человек, который одновременно чувствовал себя и писателем и военным историком, который в душе твердо принял решение написать

после войны о войне, опираясь на тысячи виденных фактов и собранных подробностей. Написать о Великой Отечественной войне так, как он написал о войне гражданской.

Вишневский ушел из жизни человеком, полным творческих сил. Его последняя, законченная в 1949 году, пьеса «Незабываемый 1919-й» говорила о расцвете его дарования. Эта пьеса как бы закончила собой цикл произведений, посвященных Вишневским гражданской войне. Еще в 1934 году на Первом съезде писателей Вишневский говорил о необходимости создания в нашей литературе художественных образов Ленина и Сталина. В своем последнем произведении писатель отдал много сил и таланта работе над этими образами. «В незабываемом 1919-м», так же как до этого в «Мы из Кронштадта» и «Оптимистической трагедии», Вишневский с большой силой любви и проникновения показал великую роль партии в борьбе за свободу народа.

Во многих произведениях Вс. Вишневского запечатлена замечательная летопись гражданской войны.

Громадные материалы его дневников и записей за годы Великой Отечественной войны — тоже своего рода летопись этих грозных и великих лет.

То, как провоевал Всеволод Вишневский Отечественную войну, те замыслы, которые у него были, убеждают нас в том, что если бы преждевременно не оборвалась его жизнь — жизнь солдата революции, то он, кроме своих, имеющих сами по себе большую художественную ценность военных дневников, создал бы о Великой Отечественной войне произведение эпического размаха, сделал бы еще один новый крупный и, как всегда, глубоко самобытный вклад в нашу советскую литературу.

К. СИМОНОВ

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

Биографический очерк

Жизнь Всеволода Вишневского поучительна своей целеустремленностью и идейной направленностью. Она цельна своей глубокой преданностью родине, коммунистической партии, упорным стремлением к совершенству. Вначале полусознательное, полудетское стремление к подвигу, затем революционный протест бывалого солдата, дальше — сознательная боевая жизнь красногвардейца, краснофлотца, бойца Первой Конной, потом, в годы передышки, серьезная, напряженная учеба советского командира, вдумчивая работа историка и военного публициста,— этот сложный жизненный путь пройден Вишневским еще задолго до того, как стал он известным драматургом. В своем творчестве, во всей своей общественной деятельности, Вишневский был глубоко партийным человеком. Писательскую жизнь он начал с яркой, романтически-приподнятой пьесы «Первая Конная» и, пройдя сложный путь исканий, творческих ошибок, взлетов и падений, приступил к созданию трагедии — своему излюбленному жанру; затем, на время отойдя от театра, сказал свое слово в кинодраматургии; много потрудился как публицист-очеркист и, наконец, в последние годы жизни создал пьесу и сценарий о борьбе советского народа с белогвардейцами и интервентами и о роли в этой борьбе И. В. Сталина.

Патриотизм был основной, направляющей силой его творчества. Биография Вс. Вишневского, к сожалению, еще мало известна, и поэтому рассказ о создателе «Первой Конной», «Оптимистической трагедии», «Мы из Кронштадта», «Незабываемого 1919-го» следует начать с его юношеских лет.

I

На рубеже двадцатого века, 21 декабря 1900 года, в семье межевого инженера (землемера), одного из первых русских специалистов по воздушной фотосъемке, Виталия Петровича Вишневского, родился сын Всеволод. «В предвоенные годы отец усиленно занимался фотограмметрией (воздушной съемкой). В мировую войну ставил это дело в русской армии. В гражданскую войну мой отец — работник политотдела 7-й армии, затем Балтфлота, затем преподаватель в ленинградских вузах. Мать — фельдшерица-акушерка»[1],— писал Вс. Вишневский.

Мальчик провел детство на берегах Балтийского моря. Много путешествовал с отцом. Отец возил сыновей с собой, рассказывал им о родине. Он неплохо знал историю русской армии и флота, а главное, любил ее, передав эту любовь своему первенцу — Всеволоду.

Дяля Всеволода служил в гвардейском Егерском полку. Он, среди немногих офицеров того времени, верил в духовную силу русского солдата. От отца и дяди мальчик еще в раннем детстве услыхал о жизни и делах Суворова и Кутузова, Ушакова и Нахимова.

«Меня тянуло с детства к книгам, к занятиям литературой и историей, которую я всегда любил. Я любил писать сочинения, вел записи всех уроков»[2].

В 1909 году Всеволод Вишневский поступил в первую С.-Петербургскую мужскую гимназию. Обучение в ней было военизированным. «Усиленно занимался военной историей»,— пишет об этом периоде своей жизни Вс. Вишневский в своей автобиографии.

В декабре 1914 года Всеволод Вишневский—14 лет от роду — уходит добровольцем на фронт. Война шла главным образом на сухопутных тысячеверстных просторах.

Перед нами последняя дань детству — самодельная записная книжка. Почерк еще полудетский, но тщательный и разборчивый. Записано все: рублей столько-то, копеек значительно больше; список личной одежды и подробный маршрут... прямо

---

[1] Вс. Вишневский, Автобиография. Архив писателя.

[2] Из выступления на встрече с ленинградскими писателями и моряками Балтфлота 23 мая 1950 года. Запись Л. Поповой, выправленная Вс. Вишневским. Архив писателя.

Всеволод Вишневский — доброволец лейб-гвардии Егерского полка во время первой мировой войны (1915 г.)

на фронт под Варшаву. Позже, в автобиографии, Вишневский объясняет уход на сухопутный фронт тем, что флот бездействовал.

В пехоте юноша встречается с настоящей войной. На первый план выступают дело и труд солдата, его повседневные заботы. «Я прошел школу царской военной службы, куда пошел четырнадцати лет добровольцем. Хлебнул полной мерой всего, что выпадало на долю русского солдата и матроса»[1].

На границе Восточной Пруссии, в окопах, в грязи, в страданиях и смерти, увидел юноша безобразное лицо империалистической войны, но не испугался и не «отдал концы». Прозрение еще далеко, а пока,— он считает,— надо делать свое солдатское дело. Вот перед нами фотография Всеволода, когда ему было четырнадцать лет. Он с медалью на груди. На нем солдатская гимнастерка и штаны, яловые сапоги, а из-за голенища торчит ложка. Руки по швам, великолепная выправка, взгляд суровый и в то же время бодрый.

По всему видать, что паренек собрался воевать всерьез и надолго.

Так начал первую войну Всеволод Витальевич Вишневский, будущий боец и писатель революции. Он еще не в состоянии осмыслить природу войны, ее причины. Дважды: весной 1915 года и в мае 1916 года — юноша-солдат приезжает в Петербург сдавать экзамены. Сдав их, снова возвращается на фронт. Вскоре он стал разведчиком.

Первая мировая война и была первым классом его жизненной академии. Он закончил ее так: ранение, контузия; солдатский георгиевский крест и две георгиевские медали на груди, звание ефрейтора 4-го батальона лейб-гвардии Егерского полка.

Что же еще, кроме ранений и наград, дала ему война? Очень много! Он узнал душу русского солдата. С ним он ел кашу и спал в землянках, с ним сидел в окопах под вой и скрежет немецких «чемоданов». Много лет спустя он воссоздаст образы героев первой мировой войны в незабываемых сценах «Первой Конной» и еще позже такими словами расскажет о своих товарищах и первых учителях жизни — русских солдатах:

---

[1] Из выступления на встрече с ленинградскими писателями и моряками Балтфлота 23 мая 1950 года. Запись Л. Поповой, выправленная Вс. Вишневским. Архив писателя.

«Шла тяжелым шагом своим русская пехота, в крови и истории хранившая битвы и победы... На Неве и Чудском озере, победы Куликова поля, битвы в Ливонии, на Волге и на Днепре, битвы Урала и Сибири, пехота, хранившая победы Москвы над панами, победы Петра—Лесную, Гангут и Полтаву, суворовский Измаил и Требию, пехота, знавшая Бородино и Севастополь... Шла пехота народа, который веками мятежно гремел, добывая себе и другим свободу и не отрекаясь от нее ни на плахе, ни на костре. Шли правнуки Степана Разина и Пугачева, шли потомки декабристов, шли братья Коммуны, шли люди, которые в огромной истории своей пережили и поражения, для того чтобы больше их не знать. Шел здоровый народ... народ-победитель, великий и гениальный».

И вместе с русским народом, страдавшим в ненавистной тяжелой империалистической войне, шел к назревавшей революции — солдат русской пехоты — Всеволод Вишневский.

Второй высший класс жизненной академии Всеволода Вишневского — его служба в Красной Гвардии.

Уже в 1916 году он начинал осознавать, как враждебна трудовым людям империалистическая война. Он видел страдания народа.

«Как я шел к революции? Во время империалистической войны был тяжело контужен и ранен. Нас везли в тыл. Мимо шел южный поезд с зеркальными окнами, из окон смотрели господа — курортники. Накалялось желание разбить эти вагоны, ненависть к разжиревшим людям с их безразличием к человеческому страданию»[1].

Пройдет еще немного времени, и гнев распашет почву для революционного посева. Пока Вишневский еще только солдат, которого обманули. «Во имя чего война?» — спрашивал себя шестнадцатилетний паренек в начале 1917 года. В те дни над этим же вопросом задумывались миллионы солдат. Ясного понимания происходящего пока еще нет, но почва вспахана глубоко, на всю жизнь. Сознание юноши глубоко потрясено. Позже он рассказывает: «Я тогда не читал еще революционных листовок. Впервые прочел их в 1917 году. Многое объяснил мне старый большевик-царицынец тов. Генералов»[2].

---

[1] Из выступления на встрече с ленинградскими писателями и моряками Балтфлота 23 мая 1950 года. Запись Л. Поповой, выправленная Вс. Вишневским. Архив писателя.

[2] Там же.

Шестнадцатилетним юношей участвует Вишневский в февральской революции в Петрограде. В июне 1917 года он, по совету Генералова, пишет первое свое литературное произведение — солдатское письмо с фронта в «Правду», и с этого времени Вишневский навсегда связал свою судьбу с большевиками.

В дни Октябрьской революции Всеволод Вишневский уже боец-красногвардеец. Он участвует в октябрьском перевороте и тогда же выступает в составе сводного отряда революционного Петрограда против Керенского. В начале 1918 года Вишневский идет добровольцем на службу в Красный Флот — в Морской береговой отряд.

Одним из бойцов отряда Особого назначения Всеволод Вишневский сопровождает поезд советского правительства при переезде из Петрограда в Москву и состоит в охране Совнаркома в Москве. Здесь он неоднократно видит Ленина и Сталина. Облик великих вождей революции остается на всю жизнь в его памяти. Незабываемые впечатления через много лет помогают моряку, ставшему писателем, правдиво показать образы этих дорогих всем трудящимся великих людей.

В марте—апреле 1918 года в составе Особого отряда моряков он участвует в ликвидации организации московских анархистов. Этой же весной Вс. Вишневский участвует в подавлении контрреволюционного выступления кавалерийского полка в Нижнем-Новгороде.

В июне 1918 года по решению советского правительства был объявлен призыв добровольцев во вновь создаваемую Волжскую военную флотилию. В числе тех, кто попросил командование его туда направить, был и военный моряк Вс. Вишневский. Он был назначен пулеметчиком на флагманский корабль Волжской флотилии «Ваня-Коммунист». На этом боевом корабле Вс. Вишневский участвует в боях с белогвардейской флотилией.

До десятого сентября 1918 года Вс. Вишневский действует в боях с белыми у Свияжска, под Верхним Услоном, при взятии Казани и как разведчик и как пулеметчик. Позднее, в день гибели канонерской лодки «Ваня-Коммунист № 5» 1 октября у Пьяного Бора, Вс. Вишневский находился с десантом, подавившим на берегу вражескую батарею, обстреливавшую корабли Волжской флотилии.

В конце 1918 года, когда суда флотилии были уведены в затоны на зимний ремонт, Вишневский назначается пуле-

метчиком на один из бронепоездов. Отряд, а затем бригада бронепоездов прибыли на Украину. Первый бой приняли на станции Мерефа, затем перешли в наступление на станцию Лозовая и дальше в направлении Синельниково и Екатеринослава. Там был сформирован новый бронепоезд, «Грозный». Вишневский был зачислен в команду «Грозного» и участвовал в боях под Мелитополем, Акимовкой и т. д. Вскоре бронепоезд «Грозный» был переброшен на Западный фронт, с приказом поддержать дивизию Щорса, ведущую бои с петлюровцами и бандами «зеленых». В бою с бандой «зеленых» на станции Попельная Вишневский был ранен в щеку.

После ранения, оставаясь на бронепоезде, он участвует в ряде боевых операций под Киевом. Упорно отказывается лечь в госпиталь. Вскоре его назначают в следственную комиссию бригады морских бронепоездов.

Работа горячая, напряженная. Об этих днях Вс. Вишневский потом расскажет в своих записках, а позже в новеллах из цикла «Матросы».

Его участие в боях гражданской войны, постоянная готовность к борьбе, глубокое знание жизни моряков, партизан, коммунистов и беспартийных, постоянное общение с народом и беспредельная преданность делу коммунистической партии — вот источник романтических образов в драматурги Вс. Вишневского.

В боях за революцию выковывался стойкий характер человека, сумевшего впоследствии показать героические события эпохи 1917—1920 годов.

Работа в органах ЧК требовала не только проведения следствий, но и разъяснения значения дисциплины, революционного долга, — и Вс. Вишневский стал оратором. «Восемнадцати лет я был ходом вещей двинут на трибуну» [1].

Он выступает на митингах, собраниях, вербует новых моряков в Красную Армию.

Бригада бронепоездов принимает на себя удары вооруженных иностранными интервентами деникинских полчищ. Закипели бои с деникинцами, кадетами. Белые теснят. Опыт чекиста в период отступления Красной Армии под нажимом врагов помогает Вишневскому разоблачить активную агентурную работу

---

[1] Вс. Вишневский, Моя боевая служба 1917—1920 гг. Архив писателя.

Всеволод Вишневский в период службы на Волжской военной флотилии (1918 г.)

белых. Схваченный им белогвардейский агент рассказывает многое, раскрывает явки, пароли и т. д. Поняв, что обнаружен конец длинной нити контрреволюционного заговора, Вс. Вишневский идет в штаб 14-й армии с докладом и получает мандат и полномочия.

В пьесе «Незабываемый 1919-й»,— как бы перенеся свой личный опыт в обстановку Петрограда,— Вс. Вишневский покажет работу моряка-чекиста. В образе Шибаева много автобиографического.

30 августа 1919 года пал Киев, бронепоезда отошли на Гомель, Всеволод Вишневский отзывается в Москву и снова получает назначение в Волжскую военную флотилию, на корабль «Ваня-Коммунист № 9» в Саратов. Поздней осенью этого же года корабль возвращают в Нижний-Новгород. Вишневский рвется туда, где кипят бои. Формированием красной конницы партия подготовляет сокрушительные удары по врагу. «Пролетарий, на коня!» Я не кавалерист. Иду на бронепоезд «Коммунар». Берут охотно. Там есть уже наши... Судьбе угодно, чтобы мы попали в Первую Конную армию почти в начале удара Буденного на Деникина. В 20-х числах октября 1919 года мы ринулись с воодушевлением в бой... Мы буденновцы, но я не снимаю матросской фуражки...»[1]

Выполняя мудрый сталинский план разгрома Деникина, Первая Конная наступает как всесокрушающий ураган революции, как непобедимая народная сила, и в рядах ее на бронепоезде «Коммунар № 56» действует военный моряк Вс. Вишневский, совмещающий службу пулеметчика и разведчика.

Чем дальше продвигается Первая Конная армия на юг, тем сильнее ее удары. Рабочий класс Донбасса, беднейшее крестьянство Украины пополняют ряды буденновской конницы и пехоты. Форсирован Донец; при помощи шахтеров взят Лисичанск; затем на Дебальцево и через Донбасс — Первая Конная прорывается к Таганрогу и Ростову. Из Ростова — к Новочеркасску. Там Вишневский тяжело заболевает. Бронепоезд перебрасывают в Харьков, на Западный фронт. «Но, — вспоминает Вс. Вишневский, — в Харькове сдал, совсем не могу. Приходится итти в госпиталь»[2].

---

[1] Вс. Вишневский, Моя боевая служба 1917—1920 гг. Архив писателя.

[2] Там же.

В прозе Вс. Вишневского, среди уже упомянутого цикла «Матросы» есть яркий рассказ «Болезнь». Он автобиографичен и передает обстановку госпиталя того времени. Здесь Вишневский уже не юноша-доброволец, а уверенный в справедливости своего дела сознательный революционер.

В госпитале Вс. Вишневский заболел сыпняком. Много дней он боролся со смертью. Молодой крепкий организм не сдал. Едва встав на ноги, Вишневский выписывается из госпиталя и через Донбасс направляется к морю, в Новороссийск, стремясь получить назначение во флот. Но флот по приказу советского правительства потоплен черноморскими моряками еще в 1918 году. «...Меня назначили на моторные катера... Я командую флотилией, взятой нами у частновладельцев. Кустарное вооружение, сам себе организатор, тактик, администратор. В городе тревожно. Масса офицерства. В горах сигнализация»[1].

Во время своей службы в Новороссийске Вишневский участвует в боевых действиях против вражеского десанта. Активно работает в политотделе Обороны восточного сектора Черноморского и Азовского морей в должности заведующего партийно-просветительной частью. Читает лекции в партшколе. Одновременно работает и как сотрудник бюро интернациональной пропаганды агитпропа новороссийской партийной организации.

В своих дневниках Вс. Вишневский вспоминает: «...Направляю в Константинополь литературу для моряков союзной эскадры. Воззвания пишу сам, переводят спецы из местного ОНО с готовностью и страхом, а набирает и печатает один грек. Я просматриваю. Чего только я не делал! Организовывал секции нацменьшинств, оборудовал агиткабинеты, ездил в горы для разведки и агитации...»[2]

Весной 1921 года Вс. Вишневский избирается членом президиума Новороссийского совета рабочих, красноармейских и матросских депутатов.

Отношение Вс. Вишневского к большевистской пропаганде очень хорошо передаст одно из его писем к отцу, написанное 28 марта 1921 года: «Масса выросла, и мы соответственно с ней предъявляем к себе более серьезные требования. Уже не выходишь с готовой, пламенной, но трескучей речью, а делаешь

---

[1] Вс. Вишневский, Моя боевая служба 1917—1920 гг. Архив писателя.

[2] Там же

доклад, и его разбирают по косточкам, без аплодисментов. Ну я, кажется, в политработу ударился, извиняюсь...»

Здесь же, в Новороссийске, Вс. Вишневский делает свои первые шаги в драматургии.

Первая пьеса Всеволода Вишневского «Суд над кронштадтскими мятежниками» была сыграна в матросском клубе (текст ее не сохранился). По словам автора, он играл в ней роль мятежника. Спектакль начался в 8 часов вечера, а окончился в 4 часа утра. Инсценировка захватила и потрясла аудиторию.

Вс. Вишневского тяготит отсутствие настоящей боевой фронтовой работы. В письме к отцу он пишет:

«На войну с Польшей командование не пустило, отказали. Самовольно уехать не решился. Нужны люди здесь».

Ему становится известным, что из Новороссийска в тыл Врангелю готовится десант с задачей поднять восстание в Крыму. Партия направляла опытных организаторов-большевиков для работы в тылу у белых. Вишневский «знал, что что-то готовится против Врангеля, какие-то товарищи переправляются в Крым для работы в тылу у белых, но не мог найти к ним прямого хода» [1].

Подполье требовало строгой конспирации. После долгих настойчивых поисков Вс. Вишневский встретил матроса, который оказался руководителем одного из партизанских десантов. Этот матрос был Иван Дмитриевич Папанин. Вместе с десантом Папанина на небольшом судне «МИ № 17» Вс. Вишневский участвует в операции, связывается с партизанскими отрядами, действующими в тылу у Врангеля.

Двенадцать десантников с честью выполняют задание Центрального Комитета большевистской партии, — они организуют разрозненные отряды в партизанскую армию. Партизанские отряды стремительно рвутся от побережья на север, на соединение с красными частями, движущимися от Перекопа к Симферополю. В штабе повстанческой армии Вс. Вишневский вновь видит буденновские шлемы красноармейцев. Походу на десантных судах «МИ № 17», «Витязе» и «Гаджибее» посвящены яркие страницы в цикле рассказов «Матросы», а также историко-оперативное описание этой операции в специальных военных журналах.

---

[1] Вс. Вишневский, Моя боевая служба 1917—1920 гг. Архив писателя.

После разгрома Врангеля Вс. Вишневский снова возвращается в Новороссийск. Осенью 1921 года он в числе 600 моряков откомандирован в Балтийский флот.

Гражданская война закончена, наступают годы мирной жизни и усиленной учебы. Снова и снова возвращается Вишневский к истории России, ее флота и армии.

Вс. Вишневский изучает вооруженные силы возможных противников Советской России. Воюя уже семь лет, он многому научился у жизни, революционной борьбе—в первую очередь; но и в самое трудное время он не забывал об учебе теоретической. После окончания гражданской войны он поступает в школу сигнальщиков и рулевых в качестве инструктора-преподавателя, а затем ротного командира.

Стремление к литературе у молодого Вс. Вишневского постоянное. Он с четырнадцати лет ведет записи, дневники. На фронте первой мировой войны делает острые зарисовки, в которых можно увидеть зародыши тем и сюжетов, которые, созрев гораздо позже, через двадцать лет, воплотятся в художественные образы героев его пьес, киносценариев, циклов рассказов.

Готовя себя к научной работе, он изучает немецкий, французский и английский языки. «Тянуло тогда писать, учиться, заниматься», — вспоминает об этом времени в одном из своих последних писем Всеволод Вишневский.

Эта тяга к знаниям приводит его к науке, к исследовательской военной литературе. И все же, прежде чем войти в художественную литературу, ему предстоит еще почти целое десятилетие упорных исканий, раздумий, большой работы.

II

Вишневский начал печататься впервые во время гражданской войны. В 1920—1921 годы его первые статьи были помещены в газете «Красное Черноморье» (редактор Ф. Гладков) под псевдонимом «Черноморский Норд-Ост» и «Неугомонный В.». Под этим же псевдонимом печатаются его первые статьи в газете «Красный Балтийский флот».

Вс. Вишневского все больше привлекает работа в печати. Осенью 1922 года Вс. Вишневский участвует в организации литературного объединения «Балтфлот». Вскоре он переведен в ре-

дакцию газеты «Красный Балтийский флот». В это время он пробует писать прозу. Первые его рассказы еще сугубо описательны. Их можно скорее назвать рассказами-очерками из краснофлотской жизни. Но в них уже чувствуются упорные поиски сильной, впечатляющей формы. Вчитываясь в них, мы уже ощущаем стремление талантливого писателя к созданию революционного искусства. Однако преодоление первичного натуралистического видения жизни не всегда ему удается. В этих рассказах еще неровно, не всегда последовательно, но уже намечается почерк будущего писателя. Так, в «Синем якоре» он пишет: «Мы свободны, как море, сильны, как орлы, и идеи наши как солнце...» В его первых очерках о походе в тыл Врангеля звучит южная морская речь. Вишневский еще слишком увлекается говорами, не всегда умея отбирать словесный материал. Но уже можно заметить, как он вдруг переходит к сдержанной, скупой, выразительной фразе,— первый признак растущего литературного мастерства. В трогательном рассказе «Вспомните получше», величиной в одну страничку на машинке, мы уже узнаем эпизод с оркестром в сценарии «Мы из Кронштадта».

Все больше и больше увлекаясь историей и военной наукой, Вишневский в 20—30-х годах написал для Военно-морской академии ряд статей об английском и финском флотах: «Командный состав английского флота», «Личный состав финского флота» и другие. Эти труды были приняты как учебное пособие: большинство из них печаталось в «Морском сборнике» и издавалось отдельными брошюрами.

В этот период Вс. Вишневским написаны, но не опубликованы мемуары-дневники фронтовых действий в годы империалистической войны. В украинской прессе были напечатаны его письма с фронта о Волжской военной флотилии и о бригаде бронепоездов Южного фронта.

Первые беллетристические произведения Вишневского появились в литературном флотском альманахе «Алые вымпела». Заграничный поход «Океана», в котором участвовал Вишневский, также нашел свое отражение в его творчестве. В журнале «Молодая гвардия» был опубликован дневник Всеволода Вишневского «Плавание на «Океане». В 1924 году выходит его «Сборник морских рассказов» (о гражданской войне) в серии книг «За власть Советов». В 1925 году — второй сборник рассказов об империалистической и гражданской войне «Между смертями».

В этих двух сборниках Вс. Вишневский часто возвращается к тематике своих заметок девятнадцатилетнего «Норд-Оста» и «Неугомонного В.». Но сейчас темы взяты шире, творческий почерк становится увереннее, взгляды писателя глубже. Вообще последовательное развитие и совершенствование одной и той же темы характерная черта творческого метода Вишневского. Он не просто повторяет полюбившуюся ему тему, характер, конфликт, не только увеличивает охват событий, но вновь и вновь,— и, главное, под иным творческим ракурсом,—рассматривает глубоко заинтересовавший его жизненный факт, явление. Он каждый раз воспроизводит эту тему в другом творческом ключе, находя ей иную, более совершенную форму. Так, например, тема помещенных в сборнике «Морские рассказы» зарисовок: «К белым в подполье», «Красные моряки в тылу у Врангеля», по-новому и уже полным голосом прозвучит в рассказе 1930 года «Песнь братьям моим, матросам-коммунарам». Написанный в 1923 году эпизод «Как дрались балтийцы» возрождается в 1930 году в рассказе «Гибель Кронштадтского полка», а он, в свою очередь, получит более завершенное звучание в «Оптимистической трагедии». Первый из них можно назвать лишь мелодической фразой, второй — мелодией, разработанной уже как самостоятельная песня, а затем уже следует полное творческое исчерпание темы. Но интересно то, что богатство мелодии, видимо, было столь велико и душа художника так заполнена ею, что отголоски ее звучат и в киносценарии «Мы из Кронштадта». Таких примеров в творчестве Вс. Вишневского много. Очевидно, наиболее сильно пережитое за эти тяжкие годы двух войн не только глубоко врезалось в память писателя, но и приобрело такую стойкость, что его творческое воображение требовало полного и самого совершенного выражения юношеских впечатлений. Он вновь и вновь возвращался к взволновавшей его теме и развивал ее в разных жанрах литературы. Все, что пишет Вишневский, посвящено оборонной теме.

Попутно с художественными книгами Вишневский создает политические брошюры: «Буржуазия вооружается на море», «Нам нужен морской военный флот», «Помни о Красном флоте всегда». В журнале «Красный флот» в эти годы регулярно печатаются статьи и очерки Всеволода Вишневского. В 1927 году, к десятилетию Октября, издана книга Вишневского «Эпизоды борьбы Красного Морского Флота». Книга эта одобрена жюри Воен-

но-литературного Всесоюзного конкурса. Кроме этого, в журнале «Морской сборник» был напечатан ряд статей и исследований Вишневского. С 1926 по 1928 год Вс. Вишневский — сначала член редколлегии, затем ответственный редактор журнала «Красный флот», с 1929 года работает в редакции «Морского сборника».

В 1927 году приказом Реввоенсовета СССР Вс. Вишневского зачисляют в штат Военно-Морской академии. В эти же годы он работает редактором массового журнала «Краснофлотец» и радиогазеты «Красный моряк». В Военно-Морской академии Вишневский вел специальный курс «Работа печати в военное время».

Как видно из вышеперечисленных некоторых трудов Всеволода Вишневского, он выступает как публицист, журналист, научный работник, военный историк и исследователь, не порывающий практической связи с флотом. Он уже много пишет, печатается, но находится в строю, в плаваниях и на командирской работе. Пытливо и упорно возвращается он к опыту гражданской войны, не забывает о более далеком прошлом, но помнит о будущем и упорно работает на него: «...В пору 1927—28—29 гг. я максимально развертывался: читал лекции в Морской академии, вел несколько журналов... Писал для себя, писал по конкурсам. Это был период накопления, канун выхода в большую литературу»[1].

Деятельность драматурга и кинодраматурга писатель не считал своей единственной профессией. В автобиографии (1939) он пишет, что создавал произведения «Красный флот в песнях», «Первая Конная», «Последний решительный», «На Западе бой», «Оптимистическая трагедия», «Мы из Кронштадта» и как литератор и как военно-исторический работник.

Вс. Вишневский пишет (в декабре 1944 года): «...Все яснее определяю свою функцию — звать, будить, напоминать... я ведь не узкий литератор-профессионал...»[2]

Первые два своих драматических произведения (не считая не сохранившегося «Суда над кронштадтскими мятежниками») он написал по заданию. В 1929 году для ансамбля красноармейской песни и пляски (нынешний ансамбль имени профессора Александрова) Вс. Вишневский пишет ораторию «Красный флот в песнях». На фоне дореволюционных и революционных песен

---

[1] Из письма к Ю. Осносу, 1950 г.
[2] Из письма к О. Матюшиной.

о русском флоте дан сильный публицистический дикторский текст. «Красный флот в песнях» был поставлен и исполнялся многие годы. В этом своем первом драматургическом произведении Вс. Вишневский вводит двух ведущих.

Сразу же после окончания оратории «Красный флот в песнях» Театр Красной Армии заказывает Вс. Вишневскому пьесу о Первой Конной армии. Построение пьесы по эпизодам было предложено автору театром из соображений мобильности спектакля, необходимости играть его на открытом воздухе, в походах и т. д.

Итак, пьеса была написана автором по прямому заданию театра. Но было задание более высокое—это долг перед своей совестью и перед памятью товарищей—героев гражданской войны.

В пьесу вошли эпизоды из некоторых ранее написанных им рассказов: «В тисках произвола», «Вместе с буденновцами» и другие.

Спектаклем «Первая Конная» был открыт Театр Красной Армии. «Первая Конная» прочно заняла свое место в репертуаре советского театра.

Высокий накал революционных чувств, острота социального конфликта, темперамент автора, сила его убеждения, яркие характеры действующих лиц — хотя и данные в большинстве своем эпизодически — взволнованность драматического повествования пленили зрителя. Все говорило о том, что в советскую драматургию пришел большой талант. «Первая Конная» была крупной вехой не только в советской драматургии, но и в истории советского театра. Появление ее вызвало горячие споры в искусстве.

Некоторые театральные критики и рецензенты гадали — в чем «метод» Вишневского? Одни утверждали — дерзкий новатор; другие доказывали — ревностный последователь Софокла; но им и в голову не приходило, что это просто настоящий бывалый солдат первой мировой войны,—он же военный моряк, он же конармеец, прошедший сквозь войны и революцию,— выводит на сцену героев, шагнувших прямо из жизни на театральные подмостки красноармейского театра; что Вишневский выступает за то же дело, которому он отдал всю страсть юных лет, но выступает теперь в роли драматурга советского театра. Рецензентам формалистического толка это было непонятно, так как они подходили к явлениям искусства с готовыми стандартными мерками. Но зрители поняли и признали пьесу.

Маршал Советского Союза С. М. Буденный так оценил значение этой пьесы: «Мне хочется указать на то, что только пулеметчик Вишневский, боец Первой Конной, один из могучего коллектива ее героев, смог создать эту вещь — нашу вещь — конармейскую. Без выдумки, без прикрас, без ложного пафоса боец рассказал о бойцах, герой — о героях, конармеец — о конармейцах. Воспитанный Конармией, Вишневский говорит ее словами, мыслит ее мыслями. Он берет материал от самой жизни, широко используя документы, воссоздавая подлинные события, вводя в действие подлинных людей» [1].

Пьесу Вс. Вишневского «Первая Конная» горячо одобрили М. Горький, Вл. Маяковский и многие другие мастера искусства и литературы.

Всеобщее признание, которое получила «Первая Конная» у советского зрителя, было вызвано яркостью таланта автора и смелостью изображения действительности. Хорошо зная военную историю, обладая дневниками и личными впечатлениями о гражданской войне, Вс. Вишневский-художник свободно и критически распоряжается этими материалами.

Будучи новатором драматургической формы, автор отказался от канонического построения сюжета, а в самом главном — в характерах — пошел по пути типизации, по пути предельных обобщений, то есть в методе остался верен принципам реализма. В основных противоречиях, отражавших расстановку враждебных сил,— в социальном конфликте, послужившем основой для драмы, Вишневский поднялся до создания обобщенного образа русского солдата Ивана Сысоева. Острейший конфликт Сысоева и офицера (хотя и отнюдь не главный) достигал необычайного воздействия.

Многие драматурги и до Вс. Вишневского и после него (особенно кинодраматурги) стремились решить проблему прямой авторской речи. Прямая речь актера—монолог, обращенный непосредственно к публике, прием классической драматургии, не мог удовлетворить Вс. Вишневского. Но чем же заполнить недостающее, не поддающееся средствам сценического действия и диалога?

Пожалуй, только ему удалось найти свою форму прямой речи, обращенной к зрителю. Он шел не от книжной публицистики, а от живой ораторской речи, такой знакомой, близкой и выверенной им на трибуне еще в годы гражданской войны. Так

[1] Настоящее собр. соч., т. 1, стр. 83.

шагнул на сцену театра его ведущий — «наша совесть, наша память, наше сознание, наше сердце».

Вс. Вишневский не признавал дурного штампа, которым пользовались некоторые драматурги, писавшие «новые слова на старую музыку». Стремясь вынести на театральные подмостки историю Первой Конной, он спрашивал себя: «...почему столько бездействующих статистов в наших военных пьесах?.. Почему нарушается закономерность соотношения «я» и коллектива?»

И Всеволод Вишневский вводит в пьесу своего подлинного героя — яркую и запоминающуюся «массу разноликую». В силу этого авторского «самозадания» — дать большой действенный людской поток — отдельные образы в этой массе иногда лишены глубокого внутреннего раскрытия. В этом, пожалуй, и есть, по собственному выражению Вс. Вишневского, «слабина» «Первой Конной».

Через девять лет Вс. Вишневский вернется к теме Первой Конной армии и создаст о ней киносценарий «В 1920 году» (страницы из истории «Первой Конной»).

На этом примере особенно ярко виден тот путь, которым шел Вишневский к созданию своих лучших произведений. А о том, что краснофлотец и конармеец Вс. Вишневский в литературе не искал себе «путь, чтобы протоптанней и легче» (Маяковский), — говорят все его дальнейшие поиски в драматургии.

Вс. Вишневский с присущей ему страстностью боролся против неправильных, а иногда и враждебных, нападок формалистической критики. Он упорно отстаивал свое право показывать ярчайшие явления революционной борьбы, свое право на поиски формы, адекватной новому содержанию.

После «Первой Конной» путь творческих исканий привел Вс. Вишневского к созданию «Оптимистической трагедии».

Вишневский не обольщался успехом «Первой Конной». Он не бросил занятий историка, исследователя. В 1930 году вышла его книга о походе отряда кораблей из Кронштадта в Севастополь—«Через океан и шесть морей». Но возможности такой большой трибуны, какой являлся советский театр, уже вновь властно влекли его к себе. Осенью 1930 года Вишневский пишет пьесу «Последний решительный».

Тематически пьеса посвящена будущей войне. К ее созданию Вишневский шел уже более уверенно. Автор так раскрывает возникновение замысла пьесы:

«Все пьесы родились в Питере. Внешним толчком бывала чаще всего музыка или ассоциативный ход. Проходила колонна моряков вечером и пела. Я смотрел на этих людей и подумал: вот так в бой ходило наше поколение и, вероятно, пойдут в будущем. Примерно так родился «Последний решительный», мысль пришла: «а если нас, двадцать человек, отрежут... Будем в сторожке сидеть, отстреливаться и, может быть, по радио подслушивать мир. И будет радио передавать что-нибудь с Запада или тоску какую-нибудь неподходящую...»[1]

Позже, в 1950 году, в одном из писем Вс. Вишневский так характеризует эту пьесу:

«Я ясно представлял себе приближение войны. Будоражили вести ДВ[2]. Я написал сложную, полемическую, задиристую вещь о близкой войне... В печати 1931 года вы найдете споры о ней».

Эта пьеса поражает сейчас не своим сюжетом, а той прозорливостью, которую проявил автор, пытаясь показать поведение советского народа в будущей войне.

Острый социальный конфликт лежит в основе пьесы. Этот конфликт автор перенес и в среду искусства, включив попутно борьбу с оперной «вампукой». Вместо того чтобы написать статью на полемическую тему об опере, медленнее, чем ему хотелось бы, обращающейся к советской теме, он включил полемику со старыми формами оперного искусства в фабулу пьесы.

Этот сюжетный ход был вызван самим возникновением пьесы. Известно, что первый авторский замысел оформился как либретто оперы. Этим и объясняется появление пролога с «полемикой» в «Последнем решительном». Оставшись в последнем варианте, эта побочная линия нарушила стройное развитие сюжета.

Но для нас сейчас является важным не этот факт. Проблема действенности советского искусства,—а эту действенность писатель видел в идейности и правдивости,—так всецело захватила его кипучую натуру, что он перенес полемику в свое творчество. Не думаем, чтобы он не понимал того, что эта полемика, имеющая преходящее значение, снижает художественные достоинства самой пьесы или, во всяком случае, делает ее пьесой более ближнего прицела. Но, видимо, дальнего прицела он

---

[1] Вс. Вишневский, Оптимистическая трагедия, ГИХЛ, 1933, статья «Автор о трагедии», стр. 87.

[2] Дальнего Востока.

в данном случае и не добивался. В следующих своих произведениях он покажет свои возможности в области большой социальной драматургии. А тут он действовал накоротке, броском, «гранатой» и — соответственно поставленной себе задаче — выбрал литературное оружие.

Мобилизующее значение пьесы «Последний решительный» было велико. Критически воспринимая пьесу, мы должны ясно видеть, что в основе ее лежит патриотическая идея, преданность социалистическому отечеству, готовность отдать за него, если понадобится, жизнь.

В выступлениях и статьях Вс. Вишневского читатель найдет отголоски развернувшейся тогда в литературе борьбы. «Новый материал требует новых изобразительных средств», — утверждал Вишневский в 30-х годах. Он язвительно говорил о том, что ему глубоко чужды рапповские спектакли с потолками и стенами, которые «оклеены театральным документом РАПП».

Решение партии о ликвидации РАППа и создание единого Союза советских писателей внесло ясность во все творческие и организационные вопросы литературы. Вишневский становится одним из страстных проводников линии партии в литературе. Он неустанно работает творчески, выступает как агитатор и публицист, борется за боевую большевистскую теорию литературы. Он возглавляет комиссию по оборонной литературе, активно участвует в подготовке Первого Всесоюзного съезда писателей СССР.

Вс. Вишневский вошел в советскую литературу через несколько лет после появления «Чапаева» Д. Фурманова, «Разгрома» А. Фадеева. Он развивался и рос творчески вместе с такими писателями, как Н. Островский, А. Гайдар, А. Афиногенов. Росли его творческие связи со всеми советскими писателями, которые, так же как и он, всю силу своего таланта поставили на службу революции.

Оставаясь на военной службе, Вс. Вишневский в это время становится все больше и больше профессиональным литератором и участвует в организации литературного объединения Красной Армии и Флота — ЛОКАФ. Тогда же создается и журнал «ЛОКАФ», будущий журнал «Знамя». Вишневский активно работает в журнале в качестве члена редколлегии.

В Европе идет наступление германского фашизма. Классовая борьба в Германии обостряется еще до прихода к власти

Гитлера. Чуткий к изменениям в классовой расстановке сил на мировой арене и к нарастающей угрозе войны, Вишневский в 1931 году пишет пьесу «На Западе бой».

Эту пьесу в 1950 году сам автор охарактеризовал так: «Германией я занимался с детства. Знаю язык. В революционную пору 18 г. вел пропаганду среди немецких пленных. Затем писал о Германии, о германском флоте и так далее. Много читал о Германии. В 1931—32 гг. я занимался данной пьесой. Да, это первая советская пьеса против фашизма... Вся пьеса построена на моих впечатлениях от встреч с немцами в Ленинграде (в порту, в интерклубе и пр.), от чтения новой нашей литературы и пр. Моске — от Носке: я читал его мемуары и увидел с. д.[1] — палача... Хотел заклеймить такового. Когда писал пьесу, беседовал в Москве с немецкими товарищами. Они делали перевод пьесы на немецкий язык. Помогли мне некоторыми советами... Сюжет я придумал, представив себе опыт наших промышленных и торговых представителей за границей...»[2]

Через год, в 1932 году, Вишневский создает одно из своих самых значительных произведений — «Оптимистическую трагедию». Это первая его пьеса со строго очерченной драматургической фабулой.

К теме «Оптимистической трагедии» Вишневский шел многие годы. Накапливая впечатления и в процессе работы возвращаясь к самым ранним юношеским воспоминаниям, он пробовал, варьировал, искал, нащупывал сюжетные ходы, жанр, стиль, манеру письма.

Вишневский вспоминает: «Был огромный эмоциональный толчок, который заставил думать: как люди будут себя держать в опасности и что такое для нас смерть? Почему в некоторых пьесах *говорится* о страхе и не показано наше бесстрашие? Отсюда сложнейший ход мысли, отсюда сложнейшие поиски, изучение материала *на месте*, изучение литературы, выборки, учет того, что говорила критика, что можно ждать и что можно требовать...»[3]

В «Оптимистической трагедии» со все большей отчетливостью вырисовывается одна из особенностей писательского труда

---

[1] Социал-демократического.

[2] Из письма к Ю. Осносу, 14 мая 1950 г.

[3] Вс. Вишневский, Оптимистическая трагедия, ГИХЛ, 1933, статья «Автор о трагедии», стр, 87.

Вс. Вишневского, получающая в дальнейшем все большее развитие. Эта особенность — в глубоком понимании истории, в знании истории вооруженных сил России и особенно ее флота.

Через семнадцать лет Вс. Вишневский охарактеризовал «Оптимистическую трагедию» как «...суммированные впечатления из истории ряда морских отрядов. Все они проходили период анархокомитетчины. С конца 1918 года ввели мы комиссарское начало... Затем в 1919 г. еще более строгие начала регулярности. Таким образом тут — в пьесе — слиты дела многих отрядов 18 и 19 годов... Были боевые женщины-комиссары. Я дал для контраста именно тип молодой партийки. Суть — в уме и воле. Типы анархистов — из моих наблюдений... Конструкция вещи от классической драматургии...»[1]

Сюжет превращения партизанского полуанархического отряда моряков в полк регулярной Красной Армии взят из жизни. Пьеса написана на важную тему строительства вооруженных сил советской республики.

На VIII съезде РКП(б) товарищ Сталин говорил:

«...Либо создадим настоящую рабоче-крестьянскую, строго дисциплинированную регулярную армию и защитим Республику, либо мы этого не сделаем и тогда дело будет загублено»[2].

Проводить в стране, на фронтах, в отрядах эти исторические решения VIII съезда партии и были призваны представители партии — комиссары.

Таков исторический материал, взятый писателем из жизни для воплощения в трагедии.

Женщина-комиссар, только что прибывшая в отряд, обнаруживает в нем группу анархистов во главе с Вожаком и Сиплым. Командиром полка, в который переформировывается отряд, назначен военспец, бывший кадровый офицер флота. Опираясь на нескольких коммунистов и здоровую, но терроризированную Вожаком массу моряков, комиссар начинает чистку полка.

Историчность метода писателя сказалась не только в выборе основной линии сюжета. Автор мастерски пользуется историческими сравнениями, достигая этим яркого, выразительного, бьющего в цель диалога.

В нескольких репликах вырастает образ морского офицера, ставившего выше всего дисциплину во флоте, офицера, свято соб-

---

[1] Из письма к Ю. Осносу, 1950 г.

[2] И. В. Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 250.

людавшего флотские традиции и приветствовавшего установление воинской дисциплины представителями партии — комиссарами.

Так художник рисует характеры людей, их идеалы, их линию поведения.

Начиная с первой драмы Вс. Вишневского, в подавляющем большинстве его произведений мы находим блестящие примеры той историчности, которая усиливает, делает более явной и объяснимой в сравнении, в сопоставлении с прошлым живые, находящиеся в беспрерывном развитии явления современности.

В радиоречах, систематически произносимых в осажденном Ленинграде, он часто обращался к истории. В этих выступлениях история русского народа, ее поучительные факты звучали в самые трудные дни войны как призыв к победе.

А. М. Горький писал об умении видеть настоящее глазами будущего, как о качестве, необходимом советскому писателю. Вишневский обладал этим даром в такой степени, что и прошлое и настоящее в его произведениях, и особенно в его литературных выступлениях, в дневниковых записях, освещались этими зарницами будущего. И именно это качество очень сближало творческую линию и литературную практику Вс. Вишневского с линией и практикой Вл. Маяковского.

Не пытаясь устанавливать прямого тождества, нельзя в то же время не провести ряд бросающихся в глаза параллелей, обнаруживающих близость творчества Вл. Маяковского и Вс. Вишневского.

Признаков, роднящих Вс. Вишневского с Вл. Маяковским, немало. Наиболее существенные: романтическая приподнятость стиля, гипербола как излюбленный литературный прием, усиливающий агитационную сторону художественного воздействия; вторжение в жизнь — любовь к трибуне; разговор с будущим и — самое главное — высокая революционность, чистота идеи, беспредельная любовь к родине— России, ненависть к капитализму. Развивая эту мысль, можно найти многие примеры сходства в творчестве обоих писателей.

Маяковскому не довелось видеть пьес Вишневского на сцене. Он успел ознакомиться лишь с «Первой Конной» и, по свидетельству Л. Брик, говорил, что «Первая Конная»—продолжение его линии в драматургии и театре.

Вишневский говорил о своей любви к Маяковскому: «Мне жизнь не дала творческого общения с Маяковским, но он шел

близко, рядом. Я перечитывал его в 1931 году и ощущал это до потрясения»[1]. С таким же волнением Вс. Вишневский перечитывал Вл. Маяковского в годы Великой Отечественной войны, о чем он неоднократно пишет в военных дневниках.

Сравнивая Вл. Маяковского с некоторыми его современниками (речь шла о Бальмонте, Хлебникове, Пастернаке), Вишневский заявляет: «...остался в воздухе, в жизни, в революции — лишь Маяковский, обожавший всяческую жизнь, шагавший по миру, ругавшийся, работавший, всюду лезший».

Конечно, можно найти и множество различий в творческом пути, в биографиях обоих писателей. Но твердый шаг, каким шли они, но жизнь, какую они воспевали, идеалы, которые оба отражали, светлое будущее, за которое боролись и о котором писали, — безусловно объединяет их и позволяет назвать их творческими соратниками, возглавившими первые ряды советской литературы.

III

Вс. Вишневский не был маринистом в обычном понимании этого слова. Действие его пьес, сценариев проходит в большинстве случаев на суше. Герои его произведений в прозе и драматургии, в том числе и в «Оптимистической трагедии», — революционные матросы на бронепоездах, в десантах, в морской пехоте. Здесь сказались и автобиографические черты самого Вишневского. Ведь он сам был бойцом морской пехоты.

Показа наиболее высокой степени взаимодействия флота и сухопутных вооруженных сил, матросов и пехоты Вс. Вишневский добивается в следующем своем крупном произведении «Мы из Кронштадта». В нем он достиг наиболее гармоничного сочетания главной и второстепенной тем, завершив ряд сложных исканий в области создания художественных образов и характеров.

Но прежде чем охарактеризовать этот новый этап творчества писателя, необходимо дать краткую характеристику работы Вс. Вишневского над прозой. В ней наиболее полно сказалось развитие темы Красного Флота.

В 30-е годы, отходя постепенно от военно-научной деятельности, Вишневский много работает над прозой, хотя и мало ее публикует. Им написан и частично опубликован в журналах «Залп» и «Красная новь» цикл рассказов о гражданской войне:

[1] Из письма к Вс. Азарову, 1950 г.

«Матросы», «Песнь братьям моим, матросам-коммунарам», «Бронепоезд «Спартак», «Похороны» и другие. Эти рассказы — почти воспоминания. Автобиографичны рассказы «Болезнь», «Взятие Акимовки» и согретая юмором новелла о маленьком десанте организаторов повстанческого движения в тылу Врангеля. В последней Вишневский рисует подвиги действительных героев этого похода.

В прозе Вишневский, так же как и в драматургии, выступает и как историк и как публицист. Запах Черноморья, его характеры, грубовато-ласковые слова, удивительно точно подслушанный южный говор, все выразительные средства, которыми пользуется автор, передают события и чувства людей в конденсированном виде.

Горячие чувства революционной романтики, неудержимая воля к победе переданы писателем выпукло и образно.

Незавершенной осталась эпопея Вс. Вишневского «Война». 7 ноября 1931 года он писал в «Литературной газете» о том, что в ней он покажет Россию 1912—1917 годов, ее пути.

Этому и посвящены главы «Войны». В них, в отличие от «Матросов», нет ярко выписанных характеров главных действующих лиц, нет упругого действенного диалога, но даны широкие картины жизни, глубокая характеристика дореволюционной России.

С 1932 по 1935 год Вишневский работает над авторизованным переводом пьес немецкого драматурга антифашиста Фридриха Вольфа, посвященных восстанию матросов («Матросы из Каттаро»), рабочему восстанию в Вене («Флорисдорф»), трагедии немецкого крестьянина («Христианин Бетц»). Эти пьесы шли на советской сцене, издавались с предисловиями Вс. Вишневского. Он придавал большое значение этой работе, так как события, происходившие в то время на Западе, не могли не волновать советских людей. Эти исторические события, приведшие вскоре к возникновению второй мировой войны, требовали от Вишневского немедленного творческого отклика.

IV

1933 год принес Вишневскому новую творческую победу — им написан сценарий «Мы из Кронштадта».

В этом произведении Вс. Вишневский окончательно приходит к социалистическому реализму. Образы, созданные худож-

ником, отличаются еще большей жизненной правдой; характеры даны в движении, действие развертывается стремительно, и в то же время оно обосновано исторической расстановкой классовых сил.

Тема партии, тема большевика-комиссара, поднятая Вишневским в «Оптимистической трагедии», находит свое дальнейшее художественное развитие в образе комиссара Мартынова, одного из главных героев «Мы из Кронштадта». Сила воздействия на читателя и зрителя фильма «Мы из Кронштадта» свидетельствует о том, что творческий стиль Вишневского, сохраняя свои особенности, становится выразительнее, непрерывно растет мастерство.

Вишневский пришел в кинематографию, так же как и в театр, уверенным шагом. Его влекли широкие возможности «самого важного для нас из искусств — кино». Театральные подмостки во многом ограничивали эпический талант драматурга. Военная тема, которой он посвятил свое творчество, требовала более широкого охвата событий, средств более мобильных, маневренных и массовых. Кинематография давно привлекала внимание талантливого драматурга.

В статье «Как создавался фильм «Мы из Кронштадта» автор сценария подробно раскрывает творческий процесс и историю создания этого замечательного кинофильма.

Яркому дарованию писателя пришлось встретиться с предубеждением тогдашних руководителей кинематографии, заморозивших на два года постановку фильма.

В июле 1934 года благодаря вмешательству товарища К. Е. Ворошилова были устранены все препятствия. Творческому коллективу в составе автора, режиссера, актеров была дана возможность приступить к немедленному осуществлению постановки «Мы из Кронштадта».

Фильм «Мы из Кронштадта» был выпущен на экраны вскоре после крупнейшей победы советского кинематографа — появления «Чапаева». Это почти одновременное появление двух фильмов, таких близких по идее и теме и таких различных по жанрам, по творческому стилю и выбору средств художественного воздействия, служило и служит доказательством богатства советской литературы и киноискусства, могущих свободно, в разных творческих манерах создавать яркие произведения, доступные широким массам советского народа и трудящимся зарубежных стран.

Кинофильм «Мы из Кронштадта» сразу завоевал горячие симпатии советских зрителей. «Правда» писала о нем:

«Мы из Кронштадта»—фильм о моряках. Но в нем с замечательным умением, с большой любовью показана вся Красная Армия, ее рабочие полки, в особенности ее командиры... Этот фильм является блестящей живой иллюстрацией к словам товарища Сталина о красных моряках в дни борьбы за Петроград: «Балтийские матросы вновь нашли себя, оживив в своих подвигах лучшие традиции русского революционного флота». Никакими беглыми заметками нельзя исчерпать художественную силу и непередаваемое впечатление фильма. Советская кинематография, все наше искусство по праву гордятся «Чапаевым». Они могут с таким же правом гордиться своей новой победой... Во всем фильме ясно чувствуется стиль, темперамент и масштаб Вишневского...»[1]

Советское киноискусство еще со времен появления «Броненосца Потемкина» завоевало мировое первенство своей идейностью, правдивостью, высоким художественным уровнем. Фильм Вс. Вишневского и Е. Дзигана вскоре после выхода на советский экран обошел все кинотеатры земного шара. Развевающиеся на морском ветру ленточки бескозырок русского революционного флота и папахи пехотинцев появились в Париже, в Мексико-Сити, в Монтевидео, на Пикадилли в Лондоне, на Бродвее в Нью-Йорке. Героические советские моряки показали трудящимся капиталистических стран яркие и поучительные примеры революционной борьбы, рассказали правду о том, как сражался за свою родину русский народ. Признание достоинств картины, яркого художественного воздействия фильма, огромного значения советского искусства было всемирным.

Орган французской компартии «Юманите» писал в номере от 27 мая 1936 года: «Мы из Кронштадта»— один из самых замечательных фильмов, сделанных до сих пор в СССР. Это произведение достигает высшего совершенства фильмов этого типа. Все обычно павильонные постановки были заменены воспроизведением событий».

Значение фильма, его влияние вышли далеко за рамки явлений искусства.

Как только грянули события в Испании, фильму суждено

[1] «Правда», 3 марта 1936 г.

было сыграть там знаменательную и исключительную роль. Фильм русских художников Вс. Вишневского и Е. Дзигана прогрохотал по всем экранам революционной Испании. Он оказал своевременную идейную помощь народу, сражавшемуся за свободу и независимость. Революционный народ пылающей Испании увидел в фильмах «Мы из Кронштадта» и «Чапаев» достойный пример для себя. При помощи русской советской кинематографии он учился у русского народа революционной борьбе. На экранах сражавшейся Испании фильм стал не просто ярким зрелищем, волнующим произведением искусства. Он врывался в жизнь, он участвовал в революционной борьбе, звал, будил, учил и вдохновлял. «Вчера огромный зал кино «Монументаль» был снова полон. Снова демонстрировался советский фильм «Мы из Кронштадта». На этот раз здесь собрались тысячи мадридских коммунистов. По окончании сеанса на трибуну поднялся генеральный секретарь Испанской компартии. Он произнес речь...»[1]

Газеты сообщали, что по фильму «Мы из Кронштадта» испанские республиканские бойцы учились, как бороться с танками Гитлера и Муссолини. Авторы фильма, в ответ на сообщения о демонстрациях фильма на фронтах революционной Испании, писали: «Братья и товарищи! Телеграф принес нам весть, что наш фильм «Мы из Кронштадта» пришел к вам в разгар боев за свободу Испании. Мы прочли ваши отзывы. Спасибо! Сердца наши полны боевой радостью. То, что наш фильм действует, как оружие в боях за Мадрид — высокая нам награда...»[2]

Кинематограф поднял талант Всеволода Вишневского, дал ему возможность развернуть свое яркое дарование, дал простор творческому темпераменту писателя.

В 1936 году Всеволод Вишневский едет вместе с постановщиком фильма режиссером Е. Дзиганом за границу. Он присутствует в Праге и Париже на премьерах «Мы из Кронштадта». Видит тот «Запад», о котором много думал и много писал. Встречается там с зарубежными коммунистами, знакомится с партийной и рабочей жизнью Чехословакии, Франции, Англии; изучает жизнь и быт капиталистического мира; впервые (в Италии) он непосредственно наблюдает за фашистскими «нравами». Как результат поездки в журнале «Знамя» печа-

---

[1] «Правда», 24 октября 1936 г.
[2] Там же.

таются очерки Вс. Вишневского: «По Европе (из путевого дневника)».

Первого января 1937 года правительство наградило за фильм «Мы из Кронштадта» автора сценария Вс. Вишневского и режиссера Е. Дзигана орденами Ленина.

Летом 1937 года Вс. Вишневский в составе делегации писателей СССР едет в Париж и в Испанию на Всемирный конгресс писателей-антифашистов. В революционной Испании Вишневского знает каждый боец по фильму «Мы из Кронштадта» и по «Оптимистической трагедии». Советского писателя, автора этих замечательных произведений, ставших родными далекой Испании, горячо приветствуют республиканцы. Где бы он ни появлялся — на мадридской трибуне, в окопах Карабанчеля, в маленькой вилле Долорес Ибаррури, всегда его трогательно встречают, как друга.

Революционная Испания глубоко потрясла советского писателя. Ему вспомнилась юность, гражданская война,—и Вс. Вишневский пошел с испанскими бойцами на передовые позиции.

«...В Испании насмотрелся, навоевался, в смысле психологических ощущений. Видел много, остро. Был в окопах, на наблюдательных пунктах и проч. Наиболее замечательно: пехотная цепь под палящим солнцем — это цепь из «Мы из Кронштадта»... Шли хорошо, и я шел, был в самом прорыве на Брунетте... Захватили местечко... Был в каком-то сложном переплете: воспоминаний, наблюдений и действия...»[1]

Через год Вишневский написал сценарий и дикторский текст к документальному фильму «Испания». (Режиссер — Э. Шуб.) Этот фильм с успехом обошел все экраны Советского Союза. Но впечатления, полученные писателем в Испании, отразились на творчестве Вс. Вишневского не только прямым образом. Творческая реакция была гораздо сложнее. Верный уже выработанной творческой привычке обобщать события по сложным ассоциативным ходам мысли и чувства, вновь переживший ощущения войны, полученные в революционной Испании, он после возвращения немедленно приступает к роману-сценарию «Мы — русский народ».

Как литературное произведение «Мы — русский народ» печатался в «Знамени», издавался в «Роман-газете», был выпущен отдельной книгой, переведен на французский и другие языки.

---

[1] Из письма к С. Вишневецкой, июль 1937 г.

Сейчас, после Великой Отечественной войны, это произведение Вс. Вишневского читается с таким же неослабевающим, да, пожалуй, еще с большим, интересом. Весьма нечуткие к новому, яркому в сценарии «Мы — русский народ», бывшие кинорукодители оказались очень отзывчивыми к неправильным оценкам критиков, разоблаченных впоследствии как космополиты. В 1950 году, незадолго до смерти, на встрече с ленинградскими писателями и моряками Балтфлота Вс. Вишневский с горечью вспоминает: «...был в Испании, в армии, в Интернациональной бригаде. Впечатления накалились, и в результате мною был написан роман «Мы — русский народ». Космополиты Гурвич и Малахов выступили против этого романа. Получил от них чудовищные удары. Если бы по роману этому был сделан фильм типа «Мы из Кронштадта», он показал бы великую силу русского солдата и помог бы народу. Сейчас только понимаешь, как тогда «сработали» космополиты в преддверии Великой Отечественной войны»[1].

Роман-фильм был неоднократно напечатан в советской и зарубежной печати. Вопрос с постановкой его затянулся, и, вскоре переключившись на другую работу, писатель к нему более не возвращался.

Этот роман-фильм, написанный Вс. Вишневским уже в результате большого писательского опыта и зрелого мастерства, не был тематическим и тем более жанровым повторением или продолжением предыдущего.

Продолжая в сценарии «Мы из Кронштадта» эпическую линию советской кинематографии, начатую еще в немом кино «Броненосцем Потемкиным», автор сумел поднять ее на новую, большую высоту. Фильм был весь устремлен к будущим боям: готовил к ним трудящихся, хотя и рассказывал о делах и боях прошлых дней.

В романе-фильме «Мы — русский народ» Вс. Вишневский пошел еще дальше. Эпический замысел писателя получил в нем более полное завершение.

Художественное совершенство этого романа-фильма хорошо уловил придирчивый к форме мастер советского кино С. М. Эйзенштейн. «Подобно ему не построено пока ни одно произведение. Мне он кажется растущим концентрическими кругами. Внутри один, два, три, четыре образа такой полноты, очерченности и

---

[1] Из выступления на встрече с ленинградскими писателями и моряками Балтфлота 23 мая 1950 года. Запись Л. Поповой, выправленная Вс. Вишневским. Архив писателя.

рельефности, неожиданных поворотов и всестороннего освещения, каких не знало до сих пор наше сценарное искусство, герои «первого ряда». На шаг от них — второй ряд. Столь же характерные, живые люди. Но скупее черты. Меньше нагрузка деталей и красок. Третий круг. Рисунок еще более облегчен. Дальше—больше. И вот уже люди, данные двумя штрихами. Вот одним. И вы не заметили, как вы перешли в гущу тех, которые слагают единый массив целого, того целого, к которому принадлежат все эти герои в равной степени. Так выпукла решающая и та одна единственная черта, которая выхватывает из однотонности общего плана тот или иной профиль. Тот персонаж или другой...»[1]

Эйзенштейн заметил, не мог не заметить глубокое проникновение художника в классовую природу понимания патриотизма: «...Нельзя не остановиться на поразительном раскрытии отличия социалистического народного патриотизма от «патриотизма» самодержавного: он дан в образе врага-полковника. «Патриотизм» его в своей последовательности доходит до предательства родной земли»[2].

Уже в 1939 году И. В. Сталин на XVIII партийном съезде говорил о начавшейся второй мировой войне: война «...так незаметно подкравшаяся к народам, втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения, распространив сферу своего действия на громадную территорию»[3]. В этих условиях советская страна готовила свои могучие силы для отпора агрессорам.

Всеволод Вишневский в этот период много работает в Союзе советских писателей. Он возглавляет военную комиссию ССП, курсы по военной переподготовке советских писателей, редактирует журнал «Знамя», широко привлекая молодых авторов.

Именно в это время в «Знамени» появляются первые произведения ныне известных советских писателей М. Алигер, Н. Вирты, Е. Долматовского, К. Симонова и других.

1938—1939 годы писатель много путешествовал по стране. Он, как обычно, много выступал перед военной аудиторией, писал в военные газеты, участвовал в военных маневрах.

Летом 1939 года Вишневский был в командировке на Даль-

---

[1] С. Эйзенштейн, Предисловие к роман-фильму «Мы — русский народ».

[2] Там же.

[3] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1939, стр. 568.

нем Востоке. Там он побывал в пограничных частях, на Хасане, у моряков Тихоокеанского флота.

Осенью 1939 года появились корреспонденции Вс. Вишневского уже из Прибалтики: он был на эскадре советских кораблей Балтийского флота, пришедших с визитом в Эстонию. Этот период знаменателен для Вишневского как период глубоких раздумий.

Крупный писатель, крупный общественный деятель, он весь в предчувствии больших исторических событий.

Характерна для этого периода запись в дневнике от 25 октября 1939 года: «Написал дату и посмотрел: 25 октября... Двадцать два года...

Последний период полон событий. Мысль справиться с анализом их не успевает. Четыре месяца в поездках на Дальний Восток, 20 тыс. км туда и обратно, несколько тысяч по Приморью, затем возвращение, и срочно на С.-Запад и на Балтику. Повороты, перемены обстановки крутые... Минутами я работаю с огромным подъемом, пишу, выступаю, погружаюсь весь в дело, в ощущение истории, природы. Минутами невероятная усталость, сознание того, что война уже третий или четвертый раз в жизни, что уже не молодость... Но всякий раз, когда были острые минуты, старый задор брал верх. Знаю, что сумею пойти прямо, вперед, отчаянно, по-былому, добровольческому кинуться»[1].

В 1939 году Вс. Вишневский потерял мать и отца, которых он горячо любил.

Личное горе и творческие раздумья совпали с первыми отказами перенапряженного работой организма... В дневнике он записывает: «Раньше я абсолютно не понимал, что значит боль сердца: защемило от нервной боли, кажется, летом 1930 г. Момент помню: лит. конференция, жестокие обиды. Последнее десятилетие было в огромном напряжении, трата сил неимоверная, взлеты, падения, литературные драмы и страсти... Все это неумолимо отражается на душе, на нервах и на сердце...

Не хотелось бы писать об этом, но «объективная» действительность требует. Усталость у меня огромная, ощутимая физически и душевно. И иногда думаю: как хватит сил работать дальше? Снижать темп, стиль — значит итти вниз... Это невозможно...»[2]

---

[1] Вс. Вишневский, Дневник, 1939. Архив писателя.
[2] Там же.

Всеволод Вишневский на борту одного из кораблей советской эскадры, посетившей Эстонию (1939 г.)

В дневнике ярко рисуются особенности личности автора, удивительная цельность его мышления. Свое личное он не в состоянии оторвать от творчества, а творчество — от жизни народа, страны, ее исторической поступи. И только слившись с народом, его суровыми буднями, он превозмогает и личные невзгоды, потери и предательски подступающую физическую слабость... «Много я видел в этом году, проехал всю Россию, не отходил днями и ночами от окна,— переживал всю эпопею страны. Сам себе раскрывал становление России, ее народа, увлекал аудиторию в ДВ, говорил в окопах на Хасане, на больших собраниях дивизий,— в ночи, при свечах, перед моряками Тихоокеанского флота... потом писал на Балтике.

...Трагедия нашей эпохи именно в том, что на ней лежит тень старого мира. Мы обязаны подчинять все исторической задаче — обороне. Время жестокое, трудное, суровое. Эти мысли, оплаченные кровью, слезами, добытые как крупица истины, неотъемлемы от меня. Писать бы надо обо всем этом прямо, спокойно...

Не слишком ли мрачно пишу я эти заметки — возможно. Но я хотел бы что-то для себя подытожить. Впереди годы работы, на ней когда-нибудь и свалишься, отдав свою жизнь за дорогое и родное, за общее народное дело. Никакая горечь и трудность не унизят, не умалят величия этого дела и величия общего процесса: объединения человечества в единое коммунистическое общество. Никакие литлжи и красоты никогда не украшали настоящей литературы, настоящего искусства. Говорить и писать надо всегда прямо, повинуясь голосу совести, сердца, ума»[1].

Большую роль в жизни и творчестве Вс. Вишневского всегда играли его устные выступления. Прирожденный оратор, горячий трибун, он из месяца в месяц, из года в год в общении с массами оттачивал свое слово: неизменно и безотказно выступал в воинских частях, рабочих клубах, в военных академиях и дворцах культуры, в Союзе писателей принимал горячее участие в творческих дискуссиях. Эта связь с широкими массами во многом помогла писателю преодолеть личные невзгоды.

В собрании сочинений читатель найдет раздел, посвященный этим выступлениям. Собранные вместе, они дают яркую картину широкой общественной деятельности писателя — пропагандиста идей коммунистической партии.

---

[1] Вс. Вишневский, Дневник, 1939. Архив писателя.

В одном из своих выступлений Вишневский говорил: «Для того чтобы разобраться в целом ряде вопросов, нужно знать, что говорили Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин об искусстве и культуре.

Нужно вдуматься во все процессы, которые происходят вокруг нас, и понять, как они отражаются в плане идеологическом».

В этом же выступлении Вс. Вишневский призывал: «Нужно писать так, чтобы молодой восемнадцатилетний наш красноармеец понимал наших поэтов, наших драматургов, наших писателей. Нужно, чтобы каждый из нас сумел выступить в любых условиях, при любом задании, которые дает партия, командование, советская власть. Это очень важно!»

Здесь мы видим единую линию писателя-воина, писателя-борца. В его выступлениях на литературно-критические темы ясно видна борьба против неверной критики, тревога писателя, учуявшего еще тогда порочную линию не разоблаченных еще критиков-космополитов, борьба мастера, неустанно ратовавшего за право на новаторство в советской литературе.

В своих выступлениях по литературным вопросам Вишневский всегда помнил о возможности, о неизбежности войны с фашизмом. На Первом Всесоюзном съезде писателей он говорил:

«...Пишите о хрустале, о нежности, о любви и прочем. Но при этом никогда не забывайте, что мы должны держать в исправности наше оружие и хорошо знать тот приписной пункт, куда нам надлежит явиться в случае необходимости. Это полезно и необходимо».

Прилив творческой энергии писателя связан с новым, более высоким этапом его мастерства. Еще выступая на Первом Всесоюзном съезде писателей, Вс. Вишневский раскрыл свои творческие замыслы и думы. Вс. Вишневский уже тогда ставил перед собой задачу — воплотить в искусстве дорогие трудящимся всего мира образы Ленина и Сталина. И все последующее время Вс. Вишневский старается реализовать свой замысел. Он упорно идет к осуществлению этой благородной цели.

Вс. Вишневский пишет ряд статей, которые можно назвать этюдами к созданию образа И. В. Сталина в искусстве. Это статьи: «У всех на устах — Сталин», «О речи товарища Сталина на 18-м съезде ВКП(б)», «Домик в Гори», «Клятва товарища Сталина»; художественно-биографические

очерки о соратниках И. В. Сталина: С. М. Кирове, Ф. Э. Дзержинском, Г. К. Орджоникидзе и М. И. Калинине.

Подводя итоги своему творческому пути за десятилетие, писатель отмечает в дневнике: «Чувствую, в этот год закончился целый этап жизни. Вероятно, финалом молодой моей поры является вещь о 1920 годе, о Сталине и о хлопце Петро, о конниках... Война всех нас повлекла куда-то в неизвестные события. Сама война развертывается причудливо, опрокидывая предположения и прогнозы буржуазных военных публицистов, гамеленовских и деголлевских генштабистов»[1].

Предчувствия не обманули писателя. Едва успел он вернуться с Балтики, как ему снова пришлось отправиться туда, но уже в качестве военного корреспондента. Началась война с белофиннами — четвертая война в биографии писателя. С 1 декабря 1939 года Вишневский снова в форме морского офицера; его пламенные речи поднимают балтийцев на боевые подвиги. Он неутомим: действует и в сухопутных частях, на берегу, на ледяных просторах Балтики; его коренастую фигуру в белом полушубке видят на многих участках фронта. Вместе с писателями-фронтовиками — Леонидом Соболевым и В. И. Лебедевым-Кумачом — он совершает поездки по частям, проводит доклады и литературные выступления. Он работает и как пропагандист, и в качестве корреспондента военных газет, и в качестве политработника. Вновь после долгого перерыва в газете «Красный Балтийский флот» появляются статьи со знакомой морякам подписью «Вс. Вишневский», по радио звучит его страстная речь, призывающая к победе над врагом. Работая в газете, Вс. Вишневский был инициатором сатирической страницы «Полундра».

Весной — после окончания войны с белофиннами — Вс. Вишневский впервые в жизни не сумел, не смог побороть усталость. Он болен... Его отправляют в санаторий. Но уже в июле—августе 1940 года мы видим его в Молдавии, в Дунайской речной флотилии, в Кишиневе, в Черновицах. Отдыхать писатель не привык. По заданию Комитета по делам кинематографии он с группой киноработников — режиссером Э. Шуб, оператором З. Тиссэ и художником С. Вишневецкой — поехал в освобожденную Бессарабию для подготовки сценария и съемки фильма. Верный своей натуре, стремящийся все знать и видеть, про-

[1] Вс. Вишневский, Дневник, 1939 год. Архив писателя.

чувствовать и осмыслить то, о чем собирается писать, Вс. Вишневский исколесил всю Бессарабию: проехал ее вдоль и поперек на машине; прошел катерами по Дунаю и Днестровскому лиману; побывал на родине Котовского и Тимошенко; побеседовал с участниками знаменитых Хотинского и Тарабунарского восстаний против румынских бояр. Поклонившись могиле Котовского, он вернулся в Москву. Через несколько месяцев Вс. Вишневский закончил сценарий документального фильма «Бессарабия».

Кроме перечисленных здесь, созданных за десятилетие, предшествующее Великой Отечественной войне, крупных произведений, Вс. Вишневским были написаны сотни статей и очерков, напечатанных в «Правде», «Известиях», «Красной звезде», «Красном флоте», в «Знамени» и других газетах и журналах. За это же время им было написано несколько литературных портретов: «Щорс», «Эйзенштейн» и другие, изданные «Огоньком», «Киноиздатом».

Вс. Вишневский был «трудным» писателем. В поисках новых путей он иногда совершал ошибки, брал «на полтона выше». Но во всех затруднениях, встававших на его творческом пути,— писатель получал помощь и указания со стороны партии. Он всей душой принимал эту помощь, сознавая, что без этой помощи ему было бы неизмеримо труднее, а то и просто невозможно работать. Он об этом и говорит прямо в одном из своих выступлений: «Каждый раз, когда у меня внутренне накапливались силы, внимательная забота партии, наблюдавшей за моей работой, приходила мне на помощь: партия помогла мне в 1922 году создать литературную группу Балтфлота, в 1929 году стать драматургом, и в дальнейшем — партия всегда мне помогала». И дальше: «Этап за этапом на всех исторических узловых моментах партия направляла движение искусства, указывала нам, как итти, с кем бороться и какими методами».

В течение многих лет Вс. Вишневский сотрудничал в «Правде». На ее страницах еще в 1930 году был опубликован один из эпизодов «Первой Конной». С начала 1935 года Вс. Вишневский выступает в «Правде» со статьями, посвященными Красной Армии, Военно-Морскому Флоту, борьбе советского народа за осуществление довоенных пятилеток.

Во время войны с белофиннами, в годы Великой Отечественной войны Вишневский — специальный военный корреспондент

Всеволод Вишневский на фронте выступает перед бойцами отряда морской пехоты (Война с Финляндией 1939—1940 гг.)

«Правды». Широко известны его страстные статьи из осажденного Ленинграда, а после окончания войны — из поверженного Берлина, с Нюрнбергского процесса.

В «Правде» Вишневский прошел школу большевистской журналистики. «...Кто оказал мне исключительную рабочую и товарищескую помощь?— говорил Вишневский.— «Правда». Я являюсь постоянным сотрудником «Правды». Первую статью туда я написал в 1917 году, перед июльскими днями. В «Правде» я многому научился. Когда-то, когда я готовился выступать перед отрядом, я знал, что каждое слово там должно попадать в цель, иначе тебе никогда второго слова сказать не дадут.

Примерно то же я чувствую, работая для «Правды». Каждая вещь, которую я пишу для «Правды», это школа...»

За активную писательскую и общественную работу в предвоенные годы Всеволод Вишневский был награжден орденами Ленина и Знак Почета.

V

В 1941 году Вс. Вишневский начал работу над новой пьесой. Это была пьеса на не обычную для него тему. До сих пор большинство его произведений было посвящено флоту, Ленинграду. И вот моряк начал писать пьесу о Москве 1920—1930 годов. Он хотел на широком историческом фоне показать разные стороны общественной жизни страны и ее столицы. Работая над пьесой, писатель не мог оторваться от мысли о надвигающейся грозе. Он вспоминал позже: «Я сидел как раз над этой работой у себя на даче под Москвой, когда по радио прозвучало выступление Молотова о том, что немцы вторглись в Советский Союз. Я собрал свои бумаги, вышел с женой на шоссе, поднял руку, остановил первый попавшийся грузовик и явился немедленно в Москву... На войну»[1].

Не заезжая домой, он выступил на митинге в Союзе писателей. Вечером 22 июня Вишневский произносит свою первую речь по радио — «Уроки истории». Эфир разносит по всей

---

[1] Л. Бать, В гостях у Вс. Вишневского. Журнал «Интернациональная литература», 1945, № 10 (французское издание).

стране голос любимого советским народом писателя-воина. Этой речью, проникнутой непоколебимой верой в нашу победу, началась новая полоса творческой деятельности Вишневского.

С 22 по 24 июня он проводит организаторскую работу — мобилизацию крупных групп писателей; формирует посылку на фронт в армию и во флот многих писателей Москвы. 25 июня выезжает в Таллин в действующий Балтийский флот. День и ночь он в редакциях, на митингах, на собраниях, в Военном Совете и Политуправлении Балтфлота. Вскоре он получает звание бригадного комиссара.

Кипучую деятельность Вишневского очень ярко ощущаешь из его писем. 7 июля из Таллина он пишет жене: «Действуем!.. Мотаемся по всей обороне и на море, и на берегу. Сегодня взяли в свои руки всю прессу. Гвоздим! Втягиваемся все...»[1] В другом письме ей же: «Сегодня 22-й день войны. То кажется, что время идет бешено быстро, то медленно. Пишу каждый день, делаю полосу «Боевая Балтийская»[2] и в газете «КБФ». Дел масса. Вчера ездил на сухопутный фронт. Дал корреспонденцию. Немцев держим, отбрасываем в море, топим их. Народ у нас боевой, есть исключительные примеры героизма, стойкости. Люди втягиваются. Вчера рассматривал трофеи. Читал захваченные газеты от 5.VII. Немцы констатируют народную войну: «Русские стреляют с деревьев, из леса, из хлевов, отовсюду... Мы встречаем стену огня...» Ага! Это им не Мажино! Надо биться упорнейше. Мы повернем ход войны. Изматывать врага! Лишить его гордости, лишить спокойствия, сна, долбить неутомимо!..»[3]

Кроме статей, текстов для выступления по радио, очерков, написанных Вс. Вишневским в годы войны, сохранилось огромное количество его писем. Эти письма — страстные, идущие от всего сердца призывы публициста. В них виден огромный талант их автора, даже в самом личном остававшегося воином-большевиком.

С первых же дней Великой Отечественной войны Вс. Вишневский начинает вести подробный дневник. Он ведет его с необычайной точностью, ежедневно, я бы сказал — ежечасно. Он до конца войны не расстается с тетрадями. Карандашом, ручкой, в походных условиях, под налетами вражеской авиации и артил-

---

[1] Из письма к С. Вишневецкой, 7 июля 1941 г.
[2] В газете «Советская Эстония».
[3] Из письма к С. Вишневецкой, 13 июля 1941 г.

лерийским огнем на кораблях упорно изо дня в день записывает, — записывает все, что видит, что делает и переживает сам, все, что делают и переживают другие. Его наблюдательность была обострена во много раз пониманием исторической важности событий, а опыт журналиста облегчил ему ведение этих записей, которые по объему равны нескольким романам и по исторической ценности непосредственных записей очевидца — исключительны. Дневник этот к концу войны вырос в огромную летопись Великой Отечественной войны — не менее 100 авторских листов записей, воспроизводящих день за днем ход войны: думы, наблюдения, чувства, размышления человека, за плечами которого большая военная писательская жизнь.

В Таллине Вс. Вишневский работает первые месяцы Великой Отечественной войны. Затем участвует в прорыве флота из Таллина в Кронштадт: «Шел на прорыв на лидере... На корабле сосредоточенно спокойно. Я долго гляжу на Таллин...

«Мы вернемся, Таллин!

...Напряженная ночь. Мины у борта. На корабле люди ведут себя безукоризненно, не смыкая глаз — работают...

29. VIII. Утро. Веду записи непрерывно... Продолжаем поход — снова отбиваем воздушные атаки... 15 час. 25 м. виден Кронштадт... Приходим, наконец, в Кронштадт. На минзаге выстроена вся команда. Она приветствует флот, героически прорвавшийся из окружения...

Я много продумал в дни обороны Таллина... Балтийцы не запятнали своей чести ничем. Совершены сотни актов беспримерного героизма. Дрались упорно, ушли по приказу. Время выиграли. История запишет прорыв Балтийского флота в ряды славнейших дел...»[1]

В этой записи любопытен ход мысли. Вс. Вишневский сумел тут же во время событий верно оценить, понять весь ход операций, отбросить частности, неудачи, отчаянное положение отдельных подразделений, свидетелем чего он был, и понять главную задачу, которую выполнял и выполнил флот.

После прорыва Вс. Вишневский находится два месяца в Кронштадте, вместе с гарнизоном выдерживает «звездные налеты» фашистских ассов, артиллерийские обстрелы и тут же пишет историческое исследование о Кронштадте, подняв для

---

[1] Вс. Вишневский, В боях за Таллин. Кронштадт, 1944, стр. 11, 12, 13.

этого весь архив города-крепости; затем переезжает в Ленинград вместе со штабом Балтфлота. Из Таллина, Кронштадта, из блокированного Ленинграда Вс. Вишневский регулярно корреспондирует в «Правду» и другие газеты. Война возрождает его к деятельности пламенного оратора, деятельности, которую он вел еще в 1918—1919 годах. Он выступает на кораблях, в воинских частях, в госпиталях, на заводах, во флоте, но так как в осажденном Ленинграде потребность в широкой агитации живым словом все более возрастает, Вс. Вишневский начинает регулярные передачи по радио, создавая новый литературный жанр — свои радиоречи.

В тяжелые годы войны требования к пропаганде и агитации в значительной степени сводились к мобильности, сжатости, массовости во всех ее формах. Радиоречи Вс. Вишневского как раз отвечали этим требованиям. Сотни тысяч людей включали репродукторы, когда говорил Вишневский; в архиве писателя сохранились горячие письма-отклики радиослушателей. Этот человек умел объединять в своих речах и мужество стоявших насмерть у стен Ленинграда солдат и матросов, и их пламенные чувства, их веру в победу. Это была настоящая, пламенная партийная агитация, конкретная, убедительная, неотразимая, призывающая народ не страшиться ни жертв, ни лишений, требовавшая от своих боевых друзей и всех советских граждан именем партии, именем родины, именем ее славного прошлого — во имя еще более славного будущего — стоять насмерть у стен столицы родины — Москвы, у стен Ленинграда и Севастополя, у стен славного Сталинграда.

Связь Вишневского с войсками Ленинградского фронта и моряками Балтийского флота была постоянна. Неоднократно он писал листовки как для флота, так и для войск Ленинградского и Волховского фронтов. Некоторые из них он писал по личному заданию А. А. Жданова. Командование Ленинградского фронта особым приказом, через Военный Совет Краснознаменного Балтийского флота, объявило писателю-балтийцу благодарность.

Безвыездно находился Всеволод Вишневский в блокированном Ленинграде осень и зиму 1941 года, весь 1942, 1943 и большую часть 1944 года. Он действовал как офицер флота, как писатель и как начальник оперативной группы писателей при Политуправлении Краснознаменного Балтийского флота, много работавшей в дни блокады Ленинграда. В письме, датированном

1950 годом, уже смертельно больной, Вс. Вишневский пишет о 1942 годе: «Год был тяжелый: осенью ожидали штурм города после падения Севастополя. В это время я написал (совместно с Кроном и Азаровым) музыкальную комедию «Раскинулось море широко». Ее поставил 7-го ноября 1942 года единственный театр города — «Музыкальная комедия»[1].

Действительно, какой верой в будущее и потребностью вызвать улыбку, смех, бодрость в изнуренных и ожесточенных блокадой сердцах нужно было обладать, чтобы в этот самый тяжелый момент написать веселую вещь, бросив ее как вызов судьбе и врагу.

В январе 1943 года Вс. Вишневский участвует в прорыве блокады. Он находится в районе Шлиссельбурга на Балтийских железнодорожных батареях. Весна и лето проходят в боях. С конца 1943 года Вс. Вишневский, по заданию командования, работает над пьесой «У стен Ленинграда».

В этой пьесе мы видим продолжение темы обороны Петрограда, нашедшей яркое воплощение в «Мы из Кронштадта». В основе пьесы — действия знаменитой русской морской пехоты, советских моряков, грудью защищавших родной Ленинград. Писатель находит новые краски для воплощения своих излюбленных тем: беззаветной борьбы советского воина с врагом и его техникой (борьба с танками и в «Мы из Кронштадта», и в пьесе «У стен Ленинграда»). Вишневский говорил о том, что писатель должен «детонировать» на события эпохи (понимая детонацию не как музыкальный, а как военный термин). Сам он обладал этим творческим свойством «взрываться» и давать произведения вовремя, тогда, когда они нужны советскому народу.

Весной 1944 года пьеса была поставлена театром Краснознаменного Балтийского флота в Ленинграде, а затем театр показал ее в Москве. В Москве этот спектакль прошел с большим успехом. В «Правде» была напечатана статья, положительно оценивающая спектакль и пьесу. На широком творческом обсуждении, организованном Всесоюзным театральным обществом, все выступавшие признали достоинства и пьесы и спектакля.

Летом 1944 года Вс. Вишневский участвует в наступлении на Выборг и во взятии его.

В день освобождения Таллина Вс. Вишневский пишет статью «Здравствуй, Таллин!» Он завершил первый цикл войны, вер-

---

[1] Из письма к Ю. Осносу, 1950 г.

нулся на места летних и осенних боев 1941 года. Он безмерно рад победе наших войск и флота, встрече с городом, ставшим дорогим его сердцу. Но войска быстро движутся на запад, а вместе с ними и Вишневский устремляется к Риге, где он выступает с пламенной речью на митинге в честь освобождения столицы Советской Латвии.

В ноябре 1944 года Вс. Вишневский отозван в Москву и вновь назначен ответственным редактором журнала «Знамя».

Особенно ярки страницы дневника Вс. Вишневского и письма друзьям, отражающие победные дни. За годы войны писатель Вс. Вишневский еще более сроднился с великой Советской Армией.

В письме в Ленинград, уже из Москвы, перед выездом на берлинское направление, на Первый Белорусский фронт, он пишет:

«Путеводитель по Берлину взят, карты — тоже, — минимум белья, надежное кожаное пальто, оружие... Вот и все. Поеду прямо по шоссе на Варшаву, затем в штаб к маршалу Жукову и дальше на Одер. На душе бодро, светло... Путь мой закономерен. Войну надо завершать в деле, в прямом ударе и именно в логове врага. В воздухе предощущение весны, прорыва всех сил жизни, творчества. Видимо,— к лету с Гитлером будет покончено. Гордые победные ощущения. Радость за Россию!— неимоверная, широкая!»[1]

Вс. Вишневский осуществил свою мечту. Он не только как корреспондент «Правды», но и как офицер Советской Армии участвует в боях под Кюстрином, в Познанской операции войск маршала Рокоссовского; он в Гдыне, Цопотте, опять на балтийских берегах, а затем с начала и до конца Берлинской операции в армии генерала Чуйкова.

Позже, уже в Москве, он так рассказывал о днях, когда великая Советская Армия подошла к стенам фашистского логова: «Мне повезло: я находился в рядах гаубичного артиллерийского полка. Мы подошли к Берлину 21-го апреля в 6 часов утра. Я никогда не забуду, как вибрировал голос офицера, командовавшего: «Батареи, по столице Германии, логову зверя,— за всех наших убитых, за вдов и сирот, за искалеченных и — за мою семью, вырезанную фашистами, — огонь!» Мы дали первый залп. Из правофлангового орудия 2-й батареи стрелял я сам. Мне была предоставлена эта честь, и я постарался рассчитаться — хоть в некоторой степени — за 900 дней блокады Ленинграда.

---

[1] Из письма к О. Матюшиной, февраль 1945 г.

Я был потом в рейхстаге, и на Кенигсплац, и на Зигес-аллее. Я испытывал наслаждение, когда увидел поверженными прусские символы и пробитые навылет статуи Бисмарка, Роона, Мольтке и стены рейхстага, изрешеченные нашими снарядами. Зияли 5-ти метровые бреши... Белели надписи наших воинов: «Мы из Москвы», «Я из Сталинграда»... «Есть тут и мои снаряды...» В эту минуту я почувствовал, что заканчивается пятая моя война...»

Первые месяцы после победы Вс. Вишневский думает напряженно и много о будущем родной страны. Душевное состояние писателя в эти дни передает письмо, в котором он как бы отчитывается о проделанном пути и воинском труде перед простыми людьми родной земли, родного Ленинграда. В письме к О. Матюшиной он раскрывает свои думы. Здесь описание последних дней войны звучит как глубоко личное, лирическое переживание писателя. «23.V. 45 г.— Свое решение я осуществил полностью. Сделал до 10 тысяч километров по фронтам, работал напряженнейше. Состояние души было высокое, чистое,—борьба была вдохновенной. Фашистский Берлин бросили на колени... Вернулся в Москву 8 мая, летел над полями и лесами России, и внутри все дрожало от счастья встречи с родиной, от возрождения, от победы... Я весь — в переходной, в глубоком смысле слова, фазе... Анализируя прожитое, собираю записи, материалы... Напряженно думаю о предстоящих крупных мероприятиях, культурных, экономических и прочих. Страна будет ровно, уверенно выходить к новым достижениям, смелым мерам усовершенствования во всех областях»[1].

В течение шести месяцев Вишневский весь отдается литературной работе; выступает в Союзе писателей, подводит итоги пройденных военных лет, собирается писать прозу.

В новогоднюю ночь, в своем выступлении по радио 31 декабря 1942 года, Вс. Вишневский из ленинградской радиостудии с уверенностью говорил о том, что в день международного суда над фашизмом и его заправилами ленинградцы предъявят свой счет, а в ноябре 1945 года он был в Нюрнберге и проработал там в качестве специального корреспондента «Правды» до апреля 1946 года. Многие его статьи о международном суде над военными преступниками печатались и в других газетах; а в ярком и образном его дневнике уже в то время отражено возмущение

---

[1] Из письма к О. Матюшиной, 23 мая 1945 г.

советского человека поведением англо-американских судей и военных. Душевное состояние участника войны отражает одно из писем к жене: «Нюрнберг. Ночь на 20.II. 46 г. Да, дорогая, это безумно трудно объяснить, вероятно невозможно. Ты меня знаешь, как никто. Жизнь моя — большая, сильная, трудная. Я тут ночи без сна. Сжал зубы. Ты (вы) себе не представляете, как тут трудно, как конденсированно зло, грязно. Я поставил себе задачей стоять до конца. Вот из-за этого я живу и работаю». В письме к ней же: «Наблюдаю, записываю. Мы очень мало знали о враге. Это необыкновенно сложный, неимоверно жестокий и холодный мир. Странные люди, без сердца, без жалости, с непомерными, внеморальными целями и идеями».

Так охарактеризовал советский писатель англо-американских представителей в Нюрнберге.

Всеволод Вишневский после завершения Великой Отечественной войны много работает как ответственный редактор журнала «Знамя». В эти годы в журнале публикуются новые произведения А. Фадеева, П. Павленко, И. Эренбурга, К. Симонова...

В первое трехлетие послевоенного периода журнал «Знамя» выдвигает на своих страницах новые имена писателей: В. Некрасова, Э. Казакевича, В. Панову, Г. Николаеву и многих других, произведения которых получили широкую известность у советского читателя.

Это была трудная, кропотливая и незаметная работа. Для того чтобы выдвинуть нового писателя, нужно иногда перечитать десятки слабых произведений и найти в них то, что может быть лишь отправной точкой для создания произведения, часто потребовать от писателя, считающего свой труд уже завершенным, начать его сначала. Так было с романом «Жатва» Г. Николаевой, первый вариант которого Вс. Вишневский отверг, но сделал это так, что у писательницы хватило сил и желания написать роман заново.

Но не только с авторами «Знамени» считал своим долгом поддерживать творческую связь писатель. Всем известны прекрасные романы К. Федина «Первые радости» и «Необыкновенное лето». Вишневский считал своим товарищеским долгом помочь крупнейшему советскому романисту своими знаниями участника описываемых писателем событий. И, закончив свой роман «Необыкновенное лето», благодарный автор тут же, не отрываясь,

пишет товарищу, чья помощь пришла к нему так во-время: «Дача, 27 августа 1948 года. Дорогой Всеволод Витальевич, спасибо за письмо! Получил его через 10 минут после того, как поставил точку на «Необыкновенном лете». Было 3 часа дня. Еще не соображаю хорошо, что собственно произошло. Вам, по праву, могут и должны быть посвящены некоторые страницы и даже главы этого романа. Благодарю Вас за помощь и за товарищество — за бескорыстие и терпеливость желания мне помочь. Сделаю это лично, т. е. поблагодарю.

Ново-Оскольский эпизод заканчивает роман. Герой сливается с армией — в этом смысл финала. Полагаюсь целиком на Ваши «свидетельские» воспоминания о Н.-Осколе и привожу их (метаморфизированно) в последних трех страницах. Впрочем, больше нежели в трех, много места занимает сам смотр (парад). До скорого свидания. Ваш Константин Федин.

Не трудитесь искать и копать материалы! Теперь мне ничего не надо! Материалы все Ваши возвращу в городе. Вам первому сообщаю об окончании романа».

VI

В 1949 году Вс. Вишневский освобождается от работы в журнале. «В декабре 1949 года меня избавили от чтения журнальных рукописей (50 рукописей в месяц). Я немедленно принял заказ на современную пьесу. Я думал об образах вождей. Впервые о Ленине писал Маяковский. Много лично я занимался изучением биографий Ленина и Сталина. Был в Гори, видел домик, где родился Сталин, вещи в его комнате. Бывал на партсъездах по поручению «Правды» и на встречах писателей с Иосифом Виссарионовичем. Прислушивался, всматривался, записывал, изучал сочинения Сталина. Изучал многие партийные документы, изучал материалы архивов. Постепенно определялись черты будущего плана. Совершил полет над местами событий, потом прошел пешком. Нашел стариков, участников дел 1905 года»[1].

Замыслов у Вс. Вишневского было много, но болезнь в результате ранений, перенесенной блокады и пяти войн подкрадывалась долго, а ударила внезапно. После первого тяже-

---

[1] Из выступления на встрече с ленинградскими писателями и моряками Балтфлота 23 мая 1950 года. Запись Л. Поповой, выправленная Вс. Вишневским. Архив писателя.

лого приступа болезни, немного оправившись, но все еще тяжело больной, Вс. Вишневский нашел в себе силы и протрубил свою лебединую песню — пьесу о Ленине и Сталине, о героическом советском народе — «Незабываемый 1919-й».

Постановления Центрального Комитета коммунистической партии по идеологическим вопросам выдвинули перед всеми работниками культуры ряд важнейших задач. Честный писатель коммунист Вс. Вишневский глубоко и осмысленно отвечал на призывы партии о создании народных произведений искусства. Он отвечал не декларациями и заверениями, а делом. Пьеса «Незабываемый 1919-й» и была выполнением патриотического долга писателя перед родиной, перед партией.

В дни, когда вся страна отмечала семидесятилетие со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина, Вишневский сделал в дневнике следующую запись: «21 декабря 1949 года. — Да, есть ощущение праздника. Год неотрывной напряженной работы. Сегодня мои премьеры в театрах Москвы и Ленинграда. Вчера вышел № 12 «Новый мир» (с моей пьесой). Сейчас отнес этот номер И. В. Сталину (на Спасскую башню), в окно приема почты. Рад, что мой подарок пришелся в нужный день и час.

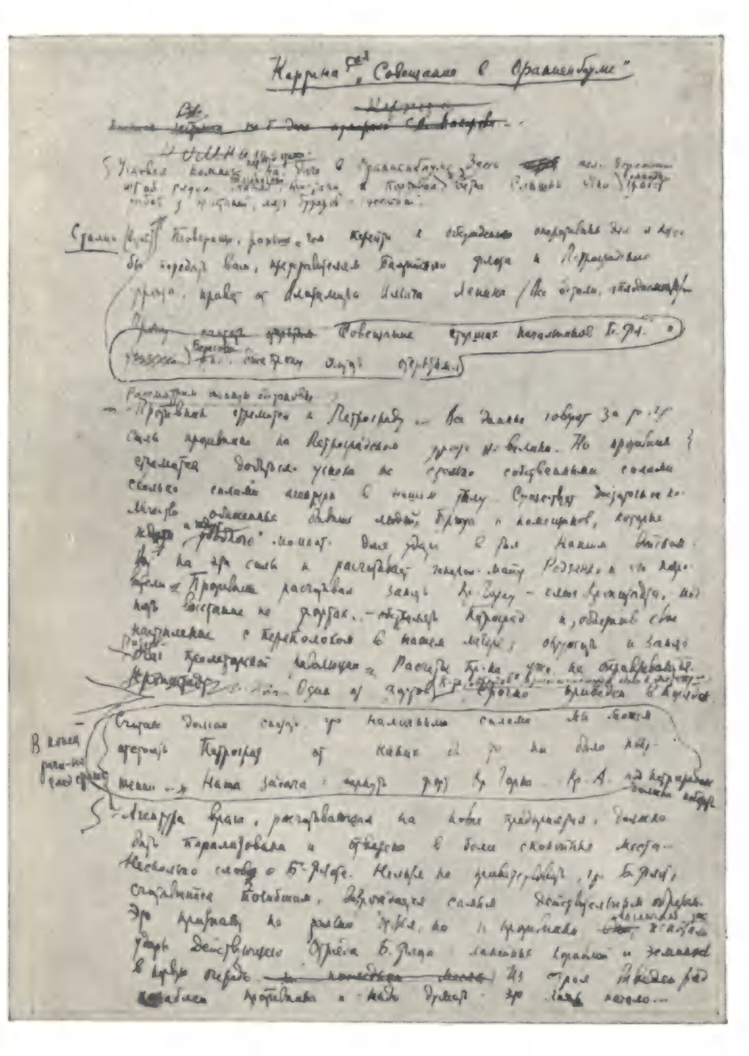
Вещь живет своей жизнью, шагает. Готовы переводы на украинский, латвийский, белорусский, армянский, грузинский. На очереди языки Европы. Пусть, как «Оптимистическая трагедия» и «Мы из Кронштадта», вещь о Сталине, о России и ее манере расправляться с англосаксами и их наемниками идет и делает свое дело. Сейчас привезли приглашение в Большой театр на торжественное заседание в честь товарища Сталина. Иду в 7 часов с волнением. Это будет народная встреча с дорогим человеком»[1].

Пьеса Вс. Вишневского «Незабываемый 1919-й» получила заслуженную оценку и была удостоена Сталинской премии первой степени за 1949 год.

«Незабываемый 1919-й» написан зрелым мастером. Критически рассматривая все созданное ранее, Вишневский записывает: «Со мной перелом произошел в дни войны. Все, что я видел вокруг, уже не соответствовало юному романтическому восприятию. Нужны другие краски, решения...»[2]

---

[1] Вс. Вишневский, Дневник, 1949. Архив писателя.
[2] Из письма к Вс. Азарову, 5 января 1950 г.

Картина 5-ая „Совещание в Ораниенбауме"

Страница рукописи пьесы «Незабываемый 1919-й» — картина 5-я «Совещание в Ораниенбауме»

К своей последней пьесе Вишневский также подходил издавна. «С. К.[1] перерывает свой архив... нашла полосу — статью-памфлет: мой ответ Англии «Не забывайте, сэр, о девятнадцатом годе». Это мордобойная статья из «КБФ», разговор о том, как мы разгрохали англичан на Балтике в 1919 г. Таким образом подступы к пьесе были очень долгими и давними...»[2]

Внутренним поводом к ее написанию были и события послевоенных лет, и наблюдения на Нюрнбергском процессе, и тревожные сигналы о стремлении поджигателей новой войны в третий раз разжечь мировой пожар, и постоянные творческие думы о людях нового времени, о коммунистах, о партии, о Ленине и Сталине, дела, мысли которых писатель изучал всю свою жизнь.

В образах Ленина и Сталина, воссозданных Вс. Вишневским в «Незабываемом 1919-м», волнует прежде всего их глубокая жизненная правдивость, простота, человечность, мудрость, любовь к родине, любовь к партии, созданной и выпестованной ими в борьбе. Это в большей или меньшей степени, с большим или меньшим мастерством изображалось и в других произведениях, отражающих отдельные исторические моменты развития нашей родины. Но Вишневскому удалось наиболее проникновенно найти новые художественные решения темы, запечатлеть образы великих вождей нашей партии, сказать художественную правду о героизме народа в незабываемом 1919 году.

Нельзя писать об Октябрьской социалистической революции, не осмыслив победного хода истории. Жизненная правда тех лет — борьбы, подвигов народа, возглавленного коммунистической партией, воплощена в несокрушимом Союзе Советских Социалистических Республик. Она запечатлена в Конституции СССР, в «Кратком курсе истории ВКП(б)», в решениях коммунистической партии. Задача художника, остановившего свое творческое внимание на одном из исторических эпизодов, — быть верным правде, найти такую силу исторического видения, мысли, чувства и знания, такта и понимания человеческих отношений, судеб, характеров, чтобы суметь донести до народа истинный облик великих вождей.

---

[1] Жена писателя.

[2] Статья Вс. Вишневского «Не забывайте, сэр, о девятнадцатом годе» была напечатана в газете «Краснознаменный Балтийский флот» в 1930 году. Цитата из письма к Вс. Азарову, 5 января 1950 г.

Вишневскому удалось это сделать. В этом благородном деле художнику помогло партийное чутье писателя-реалиста, преданность и любовь к родине, партии, идеям Ленина и Сталина.

«Незабываемый 1919-й» — военная пьеса; писатель показывает и фронт и тыл, и ставку и передовую, и работу вражеских разведок и нашу контрразведку; он показывает механику войны и волю великого человека, овладевшего всей сложностью современной войны, понявшего ее политические причины; глубокие связи вождя с рабочим классом, с народом. Но пьесу Вишневского нельзя назвать только военно-историческим произведением. Глазами страстного современника взглянул Вишневский на незабываемые дни гражданской войны.

Народ советский и его великие вожди Ленин и Сталин показаны писателем в пьесе любовно, проникновенно и художественно правдиво.

Вскоре после публикации и постановки в театрах пьесы «Незабываемый 1919-й» было принято решение об экранизации этого выдающегося произведения. Вишневский, верный своей манере с полной отдачей сил работать с творческим коллективом, призванным осуществить его замысел, выезжает, несмотря на уже угрожающее состояние здоровья, на места исторических событий. После этой поездки Вишневский заболел уже непоправимо.

21 декабря 1950 года в санатории «Барвиха» состоялось чествование тяжело больного писателя в связи с 50-летием со дня рождения и 30-летием его литературной работы.

Правительство наградило Вс. Вишневского орденом Трудового Красного Знамени.

28 февраля 1951 года Всеволод Вишневский умер в Москве в Кремлевской больнице.

Это был удивительный человек, у которого во всем литературном наследстве: пьесах, киносценариях, выступлениях, статьях и очерках, опубликованных в прессе, наконец в дневниках и письмах, не говоря уже о многих военных и военно-исторических исследованиях, почти не ощущаешь ничего личного, но в которых в то же время в каждой строке звучат глубоко задушевные думы.

Именно эта совершенная степень тех важнейших гражданских качеств, которые мы называем партийностью, любовью к родине, дала ему творческие силы в самом названии таких произведений, как «Мы из Кронштадта», «Мы — русский народ»,

предугадать ту лаконическую формулу, которую народ-победитель написал в 1945 году на стенах поверженного Берлина: «Мы из Москвы», «Мы из Сталинграда».

Вс. Вишневский всегда искал новых творческих путей, нового в литературе.

Он всегда добивался ее партийности, неразрывной связи с революционной практикой и борьбой.

Творческая жизнь писателя прошла в кипучей борьбе.

Наше правительство, наша коммунистическая партия, наш народ, литературная общественность по заслугам оценивали труд писателя.

За боевую и литературную деятельность Всеволод Вишневский был награжден: двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Знак Почета и восемью медалями.

Уже тяжело больной Вишневский писал другу:

«...Белинский прав, что писатель должен подтверждать свои писания кровью и жизнью»[1].

С полным правом эти слова можно отнести и к Вс. Вишневскому, потому что сам он всей своей жизнью певца революции, поэта-воина подтверждал написанное им.

П. ВЕРШИГОРА

---

[1] Из письма к Вс. Азарову, 1950 г.

ПЬЕСЫ

КРАСНЫЙ ФЛОТ В ПЕСНЯХ

(Героическая поэма-оратория)

... В марте 1929 г. Центральный Дом Красной Армии в Москве обратился ко мне с просьбой написать музыкально-героическую вещь о Красном флоте. Я был увлечен этим предложением и быстро, в какие-нибудь месяц, два, написал поэму «Красный флот». В ней сливался героический сказ с трагическими эпизодами (гибель трех эсминцев), гротеском, юмором. В первой вещи моей — «Красный флот» было 2 ведущих. Зачем я их дал? Это сказители. Их речь напряженно-пафосна, агитационна, иногда лирична; они бережно, хорошо подводят к тому, что дает вокальный ансамбль (подлинную матросскую песнь), они дают эмоциональные переключения; они мобилизуют внимание; они связывают эпизоды, они прослаивают музыку словом. Мы видим, таким образом, и их художественно-политическое и их техническое назначение. В этой вещи я воскрешал образы своих любимых героев. В этой вещи я нащупывал пути своего творчества.

Вс. Вишневский

Действие начинается в абсолютной тьме. На сцене, в глубине, справа и слева мигают световые сигналы по коду Морзе, которые гласят: «Судам Балтийского флота поддержать штурм Зимнего дворца».

1-й ведущий. Матросы идут сейчас брать Зимний дворец. Накипело, довольно гнета! В ногу с рабочими, с Красной гвардией! Ведь мы, матросы,— сами те же рабочие. Разве мыслимо смотреть, что творит Временное правительство? Рабочих бьют в два кнута, как и при царе... Их и мужиков четвертый год, подряд четвертый год закапывают в могилы на германском фронте. Это Временное правительство наделяет крестьян землей, по три аршина на брата, а флот шлет в неравный бой с немецким — на вторую Цусиму... Кровососы и господа жиреют. Стоп с таким делом! За глотку министров! На мушку Зимний!

Напряженная пауза... Неожиданно из тьмы в зрительный зал вонзаются со сцены лучи прожектора. Шарят по залу. Телефонный звонок.

Чей-то голос. Есть... Штаб слушает... Что... Начался штурм Зимнего? Так... Ладно... Кто передал?.. Принял Ни-ки-фо-ров.

2-й ведущий. Ночью матросы, красногвардейцы и солдаты ринулись вперед. В ночной темноте, озаряемые мечущимися вспышками выстрелов, со всех прилегающих улиц и из-за ближайших углов, как гроз-

ные зловещие тени, неслись цепи красногвардейцев, матросов, солдат.

Клики — «Аврора» бьет!

В воздухе, заглушая все, стоял сплошной победный крик «ура».

Далекое «ура».

1-й ведущий. Полный яростного восторга, захватывающий, объединяющий всю массу, короткий, как молния, момент. Мгновенная задержка перед баррикадами. Ликующий крик уже вспыхнул по ту сторону баррикад, и людской поток залил крыльцо, входы, лестницы дворца.

По сторонам лежали трупы, громоздились разваленные баррикады, стояли кучки людей без шапок, с бледными лицами, с поднятыми вверх, просящими пощады руками — враги!

Музыка.

1-й ведущий. Это была победа! Дворец был взят... Петроград стал красной, первой в мире столицей рабоче-крестьянской власти...

Слышится пение хора, все нарастающее — хор приближается. «Вставай, проклятьем заклейменный...» Свет все ярче и ярче.

2-й ведущий оглашает список убитых при штурме:

Михаил Иванов — с учебного судна «Народоволец». Моисеенко — с линейного корабля «Гражданин». Семен Афанасьев — с учебного судна «Народоволец» и восемь матросов из машинной школы Балтийского флота.

Чей-то вопль, стон...

1-й ведущий. Ну, кто там плачет об убитых... Нужны сухие глаза, чтобы увидеть всех врагов. Их много, братва... Тысячи миль пройти еще надо в походах и боях за Советы. Мы только еще начали...

2-й ведущий *(вбегает)*. На фронт, братишки! Жив-в-а! Керенский лезет на Питер! На фронт...

Лязг винтовочных затворов... Гул голосов: «Дас-о-о-о-шь!» «А ну, ходи веселей!»

Частушки

Понапрасну, Саша, лезешь,
Понапрасну ножки бьешь.
Ничего ты не получишь,
Дураком домой придешь...

1-й ведущий. Борьба разгорается. Флот шлет отряды на Дон, на Украину, на ставку, где засел Духонин, в оренбургские степи, в Крым, где поднялись белоэскадронцы... На фронт!

Хор дает ритм поезда... Одновременно световые вспышки. Песня: «Смело, товарищи, в ногу...»

1-й ведущий. Март восемнадцатого года. Балтика скована льдом. В портах Финляндии стоят наши суда. Их много — более восьмисот судов. Враг нажимает с запада. Кораблям некуда податься — море сковано льдом. «К дьяволу лед!» — кричат матросы и бросаются в знаменитый исторический ледовый поход. В море по судам бьют финские батареи. Один наш ответный выстрел — и загремит снова война с Германией. Брестский мир будет сорван. Стиснув зубы, матросы идут мимо... В Кронштадт. Республике надо спасти корабли. В Кронштадт...

Песня

Кипит борьба, бушуют страсти,
Плывем — Коммуна наш девиз!
Рвет ветер дым, и стонут снасти,
И льдины лезут вверх и вниз.
И дни бегут, бегут за днями,
И флот Балтийский невредим —
Все спорит с гибельными льдами,
И все идет навстречу им.
Винты взметают за кормою
Обломки яростного льда,
А над далекою землею —
Пятиконечная звезда.

1-й ведущий. Неделями матросы бьются со льдом, побеждают его и пробиваются в Кронштадт. Флот спасен! Республика имеет острый меч...

1-й ведущий. А в мае — в Сибири и на Волге против Советов поднял мятеж подкупленный Антантой чехословацкий корпус.

«На Волгу! Красные матросы, на Волгу! В бой...» — зовет обращение партии и правительства... И спешат на Волгу тысячи с синими воротниками. В Нижнем-Новгороде из простых речных буксиров и барж создаются военные корабли. Над их вооружением дружно, дни и ночи работают сормовские рабочие и добровольцы моряки. Наконец флотилия готова. Она выходит вниз по Волге, к Казани, захваченной врагом.

Песня

Вниз по матушке по Волге...

2-й ведущий. Неделя, вторая — бои под Казанью. Беспокойные, полные тревоги дни. Не гнутся белые,— бушприт им в глотку. Ну, согнетесь! И матросы готовят первый налет... «Куда вы, черти, снарядов почти нет?» «Брысь, не мешать».

Комиссар флотилии Николай Маркин — из старых матросов — выходит на палубу флагманского корабля — «Вани коммуниста...»

Дудка свистит.

А ну, ходи все наверх! Лётом! Сыпься горохом!

Собрались.

— Товарищи,— кажет Маркин,— тут кое-что будет, так кто ослаб, у кого гайка отдалась или цикорий сыпется, может остаться на берегу. Вещички взять и остаться... Есть такие?

Команда стоит как вкопанная. Косят глазом на партийцев. А ну, как их пример?

Ничего пример. Улыбаются. Пойдут хоть куда! И все улыбаются...

— Ну, может, кто и останется? — кажет Маркин.

— Брось, комиссар, давай дело говорить, бой белым делать.

И стали дело говорить и бой белым делать. Флотилия вышла. Снарядов мало, очень мало.

Противник встречает бодро. Дистанция уменьшается со страшной быстротой... Первый выстрел... «Товсь!» «Залп!...» «Товсь!» «Залп!» Ну — зачастили комендоры! Пошла рвать! Стоит только грохот и звон падающих гильз...

— Взять винтовки!

Хор берет наизготовку.

— Ага! Вот штука — до абордажной свалки, до кровавой швартовки доходит!

— Прощай, мама, я пошел!

Навстречу режет белый корабль «Ливадия». Ну, еще, еще немного!

Рулевые наши застыли: держат, как по нитке. Команда стоит с винтовками и с гранатами...

— Пулеметчики, огонь!

Четверо пулеметчиков хлестнули из четырех «максимов». — Держись!

Корабли сходятся. Приготовиться...

Краткая пауза.

Тут «Ливадия» покатилась в сторону. А-а, удирать?! Даешь ее, даешь сюда белых «моряков» — что они за такие есть? Хлещут и хлещут наши пулеметы,— пожелтела палуба от гильз. Надульники совсем серые стали от порохового налета, а из пароотводных трубок пар так и рвет.

Аврал стоит на палубе. Эх, и влипла «Ливадия». Когти рвет, смывается... За ней вся белая флотилия утекает. Не берет у них один на один! Вырвалась наша флотилия вперед. Пробилась к Марквашам, к Верхнему Услону. По ночам Казань огнями горит, сияет Дразнит.— Ну, мы доберемся до этих огней!

Пауза.

И 10 сентября 18-го года мы вместе с красноармейцами штурмом после лихого налета добрались до этих огней. Есть, взята Казань!.. Была ваша, стала наша.

Песня

Эх, яблочко,
Да с червоточинкой.
Мы к врагу подошли
Темной ноченькой.
Мы к врагу подошли
Да ударили.
Мы до самой зари
Белых парили.
Я на Волге делов
Понаделаю,
Не забудет матроса
Сволочь белая.
Эх, яблочко,
Да ты румяное!
В расход выводить
Белых стану я...

1-й ведущий. А в июне 1918 года на Черном море, в Новороссийске, погибал Черноморский флот. Некуда податься, Германия требует выдачи флота: не выдадите — начнем наступление на Москву.— Не быть ни тому, ни другому! Прощайте, родимые корабли. И в четвертом часу дня 18 июня на дно пошли черноморские эскадренные миноносцы. Один за другим, с высоко поднятым сигналом: «Погибаю, но не сдаюсь...» Ударила торпеда в дредноут «Свободная Россия». Матросы сняли шапки, всхлипывая и глотая слезы. Ударила вторая торпеда... Прокатился гул, запенилось море. Не стало корабля. Гладко море... Лишь кучка изменников уводила несколько кораблей на позорную сдачу. Ветер донес им вслед матросское проклятие...

Время идет... Число врагов все растет. Кругом фронты...

Еще не все сломили мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце,
Со всех сторон теснят нас злые гады,
Товарищи, мы в огненном кольце.
На нас идет вся хищная порода,
Насильники стоят в родном краю.
Судьбою нам дано лишь два исхода:
Иль победить, иль честно пасть в бою.

2-й ведущий. К ноябрю белые были отброшены на Урал. Реки стали замерзать. Корабли Волжской флотилии должны итти на зимовку. Как?! Зиму сидеть и сосать лапу по-медвежьи? Нет! И моряки идут на Украину, где в это время поднимается крестьянское восстание против Петлюры — за советскую власть. Матросов ведет Анатолий Железняков...

Походный марш: «Старые друзья» (несколько тактов).

1-й ведущий. Под Харьковом, Екатеринославом, в Крыму и под Одессой мелькали синие воротники...— Гайдамацкая сила побита, попало и Махно. Но и матросские ряды поредели...

2-й ведущий. Да, было!.. Стволы винтовок как положишь на влажную землю — так зашипят, как сало на сковороде...

1-й ведущий. Держись, братва! Держись и никаких! Назад ходу нет,— лучше смерть за Совет!.. Знаешь, братва, как белые с матросами обходятся? У Гришина одного балтийца взяли. На спине вырезали «большевик». Через уши шомполом голову насквозь пробили. Бросили — подыхай, красный матросик. Другого расстреливали. Матрос шел к стенке и пел...

Песня

Соло и хором

Матрос я с крейсера «Аврора»,
Не знаю страха и позора...
И под расстрелом у забора...

Выстрел и с выстрелом обрывается песнь.

1-й ведущий. А пока мы бьемся на юге.— С востока, как туча черная, идет Колчак. Клади руля, лево на борт! Даешь дракона Колчака!

Хор

Весь восток охвачен пламенем,
Дымом застлан горизонт,
Выходи, матрос, со знаменем
На Восточный красный фронт!
Выводи вслед всю рабочую братву,
С верой в правду неуклонную
Мы собьем всю белую орду.

1-й ведущий. Опять волжскую флотилию в дело. И гремит го́лос с палуб.

2-й ведущий *(в рупор)*:

Всем, всем, всем!
Даже тем, кто глух и нем.
По всем кораблям и частям,
В экипажи и каждую роту —
Во все города и крестьянам братьям
Посылаю звонарскую ноту.
Шлю телеграмму
На Свирь и Каму,
В Кронштадт и Петроград,
Всем боевым орлам, товарищам морякам.
Пусть знают Деникин и Колчак,
Что все моряки и весь Красный Флот
Ежеминутно готов —
И может вступить в бой
С белогвардейской ордой.
И все, кто осмелится
Двинуться на Совет,
Получат пушечный ответ!

1-й ведущий. Дело сложилось так, что судьбу решал вопрос — кто первый будет у Волги?.. Москва взята под удар. Одно спасенье — первыми выйти на кораблях к Каме и с Красной Армией двинуть врага. Ночь и день, день и ночь идет гонка, скорее приготовить суда к походу... Готовы! В бой!

Горнист играет боевую тревогу.

Мы первые, мы, матросы, первые прилетели к Каме. Удар был нанесен. Колчаковская армия дрогнула, и полетел Колчак!

Песня

Хор

Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель омский.
Припев:
Эх, шарабан мой,
Американка,
Не будет денег,
Возьму продам-ка!

Мундир сносился,
Погон свалился,
Табак скурился,
Правитель смылся.

Припев.

Хор

Омск отняли,
Иркутск заняли
И с шарабаном
И Колчака забрали.

Припев:

Эх, шарабан мой,
Американка,
Не будет денег,
Возьму продам-ка!

1-й ведущий. А на Балтике с весны идут бои с королевским английским флотом. Семьдесят два корабля «его величества» атакуют Кронштадт. Стой, красный матрос, держись, крена не давай! Тяжело, ох, тяжело морякам месяц за месяцем сдерживать натиск врагов... Привет шлет им пролетариат!

2-й ведущий. На фронт бросились одиннадцать тысяч матросов. И вот тогда враги узнали Петроград, столицу баррикад, стальную мощь народа, и руку моряка, и пролетария с красного завода.

1-й ведущий. В море, во мрак шторма идут против англичан четыре красных миноносца: «Константин», «Гавриил», «Свобода» и «Азард».

Песня

ПАМЯТЬ О ТРЕХ ЭСМИНЦАХ

Поэтому ль, потому ль, не все ли равно —
Не спрашивай, не спрашивай причин,
Они во мраке ночью утонули,
Нырнув на дно бесившихся пучин.

Их было три: один, другой и третий,
И шли они в кильватер без огней.
И волком выл в снастях разгульный ветер,
И ночь была из всех ночей темней.

Хор

Мы шли на вест, минуты коротали.
Мы шли туда, как говорил приказ,
Одна к другой подсчитывали мины —
Туда, где смерть подстерегала нас.

Мы шли на вест, несли врагу гостинцы,
Но враг не спал, оберегал свой стан,
И вот взлетели в воздух три эсминца
На минах хитроумных англичан.

Взорвались все, один, другой и третий,
Снопы огня и человечий крик.
Над морем разметал разгульный ветер,
И ночи стал еще страшнее лик...

1-й ведущий. Пусть погибли три эсминца, но в ноябре враг был разгромлен. Питер спасен. Английский королевский флот уходил во-свояси, потеряв двадцать семь судов. Гуд-бай, милорды!

И снова идут бои... Враг еще не сломлен. Матросы нужны на Каспии и на Азовье... Устала братва, много побито, полегло в степях и лесах... Много ушло на дно... И бывает — унынье найдет...

Песня

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Горит свеча дрожащим светом,
Матросы все спокойно спят.
А судно мчится полным ходом,
Машины тихо в нем стучат.
Один матрос из всей команды,
Склонивши голову на грудь,
С тоской по родине далекой
Бедняк не может уснуть.

2-й ведущий. Брось, товарищ, уж если петь про старину — так петь по-бунтарски. А ну, даешь!

Ответ хора. «Даешь!»

Песня

Свершилось смелое дело — командой убит капитан.
Кровавое бледное тело в волнах своих скрыл океан.
Долго матросы терпели, зверски был он жесток.
Но вот и они озверели, пришел их мучителю срок.

И скоро уж ветром надулась
Паруса белая грудь.
И радость к матросам вернулась:
К свободе, к свободе их путь.

2-й ведущий. Ножом старых капитанов-зверей! Штыком и пулей их сыновей — белогвардейцев!

И вот в разрухи грозный час
Летит от Ленина приказ —
Всем красным боевым судам
Итти к каспийским берегам!

Пройти огнем и вширь и вдоль,
Вернуть рабочим нефть и соль.
Идут к каспийским берегам,
Несут беду и смерть врагам.
Хоть укрепились вы хитро,
Даешь советское добро.

Снаряды меткие летят,
Форт Александровск нами взят!
Работа пуле и штыку —
А там, глядишь,
Берем Баку!

Враги бегут иль полегли,
Берем с налету Энзели.
Добычей нам — весь белый флот,
Матрос потачки не дает!
И в боевой и грозный час
Сумел он выполнить приказ.

1-й ведущий. И вновь матросы бодры духом. Рыщут в море, схлестываются с белыми судами. И опять бьют белых в Азовье и на Каспии.

Взято Баку, взято Энзели, весь белый флот захвачен целиком... Хороша весна тысяча девятьсот двадцатого...

2-й ведущий. Помню, помню дела каспийские, как не помнить. «Клеш — Баку берешь?» — «Известно, берем, как не взять». Стали мы с английским адмиралом Норисом лицом к лицу. Ну, ладно — Норис так Норис.

Развернулись мы к тому времени крепко: форт Александровск, Баку — взяли.

И попал этот Норис в Энзели.

Сидит скучает. «Дай, думаем, в гости к нему сходим — повеселим малость».

И 18 мая потопали в гости.

Ну, подошли к Энзели на зорьке — тарарахнули залпами. «Good morning», мистер Норис,— доброе утро — значит. Ну, англичане, конечно, удивились,— катавасия у них поднялась... Стали дипломатию разводить, туды да сюды, зачем да почему, да нельзя ли миром? Шлют радио. Помню наизусть его: «Старшему морскому офицеру. Послали вам белый флаг, чтобы просить ваши предположений. Персидский правительство просить, почему вы бомбардируйте нейтральный порт. Предлагаю консультаций. Английский командование. Энзели».

Куда там «консультаций»! Какой нейтральный порт, когда белый. Давай весь флот и никаких, смолим в них трам-тарам!

И вот топают матросы по персидским накаленным пескам, идут дорогу на Решт закрывать, только пыль крутится...

А это что? Шкандыбает старичок, в скатке, седой, сгорбленный. Будто отставной николаевский служака. Идет, и кровь запеклась.

— Куды, отец?

Глянули наши и обмерли — да это Васька наш!

— Да как же ты тут, ведь ты в госпитале был?

Подправился, кровь утер и говорит: «После. Сначала дела».

Ух, крепкой народ — матрос! Скрутил Ваську фронт: из балтийского хвата в два года старика сделал, а он идет, в цепи ковыляет...

Ну, ясное дело, англичан отрезали. Сунулась ихняя дивизия, выволочку дали, пошла обратно, а там ее наши корабли постукали. Дипломатию по боку и взяли Энзели. А в Энзелях весь белый флот. Одних мачт, что лес хороший. Ну, конечно, наши полезли и красные флаги подняли — все чин чином, очень аккуратно... пропало твое дело, мистер Норис! Сочувствуем, что ж делать, не ввязывайся однако. И стал с тех пор Каспий советским, не подберешься. А полезешь — на кулак матросский наткнешься. Во!..

1-й ведущий. Гражданская война подходит к концу. Еще — последние усилия! Добей Врангеля!

Одним из последних походов против белых был поход из Новороссийска десантного морского отряда. Отряд пересек Черное море и первым развернул красное знамя на южном берегу Крыма...

2-й ведущий. Пока год за годом идет бой, пока на тысячемильных пространствах бьются старые матросы, которые пошли умирать за власть Советов,— в тылу, в морских базах скопляется трусливая шпана, прикрытая флотской формой.

Голос. «Мы на фронт не пойдем...»

Хор. «Долой!» (*Свист.*)

2-й ведущий. Вот такая шпана, а набралось ее несколько тысяч, вот такие кулацкие сынки — липовые моряки — и подняли кронштадтский мятеж. Наш грех — недосмотрели!

Пошли матросы-фронтовики на мятежников. Плечом к плечу с ними — сотни коммунистов — делегатов Десятого съезда...

ПЕСНЯ

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
и т. д.

Взяли мятежников штурмом! Сорвали ленточки с их бескозырок...

1-й ведущий. Гражданская война окончилась. Вернулись старики на любимые корабли, а корабли старые, ржавые. За дело, за ремонт флота!

Комсомольское пополнение подвалило.— Смена идет! Встречают старики сынков, горластых, задорных, настоящих рабочих ребят.

КОМСОФЛОТСКИЙ МАРШ

Хор

Мы молот и серп зажигаем звездою
На небе фланелевых блуз.
Наукой матрос-комсомолец, борьбою
Скрепляет свой братский союз.

Припев:

Вперед же по солнечным реям
На фабрики, шахты, суда;
По всем океанам развеем
Мы алое знамя труда.

Мы, дети заводов и моря, упорны,
Мы волею нашей — крепки,
Не страшны нам, юным, ни бури, ни штормы,
Ни серые, страдные дни.

Припев.

Хор

Пусть сердится буря, пусть ветер неистов,—
Растет наш рабочий прибой.
Вперед, комсомольцы, вперед, коммунисты,
Вперед, краснофлотцы, на бой!

2-й ведущий. Знатно заработали на флоте. В гаванях грохот стоит, пневматика стрекочет, молоты бьют. Дымом тянет, краской пахнет... Хорошо! Поднимается флот. И уже на синих просторах вновь вьются алые флаги... Здравствуй снова, родимое море, здравствуй, милое!

Песня «По морям».

На сцене поднимаются флаги, расцвечивания... Фанфары.

1-й ведущий. Балтфлотом в навигацию тысяча девятьсот двадцать второго года проделана большая работа. В этом году удалось приготовить к плаванию большой корабельный фарватер в две мили шириной. Были отремонтированы и введены в строй линкор «Петропавловск» и учебное судно «Океан». Из морских школ выпущено тысяча шестьдесят три молодых краснофлотца. Предпринятые в конце лета морские маневры, не производившиеся в течение восьми лет, показывают, что Балтийский флот имеет право называться военным флотом.

2-й ведущий. Не хуже шли дела и на других морях. Как создавался новый флот на Черном море!

Пойдите и спросите черноморцев. Ответят: «Рабочие все могут сделать». Есть флот, смотри! Чья эскадра ходила в Константинополь?— Черноморская. Чьи миноносцы вспенили Средиземное море?— Черноморские. Какой флот сейчас на первом месте на юге?— Черноморский.

1-й ведущий. Упорно, шаг за шагом преодолевают краснофлотцы трудности, выковывая вместе с рабочими и крестьянами советскую морскую силу.

Да, мы бодры и сильны. Послушайте, что пишет английская буржуазия о Красном Флоте в своем журнале. *(Читает.)*

«Россия медленно, но верно восстанавливает военные корабли, превращая свой флот в грозную силу. Россия сейчас самая грозная морская держава на Балтике, и Красный Флот представляет собой опасное оружие в руках большевиков»[1].

Наш флот уже говорит басом, и недаром наши маневры на Балтике вызвали такое недовольство в буржуазных странах.

Наша политика обороны обозначает, что мы войны не объявим, но если на нас пойдут войной, то мы посмотрим, кто раньше обожжется.

Ленинград 1929 г.

---

[1] «Naval and Military Record» от 25 мая 1928 года.

ПЕРВАЯ КОННАЯ

О ПЬЕСЕ ПУЛЕМЕТЧИКА ВИШНЕВСКОГО

Никто из читателей и зрителей этой пьесы не сможет остаться спокойным. Старого бойца она заставит вновь вспомнить незабываемые переживания великих боев и походов гражданской войны. Молодому красноармейцу она покажет подлинное, неприкрашенное лицо дней, событий и людей, выковавших мощную Красную Армию. Рабочий получит от нее глубокий художественно психологический анализ эпохи своей борьбы за власть.

Мне хочется указать на то, что только пулеметчик Вишневский, боец Первой Конной, один из могучего коллектива ее героев, смог создать эту вещь — нашу вещь — конармейскую. Без выдумки, без прикрас, без ложного пафоса боец рассказал о бойцах, герой — о героях, конармеец — о конармейцах. Воспитанный Конармией, Вишневский говорит ее словами, мыслит ее мыслями. Он берет материал от самой жизни, широко используя документы, воссоздавая подлинные события, вводя в действие подлинных людей.

Вишневский показывает трагический гнет царской казармы. В этой казарме умеет он проследить истоки той классовой ненависти, которая двигала в бой дивизии Первой Конной. Он обнажает смертную тоску окопов империалистической бойни. Подлинный документ — письмо царского солдата с фронта в деревню — рассказывает зрителю не меньше, чем десятки страниц, написанных до сих пор на эту тему.

Он без прикрас рисует холодный быт теплушек, в которых бежали с фронта солдаты армии царя и буржуазии. Но в этой

же теплушке умеет он найти первые признаки нового солдата — солдата революции, будущего красноармейца

И когда он переходит к показу Первой Конной, читатель и зритель видит и знает самое главное — о т к у д а возникла Первая Конная, к а к и ч е м она рождена.

Вишневский не только знает, больше того, он понимает Первую Конную, и поэтому нарисованная им картина смерти политрука на польском фронте глубоко символична при всей своей простоте.

«Первая Конная» — наша конармейская пьеса. Она создана теми бойцами, которые сражались против Деникина, белополяков, Врангеля и героически бились в рядах ОДВА. Бойцу, пулеметчику Вишневскому выпала на долю большая заслуга претворить в художественные образы дела и слова его товарищей по великим походам.

С. БУДЕННЫЙ

Москва. Декабрь 1929 г.

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Драгун Иван Сысоев. Появляется в I эпизоде и ряде других, где он именуется «драгун» и «б. драгун»; строевой солдат, строен, чист лицом, акцент воронежско-донской (видють, ажно, гуторят и проч.). В 1913 году ему 22 года.

Офицер. Появляется как младший офицер — корнет. Холоден, жесток; когда надо,—мягок. В сцене, когда он делает наставления, как писать письма с фронта, он уже штаб-ротмистр; в сцене суда он председатель в чине ротмистра. В 1913 году ему 22 года.

Рабочий. Он же комиссар. Не в кепке и кожаной тужурке, а в гимнастерке, потом в пиджаке, финской шапке или картузе. Крепкий, простой. Сдержан, но прорывается порой кипящей горячностью (сцена с укрощением партизан: «Кого на испуг берете?» и в сцене «Ударники»). Появляется в царицынском цикле и далее во всей пьесе. В 1918 году ему 33 года.

Командир. Появляется в эшелоне как большевик, председатель комитета. Очень спокойный, ровный, сильный. Проходит через всю пьесу. В 1918 году ему 25 лет. Интеллигент.

Казак. Появляется (без слов) в эшелоне, в I акте. Поет. Казачий чуб, ухватка, акцент. Шаровары с лампасами, фуражка или папаха набекрень. В 1918 году ему 26 лет.

Ведущий. Наша совесть, наша память, наше сознание, наше сердце.

Прочие действующие лица меняются — течет масса разноликая, и в эпизодах надо давать всегда разных людей.

ПРОЛОГ

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ АРМИЯ

Ведущий. Был год 1913. Огромна Россия, великолепна столица Санкт-Петербург и ее дворцы. На утрамбованных солдатскими шагами плацах столицы царь принимает ослепительные парады войск... В мае — весенний парад гвардейской кавалерии. Золото кирас, лес пик, алые и синие вальтрапы с императорскими вензелями, белые султаны, трепет флажков, серые кони, ментики гусар, усачи-унтера... Многотысячная масса колышется. Кавалерия готова к маршу... «Арш, а-а-а-рш!..» Вот она тронулась...

Кавалерийский марш. Великолепие...

Смотр замечателен. Движения бесчисленных эскадронов и сотен так стройны, так верны, что замирает от силы красоты сердце у толп, усеивающих панели, балконы, крыши... Чудо-богатыри, орлы!.. «Ур-р-ра!»— висит над гигантским плацем...

Идем в казарму, к кавалеристам. Посмотрим ближе службу сдобную, красивую.

ЭПИЗОД I

«ГДЕ ВЫПРАВКА?!»

Рассвет в казарме. Тусклый огонь. Койка, шкафчик. На койке храпит человек. У изголовья стоит, не шелохнувшись, под шашкой молодой, безусый солдат.

Ведущий. Лейб-драгун Иван Сысоев на учении ошибся во время исполнения сабельного приема «на-караул». Лейб-драгун Иван Сысоев наказан. Он должен ночь отстоять под шашкой у постели взводного унтер-офицера, и так научится он быть настоящим российским императорским лейб-драгуном.

Драгун *(стоит, тихо опуская занемевшей рукой шашку)*. Братцы, за что же?

Храпящий взводный *(вскидывает голову и ревет)*. Как стоишь? Где выправка? Как шашка?! Подбери живот!..

Драгун выпрямляется. Далеко — бой утренних часов.

Ведущий. Какая выправка у чудо-богатырей царских!

ЭПИЗОД II

«БЕГОМ, БРАТЕЦ!»

Казарма. Горнист играет сбор. Голос унтер-офицера: «На молитву станови-и-ись!» Выстраиваются бегом. Идет какой-то офицер. Встреча с освобожденным больным. Больной тяжело ступает.

Офицер. Ты чего, братец?

Солдат *(руки по швам)*. Так что больной, ваше высокродь.

Офицер. Бегом, бегом, братец!

Больной тяжело ступает.

Бегом!

Солдат *(тоскливо)*. Болен я, ваше высокродь.

Офицер. Притворяешься, братец!

Солдат *(тоскливо)*. Болен я, ваше высокродь.

Офицер. На месте бегом — арш!

Солдат становится в соответствующую позу, согнув в локтях руки, и начинает бегать с мукой в лице.

Ать-два, ать-два, ать-два... Вот... вот... Хорошо бегаешь, лейб-драгун.

Солдат *(подавляя боль)*. Рад стараться, ваше высокродь.

Офицер. Ну, а потом в карцер за притворство, братец!

Солдат *(все еще бежит на месте)*. Слушаю, ваше высокродь.

В унисон гудят драгуны молитву.

ЭПИЗОД III

УЧЕНИЕ

Ведущий. Много заботы клали отцы-командиры на учение-просвещение...

Входит взвод. Команда: «Взво-од, стой!» Как один стали. «На-пра-о!» Щелкнули каблуки. «Подравняйсь!» Появляется ротмистр. Команда: «Смирно, равнение налево!»

Ротмистр. Ни к чо'ту вы не годитесь! Вида нет. П'иемы плохо выходят. Подзаняться! *(Идет, доставая из портсигара со шнурком папиросу. Мягко позванивают шпоры.)*

Младший офицер. Слуш-сь, господин ротмистр!

Ротмистр уходит.

Слышали?! Ни к чорту вы не годитесь. Вида нет. Приемы плохо выходят. Подзаняться. *(Уходит.)*

Взводный *(рычит)*. А! Ни к чорту вы не годитесь! Виду нет. Приемы плохо выходють. Подзаняться!.. А ну, я вас подзайму-у! По потолку — пальба взводом! Взво-о-од!..

После предварительной команды унтер берет папироску. Кавалеристы стоят с поднятыми винтовками. Чуть колышется линия штыков. Унтер прогуливается. Время от времени кому-нибудь кидает: «Я тибе шевельнусь!» Гуляет. В дверях младший офицер. Тогда унтер быстро выпаливает: «Пли!» Курки разом щелкают. Один с опозданием. Офицер кричит: «Сысоев!» Под-

скакивает и тычет кулаком в зубы безусого драгуна, спустившего курок с опозданием. Солдат тяжело качнулся назад и замер.

Ведущий. Ох, много заботы клали отцы-командиры на солдатское учение-просвещение!.

ЭПИЗОД IV

СЛОВЕСНОСТЬ

Помещение эскадрона. Солдаты сидят, ладони на коленях, каблуки вместе, носки врозь.

Ротмистр. Вот, б'атцы, вы должны понять, что вы защитники и слуги ца'я, п'естола и ве'ы... э-э-э... Вы носите мундиг... э-э-э... Мы защищаем святую ве'у и госуда'я импе'ато'а... э-э-э... от супостатов... внешних и внут'енних в'агов. Когда мы с богом — и бог с нами. И го'е, если он отв'атит лицо свое... э-э-э ... если мы будем г'эшны пе'ед ца'ем... э-э-э... Э-е... вот... Если в'аг нападет на нашу землю, мы оде'жим победу... э-э-э... на 'атном поле... э-э-э... На поп'ище чести, с'авы и пойзы... Помните завет: «К'епость в ве'е, ве'ность п'естолу, пойза и с'ава отечества...» э-э-э... Так, б'атцы?..

Все *(рявкают)*. Так точно, вашскородь! .

Ротмистр. Ну, вот, тепей с вами займется взводный. *(Взводному.)* Займись! *(Уходит.)*

Команда: «Стать смирно!» Все вытянулись. Потом по команде сели.

Взводный. Ну-ка посмотрим, как вы знаете высочающих и начальствующих особ... Сысоев!

Сысоев *(вскакивая)*. Я-а, господин взводный!

Взводный *(тянет)*. Скажи... мине... полный титул... командера... нашево корпуса...

Сысоев. Его... его...

Взводный *(яро)*. Чего егокаешь? Я те егокну!.. *(Меняя тон.)* Ты чиво такой некрасивый сиводни?

Сысоев. Так что два зуба их высокродь господин корнет выбить мне изволили...

Взводный *(равнодушно)*. А-а... *(Строго.)*

Ну, слушай титул. Лучше «Отче наш» знать должон! *(Чеканит.)* Его превосходительство свиты его величества генерал-адъютант генерал от кавалерии Безобразов... Ну, а титул командира дивизии?

Сысоев молчит.

В з в о д н ы й *(чеканит)*. Его превосходительство генерал-майор Раух! Ну, а кто наш бригадный? Не знаешь?! Слушай: его сиятельство свиты его величества генерал-майор князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон... Имени-и-тый!

В е д у щ и й. Взводный позволяет себе иногда щегольнуть другими знаниями. Он читает лекцию солдатам...

В з в о д н ы й. Ну, а что вы, серые порции, знаете о расписании формы одежды при различных случаях, показанных выше в алфавитном порядке? Ничего вы не знаете — службы еще не видели, расписания слыхом не слыхали. *(Заученно твердит без запятых.)* Пункт пятьдесят седьмый! Акты дворянские выборы открытие выставок и экзамены — форма обыкновенная. Пункт пятьдесят восьмый. Балы при высочайшем дворе на больших балах — форма парадная на малых — обыкновенная. Брачная церемония для участвующих как-то — жених отец невесты шафера и посаженый отец — форма парадная. Возложение венков — форма парадная. Вынос и погребение святой плащаницы — форма обыкновенная. Исповедь — форма повседневная. Причем свиты его величества генерал-адъютанты носят в парадном случае: мундир шляпу и саблю сапоги короткие брюки с галуном белые перчатки и шинель-пальто. Вот! *(Переводит дух.)* Повторить! *(Молчание.)* Звезда же старшего ордена прикрепляется к груди, как сказано выше, на расстоянии от середины звезды около трех и трех восьмых вершков, как от середины груди по горизонтальной линии, так и от крючка воротника мундира по вертикальной!.. А што вы знаете про ордена? Вам пуговицы блестящие с орлами дадены — и то спасибо скажите. Бывают ордена разные. Орден Леопольда, орден Искандер, Салис и Тадж, бухарский, английская Подвязка и Патрикея, орден

Спасителя греческий и Калатрава испанская и богоматери Монтезанской... Вот бывают какие... Вольноопределяющийся, повторите!

Вольноопределяющийся *(у него на груди университетский знак)*. Я, право, не могу... господин взводный.

Взводный. Ета вам не униситет!.. Тут думать надо!..

Ведущий. Много таких знаний вбивали в головы солдат. А о грамоте зачем и думать? Грамотный мужик — беспокойство...

ЭПИЗОД V

ЗАБАВЫ

Ведущий. А когда от зевоты, нуди, гнуси и тоски становилось тошно даже взводным — начинались забавы...

Группа унтеров в своем углу.

Взводный *(повернувшись к молодым солдатам, зовет)*. Куриленко!

Солдат. Я-а, господин взводный!

Взводный. На нос-ках сю-да!

Печатая шаг, подходит солдат.

Солдат. Честь имею явиться, господин взводный.

Взводный. Стой здесь. До особого распоряжения.

Солдат. Слушаюсь, господин взводный.

Взводный *(выбирает еще одного солдата)*. Архипов!

Солдат. Я-а, господин взводный!

Взводный. На нос-ках сю-да!

Подходит второй солдат. Прочие боязливо сидят, жмутся. Взводный начинает.

Куриленко, ты хохол?

Солдат. Так точно, господин взводный.

Взводный. А как русских называют у вас, хохол?

Солдат молчит.

(Грозно.) Ну-у! Как?

Солдат *(покорно, боязливо)*. Кацапы... москали, господин взводный.

Взводный *(делая вид, что обижен)*. Ка-ак? *(К Архипову.)* А ну, Архипов, бей хохла, чиво он нас, русских, обзываить так!

Архипов покорно, как автомат, бьет Куриленко по шее. Унтера смеются.

Пауза.

(Архипову.) Архипов, а ведь тебе, служба, не везет?

Солдат. Так точно, господин взводный, не везет.

Взводный. Сделай об етом сообщение на весь наш лейб-гвардии драгунский полк. Ну...

Архипов *(краснея от натуги, вопит страшным голосом)*. Мине служба не везет! Мине служба не везет!..

Взводный. Хватит, дурак!.. *(К Куриленко.)* Ну, отвечай мне, как генералу. Здорово, братец!

Куриленко *(рявкает)*. Здравья желаю, ваш-дитство!

Взводный *(делаясь важным)*. Отвечай теперь, как полному генералу. Здорово, братец!

Куриленко *(рявкает)*. Здравья желаю, ваш-сокдитст-во!

Взводный *(делаясь величественным)*. Ну, а теперь отвечай, как государю-императору. Здорово, братец!

Куриленко *(замирает, тянется и рявкает)*. Здравья желаю, ваш-прат-лит-ство!

Пауза.

Взводный. Ну, так... Молодец!

Куриленко. Рад стараться, господин взводный.

Взводный *(строго)*. Отвечай, как государю-императору.

Куриленко *(замирает, тянется и рявкает)*. Рад стараться, ваш-прат-лит-ство!

В з в о д н ы й *(Архипову)*. Архипов, а кто Куриленко?

А р х и п о в. Хохол, господин взводный.

В з в о д н ы й *(Куриленко)*. Куриленко, ен тибя обижаить. Как ен тебя обзываить? Дай ему раза.

Куриленко покорно, как автомат, бьет по шее Архипова. Унтера смеются.

(Обоим солдатам.) Слушай оба мою команду. Кру-гом!

Куриленко и Архипов делают четкий поворот, щелкая каблуками.

В з в о д н ы й. Ат-ставить!

Оба поворачиваются обратно.

Чище, как на пружинке. Кру-гом!

Снова хороший поворот.

Ат-ставить! *(Сердясь для того, чтобы «подрепертить» подчиненных, ревет.)* Как на пружинке, с огнем! Как на смотру! Иде служите? На царской службе! Забыли? Кру-гом!

Поворот с максимальным блеском. Оба застыли.

По своим местам, шагом... арш!..

Печатая шаг, оба солдата идут к себе

ЭПИЗОД VI

«ПИСЬМА ПРИНЕСЛИ»

В е д у щ и й. И веселье бывает в казарме. Крепкое веселье. Весело гляди, кавалерийский солдатик!

Стуча подошвами, молча танцуют с о л д а т ы перед унтерами. Гул солдат: «Письма, письма принесли!» Солдаты в оживлении. Появляется в з в о д н ы й у н т е р-о ф и ц е р. Солдаты замерли. Унтер важно садится. Долго вертит письмо. Солдаты ждут, мнутся.

В з в о д н ы й. Тар-ас Охри-ме...

С о л д а т. Я-а, господин взводный!

Взводный. Дурак, рази я усю фамилею твою досказал? Кудды ты лезешь, хохол проклятый!

Солдат (*испуганно*). Виноват, господин взводный.

Взводный (*снова, растягивая*). Та-рас Охри-мен...

Пауза. Охрименко стоит — не шелохнется. Взводный любуется им.

Стой, стой, хохол. Ишь, письма захотел. Поди, от бабы?.. Сладкая у тибе баба, а?

Взводный ржет. Солдаты подражают взводному и ухмыляются, некоторые же стоят хмуро.

Взводный. Сладкая? Га-га-га... Смешно... Смешно, ребята?

Гул. Так точно, господин взводный!

Взводный (*взводу*). Ну, смейсь!

Странный, послушный смех.

(*Слушает. Потом выпаливает конец фамилии Охрименко.*) «Ко!»

Охрименко (*бросается вперед и делает стойку, выпаливая*). Я-а, господин взводный!

Взводный. Тибе, знаца, письмо! Эва! Тольки ты за письмо ета спляши.

Охрименко понуро и покорно начинает гопака. Солдаты понуро, тихо дают мотив.

Взводный. И-эх! Жги!

Охрименко бьет ногами еще сильнее. Взводный крутит перед носом солдата письмо, и тот, стуча каблуками, тянется.

Ловчее!

Охрименко бьет еще сильнее.

Взводный. Так... ланно! (*Кричит.*) Стой!

Охрименко с хода вытягивается в струнку.

Взводный. Возьми письмо. Ну-ка, что баба пишет? Читай!

Охрименко неумело разрывает конверт. Тишина. Глядит. Читает про себя. Хихиканье взводного.

Охрименко *(стоит молча. Потом тихо говорит)*. Отец у мене умер... Згинет хозяйство... малы дити...

Молчание. Взводный, заложив ногу на ногу, качает носком сапога.

Ведущий. Веселый гопак в казарме царской! Ух, как лихо пляшут, какие коленца выводят веселые хваты кавалерии царской!

ЭПИЗОД VII

МОЛИТВА

Шеренга. В углу икона Николы-угодника, мерцает лампадка. Замерли все. В унисон гудят: «Отче наш». По шеренге сзади крадется, тыкая злобно кулаком в спины, вахмистр.

Вахмистр. Как стоишь? Как стоишь?

Пение сбивается.

(Крестится.) Отставить молитву! Я вас научу службе! Вы у меня, как тумбочки, в строю стоять будете, как мертвенькие! Сказано: святое место — строй, сукины дети!.. Замри!.. Я вас загоняю, я вас выучу!.. Продолжай молитву!

Молитва продолжается.

ЦИКЛ ПЕРВЫЙ

ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА

ЭПИЗОД I

«НИХТ ШИССЕН»[1]

Ведущий. Царская Россия воюет... Висла, Мазурские озера, Галиция, Карпаты, Августовские леса. Царская Россия воюет!.. Пятнадцать миллионов мужчин оторваны от семей. Царская Россия воюет...

Год 1916... Окопы на Стоходе...

Окоп глубокой профили (выше человеческого роста). Видны проволочные заграждения. Над окопом козырек (деревянное прикрытие, засыпанное слоем земли). В бойницах винтовки. Штурмовая лесенка. Полевой перископ. Группа солдат у входа в блиндаж. Покуривают. Солдаты в шпорах, с шашками (спешенные лейб-драгуны). У перископа наблюдатель. Рядом стальной щит с прорезью. Солдат уныло поет: «Пишет, пишет царь ерманский, пишет русскому царю...»

Носильщики проносят на шинели какого-то убитого лейб-драгуна. Руки трупа болтаются. За носильщиками — один с лопатой. Солдаты притихли, крестятся.

Архипов. Тут до нас Преображенский полк наступал... Тоже положили их много... Народ здоровый — во *(жест выше головы)*, дуболомы! Скажем, в

---

[1] Не стрелять (перевод с немецкого).

первой государевой роте... Шли, значит, преображенцы наступать потемну. Подготовку какую артиллерия сделала? Известно — поковыряла мало-мало, и хватит. Да и то как: прицел пять, трубка пять — по своим опять. Проволока-то у немцев целая осталась. Ряда четыре.

1-й голос *(желчно)*. Русский солдат здоровый, руками порвет.

2-й голос. То-то и навалило преображенцев... Порвали...

Архипов. Да... преображенцы, значит, потемну пошли... Молчат... «Ура» не велено было кричать... Идут — «на руку» держат. Подошли к проволоке. Давай резать... А немцы глядят — видят... Что такое?! Громадины!.. Испугались, думают — кавалерия... И верно, ох, дуболомы здоровые эти преображенцы! *(Жест выше головы.)*

3-й голос. Повоюем — помельчают, небось...

Пауза.

1-й голос. Заяц поутру забежал промеж окопов — вот смеху было!

2-й голос. Стреляли?

1-й голос. Положили, задрыгал и лег... Поди достань... Немец, брат, тебе достанет!

3-й голос. Заяц невкусный...

2-й голос. Поди не съел бы?

Проходит с забинтованной рукой раненый, алеет повязка.

1-й голос. Какова эскадрона?

Раненый. Торова.

1-й голос. Что у вас там?

Раненый. Садит с тяжелой — сил нету. Всех выбьет. Накаты выворачивает. Мортиркой бьет. *(Уходит.)*

2-й голос. И до нас доберется.

3-й голос. А ты не сглазь! Тибе не мнут — ногам не дрыгай.

В щит со звоном бьет пуля. Наблюдатель шарахается.

1-й голос. Ишь, кладет. У них винтовки с трубками, посмотришь — все видно. Бей на приз.

Из-за поворота — офицер и вахмистр. Солдаты приподнимаются, но чести не отдают, так как уже видели офицера несколько раз с утра.

Офицер. Придется его под шашку. Не могу, не могу... Если под суд отдать — ему же хуже будет. *(Раздраженно.)* Вообще — дрянь он.

Вахмистр *(окая)*. Вашскородь, где поставить прикажете?

Офицер *(кивая на бруствер)*. Тут, наверху.

Вахмистр *(изумленно)*. Наверх, вашскородь?

Офицер. Ну да...

Оба уходят за второй поворот — за траверс.

1-й голос. Это Сысоева Ваньку.

2-й голос. За што?

3-й голос. Взводному по роже дал, тот его загрыз, со света сживает.

2-й голос. Ну, постоит — не спортится.

1-й голос. Ды-к его туды — наверх...

3-й голос *(недоверчиво)*. Нно-о-о? Брось!

Входят вахмистр и Сысоев.

Вахмистр *(официально)*. Сысоев, под шашку! Только час!

Сысоев *(отдавая честь)*. Слушаю, господин вахмистр!

Вахмистр *(дрогнувшим голосом)*. Становься... Приказано. Все одно — либо под суд... Смерть ведь на суде примешь. А тут, может, обойдется. Лезь, милой, наверх... с молитвой.

Солдаты не верят ушам и цепенеют. Сысоев стоит, как полагается стоять российскому кадровому императорскому лейб-драгуну. Пауза.

Лезь, милой, с меня спросят. Оба пропадем... Лезь... *(Испуганно тычет рукой.)* Ну, лезь... Постой там

малость. Я враз, я скоро... доложу,— отстоял, мол... *(Пятится и бормочет.)* Лезь, Сысоев, лезь... *(Скрывается за поворотом.)*

Вечереет. Сысоев смотрит на штурмовую лестницу. Две пули со звоном бьют в щит. Наблюдатель шарахается. Сысоев поправляет фуражку и привычно поднятым пальцем проверяет, на середине ли кокарда.

Сысоев. Прощайте, земляки. Бог видит — занапрасно...

Солдаты молчат. Сысоев лезет по лестнице на бруствер. Пуля бьет в щит, наблюдатель вздрагивает. Солдаты невольно бросаются к бойницам. Щелкают затворы. Сысоев уже на бруствере. Он вырисовывается на закатном фоне германской стороны сильной фигурой. Став, как полагается стоять российскому императорскому кадровому гвардейцу, он с отрывом руки выхватывает шашку. Пуля бьет в щит. Сысоев наклоняет голову, выправляется и замирает в стойке, держа шашку у плеча. Еще две пули — «тук-пак-тук-пак...»

1-й солдат *(к своим)*. Не стреляй, братцы, хуже будет...

2-й солдат. Убьют Ваньку... Немец сыпанет...

Проносят на шинели еще одного убитого. Носильщики не замечают Сысоева.

3-й солдат. Господи... Отче наш...

Пуля — «тук-пак». Сысоев втягивает голову.

Наблюдатель. Эй, немец махает! Глянь-ко...

Солдаты приникли к бойницам. Темнеет. Издалека, с немецкой стороны, голос, неясно различимый.

Голос. Ру-у-ус, камрад... вир воллен нихт шиссен... Нет сичас стрелять... не можно.

Драгуны *(слушают, высовываются на цыпочках и вопят)*. Камрад!.. Солдат, камрад! Солдат — свой!.. Не бей его!.. Ох, прожектор!

Прожектор белым сиянием обдает застывшего императорского гвардейца Сысоева и драгун, поднявших большие добрые руки и впервые что-то познавших... С немецкой стороны далекий голос: «Геноссен, камрад, ру-у-ус...»

Шопот драгун. Камрад кличет... Не бьют... Видют — в чем дело.

Показывается вахмистр.

Вахмистр *(нервно)*. Сысоев, живой? Сысоев, шашку в но-о-жны! Ой, милой!

Сысоев отчетливо делает прием, но стоит. Ждет другой команды. Прожектор вновь белым сиянием обдаст Сысоева. Вахмистр командует, вспомнив, что Сысоев ждет: «Кру-гом! В окоп бегом арш!» Сысоев делает поворот и прыгает в окоп. Носильщики на шинелях проносят еще одного убитого.

1-й голос. Какого эскадрону?
2-й голос. Всё второва... бида...

Вахмистр гладит Сысоева по плечу.

Сысоев *(тихо кому-то отсутствующему)*. Камрад, а? Камрад...

ЭПИЗОД II

ПИСЬМО С ПОЗИЦИИ

Ведущий. 20 февраля 1917 года.

Сцена 1-я

Окоп. Землянка. Стол. Сидит офицер.

Офицер *(вертит бумажку и читает)*. «Копия с копии. Секретно». Так... «Отмечается, что в просматриваемых военной цензурой письмах нижних чинов участились описания, кои могут принести явный вред русской армии и посеять нежелательные и пагубные мысли в населении». Так... «Сообщается на предмет принятия надлежащих мер внушения в отношении нижних чинов...» Так... Надо посмотреть...

Сцена 2-я

Окоп. Солдаты. Говор. Поют жалобно-тоскливую песнь о войне.

Сысоев *(тихо)*. Была бы моя воля, ушел бы отседа — хоть по жнивью босому итти было б до самого

дома... Травку бы ел, хлеба не просил — уйти бы отседа... Ах, бьют народ, бьют...

1-й солдат *(зло)*. Земля жирнее будет...

2-й солдат. Народ умней станет...

Сысоев. И за што бьют? Што — я ково с немцев обидел, или меня немец обидел? Такой же солдат, как и я... До службы он копался в земле — и я копался. А теперь — иди, бей его, а он тебя... Пленных тут гнали — и зла в них нет, и на них у меня нет.

Голос унтера. Сысоев, эскадронный требует. На носках живо!

Сысоев быстро подтягивается и идет.

Сцена 3-я

Та же землянка. Стол. Сидит офицер. Входит Сысоев.

Сысоев *(с порога)*. Ваше высокродь, дозвольте взойти?

Офицер. А, входи. Здорово, Сысоев!

Сысоев *(козыряя)*. Здравья желаю, ваше высокродь.

Офицер. Давай, брат, потолкуем.

Сысоев *(козыряя)*. Слушаю, ваше высокродь.

Офицер. По душам... Ты стой вольно... Ладно...

Солдат становится вольно, но весь «как полагается».

Ты что, женат, дети есть?

Сысоев *(козыряя опять)*. Так точно, женат, вашсокродь.

Офицер *(мягко)*. Ты ведь с начала войны... На позиции уже третий год. Был, кажется, ранен?

Сысоев *(козыряя)*. Так точно, ваше высокродь.

Офицер. Да, мы с тобой много перенесли. Ты только раньше не совсем исправен был... Да, да... Теперь ничего как будто... Ну, скажи просто, как тебе война? Домой не тянет?

Сысоев в раздумье.

Говори, братец, давай разберемся... Куришь?

Сысоев *(козыряя)*. Никак нет, не курящие мы, ваше высокродь.

Офицер *(смотрит мягко и грустно)*. Говори, друг, тянет домой?

Сысоев *(козыряя, заученным тоном)*. Так точно, конешно, бывает, когда и подумаешь, но только раз призваны мы, так уже первое дело служба, ваше высокродь! Немца победим, замирение будет, так уже тогда и домой.

Офицер *(в сторону)*. Врет, каналья, или нет? Не узнаешь от них. Ну, чорт с ним!.. *(Солдату.)* Так, голубчик, ты и в письмах пишешь?

Сысоев. Так точно, ваше высокродь, чтоб, значит, понимали.

Офицер *(мягко)*. Да, да, ты так и пиши. Пиши вот, что можно надеяться на победу... Снарядов в изобилии. Что еще? Да, кони в теле. Нам остается быть героями... Понятно?

Сысоев *(козыряя)*. Так точно, понятно, ваше высокродь. *(Чеканит.)* Надеяться на победу, снарядов в изобилии, кони в теле, быть героями...

Офицер. Ну, а ты мной доволен и другими господами офицерами?

Сысоев *(козыряя)*. Так точно, доволен, ваше высокродь!

Офицер. Ну, можешь итти.

Сысоев *(козыряя)*. Счастливо оставаться, ваше высокродь.

Четкий поворот. Сысоев уходит.

Сцена 4-я

В избе читают вслух письмо. Народ.

Чтец *(монотонно)*. «С нами бог. Любезная и дорогая супруга наша и детки. Я, слава богу, жив, здоров, сего блага и вам желаю. Низко кланяюсь за любовь истинную к нам. Почтеннейшее письмо ваше получил, стоявше на позиции, и гостинцы тоже. Сими подарочками пользовались от души и с чувством супружней благодарности.

Живется сравнительно нам хорошо, только благодаря тесноте вши, прости господи, докучают.

Нам весело служить с начальниками лихими, и, слава богу, можно надеяться на победу русскими над немцами. Слухи сбываются на деле — всего в нас в изобилии: и снарядов, и насущного, и кони сыты, в теле. Остается быть героем, призывая божие благословение, все войска одним духом вдарят грудью, и с божьей помощью победим беспременно, и тогда можно мириться.

К пасхе продай, супруга любезная, об чем я тебе писал, и вышли денег в полк мне и белья. Желаю милости божьей и веселья духовного и быть здравыми в кругу семьи и еще много доброго дождаться. Известный вам Иван Сысоев.

20 февраля 1917 года. Действующая армия».

Голос бабы. Спаси, помилуй...

2-й голос. Пишет — слава богу, ничего...

3-й голос *(старик, доволен)*. Кони в теле... Герои...

4-й голос. Вот Фомка вернулся без руки, говорит, бьют наших. Кому верить-то?

Голос бабы. А может, Фомка врет?

4-й голос. И с чево ба?

Старик. Верь, баба, чево муж пишет.

ЦИКЛ ВТОРОЙ

ЭПИЗОД 1

«РОССИЯ. ПОЖАЛУЙТЕ В АТАКУ»

Ведущий. Был март 1917 года. С царем рассчитались. Свобода. Весна. Жизнь шумит.

Марсельеза.

И ждало ободренное сердце солдатское доброй вести. Ждало тревожно справедливого решения о войне... Дождался солдат!

Вспыхивает текст: «Временное правительство будет стремиться довести войну до решительной победы. Это стремление всенародное. Временное правительство, ограждая права родины, будет вполне соблюдать обязательства в отношении наших союзников: Англии, Франции, Бельгии, Италии и прочих».

Нетерпеливо требовали русского мяса и русской крови представители Англии, Франции, Бельгии, Италии и прочих... Крови, мяса русского, солдатского!.. Нетерпеливо играли союзники сигнал атаки.

Сигнал атаки.

Нет ответа на сигналы! Никто не идет в бой!
Нет охотников класть головы напрасно. И за что бы драться! По-старому все осталось!

Холодный голос кого-то невидимого: «Солдаты не хотят воевать? Не хотят наступать? Ввести военно-полевые суды! Восстановить смертную казнь!»

ЭПИЗОД II

СУД

Полумрак. Стол. Зеленое сукно. За столом три офицера. В середине председатель суда — офицер лейб-драгун. На груди у него Владимир с мечами. Перед столом солдат. На груди — георгиевский крест.

Председатель. Имя?

Солдат. Иван.

Председатель. Фамилия?

Солдат *(окая)*. Флегонтов Костров.

Председатель. Какой части?

Солдат. Рядовой 458-го Суджанского пехотного полка.

Председатель. Присягу Временному правительству на верность принимал?

Солдат. Заставили подписать какую-то бумагу...

Председатель. Подсудимый Костров, вы обвиняетесь в отказе принять участие в наступлении и в подстрекательстве других к означенному действию. Можете указать себе защитника по выбору.

Солдат *(тихо, немного удивленно)*. Кто жа мне защитник тут?.. Не нада...

Председатель. Подсудимый, что можете показать?

Солдат *(тихо)*. С начала войны я в окопах. Значит — три года... Вышла свобода... Землю нам нада... А на что мне земля, если меня не будет — как убьют в атаке?! И за ково драться?.. Кто командиры наши?.. Полковник кричал на собранье: «Я, сволочь, вас сек и сечь буду и пятьдесят розог всыплю. Сегодня, говорит, красный флаг, но не верьте свободе — завтра будет черный и зеленый...» Просили комитет убрать его, полковника, а в комитете кто? Внутренние враги позабивались. Нет правды...

Председатель. Говорите по существу, подсудимый.

Солдат. Я што знаю, то и говорю...

Председатель. Что можете добавить, подсудимый?

Солдат *(тихо)*. Довольно с нас таких правов, такого, чтобы было по старому закону... Только мы выйдем наступать, нас тут вот и побьют... Я же разведчик, сам лазил, у немцев проволоки сколько рядов — я видел. Выйдем наступать — побьют. А земля кому? Вижу, куда гнет начальство, все ведь старые сидят.

Председатель. Садитесь, подсудимый. *(Пауза.)* Все обязаны уважать законы государства российского и указы Временного правительства. Суд приступает к голосованию. Приговор зависит от большинства голосов. Слово ваше, господин капитан.

Капитан. Дело ясно. Трус.

Солдат невольно смотрит на свой георгиевский крест и трогает его.

Дезертир. Виновен. К смертной казни.

Председатель. Господин поручик.

Поручик *(волнуясь)*. Несчастие родины — распропагандированные люди... Они портят нравственную атмосферу в войсках. Но я верю в русского солдата, я знаю... Я в Галиции в 1914 году...

Председатель. Короче, господин поручик.

Поручик *(волнуясь и смущаясь)*. Все происходящее, конечно, ужасно... Перед лицом врага нельзя вносить в армию разлад... Кроме того, политические волнения... Я голосую за необходимую меру...

Председатель. Именно?

Поручик. Я бы учел... смягчил... Но, конечно, если нужно... Нет, нет, я не могу!

Председатель. Я понимаю вас, поручик... Вы «принципиально» против смертной казни... Один голос за, другой воздерживается... Подаю свой голос...

Пауза.

Подсудимый, встаньте. Ваше дело рассмотрено. Военно-полевой суд 14-го армейского корпуса большинством двух голосов против одного приговаривает ефрейтора 458-го Суджанского полка Кострова Ивана Флегонтовича... *(пауза)* к смертной казни...

Дробь барабана. Темнеет.

Ведущий *(в зал)*. Это — свобода Временного правительства... Исполнителями приговора над солдатом, который был виновен в том, что не хотел драться не за свои интересы, исполнителями приговора не были солдаты. Солдаты не подняли винтовок на брата своего. Солдата расстреляли офицеры да ударники корниловские... Не успел ни с кем проститься солдат... Не успел и в лицо палачам посмотреть. Товарищи, которые живые! Хорошо запоминайте офицерский лик — царской армии! Придет время — станут против нас,— узнавайте, в лоб им цельте!..

ЭПИЗОД III

В ЭШЕЛОНЕ

Ведущий. Прогремел Октябрь... Пошел год незабываемый — 18-й. С германского фронта начался великий исход окопного народа. Будет с войной, пошабашили! Земля зовет!..

Эшелон с германского фронта. Теплушка. **Пятеро солдат.** В папахах, с котомками. Дверь прикрыта. Стук в дверь.

— Чего там?

— Пустите, братцы, замерз.

— Полно и так! *(Между собой.)* Не пущать никово! К лешему! Набьется тут разной сволочи...

Стук снова.

— Братцы, замерзаю!

Флегматик. Иди к чортовой матери!

Гармошка пиликает. Ответ печки. Стук слабеет. Гармошка. Новый стук.

Новый голос снаружи. Гей, открывай! Забились, тараканы! Открывай!

Флегматик. Иди к чортовой матери!

Голос снаружи. Я вот тебе пойду! Открывай, слышь!

Яростный стук. В ответ из вагона гул: «Убирайсь... Разорался... горластый! Кипятком ошпарю, отскочь!»

Голос снаружи. Эй, берегись, с автомата дерну! Кости-кишки прошью! Ну?

В вагоне сразу тихо.

Один *(грубо-примиренно)*. Ты кто, с автоматом-то?

Голос снаружи. Отбился от свово шалона.

Из вагона. Какова?

Голос снаружи. Гвардии драгунского полка.

Из вагона *(между собой)*. Пущай лезить, а то ошалел — ище и верно прошьет. Ишь — гвардия. *(В дверь.)* Ну, лезь, эй!

Дверь со скрипом открывается. Вваливается Иван Сысоев. У него винтовка, шашка, сумка и ручной пулемет.

Один *(весело)*. Эва, хотел в нас застрочить — ничего себе швейная машинка! *(Хохочут.)*

Сысоев. Ну-ка подсобляй — замерз тут упамший... под вагоном — пехотный один... Он к вам не дозвалси... Сидят тут, как богатыи!

Солдаты лезут, достают полутруп, волокут, трут его, он стонет.

Один *(зло)*. Дверь закрой! Эй! Напустили, черти, холоду!

Дверь со скрипом закрывается. Гармошка пиликает. Снова стук в дверь.

Голос снаружи. Эй там, открой!

Флегматик. Иди к чортовой матери!

Голос снаружи. Открой!

Сысоев. Полно здесь — некуды...

Голос снаружи. По-человечески говорю — открой!

Один *(дразня)*. А ишо што?

Голос снаружи *(передразнивая и грозно)*. Што ишо? Гранату хотите? Рвану!

Все замерли.

Сысоев. Пущай лезить — в меня тоже, серьезный. *(В щель.)* Лезь!

Дверь со скрипом отворяется. Влезает солдат — на нем шинель, котомка, папаха, на поясе граната Новицкого — «фонарик».

Один *(весело)*. Здоров, «гренадер»! Ишь, сколько вас, гранатных таких, понаделали!

Солдат. Здоров!

Новый солдат тянется к печке. Гармошка пиликает. Сысоев курит, поглядывая на «гренадера». Кто-то храпит.
Тихо, кто-то гнусавит: «Три деревни — два села, восемь девок — один я...»

ЭКРАН

Вспыхивают одна за другой торопливые буквы юзограммы, и слышен стук аппарата:

«Ростов-на-Дону. Юзовка. Бахмут. Луганск. Таганрог. Горловка, Дебальцево. Вне очереди, срочная, военная. Товарищи, враг очень близко и уже угрожает Донецкому бассейну. Немедленно отправляйте силы против контрреволюции... Завоевания рабочей и крестьянской революции в опасности. Разбойные банды гайдамаков и немцев вторгаются в глубь России и Украины, угрожают Петрограду, Одессе, Харькову. Все на защиту своих прав...»

Ведущий. По пятам эшелонов идут гайдамаки на Украине, стена стальных шлемов германо-австрийских дивизий. Идут, и искры сыплются из-под кованых сапог...

Барабан.

Ой, быть беде! Стойте, товарищи, не бегите к дому!

В теплушке пляс и свист.

Нет, не слушают. Домой, домой!..

ЭПИЗОД IV

«ГРЕНАДЕР»

Тот же вагон. Те же солдаты. Отсвет печурки. Далекий гудок.

1-й голос. Долга стоять будем?

2-й голос. А вот начальника станции тиснут — так и пойдем. Са-ба-таш чиста!..

3-й голос. Стрелять гадов! Ишь — Гаврилы. Шалон держут!

У печки сидит бородатый солдат, к нему, проснувшись, подсаживается другой солдат — молодой комитетчик.

Солдат *(окая)*. С какова фронту, земляк?

Комитетчик. С германского. *(Шутливо.)* Годок.

Солдат. Отвоевались?

Комитетчик. Не совсем.

Солдат. Ну — начисто. Теперь кто же против нас! Вваливай к бабам! Ой, доеду в деревню... *(Крякает.)* Попостилси...

Сысоев вдруг подходит к беседующим.

Сысоев. Земляки, эвон, видите, у меня два зуба выбиты?

1-й голос. Ну, видим.

Сысоев. А знаешь, кто выбил? Корнет, офицер наш. Еще в тринадцатом годе. «Ни к чорту вы, говорит, не годитесь...» На занятии эта. «Вида нет. Приемы плохо выходють...» И раз — по зубам. Два и вышиб. А потом на бруствер ен меня ставил под шашку. Стреляй, немец... Во! В революцию ен с полка убег...

1-й голос. Бывало... У нас тоже, вот, в Егерском полку под Ломжай...

Сысоев *(нетерпеливо)*. Стой! Знаешь, где этот офицер?

1-й голос. Ну?

Сысоев *(тихо)*. Эвон он — «гренадер», сидит переодетый.

«Гренадер» вскакивает, хватает гранату, солдат к нему.

Офицер. Наз-зад! Берегись!

Все жмутся. Офицер, держа высоко гранату, плечом открывает дверь, спрыгивает и ускользает.

Голоса. Убег!

— Ловка!

— Ч-чорт!

— Где ево на путях ночью сыщешь?!

Сысоев. Поймаю где — живого съэм! Попомните!..

Флегматик *(вдогонку офицеру).* Иди к чортовой матери!

Комитетчик *(к бородатому собеседнику).* Так говоришь, папаша, кто ж теперь против нас? Нету, мол? А этого видал? *(Жест в сторону беглеца.)* Не заметил? Куда они бегут? К Корнилову!

Взбудораженные солдаты слушают.

Бить их надо итти сейчас, пока не собрались. Организуются — плохо будет.

Голоса. Известно...

— Тада делов будет.

— Хвост накрутят кой-где!..

Комитетчик. Надо в отряды итти.

Голос *(насмешливо).* Ета — в красногвардию?

Комитетчик. Да.

1-й голос *(насмешливо, пискливо).* Красную?

2-й голос. Ну, и иди... А мы — домой.

3-й голос. Не навоевался? Эх!

4-й голос. Вот поди — тибе офицера́ сделают, как бог черепаху сделал...

Гармонист. Ты што много понимаешь, умный? Большавик?

Комитетчик. Да.

1-й голос. Ну и воюй, кто тибя держит... Вали один в цепь, рассыпайсь, во! Ха-ха-ха. Брось ево, ребяты!

Гармонист дает задорный мотив. Один притопывает. Свист.

ЭКРАН

«Завоеваниям революции угрожает опасность. Товарищи, формируйте отряды. Задерживайте врага...»

1-й голос. Эй, большевик, чиво стоишь? Иди, вдарь ножкой!

2-й голос. Не журысь!

3-й голос *(давясь смехом).* Ен ноги берегеть, иму пшо воевать нада. Гы-ы...

Комитетчик. Да, земляки. Придется хватить. И вы походите с трехлинейкой.

1-й голос *(комитетчику, зло).* Закройсь, там!

Пляска, свист.

Ведущий. Домой, домой!.. И ничего кругом не видит окопный народ. А на Дон офицеры идут... А на Украину идет армия Вильгельма...

ЭПИЗОД V

ТРИ ОТРЯДА

Та же теплушка. Храп. В чуть приоткрытую дверь, в рассвет, задумчиво смотрит комитетчик.

Ведущий. Разве ж, наконец, никто не видит, что кругом вырастают вражьи отряды?! Кто видит, эй?.. Вот они! Видят! Идут на защиту родины. Матросы. Красногвардейцы...

Мимо эшелона мерная поступь людей. Песнь.

Комитетчик. Какая часть, товарищи?

Голос. Первый луганский социалистический партизанский отряд.

Комитетчик. Кто во главе?

Голос. Ворошилов.

Комитетчик. Кто он такой?

Голос. Луганский рабочий

Ведущий. Идет еще отряд.

Мерная поступь. Новая песнь.

Комитетчик. Какой отряд, товарищи?

Голос. Партизанский добровольческий, Красной Армии — шахтеры.

Комитетчик. Кто во главе?

Голос. Щаденко.

Комитетчик. Кто он такой?

Голос. Донской области портной.

Ведущий. Идет еще отряд, шинели старые, виды видывали, бойцы на заказ — здоровые, суровые.

Топот. Песнь.

Комитетчик. Какой отряд, товарищи?

Голос. Конный партизанский.

Комитетчик. Кто во главе?

Голос. Буденнай.

Комитетчик. Кто он такой?

Голос. Старай солдат, драгун. Батрак.

Комитетчик. Я с вами.

Голос. Вали!

Комитетчик спрыгивает вниз. В теплушке храп. Кто-то просыпается, хрипит: «Опять, черти, холоду напустили!»

ЭПИЗОД VI

ВРАГИ НАСТУПАЮТ

Ведущий. Немецкие и австро-германские дивизии шли стеной на Украину и Дон. Кованые сапоги с искрами выбивали шаг.

Барабан.

Шли рядом белоофицерские русские части, беспощадный полк Дроздовского. С румынского фронта. На Ростов.

На Дону уже атаман-генерал. Слал полковников и есаулов — Гнилорыбова, Попова, Чернецова, Семилетова, Грекова... Пошла на крестьян охота, как на зверя... Двинулся и Корнилов...

Коротка была свобода крестьян-фронтовичков окопных. Считанные дни. Пошли по югу России белые полки корниловские.

По станицам, селам и хуторам, по талым степям Дона, Кубани и Ставрополья бои пошли... Вновь воюет Россия. Гремит степь, от огня снег станвает... Из рук в руки станицы, села и хутора переходят... На корниловом пути большой бой идет... Село Лежанка, Ставропольской губернии...

Изба перебивающегося мужика. Иконы, полотенца, солдатские карточки, бумажные цветики... Сидит Сысоев. Ест из миски, чавкает и философствует.

Сысоев. Ай, хорошо дома! Целы кости довез... Ой, Ванька, бирегеть тибе бог... Но до чево ж народ сдурел... До чего сдурел... И што деется? Свой свово лупит, име, фамилие не спрашиваеть... И чево волтузятся — воздыху им мало в Расеи, што ли? В спокой надо приходить... Вот как бы я. Посев скоро, пасха...

Ну, хошь ба нитральтет держали б... Кому нада — держись, а нежелающие сами по себе... *(Кричит.)* Эй, баба, принеси-ка кваску испить! *(Потягивается.)* Эх, житье — малинка!..

Шаги. Сысоев, не оборачиваясь, протягивает руку за квасом. Квасу нет, рука шарит в воздухе. Сысоев оборачивается. Перед ним человек в папахе с алым верхом и в бурке.

Вошедший. Хозяину!

Сысоев *(встает)*. Заходи, коль добрый человек.

Вошедший. Здоров.

Сысоев. Здоров.

Вошедший оглядывает избу. Сысоев оглядывает вошедшего. Пауза. Шаги, входят еще двое в бурках и папахах. Молчат, оглядывая избу и Сысоева.

Первый. Вишь, я не один — с товарищами.

Сысоев. Гостям рад. С дороги?

Второй. С дороги, хозяин, с дороги.

Сысоев. Походом?

Третий. Оно самое. *(Кивнув на Сысоева.)* Солдат?

Сысоев *(доверчиво, профессионально-интимно)*. Служба, ясно дело, только вернулся.

Первый *(чуть тоном приказа)*. Ну, разговор не уйдет... Садись обедать. Ну-ка, служба!

Сысоев *(хлопочет. Кличет бабу)*. Агафья, а Агафья... Агаш!.. Тащи, тащи чево есть... Сала достань.

Трое пришедших садятся не раздеваясь.

Сысоев. Чево ж так? Вы развьючивайтесь... На привале раздышка и по закону положена...

Второй. Некада нам.

Отдаленные выстрелы.

Сысоев *(встрепенувшись)*. Это што ж?

Третий. Наши ихних бьют.

Сысоев *(осторожно, после раздумья)*. Так, так... Наши ихних бьют?.. Так, так... А лучше б никово не бить, ей-богу... По-тихому жить... Набито итак... ей-богу...

Баба приносит снедь, кланяется, ставит еду.

Сысоев. А какой части, землячки, будете?

Второй. Конные — видишь... Партизаны...

Сысоев. Одной службы мы, значит... Тожа в кавалерии я был... А за кем, значит, гонитесь?

Первый. Сволочь рубим. Которая народ обижает.

Сысоев *(осторожно)*. Так, так... Сволочи действительно поразвелось — не дай бог...

Отдаленные выстрелы.

Третий. Сничтожим. Так, хозяин?

Сысоев *(осторожно)*. Кто за правое дело — помогай бог.

Молчанье. Сысоев несколько теряется и пытливо присматривается к тройке.

Второй. Что глядишь, хозяин? Товарищков моих оглядываешь?

Сысоев. Ды так... Ешьте, гости дорогие. *(Осторожно.)* Товарищки... В поход подзаправьтесь. Солдату што? *(Старается посмешить.)* Пузо бы набить с запасом — и ладно. Дело наше такое... Харч есть — чево еще...

Первый *(поев, утерся. Подошел к Сысоеву. Оглядел его. Помолчал)*. Сапоги у тебя ничево... Ей-богу.

Сысоев. Город Ровно проходили, с юго-западного фронта ишедши... может, знаити? Ну... Чихауз побили... Взял. Действительно, сапоги. Подошва спиртовая.

Первый. А ну-ка, сыми-ка.

Сысоев. Чево?

Первый. Сыми сапоги, говорю.

Сысоев *(волнуясь)*. Чего ты? Как жа? Зачем? Товарищи, а?

Двое угрожающе приподнимаются.

Сысоев. Я счас... Я счас... *(Живо, по-солдатски, разувается.)*

Первый снимает с себя сбитые, драные сапоги и грязные портянки. Бросает их. Оглядывается, чего-то ища. Снимает хорошее полотенце у образа, рвет его на портянки.

С ы с о е в. Товарищи... Чево ж эта?

Входит четвертый, грубоватый, приземистый мужлан. Войдя, к Сысоеву.

Ч е т в е р т ы й. А ты кто?

С ы с о е в. Хозяин.

Ч е т в е р т ы й. Ну, здоров.

С ы с о е в. Здрасьте.

Ч е т в е р т ы й *(глядя вверх, сухо)*. Нэ так...

С ы с о е в. А?

Ч е т в е р т ы й. Нэ так — кажу.

С ы с о е в. Чево не так?

Ч е т в е р т ы й. Нэ так говорышь. *(Резко.)* Ты кто, видкеля?

С ы с о е в. Домохозяин здешний.

Ч е т в е р т ы й *(деланно ласково)*. Ну, так щэ раз, здорово!

Сысоев растерян, молчит. Четвертый, присев, откидывает бурку, чтобы удобнее было перелистать полевую книжку. Взгляд с издевкой на Сысоева. На четвертом погоны хорунжего. Сысоев похолодел. Вытянулся. Отдаленные выстрелы.

Ч е т в е р т ы й. Так кто ты, а?

Сысоев стоит, как полагается стоять императорскому лейб-драгуну.

С ы с о е в. Так что лейб-гвардии драгунского полка первого эскадрона рядовой Иван Сысоев — в бессрочном отпуску с германского фронту.

Ч е т в е р т ы й. Ну, а що добавить треба, як перед господыном хорунжим стоишь?

С ы с о е в *(с трудом)*. Ваше высокродь.

Ч е т в е р т ы й *(доволен, указывая на Сысоева, к тройке)*. Выправка есть. С гвардии... Ну, шо вам тут болтал? Выяснылы? Бильшовык?

П е р в ы й. Товарищами называл.

Ч е т в е р т ы й *(грозно)*. Товарищ? З тих самых, что у нас, казаков, землю отбирать целят, а?

Отдаленные выстрелы.

(Зло кивнув в сторону выстрелов.) О — чуешь? Це товарищей, бильшовыкив з вашего села... И ты з ными?

А ну-ка, ведить его, казакп... На разборку *(грозный жест)* до есаула...

Сысоев. Братцы, васкородь, землякп!.. Ей-богу, да я же дома... Я ничево... Я не воюю... Я сторона...

Вахмистр. Идем. Сторона, а потом с бильшовыками будешь...

Сысоев. За что, родные? Я же не большавик... Я просто, ей-богу. У меня и жена тут... Хозяйство...

Вахмистр *(хватает Сысоева)*. Иди!

Сысоев *(разрывает ворот)*. Братцы, крест же на мне!.. Православный.

Четвертый *(смотрит на крест, потрогал его)*. Крест... Ну, нэ бильшовык. *(Казакам.)* Пустить его... *(Сысоеву.)* Дороги ты тут добре знаешь? А?

Сысоев. Так точно, знаю.

Сысоев стоит, потом, босой, суетливо хлопочет. Баба входит.

Четвертый. Пийшли!

Сысоев молча ей кланяется. Баба остолбенела, замерла. Ушел Сысоев, ушел друг.

Ведущий. Кончилась медовая жизнь вернувшихся фронтовиков — и было ей счету на дни. Нет в гражданской войне нейтральных, не станешь в сторонку! Всяк задаст вопрос: ты с кем, за что, за кого? И должен каждый сказать: с кем он, за что, за кого. Не станешь в сторонку!

ЭПИЗОД VII

ВСТРЕЧА

Ведущий. В тревожное то время на путях-дорогах степных просто не пройдешь, не проедешь...

Темно. Степь. Курганы. Медленно выходят с двух сторон двое. Зачуяв друг друга, останавливаются. Один кричит:

— Кто идет?
— Свой.
— Какой свой?
— Ну, свой... Здешняй.

— А ты чей?
— Свой... А ты кто такой?
— Тоже свой...
— Тьфу!

Пауза. Движение, испуганно отскакивают.

— Оружие есть?
— А в тибе?
— Ну, скажем, нету...
— Ну, и у меня вроде...
— Да ты не бойсь!
— Чего бояться — ты бы не боялся.
— Я?
— А я?!

Медленно сходятся.

— Ну, здоров!
— Здоров.
— Куды путь держишь?
— А ты?
— Так, тут неподалече, домашняя забота...
— И у меня тожа...

Пауза.

Ведущий. На степных путях-дорогах в то время за одно слово «товарищ» прощались с жизнью... Встретились, а разойтись — ноги не идут: в затылок один и другой пулю получить боятся.
— Закурим?
— Закурим.

Свертывают цыгарки.

— Где, служил, земляк?
— В лейб-драгунах пришлось. В гвардии. А ты — казак?
— Ыгы, казак.

Пауза. При огоньке спички испуганно и пытливо разглядывают друг друга.

Казак *(хитрит)*. Быдто ты знакомай мне.

Драгун. Все может статься, мало, што ли, людей встречаешь.

К а з а к *(хитрит)*. Быдто сурьезно поспорили мы с тобой. Ехавши у Барановичей.. Ты все за Ленина голос держал.

Д р а г у н *(сухо)*. А может, ты обознался, станичник?

К а з а к *(согласно)*. Може... *(Руку к поясу.)*

Д р а г у н *(это Сысоев)*. Прощевай, што ль...

К а з а к. Прощевай.

С ы с о е в *(вдруг)*. Ох, и храбрые мы с тобой!

К а з а к. Чаво ж?

С ы с о е в. Напрямик давай! Куды идешь, хто такой? Я к большевикам подаюсь... Ну?

К а з а к. Ох, друг, я ведь чуть тибе не зарубил. У мине шашка здесь. *(Распахивает полу.)*

С ы с о е в. И у меня, брат, припасена. *(Распахивает полу.)* Чего подаешься?

К а з а к. Мобилизуют. Кой-чего в хозяйстве позабрали фуражиры офицерские — сучьи дети... Сапоги берег — еще с позицыи вез,— забрали. Ты, говорят, большевик, босота. Верна — не ряжусь в атаманы... *(Пауза.)* А ты как?

С ы с о е в. Тоже забрали... И разули. *(Пауза.)* Вместях пойдем? Тут меньше на людях надо быть. Огибом иттить... куда-нибудь и выйдем... Где-та, сказывали, наши... красные есть... Буденный, что ль, их командир.

К а з а к. Пойдем... Ну, прощай, родная сторона...

В е д у щ и й *(вслед)*. Испробовали белого счастья, служивые? Почуяли, какое где право? Вспомнили службу царскую, парады приятные, веселье смертное, зубобой офицерский — всю собачью долю?! Взяли землю? Отдаст се атаман — ждп! Вспомнили, служивые, для чего шашки служат и что с ними сделать можно?.. В добрый путь, товарищи новые красные партизаны!.. Держите к Царицыну!

Нарастает буденновский мотив, и в походных формах 1918 года выходят молча и выстраиваются партизаны-буденновцы. Сверкают клинки. Один ответ: «Знаем, для чего шашки служат!»

ЦИКЛ ТРЕТИЙ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

ЭПИЗОД I

«КАК У НАС С КОННИЦЕЙ?»

Ведущий. Весна 1918 года. Царицын. От Дона рукой подать... К Царицыну пришли партизаны. В Царицыне стали...

Штаб боевого участка. У стола пожилой командир. Говорит с кем-то по телефону.

Командир *(устало, ровно)*. Да, да... Пленные показывают... Ясно — нужно удержать. Всего доброго. Да, да... любой ценой. *(Вешает трубку.)*

Ведущий *(по занавесу-карте)*. Царицын! Промышленный центр. Узел дорог. Царицын!.. С фланга ударит Царицын по казачьей армии, как только она сунется к Москве. *(Показывает направление.)*

Входят два командира. В гимнастерках. Младший — бывший комитетчик из эшелона. Подходит к первому, здороваются. Один — старший из вошедших — протягивает командиру бумажку, наизусть сообщает ее содержание.

Старший командир. Вот: «Оборонять Царицын любой ценой. Отступления быть не может. Реввоенсовет 10-й армии: Сталин, Ворошилов...»

Ведущий *(по карте)*. Фланг казаков слева обеспечен: германские корпуса — три их, генерала

фон Кнерзера — стоят по Азовью до границ Войска Донского. Фронтовые казачьи дивизии дополнены мобилизациями. В тылу, в районе Ростова, обучается «постоянная армия» из молодых казаков. Предвидится переброска против нас свежих деникинских офицерских кавказских частей...

1-й командир *(глядя на сводку разведки)*. Так... Три тысячи... шесть и три — девять, да шесть — пятнадцать, да три и три — шесть, пятнадцать и шесть — двадцать один... Далее еще три дивизии... шесть и шесть — восемнадцать. Так... Против нас до сорока тысяч... Орудий по сводке — девяносто три.

2-й командир. Н-да...

Младший командир. Будем принимать.

2-й командир. У противника много конницы.

Младший командир. Как у нас с конницей?

Входят казак и Сысоев. Подойдя вплотную к командиру, казак кашляет и серьезно, деликатно гудит: «Дозвольте войти?»

1-й командир. Что скажете, товарищи?

Сысоев. Пишемся в добровольцы.

Казак *(поспешно)*. Только в кавалерию... В пехоту — не... Примете?

1-й командир. А почему вы к нам идете?

Сысоев *(строго и вежливо)*. Не к вам, а к себе, своим идем.

1-й командир. Да, верно, я сказал не так...

Казак. Так принимаете? В кавалерию?

1-й командир *(указывая на младшего)*. Вот этот товарищ вас запишет.

Младший командир, казак и Сысоев отходят в сторону.

Младший командир. Служить без срока — время военное.

Оба. Знаем.

Младший командир. Держаться до последнего.

Оба. Знаем.

Казак. Для пользы народа.

Младший командир. На земле спать, своей шинелью укрываться.

Оба. Знаем.

Младший командир. Совестью не кривить: Красная Армия, не другая.

Сысоев. Как на присяге.

Казак. Пусть глаза лопнут...

Младший командир. Ну, тогда к нам. Зачислим в первый Рабоче-крестьянский карательный социалистический кавалерийский полк. Валите к командиру бригады, к товарищу Буденному.

Оба. Счастливо оставаться.

С выправкой, чувствуя себя вновь на службе, выходят «как полагается». Встречаясь с ними, входит рабочий. Он в финской шапке и черном полупальто. Протягивает молча руку пожилому командиру. Тот жмет ее. Рабочий подает ему бумажку. 2-й командир и младший смотрят на рабочего.

1-й командир. Партийный — добровольцем?

Рабочий кивает головой: спрашиваешь, мол!

Из Питера?

Рабочий кивает головой.

(Пишет резолюцию.) В комиссарский состав?

Рабочий кивает головой и уходит.

За рабочим идут все новые и новые добровольцы. Сцена заполняется потоком решительных, здоровых мужчин.

Формируемся. Видите? Идут.

Ведущий. Над Царицыном нависла гроза. Кадровая казачья армия медленно надвигалась на вчерашних партизан, ставших Десятой армией. Становились защитники Царицына на места торжественно-строго... Встречать врага... решительным, а для многих тысяч, последним боем...

ЭПИЗОД II

«КОГО НА ИСПУГ БЕРЕТЕ?»

Ведущий. До весны 1919-го — год целый — в невиданных сечах бились царицынцы. Под самый город казачьи лавы — сметы им нет! — подходили. Нет! Не взять Царицына!

Чудесны бойцы, вставшие в 1918-м! Мятежным вихрем крестьянским неслись по степям Дона, Кубани и Ставрополья, бились смело... Но было и так — разгоряченные, хмельные от боев, от удали — не мирились с отточенным порядком, со строгостью.

Площадь у штаба. Дом. Пика у крыльца. На пике красный флажок. Вывеска мелом — «Штаб». У крыльца беспорядочная толпа вооруженных партизан в кавалерийских бурках, черкесках и пехотных формах. Гул с истерическими выкриками.

Голоса. Давай сюда комиссара! Куды спряталси?

— Дожили — старый режим вертают!

— За что деремся?

— Наше право!

Сысоев *(выходя вперед)*. Комиссар, выходи! Народ требует!

Голоса. Товарищи, стой как один! Обману не поддавайсь!

В толпе выделяется чисто одетый боец, чубатый хват, в алых галифе, с револьвером в руках. Он держит речь.

Боец в галифе. Мы боссые и голлые. Оны в коже ходют. Мы страдаим. Оны на бархате сплят. За чьто, товарищи? А с нас насмешки строят, ни в чьто ставят...

Гул: «Правильно!», «Правильно!»

Требуим: освободить невинных арестованных! Давай их сюда! Комиссара к ответу! Так, товарищи?

Гул: «Правильно!»

За какое дело арестовать? А?! Я спрашиваю: за ка-кое дело? А? Это бойцу, может, честь перед комиссаром надо отдавать?

Гул.

Голос. Давай комиссара!

Сысоев. Вернуть арестованных!

Голоса. А то штаб порубаем!
— Комиссара!
— Да-ешь!

Гул Входит рабочий. Он — комиссар. В гимнастерке. Пауза и гул ярости.

Голоса. Што, в гроб захотел? Арестовывать?
— На шею сесть хотишь?
— Енерала ломаешь — на нас плюваишь? Я вот тибе плюну с нагана. *(Над головой бойца наган.)*

Толпа приливает к крыльцу.

Голос. Ноги с заду выдерпем!
Сысоев. Освобождай арестованных бойцов!
Рабочий *(заглушая всех)*. Не галдеть! Кого на испуг берете? Коммуниста-большевика на испуг берете?! Не галдеть!

Вспышка гула, но тише.

По порядку! Говори один! В чем дело?
Боец в галифе *(«покупает» и бодрит бойцов. Говорит сначала тихо)*. Мы тибе на бога не бирем. Мы тибе говорим — брось замашьку! Счас приказ давай: освободить арестованных бойцов! *(Разъяряясь.)* Мы боссыи и голлыи! Ты в коже ходишь. Народ арестуешь! Тов-варищи! Правильна я говорю?

Гул злобы и одобрения.

Рабочий. Арестованы два бойца за отказ выполнить боевой приказ советской власти. Раз. Кто не выполняет приказа советской власти, тот наш враг. Пособник атаманов. Два. Невыполнение приказов поведет к развалу. Фронт рухнет. Офицеры вас передушат. Верно ведь? Три. Вы этого хотите?

Пауза. Гул. В толпе замешательство.

Боец в галифе. Товарищи! Глаза залепляет он вам! Мороку клеит! Гад! *(Истерично.)* Мы боссыи

и голлып! Где правда? За што бьемся? Штоб арестóвывали?

Гул возрастает. К комиссару подходит бочком писарь с очередной бумажкой. Комиссар внимательно ее читает. Толпа ревет. Комиссар прочел бумажку, полез в карман, достал печатку, поковырял пальцем — грязь набилась же! Подышал на печатку и поставил печать на бумажку.

Рабочий (*покрывая гул.*) За что бьемся? За Советы, за наши. Крестьянские. Рабочие. Верно ведь? Большевики ведут. Наша партия. Что приказывает — сделать! Повиноваться!

Гул спадает.

Боец в галифе. Тут не старай режим — тянуться да повиноваться. Правильно, товарищи?

Рабочий (*презрительно в сторону «галифе»*). Нам бойцы нужны, а не горлопаны митинговые.

Боец в галифе. М-м-ы кадетов били. Я сам ранетый был!.. Товарищи, нас оскорбляють в лицо!

Рабочий. А теперь, если вот так — «га-а» (*жест в сторону толпы*), кадеты нас побьют.

Пауза.

(*Беря инициативу.*) Бойцы! Приказ ясен. Арестованные будут отданы под суд. Каждый узнает, что постановит суд. Наш суд. Рабочий. Крестьянский. Виновные понесут наказанье. В бою кто изменяет, тот не наш. Верно ведь? Кто не согласен со мной?.. А ну, кто не хочет исполнять порядки Красной Армии? Кто? Тот может сдавать оружие и катиться.

1-й голос. Ну, рази можно?

Сысоев. Пусть к офицерам катится, кто изменил.

2-й голос. Оружие для бою нада.

3-й голос. Кто изменит — руби ево!

Голоса. Верно.

Боец в галифе пожимает плечами, улыбается и уходит танцующей походкой в толпу: для вас, мол, старался, а мне што!

Рабочий. Все в порядке, товарищи?

Голоса. А што ж? В порядке.

Сысоев. Ясна. Суд разберется... Сами понимаем.

Рабочий. Можно разойтись, товарищи.

Ведущий. Так партия руками политических работников, не знавших колебаний и страха, выковывала регулярные полки, бригады, дивизии, корпуса, армии. Воля партии была выполнена, и армии — наши армии! — были созданы.

ЭПИЗОД III

ПОД ТЕМНЫМ НЕБОМ

Ведущий. Буденновский полк в боях растет — идут в него люди с алыми бантами... Служить без срока для пользы народа, держаться до последнего, совестью не кривить... И слово данное держат, ценят выше жизни своей... Дивизия уже у Буденного. Побила эта дивизия корпус кубанский генерала Покровского. Но попали в плен пять братанов-буденновцев.

Полумрак. Степь. Курганы. Пять пленных буденновцев. В белье. Стоит офицер, бывший лейб-драгун, с нагайкой, несколько белых.

(И голос ведущего дрожит — нельзя быть спокойным,— поймите же, умирают братья!) Прощайте, лихие честные головы, братаны буденновские! Нет больше коней под вами, нет в руке острой шашки и не вьется красный штандарт над полком... Под темным небом кончается жизнь, в степи, где сызмальства знали простор, с табунами ходили, потом — мужиками стали, землю пахали... Умирать пришла пора. Сердца горячие остынут, и навсегда закроются глаза...

Пауза.

Офицер. Молитесь!

Буденновцы *(холодно)*. Некому.

Ведущий. Но дрогнуло белое сердце офицерское — белое оттого, что высохла в нем кровь от злобы. Что, дрогнуло белое сердце офицерское? Жалко стало лихих буденновцев?..

Офицер *(милостиво)*. Расстреливать не будем.

Стоят пленные ровно.

Ведущий. Мила, несказанно мила жизнь каждому. Каждая травиночка сладка, даже полыни горький стебель. Как жить-то хочется, жить и где-то снова кипеть кровью, и где-то снова найти свои родные полки... А где они?

Чуть слышный буденновский мотив — ветер с севера донес.

Стоят, не чуя ног, не чуя рук. Жизнь будет, жизнь!..

Офицер *(ласково)*. Не будем вас расстреливать...

Ведущий. Только, может, за эту милость в руки шашку дадут и пошлют своих рубить? Не будет буденновец атаманам служить! И ни один не кажет покорности.

Офицер. Не будем расстреливать вас... *(пауза)* а... живьем зако-паем... Живее яму для них, эй!..

Белые быстро двигаются. Падают в яму тела. Кто-то из братанов кричит тихо: «А-а-а-а...»

Ведущий. Угасают жизни. Не знает пощады враг, не милует. Тронули атаманов, господ растревожили — ум у них мутится, злоба душит, добро свое зубами хотят удержать. В степи, под темным небом, живьем столкнули в могилу буденновцев пленных. Пропали... Навсегда... Совестью не скривили — служили в Красной Армии...

ЭПИЗОД IV

НА МОСКВУ!

Ведущий. Сто пятьдесят три тысячи у генерала Деникина. Бросает генерал Деникин эти силы вперед. Отдает генерал Деникин приказ перейти в наступление «всем фронтом от Волги до румынской границы». На Москву! На Москву! Идут ударные офицерские дивизии генерала Деникина: корниловская, марковская, дроздовская, алексеевская...

Белыми взят Харьков!..

Белыми взят Курск! Белыми взят Орел! Белые идут на Тулу!.. Москва! Москва!

Растет песня белых.

Пойте, белые! А партия, наша партия, будет говорить. И голос партии раздался. Сталин двинул вперед испытанные конные полки Буденного.

ЭПИЗОД V

У КАСТОРНОЙ

Ведущий. Конкорпусу Буденного овладеть Воронежем и районом Касторной и отрезать главные силы армии Деникина.

Команда. К бою!

Сигнал.

Шашки вон!

Ведущий. Пошла, пошла конница Буденного. Мотив буденновский растет: «С неба полуденного...» Держись! Р-раз! Получай, белые конники, получай! Два! Ах! Так! И-эх! Свету не взвидели Шкуро и Мамонтов. Прорван белый фронт!

Нарастает мотив наших.

По белым тылам айда, конники Буденного! На Касторную! И корпус влетел на линию железной дороги!

Сразу все тихо. На сцене влево — телеграфная комната одной ж.-д. станции на линии у Касторной. У аппарата — кавалерист в полушубке и папахе. У него с горбинкой нос и усы. С ним второй, помоложе. У ключа аппарата Морзе — телеграфист.

На сцене вправо — телеграфная комната другой ж.-д. станции на линии у Касторной. У аппарата два офицера: полковник и поручик. У ключа телеграфист. В середине сцены — мглистая голубая зимняя ночная даль, телеграфные столбы, уходящие далеко.

Усатый *(испуганному телеграфисту, вежливо, но вместе с тем сурово)*. Не бояться, не бояться... Ничего худого не сделаем.

Т е л е г р а ф и с т. Точно так, так точно, господин...

У с а т ы й. Мы — красные.

Т е л е г р а ф и с т. Так точно, так точно...

У с а т ы й. Линия в целости?

Т е л е г р а ф и с т. Так точно, так точно...

У с а т ы й. Успокойтесь, товарищ дорогой. *(Кладет руку на плечо телеграфиста.)*

Пауза. Тот понемногу успокаивается.
Усатый набрасывает на листке несколько слов. Показывает адъютанту. Освещается комната справа.

П о л к о в н и к *(телеграфисту)*. Вызовите-ка соседнюю станцию.

Телеграфист начинает работать ключом. Лента бежит у красных. У аппарата слева, когда побежала лента, все стихли.

У с а т ы й. Ага! *(Телеграфисту.)* Читайте, товарищ, ленту. Только без ошибок.

Т е л е г р а ф и с т. Проверяйте, пожалуйста.

О ф и ц е р *(справа диктует)*. «Сообщите обстановку».

Бежит лента у красных. Телеграфист читает усатому: «Сообщите обстановку».

У с а т ы й *(диктует)*. «Наседает Буденный. Вышлите бронепоезд».

Т е л е г р а ф и с т. Передаю. *(Дает это сообщение.)*

Лента бежит теперь у белых.

О ф и ц е р *(читает)*. «Наседает Буденный, вышлите бронепоезд». *(Диктует в ответ.)* «Сообщите, кто отдает приказ».

Ключ работает. Бежит лента слева. Телеграфист читает усатому: «Сообщите, кто отдает приказ».

У с а т ы й *(на миг задумывается и диктует)*. «Начальник дивизии, генерал-майор Румянцев».

Работает ключ. Справа бежит лента, и второй телеграфист читает офицерам: «Начальник дивизии, генерал-майор Румянцев».

Офицер *(диктует)*. «Для точности сообщите имя и отчество».

Ключ работает. Слева бежит лента. Телеграфист читает усатому: «Сообщите имя и отчество». Пауза.

Усатый *(молодому)*. Здорово!.. Проверка... Как имя и отчество взятого в плен белого генерала?

Молодой *(быстро смотрит в записную книжку и сообщает)*. Михаил Константинович.

Усатый *(телеграфисту)*. Ну-ка, стукните им: «Михаил Константинович».

Телеграфист выстукивает. Справа бежит лента. Второй телеграфист читает офицерам: «Михаил Константинович».

Полковник. Все в порядке. Поручик, надо выслать бронепоезд «Офицер». Он на четвертом пути. *(Телеграфисту.)* Давайте. «Высылаем бронепоезд «Офицер». Снабдите его боезапасом — израсходован почти весь».

Бежит лента слева. Телеграфист читает усатому: «Высылаем бронепоезд «Офицер». Снабдите его боезапасом — израсходован почти весь».

Усатый *(кивает головой. Диктует)*. «Боезапас будет дан».

Телеграфист выстукивает. Справа бежит лента: «Боезапас будет дан». В левую телеграфную вваливается какой-то кавалерист в бурке.

Кавалерист *(усачу, рапортуя)*. Товарищ Буденный!

Телеграфист мгновенно вскакивает, глядя на усатого.

Тридцать шестой полк сейчас тут... В темноте налетели, ну — они чикнули залп. Все как следовает. *(Жест.)* Офицеров — рота была их, оказывается — ну, мы рубанули. *(Жест.)* Мокро. Только пар идет от офицеров...

Буденный. Так. Сейчас бронепоезд белый надо принять.

Буденный жмет руку телеграфисту. Справа и слева все погружается во мрак. По линии железной дороги чуть искрит бронепоезд, идущий влево.

ЭПИЗОД VI

ЗАХВАТ «ОФИЦЕРА»

Станция. Темно. Командир кавалерийского полка, бывший комитетчик из эшелона (в бурке), ходит с электрическим фонариком. Падают полоски света. Лежит цепь бойцов.

Командир. Не балдеть только, товарищи... Как подойдет — так спокойно. Заберем за милую душу.

Голоса. Понятно, товарищ комполка!

Командир. Норови гранатами, если что. Суй их в бойницы. Гляди, где дыры в броне... Взводный Сысоев, возьми-ка трех, живо пути рвать...

Сысоев. Слушаю... А ну, идем... Архипов! Калиберда! Охрименко! Шевелись... Шнур у меня.

Уходят.

Командир *(к цепи)*. Да гляди, где дыры в броне, щупай.

Из цепи. Ладно. Пощупаим — ета мы умеим!

Командир. Своих не подстреливать. В темноте, главное, чтоб ясно все было... Понятно?

Боец *(серьезно)*. Ну, как же, понятно, конечно, чтоб в темноте — и все ясно было.

Командир. Вот. У них как будто нет патронов и снарядов. Думают у нас получить. Но мало ли что — стрелять будут — норови ниже, пригинайся, ползи, угол сниженья у них нехватит... Ну, все ясно?

Голоса. Все! Ползи ниже...

— Понятно!

— В точку!

Какой-то боец *(просительно)*. А ежели часики там иль сапоги... можна-а?

1-й голос. Ишь, часовщик!

2-й голос. По карманам, барахольщик, целишь?!

Командир. Так, товарищи, только по сигналу. Один свисток — ползи, клади шпалы под колеса,

суй все, что припасено. Два — пошел. *(Строевым голосом.)* Оправиться, можно закурить.

Тихо. Темно. Во тьме, слабо просвечивая через прорези бойниц и амбразур,— бронепоезд. Лязг металла, шипение. Бронепоезд подошел. Открывается бортовая дверца бронепоездной площадки, и виден силуэт о ф и ц е р а.

О ф и ц е р. Кто тут от штаба дивизии?

К о м а н д и р. Пожалуйста, сюда, сюда.

О ф и ц е р *(идет на свет фонарика и говорит)*. Сейчас же нужно принять боезапас... С кем имею честь?

Свет падает на офицера.

К о м а н д и р. Командир буденновского кавалерийского полка.

О ф и ц е р. Как буденновского?

К о м а н д и р. Так.

Фонарик тухнет. Удар шашки, падение тела, слабый вскрик. В полевой свисток одна сильная трель. Шевелятся тени. Полвут. Дверца в бронепоезде захлопывается. Крик на бронепоезде: «Что там?» В темноте к командиру полка подбегает Сысоев.

С ы с о е в. Товарищ командир, путя подорваны...

К о м а н д и р. С той и с другой стороны?.. Смотри, Сысоев!..

С ы с о е в. С обеих сторон, садануло чисто.

К о м а н д и р. Слушайте, эй, на «Офицере»! Вы отрезаны нами. С места не сойдете — под колеса и в колеса положены шпалы и рельсы. Здесь буденновцы. Сдавайтесь!

Бронепоезд делает тяжелое движение, треск, и потом все стихает. Бронепоезд не может двигаться.

К о м а н д и р. Сдавайтесь!

М о л я щ и й г о л о с и з ц е п и. Шарнуть ба их, а?

2-й г о л о с. Лежи.

Бронепоезд вдруг дает пулеметную очередь.

Командир. Ложи-пись... Кто там побежал, я вот тебе побегаю... Ах ты, стервец!

Вторая очередь... Все затихает.

Ведущий. Бронепоезд отбивался. Расстрелял последние пулеметные ленты. Остаток боезапаса. Бронепоезд стоял неподвижно, как тюрьма...

Голос из цепи *(моляще)*. Шарнуть ба их, а, товарищ командир?

Командир. Лежать тихо. Глядеть в оба. Целым его возьмем. *(В сторону бронепоезда.)* Сдавайтесь.

Слышен лязг бортовой дверцы, показывается силуэт какого-то офицера.

1-й голос бойца из цепи. Куды суесси, дур-ра?

Дверца захлопывается.

2-й голос из цепи *(моляще)*. Шарнуть ба, а?

Сысоев. Лежи, я и сам шарнул ба... Может, одново знакомова офицера найду... Живова съем. Ево не троньте, ребята, если тут. Мне дайте.

Командир. Ти-хо!

Кто-то из рядов *(звонко)*. Эй, беляки, куку!

Смешок.

Командир *(повторяет)*. Лежать тихо! *(К поезду.)* Последний раз — сдавайтесь! Сейчас пустим в ход гранаты.

Из поезда слышен, наконец, ответ — приглушенно, в щелку.

Голос из бронепоезда. Ваша взяла. Сейчас можете нас получить по счету. Всех. Господа офицеры, всех, без исключения? По счету?

2-й голос из бронепоезда. Да, да, точно так...

3-й голос из бронепоезда. Эй, слы-

ните, всех по счету, без исключения. По порядку номеров, господа офицеры. Первый!

В бронепоезде — выстрел из револьвера. За ним другой, третий, четвертый... Всего десять выстрелов... Падение тел.

1-й голос из цепи *(насмешливо)*. Тожа. Организованные...

2-й голос. Ну, царство им турецкое!

3-й голос. Забирай гостинец!

4-й голос. Был «Офицер», да весь вышел.

Сысоев. Ну, посмотрю... Нет ли...

Тени движутся к бронепоезду.

ЭПИЗОД VII

ОТЕЦ И СЫН

Ведущий. Идет Конная! Дневка выпала короткая... Стали...

В кружке буденновцы поют песню:

Кукушка лесовая
Нам годы говорит,
А пуля роковая
Нам годы коротит...

1-й голос *(«заливает»)*. И вот, говорят, с Москвы приказ. За печатями, значит... а в приказе Ленин и пишет: «Приказываю, говорит, выбрать самых что есть смелых буденновцев. По одному с полка. Незаметно их *(пауза)* послать и *(пауза)* живьем *(пауза)* Деникина поймать. Поймать, значит, Деникина и в Москву-Кремль мне, Владимиру Ильичу, доставить...»

2-й голос. До-ля-фа!

Голоса хором. Ты не ври, не ври, добрый молодец...

1-й голос. А тибе жаль? Ну, и соврал. У нас в старое время в гусарах...

2-й голос. Теперь не старое время, гусар!

3-й голос *(из глубины бивуака)*. Эй, там!.. Сюда пленных привели. Можно шинель аль сапоги сменять.

4-й голос. А ташши их к огню, мамонтовых дятей!..

Смешок. Подходят трое: буденновец и два пленных — бородачи, донские казаки-мамонтовцы.

Один боец. Здорово, отцы станишники! Какеи вы будите?

Казаки *(с достоинством)*. Гундоровские...

Голоса. Гундорцы — самая злая сила! Наших как што — так и к нохтю. Так, отцы?

Пленные молчат.

Один боец. Зави Митрея, он с казаков и быдто гундорский... Митрей!

Из глубины бивуака. Я-у!

— Иди суды!

— Я спать лег!

— Иди же!

— Чаво?

— Иди кашу с салом исть!

— Ну?! Бегу!

Смех.

Митрей *(вбегая с ложкой)*. Иде каша?

Один боец. Ужо сварим. Опосля. Эвон земляки, целуй их.

Митрей смотрит. Пленные стоят молча.

Митрей *(вяло, мертво)*. Товарищи... батя мой тута... *(Шаг к отцу. Ложка в руке.)* Батя... Бож-же мой, вот свиделись!..

Старый казак стоит.

1-й голос *(в сторону, сухо, грозно)*. Свиделись, да и простились... Сколько наших пленных зарубал, отец?

Старый казак спокоен, молчит.

Сысоев. Да, Митрей... И шел ба ты отселева.

Митрей *(вдруг горячась, Сысоеву)*. Думаешь, защипало? Как бы в тибе где не защипало, взводнай.

Гляди — жалостливый нашелся. *(Разгорячась.)* Я и сам, как надо, бате милому голову снесу... *(К отцу.)* Батя, вы нашеих, мы вашеих... Вот, батя. *(Сует ложку за голенище.)*

Молчание. Старый казак поводит шеей.

3-й голос. Дай им, папашкам, пожрать, покурить напоследок.

4-й голос *(тянет вяло)*.

Ростов-город мы прославим,
На Садовой дом поставим...
Там-тата, там-татам...

1-й голос *(поющему)*. Брось!

2-й голос *(пленным)*. Ишь бороды распустили!..

3-й голос. Без бороды в рай не пустють...

Сысоев *(первому)*. Не куражься.

1-й голос. Указчиком к нам нанялся, взводный, а?

Сысоев. Указ сам знаешь — сиди... Товарищи, чего с папенек энтих возьмешь? Тоже бутылки темныи... Глаза закрыты. Афицера их и ведут...

3-й голос. Понятно дело.

1-й голос *(мягко и ядовито)*. А чиво они тада идут?

Сысоев. И тебе, поди, до время приходилось. Тоже ходил, как пешка: «Ать-два!» А потом опомнился... Что к чему, разобрал!..

3-й голос. Пускай живут старые, ума набираются... А?

Все смотрят на Митрея.

Митрей *(шаг вперед)*. Товарищи, ежли меня спытать хотите — давайте. *(Кладет руку на эфес шашки и выхватывает ее, шаг к отцу.)*

Старик *(гордо и просто)*. Так, Митрей... Сила... Сила, парень...

Голоса. Брось, Митрей...

— В их оружья нет, сдались сами...

— Не надо...

— Чаво их обижать... Садись, старые! Эй, ну...

— Закуривай...
— Гоп, кума, не журись!
4-й голос *(вяло)*.

Ростов-город мы прославим,
На Садовой дом поставим...

1-й голос. Вот дался тебе Ростов!.. Дойдем, не гуди в ухи!..

Ведущий. Просты и честны бойцы Красной Армии. Были прямы все, как Митрей, а Митрей был, как все.

ЭПИЗОД VIII

НА РОСТОВ

На фоне кавалерийского марша и железнодорожных ритмов вспыхивают буквы сводок:

«19 ноября 1919 г. Приказ по Южному фронту. Конкорпус развернуть в Конармию. РВС Юж. фронта. Сталин».
«Нами занята 24 ноября узловая станция Лиски... 9 декабря заняты Валуйки». «13-й армией взяты Харьков и Полтава».
«Приказ по Южфронту. Ударной группе Буденного овладеть Донбассом, разгромить окончательно главные силы противника».
«Приказ по Конармии. Стремительным натиском выдвинуться к Северному Донцу и занять мост и железнодорожную станцию Несветевичи».

Затихает.

Ведущий. Шашки вон! Двинули! Рубанули у Кабаньей и Меловатки. Разбиты корпуса белой конницы генералов Шкуро, Улагая и Мамонтова. Бегут белые... Вперед! Подлетает шестая кавдивизия. На рысях бей по Рубежной!.. Делай тарарам белым офицерам!... Есть! Подлетели к мосту через Донец, наш мост и Несветевичи!

Мотив растет и вдруг обрывается.

Наш, да только взорванный!

Пауза. Тихо. К рампе выходит боец в полушубке, валенках и папахе.

Боец. Чиво затихли? Чиво вам скушно? Дай я расскажу... Ну, висить мост — сами видим. С того

берега казаки бьють. Стре́лять раз, у нас кто-нить брык... Смех и горе... Идем мост чинить... С нами шахтерскай народ идет... Ну, пущай... Тащим шпалы, а казаки все бьють. У нас все народ паданть... Склизко, темно и холодно... Ташшу я шпалу, глядь, лезет кто-то. Чего надо? *(Имитирует старуху.)* «Покушай, говорит, сынок». Старуха откель-то! Со станции, верно... Огурцов да́ет, бумажку сует. *(Имитируя.)* «Пятерочка царская»,— говорит. Чиркнул я спичку — верна, синенька! А тут по спичке пуля — «жжик». *(Имитируя.)* «Сыночек, возьми деньги, у меня, говорит, свой-то убитай... За вами, говорит, похожу». *(Басом.)* «Иди, говорю, бабка, убьют. Ишь, стреляють». *(Обыкновенно.)* А огурец я съел, конечно, хлеба тольки не было... А пятерочку не взял. Вот ей-богу. На деньги, што ли, я польщусь... Мост, конечно, к утру справили... Шахтеры подсобили. Сколько шпал наклали в клетки, и-их! На клетки рельсы, и фьють броневички... Крути, Гаврила... А подвыбило народу порядком, со шпалами работавше... Да, утром это, говорю, фьють — и на беляков. Мы коней в поводу, по одному, и через мост. Не дыши, Деникин! Замри!.. Смелая четвертая кавдивизия идет—броневички втыкают. *(Имитирует паровоз.)*

Ведущий. Станция Лисичанск. Переездная. Мчит четвертая кавдивизия. Мчат рядом бронепоезда.

Кавалерийский марш и железнодорожный ритм.

Вперед за Волчеярскую, на Лоскутовку. Даешь Донбасс! Рядом, по дороге, бегут с кавалерией рабочие, и шапки летят вверх. Свои, наша армия пришла!

Слышно — «ура».

Бери Попасную! Удар в обход! Дело сделано — наша Попасная. К Бахмуту... Ходом-ходом! Шашки вон! Одиннадцатая кавдивизия в Бахмуте!

Пали Славяносербск, Миллерово, Луганск. *(Громко.)* Товарищ Ворошилов, твой Луганск взят! Давай дале. Держись, Таганрог, держись, Новочеркасск, держись, Ростов! Двигай на Дебальцево!

Ритм идущей кавалерии и бронепоездов.

ЭПИЗОД IX

«ВИДИШЬ КЛАДБИЩЕ?»

Степная даль. Виднеется кладбище. Железная дорога на Дебальцево, в Донбассе. Сырой декабрьский день. На первом плане стоит бронепоезд Конной армии (площадка с двумя трехдюймовыми орудиями в башнях и восемь пулеметов на один борт). Дверца в борту открыта, из нее головы матросов. На полотне кучка матросов в бушлатах, кожаных тужурках и бескозырках. Среди них командир. Он отличается только тем, что у него фуражка с козырьком.

Командир *(мрачно)*. Приехали. Ставь, Дунька, самовар. Говорил — «все в порядке?» *(Дразнит.)* «Так точно, в порядке». Эх вы!

1-й матрос. Ды-к кто же думал?..

Командир. А надо думать — раз тебе поручено.

2-й матрос. Ай-ой, вот попали! На мертвый якорь!

3-й матрос *(горько)*. Краса и гордость...

4-й матрос *(насмешливо)*. Ну вот, давайте говорить — языком работать.

2-й матрос. Мореплаватели!

Пауза.

Командир. Эй, на паровозе, може, до Дебальцева дотянем?

1-й матрос. Никак... Пар сел совсем.

Командир *(горько)*. Военные моряки Рабоче-крестьянского Красного Флота, посланные в Конную армию, а? Военные моряки забыли погрузить уголь, а? Пар сел, а? Подымай аварийный сигнал, а? А кавалерия нас ждет, а?

Понуры все, один свистит.

Эй, на паровозе, може, до Дебальцевой дотянем?..

2-й матрос. Не, никак...

4-й матрос. Вон кавалерия идет.

Командир *(смотрит в бинокль)*. Одиннадцатая кавдивизия. В шинелях и новых шапках *(делает жест над головой)*. Четвертая и шестая — те в кубанках, бекешах и бурках...

2 - й м а т р о с. Ай-ой, вот попали!

Подходят т р и к а в а л е р и с т а в длинных шинелях и в шлемах-буденновках образца 1919 года.

К а в а л е р и с т ы. Здорово, флотские!

М а т р о с ы. Здравствуйте.

1 - й к а в а л е р и с т. Что стали?

К о м а н д и р *(мигнув своим и немного подумав)*. Пустяк,— сейчас пойдем. Неисправность вышла на левом дышле, на колесной, значит, передаче.

2 - й к а в а л е р и с т. Сейчас, значит, пойдете?

4 - й м а т р о с. Через пять минут. Чик-чик — и готово.

3 - й к а в а л е р и с т. Ну, давайте, братишки. Дивизия пошла уже. На Ростов крутите.

М а т р о с ы. Валите, валите. На Ростов.

Кавалеристы уходят. Моряки стоят, молча переглядываясь.

К о м а н д и р *(шопотом, исступленно)*. Братва...

Пауза, слышна песня проходящей кавалерии. 4-й матрос делает шаг вперед, яростно кидает фуражку наземь, снимает быстро бушлат, фланелевку, кидает их и остается в полосатой тельняшке. Засучивает рукава. Видна татуировка. Все на него смотрят. Он странно преображается, горя бешеным задором и силой. Вынимает из бушлата наган, вертит барабан и сует наган за пояс.

4 - й м а т р о с. Ну, раздевайтесь все, братва!

Из дверцы — г о л о в ы.

2 - й м а т р о с. Чего?

К о м а н д и р. Ты что? Малохольный?

3 - й м а т р о с. Сдурел?

4 - й м а т р о с. Раздевайсь, живо! Дело есть. Грузить будем. Почище, чем у угольной стенки в Кронштадте... Скорее, братишки!

2 - й м а т р о с. С ума сошел?

4 - й м а т р о с *(сильно)*. А ты молиться будешь?! *(Гнусавит.)* «Уголька пода-а-ждь, господи...» *(Нервно, горячо.)* Братва — видите кладбище? Ну? Ясно?

К о м а н д и р. Ну, что?

4 - й м а т р о с. Ну, ну — деревянные!

2 - й м а т р о с. Кто деревянные — мы-то? Ты смотри! По сопатке возьмешь!

4-й матрос. Кресты деревянные!

Восхищенное восклицание: «Елки-палки!»

Командир *(жмет 4-му матросу руку и кричит)*. К кладбищу! В цепь! Вылазь все!.. Пулеметчики, комендоры!

Летят кожаные тужурки и бушлаты, обнажая здоровые торсы в полосатых тельняшках.

Трое пулей летят на площадки. Образуется цепь в сторону от пути. По цепи с криками: «На-вались!», «Хо-дом!», передаются посеревшие могильные осьмиконечные кресты.

(Весело.) На паровозе! Сейчас с якоря снимаемся.

С паровоза *(согласно)*. Ага.

Командир *(смотря на часы)*. В точку будем. Курс зюйд, на Ростов... Полный!

Ведущий. Оперативное задание было выполнено матросами точно в срок.

ЭПИЗОД X

МАРКОВЦЫ

Ведущий. К Ростову, преследуемые Конной армией, отступали белые. За Таганрогом на ночевку стали полки марковской офицерской дивизии...

Изба. Стол. Лавки. Справа, в полутьме, кровать. Окно. В дверях старушка. В избу входят с мороза четыре марковца. Снимают амуницию, хлопают руками, как извозчики: вперед — назад, чтобы согреться, садятся, кашляют, курят. Винтовки ставят у входа рядом, вдоль стенки; на винтовках патронташи. У стенки стоит старушка.

1-й офицер *(капитан, седоватый)*. Чогт, долго ли еще будет этот дгап? Бежим, как гысаки на Семеновском плацу... Пготивно...

2-й офицер. Капитан, красные так же бежали за Орел — военное счастье, знаете ли *(напевает)*, «изменчиво и переменчиво»...

3-й офицер. Ту ва бьен, как говорят французы. Все идет хорошо.

4-й офицер лейб-драгун *(3-му)*. А, дежурный оптимист!.. Бонсуар. Так сколько верст осталось до Москвы? Сообщите мне, отставшему кор-

ніловцу, которого любезно приютили *(насмешливый жест)* господа марковцы...

3-й офицер. Под Ростовом красные выдохнутся. У-ве-ряю.

1-й офицер. «Сумлеваюсь штоп», как говогил генегал Сухозанет — не очень ггамотен был.

3-й офицер. Господа, новый анекдот... К Ленину в Кремле...

4-й офицер. Бросьте. Надоело. И кроме того, вы знаете, за что Каин убил Авеля? Нет? За то, что тот ему рассказывал старые и *(в лицо 3-му)* глупые анекдоты, вот-с, сэр!

3-й офицер отворачивается.

2-й офицер. А я маленькую рекогносцировку сделаю. Ужасно голоден! *(К старухе.)* Бабуля, милая, нет ли сала?

Старуха. Нету, сынок.

2-й офицер. Ну, а яйца, молоко?

Старуха. Забрали все. Поперед вас войско шло — все забрали.

2-й офицер *(тоскливо)*. Господи! Матушка, дай поесть чего-нибудь. Сметаны... Картошки хоть бы...

Старуха. Картошечка есть, родный, есть картошечка.

2-й офицер *(радостно)*. Ну, вот и хорошо! Спасибо... *(Жест к кровати.)* Бабушка, а это кто лежит тут?

Старуха. Внучка, внучка больная, сыночки. Тифом тронуло.

2-й офицер. Ну, бабуся, займись картошечкой... И лучку бы, а?

Старуха. Ладно, милый, ладно.

2-й офицер подходит к кровати, на которой лежит больная девушка, вся в жару.

2-й офицер *(глядит долго, потом шепчет)*. Мурильо... Грез... Буше... *(С восторгом.)* Настоящая красота! Нет, господа, вы посмотрите!

Офицеры подходят к кровати.

1-й офицер. Н-да!.. Не больше шестнадцати.

3-й офицер *(дурачась)*. Я мог бы, знаете, оказать ей внимание.

Входит бабка, неся вареную картошку в чугуне, соль, лук и бутылочку с постным маслом.

Старуха. Кушайте, сыночки, кушайте, военные господа. *(Второму.)* Лучку-то вот возьми.

2-й офицер. Спасибо, родненькая. Похлопочи соломки нам, бабушка, поспать.

Старуха. Иду, сыночек, иду... *(Уходит.)*

Офицеры у стола. Кое-кто жует уже. 2-й стоит у кровати, затем присоединяется к прочим. Ест стоя. Потом вдруг запевает романс на мотив солдатской песни, делая шаг на месте.

2-й офицер.

Дышала ночь восторгом сладострастья;
Неясных дум и трепета полна.
Я вас ждала с безумной жаждой счастья,
Я вас ждала и млела у окна.

3-й и 4-й офицеры *(тоже дают шаг)*. Ать-два!

2-й офицер

Наш уголок я убрала цветами,
К вам одному неслись мечты мои,
Ми-нуты мне-е казалися часами...
Я вас ждала-а, а вы — вы все не шли...

3-й и 4-й офицеры. Ать-два!

2-й офицер. Наша жизнь коротка и сурова.

1-й офицер. Это вступление к чему? И давно ли вы постигли,- вчерашний прапорщик?

2-й офицер *(как бы не слушая)*. Обстановка: сзади красные, спереди неизвестное... Мы голодны.

3-й офицер. Ешьте, боже мой, картошку.

2-й офицер *(значительно)*. Я говорю о женщинах.

4-й офицер. А-а-а! Ну-с, слушаю.

2-й офицер. Будем говорить прямо — девочка чудесна. Температура у нее — не менее сорока. Огонь. Понимаете?.. Бла-жен-ство. И потом не мы — так другие...

4-й офицер. Я — игрок. Раз драгуна под

шапку над окопом поставил. Под суд не хотел отдавать... Да. Держал пари: убьет или нет. Игра... В теплушку однажды влез к солдатне. В восемнадцатом году. Игра. И здесь игра — за любовь *(жест к кровати)* — сыпняк... Или проскочит? Оч-ча-ро-ва-тельно! Играю!

1-й офицер *(глубоким больным голосом)*. Слушайте, бгосьте. Вы же офицегы гусской агмии.

2-й офицер *(насмешливо)*. Капитан, стареете.

3-й офицер *(тоскливо и жадно)*. А сыпняк — наверняка, как вы думаете?

4-й офицер *(подзадоривая)*. А если нет? *(Поет.)* «Ночь дана для любовных утех...»

2-й и 4-й офицеры идут к кровати. 1-й сидит и ест картошку. 3-й стоит, потом тоже идет к кровати.

3-й офицер *(шуткой прикрывая дрожь в голосе)*. Капитан, вы можете есть картошку в темноте?

Трое наклоняются над кроватью.

2-й офицер. Пылает... Угодно жребий?.. Право первой ночи, так сказать... «Марш вперед, труба зовет, марковские роты!..»

3-й офицер. Я гашу свет.

Подходит к керосиновой лампе и берет ее. В дверях шаги.

2-й офицер. Эй, бабка, не ходи сюда, проваливай!

Пауза. В избу входит с маузером красный командир и становится, закрывая собой винтовки. Он приказывает.

Командир. Ну, живо, вываливайтесь отсюда! Сысоев, принимай!

Офицеры по одному, подняв руки, выходят. В сенях их принимают буденновцы.

Сысоев *(страшным голосом)*. А-а, вот где ты!

4-й офицер сбивает Сысоева и прорывается.

Голоса. Убег!.. Ну, ладно!.. Догоним...

Сысоев скрывает боль, гнев и стыд.

Командир *(подходя к капитану)*. У вас скверное сторожевое охранение! Разве так служат?

Экран. Световая сводка. На кавалерийском ритме:

«В Таганрогском направлении конными частями тов. Буденного захвачена марковская дивизия противника в составе трех полков...»

Первую сводку сменяет вторая:

«Наша конница в переходе от Ростова».

Вторую сводку сменяет третья:

«Конными частями тов. Буденного 8 января с боем взят город Ростов».

ЭПИЗОД XI

В ВАГОНЕ

Ведущий. Взят Ростов. Белые за Доном, у Батайска. Стали, упираются... Не берет наша. Конную в дело! В обход, бей по тылам!..

Пассажирский вагон Владикавказской железной дороги. Март 1920 года. Разные пассажиры. На верхней полке торчат большие ноги. Сапоги огромные, с гвоздями и подковами. Одна нога почесывает другую.

Дама *(снизу)*. Послушайте, солдатик, очень неудобно так ноги выставлять.

Ноги шевелятся. Слышен голос.

Боец. Я не солдатик, а господам и богу враг. И только.

Дама. Это как?

Боец. Я нашего полка боец. Буденнова.

Дама. А-а-а.

Старик *(снизу)*. Эй ты, почтенный, чайку попей с нами. Хоть чай и не водка — да чем богаты.

Боец. Спасиба.

Боец слезает, без шапки, здоровый, красивый. Входит молодка с корзиной. Садится. Боец глядит на нее, конфузится и прыгает наверх. В момент чистит кубанкой сапоги, надевает ее, обтерев рукой, и «грациозно» слезает вновь, натягивая белые нитяные перчатки. Боец откашливается и церемонно садится, поглядывая на молодку, к столику — пить чай со стариком

Б о е ц. Чай-сахар! *(Наливает кружку и отхлебывает.)*

Старик оглядывает бойца.

Б о е ц. Форму оглядываете? Деникин в нас в артельщиках. Трофеи он поставляит, мы и одеваимси! Товар! *(Хлопает по своим хорошим защитным английским галифе. К молодке.)* За канпанию — не угодно ли?

М о л о д к а *(шепчет, конфузясь)*. Ни...

Б о е ц *(к молодке)*. Вы как? Путешествуете, или как?

Молодка конфузится.

И есть, например, дома законный супруг?

Молодка совсем конфузится.

С т а р и к *(выручая молодку, вмешивается)*. Изволили вы, товарищ, заметить, что у Буденного — как их величать, с сожалением, не знаю — служите?

Б о е ц. Так точна. А теперь в отпуск. Сем ден имею... *(К молодке.)* Срок, конечна, малый, но *(мигает)* хватит...

С т а р и к. Не откажите поделиться впечатлением о Буденном — как их величать, с сожалением, не знаю. Наслышаны, и знать про них любопытно.

Б о е ц *(пьет чай — в перчатке, — оттопыря мизинец, потом одергивает гимнастерку)*. Впечатление у мине от Буденнова *(пауза)* ничево *(пауза)*, хорошее. *(Глядит на молодку.)* Да... Вот было... *(Постепенно попадает в русло воспоминаний и бросает «форс», становясь безыскусственным, но не забывая про молодку.)* Ростов — взяли. Белые у Батайска. Стали — упираются. Пробуим в лоб взять. У нас потеря. Какое дело, а? Ну, Конную в обход! Стоять мы постояли — тольки постираться успели... Тут та-та-та-та... Тревога. Седлать! Ну, седлаим. Ожидаются отважные бои, иттить на Дон — в степя. И только. Лишнево не класть, белье одеть чистое — на случаї пуля тронет... Идем. За Дон. И шли несколько переходов. А там белы-ых... Ну, добре...

Пауза. К рассказчику подсаживаются ближе.

Да... А Деникин што? Зовет своих генералов от кавалерии, Павлова и прочих. *(Наивно-удивленно.)* «Как так — почему красные за Дон идуть? Чтоб я больше имени Буденно-Ворошилова не слыхал. И только. Кто они такие, Буденно-Ворошилов?» — это Деникин спрашивает. «Нижние чины, вашесокдитство»,— ответ ему генералы дают. «Как так, не может быть!» — «Виноваты — не догляделн... Тольки так и есть». Деникин усмехнулся и говорит: «Поймать! И только».— «Слушаемся!» Откозыряли генералы и покатились. Ну, покатились Буденно-Ворошилова ловить... Ну, добре... А мы и сами за Дон идем — нà, мол, лови! У Шаблиевки сошлись. Лови, ну! А они не ловють. Осерчали мы — побили их... *(Лукаво.)* Грех... У Торговой ишо сошлись... *(Серьезно.)* Ох, бой был! С холоду лютые — смерти не видят — идуть белые. Останову нет. Прямо беда... Однако и тут их побили. И только. В степь их угнали. А мороз! Спасу нет. Утром мы в разведку. *(Начинает усиленно жестикулировать.)* Глянь — чернеет. Белые! *(Пауза.)* «Сдавайсь!» Молчат. «Сдавайсь!» Молчат. К ним! *(Пауза.)* Стрельбы нету. Што за хреновина!.. *(К молодке.)* Ви-но-ват!.. Подскакали. «Сдавайсь!» А они *(пауза)* все мертвенькие.

Падает кружка. Женский вскрик.

Замерзли. И только. *(К даме.)* Вот, мадамочка, дела-то какие бывают! Двигаем дальше. Усе Деникин Буденно-Ворошилова ловит, а мы его бьем — чего не поймаешь? Лови! Упарились... Под Белай Глинай ушибли белых ишо раз. *(Серьезно.)* Тут в нас комбрига Мироненко и комполка Усенко убило. Вечная память.

Пауза. Старик: «Ох-хо-хо!» Боец закуривает.

(Молодке.) Вас табашный аромат не тревожить?

Молодка конфузится.

Табак, знапти, на грудь смягчение даст... Всю войну курю... До службы не курил... Да... *(Серьезно.)* Идем, значит, ета, дальше — к Егорлыцкой. Наперли сюда белые все корпуса! Офицерский — раз, донских — три да кубанский. *(Растопыривает левую руку, обводит взглядом всех. Белеют пять больших пальцев.)*

1-й голос. Н-да.

2-й голос. Ну?

Боец. Идем в атаку раз. Нам по морде. Идем в атаку два. Нам по морде. Идем тогда три. *(Пауза.)* Нам опять по морде. Ах ты, мать...

Дама. Ах!

Боец *(вдруг давится)*. ...пресвятая богородица... Батареи наши — отступать. А? Тут начдив четвертой Городовиков...

Молодка *(не выдержав, певуче)*. Що цэ такэ — начдыв четвэртый?

Боец *(оправляя гимнастерку)*. Эта, пожалуйста, как бы вам сказать по форме... Ну, вроде как бы над тремя комбригами... *(Радостно.)* Ну — начальник дивизии! Командир над шестью полками... Да. Мчит, эта, начдив четвертой Городовиков. Конь под им весь огнем горит... Мчит к батареям. *(Ласково.)* «Здравствуйте, говорит, батарейцы. Други! Вы, говорит, што? Вы, говорит, не в ту сторону наступаити» — ну и добавил... *(Рукой жест.)* Ну, командует... Начдив четвертой Городовиков это батарейцам-то *(грубо)*: «Огонь со всех орудий, ну!» И только.

Восторг аудитории.

Бьем громом с орудий и белым говорим *(поднимает голос)*: «Ну, теперь тих-хо, тиш-ше. Куды суесси, дур-ра?!»

Дама и старик несколько отодвигаются. Прочие: «Ага-аа! Во!»

Взяли Егорлыцкую. Побили пять корпусов. *(Жест руки.)* Гоним, жару даем: «А лови Буденнова, а лови Ворошилова...»

Голоса, смех — «во», «ага!»

В корень разгрохали — и только! Ну, Деникин в море подался. А тут ведомство не наше. Мы в Майкопе стали. Отдыхать. Ну, тут благодарность. «Ту-ру-ру», «та-ра-ра» — музыка... *(Расправляет плечи и глядит на молодку.)* Ково и к награде... *(Ближе к молодке.)* А што, вы об чем все мечтаити?..

Старик *(мешает)*. А кто же они точно, Буденный-Ворошилов?

Б о е ц *(с трудом отрываясь от молодки)*. Го-о, я с Буденным сосед — с окна в окно полтыщи верст... Он с Платовской станицы, а я подале. А Ворошилов — луганский, фабричный.

П а с с а ж и р *(удивленно)*. Как же они командовать могут?

Б о е ц *(убежденно и чуть сердито)*. Могут — раз надо. И только.

ЭПИЗОД XII

НА ОТДЫХЕ

В е д у щ и й. Конная под Майкопом. Отдыхает.

Г р у п п а б у д е н н о в ц е в. Отдыхают.

Р а с с к а з ч и к. Шевели, копайся. Кто сказку слушать?

Г о л о с. Про чево сказка-то?

Р а с с к а з ч и к. Про нашего полка бойца, как его кадет обдуривал и што с етова вышла.

Г о л о с. А ну, што?

Подваливают к рассказчику. Слушают.

Р а с с к а з ч и к. Шел нашего полка боец. Глядит — кадет. Ну, што — мала ль их по Дону-Кубани пораспущена теперь, как Деникина разбили? Встрелись, значить. То, се, увязался кадет бывший за нашева полка бойцом. Это они идуть — глянь, на дороге поросенок жареный и с кашей. Кадет, глаза завидущие, и говорить:

— Как же мы порося съедим?

— Порежем, товаришшок,— говорит нашева полка боец,— половину тебе, половину мне, я поем и ребят угощу.

— Нет,— говорит кадет,— так не поделишь: кому-нить да больше выйдет... Вот давай спать лягим, кто лучше сон увидит, тому и порося съесть.

— Давай.

Легли. Нашева полка боец глаза закрыл, а сам чует, когды кадет заснет. Тот лежит, глаза щурить. Обдурить нашева полка бойца хочить: самолучший

сон выдумывает — где, мол, ихнева — краснова полка бойцу так выдумать, серы они ишо... Нашева полка боец смекает. Видит, кадет на хитрость бьет. Стой! Нашева полка боец тада порося р-раз — и в торбу! А кадет все думаить. Самолучший сон выдумываить. Надумал. Торк-торк нашева полка бойца:

— А ну, какой тибе сон снился?

А нашева полка боец и говорит:

— Тьфу, разбудил, и сон я весь забыл... А тебе какой?

— Ну,— говорит кадет,— мне хороший сон снился. Смотрю я — возле нас конь ходит, чисто генеральский, нова узда, удила с серебра, стремена золотые, подушка на седле пуховая... Сел я на этава коня и поехал. Еду-еду — смотрю: лестница на небо упираитцы. Слизаю. Полез по лестнице. Лезу-лезу в гору — смотрю: на небо влез. Влез на небо, там палаты. Я туды. А там сам бог! Сидит и ужчает. «Иди, говорит, христолюбивый русский воин храбрый, со мной ужнать». Так я с самим богом ужнал... Во как.

Тада нашева полка боец печальна так и говорит:

— Вроде и мне такой сон снился, только похужи... Смотрю это я — конь мой идет, ишо с Царицына у меня коняка. Какой — известна: трусит и ладно. Да — узда там, страмена, сидло — увсе обыкновенная, как у буденнова бойца,— игде нам богатое взять? Сел я на коня, поехал. Еду, еду... Смотрю — лестница в небо упираетси. Слизаю. Полез в разведку. Лезу, лезу в гору — смотрю: на небо влез. Влез на небо — там палаты. Около палат — конь енеральский ходить, бьеть копытом, огонь летить. Подушка на седле пухова, страмена золотыи.

— Так то мой конь был! — говорит кадет.

— Во-во. Твой... Лезу я дальше, в палаты. Походил, походил — дверь открываю... Винтовку наизготовку, дело знакомое. «А ну, кто там, вылазь!» Смотрю, бог! А ты рядом с ним ужнаешь. Ну — думаю, конпания! Занесли черти. Вижу только, што ты и говоришь: «Иди прочь, краснава полка боец, не твоя тут места, иди забирай порося; што мне, христолюбивому русскому воину, порося — я с самим богом ужнаю». А на столе:

ух-ха, пироги, лапша, студень, говядина, кисель, ай чиво только нет! Ну, пошел я прочь, забрал порося, как ты велел. Только его и вспомнили!..

— Так ты съел порося? — это кадет волнуетца.

— Ну, а што ж?

Закрутил тут хитрай кадет головой, да и пошел прочь. Не обдурить нашева полка бойца!.. Сказке конец. Эй — кто закурить даст?!

1-й голос. Гэ! А порося?

Рассказчик. Звестно, сам поел да взвод свой угастил — не как ты!

Голос *(издалека)*. Эй, на занятие собирайсь, товарищи!

ЭПИЗОД XIII

«БЕЙ ПАНОВ!»

Ведущий. Недолог был отдых Конной... Заиграли трубачи снова и снова: «Се-е-едлай!» Войной идет на нас белая Польша, Украина вновь в огне... Дивизии Буденного — восемнадцать тысяч сабель — походом, в седле, идут на польский фронт. С Северного Кавказа к Умани. Маршрут подстать только красной коннице... Более тысячи четырехсот верст! Рванули на панов!

И когда польский фронт, фронт кадровых европейских обученных и снабженных богато войск, был, как скорлупа, продавлен и растрепан Конной армией,— скверно стало панам. Маршал Иосиф Пилсудский, глава государства польского, признался: «Паника вспыхивала в местностях, расположенных даже на расстоянии сотен километров от фронта, а иногда даже в высших штабах, и переходила все глубже и глубже в тыл. Стала давать трещины даже работа государственных органов: в ней можно было заметить какой-то неуверенный, колеблющийся пульс... Наступали моменты непреодолимой тревоги с первыми потрясениями. Новое оружие борьбы, конница Буденного, становилась какой-то легендарной, непобедимой силой. И чем дальше от фронта, влияние этого гипноза было все сильнее и непреодолимее...» *(Пауза.)* Штаб

бригады одной из дивизий Конной. Лето 1920 года. Польский фронт...

Два стола. Лавка. Комиссар — бывший рабочий. Флаг у стенки — «Бей панов!» На гвозде висит комиссарская казачья шапка.

Комиссар *(в дверь)*. Товарищ Семененко, пленные послн?

Голос из сеней. Пошамалы.

Комиссар. Пусть ко мне идут.

Идет к окну, наливает из жестяного чайника в кружку чай, пьет. Входят пять польских солдат, крепкие, с выправкой. Вытягиваются, щелкая каблуками. Комиссар делает жест — садись.

Садись, товарищи.

Солдаты стоят, руки по швам.

Садись, товарищи. Ну? Давай говорить. Поймем друг друга, а? Вы по-русски што, я по-польску. Так?

Солдаты деликатно присаживаются на лавку.

Откуда родом? Скуда будешь?

1-й солдат. З Варшавы.

Комиссар. А ты, друг?

2-й солдат. З Люблина.

Комиссар *(к прочим)*. А вы?

3-й солдат. З Кракова.

4-й солдат. Теж с Кракова.

5-й солдат. З Бялы.

Входит Семененко — на босу ногу калоши. Он в кубанке, гимнастерке, с шашкой.

Семененко *(комиссару)*. Товарищ комиссар, клычуть вас там... Та ще одын пленный ось тут. *(Тычет в сени.)*

Комиссар. Иду. Пленный пусть сюда же идет.

Выходит из хаты с Семененко. Пленные переглядываются. Смотрят на шашку. Пауза. Входит 6-й пленный солдат. Солдаты, увидев его, вскакивают «смирно».

3-й солдат *(удивленно)*. Пан поручик!

6-й солдат. Тш-ш. Тихо.

Осматривается. Солдаты садятся. Входит комиссар с пакетом и кипой газет.

Комиссар *(к 6-му)*. Друг, а ты какой, понимаешь, отку-да?

6-й солдат. З Лодзи.

Комиссар *(живо)*. Рабочий?.. Работник?

6-й солдат *(подхватывает)*. Так, да... Так, так...

На улице вдруг пулеметная стрельба, крики, взрыв. Все вскакивают. Комиссар к окну. Польский офицер — секунду в нерешительности, потом восклицает: «То наши!» Делает повелительный знак солдатам и кидается за шашкой, висящей на стене. Через несколько секунд на него сзади кидается один из польских солдат. Офицер и этот солдат катятся на пол. Комиссар схватывает шашку и обнажает ее. Прочие все время недвижны, ошеломлены «преступлением» солдата, испуганы. Офицер лежит, солдат давит его сзади.

Семененко *(вбегает)*. Бомбу, гадюка, бросыл! Двоих вбыло биля хаты! Наши с пулеметив покрыли... Ой, высоко, гадюка, летае!

Комиссар, подавляя волнение, вкладывает шашку в ножны и наливает из чайника чай в кружку, глотает. Солдат поднимается. Офицер тоже.

Комиссар *(к ним тихо)*. Ну, што?

Солдат. Пан комиссар... *(Жест в сторону офицера.)* То — офицер, поручник. Он хцел порубить пана комиссара... Он мувил — он роботник. Ни, ни — то я роботник, то мы. *(Тычет рукой на одного и другого соседа.)* Я много страдал через них... Я сидел в тюрьме... Мне били в полиции.

Комиссар *(к офицеру)*. Разумиете, понятно, а?.. Семененко! Сопроводи, друг, этого *(кивок на офицера)* в штадив. *(Вспомнив что-то.)* Только без «менок». Ни сапог, ничего не снимать. Ясно?

Семененко *(глядя на свои калоши, потом на крепкие сапоги офицера)*. Эге ж, мине шо — ни було в мини чоботив, та хай и не будэ... *(К офицеру.)* Пийшли, пан!..

Уходит, пропуская офицера вперед и придерживая левой рукой шашку.

Комиссар. Садись, товарищи! Продолжим разговор...

ЭПИЗОД XIV

СМЕРТЬ КОММУНАРА

Ведущий. Тяжелые бои ведет Конармия. Ее окружили поляки — армия Галлера...

Вечерний свет. Поле. Остатки проволочных заграждений, может быть, 1915 года. Лежит раненый буденновец, политбоец. Поодаль кусты. Опрокинутый пулемет. Шорох в кустах.

Раненый *(левой рукой вскидывает револьвер, шепчет)*. Поляки?! *(Громко.)* Кто идет? Стреляю!

Тихо. Потом шорох возобновляется.

Раненый *(нервно)*. Кто идет?

Тихо. Из кустов ползет кто-то.

Голос казака. Товарищ политрук, ета я. Вы только голос не оказывайте — услышут. *(Подползает.)*

Раненый. Пи-ить!

Казак. Вот баклажка, попейти... *(Поит.)* Я, как приметил ишо в атаки, что вы, знач, немножко споткнувшись от раны — так потом Сысоеву сказал и суды пополз. Ихня кавалерия в ложбину ушла, сидит там. Близка тут... Наши ждут наскоку... Вы попейте ишо... Накрутили нам холку паны эт раз. Не знаю — прорвемся ли...

Раненый снова хрипло и отрывисто дышит.

Казак. Ну, теперь, давайти, товарищ политрук, подаваться к своим. Может, проползем... Вас иде тронуло?

Раненый. В живот... и в правую руку...

Казак понял, что это значит.

Казак. Я вас на горбу — легонько понясу...

Раненый. Наши... значит, ждут... Поляки близко... Вот запоминай... приказ мой... *(Медленно,*

подавляя боль, говорит.) Посылаю тут... партбилет... списки... ячейки... квитанции... Запомнишь?

Казак. Ага, квитанции... *(Берет бумаги.)*

Раненый *(медленно диктует).* Приказываю бойцу... доставить это... меня бросить... Приказываю взять пулемет... тут брошен... и ленты... Вам он... нужен. Понятно?

Казак почти всхлипывает.

(Медленно.) Прощай. Иди...

Казак *(дрогнувшим голосом).* Товарищ родной, давай тибя унесу.

Раненый *(мучительно).* Пулемет...

Казак *(моляще, рыдая).* Давай!

Скользнул луч прожектора.

Раненый *(слабея).* Пулемет... Скорей... Поляки ударят... Иди...

Казак плачет и шарит у себя по карманам. Достает кисет и ломоть хлеба.

Казак *(растерянно).* На-ка... вот... махорки... Покури. Хошь? Или поешь. А? Хлеб тут... Товарищ, а? Милай... *(Плачет.)* Хошь? *(Пауза.)* Прощай... братец мой... *(Всхлипывает.)*

Луч прожектора. Казак махнул рукой и, осторожно взяв пулемет, коробку с лентой, ползет, пропадает в темноте. Раненый отрывисто хрипит. Потом все тихо... Луч прожектора.

ЭПИЗОД XV

ДОПРОС ПЛЕННОГО БУДЕННОВЦА

Комната, некоторый комфорт. Польские офицеры. Полковник, четыре офицера, как один, сияющие формой: лак и золото фуражек, шитье на воротниках, пуговицы, ордена, лак сапог и прочее.

Ведущий. Рванулась Конная. Из кольца ушла и снова гремит. Но попал на прорыве в плен братан один.

П о л к о в н и к. Прикажите ввести пленного.

Адъютант отдает честь и выходит. Быстро возвращается. Входит в буденновском шлеме и гимнастерке без пояса — п л е н н ы й. За ним ч а с о в о й комендантской роты, отчетливый солдат в начищенных ботинках и ладных обмотках. Пленный одергивает гимнастерку, стоит, чуть расставив ноги. Крепкий, высокий, широкоплечий. Разглядывает офицеров. Один офицер шепчет ему: «Шапку долой!» Потом суется к буденновке. Боец защитно поднимает руку, отводит руку офицера и сам снимает шапку. И стоит, как прежде.

Здорово.

Б о е ц *(вежливо)*. Здрасьте.

П о л к о в н и к. Какого полка, дивизии?

Б о е ц *(гордо и серьезно)*. Нашева коннова полка боец.

П о л к о в н и к. Номер?

Б о е ц. Нниграмотный я.

П о л к о в н и к *(подумав)*. Много ли вас, красных?

Б о е ц. Многа.

П о л к о в н и к. Точно! Сколько?

Б о е ц *(строго)*. В Расеи мильонов с полтораста.

П о л к о в н и к. Говори, не дури, где красные части расположены?

Б о е ц *(убежденно)*. Расположены по всему свету... *(Бережно поднимает буденновку и пальцем указывает.)* Во где: в Европи — раз *(один конец звезды)*, в Азеи — два *(другой)*, в Африке — три *(третий)*, в Америке — четыре *(четвертый)* и пять... *(палец повисает)*. Ишо как — забыл. Комиссар знаит.

Офицеры изумлены и смотрят на полковника.

П о л к о в н и к. Ты что? Смеешься?

Б о е ц *(строго)*. Как на присяге — все всерьез. Какой тут смех! Не с девками хоровожусь!

П о л к о в н и к *(тая гнев)*. Поговори еще!

Б о е ц *(строго, снисходительно)*. Ладно, поговорю. Вот объяснил, где расположены мы. И верна. *(Серьезно.)* Ишли, скажем, с боями — ишо с Царицына,— народ попа́дает в эскадронах, другие валят... Везде. Добровольные бойцы. Вот и выходит, што везде расположены. Валом валят к нам.

Пауза. Офицеры застыли.

Полковник (*ревет*). Ты, босяк, тут агитацией заниматься?

Офицеры суровеют.

Боец. Зачем? Я истинно глаза открываю.

Полковник. Кто тебя тут слышит? (*Указал на офицеров и часового.*)

Боец. Услышат, верное слово — оно слышно. (*Широкий жест вокруг, сначала в зал.*)

Сильный гул хора из зала. Слышим, братан, слышим!

Офицеры подаются назад.

ЭПИЗОД XVI

ЧОНГАР

Ведущий. Затихли паны. Бойцам Красной Армии приказ — на Врангеля. Слово — товарищу Ленину.

НА ЭКРАНЕ:

«Товарищи! Царский генерал Врангель усиливает наступление на Украину и Россию. Поддержанный французскими капиталистами, он продвигается вперед, угрожая Донецкому бассейну и Екатеринославу. Опасность велика... Пусть же все и каждый встанет грудью на защиту против Врангеля!

ЛЕНИН».

Ведущий. Бойцы Конной летят на Врангеля.

Кавалерийский ритм.

С хода Конная прорывает фронт белых. Без оглядки бегут белые в Крым, за свои укрепления. И там останавливаются. За валами, за проволокой, за пулеметными шеренгами. На Перекопе, у Юшуня, у Чонгара...

Полутьма. Полотно железной дороги. Мостик. Под ним семь человек: три командира и четыре телефониста. Слабый свет лампы.

Телефонист. Телефонограмма, товарищ командир... Счас. (*Пишет, повторяя.*) «Головные части Шестой кавдивизии... перешли в наступление... и... обстреливаются... сильным огнем...» Точка, да... «Движение...» Алё, алё!.. Ну, вот... Алё! (*Дует в трубку.*)

Да, да!.. «продолжается... с упорным боем... В частях...» Алё... алё... «большие потери...»

1-й голос *(тяжко)*. Ох-хо-хо!..

Телефонист. Номер двести тридцать, оперативная точка.

Командир. Что у соседей? В пехоте?..

Телефонист. Не добьешься их.

Командир. Вызови-ка еще бригаду.

Телефонист. Алё... алё... Бригада, алё... Афонькин!.. Алё... Не отвечают... Што, если провод перебило?.. И-эх!

Переглядываются. Молчание.

2-й телефонист. Надо иттить провод справлять.

Один уходит.

Телефонист. Гул идет... Алё... Алё... Бригада... *(Умоляюще.)* Ну, бригада же!..

Пауза.

3-й телефонист. Видно, попал в беду наш... Второму итти надо.

Уходит второй.

Телефонист. Алё, алё... И што там творится? Не разбери-поймешь. Алё... *(Нежно.)* Афоня, слухай! Алё... *(Свирепо.)* Бригада... Алё... *(Безнадежно.)* Нет связи!

Командир. Товарищи! Надо третьему на провод итти.

Встает третий. Сам себе командует: «Эй, ну, ша-гам арш...» Выходя, напевает. «Ария» слышна в отдалении, потом обрывается лихим гиканьем.

Телефонист *(гладит аппарат и «просит»)*. Алё... Пожалуйста... алё... *(Потом бросает это занятие.)* Што там на передовых?

Пауза.

Командир. Связь не восстанавливается — сейчас четвертому итти.

4-й телефонист. Пойдем! *(Серьезно.)* До самой смерти ничего не будет. *(В дверях оборачивается.)* Хлеб тут привезут, на меня возьмете.

Уходит. Темнеет. Пауза. Тихо. По железнодорожному полотну бредут бойцы; едва видны темные фигуры в папахах.

Ведущий. До рассвета ждали.

Алеет рассвет. Вдруг телефон дает сигнал, гудок.

Телефонист *(кидается и слушает)*. Ага!.. передают... Алё, да, да... «Части Шестой кавдивизии...» Алё... алё... Ну, что там? *(Дует в трубку.)* «Ведут...» *(Выжидательно, боязливо, вдруг кричит.)* Чонгарский мост пройден, позиции взяты... Крой, милок!.. Афоня, эта ты? Крой, милок!.. Так их! Крой!..

Ведущий. Шестая кавдивизия с честью выполнила свой долг... На месте боя Реввоенсовет дал ей имя «Чонгарская».

ЭПИЗОД XVII

ПОВЕРКА

Ведущий. После боя на Чонгаре.

Вечерний свет. Зычный голос Сысоева: «Становн-и-сь на поверку-у!» Сходятся человек пятнадцать. Строятся, легкий говор. Перед строем Сысоев со списком.

1-й голос. Сысоев, тут пленные, куда их?
Сысоев. Офицеры? Сюда скорее!

Приводят пленных донцов. Три офицера и несколько казаков. Они стоят тихо. Сысоев кидается к офицерам, смотрит в лица.

Сысоев. Нету... Ох, поймал ба... *(К строю.)* Смирно! А ну, слушай поверку... Алексеенко Петр!
Голос. Убит.
— Алексеенко Семен!
— Убит.
— Апанасенко Дмитрий!
— Убит.
— Алихов Василий!
— Раненый.

— Богодаров Василий!
— Убит.
— Башланенко Никифор!
— Убит.
— Бурлак Афанасий!
— Убит.
— Ваньковский Константин!
— Я-а! *(Рука на перевязи.)*
— Ведерников Петр!
— Убит.

Ведущий. Когда закончили перекличку, как всегда и везде в Красной Армии...

Сысоев. Смирно! Эй, товарищи пленные, стойте с уважением. Запевай.

Запевала начинает «Интернационал». Строй поет гимн. И мало-помалу, вслушиваясь в слова буденновцев, начинают петь пленные донцы... Офицеры стоят в струнку, холодные, враждебно-покорные. Один сжимает кулаки.

ЭПИЛОГ

«И ЗДЕСЬ ФРОНТ»

Ведущий. Пошли-полетели годы за чонгарскими днями. Где же другие милые буденновские братаны, старые бойцы? Как живут они, что в мыслях держат?

ЭПИЗОД I

«ОЙ, ЗНОВ БУДЕ НАША КОННАЯ!»

Комната. Стол. Портрет Ворошилова. Лампа горит. Телефон. Бывший командир полка (б. комитетчик) сидит. Он такой же, как и в 1918 году. Только поседел.

Командир *(читает)*. «Нижайшее почтенье и с любовью низкий поклон, товарищ комполка Иван Петрович. Сколько лет за вас неизвестно было, как теперь письмо от вас пришло и читал — все воскресило во мне, и вспомнил все переживания прошлых дней и лет. Невольно вспомнил таких героев, как командарм Семен Михайлович, и за Клима Ефремовича Ворошилова, и за начдива нашей непобедимой дивизии, и за сотенного (вижу его и теперь лежаще окровавленным, как мы ишли под Львов, запечатлел в бою), за Семена Прохорова (помните, хоронили за Сватовой?), за Романа Прилукова (погиб у Егорлыкской), а теперь со-

общаете вы и еще об одном герое, о Ваньке Филиппове,— жалко биднягу. Мне передавали за него, что он сделался глухой, а теперь узнал о смерти. Эх, лучше бы этого не знать! Как тяжело делается, когда узнаешь о страданиях кого-либо из друзей, когда-то не щадивших своей жизни!

От матери Полякова — оплакивает она сына единственного, когда остался в могиле на Маныче, был боец,— просит мать карточку, ежели кто сберег, и при первой возможности выслать. У Прилукова матери нет, есть отец: «Поеду на могилу сново сына, то хоть косточки привезу». А могилу как сыскать в поле, как вся Конармия прошла? Разве сельсовет какой что поможет отыскать».

Командир *(произносит)*. Мало мы заботимся об этом, мало... Эх!..

«...Проезжали в нас тут командиры с Москвы для терконницы, спросили, нет ли ково с буденновцев здешних, участников 1918 года. Им кто-то сказал, что есть — именно на меня. «Попросите ко мне». Когда я пришел и рассказал командирам о совместном участии, так один,— в его ромбы на воротнике,— не выдержал и, пожавше крепко руку, расцеловал. «Вы Красное Знамя орден имеете?» Я говорю: «Нет. Побеспокоиться приходилось больше разбить кадетов и поляков, и представляли мало».— «Пиши, говорит, заявление и укажи про бои и какой части. В Москве передам к высшей награде». Я подумал, да и решил, что могут допустить о прекрашивании моего описания и потом что другие нашего полка сами не лезут, а что я полезу, мне больше товарищей не надо, вместе были. Я так сказал командиру: «Ничего мне не надо, а если надо, так всем по заслугам». Командир уехал, так мы больше и не виделись». *(К портрету Ворошилова.)* Климентий Ефремович, хорошей прокалки бойцы у нас, твоей прокалки, а?

«...Ишо приезжал в отпуск домой к своим Иван Сысоев, взводный. Он учится на командира. Какой был, такой и есть. Только нервный. Иной раз на людей глядит и спрашивает всех: «Офицера одново таково, с бородавкой, не видели где?» Это у него с фронту оста-

лось. А так справный во всем». Да, Сысоев и тогда был такой какой-то... *(Читает дальше.)*

«...Друг дорогой, товарищ комполка, давайте связь поддерживать, помнить прошлое и укреплять пролетарское общество, ведь мы не знаем, что завтра случится, вдруг война,— я считаю, что еще придется взять оружие, и тогда хорошо действовать, как знаешь, что рядом стоят надежные бойцы.

Кланяюсь низко. Бывшей боец третьего эскадрона *Фрол Шмелев». (Вздыхает, чешет почему-то глаз. Читает другое письмо.)* Ну, что Василенко Тиша, моряк мой, пишет? *(Читает.)*

«Уразив ты сердце мое, друже мий, любимый товарищу. Прийшов из праци, а баба сунула мини в руку твово листа та ще и каже, што хто-сь шукае тебе мабуть, дуже добра людина, що и за других печется.

Я глянув на папирець тай подумав — звисно, що добра, тильки ни до всих, бо вид руки цией доброй людини ни одна сволота з погонами в земли прие, жалко тильки, що мало.

Ох, заболило, забилось сердце мое, нибн хто его израпив, а вид чого? Як бы спросив мене хто, я бы ни зумив отповидати. Жалко чего-сь, дуже жалко — так перед моими очами и стали вси товарищи, вси полки Конной армии. Всих бы их хотив обняти, прижати, так щидро до сердця обласкавши, та мабуть цього не дождешься, мабуть и не придется побачить кого. Ну, тильки як буде вийна — на коня и гайда,— боем загремит земля и буде знов наша Конная! Разумию, що ти мне добре понимаешь, и як колысь з тоби сикли головы офицерям и панам, так и теперь будемо. Як ты бул комполком, то и будешь, старый мий друже. Бувай здоровенький, друже!

Твой

Тихон Василенко».

(Вскакивает.) Так, Василенко, так, Тиша, друг мой,— будет война, будет знов наша Конная!

ЭПИЗОД II

ВСТРЕЧА

Ведущий. Не останавливаясь, гремя годами, идет революция, меняя облик людей, городов и сел. Ответы со степей идут, с земли... Не остановить революцию, не замедлить ее шаг!..

Темно. Степь. Курганы. Обстановка эпизода, относящегося к 1918 году. Медленно выходят с двух сторон двое.

Один *(весело)*. Кто идет?

Второй *(весело)*. Свой!..

— Какой свой?

— Здешний житель, с колхоза «Буденновец».

— Ты бывший конник?

— Ыгы!..

Сходятся.

— Ну, здоров, братан!

— Здоров.

— Закурим?

— Закурим!

При огоньке разглядывают друг друга.

Казак. Ты-ы? Митрей?! Здорово, четвертая смелая кавдивизия.

Митрей. Казак?! Здоров, самогеройская шестая! Вот привелось!

Казак. Да-а, привелось!

Митрей. Скольки я тибе не видел — с врангельского?!

Казак. Ыгы... *(Курят оба.)* А что про ково слыхал с наших, друг?

Митрей. Ваньку Сысоева помнишь?

Казак. Взводного? Ну, как же!

Митрей. Заделался командиром, прошел учение. Ишь, хват!..

Казак. А комиссара помнишь? Где-та он типерь? Как он под Царицыном нас осаживал?.. Спомнить только — дуром к нему пошли, освабадить невинных аре-

стованных — чуть беды не сделали. *(Пауза.)* А в нас в эскадроне — командиров трое убито, два в инвалидах. Писали. А рядовых бойцов вернулось — едва взвод соберется против тово, што вышло в эскадрон в восемнадцатом году.

М и т р е й. И у нас. Под Батайском упало много. А под Бродами?! А под Грубешовым,— сразу трех комбригов убило...

К а з а к. А у Егорлыкской? Помнишь, ходили?.. *(Пауза.)*

Затихают оба.

В е д у щ и й. Семь тысяч верст прошла Первая Конная за годы гражданской войны. Великий путь весь отмечен могилами бойцов — прекраснейших сынов революции. Они сложили свои честные буйные головы в борьбе с заклятыми врагами трудового народа. Все они живыми кусками нашего собственного тела вырывались врагами из наших рядов. Они дороги нам, как дорого и то дело, за которое они боролись и умерли... Безыменные тысячи могил поросли травой, зимой занесены снегами. Под полуденным или ночным темным небом в сечах погибли, когда пришла смерть. Расстались с родными полками... Пропали, пропали навсегда... Сошли в могилы братья бесценные, полив кровью землю, родимые степи... Никогда больше не откроются глаза погибших, чтобы увидеть штандарты красные. Сердца горячие остыли, истлели... Ушли тысячи прекрасных из жизни навсегда...

Траурный, горький народный мотив.

В е д у щ и й *(в зал)*. Встанем, товарищи! Встанем, бойцы! Почтим память погибших...

Казак и Митрей в сумраке застыли.

К а з а к. Да, побита многа...

М и т р е й. Свое взяли... Поломали хребетину кадетам.

К а з а к *(меняя тему)*. А дома-то ребятишки!.. Сопляки в восемнадцатом были, задницы голые видать, а теперь басом гутарют .. *(Удивляясь и ласково.)* В

красной кавалерии служат!.. Ишь, дела! Вот те и сопляки — выросли!.. Время идет.

Митрей. Бежит, друг, время, прямо бежит...

Пауза.

ЭПИЗОД III

«ЗДРАВИЯ ЖЕЛАЮ, ВАШ-СОК-РОДЬ!»

Ведущий. Стремителен бег событий — не останавливаясь, идет революция, меняя облик людей, сел, городов, стран... И кто посмеет остановить ее?

Москва, октябрь 1929 года.

Фойе в клубе. Комсомольцы, комсомолки, молодые бойцы-кавалеристы. Среди них один здоровый дядька. Поют: «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц...» Поют приподнято, молодо, прекрасно. Потом галдят, ходят. Смех.

Молодой боец. Дядько, а ты на службе був?

Дядька. Был.

Молодой боец. А на войне був?

Дядька. Приходилось.

2-й боец. Пехотный?

Дядька. Конник.

Трое. Старый конник?

Дядька. Шестой Чонгарской.

Все. Буденновец?

Дядька. С февраля тысяча девятьсот восемнадцатого.

Все. О-о-о! *(Подходят к дядьке.)*

1-й боец. Значит, настоящий бой видел?

Дядька. Пришлось... Да... Помню, что память хранит. Эх, бойцы, были дела, были, за Советы шли — умирали. Да... Смею сказать, мало любить — носить на руках таких бойцов надо... Плохо только оценивают, бывает... Скажем — история-то их помнит... Верно: золотом по красному имена выведет, а люди-то... *(пауза)* иной раз забывают... Бывает, бьется после службы боец, ничего не выходит... Налог тяжелый.

Молодой боец. Да ну?

Комсомолец. Как кому!

Дядька. Поеду, думает, в город, а там хоть на камнях спи... Страдает боец.

Быстро появляется из зала один человек. Бодро кричит с украинским акцентом.

Вошедший. Старого буденновца чую! Здорово! Я — тоже конник. *(Крепко бьет ладонь в ладонь знакомца.)* Верно говоришь, бывает плохо бойцу. Бывает, ой, подло у нас бывает! Только мы за подлость и душу вынуть можем. Как спортился, забюрократился, трудовому люду дорогу заступил — за шкирку. *(Жест.)*

Комсомольцы. Во! В кружку!

Вошедший. Верна! Как такого гада словим, который с подкопцем действует,— на замок его. Верно?.. Примечай, что говорю, друг... *(Пауза. Вдруг резко.)* Да в глаза гляди, ну! *(Стискивает руку собеседника сильнее.)* Где ты бойцом был, в каком полку?

Дядька. В Шестой кавалерийской.

Вошедший. А какой полк на Чонгаре в голове шел? Какой эскадрон первым мост прошел?

Дядька мнется.

(Спокойно.) А хочешь, я тебе скажу, в какой ты шестой Чонгарской дивизии был?

Дядька молчит.

(Резко.) Гляди, гад, прямо!.. Ну... С буденновцем дело имеешь,— очки не вотрешь. *(С ударениями.)* Видели мы тебя в тысяча девятьсот восемнадцатом, слыхали в тысяча девятьсот девятнадцатом, а упустили в тысяча девятьсот двадцатом.

Пауза.

(Смотрит на дядьку. Неожиданно берет под козырек и гаркает.) Здравия желаю вашсокродь! Узнаете?

Лейб-гвардии драгунского полка первого эскадрона рядовой Охрименко!

Дядька кидается в зал. Движение молодежи — за ним. Охрименко останавливает всех.

Охрименко *(уверенно, не очень громко)*. Стой! Стой! Куды, дур-ра, суесси? Здесь же *(жест на молодежь, на зал)* кругом наши... Не уйдешь! Иди обратно!.. Ну...

Офицер возвращается Охрименко его властно, быстро обыскивает.
Возбужденная толпа липнет к задержанному.

(Молодым бойцам.) Вы что — по второму или по первому году служите?

Голоса. По первому.

Охрименко. Ну, а я с тысяча девятьсот тринадцатого... И вот он... *(К комсомольцам.)* Глядите, ребята! Ну, слушай... Он вам тут заливал про старых бойцов: страдают, мол... *(К офицеру.)*

Ладно, давай про старых бойцов. Чего в землю смотришь? Хочешь в земле чего увидеть? Смотри, смотри! Будем вместе смотреть... Видишь?.. Память есть?

Сцена темнеет.

Ведущий. Под темным небом кончается жизнь, в степи, где сызмальства знали простор братаны, честные головы буденновские. Умирать пришла пора. Сердца горячие остынут, и навсегда закроются глаза... А как жить-то хочется! Найти свои родные полки... А где они?

Тихо далекий буденновский мотив.

Охрименко. Помнишь, гад? Помнишь, как порадовал старых бойцов — братанов моих? Что им сказал?..

Офицер. Расстреливать не будем...

Здесь ярко по жестам, позе и интонации окончательно опознается офицер.

О х р и м е н к о. А потом?

Офицер холодно молчит.

А потом?

О ф и ц е р. Живьем вас закопаем...

О х р и м е н к о *(в зал, криком)*. Узнали его, товарищи? Вот они — ходят, с тонкими речами к сердцу бойцовскому подбираются... А ну, идем!

О ф и ц е р *(спокойно)*. Куда?

О х р и м е н к о. Узнаешь. Тут, на Лубянку, недалеко.

Подходит к а в к о м а н д и р со знаками различия комполка.

М о л о д о й б о е ц. Товарищ командир, разберить их! Товарищ командир, подозрение на этих двух товарищей есть.

К о м с о м о л ь ц ы. Пусть командир разберет! Товарищ командир.

К о м а н д и р *(подходит)*. В чем дело?

О х р и м е н к о *(вглядываясь в командира)*. Сысоев?

К о м а н д и р *(вглядывается тоже)*. Да.

О х р и м е н к о. Охрименко помнишь?

С ы с о е в. Охрименко! Годок! Друг!.. Ну, в чем тут дело?

О х р и м е н к о. А то, что ваш-сок-родь объявился с бородавкой... Живого съесть ты искал...

Сысоев замер. Офицер узнал его, вздрогнул. Пауза. Молодые бойцы и комсомольцы впились глазами в командира и «дядьку».

О ф и ц е р. Ну, мстите...

С ы с о е в *(спокойно)*. Мстить? Изъять вас надо... Вот и все... Классовая целесообразность... Мы ведь уже давно не партизаны... Да и зубы у меня давно вставлены. *(Чуть показывает.)* Ну, пока, Охрименко! На вокзал спешу. Назначение... Там поважнее. *(К бойцам.)* Поможете, товарищи, доставить задержанного.

Б о й ц ы. Приказано помочь доставить задержанного, товарищ командир...

Сысоев уходит. Офицера уводят.

В е д у щ и й. Глядите в оба, товарищи! Слушайте в оба, бойцы!.. А проглядите и прослушаете — пойдете от гадовой руки в землю. Сердца ваши горячие остынут, и навсегда закроются глаза... Глядите же в оба! Вражьи люди всюду есть. И всюду для нас фронт! В нужные дни, часы, минуты, даже в самую нужную секунду поднимаются старые и молодые конники и крепким голосом Москве дают знать: «Готовы мы, если надо, на защиту Советов». Не забыт 1918-й, не забыт 1919-й, не забыт 1920-й, ничто не забыто — шашки востры, кони поены-кормлены. Нет человеческой силы, нет силы машин против трудового народа! Здесь, там, окрест — везде наша несокрушимая сила... Кто там — враг на западе, на востоке! *(Взмахи направо, налево.)* Эй, слышь!

Конники готовы!
Вся Красная Армия готова!
СССР готов!

Десятилетие похода на Ростов.
Ноябрь, 1929, Ленинград

Эту пьесу
в дни военной опасности,
угрожающей стране
победно идущего Социализма,
посвящаю
ВАМ,
ЗРИТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ.

Автор
Кронштадт 1931

ПОСЛЕДНИЙ РЕШИТЕЛЬНЫЙ

Пьеса в трех актах

НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ

принято по старым законам драматургии перечислять в аккуратном столбике под заглавием «Действующие лица» — с кем вы будете иметь дело в пьесе, кто кому сын, племянник или шурин, сколько лет персонажам, какие у них приметы, каким голосом они говорят, какое носят платье и т. д. Ну, зачем это нужно в нашей пьесе? Вы увидите тех, кого видите каждый день и кого знаете. Вы, может быть, увидите и себя среди взятых мною людей. Вы разберетесь в людях по делам их. Зачем же заниматься здесь описанием примет и платья, тем более, что это платье известно всему миру — это форма Красной Армии и Красного Флота.

Переверните же эту страницу.

Автор

АКТ ПЕРВЫЙ

ПРОЛОГ

Один из наших приморских городов.

Багряной полосой горит закат. О каменистый берег нежно плещут синие волны. Мерцают огоньки города. Из гавани скользят, оставляя на море серебристый след, корабли, идущие в неведомую даль. Тихо спускается вечер, и всепокрывающая тьма укутывает берег. А волны все плещут, они таинственно шепчут о чем-то, и из-за гор тихо поднимается луна. Облитые голубым светом, движутся лодки по морю и как призраки белеют паруса. В тени высоких дремлющих деревьев расположился ресторанчик. Он манит людей, усталых от честного труда, к отдыху. Журчат фонтаны, и шелестят листья заботливо возделанного сада.

В убранстве помещения сочетаются разные стили... Поэтому гости получают возможность чувствовать себя и в СССР, и за границей. Эти гости: моряки с иностранных судов — бритые, в марсельках, в синих парах: узких пиджаках и широких брюках,— портовые грузчики, женщины... В ресторанчике смешанные шумы — звон стекла, стук костяшек, говор, смех, кашель... Музыка — оркестрик — по требованию гостей играет то советские, то китайские, то европейские мотивы... Подвыпившие гости приветствуют всякий мотив. Иностранцы между столиками танцуют фокстрот, вонзаясь телом в прижимающихся к ним женщин. Грузчики грубо спорят, и падают тяжелые кулаки на стол... Входит человек в кепке. Он высок; белая сорочка без воротничка — под пиджаком не застегнута. Он обводит всех взглядом. Чуть затихает гул... Гости смотрят на человека. Он поднимает руку и начинает арию:

— Товарищи! Близок грозный вал войны, близок вновь кровавый день. Пролетарии, разоряемые и угне-

таемые — примыкайте к нашему Союзу! Идет дело о судьбе ваших голов и о судьбе ваших сынов!

Голос. Мы, увы, холосты и бездетны, красноречивый друг.

Голоса (обрывают насмешника). Тихо!

— Silence! [1]

Оратор (привычный к толпе). Подымайтесь, примыкайте, братья из Европы, Америки и Азии, к нам, пути иного нет. Женщины — ваше место с нами!

Голос насмешника. В кровати.

Смех. Он пробегает ступенчато и музыкально; басы, сопрано, тенора.

Голоса. Слушайте, слушайте! Дайте говорить!

— Пусть говорит товарищ!

Оратор. Товарищи, я повторяю,— близок час войны. Идите защищать любимую родину. Глядите. Пусть белый пролетариат братски протянет руку желтому и черному. Пролетарии, больше внимания вопросу о колониях. Труженики моря! Наши братья! Пробуждайтесь к борьбе и независимости. Против войн — набатным колоколом пусть гудит наш клич...

Люди встают. Взмывает хор: «Пусть гудит наш клич!» Оратор подходит к одному китайцу, берет руку его и поднимает своей рукой — жестом эффектным и сильным, восклицая:

— Китай!

Хор (вторит). Китай!

Оратор подходит с китайцем к грузчику:

— СССР!

Хор (вторит). СССР!

Оратор берет и соединяет их руки. Подходит к американцу:

— Америка!

Хор (вторит). Америка!

Оратор соединяет руки трех. Подходит к англичанину:

---

[1] Тишина! (франц.)

— Англия, Европа!

Хор *(вторит)*. Англия, Европа!

Клики. Они пробегают ступенчато и музыкально:

— All men![1]

— Hip, hip, hurra![2]

— Урра!

— Урра!

Руки людей сплетаются. Музыканты, воодушевляясь, дают марш... Клики сплетаются с мотивом. Все машут кепками. Взлетают сжатые кулаки: «Рот фронт!» — Только одна группа сидит. Молчаливы здесь люди в низко надвинутых на глаза шляпах... Неожиданный свист. Мгновенно все затихло. Все оглядываются. Молчаливые люди в низко надвинутых на глаза шляпах вынимают ножи и револьверы. Воцаряется зловещая тишина. Входит патруль — моряки с молодым красным командиром. Он в синей тужурке с золотом позументов и звезд. Кортик сверкает, трубка в зубах, и поступь его эластична. Он осматривает зал и восклицает:

— Они здесь!

Повелительный жест в сторону вооруженных незнакомцев:

— Стой! *(К патрулю.)* Взять наизготовку!

Хор моряков *(вторит)*. Взять наизготовку!

Блеснули вынутые из ножен штыки, затем они лязгнули, надеваемые на винтовки однообразно ритмичными движениями. И вот винтовки взяты наизготовку. Испуганные женщины пятятся, трепещет боязливый их крик. Черные веера в руках у женщин ритмично дрожат. Командир подходит к женщинам и, отдавая честь, обращается к одной, сверкающей молодостью и красотой:

— Мы просим извинения. Но служба нам повелевает.

Голоса женщин. Что здесь? Что здесь?!

Командир. Здесь контрабандисты!

Он указывает на вооруженных незнакомцев. Грозно шевелится линия штыков патруля.

---

[1] Все люди! *(англ.)*

[2] Гип, гип, ура! *(англ.)*

Женщины. Контрабандисты!
Тенора. Контрабандисты!
Басы. Контрабандисты!
Весь хор. Контрабандисты!

Голоса звучат удивлением и предвещают грозу. Контрабандисты, на ритме маршеобразного мотива из «Кармен», поднимают ножи и револьверы. Командир долгим взглядом, идя в смертельно опасную схватку, приковывается к красавице, стоящей перед ним... Потом подает ей руку и отводит ее и других для безопасности в сторону.

Командир (*возвращается, отведя женщин, и кидает контрабандистам*). Сдавайтесь!
Хор контрабандистов. Нет!
— Сдавайтесь!
— Нет! Нет!
И третий раз: — Сдавайтесь!
— Нет! Нет! Нет!

Командир кидается на контрабандистов. Глава контрабандистов дает выстрел. «Ах! — Промах!..» Происходит единоборство командира и главы контрабандистов. Хоры мужчин и женщин звучат то радостью, то испугом, передавая все перипетии борьбы. Черные веера в руках женщин трепещут... Наконец командир вывертывает руку врагу. Тот роняет револьвер. Тогда остальные из шайки поднимают руки... Общий крик... Грузчики, иностранные моряки и женщины рукоплещут и приветствуют патруль. Женщины повертывают веера, и они, взлетая вверх алой своей стороной, кричат о победе. Патруль отдает честь. Музыканты, радуясь избавлению от опасности, играют гимноподобное в честь патруля. Командир подходит к красавице. Моряки окружают контрабандистов и застывают на часах. Музыка тогда дает «Матлот». Танцует американец. После него—из шеренги выходит один моряк и танцует «Яблочко». Потом танцуют грузчики, потом танец китайца... Потом все пространство заполняется приветствующими моряков юнгштурмистками, восклицающими:

— Да здра-вству-ют крас-ны-е мо-ря-ки...

Моряки зажигают свои трубки и отдают честь симпатичным девушкам. Юнгштурмистки идут маршевым ритмом, образуя ряд строев. Они танцуют, порхая, танец «Привет стражу морей — Красному Флоту». Звучит вдруг тревожно фанфара, и входит поспешно один моряк. Он отдает честь и пакет командиру. Тот читает. Потом восклицает:

— Тревога! Тревога! Быть на местах! Спешите все на посты! Спешите все!

Хор *(вторит)*. Спешите все! Спешите все! Спешите все на посты!

Юнгштурмгерлс танцуют танец «Тревога».
И наконец все это обрывается...
Из зала к рампе выходит краснофлотец-старшина. Зычно и спокойно приказывает он:

— А—ну,—стоп. Стоп пока! *(Герлс танцуют.)* Стоп, я говорю! *(Герлс остановились. Музыка играет.)* Маэстро, алло! Маэстро, хватит! *(Музыка останавливается.)*

— Довольно сидеть безмолвно! Довольно сидеть покорно и глотать эту липу! Самокритику в ход! Чей здесь театр? Наш!

Товарищи дорогие! Слушайте: нет театра для театра, есть театр для масс.

Крики: Правильно!

Краснофлотец. Почему мы из года в год сидим молча, когда нам преподносят липу? Мы ходим тихо в антрактах по фойе, толкаемся у буфета — и тут, где творится искусство, мы молчим. Разве шопотком спрашиваем: «где мое место?» или у соседа: «нельзя ли программку?» А у нас есть голос! А у нас есть смелость! А у нас есть наше понимание искусства!.. Тому, что показали сейчас, я свищу. Свистите! *(Свист в четыре пальца — оглушительный, острый.)* — Товарищи! Хватит перелицовок, хватит подражательств! Долой герлс в юнгштурмформе! Долой таверны моряков по Пьеру Лоти, долой танцующие обходы. ГПУ берет контрабандистов не так, — без танцев! Будем делать свой спектакль! Даю команду: «По новым местам стоять!» Мы сделаем сегодня спектакль и отдадим его незабываемой памяти погибших за революцию бойцов.

Голос баритональный, презрительный:

— Кто вы — здесь распоряжающийся?

Краснофлотец. Я из рядовых красных бойцов. Я выдвинут массой в театр и выполняю дело, нужное революции, а не эстетам и формалистам. Моя фамилия Вишневский. Имя Всеволод. Слушайте, вы, любители

старых сладких форм. Мы сейчас покажем кусок нашей жизни, полный ее биения. Ее смех, ее слезы... Ее тяжелое и ее прекрасное. *(К труппе.)* По местам же стоять! Уберем прочь всю «экзотическую дрянь»! На сцену выйдут сейчас настоящие бойцы! И вы, мы все, заиграем по-настоящему!

Из зала на сцену с криком «ура» хлещет поток краснофлотцев, стремительных, свежих и бело-синих, как прибой. Действие переключается. Вступает по-новому оркестр. В музыке атака. Краснофлотцы разносят ресторанчик. К чорту летят оперные штучки оформления: столики из бара, фонарики, цыновки, ширмочки и пр. Оперных моряков — подгримированных розовых чистюль с трубками — сменяют здоровенные загорелые парни. «Это мы — краснофлотцы! Мы приветствуем зал. В зале наши! И зал отвечает нам». Краснофлотцы выталкивают липового командира с красавицей. Этот липовый командир удаляется мрачно-оскорбленный, галантно ведя «даму» под руку... Оскорбленно визжит удаляющийся хор женщин.

Краснофлотцы разглядывают оперных моряков, сбившихся в кучку. Острая мимическая сцена. И всякий в зале видит, как бесконечно непохожи на них наши краснофлотцы. Один краснофлотец выходит вперед, делает быстрый жест — «берет на испуг» — и кричит:

— Брысь, жоржики!

Они скрываются в панике. Краснофлотцы весело ржут. Здоровые глотки, здоровые легкие!

Один из краснофлотцев *(в зал)*. Мы приготовим сейчас сцену. А вы, не сходя с мест, обсудите пока происшедшее. Пусть в зале будет театральный митинг. Говорите, товарищи! Судите эти «достижения»...

ЭПИЗОД

«ПОРТ»

Вестник — краснофлотец. Действие происходит в день, к которому надо быть готовым сегодня и всегда. Вы видите порт. Это и Кронштадт, и Ленинград, и Севастополь, и Одесса, и Владивосток. Это — порт, морская база, где служат краснофлотцы со всеми своими качествами. Порт — механизированный порт! — работает, стройка стучит, наш экспорт идет!

Величественно вступает музыка. Она передает ощущение моря и большого порта. Мы слышим грохот его работы. Мы видим на экране этот порт,— дым, уходящий в небо, транспортеры, краны, пакгаузы, потоки грузов, уходящих в трюмы пароходов... Все в безостановочном ритмичном движении. Внезапно оглушающий грохот. Тьма. Ничего не видно. Фильм оборвался. Затихающий гул... В клубах пыли на сцену — где мы видим порт — бегут портовые рабочие, бросив работу.

Голоса. Леса на шестом складе обвалились!

Тихо.

— Ну, гро-об... К сроку погрузку — никак...
— Вот-те промфинплан...
— Ы-ых: вредители строили...

Пыль медленно оседает. Мерно маячит у складов не покинувший пост контролер — «зеленая шапка».

Голос. Убить тя могло.

Пограничник. Могло.

С берега вбегает старшина-краснофлотец — наш знакомый. Он взглянул на рабочих, на пограничника, на место катастрофы. Спрашивает: «Что за полундра? В чем дело?»

Голос. А что?

Старшина. Командир корабля спрашивает.

— Шестой склад. Леса завалились.

— С народом?

— Не... А може и с народом. Кто его знает.

— Не,— без народу. Вокурат пошабашивши были.

Моряк. Ну, а мы как на панихиде стоять будем?

Парень (*«деревня»*). А чаво ж... Гляди, кабы чево ишо не завалилось... Эвон гора... (*Жест к складу.*)

Голос. Мы тоже пошабашивши. Время.

Голос. Как же с погрузкой-то? Урок-то не сполнили.

Парень. Пойдем, земляки. Ишшо и убьет... Што я — в могилу им наймался?

Один (*рванув парня*). Кому «им», а? Кому «им»?!

Парень. Што ты, што ты... Окстись...

Моряк (*к парню, возвращая его*). Деревня-а... Там стукнуло, у тебя тут (*хлопает парня*) отдалось, а? А ты флотскую заповедь запомни: если даже один

матрос останется живой — не считай флот конченным. Во! А ты тут дрейфишь.

Голос. Вот это толково!

С вопрошающим взглядом подходит иностранец. Движением вынужденно-холодным кланяется, пща — кому здесь вообще можно поклониться — в этой советской толпе — и произносит:

— Мог я видаль администраций?..

Голос *(бас)*. Мы за нее.

Иностранец. Операций, экспорт... кончальс... Катастроф... Я вопросиль: совьетски интэрэс — нет нарушаль контракт с наш фирм... *(Смотрит на часы.)* Я просиль кончать ровно через польчас.

Голоса. Штука старая. Претензию заявляет: неустойку сорвет.

— Это с нас-то? Да никогда, а ни-ни-ни!

Иностранец, стараясь не запачкаться и не толкнуть кого-либо, проходит, провожаемый взглядами. Вдогонку голос сдержанной, но неизмеримо чистой ненависти: «Европ-па...» Иностранец идет и вдруг останавливается. Дорогу загораживает рука пограничника.

Пограничник. Пропуск!

Пограничник внимательно проверяет поспешно вынутый иностранцем документ. Иностранец немного нервничает... Рабочие наблюдают.

Голоса. Ничево. Потерпит.

— Закон.

Иностранец, наконец, пошел, получив документы обратно. И тогда вдруг за ним вслед почему-то кидается старшина-моряк.

Голос. Вот — моряк... Натрепался — я, да мы, да флот, и смылся... Помог. Спасибо. *(Резко.)* Подлец я буду — пусть кила вырастет — давай лишку работаем. Надо ж кончить. Идем работнем, Федька.

Парень. Што — я им наймался?.. *(Зовет земляков.)* Колькя-а... Санькя... Митрий... Пойдем...

Несколько человек уходят. Осталось три-четыре человека.

Голоса. Сволочь еще у нас есть... Ах, и сволочь же... Ну, давай — кончим.

— Нечем давать... Народу с гулькин пуп, раз, два и обчелся...

С саженного карьера летят краснофлотцы. С ними старшина-моряк.

Голоса. Имеете с корабля поддержку.

— Ударники помощь даю-ют!

— Воткнули-и!

— Давай, товарищи!

Краснофлотцы слетают один за одним с карьера, на ходу срывая одежду и обнажая здоровые торсы в полосатых тельняшках.

Крики. — Где, что, ну? — Крой — давай!

Краснофлотцы стремительны, горячи. Работа пошла. С грохотом разбрасываются обрушившиеся доски, балки... Пыль вздымает опять.

Конвейер тронулся. Все ожило. Люди попадают в ритм движения. Работа горячит их, увлекает. Без задержек, быстро, размеренно, легко и просто в крепких руках летят ящики с разных сторон — со штабелей, несколькими потоками — и уносятся все ускоряющим ход конвейером. Вспыхнули ритмы музыки...

Один *(смотрит на часы)*. Неустойку сорвать — это боком!

Голоса *(звенят возбужденно)*. Вйр-ра!

— Дай, дай!

— Ходу!

— Ходу!

— Европа, догони-им! Задержки не-ет!

Порт работает. Разве можем мы терять даже минуты в ударном году!..

Вестник. Ночь. Приморский бульвар.

К самой воде — к парапету набережной — выходят двое: он и она. Он — тот самый старшина-краснофлотец, который вывел краснофлотцев в атаку на «жоржиков» и который работал в порту. Широкогрудый парень — под тридцать лет.

Она *(глядя ввысь)*. Ах, как мерцают звездочки! Ты любишь звезды?

Он. Люблю. *(Пауза.)* По звездам курс в море проверять хорошо. Полезные они — звезды. *(И, обняв подругу, моряк идет дальше.)*

На бульваре толпа шумит, течет... Музыка слышна. Доносится со скамейки разговор двух моряков. Один — постарше, типа шкиперов, с трубкой, другой — краснофлотец.

Старший *(в потоке воспоминаний)*. В тысяча девятьсот двадцатом было... Стрельба — кошмар! Товсь — залп! Товсь — залп! Товсь — залп!.. Аж легкие газ от пороху ест... Очаков — я в Очакове служил — трясется, гудит. Белый дредноут «Генерал Алексеев» с двенадцатидюймовых кроет. «Урр-урр...» Шутка, а? А у нас пикалки... «Пик-пик». А у них — «урр-урр...» Шутка, а?! Флота у нас не было́—одна вывеска: «Штаб флота»... Две чудачки там сидят, на машинках тарахтят... Вот те и штаб. Аж за волосы хватайся от этого положенья! А тут — глядим, брат мой,— белая эскадра! Идет, дым стелет. Подойдем — дернет — все в щепки летит... Ой, по гроб буду помнить! Понаделали тогда они...

Молодой только кивает.

Голос со стороны. Со всего нашего населения могилкину начинку сделать могли... Факт... Ты только поддайсь им... *(Вкрадчиво.)* Дайте папиросу, товарищ капитан.

Старший. На... Я и говорю — понаделали они в двадцатом. Но мы не поддавались... Только и держисся было, что скажешь себе: не сходи с ума, матрос.— А я в Очакове был — партия соображения требует... Соображали...

Голос. Фа-акт...

Бульвар пустеет. К берегу выходит женщина... Она хороша. Она смотрит то на море, то на мужчин. К ней подходит какой-то верзила. Он усаживается рядом и, не глядя ни на кого, басит печально:

Тебе той лодки уж не видать,
Тебе красотки уж не сыскать...

Он тянет, вибрируя, без конца эти две фразы. Появляются два подгулявших краснофлотца. Фуражечки на лоб надвинуты, вид вечерне-боевой... Они слушают поющего чудака, постукивают по парапету и по лбу, кивая, мол: «Эх, и дурак же»... Потом замечают женщину. Они окидывают ее оценивающими взглядами. Первый краснофлотец, здоровый и нагловатый, начинает.

Первый краснофлотец. Тов-вар.

Второй. Баб-бэц!

Первый. Все, чьто н-надо, им-мэит, весь прыклад...

Второй. Пошьшел бы я к нэй у подшефныи хоть сичяс...

Женщина. Что-о-о? Мальчишки... *(Проходит мимо.)*

Первый *(наблюдая и констатируя)*. Ша... Ход дала. Мимо топает. *(Женщина остановилась, глядя на море.)* На якорь стал-ла. *(Женщина бросила взгляд на краснофлотцев)*. На нас глаз пол-ложил-ла...

Второй *(встает и, изгибаясь, тихо подходит к женщине)*. Мож-жьна с вам-ми поиметь знакомство?

Первый *(грубо и властно оттирает второго и торжественно «зкручивает»)*. Объяснить, допустим, вам про положение на мор-рэ и за ымпериялыстов. Дело у том, чьто ымперьялысты угрож-жают вам-м лычьно с мор-ря. *(Пауза.)* Ви знаите, на гран-ныцэ чювствуется яв-вная гроз-за и вашя ж-жизынь у р-роковой опасности. Но ми, мор-ряки, готови у в бой и ми спасем вашу юнною жизьнь — етот роскошьный цвэт-точик.

Второй. Ми с дэтства на мор-ре. Ми в семнадцатом год-ду! Ми победители белих адмиралов! И все изучыли *(улыбаясь сахарно)*, как спасать юнные нежьные цвеэт-точьки.

Первый *(полагая, что вступлений хватит, переходит к делу)*. А позвольте вас познакомить, чьтоб к сучеству вопроса пэрейти.— Мой лучьший друг, мычьман Красного Флота *(подумав чуть, выпаливает)* Жян Вальжян! *(Жест в сторону друга — двигай, мол, Вася!)*

Второй. Позвольте теперь вас познакомыть — тожь-же мой лучьший друг, лейтенант Красного Флоту

(вдохновенно) Едуард-Анатоль! *(Повторяет тот же жест — двигай, мол, браток.)*

Женщина нерешительно дает руку.

Первый. Ви, канечьна, дохадалися по наших им-мэнах, чьто ми актуальные иностранцы. От етого у нас так-кие им-мена. Мы,— но это страшная тайна!— ах, от фашистов. *(Шепчет.)* — Мы с Южной Америки, политымигранты. *(Громко.)* А я есть *(целуя свои «пальчики» и гладя себя по щеке)* Анатоличка *(строго)*... и гроз-за города Одессы.

Женщина *(улыбаясь, замечает что-то вдали)*. Ах, чайки!

Оба. Факт, чайки.

Второй. Как ваш-ше, допустим, им-мя, маремазель?

Женщина *(принимая испанский вид)*. Кармен.

Второй. Ух, ты!

Женщина. Ей-богу, Кармен.

Второй. Бож-же мой, какое красывое им-мя!

Первый. Помсреть мож-жьна. Повэситься от счастья можно!

Второй. Не им-мя — оппэра! *(Вкрадчиво, намекая на значительные вещи.)* — Вашьше крас-сывое имя маныт к красивой жизни.

Женщина *(опять замечая что-то вдали)*. Ах, чайки!

Оба *(чуть нетерпеливо)*. Безусловно чайки!

Женщина. А что вы делаете, если корабль в море тонет?

Первый. Бож-же ж мой, сейчас же вынимаем запасной!

Женщина *(лукаво)*. А вы любите красивую жизнь?

Оба. Обож-жяем. Мы ж ударники по л'юбви.

Женщина. Тогда для начала достаньте мне шоколаду.

Первый. Есть. Уполне готов! *(Достал кошелек, считает.)* Счяс вы заимеете шеколат. В чем-м дел-ло! *(Сунув кошелек обратно и повернувшись к другу.)* Крой, Ван-ня.

Тот. То есть?

Первый. То есть, отправляйтесь по назначен'ю,

мичман Жян Вальжян. Категорицки я вас просю. Дамочка за ужин беспокоится.

В т о р о й. Есть, мой лейтенант, Анатоль-Едуард. *(Уходит.)*

Ж е н щ и н а *(к первому)*. Расскажите что-нибудь интересное.

П е р в ы й *(в бессчетный раз, бессчетной женщине)*. Ми мож-жем вам про пилкость наших морских чювств рассказать или даже спеть. *(Напевает, прижимаясь к Кармен.)*

Тэрпи немного,
Дэржи на борт.
Ясна дорога,
И блызок порт.
Ты будешь первим,
Нэ сядь на мэль.
Чэм крэпче пэрвы —
Тэм ближе цель.

В е с т н и к *(появляясь тихо)*. **Специальная справка для товарищей — не моряков. Если все время, как поется, «держать на борт», то корабль будет описывать круги и собьется с курса независимо от крепости нервов. И ни в какой порт не попадет. Вы видите таким образом, как критически надо относиться к музыкальному наследию...** *(Тихо удаляется.)*

Моряк поет в самом деле хорошо. Он нежен и вкрадчив. И руки его, с молчаливого согласия женщины, осторожно ласкают ее. Кармен напевает, чуть отстраняясь.

П е р в ы й *(в наплыве полной интимности и страсти)*. Кармэн-ночька, дэтка.. Мэн-нья сыльный шквал-л стрымлени'я броссант к в-вам. Стр-расть м-моя, как усе пар-руса, нэс-сет, нэс-сет — и я прям-мо вэсь пил-лаю... *(Пытается снова обнять Кармен.)* Мне нравится твоя душшыша.

В т о р о й *(влетает)*. Вашье жил-лание виполнено. Шямайте!

Первый убрал руки и замолк. Женщина откусывает шоколад. Оба в нетерпении, и ревность колет им сердца.

Ж е н щ и н а *(вглядываясь в даль, мурлыкает)*. Ах, опять чайки!

О б а *(раздраженно)*. Окончательно чайки.

Ж е н щ и н а. Ах, мне хочется пить!

П е р в ы й. Мычьман! Дамочка беспокоится за пытье.

В т о р о й. Теперь твоя очередь, Лешка.

П е р в ы й. То есть?

В т о р о й. «То есть»! Отправляйтесь по назначенню, лейтенант Едуард-Анатоль. Вот и «то есть»! Тоже категорицки прошу. В очередь.

П е р в ы й *(хмуро, к Кармен)*. Вы чьто из жидково обожяите?

Ж е н щ и н а. Ананасы... *(Парни дурашливо шарахнулись: «Чито-о-о?»)* Но можно и квас... клюквенный, например...

П е р в ы й. Есть клюквенный квас. *(Уходит без охоты.)*

Ж е н щ и н а *(оставшемуся с ней второму)*. Расскажите что-нибудь интересное.

В т о р о й *(копируя привычки опытного друга)*. Мы можем рассказать про пилкость наших морских чувств или даже спеть. *(Напевает.)*

Терпи немного,
Держи на борт:
Ясна дорога,
И блызок порт.
Ты будешь пэрвым,
Но сядь на мэль...
Чэм крэпче пэрвы,
Тэм ближе цэл-ль...

П е р в ы й *(летит)*. Имэити, маремазелчька, квас-с. Шипит, как захраныца на нас-с... О! *(Наливает женщине.)* Мычман, осмэлюсь узнать, а вам вгодно?

В т о р о й. Мерси, вгодно.

П е р в ы й *(плеснув в стакан)*. Вали, лакай!

Крик на бульваре. Проносится девчонка. За ней разъяренный маленький парнишка — с глазом, закрытым черным платком. Краснофлотцы устремили внимание на «драму». Их дама, пожав плечами, и допив квас, незаметно уходит. За ней, «прицеливаясь», идет и н о с т р а н е ц, которого мы видели в порту. Слышны вопли девчонки.

К р а с н о ф л о т ц ы *(ржут)*.— Ревность...

— Гы-гы...

(Вдруг спохватились.)

П е р в ы й. Где жь Кармен? *(Ищут.)* Эй, маремазель. Иде ви?

В т о р о й. Ты проморгал, лейтенант...

П е р в ы й. Улетела чайка... Шеколад подмолотила — и але! Это ты проморгал, мычьман! *(И зло рванул друга.)* Пошли искать. *(Ушли дружочки.)*

Бульвар пустеет... Бредут обратно, не нашедшие нигде Кармен, два моряка...
Они вернулись, прихватив где-то водку... Остановились у парапета, жадно пьют. Первый, окончательно захмелев, почти упал на скамью.

П е р в ы й *(мечтательно-пьяно)*. Эх, иврэм-мячко было — восэмнадцатый, дэвятнадцатый год. Ой, бож-же ж ты мой — житушка была. Одэс-сочка моя грым-мэла! Гэрои был-ли... Какые герои! Ай-ай-ай! У кныжечьках с любовью о ных пишьшут... *(Качнулся.)* Уыпьем за старый город Одесс и за его нэоппсуемых опысателей... *(Пьет.)* Одесс! Вольный, знаменитый город. *(Открываясь другу душой.)* Вот я смеялся перед тобой на бульварэ. Но что у мэн'я унутри? Унутри — ад, кошьмар. Я думал — ув-ва флоте новый мир повидать, а мэне дали дисциплину *(зло хватает фуражку)*, «пэрэвоспитывают» *(встал, качнулся)*. Я сам-м по сыбе хоч-чу ж-жить, а мине «стоп» говорят. *(Пауза.)* Мине четирнадцать лэт у р-революцью было... Восторг был... Усе шумит, горит... И жертвы р-революцьи в аллых гробах... *(Плачет.)*

В т о р о й *(теребя его)*. Леш-шя... брось...

Первый отшвыривает его, тяжело ударив кулаком... Второй озлился, бьет тоже... Моряки схватились, скрипя зубами. Сверкнули ножи... Свистки... Трели... Входит ф л о т с к и й п а т р у л ь. Моряки вскочили.

П е р в ы й *(уже несколько неуверенно)*. Нэ подходи! Я гроз-за города Одесс!

О д и н и з п а т р у л я *(спокойно, мрачно)*. Вались, вались... *(Забирает коротко и просто вдруг притихшего «грозу» и его дружка.)*

Совсем тихо и пусто на бульваре. Безмолвие. Тяжесть давит нас, тяжесть жизни «ночных людей».

АКТ ВТОРОЙ

ЭПИЗОД

«КЛУБ»

Вестник. В тот же вечер в базовом клубе краснофлотцев и пограничников.

Вечер в клубе. Под музыку идет веселейший фильм. «Любимец публики» чудачит на полный ход. Раскаты хохота. Зал смотрит фильм вместе с краснофлотцами, пограничниками и их гостями... Из темноты лучом прожектора выхватываются парочки: синий воротник и алый платок. Забавные позы, забавные положения, молчаливые взгляды. Вот два профиля: ну, что им до фильма? Профили предельно лиричны... Короткий антракт в клубе. Неразличимый говор, гул. Начинается концертная часть. На эстраду выходит старшина, которого мы уже знаем.

Голос из публики *(чуть шутливый)*. Приветствуем дорогого товарища старшину с нашего корабля!

Второй. Качнем его!

Гул, смех, одобренья. Несколько человек кинулись качать.

Старшина. Ат-ставить! *(Ребята сели.)* Товарищи, слегка информирую. Мне дана нагрузка быть сегодня конферансье. Но только — это мне трудно... Правда — я ж, что ж...

Голоса. Ладно! Вали! Без «объективных»!

Старшина. Ну, вниманье... *(Долго думает,*

набрал воздуху.) Предлагаю встречный: на мое выступление ответить гомерическим хохотом — на все сто.

Тихо. Короткая пауза. Потом весь клуб внезапно, по-мальчишески оглушающе, весело ржет: Го-го-го!

Старшина. Во-от ударнички! Люблю... Ну, итак, первым номером будут выполнены разные популярные мелодии. Исполнит наша молодая артистка — самодеятельница... *(В кулисы.)* Прошу!

На сцену, робея, выходит девушка.

Голоса. Н-да, делегатка...
— Хороша Маша, да не наша...

Девушка поет матросскую песнь: «Раскинулось море широко». Номер окончен... Взрыв аплодисментов...

Голоса. Еще.
— Просим «Краснофлотский марш»!
— «С неба полуденного».
— «Молодую гвардию».

Старшина *(к залу)*. А ну! Поможем? Рванем вместе?

И все: и девушка, и моряки, и пограничники, и зал — в ответ ударяют: «Мы, молодая гвардия...» Из глоток здоровеннейших парней, хороших парней, боевая рвется песнь. Старшина улыбается и, увлеченный, поет и дирижирует сам. Когда песнь замерла, он говорит:

— Товарищи краснофлотцы, товарищи пограничники и гости, так сказать, благодарим вас. *(В зал.)* А сейчас мы услышим стихи поэтов революции.

Снова взрыв аплодисментов; гул одобрения... И мы слушаем стихи, в которых дымится кровь, льется сталь, стихи, которые опаляют, стихи грозной звучности и великолепной ярости. Потом, быстро сменяясь, идут ослепительные выступления затейников-краснофлотцев, комсомольцев Они работают веселые, чистые, крепкие — чудесные парни! С рейда шарит прожектор. Луч вспыхивает прерывисто.

— Стоп! Передают что-то.
— Читай. Что?

Один читает вспышки, впивающиеся в стену:

— Буки, ы, твердо, мягкий знак. «Быть!» В ча... со...во...й. «Часовой». Го...то...вно...ст...и... Быть в часовой готовности...

Завыли сирены. Бухнули сигнальные пушки на рейде.

— Ого?

— Ну?

— Двигай!

Голоса. Тревога! Тревога!

Старшина *(зычно)*. Ну, с вечером кончено! Тревога! Живо, друзья — вались ходом! На корабль!

Голос. Пограничники, в отряд!

Громадными скачками в дверь устремляется поток бойцов. Медленно нависает тьма — защитная тьма крепости... Вой сирен. Нарастает ритм музыки — это идут части Красной Армии. Мы узнаем по этим ритмам сразу — так может итти только Красная Армия...

Вестник *(в зал)*. **А вы всегда готовы к тревоге?**

ЭПИЗОД

«НА КОРАБЛЕ»

Вестник. **Через 30 минут. Корабль Красного Флота.**

Ночь. Холодные серо-голубые плиты стали. Могучие жерла. Медные поручни. На мостике белеет фигура сигнальщика. Вспышки бело-красных сигнальных огней вверху. Внизу фигура вахтенного. Он пригибается и с тревогой восклицает, вглядываясь в тьму:

— Не то катер, не то шлюпка на траверзе. Эй, на мостике! Не хлопай! Смотри.

С мостика *(спокойно, раздельно, насмешливо)*. Ере-ма. Без пани-ки... Ви-жу. В бино-кль.

Вахтенный *(во тьму)*. Кто гребет?

Ответ. Краснофлотцы. *(Слышны команды на шлюпке.)* Правая табань. Шабаш! *(Стук убираемых весел.)*

С мостика. Ребята с берега.

На палубу легко вбегают по трапу один за другим несколько краснофлотцев. Они проходят на бак. Их голоса взволнованны:

— В переплет взять их!

— Да толком-то, что там случилось?

— Убил он его?

— Не, не дали.

— Сволочи — из-за водки все флотское имя в мусоре валяют! Ставь вопрос на бюро!

— Он беспартийный.

— Проработаем вопрос для всех. При чем тут «беспартийный»!

— Чего тревога-то?

— «Чего», «чего»? Тревога — учебная, как всегда.

Доносятся гудки сирен из порта. Шарит прожектор. Люди притихли. Быстро на мостик, в рубку поднимается командир. Опять бело-красные вспышки. Шум моторного катера.

Вахтенный *(опять во тьму)*. Кто гребет?

Слышен ответ: «Краснофлотцы». Пауза. Тяжелые шаги по трапу. На палубу невеселые, трезвеющие от сырой ночи, входят Жян Вальжян и Анатоль-Эдуард. Сзади старшина. Он бежит на мостик, крикнув вахтенному и краснофлотцам: «Поглядите пока за этими!»

Молчаливая сцена — команда медленно, молча, полукольцом надвигается на «друзей». Молчание.

Голос. Ты, «гроз-за», стреляешь? Тебе доверье дали... тебе прошлый раз поверили — «исправлюсь»...

Анатоль-Эдуард *(сипло.)* А зачем он, стервец, меня раздражял? А?

Его останавливают устрашающие глаза людей. «Друзья» ежатся. Во рту у них скверный вкус. Анатоль-Эдуард, бодрясь, толкает одного краснофлотца.

— Слышь — дай папироску.

Люди молчат. Глаза недобро смотрят на «друзей». Тогда Анатоль-Эдуард объясняет и «покупает» команду:

Анатоль-Эдуард. Миня поддержять надо... С'ишь, братва... Ну, небольшой шумик бил... ну что ж... Миня поддержять надо. А-то припаяют чьто-нибудь... Держись, братва, кучьно, как подобаст, держи традыцыю стар-рых мор'ячьков.

Над сиплым «агитатором» вздымается рука громадного кочегара. «Замолчь!» Рука занесена и застыла: пачкать не хочется.

Голоса. Не за ту традицию держишься!

— За борт вас, стервецов! С баластиной на шее!

— Бились с вами. На путь вели. Теперь хватит!

Жян Вальжян поник.

Анатоль-Эдуард *(в наглости пряча страх).* Ых, ви, мелкое плем-мя... Отошли от товаричества... Люлей продаети... Я что — я не за прауду? Чьто я не могу випить или до дэвочьчик сходыть или кому с делом у морду дать?.. Это никаво не касается. Я на кор-раблэ — служю нэ подкопаесся. А на бэрэгу: лычьное жь дэл-ло. Я за лычное дэл-ло хочу стоять!

Голос. Брось агитацию!

С мостика. Горнист! Большой сбор!

По рейду стелется сигнал большого сбора Мгновенное движение со всех сторон. Люди летят сверху, справа, снизу, слева. Поток белых фигур, несущихся в пространстве, возникающих везде, прорезающих тьму гигантскими прыжками.

Крики. Летай веселей!

— Ходом!

— Лётом!

— Жив-ва!

Зрелище быстротечно и поражающе. Из хаотичного потока вырос строй. Белая линия уходит вдаль, идеально ровная и недвижная. Команда в сборе. Прожектор медленно скользит по рейду и обдает ослепительным сиянием строй, и лучи света параллельны строю, уходящему в глубину. Когда сбегает с мостика командир — падает зычная команда: «Смирно!» Командир перед строем. Он старый матрос, краснознаменец. Голосом простым, российским, на «о» — говорит:

— Товарищи, сейчас принято радио. Вот. Сообщение со всех сторон важное... Одним словом — правительственное обращение. *(Пауза. Читает.)* «Всем трудящимся. Зажатый в тиски кризиса и экономически обгоняемый нами, капитализм ищет выхода в разгроме и порабощении СССР. Сегодня, без объявления войны, перейдена врагами наша западная граница...»

Завыла сирена. Строй колебнулся. Дуновение, шелест... Негромкие возгласы:

— Война!

— Война!

В е с т н и к. **И строй снова замер в прекрасной настороженности, совсем так, как замирали наши строи, строи матросов в былые дни, когда слушали зов партии черные с золотом флотские отряды и выступали на любые фронты.**

К о м а н д и р. Дальше. «Все завоевания революции в опасности. Правительство и партия выражают уверенность в решимости всех трудящихся дать напавшим отпор стремительный и жестокий...» Товарищ Абросимов — команда «смирно» была! *(Все вытянулись на властное замечание.)* «... На перешедших границу нашу — Красная Армия — вооруженный авангард пролетариата — поднимет руку и опустит ее со смертельной тяжестью. В час боя трудящиеся 162-миллионного Союза обращаются ко всем пролетариям, ко всем трудящимся мира с призывом, идущим из глубины сердца: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Красную Армию и Красный Флот правительство и партия зовут: вперед — навстречу подымающемуся пролетариату Запада и Востока! Вперед—к мировой революции! Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик. Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)».

Несколько секунд тишины, потом шелохнулся строй и над морем покатилось рокочущее «ура», идущее из глоток вспыхнувших губительным, для посягнувших на Россию огнем, людей. «Ура» доносится и с соседних кораблей — оно рычит немолчное и сулящее врагам гроб. Вспыхивают клотиковые огни. Беспрестанно разговаривают корабли с берегом и между собой. П о с ы л ь н ы й с мостика — с пакетом, подлетает к командиру. Командир читает пакет.

К о м а н д и р. Ну, вот, товарищи... В работу. Охотников — десять человек желающих — вызывают. *(С ноткой агитации.)* Полагаю, что вы, товарищи, осознавая... *(Оборвал себя.)* А ну, ребятки, попросту: желающие — шаг вперед!

Подлетает в т о р о й п о с ы л ь н ы й. Командир обернулся к нему. И весь строй, движением одинаковым, как волна, негромко ступил вперед. Командир, не видя строя, читает. Обернулся.

К о м а н д и р. Ну... Как? *(Досадный жест.)* Что же? Ни одного, никого?

Старшина с правого фланга *(отвечает горделиво и почтительно)*. Виноват, товарищ командир! Все шагнули. Вы обернувшись были.

У старого моряка, двадцать лет отдавшего революции, отлегло.

Командир. Ну вот и хорошо, вот и хорошо. А то... *(Усмешка... Что-то вспомнил.)* Да — вот еще... Тут еще одно дело, кончим его показательно, товарищи. Алексей Самушкин, три шага вперед!

Анатоль-Эдуард *(выходит в развалку)*. Есть. Гордо вихожю. Пож-жялуста.

Командир. Балаган прекратить! Иван Ведерников — три шага вперед!

Четко шагает Жян Вальжян.

Командир *(спокойно, будто беседуя, говорит обоим)*. Ну, вот. Сообщение о вас получил. Команда тоже знает. И вот в настоящий момент... Да что там!.. Что натворили? Разве это дело? Ну, говорите...

Самушкин *(нагловато)*. Товарыщ кэмэндир. Ми... *(На себя и Жян Вальжяна.)* Если ви нас драаценных специялистов куда ушлете... два жь мэста в етот момэнт гроз-зы пустых у строю будут. *(Показал на пустые места в строю.)*

Командир *(обрезая)*. Не будут. *(К строю, давая команду.)* Направо со-мкнись!

Зиявшие в строю два пустых места мгновенно затягиваются ритмично и отчетливо смыкающимися краснофлотцами.

Жян Вальжян. Что же, как же? Да я... Да... я.

Анатоль-Эдуард. Сопли пустил? *(Шепотом.)* Не бойсь. Он на испуг берет. Мараль вклейваит. Нычево не будит. Война жь — ми нужьны...

Жян Вальжян. Товарищи же, братики! Пустыте меня у числе десяти... Я кровью смою... Живой не вэрнусь. Вот — вэсь перед вами. *(Сорвал фуражку с головы.)*

Молчание всех.

Анатоль-Эдуард *(дерзко)*. Молчите? За товарища нэ можэте заступица? А называетесь мор-

ряки. Плюю я на такое дэло! *(Плевок летит на палубу.)*

К о м а н д и р. Вызвать двух конвоиров! Обоих в Трибунал!

Слышен исправный ответ старшины:

— Есть — вызвать двух конвоиров!

И старшина идет за конвоем.

К о м а н д и р *(как приговор, сообщает)*. Кто предаст — церемониться не будем.

А н а т о л ь - Э д у а р д. За правду похибаю. За личьное дэл-ло... *(В зал.)* Заступытэсь, ну... заступытэсь.

Тишина. Молчит зал.

Ж я н В а л ь ж я н *(обведя взглядом строй, весь корабль)*. Товарищи... *(Молчалив строй.)* Прощайте... *(К конвою.)* Да как же?..

К о м а н д и р. Ведите! *(Конвой уводит тех, которые не заслуживают снисхождения.)* Товарищи, коротенько: боеготовность чтобы была на полный. Теперь только прозеваешь — гроб. И воздушный налет, и торпедная атака — все может быть. Ну, вот. Ну, а охотники... по жребию пойдут. А?.. Да, нет — быстрее по списку будет — все же готовы... Партядро подберем... Товарищ старшина, читайте!

Зычно и крепко чередуются выклики старшины и ответы вызываемых:

— Абрамов.
— Есть!
— Абросимов.
— Есть!
— Аверичкин.
— Есть!
— Аккерман.
— Есть!
— Анухин.
— Есть!
— Батрак.
— Есть!
— Беленький.

— Есть!
— Белкин.
— Есть!
— Боженко.
— Есть!
— Бушуев. *(Старшина улыбнулся и ответил сам себе.)* Есть! Я сам!

Командир. Вызванные — два шага вперед! Напра-во сомкнись...

Люди сомкнулись.

Бушуев. Есть! А ну, давай в два счета собирайсь! Все чтобы было в порядке. Бегом арш!

Охотники кинулись за оружием.

Командир *(пожимая руку старшине)*. Действуйте!

Доносится низкий гул самолетов.

Командир. Ну вот, говорил я — летят гости. Воздушную тревогу, затемнение!

Корабль погружается в темноту. Сигнал воздушной тревоги.

Голос командира. Противогазы, товарищи, противогазы проверьте!

Справа, потом слева, из тьмы, доносятся служебно четкие, ясные и молодые голоса:

— Кормовая зенитная к бою готова!
— Носовая зенитная к бою готова!

Вестник *(в темный зал)*. **Враг в первый же час войны ударит по городам с воздуха. Вы, граждане, умеете затемнять свои дома? Умеете вы обращаться с противогазом?.. Умеете вы владеть техникой обороны? Нужно уметь, чтобы жить.**

Гудение приближающихся самолетов достигает значительной силы. Вспышка. Раскат первого выстрела Забил с мостика корабля пулемет. Сверкают выстрелы. Смотрите — как мало секунд нужно кораблю, чтобы начать огонь![1]

---

[1] И чтобы все на спектакле знали, что значит настоящее затемнение — выключается весь свет, во всем театре — на минуту, две. Это необходимая репетиция — на случай войны. Спектакль, который мы делаем, не развлеченье, а точно рассчитанное военно-политическое действие.

АКТ ТРЕТИЙ

ЭПИЗОД

«НА ВЫРУЧКУ»

Вестник. **В тот же час идут охотники...**

Безлюдная окраина Охотники-краснофлотцы готовятся к уходу вместе с резервной группой пограничников—«зеленых шапок» Бойцы стоят двумя группами. Глухо гудит канонада.. Люди внемлют звукам... К командиру-пограничнику подбегает рассыльный. Козырнул.

Рассыльный. Товарищ начальник, просили обождать.

Командир. Ждем. *(К старшине краснофлотской группы.)* Товарищ Бушуев, просили подождать.

Бушуев. Есть подождать.

Оба командира *(один за другим дают команду).*

— Ап-равиться! Можно курить.

— Ап-равиться! Можно курить.

Бойцы шевелятся, кашляют, курят. Некоторые садятся.

Один из краснофлотцев *(никому отдельно, а всем — говорит, как-то торжественно-просто).* В Мариуполе на заводе я был — в гражданскую. Сопляком совсем. Старых матросов вот как счас виж-жю. От нас с завода ишли раз от также ув тайное дел-ло. Вспомнят за родненький Сывастополь, за Одес, за усе берега, за Мур-рочьку —

кош-шечку, за улицу Продольную... Эх, парни были! Командир промолвыт: «Потопаешь со мной?» — «Куд-да?» — «На рыск, на смэрть — кой чего есть — больше, нычего нэ скажю». Подумает браток... Каблуком трэс-нэт, клешем,— а клеш на семьдесят пять сантимэтров был,— тряхнет: «Вир-ра—якорь! топ-паю!» Бумаж-жечьки оформ'ят раз-раз. Отряд братков набэр-рут, правэр-ренных, совершена своих... Тюху, да Матюху, да Колупая с братом таких дел-лов особого назначэнья не посылают делать. И тоже ночь настала, как сыйчас — темно, усе спит — и ушшел отряд... Потопал... Рва-нули мальчики — аж в мор-рэ вода загорэлась...

В е с т н и к. **И задумался мариупольский парень... Тринадцатилетняя череда дел наших встала перед ним.— Республика, Республика милая, за тебя ли не топать в походы опять?! Леса поломаем, реки заму-тим, горы в пыль обратим, в степях долины руками пророем — за глотку врагов возьмем...**

Г о л о с а. Теперь и мы войну узнаем.

— Выпало.

— Не какая-нибудь... Есть за что постоять на-смерть.

Один морячок сидит печальненький, оперщись о винтовку. Товарищи его тогда тревожат:

— Бор-ричька, чьто это вы грустно-меланхоль-ный? А? Мож-жет, вас в виду войны слабит — легко и нежьно? Мож-жет, вам надо на сохраненье комсо-мольский билетик спрятать?

Басит братишечка в ответ:

— Ты от себя или от хозяина треписся?

— Странный вопрос. Бор-ричька,— хозяева, как класс, ликвидированы.

Басит братишечка опять:

— Жалко, что трепачей, как класс, не ликвидировали.

С т а р ш и н а *(говорит мягко и властно)*. — А-ну, без подначки и трепотни, товарищи. Посерьезнее. Ну-ка — ко мне вороти ухо. Тоже про одно дело, про

поход скажу. В восемнадцатом был я в Волжской флотилии — под Казанью, на канлодке «Ваня-Коммунист». Такое было званье.— Втыкали — дай бог счастья. День — ночь, день — ночь, бои, полундра, хватай, огребай, шире рот разевай! Да. Вызывают раз: «Свистать всех наверх!» Летим все на палубу пробочкой. В-во! Комиссаром Маркин был, балтиец, огонь матрос. «Идем, говорит, на прорыв. Риск. Желающие — слабосильные могут вещички-чемоданчики взять и с корабля сматываться». *(Жест — «прочь».)* Ну? Стоим. Понимаем, идет дело за батарею. Восемь плевалок — дунут-дунут, снаряд шестнадцать верст летит-поет. Белая, тяжелая батарейка на Волге. И взять ее, конечно, надо. Шумом она нас раздражала. А мы дети нервные — шуму не любим. Стоим, смотрим друг на друга. Кто не желает? На партийных смотрим. Я тогда насчет партии ни бум-бум, беспартийным был. Да. Смотрим, говорю. Ничего — партийцы стоят. Ну, и мы стоим, в чем дело — раз так! Ну, пошли — батарейку чикнули.

Голос. Сполна?

Старшина *(между прочим)*. Ага!

Огоньки папирос...

Командир пограничник *(к своим)*. Вот, к слову. А как у нас? Про себя кто что думает? А? Ну, кто в себе колеблется?

Просто, в упор, поставлен вопрос. Переглянулись бойцы, с ноги на ногу переступили... Помалкивает каждый: «Чево, мол, я поперед сунусь... Может, кто скажет...»

Голос. Разрешите сказать, товарищ командир?

Командир. Ну!

С застенчивой решимостью паренек по первому году службы шагнул и говорит:

— Присягу когда перв-мая давали, на площади — ничево не говорили, что назад когда играть будем.

Голоса краснофлотцев *(в ответ)*. Правильно!— Дай я тибя поцелую, Вас-ся!

Старшина *(для приличия, ибо раз у пограничников проверка, и здесь надо для равности)*. Ну, а у нас?

Краснофлотцы, не меняя вольных поз, пожимают плечами: «чудак, мол». Потом один из них.

— Чево, товарищ старшина, спрашивать: «как? как?» — Как надо! Вот дело важней: куда топать будем?.. Вот об чем узнать мне именно интересно. Можно довести до моего станка?

Старшина. Назначение, товарищи, пока в тайне. В пути узнаете.

Один здоровенный новобранец-краснофлотец открывает свои мысли, свое удивление:

— Чево ж нас никто не провожат-то? Демонстрацыю бы, шефов... Повсегда с робочими... А здесь...

Голос. Поди — труби всем, идем, мол, с музыкой в секретное дело. Знай все! Эх, ты!..

Голос. Не обижай маленького.

Смешок. Второй пакет принес запыхавшийся рассыльный, и тогда летит команда:

— Станови-и-и-сь!

Ей вторит старшина-краснофлотец:

— Станови-и-и-сь!

Две группы не шелохнутся. И опять команды:

— На ремень!
— На ремень!

Винтовки взяты на ремень точным движением С выдержкой, проверяя свои нервы и нервы бойцов, подают новую команду командир и старшина своим группам:

— На пра- *(выдержка)* -о!

Стукнули каблуки пограничников. Хороша выправка в войсках ОГПУ!

— На пра- *(выдержка)* -о!

Стукнули каблуки краснофлотцев. И упали опять две команды:

— Шаго-о-м-арш!
— Шаго-о-м-арш!

Вестник. **Двинулись бойцы! Неотрывно пусть твоя мысль идет с ними, товарищ, и сердце твое пусть бьется, как их сердце.**

Мариупольский дружок на ходу махнул фуражкой, взлетели ленточки с золотыми якорями, и какой-то девушке он крикнул вдаль, играя перед смертью:

— Пиш-ши, Мар-рус-ся-а!

Старшина *(зыкнул)*. Разговоры там!

Ушел отряд.

Вестник. **Куда идет отряд? Куда идет отряд?**

Тьма. Музыкальный ритм идущих частей Красной Армии, замирающий вдали.

Музыка бесстрастно выстукивает, и бежит текст Юза — буква вспыхивает за буквой на идущей ленте:

«Пограничной комендатуре тчк застава нмр шесть ведет бой внезапно перешедшими границу передовыми частями противника зпт связь соседями нарушена застава держится шлите резерв начзаставы шесть тчк».

«Начальнику Морских сил зпт Командующему Береговой Обороной и коменданту крепости тчк действия приморском участке требуют присутствия флотского отряда тчк».

«Начзаставы шесть тчк сообщите обстановку тчк комендант тчк».

«Погранкомендатуре тчк застава шесть еще держ...» (Лента остановилась. Все затихло.) После паузы резко, быстро: «Начзаставы шесть начзаставы (пауза) начзаставы шесть начзаставы шесть отвечайте начзаставы (пауза) шесть начзаставы шесть отвечайте...» (Значительная пауза.)

«Штабу погранотряда тчк застава шесть не отвечает тчк комендатура тчк».

«Штабу погранотряда зпт комендатуре тчк флот выделил отряд охотников выручки заставы шесть тчк начштафлота тчк...»

Опять ритмы идущих частей. Громадное полотно — карта СССР. Вспыхивает на морском побережье одна красная точка. Это скорей всего Кронштадт или Одесса... От нее к границе идет прерывисто и ритмично, в ритм музыки, алая, горящая линия... Отряд идет!..

Вестник. **Отряд идет! Отряд идет!**

И опять ритм, боевой ритм. Алая горящая линия, мерно вздрагивая, идет к границе, видимой на огромной карте...

В е с т н и к. **Тревога! Тревога! По Союзу тревога, товарищи. Бойцы первой пограничной линии одни лицом к лицу с армиями врага.**

В т о р о й в е с т н и к. **Одни ли?**

И тогда на карте вспыхивают алые горящие точки городов... Загораются десятки точек... Пульсируют линии. Горят гневом боя промышленные районы, потом Волга, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Весь СССР! Карта стала экраном. Как глыбы, как скалы, как горы высятся индустриальные массивы... На камни улиц выходят р а б о ч и е... С т а р и к и - к р а с н о г в а р д е й ц ы возвращаются в боевые ряды, ведя с собой сыновей. По великим магистралям железных дорог, прорезая континент, двинулись, как в незабываемые годы, эшелоны наши... Вот они! Могучие паровозы летят семидесятикилометровым бегом, и стук алых вагонов на стыках рельс — как пулеметный... Знамена старых дивизий трепещут на ветру, и миру всему трубят славу Красной Армии датами ее побед — «1917», «1918», «1919», «1920», «1921», «1922»... Эшелоны летят со всех сторон, иные, прорезая полмира — от океана до океана!

Красная Армия двинулась!

Стремителен и грозно-великолепен этот марш. Музыка заставляет стучать сердца наши в великую эту минуту.

В е с т н и к. **Вскипает кровь наша и хлещет наша ярость, которая снова потрясет мир.**

Э П И З О Д

«ЗАСТАВА № 6»

В е с т н и к. **Та же ночь. Застава № 6. Пограничники — «Зеленые шапки» — окружены в блокгаузе. Пули бьют в бойницы, откуда приходится смотреть, откуда приходится стрелять. И, обреченные, лежат бойцы железной охраны республики — ОГПУ.**

Застава. Музыка дает кипенье ружейного огня и грохот ручных гранат. Белеют бинты раненых. Стоны, подавляемые мужественными бойцами...

Н а ч а л ь н и к з а с т а в ы *(глядя на мир уже только одним глазом).* Прицел шесть!

Правые руки бойцов взбросились и ближе подвинули прицел.

— Близко подходят, гляди!

Издалека свистящее шуршанье.

— Ложись,— мина летит!

Взрывы музыкального грохота и тьма на несколько секунд.

Г о л о с а. Наступа-ают, наступа-ают!

Н а ч а л ь н и к *(зажимая кровавый глаз, держит заставу)*. Держись, товарищи! Не стреляй попусту.

Грохочет огонь. Падают бойцы.

О д и н (*согнулся и лицо, белеющее перед смертью, повернул к товарищам*). Ох, прошшайте.

— Прощай, Семенов.

Чуть затихло...

Г о л о с а *(будто обсуждающие не свою судьбу, а чужую)*. Видно, и флотская выручка тоже попалась им.

— Много их, фашистов, прорвалось. Вот и получилось.

— Подвезли армии и ахнули, расплохом взять хотят.

Далеко послышалось «ура». Бойцы вскинулись, слушают, притихли, ловя каждый звук... Ломая валежник, кто-то прет к заставе.

— Эй, кто идет. Сто-ой!

— Свой.

— Что пропуск?

— Во-ро-ши-лов.

— Так. Лезь все-таки один, не больше, а то гранатами закидаем... *(К своим.)* И обмануть могут. Поглядывай.

Трещит валежник. Наконец пролезает кто-то. Это с т а р ш и н а Б у ш у е в. Он гудит:

— Годочек! Колечка!

Г о л о с. Боже мой, совсем живой!

Г о л о с а *(обрадованные спасением)*. Свои! Матросы! Топай к нам!

Старшина свистит. На свист лезут к заставе пробившиеся... Их значительно меньше, чем при уходе.

С т а р ш и н а. Топай, товарищи, сюда!

Г о л о с. Пробились, братишки?

Старшина. Спрашиваешь! *(Оглядевшись.)* Только половина наших полегла!

Запищал телефон.

Телефонист *(воскрес, вопит, сияя)*. Есть! Есть! Есть! Есть! Работает! Поправили!

Начальник заставы. А ну, сделай вызов.

Телефонист. Але! Але! Комендатура? Да. Передаю трубку начзаставы шесть.

Начальник *(опять вытирая кровь)*. Але... але... да. Застава номер шесть. Товарищ комендант? Прибыли товарищи... Да... Застава в совершенном порядке... Да, половина убитые, половина раненые. Але... але... Да. Сколько всех? Сейчас... *(Окидывая глазами всех бойцов и считая.)* С краснофлотцами на заставе будет *(еще считая)* двадцать семь бойцов. Да... Моряки сейчас пойдут к берегу... Да. Самое главное сейчас передам. Запишите, пожалуйста. *(Диктуя.)* «Противник, как выяснилось...» але... але... «выяснилось, «ось, ось»... В телегу суют... и из географии — ну земная «ось». *(Нервничая, но все-таки вежливо.)* Да ось же, которая в телеге. Але... але... Ну? ну? *(Лицо увяло. Опустил трубку.)* Продыха нет... не работает.

Телефонист *(не веря, хватает трубку)*. — Але... але... Комендатура?.. Але... *(дует в трубку, вертит что-то, проверяет соединения)*.

Опять вспышка огня, грохот.

Начальник *(кричит)*. Ложи-ись!

Голоса. Вон, вон — перебегают!

Залпы.

— Наседают.

— Опять в кольцо взяли.

Старшина *(краснофлотцам)*. На берег нам не пройти. Вот!

Ответ. Давай тут работать. В чем дело!

Опять затихло. И тут в ночной тишине издалека, со стороны врага, донеслась неясная, резкая фраза.

Старшина. Ша. Что-то кричат. Не гудеть!

Мариупольский краснофлотец. Не возражжяю.

Опять доносится иностранная речь.

Голос. Непонятное. Эх, по-соседски не знаю, а то сказанул бы.

Мариупольский. Не возражяю.

Опять доносится — уже по-русски: «Эй! На заставе! Никого не тронем. Зачем лить кровь? Здесь свои же русские».

Один боец. Батюшки — русский! Ат стерва!

Убеждающий голос «своего русского» долетает опять:

— Разве мы против вас что-нибудь имеем? Братья, православные!

Старшина вспыхнул и загремел флотский загиб:

— Иди к черепашьей мате-ри! Шмара продажна-я!

Начальник заставы. Эй, там!.. С разговорами в Наркоминдел, а тут Красная Армия — по зубам дает! *(Бьет из нагана. Вскрик. Пауза.)*

Начальник *(утирая кровь)*. «Братья»? Гад! Кому очки втираешь,— пограничникам, да?

Голос бойца. Рвануть ево, а?

Граната поднята. Начальник остановил.

Старшина *(во тьму)*. Эй, «православный» из Харбина! Попадешься — на месте шлепнем. По голосу врага чую. Барин!

Долетает опять голос «православного»:

— Сволочь! Всех перестреляем! *(Залп.)*

Ответ. Тпру!.. Сами стрелять умеем!

Опять грохот. Потом затихло.

Начальник заставы *(старшине)*. Давай вникать. Что тут сообразить можно?

Старшина. Вникнем.

Начальник заставы. Я рассчитываю, что положение серьезное.

Старшина. Ясно же ж, боже ж мой!

Начальник заставы. Бросать заставу нельзя. Остаемся до конца.

Старшина. Есть.

Все. Не возражаем.

Противник пошел в атаку. Невесело слушают бойцы вой идущих и, подпустив, срезают пулеметным огнем и залпами. Вой замер на отчаянной ноте.

Один боец *(во тьму)*. То-то. Куды суетесь? Тут для некурящих.

Опять вспышки огня. Упало двое — всхлипнули... Затихли... Молчанье.

Старшина. Держись, ребята, за землю. Корешки в нее пускай. Назад нельзя!

Грохот разрыва. Целая группа выбывает из строя. Громкие стоны. Шевеление раненых тел. Один нераненый матрос подползает к тяжело раненому и тихо зовет его, любимого друга своего:

— Кол ля! Кол ля!

Шелестит:

— Есть.

И, сдерживая слезы, товарищ говорит умирающему:

— Это ты, Кол-ля, или твоя копия?..
— Я-а... Стой... Ван-ня?.. Стой... Ван-ня!

Похрипел товарищ, вздрогнули скрюченные пальцы — и умер товарищ. Тишина.

Голоса. Дело конченное!
— Крышка!
— Всыпались!
— Вчистую!
— Ну, довольно вам!

Тишина и мрак...И из мрака — из угла, вдруг:

— Алло, алло, говорит Москва, говорит Москва Р.В. ДВА. Р.В. ДВА.

На заставах всюду же радио.

Голос. Ша, не шуметь!
— Товарищи, спокойно.
— Крой, Москва!
— Не давай спуску!

Из репродуктора голос:

«Послушайте передовую рабочей радиогазеты».

Новый, ровный, без малейшей аффектации голос.

«Война объявлена. Война объявлена».

Голоса. Не возражаю.

— Записано!

— Тихо же, ну!

Из репродуктора идет все тот же мягкий, ровный, неторопливый голос:

«Сегодня дан правительственный приказ: образовать из округов армии, объявить мобилизацию».

Голоса. Ну, и мобилизация будет! На земле не было!

— Путиловцы-ы, наши-и!

— Не выдай!

Репродуктор продолжает:

«Наши армии раздавят тех, кто сунется к нам. Снова решается вопрос о жизни нашей страны. Мы хотим жить, и тем, кто хочет нас задушить — мы сумеем дать по зубам. Красная Армия била и будет бить того, кто осмелится сунуться в нашу страну!»

Голос. Так!

Из репродуктора новый голос:

«Сегодня получены известия о том, что от руки белых на западе пал ряд наркоминдельских работников. Жертвы тяжелы, но нас не остановят потери».

И в заставу льется траурное прощанье.

Потрясенный, вскакивает один пограничник и простирает руки к репродуктору.

— Эх, хошь слово бы мое услышали. Эх, дела-то какие... Москва!.. Товарищи родные... До последку устоим...

Флегматик *(грубо)*. Курево есть?

Кто-то. У меня есть.

— Давай.

— Одна осталась.

— Давай одну.

Тлеющий огонек обходит уцелевших бойцов.

Старшина *(к бойцам)*. Так до последку? А?

Краснофлотцы *(твердо, тихо)*. Есть до последку!

Сильный залп. Падают убитые и раненые бойцы. Тишина.

Один. А Москва, она все узнает, как мы тут?

— Узнает! Факт, узнает!

— Придут наши, фашистов шибанут — увидят, что мы побитые, узнают!

Вестник. **Всегда будем помнить, товарищи, навсегда сохраним память о погибших наших бойцах.**

Опять из репродуктора:

«Алло, алло. Говорит Москва! Говорит Москва! Слушайте внеочередную передачу, транслируем Европу».

Голос. Ой яблочко, да на вэточке!

Из репродуктора:

«Слушайте, слушайте! В час, когда начата война против СССР, некоторые радиостанции Европы не сообщают об этом. Трудящиеся Европы информируются лишь об «инциденте». Враги выжидают развития военных действий».

Шипенье... И в заставу, как смрадный ядовитый газ, льется мурлыкающий тихий фокстрот.

Голос. Обрадовались, сволочи!

— Вот она — Европа!

Один пограничник *(вскочил)*. В двенадцать апостолов, в фокстрот!

Фокстрот удушает... И в крепком, пятнадцать лет проведшем на море, старшине фокстрот этот разъел нервы: мучительным голосом кричит он.

Старшина. Заткни, заткни ее, Европу!

Снова залп и грохот. Снова стоны раненых. Падает старшина. Он ранен. Он еще не верит этому — прошедший целым через две войны... Он ощупывает себя и ищет глазами, привставая, поддержки... Уцелевшие бросаются к нему.

Старшина. Ранен я... Да не может быть! *(И руки трогают тело... вот тут... вот тут... А*

боль парализует.) Да что же это? *(И улыбка конфуза и какой-то вины медленно ползет по лицу.)*

Бойцы смотрят на друга, желая как-то помочь... Залпы, залпы... Все убиты, кроме одного бойца и раненого старшины. А в заставу льется фокстрот.

Старшина *(кивает последнему еще живому бойцу).* Ранен я... Встать не могу... Ты... Заткни... Европу...

Вскинул винтовку во мраке боец... По репродуктору.

— Прощается застава номер шесть... По Европе — пли!..

Кончен фокстрот. Пуля кончила его. Опять вспышка огня... Стрелявший боец упал. Убит...

Старшина еще шевелится. Он озирается. Живых нет никого. Кругом мертвые лица, мертвые руки, мертвые ноги. Он осматривается. Медленно поворачивается к стене. И углем, вывалившимся из разбитой печки, начинает писать на стене, медленно, криво, падая и вставая, сдерживая муки.

$$\begin{array}{r} 162\,000\,000 \\ -\ 27 \\ \hline 161\,999\,973 \end{array}$$

Потом подползает к краю и в зал, остатком залитых кровью легких, шепчет, всхлипывая:

— Прощайте, дорогие... товарищи... мы как могли... Смерть пришла... Передайте... на корабль... до конца были... *(Затих.)* Вы не сдавайтесь. *(Рванулся.)* Вставайте же... *(Упал, обессиленный, и шепчет угасая.)* Эх... Москва... Товарищи... родные... Последний же... решительный. *(И умер старшина — младший командир Красного Флота и коммунар.)*

Совершенный мрак. Музыка укутывает черным и красным погибших бойцов. Слезы горячие и неудержимые в этой музыке. Она поднимает подвиг погибших так высоко, так высоко, чтобы видели все, кто бойцы Красной Армии и как умеют они драться и погибать. Музыка щемяще тосклива и величественна.

Вестник. «Ну, кто там плачет об убитых? Не надо, не надо, товарищи! Так много живых нас, живых и сильных! Кровью горячей бьется сердце

великой страны. Не плакать, не плакать! Сухие нужны глаза,—слезы мешают стрелять. Какое дело—убиты братки—другие, живые пойдут! Придет утро—новый двинется отряд. Придет утро—полки и дивизии пойдут! Придет утро—за великий Союз армия—Красная Армия—пойдет. Москва подымет руку в защиту свою. Солнце встает. Приказ армии и флоту СССР дан. Слышите! Красная Армия пошла!

Ритмы, нарастающие ритмы идущих частей наших.

Голос (*высокомерный и презрительный*). И это весь ваш спектакль? Это конец?

Вестник: **Нет еще, это не весь спектакль...**

Выходит посланец Красной Армии — командир корабля — краснознаменец, проводивший охотников.

Командир. Застава номер шесть и охотники краснофлотцы погибли, выполнив свой долг. Нам нужно других. От имени командования обращаюсь к вам, ко всем. Делаю поверку боеготовности всех присутствующих здесь в зале. Вызываю по группам и вызванных прошу вставать. Первыми прошу встать краснознаменцев, далее бывших красногвардейцев, далее бывших красных партизан!

Они встают — старейшие бойцы Революции.

— Далее прошу встать всех присутствующих здесь командиров, политработников и рядовых бойцов Красной Армии и Красного Флота.

Они встают.

— Прошу далее встать всех присутствующих здесь членов партии и комсомола, всех рабочих и всех запасников Красной Армии и Красного Флота.

Они встают.

— Прошу встать, наконец, наравне с бойцами, всех женщин и всех готовых к защите Союза! Вставайте, вставайте все!

В зал льется свет. Встают все.

— Прошу встать, наконец, работников данного театра!

Встают сделавшие спектакль товарищи, с оружием в руках.

Командир *(ища глазами высокомерного критика)*. Кто там спрашивал про конец спектакля? Вот конец — мобилизация!.. Да и это не конец... Конец мы сделаем в боях — на фронте!

Свет в зале ослепителен, ярок, как в мае. В музыке — гимн солнцу, гимн победе. Это ритмы идущей Красной Армии. Гремит гимн, и Вестник говорит:

— Великолепным шагом идут поднявшиеся на бой массы. Они идут к победе!

Ленинград — Кронштадт
Август—декабрь 1930 г.

Посвящается
XV годовщине Красной Армии

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Пьеса в трех актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Первый ведущий.
Второй ведущий.
Вайнонен — матрос-финн, коммунист.
Рябой.
Алексей — Балтийского флота матрос первой статьи.
Вожак группы анархистов.
Женщина-комиссар — посланная партией в Балтийский флот.
Командир корабля — бывший кадровый офицер флота.
Сиплый.
Первый старшина.
Второй старшина.
Боцман.
Капельмейстер.
Старая женщина.
Высокий матрос.
Первый офицер, возвращающийся на родину.
Второй офицер.
Главарь пополнения анархистов.
Одессит.
Офицер войск противника.
Священнослужитель.

Матросы Балтийского флота, провожающие женщины, белогвардейцы и другие.

Действие происходит в дни гражданской войны в Балтийском флоте и на фронте.

АКТ ПЕРВЫЙ

Музыкальное вступление. Рев, подавляющий мощью и скорбью. Стремительные взрывы могучего восторга, теснящего дыхание и обжигающего. Шум человеческих деяний, тоскливый вопль «зачем?», неистовые искания ответов и нахождения.

Нас было восемьдесят пять тысяч балтийских и сорок тысяч черноморских матросов. Мы также искали ответов. И вот двое и их разговор.

Первый *(рассматривая пришедших на трагедию)*. Кто это?

Второй. Публика. Наши потомки. Наше будущее, о котором, помнишь, мы тосковали когда-то на кораблях.

Первый. Интересно посмотреть на осуществившееся будущее. Тут тысячи полторы, и наблюдают за нами... Не видели моряков!

Второй. Молчат. Пришли посмотреть на героические деяния, на героических людей.

Первый. Тогда им проще глядеть друг на друга.

Второй. Какая вежливая тишина! Неужели нельзя встать кому-нибудь и сказать что-нибудь? *(Обращаясь к кому-то из зрителей.)* Вы вот, товарищ, что-то насупились. Здесь-де не военкомат, а театр... Вы, может быть, полагаете, что в данном случае у военкомата и у театра разные цели? Ага, не полагаете... Ну, что ж, начнем! *(Как вступление к поэме.)* Отложите

свои вечерние дела. Матросский полк, прошедший свой путь до конца, обращается к вам — к потомству.

Медленно, с тяжелым грохотом открываются колоссальные броневые закрытия.

Раскаленный, без облака, день. Блеск его невыносим для северного глаза. Сверкает весь рельеф земли. Полк идет по древней дороге. Сверкание усиливается, потому что полк в белом. Он движется вниз, чтобы стать, как гигантский хор, лицом к лицу со зрителями.

В т о р о й *(он старшина хора)*. У каждого из них была семья. У каждого из них была женщина. Женщины любили этих людей. У многих из них были дети. Они здесь. И у каждого было некое смутное: грядущее поколение. Оно рисовалось полтора десятилетия тому назад еще неясно. И вот оно пришло, это поколение. Здравствуй, пришедшее поколение. Бойцы не требовали, чтобы вы были печальны после их гибели. Ни у кого из вас не остановилась кровь от того, что во время великой гражданской войны в землю легло несколько армий бойцов. Жизнь не умирает. Люди умеют смеяться и есть пищу над могилами ближних. И это прекрасно! «Будьте бодрей! — просили бойцы погибая.— Гляди веселей, революция!» Полк обращается, сказал я, к потомству. Он избавляет вас от поминок. Он предлагает молча подумать, постигнуть, что же в сущности для нас борьба и смерть. Итак, началось с того, что...

Свет спадает. Вечерние тени пересекают теплый воздух. В тишине чья-то безмерная человеческая тоска. Она может быть выражена только музыкально. Один, другой, третий из рядов полка начинают рассказывать историю полка. Начинает маленький финн В а й н о н е н.

В а й н о н е н. Сумерки, и никакая душа ничего ласкового одинокому матросу не скажет.

Отчаяние его, чуждый говор и глаза, из которых бегут слезы, почти беспричинно, от огромной смутной тишины мира, трогают сердце.

Г о л о с. Ирр-на! Так... Носки врозь, пятки вместе. На ширину приклада. По раз-делениям!! На плечо!

Маленький финн возвращается к действительности.

Вайнонен. Какой там суке старый режим в голову ударил? *(Приподнимается, грозно глядит в пространство, откуда послышался зык.)* Довольно там. Надоело за триста лет!

Голос. Делай ать!

Вайнонен. Надоело, я говорю, сат-тана!

Рябой матрос отзывается рядом рассудительно и успокаивающе.

Рябой. Ты не волнуйся... Не тронь... Это Алексей с тоски сам с собой занимается.

Голос. Делай два!

Вайнонен. Сат-тана! И так от тоски деваться некуда.

Безмятежно выходит Балтийского флота матрос первой статьи Алексей.

Алексей. Вайнонен... Скучаешь? Вот я тебя развеселить и собирался... А ты все злишься?

Маленький финн, слушая, строгает стол пуккой — восьмидюймовым финским ножом.

Вайнонен. Нехорошо.

Алексей. Что нехорошо?

Вайнонен. Товарищей задевать и мучить...

Алексей. Почему нехорошо? А что вообще хорошо? Абсолютные понятия нашел?

Вайнонен. Философ стал?

Алексей. Нет, ты мне объясни, что такое хорошо... *(Резко.)* Я раньше, как по уставу, знал: служить хорошо, родителей почитать хорошо, невесту любить хорошо, богу молиться хорошо... Все было ясно. И все было спокойно, и я был матрос первой статьи. И быть матросом было хорошо. А теперь? Что теперь хорошо?

Рябой. Ты что?

Алексей. Правды ищу.

Рябой. Не ты первый.

А л е к с е й. Я тоже страдаю, думаю, с тоски пью, балуюсь, а ночи о жизни разговариваю... Нет, ты мне скажи, что это теперь значит хорошо?

В а й н о н е н. Хорошо — это когда всем будет хорошо. Социализм.

А л е к с е й. Каким всем?

В а й н о н е н. Ну, потом, лет через несколько. Тогда будет хорошо. За это всех людей с места стронули.

А л е к с е й. Всем? Будет? Все будет, как в святом писании... Хотел бы я посмотреть хоть раз на есть — не будет, а есть. Понял? А то все о будущем говорят... Ну, ладно, допускаю, всем будет хорошо. И тем, которых убьют?

В а й н о н е н. Тем будет вечная память.

А л е к с е й. Спасибо, утешил.

В а й н о н е н. Это совсем не смешно, и ты дурак!.. Кто погибнет, так погибнет, чорт его дери, первый раз по-человечески... А то как мясо, убоина, потроха, по две копейки шли...

А л е к с е й. Ну, понял. Точка. Значит, будет хорошо?

В а й н о н е н. Так точно. *(Говорит это, несколько успокаиваясь, но еще взволнованно и насмешливо.)*

А л е к с е й. Так-с... Значит, надобности стараться дальше не будет? Так? Доехало человечество. Вылезай. Порт назначения — будущее... Можете его пощупать, да?

Р я б о й. А представь: не мы, так люди пощупают.

А л е к с е й. Э-э-э... Ник-куда человек не доедет, а только ехать будет. Ни мы, никто не доедет. Живешь в этом мире без остановки. Никто еще никогда никуда не доезжал к конечному. И сделал это открытие я, военный моряк Алексей. Запиши. *(Уходит.)*

Р я б о й. Поспорь с ним.

В а й н о н е н. Найдутся.

Р я б о й. Откуда такой?

В а й н о н е н. С Тихого океана. Он в Америке был, плавал, бегал где-то.

Рябой. О жизни думает.

Вайнонен *(пренебрежительно)*. Анархист.

Маленький финн сидит неподвижно. Мрачно в сумраке бродят матросы, кто-то поет печальную песню кочегаров: «Товарищ, не в силах я вахты стоять,— сказал кочегар кочегару,— огни в моей топке совсем не горят, в котлах не сдержать больше пару...»

Вбегает Балтийского флота матрос первой статьи Алексей. Его появление заставило людей примолкнуть.

Алексей *(подавленно и гневно)*. Военные моряки! Анархисты! Опасность!

Вайнонен. Где? Что?

Высокий матрос. Опасность?

Рябой. Полундра!

От тревожного возгласа гул распространился среди людей. Движение к Алексею и возгласы: «Где, что, кто?»

Алексей *(спиной ко всем, мрачно)*. Назначен нам комиссар.

Высокий матрос. Пора.

Вайнонен. Вот теперь он тебе о жизни объяснит.

В группе остановившихся и прислушивающихся людей кто-то мрачно крикнул: «Значит, нам больше не доверяют?» И люди уже видят виновных, и тела уже пригибаются для удара. И вдруг гул и тяжкое напряжение начинают затихать... Люди меняются, они все тише и тише. Они пятятся и расступаются. Багровый, волосатый, широкоплечий человек подходит все ближе и ближе. Он подчиняет. Это — вожак. В тишине вопрос этого человека медлительный и низкозвучный.

Вожак. Почему шум?

Сиплый *(помощник вожака)*. Отвечать!

Алексей. К нам назначен комиссар.

Вожак. Чего ж горло дерешь? От какой партии?

Алексей. Правительственной. Большевиков.

Вожак. Привыкнет. Воспитаем.

К напряженно молчащей толпе мужчин откуда-то подходит женщина. Ее появление кажется странным, невозможным, нарушающим давние понятия. Кажется, что от первых же вопросов, заданных грубыми голосами, с этой женщиной произойдет что-то непоправимое. Ее разглядывают, но не удостаивают вопросом.

А л е к с е й. Я бы советовал этого комиссара...

В о ж а к. Я бы советовал мне не советовать!

Пауза.

Кричишь лишнее.

Женщина, поняв, кто в этой толпе является первым, подходит к нему и подает ему бумагу. Вожак читает, пристально глядит на женщину и снова читает.

Так вы к нам комиссаром?

Женщина кивком дает понять, что этот вопрос ясен и обсуждать его не стоит. Кто-то, оправившись от столбняка, изумленно открывает рот.

Г о л о с. Н-ну...

Вожак медленно закрывает ему рот рукой.

В о ж а к. Вы социал-демократ, большевик?

Ж е н щ и н а. Да.

В о ж а к. Давно?

Ж е н щ и н а. С шестнадцатого года.

В о ж а к. Ну, будем жить. Устраивайтесь, действуйте... *(Приближающимся матросам.)* А ну, не мешать!

Люди медленно уходят, поворачивая головы и оглядывая женщину.

Может, кого... помочь... вещи?..

Р я б о й. Носильщики отменены.

Ж е н щ и н а. Я сама.

Она остается одна. Тишина. Удивление. У входа новый человек. Он слишком типичен, чтобы не узнать в нем царского морского офицера. Он несколько удивлен, не понимает, что произошло. Он видит женщину и предлагает ей свои услуги.

О ф и ц е р. Вы позволите, я помогу? *(Вносит небольшой багаж, желая узнать, каким образом, откуда и как попала сюда эта женщина. Понизив голос.)* Вы к кому-нибудь из офицеров этого бывшего корабля?

Ж е н щ и н а. Я...

О ф и ц е р *(кланяясь)*. Лейтенант Беринг. *(Немного интимно и удивленно.)* Назначен сюда командиром. *(Снимает фуражку, чтоб поцеловать руку, которую скорее берет сам, чем получает.)*

Женщина. Я комиссар, назначенный к вам. Старые привычки забудьте.

Она говорит подчиняюще-просто. Ни неожиданность, ни неловкость не смущают офицера. Он спокойно выпрямляется, надевает фуражку и, отдавая гораздо больше по привычке, чем по желанию, честь, говорит голосом, бесконечно далеким от теплого, светского, которым он начал разговор.

Офицер. Для исполнения предписанных мне служебных обязанностей прибыл. Военный моряк Беринг.

Оба они поворачиваются, потому что где-то в глубине возникает шум и угрожающий гул. Пятясь с пуккой в руке, отступает перед кем-то маленький финн. Он сдавленно говорит теснящим его, но пока невидимым людям.

Вайнонен. Не сметь... Не сметь... *(Указывая на женщину.)* Тебе и эту надо? Сатана...

На него надвигаются двое — Балтийского флота матрос первой статьи Алексей и его сообщник, тяжелый парень. Почти беззвучно, глазами и губами, они хотят укротить финна. Он, сжавшись и прикрывая женщину, стоит с ножом. На него наступают.

Так не оставим!

И финн кинулся за подмогой. Женщина насторожилась.

Офицер. Какие-нибудь ваши политические дела? Я могу быть свободным?

Алексей не обращает внимания на офицера. Это слишком незначительная величина для него. Он подходит к женщине.

Алексей. Давайте, товарищ, женимся. Отчего вы удивляетесь? Любовь — дело в высшей степени почтенное. Продолжим наш род и побезумствуем малую толику.

Офицер. Что здесь происходит? *(Матросу.)* Послушайте, вы!..

Комиссар. Идите, товарищ командир. Мы здесь поговорим сами. Товарищ интересуется вопросом о браке.

Подчиняясь и переставая понимать, бывший офицер уходит.

Алексей. Я повторяю — попрелюбодействуем,

товарищ представитель из центра. Скорей, а то уж торопит следующий, а тут ведь нас много.

Комиссар вникает главным образом не в смысл слов, а в смысл обстановки. Все движения людей находят в ней едва уловимые контр-движения.

Ну?

С разных сторон из полутьмы надвигаются анархисты.

Второй *(комиссару)*. «Под душистою веткой сирени цел-ловать тебя буду сильней...»

Глухой хохоток из толпы.

Позаботься о нуждающихся... Н-ну! Женщина!

Третий. Вы скоро там? *(Входит с простыней в руке.)* Чего ты смотришь? Ложись.

Комиссар. Товарищи...

Алексей. Не пейте сырой воды.

Комиссар. Товарищи...

Второй матрос *(угрожающе)*. Ты к кому ехала, ну?

Из люка снизу неожиданно и медленно поднимается огромный полуголый татуированный человек. Стало тихо.

Комиссар. Это не шутка? Проверяете?

Полуголый матрос. Н-но... у нас не шутят. *(И он из люка кинулся на женщину.)*

Комиссар. У нас тоже.

И пуля комиссарского револьвера пробивает живот того, кто лез шутить с целой партией. Матросы шарахнулись и остановились.

Ну, кто еще хочет попробовать комиссарского тела? Ты? *(Другому.)* Ты? *(Третьему.)* Ты? *(Стремительно взвешивает, как быть, и, не давая развиваться контрудару, с оружием наступает на парней.)* Нет таких? Почему же?.. *(Сдерживая себя и после молчания, которое нужно, чтобы еще немного успокоить сердце, говорит.)* Вот что. Когда мне понадобится,— я нормальная, здоровая женщина,— я устроюсь. Но для этого вовсе не нужно целого жеребячьего табуна.

Рябой *(полузаискивающе гоготнул.)* Это действительно...

Влетает Вайнонен. С ним высокий матрос, старый матрос и еще двое.

Вайнонен. Держись, комиссар... Поможем.

Комиссар. Ну, тут уже все в порядке.

Люди обернулись, затихли. Идет вожак. Он появляется не спеша. Тишина. Последовательный обмен взглядами. Взгляд на труп. Вожак молча дает пинок трупу. Труп падает вниз и глухо ударяется о ступени трапа. Вожак глядит на комиссара.

Вожак. Вы его извините... Хамло, что спросишь?

Алексей. Пошли.

Комиссар. Членам коммунистической партии и сочувствующим остаться.

Сиплый *(мгновенно парируя)*. Нельзя. У нас общее собрание. *(Не тратя слов, надвигается на тех, кто остановился после обращения комиссара. Наступает на высокого матроса, у которого на лице выражение высокомерия и насмешки.)* Э, сочувствующий нашелся?

Высокий матрос. И не один.

Сиплый и его подручный оттесняют всех. Упрямо остается только маленький финн. Он остается один на огромном опустелом пространстве.

Комиссар. Ты один?

Вайнонен. И ты одна, комиссар?

Комиссар. А партия?

Старшины полка выходят.

Первый старшина. Спрашиваю у каждого из вас: помните ли, сколько было коммунистов в те годы в рядах Красной Армии и Флота?.. Ну, ну, припоминайте, участники!..

Пауза.

Двести восемьдесят тысяч. Половина партии. Каждый второй коммунист был под огнем на фронте. Каждый оставшийся был под огнем в городах, в степях и в лесах, ибо тыла не существует в классовой войне. И в списке раненых коммунистов — Владимир Ленин, а

среди убитых — Володарский, Урицкий, двадцать шесть комиссаров, целые губкомы и начисто вырезанные организации. Но разве дрогнула партия?

Второй старшина. Разве мыслимо остановить такую партию, препятствовать ей, партии, вооруженной, смелой, гибкой, поднявшей весь класс! Партии, создавшей страну — гигантский стан всех лучших элементов человечества! Партии, создавшей единство пролетарской воли в борьбе кровавой и бескровной, насильственной и мирной — против всех сил старого мира.

Пауза.

Тот, кто попробует стать против такой партии, против нашей страны, тот будет сломлен и растерт.

Пространство пусто. Идет вожак, за ним Сиплый и Балтийского флота матрос первой статьи Алексей. Тяжелое молчание. Настороженность.

Алексей. А вокруг нее симпатизирующие заводятся...

Сиплый. Ликвидируем... Тс-с-с... Финн идет. *(Проходящему финну.)* Пойди сюда, ты, член партии.

Вайнонен. Пойду. Люблю слушать твой ангельский голосок. «Спой, светик, не стыдись».

Сиплый *(сдерживаясь)*. Чего она там наговорила?

Вайнонен *(вызывающе-тонко)*. Говорила. *(И, улыбнувшись, пошел неторопливо. Шаги затихли.)*

Алексей. Немыслимая женщина!

Сиплый. Порвать ее на собачью закуску.

Вожак. Помолчи ты.

Пауза.

Кто ее теперь тронет... *(Жест, обещающий конец.)* «Порвать»! Другого пришлют. Не понимаете? *(Задумался.)* А эта понравилась всем. Женщина для нас ценная.

Алексей. Давно стал так думать?

Вожак *(не удостаивая ответом)*. Она хорошей выделки. Вот по глазам чувствую — она поймет. В ней жилка для анархизма есть... Решительная.

Алексей. Я попробую.

Сиплый. Ха-ха... Пойди, пойди — предложи ей брошюрку Кропоткина.

Комиссар *(войдя, посмотрев)*. Почему, товарищи, вы не известили меня об этом собрании? Хотя, раз собрались... попросите тогда сюда заодно и нового командира. Кто сходит за ним?

Молчание.

(Заметив кого-то в люке.) Внизу! Есть там кто-нибудь?

Из люка поднимается плотный седой человек.

Пойдите сюда. Вы кто, товарищ?

Боцман *(глухо)*. Боцман.

Сиплый издал смешок.

Комиссар. Боцман? Не таким голосом и не так говорят боцманы. Еще раз. Кто вы?

Боцман *(что-то почуяв, по-флотски)*. Бывший боцман линейного корабля «Император Павел Первый», товарищ комиссар.

Алексей удивленно гмыкнул.

Комиссар. Ага, вот теперь я вижу, что вы боцман. Попросите сюда нового командира.

Боцман. Есть. *(Спохватился, подчиненно взглянул на вожака.)*

Комиссар. Ну?

Вожак кивнул: «Можешь».

Боцман. Есть попросить сюда нового командира. *(И двинулся за ним.)*

Сиплый *(комиссару)*. Вы к нам подходите...

Комиссар. Да.

Сиплый. Женский пол, он на смягченье нравов действует.

Комиссар. Я это уже заметила.

Входит командир и неопределенно отдает честь.

Знакомьтесь, товарищи.

Обмен враждебными взглядами, мычащие звуки и неопределенное движение рук.

Ага, познакомились? Ну, так перейдем к делу. *(Командиру.)* Сообщите приказ.

К о м а н д и р *(вынув из грудного кармана краткий приказ)*. Приказ: «Сего числа наименование команды «Свободный анархо-революционный отряд» упраздняется. Команда переформировывается в полк трехбатальонного состава. Полку придается наименование «Первый морской полк». *(Сложил приказ.)* Командовать полком буду я.

А л е к с е й *(рванувшись)*. А вы что-нибудь о судьбе государя императора Николая Второго на Урале слышали?

К о м и с с а р. Я подробно сообщу вам, товарищ, о судьбе названного вами лица в свободную минуту. *(Командиру.)* Этот товарищ вообще любознателен. Прошлый раз, если вы помните, он интересовался вопросами брака. *(Алексею.)* Вы удовлетворены были разъяснением?

Молчание.

Ну вот, пока как будто для начала и все... В отряде — будем называть его уже полком — избыток сил и энергии. *(Алексею.)* Не правда ли? Терять время на половые проблемы — преступно. Родина, революция в опасности.

Пауза.

Завтра мы выступаем на фронт — это в дополнение к приказу. *(Вожаку.)* На фронте есть где применить ваш опыт, как вы думаете? *(Командиру.)* Сделайте необходимые распоряжения. Прошу быть свободными.

К о м а н д и р. Есть.

К о м и с с а р. Боцман, можете итти.

Б о ц м а н *(поглядев на вожака)*. Есть.

Пауза. Когда лишние вышли, вожак встал и неспешно двинулся к комиссару.

В о ж а к. Может, поговорим?

К о м и с с а р. Поговорим.

Четверо заняли места за столом. Тягостное молчание.

Алексей. Поговорили. Неудачный выбор ваш ЦК сделал. Не для флота вы. В армии бы вы подошли, подошли.

Комиссар. Работала я и в армии.

Вожак, Сиплый и Алексей переглянулись.

Сиплый. Ага, вот как...

Алексей. Молоды вы. С няней в садик ходили, а вот он *(фамильярно-почтительный жест в сторону вожака)* по аграрным делам на каторге сидел...

Четверо в паузе оценивают этот факт.

Трудно — не пойми только плохо, не пойми только плохо, — психологически трудно этакий контраст *(жест)* — ты и мы — переварить. *(Вытянулся во весь свой крупный рост.)* Сравни действительно: ты и мы. Бродяги у нас — в хорошем, морском смысле — вокруг света бродили, из крепости бегали, прошли войны, плен...

Сиплый *(тронув руку комиссара)*. По два раза сифилисом болели...

Комиссар. Ну, что ж, работать приходится с теми людьми, которые есть, а не с теми, которых воображаешь. Но в общем тут, у нас в полку, народ хороший, боевой... такой народ...

Алексей *(перебивает)*. ...такой народ, который раз навсегда разучился перед кем бы то ни было тянуться и козырять... *(Пародируя.)* «Да, товарищ комиссар». «Всем довольны, товарищ комиссар». «Виноват, товарищ комиссар». «Ура, товарищ комиссар»... Может, ты этого ожидаешь?

Сиплый *(снова трогая руку комиссара, интимно)*. У нас вся жизнь искалеченная. Казарма и тюрьма нас поломали... Нас зататуировали и проспиртовали на кораблях, а вы нам сознательную кашку хотите дать... Чего вы ищете у нас, дамочка, когда нам только хочется по-своему дожить век? И пулю получить для спокойствия. *(Помолчал.)* Вот тут *(трогает себя за ключицы)*, только тут еще остается желание, чтобы люди были чище — и телом и духом. А вы тут нас учить, судить будете, когда нам подыхать пора.

Комиссар. И я непрочь у вас поучиться... было бы чему.

Вожак. Вот это хорошо. Хотя вот объясни: отдаем мы свои головы? Отдаем. Но выходит странно: партия твоя, вот партия у власти стала и ставит людям, которые за нее головы отдают, какие-то условия. Это что же, как же?

Комиссар. Очень просто. Знаем, куда и как итти, и ставим, и принимают. Не принимали бы, мы не могли бы ставить.

Алексей. Вы, может, нас и умирать учить будете?

Комиссар. Придется — увидим.

Вожак. Да, да... *(Меняя тон.)* А вы на мой отряд не сердитесь, что так встретили. Не разобрали.

Комиссар. Ну, кто старое помянет... Было и быльем поросло.

Алексей *(вскочив)*. Гляжу на вас, на себя, на тебя... Честные боевики, чорта с два! *(Вожаку, потом комиссару.)* И ты лжешь, и ты лжешь... *(Комиссару.)* Слушай. *(Указав на вожака.)* Вот этот нас послал, когда ты приехала: пугните ее, чтоб не встала.

Вожак *(засмеялся, подавив судорогу)*. Шутит он.

Комиссар. Ну, конечно, вы шутник... Сразу видно.

Алексей. «Шутник»? Нож мне взять хочется. Мозг себе вынуть и выполоскать... Чего ищу среди мрази?

Пауза.

(Комиссару.) И ты тоже тихоня, переговорчики делаешь, смирная, умная сидишь: «У вас учиться буду... Понимаю...» Тактику разводишь — тоже врешь! Видели мы, как моряков шлепаешь: раз — и готово.

Комиссар *(вожаку)*. Беспокойный товарищ! *(Алексею.)* Вы партийный анархист?

Алексей. Я партии собственного критического рассудка. Моя партия — никакой партии. *(Рванулся.)* Вы куда пришли, а? Под Зимним нас спрашивали, какой партии?

С и п л ы й *(отстраняя Алексея)*. Очень много, дамочка, значит — знать друг друга. Вы вот представляли себе моряков — какие-нибудь посадские, босяки, в широких штанах — носят теперь молокососы. А здесь старые года: японскую кампанию, Цусиму помним...

К о м и с с а р. Тем лучше. *(Встав.)* Думаю, поладим.

В о ж а к. Надо поладить. Поладим, а? *(Протянул руку уверенно, властно.)*

К о м и с с а р. Поладим. При условии: шутки в сторону.

Рукопожатие, испытующее, сложное. Алексей наблюдает. Комиссар пошел, и вслед ему смотрят трое. Шаги затихли.

С и п л ы й. Да, штучка!

В о ж а к *(Алексею)*. За длинный язык, знаешь, что бывает?

А л е к с е й. А за продажу, знаешь, что бывает? Ручку жмешь? Поладить хочешь?

В о ж а к *(значительно)*. Тоже тактика. Чего ты сегодня, Алексей? Верь мне, друг. Вот тебе, как брату: за идею — до конца вместе! *(Обнял и поцеловал товарища в губы крепко и сурово.)*

Тот посмотрел, не зная, верить или нет, кивнул и пошел. Сиплый тихо прошел несколько шагов, прислушался.

Не доверяй ни ему, ни ей. *(Утер брезгливо губы и сплюнул.)* Целовал гада.

С и п л ы й. Кому доверять?

Вожак пожал плечами.

Только тебе?

В о ж а к. Тоже не верь. Все лживые скоты. Все отравлены. Под корень всех рубить надо — в каждом старая жизнь сидит.

Молчание. Мрачный уход. Выходят с т а р ш и н ы п о л к а.

П е р в ы й с т а р ш и н а. При-по-минайте, припоминайте лучше минувшие дни, чтобы ничего не забыть, все помнить и всему научиться, пока осталось время до новой войны. О врагах, о контрреволюции припоминайте! Она была в каждой щели — нас предавали

денно и нощно. Мы были окружены и взяты за горло. Анархия точила наши ряды. Белая гвардия стояла в десяти верстах от Питера. Белая гвардия наготове сидела в подполье в Москве и ждала только сигнала... И мы им дали «сигнал»...

Второй старшина. Мы закрыли учреждения. Мы остановили пассажирский транспорт. Мы взяли наганы, поголовно подняли рабочий класс и пробили череп контрреволюции. Мы повторяли эти удары всегда во-время и устрашающе... История свидетель этому! И если вновь придет день, когда попытается враг напасть на нас, мы снова повторим удар, с которым ничто не сравнится...

Командир, за которым идет боцман.

Командир. Ну, что ж, боцман, попробуем служить новым хозяевам. Жизнь меняет нам хозяев.

Боцман *(осторожно)*. Так точно. Кто ее разберет.

Командир. Но знаешь, боцман? Со всем примирился бы, если бы они умели служить. Разве у них есть служба? Ну, вот тебе, боцман, разве они тебе повинуются? Старость твою уважают?

Боцман *(вздохнув)*. Где уж!

Командир. А ведь были же люди, была служба...

Боцман. Действительно, была раньше служба, была! Живопись, а не служба.

Командир. Неужели не наладим?..

Боцман *(неожиданно для командира)*. Этих хоть научить, тогда и помирать можно.

Командир *(меняясь)*. Да-а... Боцман... Собрать людей!

Боцман. Есть собрать людей! Горнист.

Горнист даст повелительно вибрирующие звуки. Они вызывают представление о службе, быстроте, исполнительности.

А ну, пошел все наверх!

Выбежал строевым шагом высокий матрос. Чуть медленнее за ним старый матрос, еще один, другой. За ними появляется Рябой. Он нетороплив, безмятежен и ленив. Ему подражают несколько человек.

Старый матрос. Ну, вы, свободомыслящие...

Рябой. Какое беспокойство?

Боцман. Сигнала не слышал? Службу забыл?

Рябой. Ну вот, забыл.

Горнист даст повторный сигнал. Кто-то, повинуясь, встает в строй. Другие демонстративно перед офицером бредут, засунув руки в карманы, зевают ему в лицо, потягиваются. Все затихают, как всегда, когда появляется вожак.

Вожак. Почему шум?

Командир (*властно*). Где ваше место?

Испуганная тишина.

Вожак (*сдержанно*). Боцман!

Боцман. Есть!

Вожак. Объясни этому... Пусть отряд отдыхает.

Боцман виновато повторяет: «Приказано передать — пусть отряд отдыхает».

Отдых — тоже служба. Завтра поход? Поход. Ну, так пусть запасутся силами. Не тревожить ничем.

И боцман снова повторяет: «Приказано передать, чтоб не тревожить ничем».

Пусть играет музыка, полегче чего-нибудь. Капельмейстер!

Капельмейстер (*подлетев*). Есть!

Вожак. Полегче чего-нибудь!

Капельмейстер кинулся исполнять.

Рябой (*роскошно развалившись*). Отдохни боцман. Приказано не тревожить ничем.

Горько стоит боцман. Ведя за собой нескольких, появляется Сиплый. Он в гневе и ярости. Люди чувствуют, что что-то случилось. Начавшая было играть музыка затихает. Ее обрывает Сиплый.

Сиплый. Помолчать пока! Обнаружено — хуже чего нет среди революционных моряков. (*В люк*). Тетю эту, комиссара в юбке, сюда не пускать.

Один послушно встал на страже.

Обидели старую женщину. Кошелек похитили. Пусть она войдет.

Черная, согнутая временем женщина входит. Ее поддерживает один матрос.

Вожак. Говори, мать.

Сиплый. Смотри, мать, который обидел матрос?

Люди смотрят друг на друга.

Покажи, мать, кто?

Вожак. Стать, ну! Суд будет.

Поддерживаемая под руку, старая женщина идет по неровным тревожным рядам. Женщина смотрит то долго, пристально, то качает головой и движется дальше. Высокий матрос с насмешливым, высокомерным выражением лица следит за всем.

Сиплый *(вдруг)*. Не этот, мать?

Пауза.

Этот?

Женщина молчит.

(Высокому матросу.) Взял?

Пауза.

Показывай себя.

Высокий матрос. Отставить!

Сиплый. Закон знаешь?

Высокий матрос. Чей закон?

Сиплый. Так? *(Взглянул на вожака.)*

Вожак. Давай.

Сиплый *(подручным)*. Давай.

Подручные молниеносно тащат брезент и веревки. Ряд шелохнулся, сдвинулся.

Последний раз, показывай себя.

Высокий матрос. Повторять не буду. Власти анархистов не признаю.

Сиплый. Высказывайтесь.

Командир. Есть же трибунал.

Сиплый. Ваше дело — техническое.

Старый матрос. Товарищи!

Сиплый. Твое дело при комиссаре. Политическое. Газетку носить.

Командир. Это самосуд! Я протестую.

Вожак. Помолчать! Решим просто и быстро. Высказывайтесь.

Часть рук поднимается вверх. Их явно недостаточно. Сиплый с маузером проходит по рядам и подбодряет людей короткими движениями. Некоторые тогда также голосуют.

Сиплый. Лезь.

Высокий матрос. Я...

Сиплый. Не произноси. Приговор окончательный. Обжалованью не подлежит.

Подручный. За борт!

Несколько человек кинулись на высокого. Он сбил одного, двух... Свалка. Высокого поволокли.

Высокий матрос. Товарищи!.. Да что же они делают...

Погребальный всплеск тела.

Голос. Готов.

Сиплый. Справедливость, мать.

Старый матрос. Вы за это ответите.

Сиплый. Это дело другое. Оркестр, продолжай. *(Женщине.)* Мать, иди. Обида снята.

Рябой. Помочь ей, чем можно.

Деньги падают в сухую ладонь. Женщина растерянно и благодарно кланяется, не уясняя того, что произошло: так необычайна вся обстановка. Женщина машинально нащупывает карман, чтобы вынуть похищенный кошелек, и вынимает его. Музыка спадает. Тишина. Женщина удивленно и растерянно, затем испуганно смотрит на кошелек.

Сиплый. Кошелек.

Рябой. Кошелек?

Тишина.

Вожак. Покажи.

Сиплый. Анархия — мать порядка... Еще брезент.

Рябой *(загораживая дорогу)*. Помиловать!

Голос. Она нечаянно.

Старый матрос. Она ж ошиблась.

Старуха. Детки... сыночки... Господи! Ошиблась я.

Сиплый. Справедливость!

Со злобной быстротой женщина втиснута в брезент и поднята.

Вожак *(уходя)*. Не ушиби.

Входит комиссар. С ней командир и боцман.

Комиссар. Начали работать?

Сиплый. Как же... как же... *(В сторону, куда уволокли брезент с телом.)* Мясо грузим... Вы прибыли, и у людей рвение по службе.

Старый матрос *(кинулся вперед)*. Товарищ комиссар, я должен сказать...

Старого матроса оттиснули.

Рябой. Ох, да что же это, братцы?

Звуки гармоники. Свободно, с плясом и свистом, со своей компанией вваливается Алексей.

Алексей *(подходя)*. Команда требует...

Комиссар. Просит.

Алексей. Ну, скажем — желает.

Комиссар. Да?

Алексей. Прощальный бал.

Один из его спутников. По поводу ухода на фронт.

Командир *(комиссару)*. Теперь создаются новые традиции.

Алексей. Держимся традиции — всегда бить царских офицеров. *(И дал лихой перелив по гармони.)*

Боцман. Товарищ комиссар, этот... затрудняюсь сказать, другой комиссар от анархистов, приказал... просил команду не тревожить.

Алексей. Что-о, он противоречить нам собрался? Сделать по просьбе команды.

Пауза. Комиссар над чем-то задумался. Что-то решил. Комиссар вообще больше наблюдает и думает, чем говорит, потому что он должен сделать очень многое.

Два раза просить, ну!

Сиплый *(подходя)*. Приказано, чтобы шуму не было.

Стало тихо.

Комиссар. Прощальный вечер.

Боцман. Есть прощальный вечер! *(Давая дудку.)* А ну, ходи все на прощальный вечер.

Мелодический свист дудок. Повторы команды. Лихие переливы Алексея и присвист и дробь каблуков у парней. Подчиняясь какому-то сложному чувству, люди затихают, как всегда при приближении вожака.

Вожак *(зажав лапой дудку свистящего боцмана)*. Почему шум?

Всюду затихают повторы дудок. Затихает гармонь Алексея.

Комиссар *(властно командиру)*. Товарищ командир, почему не исполнено приказание?

Командир. Боцман! Открыть доступ прощающимся родственникам.

Боцман *(помедлив, потом решившись, отстраняя руку вожака)*. Есть открыть доступ прощающимся родственникам.

И опять ритмы веселых и лихих парней. И комиссар под одобрительными взглядами одних и испуганными других бесцеремонно трогает, расчетливо и обдуманно, как почти все, что она делает, неприкосновенного доселе вожака.

Комиссар. Слышите! Веселей, я говорю.

Вожак молчит.

Алексей *(играя в упор перед вожаком)*. Он любит смеяться последним.

Комиссар. Значит, у нас совпадают вкусы.

Готовится прощальный бал.

П е р в ы й с т а р ш и н а. Бал. Прощальный флотский бал! Сколько их было в те годы! Уходит отряд — триста, и все, как один, как сосны мачтовые у моря. И буйным шагом шла матросская вольница, пересекая континент. Синие воротники, ветром колеблемые, и белое, и черное с золотом. И сердце с нетерпеливой красной кровью! Прощай, родимый край! Немногие вернулись назад.

В т о р о й с т а р ш и н а. Немногие вернулись назад... Другие, живые, пойдут! И снова уходит отряд с кораблей. Под синим небом идут, и тише становится враг, и пятятся интервенты... Встретился в ходе к Уралу полк офицерский — «Непобедимый». Одну ночь просит матросская цепь — идет, и нет больше полка.

П е р в ы й с т а р ш и н а. Украину пересекают цепи, Таврию. Морем и полынью пахнет, и южный ветер флотские ленточки вьет, распластаны они по ветру... И матросы за Украину жизнь свою отдают! *(Сорвал фуражку.)* Слушайте, если даже один матрос в живых останется, не считайте наш флот конченным, а моря наши отданными.

Первые движения бала. Двинулись первые пары в лирической волне вальса, печальной и воинственной. Голубая ночная дымка над морем. В ритмах чуть сдавленная грусть, которая может длиться упоительно долго, пока рука чувствует руку, и тело чувствует тело, и глаза не отрываются от глаз. Пересекая ритмы, проходят люди с вооружением. Все соединяется в этом бале: забытье, тревога, любовь, чей-то ревнивый скрежет, легкомыслие, двоевластие... Сигнал вибрирует, зовет в ряды. Пары медленно разъединяются, приходит время прощания. Лица нескольких женщин белы от отлива крови. Кто-то цепляется за уходящих. Кто-то крестит сына и мужа. Кто-то падает в ноги. Чей-то вопль сжимает сердце. Минуты военных прощаний. Вальс агонизирует. Комиссар сдерживает отчаяние одной обезумевшей. Матросы двинулись. Женщины в глубоком молчании, застыв, смотрят на уходящий полк. Блеснула медь. Полк гремит буйно вырвавшимся грохотом песни. В вечерней тьме сверкают глаза и зубы в раскрытых ртах, буквы корабельных имен на ленточках. Линия набережной, где остались женщины, медленно уходит прочь, расстояние ежесекундно увеличивается. Люди еще оборачиваются, чтобы посмотреть на родимый город, на своих, и салютуют им бурным оружейным залпом.

АКТ ВТОРОЙ

Тревожная, настороженная тишина. Слабо различимый горизонт. Тучи. Равномерное движение цепи. Музыка передает первые звуки боя. В цепи матросской зияют бреши. Видно, как падают подкошенные люди. Не выдержав, матросы метнулись назад. Навстречу резерв. Простой командой комиссар останавливает людей, бегущего Алексея: «Не в ту сторону наступаете, военные моряки! Ну! Ложись!» Полк залег. Цепь противника идет, как серая лава. Командир встал и дал «ура». Начатое в ярости, оно медленно вздымается и валом катится вперед, нарастая. Полк с нарастающей стремительностью рванулся на противника, и боевой рев постепенно затихает в пространстве. Перед нами прошла ночная атака. Музыка передает удаляющийся бой и наступление утра у моря. Звуки развертываются гармонически чисто, входя в кровь. Стоянка полка. Комиссар у себя. Она пишет.

Комиссар *(перечитывая)*. «Дорогая, ну, вот я и на месте. Здесь здоровый климат, и моим легким, наконец, вздохнется. Не знаю, как справлюсь с этими людьми,— народ трудноватый. Откровенно говоря, не сплю ни одной ночи... Думаю, что меня поймут и пришлют хотя бы одного товарища в помощь...»

Стук. Комиссар: «Войдите». Вошел боцман. Кашлянул, снял фуражку.

Боцман. Дозвольте доложить, товарищ комиссар?

Комиссар. Давайте, боцман.

Боцман *(по очереди вынимая бумаги)*. Так что к подписи — требовательные ведомости на боевое и прот-

чее снабжение, кое необходимо для вновь образованного полка сообразно штатам и положению. Ниже следует *(показал)* — никак нет, вот это — продовольственная требовательная ведомость.

Комиссар. Давайте. *(Просматривая.)* Что они себе тут повыписывали! Сливочное масло! Его детям нехватает. Здесь полезнее теперь ружейное масло выписывать, боцман.

Боцман. Так точно. Двадцать пять лет выписывал — до переворота.

Комиссар *(указывая на ведомости)*. Заново переделаете. Штаты дайте. *(Посмотрела.)* Правильно... Так... *(Подписала.)* Возьмите.

Боцман. Могу итти, товарищ комиссар?

Комиссар. Можете, боцман.

Боцман *(повернулся, пошел, возвратился, оставив официальность)*. Неужли порядок в России начинается?

Комиссар. Будьте спокойны, начался.

Боцман. И флот и армия мало-мальские хоть будут? Чтобы дух был и чтоб вид у людей был? Держава ж! Морду набить, кому хочешь, должна.

Комиссар. Набьет, боцман. Кому хочешь и как еще набьет.

Боцман. Рад стараться! *(Козырнул и вышел.)*

Комиссар *(возвращается к письму)*. «...Ну, как будто и все. Да: привет родному Питеру... Читала, что у вас тиф, береги себя...»

Без стука, улыбаясь, входит Вайнонен.

Вайнонен. С добрым утром, товарищ комиссар.

Комиссар. А, доброе утро, Вайнонен.

Вайнонен. Ты что, все пишешь? Смотри, голова лопнет. Донесение?

Комиссар. Да, вроде... Пишу, что полк представляет хороший, скажем, удовлетворительный боевой материал, но в своем развитии от других частей отстал, так как находится под большим влиянием трех субъектов.

Вайнонен. Анархистов, чортовой сволочи, сат-тана!

Комиссар. Вот-вот. Давай-ка поговорим. Чем ты это объяснишь — влияние этих «сат-тан»? А ты что тут делал?

Вайнонен. Я... да я... да, что я...

Комиссар. Не очень ясный ответ.

Вайнонен. Да-а... Я не очень говорю по-русски. Что тут можно сделать. *(Философски.)* Я вот сам не знаю: отчего это, знаешь, один человек имеет власть над другим, а другой нет? Как это выходит?

Комиссар. С тобой о деле говорят? *(Встала.)* Люди в полку есть. Видал, как дрались... Обдуманно будем действовать — полк наш.

Вайнонен. Ну, давай, давай — как?

Комиссар. Как? А вот как. Прежде всего собрать партийцев. Затем, между прочим,— столкнуть лбами вожака и этого, как его?..

Вайнонен. Алексея.

Комиссар. И, наконец,— прощупать офицера.

Вайнонен. Столкнуть вожака и Алексея?.. Хорошо ли это?

Комиссар. Это необходимо и, значит, хорошо.

Вайнонен *(встав)*. Ну, тогда так можно все оправдать... Ты не очень кидайся таким. Человек все-таки на каторге был. И зачем раскол в отряде?

Комиссар. В полку, Вайнонен, а не в отряде, и не раскол, а отбор. И заруби себе: в партийном порядке сделаю я, и ты сделаешь все, вплоть до уничтожения негодной части полка, чтобы сохранить здоровую. Понятно?

Вайнонен *(задумался)*. А этот, их вожак... Ты его мало знаешь... Это сила, такая хитрая сила...

Комиссар. Не спорю.

Вайнонен. А этот офицер? Стенка об нем страдает. Так прямо и плачет. Я у него обыск сделаю.

Комиссар. Подождешь, я сама займусь им.

Вайнонен. Исповедь ему сделай.

Комиссар. Иди, иди. Он у меня сейчас будет.

Вайнонен. Знаешь, а если он контрреволюционер, то можно «налево», раз мешает. Сразу человек смирный будет.

Комиссар. Иди, сказала. Я разберусь.

Маленький финн уходит. Он встречается с командиром и, полный подозрений, смотрит ему вслед.

Пожалуйста. Вы точны.

Командир. Старое флотское качество.

Комиссар (*шутя*). Вы удивительны — моряки. Все добродетели — это, конечно, флотские качества?

Командир (*в тон*). Если не все, то большинство.

Комиссар. Вы давно во флоте?

Командир (*несколько вызывающе*). На флоте у нас говорят; «на флоте» — двадцать лет. С десяти лет. Если угодно считать иначе — двести лет.

Комиссар. Двести?

Командир. Да. Мы, наша семья, служили еще Петру.

Комиссар. Да?

Командир. Да. Императору Петру... Есть ряд таких старых флотских семей.

Пауза.

Комиссар. Вчера вы показали себя отлично.

Командир. Профессионально, не больше. (*Улыбнувшись.*) И потом, присутствие дамы...

Пауза.

Комиссар. Вы можете мне ответить прямо, как вы относитесь к нам, к советской власти?

Командир (*сухо и невесело*). Пока спокойно.

Пауза.

А зачем собственно вы меня спрашиваете? Вы же славитесь уменьем познавать тайны целых классов. Впрочем, это так просто. Достаточно перелистать нашу русскую литературу, и вы увидите...

Комиссар. Тех, кто «бунт на борту обнаружив,

из-за пояса рвет пистолет, так что золото сыплется с кружев, с розоватых брабантских манжет». Так?

Командир *(задетый)*. Очень любопытно, что вы наизусть знаете Гумилева. Но о русских офицерах писал не только Гумилев — писал Лермонтов, Толстой...

Комиссар. Ну, знаете, Лермонтов и Толстой были с вами не в очень дружеских отношениях, и мы их в значительной мере сохраним для себя. А вот кстати, вы сохранили бы искусство пролетариата?

Командир. Вряд ли. Впрочем, если указанный пролетариат сумеет создать второй Ренессанс, вторую Италию и второго Толстого...

Комиссар. А знаете, ничего второго не надо... Будут первые, свои... Для этого даже не потребуется двухсот лет, как потребовалось вам.

Командир. Вы рассчитываете на ускоренное производство, серийно?

Комиссар. Я рассчитываю на элементарную серьезность и корректность.

Командир. Вы же сами взяли на себя очень тяжелую обязанность — просвещать взрослых. Мне жаль вас. Мне тоже приходилось просвещать — новобранцев. Я объяснял. *(Ироническая игра рук.)* Вот тут вера, тут государь,— он был, между нами, мягковат,— вот тут отечество — Россия. И немножко о будущем. Обязательно о светлом-светлом будущем. И вам, бедной, приходится делать то же самое: вот тут программа, а тут светлое-светлое будущее... *(Зашагал.)*

Комиссар *(улыбнувшись)*. Если ничего не изменилось, почему же вы нервничаете?

Командир *(горько, недобро)*. Счастье и благо всего человечества?! Включая меня и членов моей семьи, расстрелянной вами где-то с милой небрежностью... Стоит ли внимания человек, когда речь идет о человечестве.

Где-то вдалеке играет гармонь,— вероятно, это Алексей.

Могу себя считать свободным?

Комиссар *(взяв телефонную трубку)*. Пришлите Вайнонена.

Командир *(выпрямился)*. Я задержан?

Комиссар *(чуть помедлив)*. Я очень рада, что вы говорили прямо и честно. *(Подошла, пожала руку.)*

Командир *(растерянно)*. Благодарю вас.

Командир, поглядев на комиссара, вышел. Маленький финн входит.

Вайнонен. Ненадежный тип, а?

Комиссар. Этого человека не трогать. Понятно?

Вайнонен. Уже проверила? Смотри...

Комиссар. Знаешь, Вайнонен, что я о нем думаю? Он растерян, бравирует, барахтается, но служить он нам будет. Не продаст себя этим господам иностранцам...

Вайнонен. Я что-то плохо понимаю... Ты, может, ошибаешься?

Комиссар. Во всяком случае можно опираться на него против тройки анархистов. И отчасти пока на тройку против него, если он затеет что-нибудь такое... Ясно?

Вайнонен. Не очень. Я плохо говорю по-русски.

Комиссар *(повысив тон)*. А ты оставь это «плохо понимаю, плохо говорю», а то... *(Взгляд.)*

Вайнонен *(вспылив)*. Ты что подряд сегодня экзамен делаешь и учишь? *(Помолчав, улыбнулся.)* Это хорошо... «Ученье — это свет, а неученье — это... это... темнота». Кажется, это так говорят по-русски?

Комиссар. Приблизительно так, Вайнонен. Ты даже русские пословицы знаешь? Алексея позвал?

Вайнонен. Есть позвал. Вон... *(Кивок в сторону, где слышна гармонь.)*

Комиссар. Давай его сюда.

Финн вышел, позвал. Неторопливо с гармонью входит Алексей. Он занят вариациями и говорит в паузах.

Алексей. Аккордеон называется, или гармония. Народный инструмент. Божественный предмет. В смысле настроения.

Комиссар. Хотела побеседовать, не помешала?

Алексей *(усаживаясь)*. Ничего, не бойся, валяй. Люблю с женским полом о жизни говорить.

Комиссар. Чудная тема. Ты это куда вчера из боя направлялся? Заманивал противника?

Алексей *(растерявшись, встал)*. А... я...

Комиссар. Или, может, у тебя такой приступ классовой ненависти случился, что ты и смотреть на белых не мог, а? Спиной повернулся?

Алексей. Да чего там! Был грех... И на старуху бывает проруха.

Комиссар. Пустяки «старуха». *(Подошла близко.)* Давай поговорим. Расскажи о себе. Ты откуда?

Алексей *(сообразив, начал иронически)*. Ага! Откуда? Из каких? Мещанин, трудящийся мещанин. Имею мозоль — прошу. Мещанин и по паспорту и по духу. И идеи мои, так сказать, запретны — с точки зрения официальной.

Комиссар. Ага, исключительная личность? Анархист?

Алексей. Вроде... да... Ну, что еще пояснить? Дерусь я за себя, поскольку я трудящийся мещанин. И в прочих российских сограждан влюблен я мало. Отношение у меня к ним сдержанное. А вам, вероятно, желательны чувства пролетарские и пылкие, и единение. И также желательно, чтоб вам, как комиссару, такие, как я, не возражали?

Комиссар. Отчего же? Многие возражают... Попробуй.

Алексей. Н-да... Вон белые возражают. Антанта возражает,— все-таки сила,— а Россия их лупит, треск идет.

Пауза.

Комиссар. Один вопрос: за какую политическую организацию ты голосовал на выборах?

Пауза.

Алексей *(помолчав)*. За вас. За список пятый номер. Вы все-таки получше, чем другие... Хотя тоже еще посмотреть надо...

Комиссар. Посмотрите. А вы, товарищ, всякий раз в разговоре поначалу разные словесные букеты запускаете? Для впечатления?

Алексей. Как знать, разберитесь. *(Смотрит на комиссара пристально, и непонятно, говорит он серьезно или издевается. Взял опять заиграл — нежно и меланхолически.)*

Комиссар. Ну, как этот, новый командир? Подозрителен, а?

Алексей. Ты будь поосмотрительнее с этим высоким благородием. Я его помню.

Комиссар. И он помнит. Ну, а вожак?

Алексей *(перестав играть)*. Что вожак?

Комиссар. У тебя с ним дружба?

Алексей. Не знаю. Не разобрать. На Каледина ходили вместе. Дружба, да какая-то такая...

Комиссар. Так я и думала. Он тебя держит крепко.

Алексей *(глянул на комиссара)*. Н-но, меня! Я боюсь этого бугая?!

Комиссар. Боишься... Да-а, порядок вам нужен.

Алексей *(вскочив)*. Порядок? Научилась? Выговариваешь без задержки «порядок»! Да людям хочется после старого «порядка» свободу чувствовать, хоть видимость свободы. Вот до сих пор *(жест)* наглотались этого порядка... по пять, по десять лет... Говорить разучились!

Комиссар. Ты, например, как будто не разучился.

Алексей *(улыбнулся)*. Верно, не разучился. Повторяю за другими: «Вот не будет собственности... Значит, все будет чудно...» Будет, опять будет... Слушай, ведь в нас старое сидит. Сами только и ищем, где бы чего разжиться, приволочь, отхватить. И во сне держимся за свое барахло! Моя гармонь, мои портянки, моя жена, моя вобла. Человека за кошелек казнили. Мало — двоих. Исправится ли человек? Переломит ли он себя? Этакая маленькая штучка — «мое». На этой вот штучке не споткнуться бы. Эх, будут дела! *(Рванул воротник.)*

Комиссар. Легче, форменку порвешь... Ты что же думаешь, мы этого не видим? Слепые? Мы верим в людей.

Алексей. Мужик не откликнется.

Комиссар. Откликнется. Сидят в деревне вот такие же философы, вроде тебя. «Вожаки»... И разводят: «Я да мое... Сами будем жить... Всех к лешаму... Мужицка слобода...» А что они реально могут сделать для завтрашней экономической... тебе это слово понятно?

Алексей кивнул.

...экономической потребности страны? Ну?

Алексей. А я откуда знаю?

Комиссар. Кто для мужика надежен? Либералы, кадеты? Продали они мужика, за полтора гривенника продали... Четыре Думы было, четыре раза продали... Эсеры? О земле сквозь кашель поговорили... и в войну мужика вогнали, в окопы, а сейчас к иностранному капиталу побежали.

Алексей *(мрачно)*. Побежали.

Комиссар. Кто остается? Ну?

Алексей молчит.

Говори, ну, ну... Спорить — так начистоту. Молчишь? А ответь: кто ему, мужику, крестьянину, реально дал мир? На Западе вон и до сих пор бредят войной, захватами... Кто мужику о земле говорил и эту землю дал? Ну? Попробуй оспорить факты. Мужик, говоришь, не пойдет? Пойдет... Не сразу, понятно... мы ему и время дадим: «посиди, посиди, подумай»... Хозяйство будем поднимать. Россию на свет, на воздух выведем. Дышите, люди! И пойдет твой мужик, умный он: «Нельзя ли с вами в долю?»

Алексей *(шутливо, но глубоко)*. В долю — это он пойдет.

Комиссар. Именно... Личность ты исключительная, а мусору у тебя в голове много.

Алексей *(хитро)*. А может, я трепался?

Комиссар стоит, вся прямая, здоровая.

Гляжу я на тебя, ты тут все насчет принципов перебрасываешься, а я... не стыдно признаться — вот думаю: отчего такая баба и не моя? Отойди, а то...

Комиссар. Опять браком заинтересовался?

Алексей. Брось. Доберусь я до тебя. Вот тайные мысли свои выдаю. *(Подходя.)* На, слушай, на!

Комиссар *(плеснув воды в стакан)*. На, выпей воды, на!

Алексей *(выпив воду, как водку)*. А может, я трепался? Ну? Тебя проверяю.

У входа командир и боцман. Они остановились, секунду подождали, затем командир двинулся вперед, решительно и твердо. Алексей обернулся, увидел офицера, прищурился и заиграл на гармошке насмешливо и оскорбительно «Чижика».

Командир *(вспыхнув)*. Молчать! Слушать!

Алексей играет. Комиссар остановил его. Стало тихо.

(Читает.) «Боевая служба требует единства и полного подчинения воле начальника. Многоначалие, установившееся в полку, далее нетерпимо...»

Комиссар. Чего вы хотите?

Командир. Полноты командования.

Алексей даже свистнул. Комиссар насторожился.

Комиссар. Полноты командования? А почему вы читаете? Это какой-нибудь общий документ?

Командир. Я читаю потому, что в Морском корпусе нас не учили болтать на служебные темы. Службу несут — о ней не говорят. Хотя теперь ценится уменье болтать. *(Кивок на Алексея.)*

Алексей *(кинувшись)*. Я тебе поболтаю, белое горло.

На секунду глаза невольно устремляются на чистый воротничок командира. Неизменной манерой своей входит вожак. С ним Сиплый. Он начинает, сдерживаясь, обращение.

Сиплый. В отряде...

Комиссар. В полку.

Сиплый. Неважно — в чем, важно — что... Среди революционных матросов, не запятнанных ничем, бивших везде офицеров, появилось несколько царских холуев. *(Глядит на командира, потом на боцмана.)* Шкур! Гнид! Отряд узнал, чего они требуют... Мы бодрствуем. *(Комиссару.)* Так вот, товарищ, пока

не поздно, надо спасать отряд от заразы. Тут был свой дух,— революция не может обижаться,— здоровый дух...

Командир. Здоровый? Вы сифилитик!

Сиплый. А может, такой сифилитик лучше здорового контрреволюционера. *(Стуча согнутой ладонью по ладони.)* Ответ, комиссар, ответ!

Комиссар. Я...

Командир. Ответ, комиссар!

Алексей. Ответ, ну!

Вожак. С кем пойдешь?

Комиссар *(помедлив)*. С полком.

Сиплый. Слово?

Комиссар. Слово коммуниста.

Вожак. Повторишь это всем. *(Рванул бумагу из рук командира, смял ее, швырнул на землю. Комиссару.)* Я тебе свою бумагу пришлю. Вместо этой дряни. Подпишешь! *(Кивнул Сиплому на командира и на боцмана.)* Посмотреть за ними! Потом об их судьбе распоряжусь.

Люди вышли. Сиплый следом за командиром. Комиссар остался один.

Комиссар. Так.

Вайнонен *(входя)*. Дела корявые, комиссар.

Комиссар. Зови наших людей, Вайнонен.

Вайнонен *(думая свое)*. Хотя этот офицер... Дворянская кровь...

Комиссар. Зови людей, Вайнонен, на партсобрание.

Вайнонен. Против вожака? Бой начнем?

Маленький финн быстро вышел.

Комиссар *(оглядывая все)*. Да-а... Вот так и приобретается опыт, товарищ комиссар.

По одному входят старый матрос, Рябой, за ним еще несколько человек.

Старый матрос. Что, комиссар?

Комиссар. О делах слыхали?

Старый матрос. Прослышаны.

Комиссар. Что думаете об офицере?

Рябой. Гадина.

Вайнонен. Я же говорил — стенка об нем плачет!

Комиссар. Ты, может быть, помолчишь?

Вайнонен (поворачивая прочь). Я могу и совсем уйти.

Комиссар. Ну?

Маленький финн сел. Сели и другие.

Рябой. Давай к делу. Кого бить надо-то?

Комиссар. Есть сведения: вожак пополненье анархистов вызвал. Ждать надо с минуты на минуту... В другой обстановке, может быть, можно бы с этим вожаком и слова найти, повлиять... Прошлое у него боевое... Но сейчас дело круто: «воспитывать» таких некогда.

Рябой. Давить их всех...

Комиссар. Кого «всех»?

Входит Алексей. Молчание.

Алексей. Кашу варите? Лишний? *(Вышел сумрачный, рванув на неразлучной гармони меланхолическое «Яблочко».)*

Старый матрос *(вслед Алексею)*. Одинок парень.

Один из матросов. Сам виноват.

Вайнонен. Ну, я могу еще насчет офицера что-нибудь сказать?

Комиссар. Уперся в офицера! Не в офицере, а в нас, в партийной организации, дело. Досиделись вы тут.

Рябой. Да сколько нас: раз, два, да и обчелся.

Вайнонен. Сколько? Полмира впереди, целый мир позади и товарищ Ленин посередке. Мало тебе?

Рябой. Может, пойти «поговорить» с ними? *(Двинулся, берясь за наган.)*

Входит Сиплый. Рябой остановился.

Сиплый *(оглядев всех)*. Начальник отряда приказал поторопиться... *(Комиссару.)* И вот приказ, подпиши-ка, друг... Чего смотришь? Это об этом, об

офицере... литер ему в штаб Духонина... Ну да,— на тот свет. *(Подал приказ комиссару. Остальным.)* А вы что же от массы откалываетесь? Ребята, лучше вместе... *(Увидел холодные глаза коммунистов.)* Ну, давайте живо... *(Вышел.)*

Комиссар *(прочла приказ вожака. Сложила его. Порвала)*. Кто готов пожертвовать головой?

Молчание.

Вайнонен. Зачем?

Комиссар. А бывает, что у партии не спрашивают. *(Остальным.)* Ну?

Люди делают движение.

Старый матрос *(встав)*. Я.

Комиссар. Питерский?

Старый матрос. Питерский.

Комиссар. Мы поставим тут все на место... Должны поставить. *(Старому матросу.)* Ты покрепче, видимо. Будешь говорить перед полком. Если убьют, следующий будет говорить *(оглядев всех)* Вайнонен...

Вайнонен. Есть. А о чем говорить? Ты инструкцию дай.

Комиссар. А! Только по бумаге умеешь действовать? А по обстановке? Понятно?

Рябой. Чего не понять! Этого убьют, другого убьют, а ты-то что сама?

Комиссар. Я! Я сама и начну, товарищи.

Старшины полка перед нами.

Второй старшина. Москва. Приказ номер тысяча двести пятьдесят: «В том случае, если партизанский отряд отказывается подчиниться порядку, проявляет разнузданность и своеволие или пытается поднять смуту в регулярных частях, этот отряд должен быть подвергнут беспощадной каре. Наше командование должно в таком случае строго и точно рассчитать удар. Разоружение и ликвидация должны осуществляться в кратчайший срок — не дольше двадцати четырех часов».

Первый старшина. Да, все это так, но сколько в полку наших, вполне надежных партийных людей? Едва шесть-семь человек? Их перестреляют.

Второй старшина. Комиссар и коммунисты обязаны при любых обстоятельствах самоотверженно и стойко, показывая личный партийный пример, сделать все и не ссылаться на трудности.

Вожак, Сиплый и несколько их подручных. Вожак мрачно гудит: «Вихри враждебные веют над нами». Сиплый чистит оружие и вхолостую щелкает подряд несколько раз курком. Звук холодный, четкий, выразительный.

Вожак. Может, выпьем?

Сиплый. Мне надо здоровье беречь.

Вожак. Суета, одна суета кругом... Изжога к горлу подходит... Бога нет, людей нет. *(На своих.)* Разве это люди? Ничего нет.

Сиплый. Зато какая у нас женщина! Вот вся эта волынка кончится, женился бы я на такой.

Вожак. Ха-ха! Грехи бы с ней замаливал. Парня убиенного и старушку? Ан-нархия...

К вожаку подходит матрос: «Там двоих каких-то задержали». Вожак делает знак: «Веди их сюда». Вводят двух задержанных. Привлеченные их приводом, собираются матросы. Пойманные обводят взглядом стоянку полка. Они нигде не видят сочувствия.

Сиплый. Кто вы?

Первый задержанный. Человек.

Сиплый. Скажите — смертный!

Первый задержанный. Как и вы.

Сиплый. Что можете сообщить?

Первый задержанный. Я и мой друг...

Сиплый. Только о себе.

Первый задержанный. Я повторяю: я и мой друг идем из германского плена, из лагеря в Шлезвиге. Мы прошли всю Польшу и Малороссию...

Сиплый. Украину.

Первый задержанный. И нам нужно домой. Наши бумаги у ваших людей. *(Жест на конвоиров; бумаги переданы Сиплому, затем вожаку.)*

Вожак. Какой чин?

Первый задержанный. Оба офицеры.

Матросы задвигались: «Ага!»

Сиплый. Вы в курсе событий, происходящих в России?

Первый офицер. Как и весь мир. Почему вы так недобро смотрите на нас? У меня нет собственности, это, кажется, больше всего раздражает теперь людей. Я был взят по мобилизации.

Вожак. Дальше.

Первый офицер. Я думал... Я волнуюсь, я так много передумал там... Мне можно говорить?

Один матрос, встав, подошел вплотную к офицеру.

На меня так глядят... Не надо, не надо так глядеть. Можно говорить, да?

Сиплый. Можете говорить.

Матрос сел.

Первый офицер. Я думал, что наша русская революция будет светлой, человеколюбивой... Здесь, в нашей России, куда мы, наконец, вернулись, сверкнул первый проблеск человечности... Да?.. Человечности...

Вожак *(грубо)*. А я забыл это слово... И ты забудь!

Первый офицер. Как — «забыть»? О нет, вы ошибаетесь... Человечность должна быть везде... Мне трудно говорить — на меня так глядят... Хотя я все-таки буду говорить! Мне нужно говорить... Я... вы же сами перенесли войну, всё, и старую службу... Отнеситесь же к нам человечески доверчиво, чисто... Вы сделаете так.

Сиплый. Приятное заблуждение.

Несколько человек засмеялись.

Первый офицер. Мы — простые офицеры... Окопники. Мы хотим понять сущность советской власти.

Вожак. Ну, довольно. Перейдем к логике. Вы изучали этот предмет?

Первый офицер. Да.

Вожак. Почему молчит этот? *(На второго офицера.)*

Первый офицер. Он глухой. Контузия.

Матросы поглядели, что-то на нескольких лицах изменилось.

Вожак. Итак, вы офицеры из плена? Идете домой?

Первый офицер. Да.

Вожак *(второму)*. И вы?

Второй офицер растерянно улыбнулся. Первый показал «да», тогда второй кивнул «да».

Так. Из этого выйдет следующее: идете вы домой, а придете к белым, а?

Первый офицер. Мы никуда не пойдем. Ни-ку-да!

Вожак. Если вы не пойдете, вас возьмут силой. Вы должны достаточно знать эту государственную механику. Логично?

Первый офицер. Но он глухой, а у меня... *(И показал покалеченную руку в перевязке.)* Потом, почему к белым?.. Ведь идут и к вам. *(Кивнул на Беринга, которого заметил в толпе.)*

Вожак. К нам? К нам вам ходу нет. У нас единственный такой представитель *(поискав глазами командира, которого стережет один из подручных)*, и мы тоже с ним простимся.

Кто-то посмотрел на командира.

Далее. Все ваше племя под корень поголовно истребить надо. Или мы проиграем революцию. Логично?

Молчание.

Второй офицер *(неожиданно)*. Он позволил домой?

Первый офицер *(сквозь слезы отчаяния)*. Еще минуту... Я так хотел... Мы читали там... о новой России, о Ленине... Зачем же вы хотите применить такую жестокость?

Вожак. Жестокость... Ха-ха! Да мягче меня и этого *(на Сиплого)* на свете людей не сыщешь.

Первый офицер. Последнее слово... дайте... умоляю.

В о ж а к. Это предрассудок буржуазного суда — обманывающая подачка. Не нужно. *(Подручным.)* Веди «налево»!

П е р в ы й о ф и ц е р *(выпрямившись)*. Тогда... имею честь... кланяться. Покорно благодарю... за предсмертную лекцию.

В т о р о й о ф и ц е р *(первому)*. Ну, он позволил домой? Отчего ты молчишь?

В о ж а к. Ведите.

В т о р о й о ф и ц е р. Он позволил домой? *(Вожаку.)* Вы позволили? Да? Спасибо... Меня ждут дома.

С т а р ы й м а т р о с *(выходя перед полком)*. За что же их?

Движение людей.

Г о л о с. Не трогать их!

А л е к с е й *(выйдя к вожаку, указывая на первого офицера)*. Мне нравится этот человек!

В о ж а к. Ведите!

А л е к с е й. Не троньте!

В о ж а к *(врезаясь в толпу и спиной тесня офицеров)*. Ну, а то и защитников... Ведите!

Конвой повел офицеров.

А л е к с е й *(вожаку)*. Ну, смотри!

Входят к о м и с с а р, маленький ф и н н, Р я б о й и еще д в о е.

В о ж а к. Приказ подписали?

К о м и с с а р *(чуть помедлив)*. Да...

В о ж а к. Дай.

А л е к с е й. Видала?

К о м и с с а р. Что, в чем дело?

С и п л ы й. Заволновался. Ликвидируем тут двух.

С т а р ы й м а т р о с. Пленных!

А л е к с е й. Комиссар называется!

К о м и с с а р. Остановить!

Момент, когда решаются судьбы полка. Комиссар оценивает все, свою участь, участь партийных товарищей, участь полка. Алексей, боцман, старый матрос, Вайнонен и еще несколько человек кинулись остановить конвой. Идет нервная передача: «Стой... остановить!» Секунда, другая ожидания. Два выстрела. Тишина.

(Вожаку.) Пленных Красная Армия не расстреливает. Вы это знали?

В о ж а к. Напрасная мягкость. Каждый должен идти туда или сюда.

К о м и с с а р. Они могли прийти сюда. Такие люди будут приходить к нам. В Красной Армии уже двадцать две тысячи офицеров.

В о ж а к. Двадцать две тысячи предательств.

Он поискал глазами командира, некоторые также посмотрели на командира; тот ответил холодным взглядом.

К о м и с с а р. Ленин говорит...

В о ж а к. А я не интересуюсь.

С т а р ы й м а т р о с. А следовало бы поинтересоваться распоряжениями советской власти.

В о ж а к. Н-ну? Мне хватит и своих.

Возвращается к о н в о й, выполнивший приказ вожака.

К о н в о и р *(негромко)*. Там один из них крикнул: «Да здравствует революция!»

В о ж а к. Ну и что? Врал, трусил.

А л е к с е й *(полный бешенства)*. А если нет?

К о м и с с а р *(останавливая Алексея и нескольких)*. Поговорим обо всем этом мирно...

С и п л ы й. Вот люблю рассудительных. Садись.

В о ж а к. Поговорим. Я слушаю общий голос.

Каждый занимает свое место, какое ему нужнее и удобнее.

Ну, говорите.

Люди выжидают, поглядывая друг на друга.

Г о л о с. Поговоришь тут.

К о м и с с а р *(вожаку)*. Ваше превосходство так ценят, что не решаются спорить с вами.

С т а р ы й м а т р о с *(встав и выходя)*. Отчего же?

А л е к с е й *(опережая старого матроса)*. О чьем там превосходстве говорят? *(На вожака.)* Этого? Над кем? Над нами? *(Вожаку.)* Говорить «позволил»? Тебе послушать хочется? При тебе слишком тихи?.. *(Оскорбительно пародируя.)* «Почему шум?»

Вожак *(Сиплому)*. Он заболел.

Алексей *(на Сиплого)*. Это он болен. Сифилитик и твой холуй. Я бросаю тебе в морду, в рожу: ты предатель и изменник.

Вожак. Тебя кто научил? *(Пытливо глядит на комиссара, старого матроса, Вайнонена.)*

Старый матрос *(вожаку)*. Ну, гляди, гляди, властолюбивая скотина. Мы тоже давно наблюдали за тобой.

Вожак. Так, так...

Вайнонен *(выдвинувшись к группе нерешительно молчащих людей)*. Называются военные моряки!.. Молчите? *(Горько сплюнул.)*

В группе оскорбились.

Голоса из группы. Называемся.

Рябой. Кого тут с грязью мешают? Нас?

Голос. Это кого мы, питерские, боимся? Его? *(Жест на вожака.)*

Алексей *(вожаку)*. Ты посчитался с желаниями каждого, когда за кошелек казнили парня? Самосудом, обалдело... Посчитался?

Голос. Нет.

Вожак неподвижен.

Алексей. Ты посчитался с желаниями каждого, когда казнили старуху?

Голос. Нет.

Алексей. Дальше. Ты посчитался с желаниями каждого, когда тебя просили: не тронь эту? *(Указывает на комиссара.)*

Голос. Нет.

Боцман *(на командира)*. А об них?.. Об себе уж не говорю.

Алексей. И об них. Ты спросил согласие комиссара и других, заявляя, что мы простимся с ним? *(Жест на командира.)* А двух калек за что сейчас погубил?

Людской гул.

Вожак. Беспорядок кончить! Вы всего не знаете. *(Встал.)* Открыт заговор. Подробности сейчас будут оглашены. Комиссар, читай.

Вожак стал рядом с комиссаром, уверенно. Общее внимание. Удивление.

Комиссар *(читает текст, который она тут же на ходу составляет)*. «Именем пролетарской революции военно-полевой трибунал в составе комиссара полка и назначенных им лиц...»

Сиплый. Каких?

Старый матрос. Не перебивать!

Комиссар. «...рассмотрев дело о бывшем...

Люди посмотрели на Беринга.

вожаке отряда...

Движение.

и признав его, вожака, виновным в казни без суда и следствия бойцов полка, далее неизвестной гражданки, далее двух пленных, а также в неповиновении комиссару, представителю советской власти, постановляет подвергнуть упомянутого вожака высшей мере наказания...»

Сиплый, по мере чтения приказа, ловит выражение лиц и пятится от вожака. Он предает его.

Вожак *(выхватил маузер)*. Измена! Ко мне!

На вожаке повисают шесть матросов. Вожак стряхивает людей с себя. Но маузер вырван из рук.

(Сиплому.) Куда ты?

Сиплый *(в тисках Алексея)*. Я... я... Он меня заставлял.

Вожак. Да вы прочтите, что у нее там! Там же не то... Измена!

Тишина. Комиссар шевельнул пустым листом. Алексей посмотрел, взял лист, повертел, что-то подумал.

Алексей. Написано, как сказано. Сам дал согласие: слушать общий голос. *(Кинулся на вожака, таща и Сиплого.)* Ну-ка, как ты там говаривал?

С и п л ы й *(в лицо вожику)*. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

А л е к с е й *(комиссару и другим)*. Так?

К о м и с с а р. Так.

Тишина.

В а й н о н е н *(достав патрон)*. Привести в исполнение?

К о м и с с а р. Я думаю, что товарищ Алексей мог бы все устроить.

Алексей повернулся от неожиданности.

В о ж а к *(порываясь в руках шестерых)*. Дайте последнее слово! Алексей, брат! Алеша...

А л е к с е й *(подошел, стряхнул руки шестерых, высвободил вожака)*. Последнее слово? Это предрассудок буржуазного суда, обманывающая подачка. Не нужно. *(Вынул парабеллум.)* Пошли!

В о ж а к. Да здравствует революция!

А л е к с е й *(поддав вожака плечом)*. Бро-ось!

Алексей повел вожака. Матросы ждут. Выстрел.

Б о ц м а н. Прими, господи, душу усопшего раба твоего.

В а й н о н е н *(комиссару, которая стоит как-то задумчиво)*. Слушай, что ты опять там думаешь? Ей-богу, голова лопнет.

К о м и с с а р. Какое тебе дело, Вайнонен? *(Командиру.)* Товарищ командир, вы освобождены. Приступите к исполнению служебных обязанностей.

К о м а н д и р *(выпрямляясь)*. Есть.

Неожиданно песнь откуда-то, ближе, ближе. Г о л о с: «Подкрепление анархистов!» С шумом и привычной безнаказанностью вваливается г р у п п а н о в ы х м а т р о с о в в походном, небрежно носимом снаряжении.

Г л а в а р ь п о п о л н е н и я а н а р х и с т о в. Товарищам отрядничкам — привет. Анархыстам! Вот навэрбовал красавцев. Варфолломейевские ночьки дэллать! На поддержьку дорохому вожачьку! *(Заметил женщину и Беринга.)* А этых игде поймаллы? *(Весело и жестоко разглядывает комиссара и командира, не*

подозревая ничего.) Офицэр и с супругой? Чьто — попались? Счяс пoхаварим... *(Сиплому.)* О братан, здорёв? Где вожак? Тысячю лэт его не видал! Как его здэровье? Его все муччила пежоха. А теперь как?

Сиплый. Теперь больше не мучит.

Главарь. Чиво ты не разхаворчивый?

Комиссар. Объясните ему! Покороче.

Сиплый. Мм... Вот что... Кокнули твоего вожачка, да, да. Убрали. Сволочь он был.

Главарь. А у тебя прохрессивный паралыч ужже сюда добрался? *(Показывает на череп.)*

Сиплый *(оттолкнув руку)*. Ладно, мое дело, куда добрался...

Алексей возвращается. Швырнул на землю фуражку, пояс и кобуру вожака.

(Главарю.) Узнаешь?

Главарь пришедшей группы смотрит и вытягивает шею судорожным движением.

Главарь *(своим)*. Братва! Измена...

Группа зашумела.

Вайнонен. Ну, вы, осколки... Тихо... Ваша лавочка кончена, теперь служба начинается. А то по лишней дырке в голове сразу вам сделаем.

Группа видит силу: полк.

Комиссар. Боцман, займитесь ими.

Боцман. Есть. *(Пополнению.)* Становись! Направо рравняйсь! Отставить! Не дыхай там! Н-ну! Направо рравняйсь! Смир-рно, рравнение на середину!

Группа стала смирно. К ней подходит комиссар.

Комиссар. Здравствуйте, товарищи!

Главарь. Привэт.

Комиссар *(подходя ближе, строго)*. Еще раз... Поучитесь... Здравствуйте, товарищи.

Нестройный ответ. Полк шевельнулся угрожающе: «Ну-ну!»

(Пополнению.) Плохо. Еще раз здравствуйте, товарищи.

Г р у п п а *(чувствуя, с кем имеет дело, после паузы)*. Здрас-сс!

К о м и с с а р. Так. Поздравляю с прибытием в Первый морской полк регулярной Красной Армии!

Г р у п п а. Служим трудовому народу.

Б о ц м а н. А-а-а, вспомнили...

К о м а н д и р *(комиссару)*. Ну, знаете,— поразительно быстро.

К о м и с с а р. Да, значительно меньше двухсот лет понадобилось.

С и п л ы й *(непринужденно присоединяясь, командиру)*. Да, да... Вы нас узнаете. Побольше бы таких коммунистов. *(Похлопал комиссара по плечу.)*

Б о ц м а н *(заметив)*. Ну, ты, встань в строй!

К о м и с с а р. Выступаем в поход, товарищи.

Полк стоит четким массивом. Он двинулся. Ритмы волнующи и широки.

Ну, товарищи, теперь — первое здравствуйте в регулярной Красной Армии!

Полк дает громовой ответ. Он звучит как первый крик могучей армии. Движение полка прекрасно.

АКТ ТРЕТИЙ

Сумерки. У комиссара боцман, старый матрос и Вайнонен.

Комиссар *(кончая разговор по телефону)*. Да, да... Так... Давайте... *(Положила трубку.)* Так вот, товарищи, у вас тут было достаточно разговоров и очень недостаточно боевой деятельности. Пора действовать. Время нам дорого. Я на походе уже советовалась с командиром о ряде вещей. *(Старому матросу.)* Ты, дорогой друг, примешь батальон.

Старый матрос. Какой же из меня командир? И всего-то-навсего я кочегар.

Комиссар. Все мы пока начинаем... Ну, на эту тему разговор продолжать не будем.

Боцман. Оно действительно на сухом пути все-таки нам непривычно, тем более командовать... Пехотным делом мы брезговали.

Комиссар. А теперь брезговать перестанете.

Боцман. Есть.

Входит командир.

Командир. Есть новости военного значения.

Комиссар. Пожалуйста.

Командир посмотрел на старого матроса — удобно ли говорить при рядовом.

Вас что — смущает присутствие этого товарища? Представляю: это новый командир батальона, о котором мы говорили, ваш ближайший помощник.

Рукопожатие.

Вайнонен. Жалко, что нет какого-нибудь там маленького батальона для меня.

Комиссар. Подождешь — подыщем. Подучишься. Так давайте, товарищ командир.

Командир *(передавая информацию комиссару)*. Информация короткая, но достаточно выразительная. Пехотная имперская бригада, переброшенная противником с западного фронта, двинута на наш участок.

Боцман. Имперская бригада? В девятьсот восьмом году видел. За границу когда ходили.

Командир. Совершенно так.

Комиссар. И что вы полагаете, товарищ командир?

Вайнонен и старый матрос придвинулись к командиру.

Командир. Мои соображения таковы. *(Показывает по полевой карте.)* Вот наше место. Мы располагаем тремя батальонами. Полагаю два батальона выдвинуть вперед — тут есть удобные рубежи. Один батальон я бы оставил в резерве... С ним мог бы остаться вот... новый командир батальона.

Молчание.

Комиссар *(повторяет, продумывая)*. Выдвинуть два батальона. Один батальон в резерве. Так. Все правильно — с точки зрения старой практики и устава. Но правильно ли это в наших условиях?

Входит Балтийского флота матрос первой статьи Алексей.

Алексей *(оглядев всех)*. Может, я опять лишний?

Комиссар. Нет, ты не лишний. Садись. Ну, как там наша морская публика?

Алексей. Ничего, живут... Воздухом дышат... На женское население поглядывают. *(Серьезно.)* Слух есть, вроде чего-то затевается?

Комиссар. А вот без всяких слухов: на нас надвигается противник, кадровая бригада.

Алексей (*сорвался*). Даешь!

Старый матрос. Что даешь, как даешь, где даешь? (*Иронически.*) «Даешь»!

Алексей (*сел*). Ну, что ж, стратег я, что ли, какой? (*На командира.*) Это вот они специалисты.

Комиссар. Товарищ командир уже внес свое предложение: ждать противника и потом встретить его. Как об этом думаете?

Товарищи молчат.

По-моему, это предложение не годится. (*Командиру.*) Вы не сердитесь... Уж если противник определен и двигается на нас, его надо бить, не ожидая, и так бить, чтобы не встал.

Алексей. Жму руку.

Боцман. Это по-флотски!

Комиссар. С нас хватит старой российской практики: вытянуться в поле в жидкую цепочку, лежать в грязи на брюхе, сзади какой-нибудь жалкий резервишко сидит, а противник бьет, как хочет, справа и слева. Предлагаю — это пока лишь мое личное мнение — начать охват противника.

Алексей. Ого!

Комиссар. Ваше мнение?

Командир (*сухо*). Вариант ваш радикальный, и я бы... Но раз это исходит от партийной стороны...

Комиссар. Тогда на втором варианте и остановимся. Ваши распоряжения?

Командир. Одну минуту... (*По карте.*) Это двухверстка? Так... Сей-час... Та-ак... Одну минуту... (*Делая наметку.*) Первый батальон остается тогда на месте, выставляет охранение и принимает на себя весь удар, не уступая ни дюйма. Два батальона — второй и третий — скрыто выступают... Так... Начинают обход — здесь верст двадцать — и наносят совместный удар. Вот здесь. (*Указал.*)

Комиссар. Надо подобрать для руководства надежных людей.

Командир (*сухо*). Несомненно. Это функции ваши.

Комиссар. Я думаю, что с двумя батальонами пойдете вы лично и с вами ваш новый помощник. С первым батальоном останется... *(поглядела на людей)* останусь я, со мной боцман и Алексей.

Вайнонен. Ну, а я... *(Комиссару.)* Давай я пойду за этим офицером... ей-богу.

Комиссар. Пойдешь со мной, Вайнонен.

Вайнонен. Есть.

Комиссар *(Вайнонену)*. Погляди там — никого лишнего нет?

Вайнонен посмотрел у дверей, сделал знак, что никого нет.

Командир. Наносить придется совместный удар так: первый батальон — удар фронтальный, второй и третий батальоны — удар по тылам противника. Время удара — пять часов перед рассветом. Прошу сверить часы. Сейчас одиннадцать часов тридцать минут.

Командиры сверяют часы.

Старый матрос. В пять часов.

Комиссар. В пять часов.

Часы сверены.

Командир. Детали, маршруты, рубежи будут даны дополнительно.

Комиссар. Я бы хотела обратить внимание на то, что это первое серьезное испытание полка... Да, об операции хранить полную тайну. Если кто-либо попадется в руки противника, пусть там, что угодно,— умирать, но молчать. Для противника все должно быть полнейшей неожиданностью.

Вайнонен. Есть. Будем хранить полную тайну. До смерти.

Комиссар. Ну, как — выдержит полк испытание?

Командир. К сожалению, даром предвидения не обладаю. Советую двигаться. Время идет.

Отдаленные ночные команды и ритмы. Батальоны начали операцию.

Первый старшина. Пошли, пошли... *(Прислушиваясь, повторяет тихо.)* Ать, два, три,

четыре!.. Вот он, первый регулярный шаг... Вот движение армии, где каждый знает, зачем и куда он идет... Ты, романтика, в сердце моем!.. Красная Армия — тебе молодость наша. Когда нам по восемнадцать лет было, мы говорили со всем миром: «Всем, всем, всем!» Мы вспоминаем все походы наши и призывы: «В последний грозный час матросы Балтийского флота поднимают свой голос!» Вспоминаем весь великий путь товарищей наших, пехотных дивизий и конных корпусов... Все вспоминаем... И когда падал один, как будто вырывали кусок собственного тела...

Второй старшина. Светило нам солнце, сверкали имена — Ленин, Сталин, Ворошилов. И улыбки, и шестиорудийные залпы армии нашей взлетали над равнинами и над горами. Мы делали поход. Мы шли год за годом, днем и ночью, в сутки по семьдесят верст... Мы переплыли все реки — от Вислы до Амура. И всюду мы ставили свои посты.

Ночные полевые караулы занимают места. Опять ночные открытые пространства, наполненные запахом соли, иода, рыбы и полыни. Часовой (Сиплый) и подчасок (Вайнонен).

Сиплый. Ну, теперь гляди, Вайнонен.

Вайнонен. Гляжу.

Сиплый. И назад гляди.

Вайнонен. Назад?

Сиплый. Пропал, погиб верный товарищ... Измена в полку.

Вайнонен. Ты думаешь? А? Действительно, этот офицер, чорт его знает...

Сиплый. Какого человека на офицера сменяли! Слепнут товарищи, старое забывают... Пропадет и эта.

Вайнонен. Ну, такая не пропадет. И довольно разговоров. Надо смотреть—каждую минуту противник ударить может.

Сиплый. Смотри, не смотри, вот тебе слово, порви мне горло, пропадет теперь полк...

Вайнонен. Ничего.

Сиплый. Пойдем, Вайнонен, в степь, в плавни, пойдем по тропкам, над морем... К верным придем. Найдем правду.

В а й н о н е н. Теперь я и тут найду. У нас завтра организационное собрание партийных. Уже есть и партийные и симпатизирующие. Это все комиссар. Она так завернула — назад не отвернешь.

С и п л ы й. А что она там затеяла? Об чем совещание было?

В а й н о н е н. Не знаю.

С и п л ы й *(скрипнув зубами)*. Не знаешь? Старому товарищу не доверяешь? Девятьсот пятому году не веришь?

В а й н о н е н. Ну, ты, девятьсот пятый, сиди тихо, а то я тебе...

С и п л ы й. Закурим?

Завернули. Сиплый нагнулся и через плечо Вайнонену подал зажженную спичку. Увидел на поясе у финна нож. Тихо и быстро вытащил его. И удар ножа в спину, внезапный, валит подчаска. Еще удар.

(Над телом.) Кого покорить хотите? Покуда хоть один вольный хозяин на вольной земле будет, давить вас будем. *(Вытер нож пальцами.)*

Сиплый, отходя, смотрит на подчаска. Потом возвращается и усаживает мертвого на пост. Тело обвисает и, склоняясь, падает набок, стукаясь головой о степные камни. Сиплый поправляет тело, настойчиво и сноровисто. И когда остается доволен, вскинув винтовку и проверив патроны, трогается в путь цепким шагом, весь в изготовке, с пронизывающей все его существо мыслью, мрачно произносимой вслух.

Да здравствует анархия!

Подчасок медленно стынет. Начинается трупное окоченение. Чей-то задушенный вскрик оттуда, куда пошел Сиплый. Ожидание. Движение ползущих людей. Ч е л о в е к в тусклом шлеме дюйм за дюймом подползает к подчаску. Ползущий бесшумен. В темноте он обрушивает удар на мертвеца. Пытливо ощупывает и удивленно смотрит на свалившееся тело. Подползают еще н е с к о л ь к о ч е л о в е к. Часовой мертв, и цепь движется быстро и бесшумно в прорыв.

Где-то в отдалении вскрики, несколько выстрелов, рев: «Полундра!» Тревога. Судорожные вскрики горна, оборвавшиеся на полуноте. Метания врасплох захваченных людей ощутимы. Они не видны, но слишком, до боли понятно, что происходит над линией прорыва. Во тьме несколько фигур ищут укрытия. Это к о м и с с а р и еще н е с к о л ь к о б о й ц о в.

Комиссар. Ложись.

Шарящий луч. Первый выстрел по остаткам первого батальона.

Алексей (*в сторону выстрела*). Зачем обострять отношения? Эй!..

Комиссар. Алексей, ко мне!

Алексей (*подполз*). В чем дело?

Комиссар. Гармонь вынес?

Алексей. Обязательно.

Комиссар. «Вставай, проклятьем...» знаешь?

Алексей. Не, я больше романсами интересуюсь. А к чему именно?

Комиссар. Будешь сейчас играть...

Боцман. Наступа-ю-ют!..

Остатки первого батальона держатся за землю. Они врастают в нее, пуская корни. И Балтийского флота матрос первой статьи Алексей берет с переборами первые аккорды.

Алексей. Ррот-та моя, слуш-шай меня!

Выстрел со стороны противника. Алексей зажигается опасностью, вниманием и одобрением.

Боцман. Наступаю-ют!

Ход противника. И беспощадный огонь.

Алексей. Держись, товарищи! Корму не показывать!.. Первым номером исполнена будет популярно-морская мелодия на тему «Варяг» и его гибель...

Ход противника. Матросы отстреливаются последними патронами.

Боцман. Патроны вышедши!..

Алексей. Вста-ать!

Матросы отрываются от прикрытий. Алексей играет ярее и ярее, стоя во весь рост, опьяненный. Матросы держат «на руку». Алексей швыряет гармонь в лицо противнику, сдирает с себя рубаху, скручивает ее в мокрый от пота тяжелый жгут, и хлещет ею надвинувшихся солдат противника. Матросы стиснуты. Они бьются чем попало. Сопротивление сломлено. Товарищей наших повели сквозь строй...

(*Толкнув, отбросив конвоиров.*) Чего смотришь? На руках несите, сволочи, на руках! К вам не ходим. (*Насмешливо, вызывающе падает.*)

Комиссар. Красной Армии ур...

В рот ей засунут кулак, кляп. В ответ комиссару прощальное и неукротимое «ура» пленных бойцов. Солдаты противника зажимают рты матросам, душат их... Сквозь пальцы врага рвется все сильнее и сильнее «ура». Тишина. Вышли старшины. Глянули друг на друга.

Второй старшина. Товарищи наши в плену!

Первый старшина *(всем нам)*. Вы что думаете — дело их кончено?

Второй старшина. Слушайте. До последнего издыхания, до последней возможности двинуть рукой, хотя бы левой, боец-коммунист будет действовать. Нельзя действовать — есть язык. Убеждай, бодри, заставь действовать других... Не можешь говорить — делай знаки. Тебя повели, избивают — не сгибайся. Не можешь пошевелиться, уже связан, положен, заткнут рот — выплюнь кляп в лицо палачу. Гибнешь, топор падает на шею — и последнюю мысль отдай революции. Помни, что и смерть бывает партийной работой.

Музыкальная интродукция, полная только что отгремевших тем, лихорадочного волнения, предсмертных ожиданий и диалогов с судьбой. Ночные птицы кричат над равниной, пленные матросы спят, обнимая землю. Четверо ходят, как звери в клетке. Стоят часовые, мрачные, как империя. Во сне Алексей повторяет бой, он метнулся, крикнул что-то: «Несите... несите, сволочи!..» Проснулся. Увидел комиссара: она сидит молчаливая, неукротимая.

Алексей. Где я? М-да. Бывают в жизни огорченья. *(Комиссару.)* Дневалишь?

Комиссар. Думаю... Что случилось? Кто у нас на посту был?

Боцман. Вайнонен.

Комиссар. Вайнонен. Что с ним могло произойти?

Бывший главарь пополнения. А можьжет, продалы вас? Боцман, а? Можьжет, хаварю, продалы вас? Вожжачька кокнули, офыцэра оставыли и заснпались.

Алексей *(отталкивая)*. Ну, ты...

Одессит. На тишьшине работай.

Боцман *(одесситу)*. Не бунтуй — покуда здесь территория государственная.

Одессит. А ты катись, жила казенная! *(На комиссара.)* Ага, молчит, думает.

Комиссар. Приходится, и за себя и за тех, кто не умеет.

Одессит. Я тебе покажу, как мы не умэим.

Рябой *(отшвырнув одессита)*. Замолчи, паскуда.

Алексей. У-у, полк бы подоспел.

Комиссар. Тс-с...

Алексей примолк, оглянулся.

Спокойно, Алексей. Будем сохранять бодрость.

Алексей. Держать марку военного флота?

Комиссар. Держать марку военного флота.

Боцман. Время бы команду будить.

Комиссар. Правильно, боцман. И здесь соблюдаете устав корабельной службы?

Боцман. Так точно, тем более противник — иностранная пехота. Подчиняться пехоте вовек не будем.

Комиссар. Не будем, боцман, не будем. Тут территория наша.

Алексей. Душа долой, наша.

Комиссар. Давайте побудку.

И боцман вспомнил всю свою службу, на пальцах вместо дудки дал свист побудки — тихий, аккуратный, точный.

Боцман. А ну, вставай, не валяйся. Какава готово. Какава.

Шевеление избитых тел. Некоторые повторяют привычный свист побудки. Встают здоровенные парни. Боцман и тут как-то направляет их, потом подходит к комиссару и докладывает: «Так что команда встала».

Комиссар. И здесь здравствуйте, товарищи.

Негромко, ровно остатки полка ответили комиссару.

Одессит. Шя... Штожь, так и похибать за ваше «здравствуйте» будем?

Комиссар. Молчать! *(Всем.)* Придет полк или нет — знать мы не можем, но одно знать мы обя-

заны: держать язык за зубами. О том, куда и зачем пошли два батальона, ни слова...

Алексей. Молчать вмертвую, ясно?

Голос. А может, подзалить им? *(Кивок в сторону часовых.)*

Алексей. Чего ты там подзальешь? В переплет возьмут на перекрестном допросе, все погибнем. Сказано, молчать вмертвую. И держаться кучнее, и главное — время выигрывать.

Комиссар. Правильно, Алексей.

Алексей. И волынить надо, кто на что способен, время тянуть — до пяти часов, а там... Эх, тьфу, тьфу, тьфу, не сглазить.

Одессит. Пэрвый раз вижю таких наивных граждан... Вы чьто же думмаети — ви офицера одного отпустыли и он будет итти сам на такое гибельное дэло? *(Жест на часовых.)* Давно смылся ваш юный кэмэндир.

Люди поглядели на комиссара.

Голос. Пожалуй, ведь... а?

Входит офицер войск противника. С ним конвой.

Офицер. Ахтунг! Ну, кто будет давать показаний?

Молчание, крепкое, упорное.

Ви плохо понималь свой положений. Ви есть обреченный люди. Будет тот себя спасаль, кто даст показаний. Ну, кто говориль?

Молчание.

Ну, ви сейчас заговориль!

Конвой вводит Сиплого. Тот увидел матросов, остановился. Легкий возглас удивления у пленных.

Офицер. Известен ли вам этот человек?

Твердое молчание.

Одессит. Пэрвый раз вижю.

Офицер *(Сиплому)*. Объяснить расположение ваш полк.

Сиплый молчит.

Ну! Ви не говориль — то ви пошел к ним, разделиль их *(подыскивает слово)* учэсть... участь. Достаточно ясно я говориль по-русски? Скорей.

Сиплый. Пугай чем-нибудь свою милаху. «Участь»! Плюю! *(На комиссара.)* И на эту тварь длинноволосую плюю. Никому неподвластен.

Офицер *(Сиплому)*. Зачем тогда ви направляль на наш фронт, открываль свой фронт и коголь свой часовой?

Матросы, услышав вопрос, рванулись на Сиплого. Перед штыками остановились.

Комиссар. Где Вайнонен?

Сиплый. Весь вышел.

Матросы опять шагнули к Сиплому.

Кто сунется, перекушу горло.

Офицер. Оставить его тут!

Конвой повел Сиплого в гущу матросов.

Сиплый. Они меня удавят. *(Офицеру.)* Я ничего не знаю. Ее спросите, комиссара. Она все знает.

Офицер. Абфюрен.

Сиплого уводят.

Кто тут есть комиссар?

Напряженная пауза. Кто-то из матросов хочет заслонить комиссара.

Комиссар. Я комиссар.

Офицер. Ви? Следовать за мной!

Комиссар поднялась и пошла.

Алексей. Всех берите!

Комиссар. Спокойно, товарищи. Повидимому, беседа необходима. *(Фразу эту произнесла, вкладывая в нее смысл: оттягивать время.)*

Конвой увел комиссара.

Офицер. Я даваль вам пять минут на размышлений.

Алексей. Извиняюсь, между прочим, который час?

О ф и ц е р. Без один четверть пять. *(Вышел.)*

А л е к с е й. Братва...

О д е с с и т *(в подавленно-нервном состоянии)*. Божьже мой... Божьже мой! Пять минут. *(Алексею.)* Ведь повешают же. Ну, хоть чьто-ныбудь ым сказать.

А л е к с е й. Молчать!

Г о л о с. Молчать!

О д е с с и т. Божьже мой же, как время бэжжит. Мынута, мынута. Так сэйчас вся жизнь пройдет. Как сэкунды бижжат... Раз, два, тры, чэтъыре, пъять, шэсть, сэмь, восэмь, девъять, дэсять... Смерть, смерть идет. *(Смотрит на людей, нервически трясется, начиная смеяться все громче и громче, страшнее. У него выступает пена на губах, он падает и бьется в конвульсиях... Его сгибает дугой.)*

Г о л о с. Один готов, помешался.

Б о ц м а н *(вглядываясь в одессита)*. А ну, давай, давай, еще, еще... Так... Давай, давай — работай. Тут имеются старые психиатры. Двадцать пять лет с вашим братом практиковал.

О д е с с и т *(поднимаясь, как ни в чем не бывало)*. Не вишло... Самасшедших же не расстреливают. Чюдак, присоединялся бы...

А л е к с е й *(рванул одессита за шиворот)*. Женщина держится, а ты, сволочь... *(Отшвырнул одессита.)* Смотреть за ним в оба!

О ф и ц е р и к о н в о й возвращаются.

О ф и ц е р. Время проходиль. Ну, ви обдумаль? Кто даваль показаний?

Матросы обменялись молниеносными взглядами. Все товарищи демонстративно усаживаются. Алексей харкнул и плюнул под ноги офицера. Еще двое матросов сплюнули. Офицер выскочил.

А л е к с е й. Готовьтесь, братья, к концу. Боцман, как думаешь, командир не продаст, подоспеет?

Б о ц м а н. Отвечать за него не могу...

У входа фигура, которая появлением своим заставляет людей умолкнуть. Это с в я щ е н н о с л у ж и т е л ь армии противника. Это последний ритуал. Священнослужитель приближается медленно, осенив моряков крестом.

А л е к с е й. Тс-с...

С в я щ е н н о с л у ж и т е л ь. Они хотят сделать всё воински строго и молча. В сущности они правы; таким доблестным, как они, не о чем говорить с такими доблестными, как вы. *(Подойдя к боцману.)* В каком вы чине?

Б о ц м а н. Боцман.

С в я щ е н н о с л у ж и т е л ь. Вы верите в бога?

Б о ц м а н. Верую во единого бога-отца...

С в я щ е н н о с л у ж и т е л ь. Вы старослужащий и легко могли бы заслужить прощение и доверие.

Обостренное внимание пленных.

Б о ц м а н. Покорнейше благодарю. Не требуется. Присягу принимал.

С в я щ е н н о с л у ж и т е л ь. Вы присягали раньше и своему императору.

Б о ц м а н. Так что в феврале семнадцатого государь-император отреклись — следовательно, освободили.

С в я щ е н н о с л у ж и т е л ь. Как угодно. Я хотел вам помочь. Я хотел спасти вам жизнь, а вы предпочитаете смерть. *(Подходя к Алексею.)* Вы ведь знаете, как это происходит. Разрыв тканей, окоченение. И первый червь проползет сквозь горло в нос. Глаза засыхают. Везде молчание... Так что ж, подумайте. Ведь ни у кого нет другой жизни, только эта единственная, такая крепкая. *(Алексею, тихо.)* Одно слово — и вы спасены... Поймите свои заблуждения. Очиститесь, и мы поможем вам.

Алексей, что-то прикинув, начинает игру: он слушает священнослужителя и изображает растроганного. Он молитвенно складывает ладони, сделав знак в сторону своих: внимание.

А л е к с е й. Говорите, говорите, святой отец, а то мы с толку сбиты и ничего не понимаем, прямо беда.

Алексей делает легкий знак, и еще два товарища начинают игру.

Г о л о с а. Да, да... не понимаем... Беда, прямо беда... темные мы.

С в я щ е н н о с л у ж и т е л ь *(видя нескольких моряков, молящих о помощи)*. Ну, чем вам помочь,

моряки? Вот эти самые губы могут говорить и другие слова, простые, такие человеческие... Вы помните их? *(Успокаивает Алексея, который старательно работает.)* Вы знаете все эти слова. Они звучат на всех языках мира одинаково.

Алексей. Одинаково, одинаково.

Священнослужитель. Повторяйте за мной... «Отче наш, иже еси на небесех...»

Алексей *(толкнув соседа локтем)*. Валяй, крой... «Отче наш, иже еси на небесех...»

Матросы работают превосходно. В отдалении первые звуки вспыхнувшей перестрелки. Матросы приподнялись, потянулись... Пробежал караул по тревоге. Стрельба определенней и ближе.

(Подымаясь с колен и беря священнослужителя за воротник.) Стоп травить, длиннополый! *(И, отшвырнув на сажень попа, рванулся вперед.)* За комиссаром, на выручку, матросы!

Часовые кинулись, чтобы водворить порядок. Первого молниеносным движением стаскивают вниз: только метнулись вверх поднятые ноги. Матросы ринулись на конвой, беря врасплох. Несколько выстрелов. Упал матрос, упал другой. Алексей и с ним еще несколько прорвались. Скрежет и грохот невидимой свалки. Сиплый спасается, налетает на матросов.

Смерть! Бегство караульных. Ночная паника. Ритмы полка. Матросы несут истекающего кровью комиссара. Они опустили ее на землю. Лавина подходящих наших батальонов приближается с неумолкающим ревом.

Алексей *(поднял руку)*. Тише!

Разгоряченные, влетают матросы обходной колонны. Их ведут командир и старый матрос. Заметив знаки Алексея, боцмана, люди перестают кричать. Над комиссаром несколько человек. Все тише и тише люди.

Молчала до конца. Не выдала.

Командир. Операция выполнена. *(Наклоняясь.)* Вы меня слышите?

Тишина.

Боцман. На десять минут бы пораньше.

Командир. Я сделал все, что от меня хотели... Больше, чем я мог.

А л е к с е й *(опустившись около комиссара).* Товарищ, милый, да как же... Эх, кого теряем, братва!.. Слышишь меня?

Комиссар слабо кивнула головой.

Разгрохали их в дым, в пыль, в порошок... Я гармонь свою обратно вернул.

Комиссар сделала знак, что хочет говорить. Стало необычайно тихо.

К о м и с с а р. Реввоенсовету сообщите, что Первый... морской полк сформирован... и разбил противника. *(Говорит с трудом.)*

Тишина. Люди стоят неподвижно, объятые великой горечью.

Почему так тихо? *(Поглядела сквозь предсмертный туман на командира, на боцмана, на старого матроса, на Алексея — тот стоит с покорябанной гармонью.)* Алексей... Гармонь вынес?

А л е к с е й. Вернул, комиссар, вот она, родная.

И Алексей в каком-то приступе горя и подъема тихо взял на гармони старый мотив, мотив незабвенного 1905 года. Матросы стоят над комиссаром. Алексей играет, потрясенный, и мало-помалу играет все тише и тише. Комиссар угасающим сознанием скользит по товарищам.

К о м и с с а р *(последним дыханием).* Держите марку военного флота...

Мотив почти замирает. Он замер. Комиссар мертв. Полк головы обнажил. Матросы стоят в подъеме своих нервов и сил — мужественные. Солнце отражается в глазах. Сверкают золотые имена кораблей. Тишину оборвал музыкальный призыв. Ритмы полка. Они зовут в бой, в них мощь, они понятны и не вызывают колебаний. Это обнаженный, трепещущий порыв и ликующие шестиорудийные залпы, взлетающие над равнинами, Альпами и Пиренеями. Все живет. Пыль сверкает на утреннем солнце. Живет бесчисленное количество существ. Всюду движение, шуршание, биение и трепет неиссякаемой жизни. Восторг поднимается в груди при виде мира, рождающего людей, плюющих в лицо застарелой лжи о страхе смерти. Пульсируют артерии. Как течение великих рек, залитых светом, как подавляющие грандиозные силы природы, страшные в своем нарастании, идут звуки, уже очищенные от мелодии, сырые, грубые, колоссальные — ревы катаклизмов и потоков жизни.

Таврия. Лето 1932 года.
Москва. Октябрь 1933 года.

РАСКИНУЛОСЬ МОРЕ ШИРОКО

Героическая комедия в 3 актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Самойлов — командир соединения, капитан 2-го ранга.

Константин Кедров, — командир катера «СК-13» («Орленок»), лейтенант.

Капитон Силыч Щекотихин — боцман катера, участник Октябрьского восстания 1917 года.

Михаил Чекрыгин — машинист катера, ленинградский паренек, бывший путиловец.

Георгий Бронза — комендор (артиллерист) катера, одесский комсомолец.

Елена — комсомолка со славной Выборгской стороны.

Киса — девушка из разряда «безумных крошек».

Евграф Лукич Чижов — комендант береговой базы, техник-интендант 2-го ранга из запаса. В дружеском морском кругу — Эдди, блестящий Эдди.

Марья Астафьевна — из подсобного хозяйства береговой базы.

Ардальон Васильевич — парикмахер, личность 50 лет, занимающаяся разными делами.

В стане немцев:

Капитан фон Дитмарштейн.

Обер-лейтенант Курт Розе.

Группенфюрер «СС» Адольф Гофман.

Вестовой.

Группа эсэсовцев.

В массовых сценах: балтийские моряки, бойцы Ленфронта, особисты, рабочие и работницы Ленинграда.

Действие происходит в дни обороны Ленинграда.

АКТ ПЕРВЫЙ

«НА ПИРСЕ»

Утро на Балтике.

Береговая база соединения. У пирса стоит маленький, невзрачного вида катер, вооруженный одной мелкокалиберной пушкой На такелаже развешаны для сушки трусы и тельняшки. На пирсе работают краснофлотцы, среди них много девушек. К деревянной арке прилаживают полотнища красного кумача, еловые ветви, гирлянды ярких флажков. Из катера высовывается физиономия машиниста М и ш и. Он в саже и масле. Затем появляется все его долговязое тело. У него мечтательные светлые глаза и льняные волосы.

М и ш а. Стройная, пропорционально сложенная фигура молодого балтийца появилась на спардеке боевого корабля. Она изящно вырисовывалась на фоне светлеющего утреннего неба. Его мужественное лицо, овеваемое легким ветерком, было обращено к восходящему светилу:

...Я хочу описать вам балтийский рассвет,—
Трам-та-та-ти-ти-ти... огнем полыхающий,
В общем тут еще строчка,— пока ее нет,
Извиняюсь — я поэт начинающий...
Пока все...

Бьют склянки.

Семь часов тридцать минут. *(Зевает.)* Смотри, пожалуйста,— погодка-то... Передается утренняя метеосводка. Направление ветра *(слюнит палец и выставляет его)*... Зюйд-зюйд-вест. Сила ветра *(закрывает*

глаза и томно покачивается, как былинка)... два балла. Давление... Боцман!

Силыч *(снизу)*. Что тебе?

Миша. Силыч! У тебя кости ломит?

Силыч. Нет.

Миша. В коленке не стреляло?

Силыч. Говорю — нет. В порядочке.

Миша. Следовательно, давление — семьсот шестьдесят миллиметров. Перехожу к физической зарядке. Его тело легко выпрямилось, подобно стальной пружине, мощные мускулы напряглись... И — раз. И — два. И — три... Перехожу к личной гигиене. *(Вынимает полотенце, зубную щетку.)*

Жора *(высовываясь)*. Что за шум? *(Зевает.)* Какая сводка?

Миша. Зюйд-зюйд-вест. Два балла. Семьсот шестьдесят.

Жора. Не интересуюсь. Интересуюсь за Советское Информбюро.

Миша. Упорные на юге, даем жизни на Западном: минус сорок пять тысяч фрицев, накрылись четыреста шестьдесят семь самолетов, двести танков и триста двадцать орудий,— дал дуба командир дивизии «СС» генерал-майор Функ фон Фертиг.

Жора *(вылезает)*. Шё ты говоришь? Боже, какой удар! Я этого не переживу. Бедный старина Фертиг. Дальше?

Миша. Наши самолеты бомбили Берлин, Хельсинки и Будапешт; в Балтийском море нашей подлодкой потоплено два транспорта общим водоизмещением шестнадцать тысяч тонн.

Жора. Не может быть! Кошмар! Меня душит смех. Хлебнули шестнадцать тысяч тонн водички. Шестнадцать миллионов литров. Тридцать два миллиона поллитров. Вот это называется выпили... Миша! А шё слышно за второй фронт?

Миша. Тренируются части, которые в дальнейшем, возможно, будут использованы для добывания необходимой информации.

Жора. Благодарю вас, досточтимый сэр, за сообщение. Примите и проч. *(Взглянув на пирс.)* Э!

что я вижу! Какая неслыханная красота! В одну ночь на голом пирсе вырастает роскошный парк культуры. Чудеса науки и техники. Эй, на пирсе!

Краснофлотец (*верхом на арке*). Есть на пирсе!

Жора. Скажите, это не вы, часом, будете зодчий товарищ Росси?

Краснофлотец. Нет.

Жора. Шё ты говоришь? Обознался. Слушай, друг — шё это за капитальное строительство? Это же феерия! Шё это будет?

Краснофлотец. Будет торжественная встреча. Два наших катера налетели на девять немецких. Четыре штуки утопили, остальные драпанули.

Жора. Мерси за разъяснение — можете быть свободны. (*Делает ручкой.*) Шё ты задумался, Миша? Я замечаю в твоих глазах какой-то невыносимый блеск. Миша, не вздыхай так — ты разрываешь мне сердце.

Миша (*вздыхает*). Вот так и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова... Люди воюют, долбают фрицев, топят корабли, совершают героические поступки. А мы? Ну, получили премию за самодеятельность. Ну, обеспечивали связь в шестибальный шторм, ну, сбили два «мессера». Нас четверо,— значит, это будет по полфрица на душу. Тьфу! Эх, не дают развернуться! (*Яростно чистит зубы.*)

Жора (*тоже расстроился*). Молчи, зачем слова, не будем продолжать. Эх! (*Вздыхает.*) Я так думаю, что если б меня с моей красавицей (*обнимает пушку*) пустили в открытое море, у меня было бы на сберкнижке — не скажу сто, но штук... полтораста гансов. (*С ожесточением чистит пушку.*)

Силыч (*появляется с ведром краски*). Здорово, орлы! Пошевеливайтесь. К подъему флага чтоб был порядочек, чтоб все блестело, как в церкви. (*Оглядывает пирс.*) Ишь ты, ёлки зеленые, какой парад развели! «Добро пожаловать, отважные бойцы!..» Та-ак. Это кому же?

Миша (*мрачно*). Не нам.

Силыч (*краснофлотцы волокут зелень*). Богатая

встреча! *(Читает.)* «Поздравляем с победой». Кого же это, а?

Жора *(мрачно)*. Не нас.

Силыч. Живут же люди!.. Эх, доля наша горькая... *(Расстроился.)*

Миша. Вот так и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова... Эдак всю войну протомишься без настоящего дела.

Сердце «Орленка» отвагой пылает,
Все механизмы рвутся в бой,
А командованье нас не посылает,
Вот почему я скучный и смурной,—

как сказал поэт. Это — я... И скорбная улыбка тронула его сурово сжатые губы. *(Усмехается.)*

Силыч. Поэт? Какой поэт?

Миша. Михаил Чекрыгин.

Силыч. Не слыхал про такого.

Жора. Прошу вас — повторите. Как? Чекрыгин? В первый раз слышу.

Миша. Уколы мелких завистников оставляли молодого поэта безучастным. Михаил платил им презрительным молчанием *(не выдержав молчания)*. А кого вы знаете? Что вы читали?

Силыч. Не горячись, орел. Пушкина — знаем.

Жора. Точно. Вот Пушкин был действительно гений высшей марки. Между прочим, он из Одессы. Жил на Пушкинской.

Миша. Подумаешь. Пушкина знает. А Маяковского знаете?

Силыч. Знаю.

Жора. Что за вопрос? Кто не знает Маяковского! Между прочим, он бывал у нас в Одессе.

Миша. Ладно. Гомера знаете?

Силыч. Не хочу врать...

Жора. Как, как? Гомера? Знаю. Ну, конечно же, знаю. О чем речь?! У него еще есть такое... в общем про любовь, что ли. Да, он выступал у нас в Одессе.

Миша. В Одессе?

Жора. Точно. В клубе пищевиков.

Миша *(холодно и медленно)*. Ха-ха ха!

Жора. Это шё такое?

М и ш а. Гомерический хохот. Разрешите доложить, что вышеназванный древний грек скончался при невыясненных обстоятельствах всего только две тысячи лет тому назад.

С и л ы ч. Ой, никак попался, орел?

М и ш а. Ха-ха-ха! Демонически расхохотавшись, он повернулся спиной к уничтоженным злопыхателям.

Ж о р а. Дешевая покупка. Не мешайте мне чистить орудие. Уберите от меня этого чумазого «духа».

М и ш а. А почему чумазый? Некоторые еще ковыряются, а у меня в машинном полный блеск. Все сияет, каждый винтик, каждая гаечка на своем месте. Желаю, чтоб у тебя вот здесь *(показывает на лоб)* всегда был такой порядок.

Ж о р а. Ах, так? Такое отношение? Полундра! *(Бросает ему на ногу канат. Возня.)*

С и л ы ч. Тихо! Тихо, черти водяные! Матросы, тоже! Никакой солидности.

Ч и ж о в *(влетает. Щегольской парадный китель, белый шарф, габардиновый плащ. Крахмальный воротник. Он в возбуждении)*. Что за безобразие! Кто здесь старший?

К р а с н о ф л о т е ц *(верхом на арке)*. Есть, товарищ техник-интендант второго ранга.

Ч и ж о в. Я вас спрашиваю, что за безобразие? Стоять смирно, когда с вами говорит командир старше вас по должности, по званию, по годам, по боевому опыту, по чему угодно и так далее!

К р а с н о ф л о т е ц *(скатывается вниз)*. Есть, товарищ техник-интендант второго ранга.

Ч и ж о в. Я вас спрашиваю, кому вы подчиняетесь, на кого вы замыкаетесь?

К р а с н о ф л о т е ц. На вас, товарищ комендант базы.

Ч и ж о в. Так почему, когда на пирсе появляется лицо, которому вы подчинены в служебном, строевом, административном, хозяйственном, в каком угодно отношении, вы не подаете команду «смирно»? Почему не отдаете рапорта? Я из вас этот береговой дух повышибу! Где вы находитесь? Где вы находитесь, я вас спрашиваю? Ну?

Краснофлотец. На береговой базе военных катеров, товарищ комендант базы.

Чижов. Так. А вы знаете, что такое в условиях войны и блокады береговая база? Береговая база — это почти плавающая база, это почти вспомогательный крейсер, а вспомогательный крейсер — это боевой корабль, почти линкор. Ясно? Вы понимаете, кто стоит перед вами?

Краснофлотец. Комендант береговой базы, товарищ комендант береговой базы.

Чижов. Ага... Так. Чем же вы заняты?

Краснофлотец. Товарищ комендант базы! Личный состав вверенной вам команды готовится к встрече возвращающихся с операций кораблей.

Чижов. Победоносно возвращающихся... У меня всегда все успешно. Вольно! Продолжайте занятия. *(Рассматривает арку.)* Шикарно! Фешенебельная встреча! Каков сервис! Бездна вкуса! Строго, красиво, монументально! Если б я был высоким начальством и прибыл на встречу героев, я бы первым делом спросил: «А кто обеспечил такое исключительное обслуживание, тем самым способствуя успеху боевой операции и поднятию политико-морального состояния бойцов и командиров данного соединения?» — «Техник-интендант второго ранга товарищ Чижов Э. Л.» — «Где же он? покажите мне его». Чижов является. «Как, товарищ Чижов, вы при своем огромном административном опыте, можно сказать, наша старая балтийская гвардия — до сих пор никак не отмечены? Не может быть. Как мы иногда забываем ценных людей!» — «Служим Советскому Союзу!» — «Народ вам этого не забудет, товарищ Чижов. Напомните мне про товарища Чижова. Как вас по имени-отчеству!» — «Эдуард Лукич». — «Желаю успеха, Эдуард Лукич. Звоните...» И пожимает мне руку. *(Задумывается.)* А что? Очень может быть. В условиях современной войны обеспечение — это все. Теперешний боец — это не какой-нибудь устарелый всадник образца тысяча девятьсот восемнадцатого года, который сел на коня и пошел рубать... Ему горючее — подай, смазку — подай, боезапас — подай, автономный паек, литературу, всякий культ-

инвентарь — подай. Вернулся из похода — прими. Он желает помыться, пропустить сто грамм за успех, послушать какую-нибудь арию Хозе из оперы Бизе. Все это надо организовать, обеспечить, развернуться во всем блеске. Кто за это отвечает? Я, Эдуард Лукич Чижов... *(Поет.)*

Кто делу общему полезен,
Кто — общепризнанный талант,
Кто так галантен, так любезен,
Я — энской базы комендант.

По базе вверенной
Иду уверенно.
Всегда на месте, и там и здесь!
И в час торжественный
За все ответственный
Я воздаю героям честь.

Не потерплю ни в чем заминки,
Я в этом твердый дал зарок,
Чтоб ни сучка и ни пылинки,—
Я справедлив, но я и строг.

По базе вверенной и т. д.

Потом заметят — с нами рядом
Бок о бок скромный жил герой.
Посмертной славы мне не надо,
Хочу сейчас — пока живой.

По базе вверенной
Иду уверенно —
Всегда на месте
И там и здесь!
И в час торжественный
Я тост приветственный —
Хочу в свою услышать честь.

(Возвращается и останавливается возмущенный.) Это еще что такое? Почему здесь торчит эта грязная шаланда? Эй, на катере!

Силыч. Есть, на катере.

Чижов. Где вы швартуетесь? Кто вам позволил? Убраться отсюда в ноль минут в энском направлении!

Силыч. Дозвольте доложить, товарищ техник-интендант второго ранга, военный корабль — связной катер «СК-13» — «Орленок» несет оперативное дежурство по соединению.

Чижов. Вызвать командира!

Силыч. Товарищ Чекрыгин! Где командир корабля?

Миша. Командир корабля лейтенант товарищ Кедров закончил обход палуб и проследовал в кормовой салон и радиорубку. Разрешите доложить?

Силыч. Докладывайте.

Миша *(просовывает голову в люк)*. Разрешите обратиться, товарищ лейтенант!

Кедров *(изнутри)*. Да.

Миша. Вас просят на палубу. Разрешите быть свободным?

Кедров *(изнутри)*. Да.

Миша. Товарищ боцман! Ваше приказание выполнено.

Силыч. Смирррно!

Кедров *(поднявшись на палубу)*. Вольно! *(Чижову.)* Здравствуйте. Чему обязан?

Чижов. Привет! Как видите, товарищ лейтенант, пирс предназначен для встречи возвращающихся с моря победителей. Как лицо ответственное за встречу, я считаю ваше пребывание у пирса излишним и неуместным. И предлагаю убрать отсюда этот ваш... как его... ялик. Понятно?

Кедров. Не совсем. Как вы сказали? Ялик?

Чижов. Ну, тузик.

Кедров. Не слышу. Как?

Чижов. Предлагаю убрать вашу гичку.

Кедров. А ну, повторите.

Чижов. Байдарку, душегубку, душегрейку — как хотите называйтесь, но чтоб в ноль минут отдать концы и — «фьють»!

Кедров. Прошу вас заметить, товарищ комендант, что вы на трапе военного корабля. И пока я им командую, я не допущу никакого неуважения к нему. Катер «Орленок» несет оперативное дежурство по соединению и без указания штаба не тронется от пирса. Насколько я понимаю, дислокация боевых кораблей не подлежит ведению хозяйственных органов. Вопросы еще есть?

Чижов. Это формализм! Я же вас по-товарищески

прошу. Вы мне портите весь эффект. Будет командование, представители всяких организаций, наконец, женщины, а у вас тут чуть не пеленки развешены. Фу! Шокинг в общефлотском масштабе.

К е д р о в. Люди вымокли, находясь в море... Не беспокойтесь — к подъему флага катер будет выглядеть как подобает военному кораблю. Наш «Орленок» сумеет поддержать честь своего флага в любой обстановке. Да, чтобы не забыть... Чекрыгин!

М и ш а. Есть, товарищ лейтенант!

К е д р о в. Сегодня сообщали по радио о награждении орденами новой группы краснофлотцев и командиров нашего соединения. Передайте по семафору на «К-108» лейтенанту Егорову мои сердечные поздравления.

М и ш а. Есть. *(Взмахивает флажками.)*

Ч и ж о в. Что? Нас опять наградили? Роскошно! Десятое награждение за летнюю кампанию. Мы можем гордиться. Сегодня же лечу в порт, военторг, куда угодно — закачу неслыханный банкет. Простите, товарищ лейтенант, вы не помните, кто именно в списке?

К е д р о в. Всех не помню. Одиннадцать человек.

Ч и ж о в. Одиннадцать человек! Не припомните ли случайно фамилий?

К е д р о в *(улыбаясь)*. А почему вас они так интересуют?

Ч и ж о в *(сдувая пыль с петлички)*. Да нет, я просто так... Все же, понимаете ли, мои боевые товарищи. И вообще — естественное желание...

К е д р о в. Награждена вся команда «К-108». И потом этот, как его... Я его почти не знаю — он из запаса.

Ч и ж о в. Из запаса?

К е д р о в. Точно. Говорят, очень толковый парень. Боевой.

Ч и ж о в. Да, да, да...

К е д р о в. Такая фамилия смешная. Фу, память!.. Птичья!

Ч и ж о в. Точно. Дроздов? Канарейкин? Нет, забыл. Синичкин!

С и л ы ч. Может быть, Орлов, товарищ лейтенант?

Кедров. Чудак, какая же это смешная фамилия? Орел — это величественно. Наш катер орлиной породы. А это так — какая-то пустяковая птичка. Мелочь.

Чижов. Может быть, Чи...чи?..

Кедров. Как вы сказали?

Чижов. Нет, нет... Ни-чи-чево!..

Миша. Товарищ командир корабля! С «К-108» передали: «Лейтенант Егоров выбыл в город. Горячо благодарим. За командира — Зябликов».

Кедров. Вот память! Ну, конечно же, Зябликов! *(Чижову.)* Вы, кажется, чем-то расстроены.

Чижов. Я? *(Неестественно смеется.)* Наоборот. Буду рад лично поздравить товарища Зззябликова... Вас же попрошу не нарушать гармонии и — «фюйть».

Силыч. Товарищ командир! До подъема флага осталась одна минута.

Кедров. Есть... *(Чижову.)* А я со своей стороны попрошу вас, товарищ — не знаю вашей фамилии...

Чижов. Чижов.

Кедров. Попрошу вас в дальнейшем относиться с надлежащим уважением к кораблю, носящему военно-морской флаг. Подобного тона я допускать не намерен.

Силыч. К подъему флага — по местам стоять!

Чижов. А я заявляю, что не потерплю...

Силыч. На флаг — смиррна!

Горн. На других кораблях перекличка горнов, вздымаются флаги. Чижов встал навытяжку, приложил руку к козырьку.

Вольно!

Кедров. Вопросов больше нет? Вы свободны, товарищ Чижиков.

Сирена с моря.

Чижов *(ужален)*. Чижиков?! Погодите! Мы еще встретимся. Вы еще узнаете меня! *(Засуетился.)* Идут! Идут! На пирсе!

Краснофлотец. Есть на пирсе.

Чижов. Все готово к встрече?

Краснофлотец. Так точно.

Чижов. Построить команду! Итак — последний критический взгляд. Ди́вно! Фешенебельно! Эле-

гантно! Обеспечение на все сто. Пресса — приглашена. Букеты — есть. Традиционный подарок — поросята — есть. Артисты — будут. Легкий завтрак — плиз. Вери уэл. Полный сервис. Оркестр, марш!

Появившийся оркестр играет марш. Сцена заполняется. Строится шеренга краснофлотцев. Идет делегация пионеров под барабан. Моряки, летчики, армейцы. Пожилая бойкая женщина несет два больших букета. За ней два краснофлотца несут мешок, из которого доносятся визг и хрюканье поросят.

Чижов *(суетится)*. Прошу товарищей делегатов вперед. Чижов. Чижов. Очень приятно. Привет, Володечка. Поздравляю от души — горжусь, целую. Заходи — есть коньячок — мечта. Строго персонально, оглашению не подлежит. О'кей! Марья Астафьевна! Марья Астафьевна! Где же букеты?

Марья Астафьевна. Здесь, здесь. Ох и букеты! Красота!

Чижов. Дорогу женщинам! *(Лене, вышедшей с группой молодых девушек.)* Очень приятно. Милости просим — к нашему шалашу. Разрешите представиться — Чижов. Как военный моряк — рад видеть на вверенной мне базе... В нашей суровой жизни улыбка женщины... Вы в первый раз у нас?

Елена. Да. Мне у вас очень нравится. Какая красивая арка!

Чижов. Правда? Ваша похвала вдвойне приятна, как все, что исходит из прелестных уст. Кстати, разрешите от лица службы и лично от себя обратиться к вам с просьбой.

Елена. Просьба? Какая?

Чижов. Вручить командирам возвращающихся катеров эти цветы. Эту ответственную задачу я могу поручить только вам. Ваше изящество, такт, улыбка... *(В сторону.)* Боже, как она улыбается! Я заранее завидую тому командиру, который удостоится получить этот букет из ваших рук. *(Отдает букет.)*

Елена. Я, право, смущена. Мне остается только благодарить за честь.

Киса *(появляется. Она, прищурившись, наблюдает за ними)*. Эд-ди! На минуточку.

Ч и ж о в *(смутился)*. Прошу прощения. Один момент. Здравствуйте, дорогая Кисочка, вы опаздываете. Я вас жду, жду...

К и с а. Я вижу, как вы ждете. Кто эта блондинка? Откуда ты выкопал это сокровище?

Ч и ж о в. Кисочка, ради бога, тише — уверяю, я ее в первый раз вижу.

К и с а. Тем хуже. Значит, уже успел подъехать? Нет, какой донжуан!.. И этот человек мне говорил о чувстве. Боже, какая я наивная дура!

Ч и ж о в. Малютка, ради бога, тише, клянусь тебе чем угодно — исключительно как ответственное, должностное лицо...

К и с а. А почему у тебя глаза были масленые? Я тебя вижу насквозь. «По долгу службы»! Конечно, она будет подносить цветы? Да?

Ч и ж о в. Кисочка...

К и с а. Все ясно. А я? Я сию минуту ухожу. Цветы буду вручать я — ты знаешь, что я упряма. Слышишь, Эдька?

Ч и ж о в. Тсс. Кисочка, ну, конечно же, ты... Вот твой букет. Тебе надо итти. Верь своему Эдди!

Киса убегает, Чижов вытирает лоб.

Слава богу — кораблей хватит на двоих. Фу-фу! Какой великолепный темперамент! Тигрица! Кошечка! Ревнует, значит... Эдди, вы имеете шанс. *(Пританцовывает.)* Хм, а блондинка? Тоже чертовски мила. Посмотрим — увидим. *(Напевает.)* «Пусть же смеются, пусть увлекают, но изменя-яю пе-ервый им я!..»

Оркестр играет туш, на пирс летят бросательные концы.

Г о л о с. Крепи кормовой!

Х о р.

БОЕВАЯ ПЕСНЬ КАТЕРНИКОВ

Каждый зорок на посту,
Каждый любит быстроту.
Идем в ночную темноту
И под огнем.
Настала мщения пора,
Врагов разгадана игра.

Ведем лихие катера
Мы напролом.
Так в бой, кавалерия флота.
Пробьем ворота
В кольце осад.
За смерть наших близких, за слезы
Выходит грозный
Морской десант.
Нас немного на борту,
Каждый любит быстроту,
Стоять как должно на посту
Велели нам.
Пусть невелик корабль наш,
Ты спуску-промаху не дашь —
Готов сплоченный экипаж
К большим делам.
Командир,
            Нас веди
            В наступленье,
Пусть силу мщенья
Узнает враг,
Комендор,
            Бей в упор
            Без промедленья.
Горит победный над нами флаг.

Нам нельзя итти назад,
За плечами — Ленинград,
Сквозь пулеметный грозный град
Стремись вперед.
Пусть орудийный бьет раскат,
Но для бесстрашных нет преград,
Ведь нас поставил в авангард
Балтийский флот.
Так в бой, кавалерия флота!
Пробьем ворота
В кольце осад.
За смерть наших близких, за слезы —
Вперед, матросы,
За Ленинград!

(Победители в походном, кожаном — входят па пирс.)

Старший лейтенант *(рапортует)*. Товарищ капитан второго ранга! Выполняя боевой приказ, военные катера «К-102 » и «К-105» вступили в бой с отрядом легких сил противника. Артиллерийским огнем утоплено четыре катера и тральщик противника, остальные обращены в бегство. Потерь нет.

К о м а н д и р с о е д и н е н и я *(пожимая руку).* Хорошо дрались, товарищи! По-балтийски.

Гул голосов: «Служим Советскому Союзу!..»

Командам отдохнуть!.. Пусть примут душ, побреются, затем завтрак, концерт...

Подходят д е в у ш к и с букетами.

Е л е н а *(старшему лейтенанту).* Комсомолки Выборгской стороны просили меня передать вам сердечный привет... и букет.

К и с а *(стоящему рядом лейтенанту).* Горячо-горячо поздравляю. Вы — настоящие герои. Бейте этих негодяев, мои дорогие балтийцы. Как я их ненавижу — ух, если бы я была мужчиной!.. Боже мой, он совсем мальчик... *(Целует его. На пирсе оживление.)* Такой розовый, застенчивый...

Ч и ж о в *(шипит).* Киса!

К и с а. Оставь, пожалуйста. Это у меня от непосредственности... *(Лейтенанту.)* Меня зовут Киса. А вас? На банкете будете?

Победители сходят с пирса. Гремит оркестр.

К е д р о в *(старшему лейтенанту).* Поздравляю, Борис. Поздравляю, честно говорю — очень завидую.

С т а р ш и й л е й т е н а н т. А, Костя! Как дела?

К е д р о в. Э, чего там! Не спрашивай.

Пирс пустеет.

М и ш а. Вот так и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова...

С и л ы ч. Везет же людям! Эх, доля наша горькая...

Ж о р а. Шё вы каркаете? Шё вы играете мне на нервах? Товарищ командир! Шё эти шакалы вгоняют меня в тоску? Душа горит.

М и ш а. Эх, написать бы начальству... Катер «Орленок» в порядке боевой инициативы просит вашего разрешения произвести самостоятельный рейд по уничтожению фашистского флота на ближних коммуникациях. Берем двойной запас горючего, двойной комплект снарядов...

Ж о р а. Тройной.

М и ш а. Почему тройной?

Ж о р а. А потому, что тройной. Шё мне твой двойной. При нашей скорострельности это мне на один зуб. Продолжайте диспозицию. Что ты смеёшься, боцман? Человек первый раз в жизни говорит дело, а ты смеешься. Прошу, докладывайте — командование вас слушает... Вся страна вас слушает...

М и ш а. Выходим в сумерки, форсируем залив, на островах заправляемся и на следующую ночь — мы в шхерах. Подходим к гавани Ка или Ха, конечно, замаскированные под ихнюю посуду, пристраиваемся в кильватер к какому-нибудь пловучему фрицу, сигаем за бон, на внутренний рейд, на самом полном ходу подлетаем к пирсам, где стоят груженные боезапасом транспорта, и в упор открываем ураганный огонь. Тут Жора с темпераментом действует. Боезапас детонирует — и весь немецкий инвентарь разносит в дым и мелкую щепку со всеми гансами...

Ж о р а. Ясно! Что вы скажете, боцман? Вас не греет такая идея?

С и л ы ч. А что? Хорошо говорит. По-балтийски. Ты не смейся, матрос. В гражданскую войну мы на дырявых катеришках такого жару давали! Нефти не было — на дровах ходили. Дров не было — на соплях ходили. А ведь до сих пор слава в народе гремит. Верно говорю, товарищ командир?

К е д р о в. Верно, старик! Знаешь, у меня сейчас такое настроение, что дай мне волю — нагрузил бы я катер взрывчаткой, высмотрел какого-нибудь фашиста пожирнее — тысяч на пятьдесят тонн — и на таран! *(Встает, прислонившись к мачте, и запевает.)*

Балтийское гордое море,
Отчизны моей берега,
Твои корабли на просторе
Проходят по следу врага.

Так дай мне скорей приказанье,
Пошли в сокрушающий бой,
Одно в моем сердце желанье —
Сразиться за город родной!

Пусть ветер лицо исстегает,
Огонь опаляет глаза,
Сквозь бурю врагов настигая,
Вперед, боевые друзья!

В суровые штормы, в туманы
Сумеем пути проложить,
Пройдем под огнем ураганным,
Чтоб грозно врагу отомстить.

...Но все это только мечты. Будут ходить быстроходные морские охотники, торпедные катера, за ними пойдут на вест эсминцы, крейсера... А «Орленок» как был, так и останется связным катером «СК-13». Но все равно — он мой «Орленок», наш любимый корабль, и я никому не позволю...

Входят, прогуливаясь, командир соединения и Елена. Все приподнимаются с места.

Командир соединения. Большинство катеров ушло в море. Жаль, что не могу вас познакомить со многими нашими товарищами.

Елена. Надеюсь, что я здесь не в последний раз. Мы еще познакомимся. *(Вынимает портсигар.)* Не курите? А я грешна, иногда люблю... Здесь, кажется, нельзя?

Командир соединения. На пирсе нельзя. А здесь — пожалуйста. Прошу прощенья — я вас оставлю. Мы еще увидимся. *(Идет на пирс.)* Лейтенант Кедров!

Кедров. Есть, товарищ капитан второго ранга!

Командир соединения *(тихо)*. Для вас есть серьезное поручение. Будьте готовы.

Кедров. Катер стоит в готовности, товарищ капитан второго ранга.

Командир соединения. Проверьте еще раз каждую мелочь.. С людьми побеседуйте.

Кедров. Я уверен в людях и механизмах, товарищ капитан второго ранга.

Командир соединения. Боюсь, что вы меня недостаточно поняли. Особое задание. Особая готовность... Необходимо доставить одного человека... Сделать это надо очень аккуратно

Кедров. Есть, доставить!

Командир соединения. В чем дело, товарищ Кедров? У вас какой-то скучный тон. Не чувствую прежнего огонька!

Кедров. Товарищ капитан второго ранга! Откуда быть огоньку? Флот второй год воюет, а я так... на побегушках, подкинуть, подбросить... Пошлите в настоящее дело — верьте слову: «Орленок» не подведет. Дадим огоньку!

Командир соединения. Вы просто меня не поняли. Вы идете в настоящее дело. Вам придется доставить к вражескому берегу разведчика. Этот разведчик стоит целого десанта. Я знаю его еще по Испании. Вы получите немецкие опознавательные, но постарайтесь обойтись без них. Задача — скрытно подойти к берегу на расстоянии мили; дальше разведчик пойдет вплавь. До рассвета он должен вернуться обратно. Если вас, паче чаяния, обнаружат,— драться до последнего. В крайнем случае — взорвете катер. Ясно?

Кедров. Ясно. Благодарю вас, товарищ капитан второго ранга. *(Рукопожатие.)*

Командир соединения. Я в вас верю. Помните — строгая тайна, никакой болтовни. Команду предупредить. Ни одна душа не должна знать, что вам предстоит выход. Разведчик явится, сообщит пропуск «Ленинград»... Оперативные документы получите в штабе. Действуйте! *(Уходит.)*

Кедров. Наконец-то! Ну, «Орленок», расправляй крылья!

В грозу, в штормовое ненастье
Выходим в бескрайный простор.
За волю народа, за счастье,—
Огонь по врагу, комендор!

Пусть ветер лицо овевает,
Пусть молнии светят в глаза.
Сквозь бурю врагов настигая,
Вперед, боевые друзья!

Уходит. Жора и Миша поглядывают на Лену. Она сидит задумавшись.

Миша. Брось, Жора, неудобно.

Жора. Шё неудобно? Очень даже удобно. Подошел и познакомился. О чем речь? У нас в Одессе так очень просто. Дрейфуешь по бульвару Фельдмана, запеленговал подходящую блондинку и пристраивайся в кильватер. Затем идешь на сближение и деликатно

подсыпаешься: «Гражданка, сколь вы прекрасны! Разрешите лечь с вами на параллельный курс».

Миша. Да ты в уме, что ли! Она может чорт те что подумать. Такая девушка! Вот сидит она на скамеечке, а потом встанет и пройдет своей легкой походкой, и, может быть, это мое счастье проходит мимо меня, а я, скромный, маленький, незаметный, так и не осмелюсь сказать ей «не уходи». Так и погибнешь без женской ласки и теплого привета. И горькие складки легли у сурово сжатых губ молодого моряка, его красивые глаза затуманились печалью.

Жора *(всхлипывает)*. Миша, ты поэт! Знаешь, если бы я был девушкой, я подарил бы тебе махровую гвоздику и шепнул: «Моряк! В полночь калитка не будет заперта». Впрочем, шё я болтаю. У тебя же нет ночного пропуска.

Миша. Вот так и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова...

Жора. Смелее, друг! Приготовиться к «высадке десанта». Прошу вас.

Миша. Нет, нет, я не пойду.

Жора. Пойдешь. А нет — так я пойду и скажу, что у меня есть дружок — малохольный субъект, шё мечтает с вами иметь знакомство, но стесняется. Шё ты ребенок? Прошу вас... *(Подталкивает.)*

Миша. Иди сам... *(Подталкивает.)*

Жора. С чего я пойду?.. Мне неудобно... Топай смело. Будто интересуешься прикурить.

Миша. Идем вместе.

Силыч. Эх вы, молодежь!.. Кавалеры! В наше время — в незабвенном семнадцатом — морской кавалер был орел. Гроза! Надраит якоря, ус закрутит, глазом мигнет... А вы?.. — Нет, не дано... Закваска не та!

Миша. Ах, так? Пошли!

Жора. Пошли!

Срываются с места. Приближаются к Лене, прохаживаются, красуясь. Лена, задумавшись, не замечает их. Наконец Жора выталкивает Мишу вперед.

Миша *(подходит к Лене)*. Извините, пожалуйста!

Елена. Да? *(Поднимает глаза.)*

М и ш а. У вас, кажется, курится? Разрешите...

Е л е н а. С удовольствием. *(Пытается раскурить папиросу.)* Потухла. Какая жалость! А спичек нет.

М и ш а. Пожалуйста, не беспокойтесь. Всегда при себе... *(Подносит ей зажигалку.)*

Е л е н а *(хохочет)*. Зачем же вам нужно было прикуривать? *(Молчание.)* Ну? Честно?

М и ш а *(очень смущен)*. Познакомиться захотел.

Е л е н а. Какой чудак! Так бы сразу и сказал.

Ж о р а *(подходит)*. Товарищ стесняется. Товарищ по характеру большой дипломат, но очень застенчивый. Разрешите представиться — Георгий Бронза. Мой друг — Михаил Чекрыгин. Шё ты глазами хлопаешь? Дай тете ручку. Товарищ, между прочим, пишет стихи. До того трогательные, шё даже меня до слез прошибает. Даю слово.

Е л е н а. Стихи? Я очень люблю стихи. *(Мише.)* Прочтите что-нибудь.

М и ш а *(еще больше смущен)*. Да нет, что вы! Я разве пишу? Так, балуюсь.

Ж о р а. Я вам говорил — товарищ очень застенчивый. Давай, Миша, шё-нибудь остро душещипательное. За любовь.

Е л е н а. Ну, пожалуйста.

М и ш а. Читать?

Е л е н а. Конечно.

М и ш а. Есть — читать. *(Читает).*

Говорят, моряки очень девушкам нравятся,
Много хороших в жизни встречается.
Я б мечтал, чтоб меня полюбила красавица —
Только со мной это никогда не случается.
При бомбежке любой я ничуть не теряюсь.
И не страшен мне шторм десятибальный,
Только с девушками я ужасно стесняюсь,
Потому — по характеру я не очень нахальный.
И, быть может, я многих смелее
За победу над фрицем пролью свою алую кровь
И пред смертью лишь о том пожалею,
Что не знал в своей жизни, что такое любовь...

Елена смеется.

М и ш а *(убитым голосом)*. Очень плохо?

Е л е н а. Честно?

М и ш а. Кройте!

Е л е н а. Очень...

Ж о р а. Да. Неважно, неважно. Слабовато.

Е л е н а. Но знаете, что хорошо? Искренности много, душа есть.

Ж о р а. А шё я говорю? Искренности — вагон. Жутко нежная душа. Даю слово.

Е л е н а. А это, по-моему, самое главное. Мне кажется, что вы будете поэтом.

Ж о р а. Слышишь, шё тебе говорят? А ты боялся. Это будет гений. Просто даже страшно стоять рядом.

Е л е н а. Вы служите на корабле?

М и ш а. Точно. Мы с «Орленка».

Е л е н а. Ого, как гордо! Вероятно, «Орленок» — хороший корабль.

Ж о р а. О чем речь? Лучший на Балтике. Корабль-прима.

Е л е н а. А командир?

Ж о р а. Командир — что-нибудь особенное. Мировой командир. Высший сорт-экстра. Ему бы дать развернуться...

К е д р о в *(появляется)*. Товарищ Бронза! *(Заметив Лену.)* Простите...

Ж о р а *(вскочил)*. Здесь, товарищ командир корабля!

К е д р о в *(приветствует)*. Лейтенант Кедров.

Е л е н а. Командир «Орленка»! Вы знаете, о вас тут рассказывают замечательные вещи... Хотела бы я взглянуть на ваш корабль.

К е д р о в. Это не трудно. Вот он *(показывает)*.

Е л е н а *(всматриваясь в даль)*. Где? Я не вижу.

К е д р о в. Вот — перед вами.

Е л е н а. Как? Эта... шлюпка? *(Хохочет.)*

К е д р о в *(взбешен)*. Шлюпка! Впрочем, смешно требовать от женщины, чтобы она разбиралась в классах кораблей.

Е л е н а. Вы, кажется, сердитесь. Простите... Сколько же человек экипажа на вашем корабле? Впрочем, это, вероятно, военная тайна?

К е д р о в. С вашего разрешения — четыре человека. Но каждый стоит троих, смею вас уверить.

Елена. А знаете — вы самоуверенны. Я должна верить на слово.

Кедров. Я не обязан вам ничего доказывать.

Елена. Конечно, вы правы. И я нисколько не сомневаюсь, что этот катерок приносит свою пользу. Но я бы на вашем месте не задирала слишком нос. Не думаю, чтобы вас посылали в какие-нибудь серьезные операции.

Кедров. Вы так думаете? *(Сдержался.)* Не берусь вас переубеждать. Думайте, как хотите. Мне совершенно безразлично, что думают о моем корабле туристки, которые от нечего делать по большим праздникам посещают наши базы.

Елена. Ах, это я туристка? Вы очень любезны.

Кедров. Скажите, вам когда-нибудь приходилось выходить в море? Впрочем, простите, в мирное время вы, вероятно, совершали увеселительные прогулки...

Елена. Ну, знаете ли... *(Сдержалась.)* Конечно, вы совершенно правы. И не должны сердиться, если я скажу, что ни за что на свете не согласилась бы пуститься в плавание на вашей шаланде.

Кедров. К счастью, эта опасность вам не угрожает. Пока еще, слава аллаху, военные корабли избавлены от присутствия женщин.

Елена. Благодарю вас.

Кедров. Не стоит благодарности.

Елена. У вас отвратительный характер. Жалко, что я не ваш начальник.

Кедров. Что бы тогда было?

Елена. Я бы прежде всего научила вас хорошим манерам. *(Поворачивается и уходит.)*

Кедров. Погодите... Ушла! Чорт возьми! Я этого так не оставлю. Я должен ее еще раз увидеть. Она меня «научила бы»!.. Какие глаза! Во мне все кипит. А голос! Такой... вредный. Я положительно ее ненавижу. И я даже не знаю, как ее зовут. Нет, мы еще встретимся, должны встретиться!

Силыч. Хо-хо! Молодежь! Кавалеры!

Жора. Шё ты там шепчешь, боцман?

Силыч. Н-да. Значит, не дано...

Миша. Что не дано?

Силыч. Не та сноровка... Женщина в обращении любит свирепость... Разве вы можете ухаживать за женским полом? Жалость глядеть. Куда против старых матросов. Те действительно были орлы. Выдающиеся мастера насчет амура. Эх, был бы я на десяток годков помоложе. Хоша и сейчас... кхм! *(крутит ус)*... вполне соответствую...

Жора. Ну... «давно иссяк уж жизни сок, и тихо сыплется песок»...

Силыч. Ух ты, младенец! — Видите вон ту особочку, что подгребает сюда? В два счета познакомлюсь и докажу высокий класс.

Жора. Слабо́!

Марья Астафьевна *(входит, в руках у нее корзина с овощами)*. Эй, на катере! Не видали коменданта? Нашумел, накричал — подай огурцов, подай того, подай сего, а сам вроде испарился.

Силыч *(подскочил сзади)*. Ах, роза с далекого берега, разрешите поиметь с вами знакомство!

Марья Астафьевна. Фу, Силыч, старый чорт, испугал. Что ты на людях... Пришел бы вечером...

Силыч *(шопотом)*. Молчи. Подсобляй. Кокетуй напропалую. *(Громко.)* Позвольте узнать, какой счастливый ветер, с какого румба — занес столь пышный цветок в наши края?

Марья Астафьевна. Ах, моряки — такие шутники. У них на все свой комплимент.

Силыч. Ах, напротив, у нас вполне серьезные чувства. Ваши глаза пронзили меня насквозь, мое сердце бьется, как в клетке, и, увы, прощай мой покой. Ласточка, неужели вы будете столь жестоки?

Марья Астафьевна. Ах, оставьте! Вы меня смущаете.

Силыч. Окажите милость, подарите мне цветок в залог наших встреч, чтобы я мог в тишине ночей мечтать про блаженство.

Марья Астафьевна. Какие же это цветы? Это, я извиняюсь, овощ.

Силыч. Из ваших ручек даже какая-нибудь репка будет казаться чайной розой. Вы в Аргентину плавали? Вы любите романцы?

М а р ь я А с т а ф ь е в н а. Обожаю...
С и л ы ч *(воркует)*. А танцы?

ТАНЕЦ-ПЕСЕНКА

О н

Сплясать желаю,
Но не по-штатски,
Вас приглашает
Матрос кронштадтский,
Мамзель, дозвольте!..

О н а

Вы больно скоры.

О н

Не любит медлить
Матрос с «Авроры».

О н а

Ах, то ль бывало
В саду Петровском,
Я танцовала
Тогда чертовски!..

О н

Прошу уважить.

О н а

Ах, что вы, что вы!
Что люди скажут?!

О н

О, как сурова,
Как эти глазки
Стреляют метко,
Мне сразу видно —
Она — кокетка!..

О н а

Коль это правда
И вы не врете,—
Вы самый главный
Амур на флоте.

О н

Ах, вы — все та же,
Я молод тоже,
Себя покажем
Мы молодежи!

Лихой танец... Марья Астафьевна убегает, посылая Силычу воздушный поцелуй.

С и л ы ч *(возвращается на катер, нагруженный овощами)*. Вот как неотразимые балтийцы действовали в наше время. Раз — и готово. Принимай трофей любви...

К е д р о в. Молодец, боцман! *(Оглядевшись.)* Теперь — внимание. Сегодня «Орленок» выходит в ответственную операцию к берегам противника. Быть всем «на товсь». Еще раз проверить оружие, механизмы, связь... О том, что мы готовимся выйти,— никому. Строжайшая тайна. Ясно?

В с е *(весело)*. Ясно, товарищ командир!

К е д р о в. Тихо! Сюда кто-то идет... Разойтись!

Вбегает К и с а, за ней Ч и ж о в.

Ч и ж о в. Кисочка, куда же вы? Может быть, чашку чая, рюмку вина?

К и с а. Оставьте, вы мне надоели. Ведите и угощайте вашу кривляку. Она же вам нравится.

Ч и ж о в. Кисанька, малютка, девочка, не разрывайте мне сердце! Умоляю — после концерта ко мне, в мою скромную хижину. Я устраиваю в вашу честь совершенно интимный суарэ.

К и с а. Посмотрим. Кто там будет?

Ч и ж о в. Будут шпроты...

К и с а. Я вас спрашиваю — кто там будет?

Ч и ж о в *(страстно)*. Никого. Только мы — вдвоем. Вино. Консервированные фрукты. Сухая дыня. Английские галеты.

К и с а. Фу! Как это интересно — вдвоем! Я думала, что у тебя будет интересное общество. Почему ты меня до сих пор не познакомил с вашим командиром? Скажи ему, что у него очень красивые глаза. Он очень строгий?

Ч и ж о в. Детка, зачем вы меня мучаете? Кисанька, счастье мое, когда ты скажешь мне «да»?

К и с а. Эдди, вы отлично знаете, что у вас где-то там, в Барнауле или в Новосибирске, есть жена.

Ч и ж о в. Но если я вас люблю... Вы меня безумно волнуете.

К и с а. Разведитесь со своей женой, тогда, может быть, я... Но вы трус, вы никогда этого не сделаете.

Ч и ж о в. Киса, поймите, вы не должны ревновать. Жена мне дорога, как память... У нас дети... Она безумно меня любит — разрыва она не переживет. Я морально не имею права убить женщину. Я должен нести свой крест...

К и с а. Ну, и несите на здоровье. Отправляйтесь к своей старухе. Нет, милый Эдди! Для забав я могла бы выбрать себе партнера помоложе. *(Смотрит на Мишу.)* Стоит мне только захотеть... *(Стреляет глазами.)* Нет, мой мальчик, загс! Загс! По всем советским законам!

Ч и ж о в. Вы меня губите. Вы обрываете лепестки моего сердца. Загс — это такая проза. Разве для того, чтобы любить, нужны формальности. Киса! Ну, посмотрите на меня ласково. Скажите: «Эдди!..»

К и с а. Не хочу. Я вас презираю.

Жора и Миша наблюдают сцену.

Ж о р а. Шикарная особа! Экстра-прима.

М и ш а. Хочешь верь, хочешь нет — она на меня смотрела.

Ж о р а. Как?

М и ш а. Вот так *(показывает)*. Это точно.

Ж о р а. Муть. Тебе приснилось. Может быть, на меня?

Ч и ж о в. Киса! Куда вы смотрите? Смотрите на меня!..

К и с а. Оставьте, пожалуйста! *(Стреляет глазами.)*

М и ш а. Факт. Опять. Будешь спорить?

К и с а. Эдди! Я хочу хризантему. У вас есть — я видела...

Ч и ж о в. Сегодня же скажу...

К и с а. Нет, я хочу сейчас. Идите. Тогда я, может быть, прощу вас...

Ч и ж о в. Вы — зверь *(испугавшись)*. Такой пушистый, кис-кис... *(Убегает.)*

Ж о р а. Факт. Дуй смело!

Миша подходит к Кисе.

Не понимаю, почему женщины так кидаются на этих поэтов. Шё они в них находят?

Миша *(Кисе галантно).* Извиняюсь, гражданка. Вы не скажете, который час?

Киса. Пожалуйста. Ах, я забыла часы в сумке. *(Оглядывается.)*

Миша. Не беспокойтесь, пожалуйста. Абсолютно точные. *(Показывает часы.)* Без семи. *(В сторону.)* Кто сказал, что я застенчивый? *(Кисе.)* Как вам у нас нравится, товарищ шеф?

Киса. У вас прелестно. И такие милые, славные люди. Такие простые, скромные. Какой прелестный катерочек! Как игрушечка. Это ваш?

Миша. Точно так. Наш «Орленок».

Киса. Скажите, а вам приходилось совершать героические подвиги? Расскажите. Я ужасно люблю слушать про героизм. Только, пожалуйста, не рассказывайте мне ваши военные тайны — всякие меридианы, калибры и траверзы... Я все равно в этом ничего не понимаю... Бывали в настоящем бою?

Миша *(вздохнул).* Нет, не приходилось пока. А знаете, до чего хочется! Вот сегодня... *(Запнулся.)*

Киса. Что сегодня?

Миша. Нет, я так... Сегодня стих написал. Про героизм... Хотите, прочту?

Киса. Вы поэт? Какая прелесть! Прочтите обязательно.

Миша. Тут у меня в одном месте с размером неувязка... так вы извините... *(Читает.)*

Сегодня в ночь идет любимый катер
В далекий рейс к враждебным берегам,
«На товсь» команда, и знаком фарватер,
Балтийский класс покажем мы врагам.
Нам эта честь досталась не случайно:
Какая б ни случилася беда,
Команда наша вверенную тайну
Не выдадет фашистам никогда!..

Вот в этом месте у меня заедает...

Киса. Нет, замечательно! Просто прелесть! Это вы сегодня написали?

Миша. Вот только-только. То мучаешься-мучаешься, а тут как-то сразу.

К и с а. Знаете что? Подарите мне ваши стихи на память. Не жалко?

М и ш а. Пожалуйста. Я другие напишу. *(Отдает ей листок.)*

К и с а. Какой талантливый! Боже мой, совсем мальчик!

Ч и ж о в *(появился с цветком)*. Такой розовый, застенчивый... Уже! *(Подошел, взгляд в сторону Миши. Миша отошел.)* Кисочка! Смотрите...

К и с а. Оставьте, пожалуйста. Нужны мне ваши хризантемы. Терпеть их не могу!

Ч и ж о в. Понимаю. Я помешал.

К и с а. Как вам не стыдно? Ты ревнуешь меня к этому мальчику?

Ч и ж о в. Не ревную, а просто не понимаю. Какой-то мальчишка со скверного катеришки...

К и с а. Зато он милый, простой, неиспорченный и, наверное, настоящий моряк. Пусть я сама не такая, но я преклоняюсь перед такими людьми. Вот кто несет на своих плечах всю тяжесть войны. И если моя улыбка может доставить ему хотя мимолетную радость... Я еще удержалась, чтобы не расцеловать его.

Ч и ж о в. Киса!

К и с а. Прощайте, Эдди. Нет, нет, я тороплюсь — мне нужно быть в городе. Так и быть — целуйте руку. Пока. *(Уходит.)*

Ч и ж о в. Киса! *(Бросается за ней, сталкивается с краснофлотцем.)*

К р а с н о ф л о т е ц. Товарищ комендант базы! Командир приказал начинать концерт. Народ уже собирается. Разрешите итти?

Ч и ж о в. Скандал! *(Схватился за голову.)* Забыл позвонить! Забыл на почве ревности... Что со мной делается!.. Стоп! Идея! Чижов не теряется в минуту опасности — выход найден. Самодеятельность! *(Метнулся к катеру.)* А! Товарищ Кедров?! Привет...

К е д р о в. Привет. Мы уже виделись сегодня.

Ч и ж о в. Разве? Дорогуша, вашему коллективу надо выступить на концерте. Будут наши боевые товарищи, гости... Я на вас рассчитываю.

К е д р о в. Что вы, товарищ Чижов! Как можно!

Команда какого-то тузика, которому и у пирса-то стоять неуместно... Выступить в такой торжественной обстановке... Прошу уволить.

Чижов. Товарищ Кедров! Выручайте. Публика ждет.

Кедров. Не знаю. Впрочем, если нас по-настоящему попросят... Чтобы мы чувствовали уважение... Тогда... пожалуй.

Чижов. Товарищ Кедров! Дорогой товарищ лейтенант! От лица вверенной мне базы прошу команду вверенного вам корабля «СК-13» и вас лично выступить на концерте, имеющем быть немедленно. В чем прошу не отказать.

Кедров *(морщится)*. Формально правильно. Но... сухо. Официальщина. Кстати — «тузик» берете обратно?

Чижов. Я же сказал «корабль». «Тузик» беру обратно.

Кедров. Раскаяния мало. Не трогает. Отставить. Все сначала.

Чижов *(озлился)*. Ну, знаете ли...

Кедров *(холодно)*. Дело ваше.

Чижов. Покорнейше прошу талантливых артистов...

Кедров. Высокоталантливых. У вас недооценка.

Чижов. Гениальных артистов...

Кедров. А вот это неискренне. Зачем преувеличивать? Нам лишнего не надо.

Чижов. Высокоталантливых артистов с боевого катера «Орленок» оказать нам честь и выступить.

Кедров. Уже лучше. Но... как вам сказать? Души мало. Мы — люди искусства, с нами надо как-то тоньше...

Чижов *(вопиет)*. Товарищ Кедров! Помогите!

Кедров. А, вот это настоящий разговор. Боцман!

Силыч. Есть!

Кедров. Приготовить команду к выступлению!

Сцена заполняется людьми. Рассаживаются.

Чижов. Благодарю. *(В сторону.)* Чижов всегда все устроит. Эдди, вы — маг! Прошу за мной, това-

рищи. *(Выводит артистов в центр круга. У Силыча — гармонь, у Миши — гитара.)* Попросим!

Аплодисменты.

Ж о р а. Для начала в своем репертуаре выступает артист Георгий Бронза. Попросим!

Аплодисменты.

Еще! Еще! Он это любит. Где вы, товарищ Бронза? Ах, это я. Пожалуйста! *(Выходит и поет.)*

На Молдаванке музыка играла,
Там веселился молодой матрос.
«Не знаю лучшего,— друзьям сказал он,—
Чем этот город, где я с вами рос!»

Ах, Одесса, детство голоштанное,
К тебе найдем дорогу мы на всех морях.
Цвети баштанами, шуми каштанами,
Любимый город, родина моя!

Ах, кто родился там, на Черном море,
С тем навсегда остался солнца жар,
И наша радость, и наше горе,
И наша лестница, и наш бульвар.

Ах, Одесса, и т. д.

С тобой мы шли среди акаций белых,
А по волне бежал дорожкой лунный свет,
Я о любви своей сказал несмело,
И слово «да» шепнула ты в ответ.

Ах, Одесса, и т. д.

Мы уплывали и возвращались,
Парней одесских знают все моря,
Но никогда мы так не волновались,
Когда родной мы видели маяк.

Ах, Одесса, и т. д.

От тоски мне никуда не деться,
Ах, что враги наделали с тобой!
Где б ни сражался,— я сражаюсь за Одессу,
За дом отца, за город мой родной!

Ах, Одесса, детство голоштанное,
К тебе найдем дорогу мы на всех морях.
Цвети баштанами, шуми каштанами,
Любимый город, родина моя!

Аплодисменты.

Товарищи! Кто здесь с Одессы, прошу встать.

Встает один человек.

Мама, сколько земляков! В таком случае исполняется популярный одесский народный танец «Семь сорок». Мы его еще с вами станцуем в парке Шевченко, когда сдохнет последний фашистский шакал, шё пачкает наш любимый город. Выходи!

Танец.

Миша. Силыч! А ну — питерцы!

(Ленинградский номер. Нарастающая флотская пляска...)

В публике. Лейтенанта Кедрова! Кедрова!
Кедров. Эту песню я посвящаю одной девушке.

Смех, крики: «Как ее зовут?»

Не знаю.

Мы встречаемся впервые,
Но, обиду затая,
Я одни уколы злые
Принимаю от тебя.

Может, больше нам ни разу
Не увидеться с тобой,
Своенравной, кареглазой
И насмешливо-простой.

Прядь волос золотая,
Взлет упрямых ресниц.
Хоть на миг, дорогая,
Оглянись! Оглянись!

В днях горячих и суровых
Нежный облик сберегу
Той, что ласковое слово
Не сказала моряку.

Ты смеялась зло и звонко
Надо мной, над кораблем.
Нас обидела девчонка,
Что же — стерпим, проживем.

Я пройду над волною,
Буду с морем дружить,
Чтобы встречу с тобою
Поскорей позабыть.

Там за синей моря кромкой,
В переходах и в боях
Я забуду, незнакомка,
О насмешливых глазах.

Но в полночном блеске молний,
В шумной буре грозовой
Твой далекий голос вспомню,
Взгляд лукавый и прямой.

Прядь волос золотая,
Взлет упрямых ресниц.
Хоть на миг, дорогая,
Отзовись! Отзовись!

Елена *(из публики)*.

Каждый видит меня по-другому.
С первой встречи порою кажусь
Одному—своенравною,
Гордой—второму,
Я самою собой остаюсь.

Только смелому слову я верю,
Лишь бесстрашный полюбится мне,
Тот, кто землю зовет
По-матросскому—берег,
Тот, кто ходит по бурной волне.

Он уходит, врага настигая,
В даль, открытую вольным ветрам,
Скажет море тогда ему,
Кто я такая,
Или он догадается сам.

Только смелому слову я верю.
Лишь бесстрашный полюбится мне,
Тот, кто землю зовет
По-матросскому — берег,
Кто проходит по бурной волне!

Жора. А теперь, в заключение, нашу балтийскую!

Четверка запевает.

БАЛТИЙСКАЯ ПЕСНЯ

Погас маяк,
Но звезды нам светят,
Желанный приблизился час.
Нас в море встретит
Балтийский ветер,
Привет тебе передаст.

За город свой
Вперед, ленинградцы!
Ты будешь сынов вспоминать.
Легко встречаться,
Трудней прощаться,
Мы встретимся скоро опять.

Уходим в бой,
Врагов настигая.
Как сердце забилось в груди!
Звезда ночная,
Волна морская
И гордая честь впереди.

Нам плыть вперед
По волнам раздольным.
Мы сердцем окрепли в бою.
Нам жить легко,
Умирать не больно
За милую землю свою.

Вперед, моряк,
Врагам всем на горе
Пусть гневно вскипает вода!
Ты — наше море,
Родное море,—
Советским будешь всегда!

При последних словах меркнет свет, исчезают люди, на небе зажигаются звезды. Катер. Четверка готова к походу. По пирсу идет фигура в плаще с капюшоном.

М и ш а. Кто идет?

Елена отвечает условленным «Ленинград», проходит, подымается на катер. Кедров встречает у трапа, на мгновение освещает фонариком.

К е д р о в. Вы? Гостья?

Е л е н а. Вы? Лейтенант? Ну, что ж, проверим, кто чего стоит...

Забурлила вода под винтом. Катер тронулся.
Нарастающая музыка... Во мраке ночи — убегающий след.
Балтийцы пошли в море... За Ленинград!

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

«ПАРИКМАХЕРСКАЯ В ЛЕНИНГРАДЕ»

Зал ожидания, похожий на дзот, виден уголок дамского зала, где священнодействует главный мастер Ардальон Васильевич. В окошечке — кассирша, по совместительству — гардеробщица. За столиком сидит маникюрша. На стульях расположились ожидающие очереди клиентки.

1-я женщина. Это такое счастье для города, что Ардальон Васильевич отказался эвакуироваться. Если бы он уехал, я просто не знаю, что бы я делала! Нельзя же завиваться у кого попало.

2-я женщина. Милочка, это герой, настоящий герой. В самые тяжелые зимние дни он мне сделал шестимесячную завивку, и она до сих пор имеет вид. Почему таким людям, как он, не дают никаких званий? Есть же заслуженные врачи, учителя, артисты... почему не может быть «заслуженный куафер»? Или военизировать,— скажем... куафер первого ранга?..

1-я женщина. А ведь ему дали только рабочую карточку.

2-я женщина. По-моему, это ужасно несправедливо. Ему надо академическую. Он же художник!

1-я женщина. Именно — художник. Таких людей надо беречь.

3-я женщина *(мрачно)*. Подумаешь — академики, кудельки завивать...

2-я женщина. А вот пришли и вы кудельки завивать, занимаете очередь?..

3-я женщина. А уж это вас не касается. За Ардальона вы не беспокойтесь. Живет получше нас с вами. Ему бабы за зиму столько всякой всячины перетаскали, что вон какой гладкий ходит. Кабан! Небось, и вы с подношением?

1-я женщина *(пряча авоську)*. А вот это абсолютно не ваше дело.

2-я женщина. Бывают удивительно бестактные люди...

4-я женщина *(целуя маникюршу)*. Фаничка, до свидания, родная. Чудный лак. Вот вам на «Баядеру» — девятый ряд. Еле выпросила.

Маникюрша. Спасибо, Ольга Михайловна! Вы не представляете, как я соскучилась по искусству. Стояла в очереди два раза — невозможно! А перекупщики просят за двенадцатый ряд — сто грамм табаку или талоны на жиры. Возмутительно!

4-я женщина. Ну, я очень рада. До вторника, Фаничка. *(Уходит.)*

1-я женщина *(садясь)*. Фанни Аркадьевна, дорогая, вы только взгляните на мои руки.

Маникюрша. Боже мой! Что случилось?

1-я женщина *(трагически)*. Я удивляюсь, что вы спрашиваете. Конечно, лесозаготовки. Милочка, это поправимо?

Маникюрша. Не волнуйтесь, дорогая. Все будет сделано. Но как ваш муж допустил?

1-я женщина. Ха! Допустил... Он-то меня и отправил. Чем пилить мужа,— говорит,— лучше пили дрова. Целый месяц пилила!

Маникюрша. Ужасно! Ведь вы такая хрупкая...

1-я женщина. Кто? Я хрупкая? Ну, уж извините. Я давала пять кубометров шутя. Мне предлагали оставаться бригадиром. Но я не могла, потому что переезжаем.

Маникюрша. Куда?

1-я женщина. В нашем же доме — второй этаж. Я очень довольна. Тридцать метров, вода, уборная, бомбоубежище под нами... А в квартире напротив,

у доктора, будет прекрасный дзот с тремя амбразурами. А второй дзот — напротив, где была булочная. Весь перекресток простреливается абсолютно насквозь. Совершенная гарантия от фрицев.

3-я женщина. Вы бы трепались поменьше...

1-я женщина. Не вмешивайтесь, с вами не говорят. *(Маникюрше.)* Я считаю, что у нас к зиме будет уютно.

Входит Марья Астафьевна; она с корзинкой, в платке.

Марья Астафьевна. Кажись, сюда попала? *(К женщине у вешалки.)* Милая, подь сюда.

Гардеробщица. Гражданка, вам что?

Марья Астафьевна. Тут красоту-то наводят?..

Гардеробщица. В очередь. Возьмите номерок. Вам завивку, окраску, маникюр или педикюр?

Марья Астафьевна. Милая, впервой я... Уж ты по-женски посоветуй-то... Я тебя не забуду... Дело-то у меня с одним человеком... Вот маникюр бы мне и завить...

Женщина. Любовный интерес?

Марья Астафьевна. Угадала, милая... *(Увидев восковые манекены с прическами.)* Вот вроде этих гражданок сделают?

Женщина. Еще хлеще будете. Главный мастер и не таких обрабатывал...

Марья Астафьевна. Дай бог ему здоровья. *(На манекен.)* Вот вроде этой получится?.. *(Примеряется к манекену.)*

Женщина. Ардальон Васильевич — маг, все может.

Марья Астафьевна. Может? Слава те, господи. Проведи-ка, милая, к главному-то...

Мастер *(окинув Марью Астафьевну привычным взглядом)*. Какую, мадам, желаете прическу?

Марья Астафьевна. Вас как звать-то, милой?

Мастер. Ардальон Васильевич.

Марья Астафьевна. Ардальон Васильевич, ты слушай... Не знаю я ничего... Отродясь гре-

бешком расчесывалась, на обе стороны... Так и прожила... А теперь причины есть... Сам понимаешь... *(Толкнула в бок.)*

Мастер. Догадываюсь...

Марья Астафьевна. Дак ты уж поглянцевитей и позавлекательней заверни, с морской волной...

Мастер. Теперь носят плоеные прически и с локонами.

Марья Астафьевна. А как помодней-то? Чтоб мужчина вот так *(показывает)* глаза пялил!

Мастер. Понятно... Впереди носят вот так: два локона и чуть-чуть подвивают сзади... Но это будет дороже.

Марья Астафьевна. Господи, да тут чего не отдашь!.. Цена? Да за ценой не постою. Ты вот так-то *(на манекен)* сделаешь?.. *(Шопотом.)* Глаза-то пялить будут?

Мастер. Обязательно, мадам.

Марья Астафьевна. А сколько ж платить-то?..

Мастер. На усмотрение, мадам...

Марья Астафьевна. Э-э... деньги счет любят, милой... Ты уточни-ка...

Мастер. По прейскуранту два рубля пятьдесят копеек, за локоны четыре рубля пятьдесят копеек, керосин свой.

Марья Астафьевна. Четыре пятьдесят да керосин? Это куды лить-то?..

Мастер. В лампу, чтобы разогревать щипцы.

Марья Астафьевна. Поджаривать будете?.. Ох, страсти... *(Пятится, видит инструменты для маникюра.)* А пила-то зачем?.. И щипцов сколько!.. Да куда же я попала-то? *(Торопливо уходит, почти сталкиваясь с Кисой. У входа — шум, спор.)*

Влетает Киса. Она кидается к освобождающемуся креслу

Киса. Причешите, пожалуйста, вне очереди, военная...

Две оставшихся клиентки возмущенно вскакивают.

Голоса. Гражданка!
— В очередь!
— Тут люди с утра ждут...

Шум.

Киса. И разговаривать не стану. Вне очереди — военная...

3-я женщина. Нет, станете!.. *(К дамам, к мастеру.)* Зовите милицию — это безобразие.

Киса. Подумаешь — запугали!.. *(Села в кресло.)* Стремительным ударом наши части заняли пункт Н. Ардальон Васильевич, причесывайте...

Женщины, особенно третья, остолбенели, обозлились.

3-я женщина. Я иду за милицией...

Возмущенные клиентки ушли.

Киса. Попытка противника выбить наши части — парализована... Ардальон Васильевич... Причешите, пожалуйста...

Мастер начинает причесывать Кису... Она распустила свои темные волосы... Влетает Эдди Чижов — с букетом и подарками.

Чижов. Насилу нашел! Киса! Несравненная Киса! *(Ставит букет.)*

Киса. Можете отнести букет блондинке.

Чижов. Какие чудные волосы!.. Ночная волна... Киса! Я пришел узнать: да или нет...

Киса. Оставьте свою старую жену.

Чижов. Она не старая...

Киса. Старую жену; оформите это, чтобы все было по-советски, без современной распущенности... Как война действует на нравы!..

Чижов. Киса!..

Киса. Не перебивайте. Оформите все это и *(кокетливо)*... приходите.

Чижов *(замирая)*. Тогда?

Киса. Тогда, Эдди, я подумаю.

Чижов. Только «подумаете»... О-о-о!.. Киса, вы крошка-людоедка, вы истребитель мужчин... Вы мучите меня целый месяц.

Киса. Иные тоскуют по мне годы.

Чижов. Киса, все, кроме загса.

Киса. Нет, загс на всю жизнь.

Чижов. Отдаю паек.

Киса. Подумаешь!

Чижов. Аттестат.

Киса. Врете. Он у вашей старой жены.

Чижов. Со временем возможна квартира... Три комнаты.

Киса. Мне предлагали вполне состоятельные командиры и пять комнат, с ванной и с видом на Неву.

Чижов. Хорошо, пусть будет пять комнат с видом на Неву...

Киса. Вы забыли ванну.

Чижов. Вода может замерзнуть.

Киса. Вы будете носить воду...

Чижов. И тогда вы, наконец, решите все сразу, без бумажных формальностей?

Киса. Я сказала: загс, ликвидация старой жены и честный документ.

Чижов. Киса, а если я предложу вам...

Киса *(перебивая)*. Оставим это. Меня не интересуют так называемые блага... Я ищу людей... Я ищу человека... Он — сильный, преданный, молодой...

Чижов. Молодой... Это — я.

Киса. Ненавидящий врагов...

Чижов. Это же я!

Киса. Культурный...

Чижов. Да это я!

Киса. Страстный...

Чижов. Киса, я такой. *(Кусает согнутый указательный палец: почти тигриная страсть.)*

Киса *(задумчиво)*. А где этот высокий молодой краснофлотец с катера? Миша... Правда, удивительно милый, тонкий. Какие у нас люди выросли!.. Он поэт...

Чижов. Хм... «Миша», «Миша»... Что вы нашли в этом верзиле? *(Подошел.)* Стихи?.. Я тоже могу прочесть вам стихи.

Киса. Не нужно... Все равно у вас получится проза... У Миши лучше, там душа...

Чижов. Опять Миша?! *(Взбесился, схватил Кису.)*

Киса. Ой, мне больно... Чудно'... Сделай так еще раз... Я не знала, что вы такой... Эддик...

Чижов. Да, я обольститель... Я это знаю...

Киса. Эддик, поревнуйте меня еще...

Чижов. Хватит. Хорошего понемножку.

Киса. Да?

Она подходит к нему вплотную и целует его. У Чижова подкашиваются ноги.

(Чуть отойдя.) Ну, что?

Чижов. Я ваш, я все забыл...

Киса. Вы будете хорошим?

Чижов. Абсолютно...

Киса. Здесь душно... Мне жарко.

Чижов. Здесь есть вода...

Киса. Какая-нибудь сырая... и с мухами... Эдди, найдите где-нибудь поблизости...

Чижов. Лечу...

Чижов вышел. В салоне одна Киса. Вошел мастер.

Киса. Поглядите — там никого нет?

Мастер смотрит за шторку в соседний зал, подходит к выходной двери, прислушался.

Мастер. Никого.

Киса. Начальник, читайте...

Мастер *(читает стихи Миши)*. Что за стихи?

Киса. Вдумайтесь...

Пауза.

Сегодня ночью выходит катер «СК-13» — «Орленок». Четыре человека команды — коммунисты и комсомольцы. Командир — лейтенант Кедров, опасный тип. Высадка с катера на нашем берегу. Точное задание, данное катеру, пока не выяснено. Подозрение — что-то серьезное... Катер надо захватить. Предупредите капитана фон Дитмарштейна возможно скорее.

Мастер. Все?

Киса. Нет, здесь сведения о базе. *(Передала быстро записку.)*

Мастер. Не люблю письменных... Я вас учил: не оставляйте следов и улик, не показывайте свой почерк.

Киса. Это не мой почерк. Это копия одного документа с машинки.

Мастер. Это другое дело.

Киса. Я писала своей рукой только один раз — когда я начинала работу, и писала вам о той же базе.

Мастер. Это другое дело. Нам было нужно это... для личного дела. Но вы отвлекаетесь в сторону. Что это за тип с вами?

Киса. Комендант базы.

Мастер. Полезен? Глуп? Доверчив?

Киса. Вы же наблюдали. Влюбленный идиот. Хочу использовать его для дела. Женю на себе: законной жене будет гораздо удобнее. Боевая подруга...

Мастер. Какой это будет у тебя... по счету?

Киса. Вопрос служебный?

Мастер. Нет...

Киса молчит.

Мне мучительно тяжело видеть все это, дорогая...

Киса. Не нужно сцен, Руди. Жди, война должна скоро кончиться... Жди. *(Притронулась щекой к его руке.)* Мне тоже не легко играть, изображать идиотку... Не ревнуй. Он нужен. Зимой я его выжму, и когда база замерзнет, кампания кончится, я выброшу его — или вы уберете его, я перейду на аэродром или в главную базу. Какие будут приказания, начальник?

Мастер. Я предупредил капитана, что сегодня ночью переброшу вас для личного доклада. Вы готовы, мой смелый пловец?

Киса. Я готова плыть.

Мастер. Ваши донесения заставляют насторожиться. Может быть, выход катера — это ловушка. Может быть, это связано с нашим делом... Советская разведка где-то близко... Подождем еще день-два.

Киса. Хорошо, начальник. Я буду действовать на базе...

Мастер. Затем вы должны будете съездить в Москву.

Киса. Я готова. Чем опаснее, тем лучше. Я рада вредить им, уничтожать их...

Мастер. Действуйте... Кто-то идет... До свиданья, дорогая... *(Нежно к ней нагнулся, взял руку, целует.)*

Входит Чижов. Он несет стакан ленинградской прохладительной воды.

Чижов. Это входит в обязанности парикмахеров прижиматься к чужим женам?

Киса. Эдди!

Чижов. Пей и молчи.

Чижов в упор подошел к мастеру. Пауза. Оба пристально поглядели друг на друга.

Вы доиграетесь.

Мастер. Вы мешаете даме. И вы мешаете мне работать. *(К Кисе.)* Прошу теперь в это отделение...

Киса и мастер вышли в соседнее отделение.

Чижов *(один)*. Я определенно где-то видел этого типа... Когда?.. *(Вспоминает мучительно.)* Память от служебных забот слабеет... Осада... Э... э... не ври, братец,— шпроты, букеты ты помнишь; где возлюбленная крошка, ты помнишь... Где я его видел... Когда выпивали в «Баре»? «Астории»? «Европейской»? «Северной»? «Англетер»? Шашлычной?.. Боже, где тебя только не носило, Чижов!.. Где я его видел? Эти серые жуткие глаза... *(Внезапно сел, вспомнил.)* Я видел его в Гамбурге. Гамбург-порт. Стоп, стоп, товарищ Чижов!.. Все за борт! Тут дело государственной важности. *(Глядит на занавес, за которым мастер и Киса. Оттуда слышны взрывы смеха Кисы. Пауза.)* Заявить надо, скорее!.. *(Сдержался.)* Куда торопиться?.. Нет, взвесим. Может быть, случайное сходство, а я заварю такую кашу. Нет, продумаем. Будем рассуждать логически. Я мог обознаться? Мог. Я мог спутать? Мог... Чижов, брось... Это он! Гамбург-порт. Проверка советской команды, гестапо, его взгляд: «Паспортен!..»

Он! Дело государственной безопасности. Не спугни птичку... Ишь, устроился... Тут тебя и цап...

Пауза.

А если начнут разматывать... «А зачем вы, товарищ, посещали эту парикмахерскую?.. А с кем?..» И тень на деточку, на Кису... Зашла причесаться — и такая неприятность... *(Догадка.)* А вдруг?.. — Нет, она такая наивная, простодушная, прямая — в загс, по-советски... Чудная девушка!.. А вдруг?! Боже, где все эти полезные статьи, советы, как разоблачать врагов и вражеских агентов?.. *(Шарит по столам, молниеносно — и безнадежно — просматривает несколько номеров газет.)* «Будь бдителен»... А я что же, я вполне... — «Иногда под неожиданной личиной, может быть, и скрывается...» Именно! И я не понимал!.. Я был на волос от гибели. Я касался ее... Ей-богу, нет, не касался, честное слово... Хотел коснуться,— знаете, мелкие половые побуждения. На лицо и другие места загляделся,— а в анкету забыл. Грешен... «Гражданин Чижов, подойдите к следователю. *(Делает робко шаг, два.)* Вы — Эдди?» *(Удивленно.)* Я — Эдди? Боже упаси... Я — Евграф. *(Лезет за своим документом.)* Евграф, русский, дитя народа... Я бывший мальчик из ресторана, граждане судьи, потом буфетчик парохода Ленинград—Кронштадт. Плата один рубль двадцать пять копеек, пиво есть, бутерброды, граждане, не напирайте.— Затем, товарищи *(почти слеза)*,— я беспартийный выдвиженец на линии Ленинград — Гамбург, и в расцвете сил ресторатор первого класса, финь-шампань, коктейль, особое обслуживание советских, конечно, товарищей, забота о человеке... Ныне, в отечественную, взят из запаса, честно служу, без пятна на совести и на мундире... Граждане судьи, войдите в положение, безумно любимая жена в Новосибирске, верен ей свято, детишки, двое... — «Встаньте, подсудимый!» *(Вытянулся, потный.)* Есть... Стою... *(Мелко крестится.)* Пронеси, господи, помилуй, господи, помилуй, господи... И молитвы все забыл... — «десять лет со строгой...» Слава богу... пронесло... «двадцать пять со строгой... высшую...»

(Пауза; обмер... Опомнился...) До чего нервы расходились... Нет, мне надо уйти... На воздух... Я здесь был раз в жизни, десять минут, случайно, клянусь... И ставлю крест. *(Тихо, на цыпочках, идет к двери.)* «Товарищ Чижов, балтийский моряк!» — А, есть! — «Покидаете, товарищ, когда опасность приблизилась к вам. Благовидно смываетесь... Вы подлец, вы, вы шкурник, Чижов, вы мелкая душонка!..» *(Он стал выпрямляться.)* Кто?! Я! Никогда!.. В малом грешен — женщины смущают, в службе чист... Перед родиной чист... Что ты делал? — скажут... Стоял на страже... Тсс... Я размотаю этого парикмахера... А девочка... Девочка ни при чем... Ей-богу... Обыкновенная ленинградская девушка, активистка, крошка, брюнетка...

Впорхнула К и с а. За ней идет м а с т е р.

К и с а. А вот и я! Ну, хорошо? Тебе нравится?

Ч и ж о в. Нет, мне тут не все нравится. *(Мрачно поглядел на мастера.)*

К и с а *(настороженно быстро)*. Ты душка! Ты ревнуешь даже к парикмахеру?.. Теперь так редко встретишь сильное чувство... *(К мастеру.)* Ардальон Васильевич, я бы хотела расплатиться. Эдди, у тебя есть мелкие?

Ч и ж о в *(сухо)*. Есть.

К и с а. Заплати мастеру...

Ч и ж о в *(протянул кредитки, не оборачиваясь через плечо)*. Сдачи не надо.

М а с т е р *(сухо, злобно)*. Мастера на чай не берут.

Бросил сдачу. Звякнула мелочь на тарелку; тут же и несколько бумажек.

Киса и Чижов выходят.

К и с а. Спасибо, до свиданья *(обернулась)*.

М а с т е р *(вслед)*. Что с ним будет?.. Я надеюсь, то, что со многими русскими: он умрет...

Снял халат. Преобразился. Это далеко не старик: это человек с немецкой офицерской выправкой.

Так, к делу. Катер «СК-13» — «Орленок», четыре человека команды, командир — лейтенант Кедров, с

ним трое — коммунисты, комсомольцы. Идут ночью... Это будет неплохая работа — вручить нашим этот товар живьем... *(Запер дверь.)* Ночью капитан фон Дитмарштейн получит радио, и русские будут в его руках.

КАРТИНА ВТОРАЯ

«В МОРЕ».

Шум волн, вой ветра. Катер «Орленок». Голос командира катера лейтенанта Кедрова: «Вперед смотреть! Малый!..» Что-то лязгнуло внутри катера. «Сто-оп!» Вырисовываются фигуры в боевых костюмах катерников: лейтенант Кедров, боцман, Георгий Бронза. В машине Чекрыгин. Елена рядом с командиром. Она — в темном плаще.
Шарящий луч прожектора. Все пригнулись.

Кедров. Мы на месте... Пришли по времени точно. Маяк — в миле отсюда. Приказано далее выполнить ваши указания.

Елена. Здесь я сойду...

Кедров. Как?..

Елена. К берегу я пойду вплавь.

Боцман *(Жоре и Мише)*. Куда вы глаза пялите? Глядеть за немецким берегом!

Жора. Есть!

Боцман. Не мое, конечно, дело, но узнал я ее! Отец ее на нашем эсминце командиром был в восемнадцатом году. Она.

Елена приложила палец к губам, посмотрела на боцмана.

Боцман. Так точно, понимаю...

Шарящий луч опять прошел близко. Все притаились.

Кедров. При возвращении вы дадите знак, мы вас примем на борт.

Елена. Ждите меня, пока темно.

Кедров. Можете положиться...

Елена. Что бы ни произошло, будьте на месте.

Кедров. Есть.

Елена. Кто бы ни подходил — бейте.

Кедров. Есть.

Е л е н а. Немцы, в случае моей неудачи, могут попытаться взять вас, может, будут окликать по-русски,— бейте.

К е д р о в. Понимаю...

Е л е н а. Если к рассвету не вернусь, тогда уходите.

К е д р о в. Бросить вас?

Е л е н а. В этом случае — да... Но помните — я им не дамся.

Лейтенант и Елена молча смотрят друг другу в глаза, взялись за руки... Медленно-медленно приближают свои лица — одно к другому... Остановились, замерли... Несвершенный поцелуй...

Е л е н а. Я хочу поблагодарить и попрощаться с товарищами.

Жмет руку боцману. Тот по старофлотской привычке быстро сдернул фуражку.

Б о ц м а н. Ну, дай вам бог, родная...

Е л е н а. Спасибо, боцман...

И перед уходом-прыжком разведчика команда корабля поет ей в ночной тьме и тиши, под сурдинку, старинную флотскую песнь нашу «Раскинулось море широко...» Слова песни, лирически-трогательные, как-то удивительно совпадают с настроением и делом смелой ленинградской девушки: она идет в стан врага «подальше от нашей земли».

Е л е н а. Балтийцы вы мои... Хорошие вы... Я корабль ваш и вас напрасно обидела... Вы простите...

Б о ц м а н. Ну, что об этом...

Пожала всем руки крепко, уверенно.

Е л е н а. Теперь на минутку отвернитесь...

Сбросила с себя дождевик. Осталась в облегающем купальном темном шерстяном костюме,— герметическая сумочка на шее. Прыжок, всплеск, удаляющиеся легкие удары рук по воде. Молчание. Моряки смотрят ей вслед.

М и ш а. А что она должна сделать, товарищ лейтенант?

Л е й т е н а н т. Большая у нее задача...

Ж о р а. Вот смелость!.. Ох, пошел бы ей помочь. *(Весь тянется вслед.)*

Л е й т е н а н т. Безусловно пошел бы!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

«В НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКЕ»

Тяжелый немецкий ритм в музыке.
Изолированный дом. Квартира немецкой разведки — в одном из оккупированных прибрежных пунктов под Ленинградом. Простое убранство. Несколько стеклянных книжных шкафов. Портрет Гитлера. Немецкий флаг: красное полотнище со свастикой на белом круге. Карта Балтийского моря... Крупная карта Ленинграда с жирной черной чертой — кольцо так называемого «фронта окружения». Трое немецких офицеров-разведчиков. Двое в форме, один в штатском.

Штатский. Ее ждут сегодня.

1-й офицер. С минуты на минуту.

2-й офицер. Это правда, что это наш лучший агент в Ленинграде?

1-й офицер. Это близко к истине.

Штатский. А что она представляет собой как женщина?

1-й офицер. Мы не знаем о ней ничего. Только номер «Э6». Наиболее законспирированный сотрудник.

Штатский. Особо доверенный?

1-й офицер. Особо доверенный.

Штатский. Странно — такая честь для русской.

1-й офицер. Это наследственный сотрудник. У нас работала — как я слышал — еще ее мать, с тысяча девятьсот четырнадцатого по тысяча девятьсот двадцатый год.

Штатский. А-а, это меняет дело. И ее мать тоже была хороша?

1-й офицер. Говорят — очень. Посмотрим — какова же дочь. Она идет вплавь.

Штатский. Вплавь? Мы увидим ее как на пляже? *(Замурлыкал.)* «Их кюссе ире ханд, мадам»... [1]

Мужчины напевают, куря... Стук в дверь.

1-й офицер. Да...

Вошел эсэсовец. Он, вытянувшись, докладывает 1-му офицеру.

Эсэсовец. Херр капитан... Прибыл человек, которого ожидают и которого приказано пропустить.

---

[1] «Целую вашу руку, мадам...» *(немецк.)*.

1-й офицер. Впустите.

Штатский. Она!

Все трое встали — легкий стук.

1-й офицер. Ейнтретен![1]

Входит Елена, кутаясь в купальный халат, поданный, очевидно, ей на берегу.

1-й офицер *(делая шаг вперед с поднятой по-фашистски рукой)*. Хейль Гитлер!

Двое других молча делают то же приветствие.

Елена. Здравствуйте.

Ей представляются.

1-й офицер. Капитан фон Дитмарштейн.

Елена. Много о вас слышала, капитан.

2-й офицер. Обер-лейтенант Курт Розе.

Штатский. Группенфюрер «СС» Адольф Гофман.

Елена. Господа офицеры простят меня, если я не назовусь им. Я — «06»...

1-й офицер. О, конечно...

Штатский. Пусть на фрейлейн останется как бы черная маска.

2-й офицер. Фрейлейн пришлось так далеко плыть — от самого города. Мы поражены...

1-й офицер. Фрейлейн, вероятно, холодно и ей не до наших расспросов... Фрейлейн может переодеться... *(Указал на мягкую портьеру, отодвинув ее на кольце.)* Здесь для вас приготовлено все необходимое.

Елена. Это очень мило...

Елена, кокетливо кутаясь, бросив взгляд на группенфюрера «СС», прошла за портьеру. Все трое по-мужски, но корректно, смотрят на нее и ей вслед. Затем молча переглядываются. Один одобрительно кивнул головой. Два-три жеста восхищения...

Елена *(из-за портьеры)*. Я вам не мешаю?

1-й офицер. Мы боимся, что мы мешаем вам, фрейлейн.

2-й офицер. Впору ли вам платье? Фрейлейн не слишком ослабела и похудела в Ленинграде?

---

[1] Войдите! *(немецк.)*

Е л е н а. О, не беспокойтесь... Как видите, там можно сохранить спортивную форму...

Вестовой эсэсовец бесшумно принес поднос с вином, фруктами и бисквитами.

1-й офицер. Будем просить фрейлейн выпить бокал, чтобы скорее согреться.

Е л е н а. Я сейчас буду...

За портьерой Елена запела что-то... Сильнее. Чистое сопрано... Бравурный мотив. Офицеры повернули головы, прислушались.

Ш т а т с к и й. О-о!..

Портьера распахнулась. Елена в великолепном туалете... Ее приглашают к столу. Она медленно подходит...

1-й офицер. Что вы пели, фрейлейн?

Е л е н а. Песнь разведчиков... *(И, подняв бокал, Елена поет бравурную и вызывающую песнь разведчиков.)*

ПЕСНЬ РАЗВЕДЧИКОВ

На лице моем — черная маска,
Пусть в засадах враги сторожат,
Где с дороги свернет даже смелый с опаской —
Я, девчонка, иду не дрожа.

Я не сдвину ни камня, ни ветки,
Пробегу, словно капля дождя,
По неписанным, строгим законам разведки
Отвечая сама за себя.

И тропою
Ледяною
Пробегу.
Проползу.
Пробьюсь.

Рядом пропасть —
К чорту робость!
Смерти в глаза смеюсь.

Мне доверена грозная тайна,
Пусть пытают, останусь тверда.
Ни во сне, ни в бреду, даже словом случайным—
Не скажу ни за что, никогда.

И одна лишь звезда надо мною
Там спяет всю ночь в вышине.

Я вам тайны своей ни за что не открою,
Но свою вы расскажете мне!

Осторожно
В час тревожный
Пробегу,
Проползу,
Пробьюсь.
Грянет выстрел —
Пуле быстрой,
Смерти в глаза смеюсь.

Этот путь я одна только знаю,
Пусть на карте не значится он.
И когда мне захочется, я исчезаю,
Называюсь любым из имен.

Мне пароль открывают и пропуск —
Путь опасный по краю ножа,
Где земля под ногами срывается в пропасть,
Я, девчонка, иду не дрожа.

1-й офицер. Браво! За нашу разведку! *(Поднял бокал.)*

Елена. От всего сердца. За нашу разведку!.. *(Не чокаясь, она выпивает свой бокал.)*

2-й офицер. Фрейлейн должна иметь успех в Ленинграде!

Елена. Об этом пусть судят другие...

Штатский. Еще больший успех будет у вас в Берлине.

Елена *(подумав)*. В Берлине? Со временем... Не сомневаюсь... *(И, улыбаясь, пристально посмотрела в глаза группенфюреру «СС».)*

Штатский *(напевает)*. «Их кюссе ире ханд, мадам...»

Елена. Но время идет, а я должна быть обратно до рассвета. Капитан, мы можем начать разговор.

1-й офицер *(чуть подумав)*. Нам так приятно на минуту забыть о делах... Осада так затянулась, и мы тут в лесу. Просто дичаем.

Елена. Но мое время бежит, капитан.

1-й офицер. Слушаю вас.

Вино и прочее — отодвинуто, убрано.

Елена *(подавая «донесения»)*. Здесь донесения.

1-й офицер. Так... *(Быстро взглядывает на подписи и пр.)* Все верно... Как себя чувствует старик?

Елена *(мгновенно соображая... ища ответа)*... Еще одну такую зиму он вряд ли выдержит.

1-й офицер. Он нам об этом не сообщал.

Елена. Он скромен.

1-й офицер просматривает донесения, 2-й и штатский молча, служебно, ждут. 1-й офицер делает пометку.

1-й офицер. Это очень ценно... *(Показывает 2-му и штатскому.)* Сейчас же сообщить в штаб фронта.

2-й офицер. Слушаю, господин капитан.

2-й офицер и штатский вышли.

1-й офицер. Так... Это — об эскадре, это — о Кронштадте... Это — о настроениях Ленинграда. А о резервах?

Елена. Тут же.

1-й офицер пробегает тонкие листки папиросной бумаги и делает пометки.

1-й офицер. Скажите, как выглядит Ленинград?

Елена. Он остается красивым.

1-й офицер. Вас, фрейлейн, не слишком беспокоят наши обстрелы?

Елена. Ну, чего люди не терпят для высокой цели...

1-й офицер *(посмотрев на нее)*. Сколько вам лет, фрейлейн?..

Елена. Двадцать пять...

1-й офицер. По нашим данным — вы старше.

Елена *(с улыбкой)*. Поэтому мне и приходится убавлять.

1-й офицер. Простите, одну минутку... *(Подошел к стеклянному шкафу. Вынул оттуда одну из папок, перелистал что-то, поглядел на Елену.)* Странно, вы же брюнетка.

Елена. Цвет волос разведчик меняет сообразно требованиям дела.

1-й офицер. Но...

Е л е н а. Не перебивайте, капитан. Следующий раз я попрошу, чтобы сюда не присылали мелких агентов. Я предпочту говорить с первым отделом гестапо или с самим Гиммлером.

1 - й о ф и ц е р. Вы знаете рейхсфюрера «СС» лично?

Е л е н а. Об этом вы должны знать. Впрочем, чего ждать от заброшенной в лес разведки, где люди, видимо, тупеют?

1 - й о ф и ц е р *(захлопнув шкаф)*. Прошу за все извинения, фрейлейн. Глубочайшие извинения...

Е л е н а. На первый раз я вас извиняю.

1 - й о ф и ц е р. Характером вы вся в мать.

Е л е н а. Многое мне дал и отец.

1 - й о ф и ц е р. Фрейлейн должна понимать меры предосторожности.

Е л е н а. На вас, повидимому, действуют постоянные провалы? Вы потеряли в Ленинграде организацию Львова, организацию Жукова, Шапиро. Организацию Быстрова и Лаурсена. Группу Игнатовского.

1 - й о ф и ц е р. Откуда вы это знаете?

Е л е н а. Группу Кондрикова. Группу сестер Вельберг, гадалок. Группу «Российской национал-социалистской партии», группу «Защиты интересов Адольфа Гитлера»...

1 - й о ф и ц е р *(привстав)*. И эта группа раскрыта?

Е л е н а. Да, я уполномочена сообщить вам это...

1 - й о ф и ц е р. Я слушаю...

Е л е н а. И я вижу, что все это действует на вас так, что вы начинаете переставать доверять нам. Так я и должна доложить в Ленинграде? Что же у вас останется?..

1 - й о ф и ц е р. Фрейлейн не так меня поняла... Мы абсолютно доверяем...

Е л е н а. Меня просили доставить новые инструкции.

1 - й о ф и ц е р. Хорошо. Они готовы...

Стук в дверь.

Е л е н а. Пусть не мешают. Мы закончим, тогда вы примете других. У меня минимум времени.

1-й офицер *(к двери)*. Нельзя.

Офицер заготовляет бумаги.
Стук настойчивей.

Елена. Нельзя.

Входит эсэсовец-вестовой. Подал сообщение: «С радиостанции, господин капитан». Это расшифрованное предупреждение, радиосообщение резидента-парикмахера. 1-й офицер прочел его молча, бросил взгляд на Елену, сделал на сообщении пометку. Отдал. Вестовой вышел.

1-й офицер. Сколько всего ваших донесений?

Елена. Четыре.

1-й офицер молча рвет их.

1-й офицер. Такие документы мы можем изготовить здесь. По-русски это называется «липа»... С места не сходить! Задумано блестяще. Вы подменили нашего агента «06». Еще несколько минут, и «черная маска» исчезла бы с новыми инструкциями и схемой разведки... Но немцы достаточно быстры... *(Взял трубку.)* Hallo! Говорит капитан фон Дитмарштейн. Открыть прожектора. Выслать сторожевые катера. Не пропускать от берега никого. Даже с нашими сигналами и опознавательными.

Звонит в настольный электрический звонок. Глухой звон. Молча смотрит на Елену. Та остается внешне спокойной, курит, обдумывает положение. Шаги. Без стука входят шесть эсэсовцев.

1-й офицер *(к старшему)*. Полчаса тому назад на нашу территорию на катере переброшен советский агент. Пункт высадки: полмили к зюйду от маяка. Катер «СК-13» — «Орленок»... Обратный выход катеру отрезан. Вы возьмете катер и его команду. *(К Елене.)* Сколько их?

Пауза.

Елена. Они не спрашивали, сколько вас.

1-й офицер. Вы возьмете их.

Старший эсэсовец. Уничтожить или живыми?

1-й офицер *(призадумался)*. Это балтийские

моряки... Если удастся взять их живыми,— тысяча марок премии каждому.

Эсэсовцы тихо, одобрительно переглянулись.

Старший эсэсовец. Будут взяты живыми, капитан!

1-й офицер. Действовать в духе «СС», стремительно! Последнее: эти русские знают наш пропуск. Менять его сейчас поздно. Идите!

Эсэсовцы делают поворот и выходят.

1-й офицер. Простите, что я отрываю вас от размышлений. Мы продолжим разговор.

Елена. Продолжим.

1-й офицер. Как вы теперь находите немецкую разведку?

Елена. Выводы обычно делаются по окончании какого-нибудь дела.

1-й офицер. Вы дадите показания?

Елена. Какие сочту возможным.

1-й офицер. Вы знаете женщину, за которую себя выдавали?

Елена. О, конечно!

1-й офицер. Именно?

Елена. «Ноль шесть».

1-й офицер. Бросьте шутки... Что вы знаете о ней?

Елена. Она брюнетка.

1-й офицер. Откуда вы это знаете?

Елена. От вас.

1-й офицер. Какие вам даны инструкции?

Елена. Те, что я в данный момент выполняю.

1-й офицер. Именно?

Елена. Не отвечать на подобные вопросы.

1-й офицер. Гром и молния! Вы дадите показания?

Елена. Хорошо. Я облегчу вам понимание дела.

1-й офицер. Давно бы так... Кто вы?

Елена. Русская.

1-й офицер. Кто вы?

Елена. Русская, этим сказано все...

1-й офицер встал... Прошелся... Решил изменить подход.

1-й офицер. Слушайте, русская.

Елена. Слушаю, немец.

1-й офицер. Вы — любопытный экземпляр. Вас надо, пожалуй, сберечь.

Пауза. Обмен взглядами.

Елена. Не могу ответить тем же. Вы экземпляр нелюбопытный, обыкновенный фриц.

1-й офицер. Послушайте, вы... Что за тон! Кто у кого в руках?

Елена. Вы у нас в руках... Вы влезли в Россию и целыми отсюда не выберетесь. *(На портрет Гитлера.)* И этому достанется...

1-й офицер. Замолчать!

Елена. Вы не хотите, чтоб я говорила... «Слушайте, русская». Вот русская и говорит. Вы пытаетесь пролезть всюду. Но все напрасно. Россия стала поперек пути... Куда бы вы ни крались, ни кинулись — всюду Россия... Она ломает планы этого *(на портрет)*... Вы хотите расшатать Россию — надежду, опору всех людей,— ничего не можете сделать,— и не сделаете! Фашисты — вы стали самым ненавистным именем... А Россия стала родной, дорогой всем людям, всем, у кого сердце в груди, живая душа, мысль, совесть и кто ненавидит рабство. Когда говорят «будущее», «победа»,— думают о России... Когда думают о борьбе, о крахе и смерти Гитлера,— говорят — Россия!..

1-й офицер. Приходится удивляться...

Елена *(в упор)*. Чему удивляться? Вы видели в России где-нибудь иные слова, иные взгляды? Сто девяносто шесть миллионов бросают вам, скотам, в лицо: да, мы вас презираем, мы вас ненавидим!..

1-й офицер. Ты... Ты любопытная.:. Ты останешься здесь — и слово немца! — ты будешь служить фюреру и Германии.

Вдали несколько выстрелов, очереди из автоматов.

1-й офицер. Это кончены те, которые тебя доставили. Это кончен целый цикл, советский цикл

твоей жизни. Останься наедине... Подумай... И выбери немецкий путь. Путь обновленной Европы.

1-й офицер оставляет ее одну. Она оглянулась на дверь, встала, попробовала двери, окна. Все закрыто наглухо. На секунду задумалась... Все кругом глухо, мрачно. Чужой флаг. Чужой портрет. Застенок...
Одиночество и тоска. Задумалась... села. И вспомнились девушке свои, друзья...

Елена *(шепнула)*. Товарищи, где вы? Елена была на посту до конца. Чести Ленинграда не посрамлю... Скажите, когда вернетесь, пробьетесь... Пробьется же кто-нибудь. Скажите: была Елена, фамилию вы не знаете, это и не нужно. Важно — была девушка из комсомола, озорная, с Выборгской стороны. *(Оглянулась, увидела немецкий флаг и портрет.)* Как же, вот так и смириться. Эх! *(Постояла, рванула флаг в клочья и портрет Гитлера — в клочья... Села на место.)* ...Мамочка, родная, прощай, моя хорошая!.. Прощай, любимый город... Прощайте, мои балтийцы...

И девушка тихо запела песнь прощания «Раскинулось море широко...» Нахлынула тема щемящей тоски: прощай, родина! Прощай, флот! Прощайте, друзья!..

ПЕСНЯ ЕЛЕНЫ

Даль балтийская, седая,
Передай, волна морская,
От меня привет прощальный
Ясным берегам.
Край раздольный, край широкий,
Я умру не одинокой,
Я не предала родного города врагам.

Ходит катер за туманом,
Слишком поздно и нежданно,
В час, когда расстаться надо,
Ты пришла, любовь.
Вспоминай меня порою —
Озорною, молодою.
Я твою морскую песню повторяю вновь:

«Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали,
Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли...

Напрасно старушка ждет сына домой,
Ей скажут — она зарыдает.
А волны бегут от винта за кормой,
Бегут и вдали пропадают...»

Не печалься, дорогая,
Дочку долго ожидая,
Я погибла не напрасно
За родимый край.
Где-то на море широком,—
Друг недавний, друг далекий,
Я лишь встретилась с тобою,
А теперь — «прощай!»

Вошел 1-й офицер.

1-й офицер. Ну что, вы решили?

Елена. Решила.

1-й офицер. Что же вы решили?

Елена. А вы не видите?

1-й офицер. Тварь!

Шум, шаги...

А, идут ребята, «СС». Я тебя отдам этим ребятам. Они тебя... Эй, сюда!

Стук в дверь.

Да. Эйнтретен!.. Взять!

Распахнулась дверь... Секунды ожидания... С автоматами наготове входят лейтенант Кедров, боцман, Миша Чекрыгин, Жора. Миша ранен, на ходу делает перевязку. Вид у всех боевой — мокрые, вороты раскрыты — видны флотские тельняшки. Стремительно заняли места у дверей, окон. Офицер разведки обомлел. Елена вскрикнула.

Кедров. Отобрать оружие.

Миша *(подходит)*. Есть! *(К офицеру.)* Что же вы не здороваетесь? У вас так здороваются? *(Вытянул немцу правую руку вверх, по-гитлеровски.)* Но нам больше нравится вот так... *(Вытянул немцу вторую руку вверх — знак сдачи в плен.)*

Кедров. Вы, кажется, хотели видеть балтийских моряков живьем? Так мы поняли ваших?.. Пожелание выполнено... О ваших вам доложат.

Боцман *(бросает на стол перед немецким офицером остатки одежды эсэсовцев — четыре фураж-*

ки, мундир, какие-то тряпки). Просили кланяться и долго жить. *(Вплотную.)* С кем деретесь? С Балтикой... *(Еще ближе.)* По тысяче марок давали за балтийцев? За таких орлов! Ты, недоносок! А ты подлинную цену балтийским морякам знаешь? Вам морду в восемнадцатом году исхлестали под Питером. Это почем ценишь... Сорок первый год — и этот год под Ленинградом опять же исхлестали... Это почем ценишь? А в будущем что вам еще наделают! Вашего капитала нехватит.

Жора *(подошел)*... А-а, вот она «раса!» *(Пощелкал гитлеровца по черепу.)* Длинноголовый, арийский череп, пустой.

Лейтенант, боцман и Елена вынимают бумаги из шкафов.

Миша *(офицеру)*. Значит — вы в Ленинград? Какая счастливая встреча! — А мы из Ленинграда...— Вас наш город интересует?.. Познакомьтесь — чем пахнет этот город... *(Поднес к носу офицера свой автомат.)* Знакомьтесь, знакомьтесь, это ж живое воплощение Ленинграда... Сделан руками ленинградских девушек, нежными руками... *(Целует автомат.)* Вот таких девушек... *(Смотрит на Елену.)* Понравилась вам?

Боцман раскрыл окна... Виден свет прожекторов.

Боцман. Так что светит, товарищ лейтенант, ловят нас в море.

Кедров *(не отрываясь от бумаги)*. Очень хорошо. Пусть продолжают.

Елена. Товарищи, вы же рискуете.

Кедров. К делу, к делу... Бумаги!

Елена. Как вы нашли?

Кедров. Немцев кто-то предупредил о выходе катера. Кто-то на них работает в Ленинграде, метко работает...

Миша. Кто бы это им мог натрепать про наш выход?.. Дал бы я ему!

Кедров. Нас предупредили по радио: не высаживать вас... Опасность... А вы уже уплыли. Я принял решение — выручить вас. Подошел к берегу. Катер — в камыши и всеми силами в наступление. Попутно хлопнули этих — «его ребят».

Елена. Из-за меня рисковать кораблем!

К е д р о в. Вы рискуете собой для флота, Елена.

Е л е н а. Но как вы нашли этот дом?

К е д р о в. Да уж нашли... Ваша песня помогла, Елена... Услышали...

Елена несколько смущена.

Е л е н а *(к офицеру)*. Сядьте... *(Офицер сел.)* Продолжим наш разговор. Как вы находите советскую разведку?

1 - й о ф и ц е р. Выводы обычно делаются по окончании какого-либо дела.

Е л е н а. Точно! Хороший ответ... Ну-с, что вы знаете о «ноль шесть»?

1 - й о ф и ц е р. Она брюнетка.

Е л е н а. Вы заговорите у нас, капитан.

Кедров и боцман тем временем быстро, деловито просматривают и складывают бумаги.

К е д р о в. У-у, отличный матерьялище...

Б о ц м а н. Во что бы завернуть?

К е д р о в. А вот флаг...

Б о ц м а н. Есть! С паршивой овцы — хоть шерсти клок.

Отодрал от остатков флага куски шнуров.

К е д р о в *(продолжает просмотр)*. Эге!.. Елена!.. Личные дела агентуры в Ленинграде... А, жучки, ракетчики... На була́вочку!.. *(К офицеру.)* Неаккуратно вы храните такие ценности...

Немец хотел выхватить одну записку. Елена мгновенно парировала.

К е д р о в. Записка по-русски... *(Пробежал ее.)* Боцман, это о нас, о нашей базе... И сюда пролезли. От кого записка?..

Немецкий офицер молчит.

Побеседуем после.

Е л е н а. Это все нужно скорее, как можно скорее доставить куда следует... Возможно, что эта записка от «ноль шесть».

К е д р о в. Ну, двигаемся! Будем прорываться.

Е л е н а. Прорываться? Стойте! Этот *(на немца)*, когда узнал о катере, приказал по телефону включить

прожектора и выслать катер на перехват. Он звонил по пятьдесят третьему номеру.

Кедров. Так... Он позвонит снова и отдаст приказ потушить прожектора и пропустить катер... свой личный катер, на котором он сам пойдет в операцию — в Ленинград.

1-й офицер. О, найн! О, нет!

Кедров. О, да!

Елена *(тихо, отозвав Кедрова)*. Он может брякнуть им...

Кедров. Приходилось обламывать людей и покрепче. Товарищ Чекрыгин!

Миша. Есть.

Кедров. Будете действовать!

Миша. Есть. Сейчас? *(Готов прикончить немца.)*

Кедров. Погодите... Немец будет говорить по телефону... Я скажу, что нужно будет с ним сделать... *(Немецкому офицеру.)* Повторяйте за мной... «Пятьдесят третий... халло... говорит...»

Елена. Капитан фон Дитмарштейн.

Кедров. «Капитан фон Дитмарштейн. Отбой тревоги. Прожектора выключить! Пойдет мой катер. Сигнал и опознавательные, установленные на эту ночь».

Немецкий офицер повторяет нехотя, замедленно.

Кедров. Больше властности, немецкого металла в голосе.

Немец повторяет фразу об отбое тревоги.

Уже лучше. Правда? Боцман, убедительно?

Боцман. Вроде лучше, товарищ лейтенант. *(Показал кулачище.)* Могу еще ему улучшить.

Кедров *(немцу)*. Звоните.

1-й офицер. Пятьдесят третий...

Наши напряженно следят.

Халло! Говорит капитан фон Дитмарштейн. Алярм! Здесь русские, на помощь!

Все оцепенели. Схватились инстинктивно за оружие. Некоторые повернулись к двери.

Е л е н а. Эх!..

1-й офицер. Вот истинно немецкий голос... Достаточно ли было металла?

Миша *(помахивая вынутым штепсельным шнуром)*. Не беспокойтесь, выключено... Старый ленинградский монтер. Седьмой разряд.

Немец увял. Ему сунули в спину два автомата.

Кедров. Звоните!

1-й офицер. Пятьдесят третий. Халло! Говорит капитан фон Дитмарштейн.

Миша и другие вплотную.

Отбой тревоги. Прожектора выключить. Пойдет мой катер. Сигнал и опознавательные, установленные на эту ночь.

Пауза. Боцман перевел дух.

Кедров. Ну, теперь посмотрим...

Все смотрят на окна. Свет прожекторов погас.

Аккуратно. Люблю хорошую службу.

Елена. Мне нужно оружие.

Елене дают автомат.

Капитан, как вы хотите попасть в Ленинград: живьем или... Идите вперед... Пропуск говорите четко. Остальное сделаем мы...

Смельчаки-балтийцы и девушка с пленным уходят... Звучит в музыке балтийская бравурная тема. Звонит телефон. На секунду все задержались. Жора подошел, посмотрел.

Жора. Скажи, пожалуйста... Халло... Пятьдесят третий... Капитан фон Дитмарштейна? Отбыл в Ленинград... *(Вышел.)*

Снова ряд настойчивых звонков... Открылась боковая дверь. Вбежал 2-й офицер. Кинулся к телефону.

2-й офицер. Алярм! Тревога! Здесь русские. Начать общее оцепление!..

АКТ ТРЕТИЙ

«ОПЯТЬ НА ПИРСЕ»

Музыка передает напряженную морскую схватку. Борьба русских и немецких моряков...

База соединения. Вид с моря на Ленинград. Величественная перспектива. Исаакий, золотая игла Адмиралтейства. Голубоватые дали великого города-крепости. Заводские строения у устьев Невы.

Пирс... Несколько краснофлотцев, которые молча, угрюмо снимают флаги, полотнища, зелень... Сигнальщик, впившийся в горизонт.

2-й краснофлотец. Видно чего, а?

Сигнальщик. Нет, никого...

Марья Астафьевна *(входя)*. Это почему же снимают?

Пауза.

Тебе говорю, аи нет...

2-й краснофлотец. «Почему, почему...» Приказ, Марья Астафьевна...

Марья Астафьевна. Так ждут же наших с моря... «Орленка»...

Пауза.

Слышишь... Тебе говорят... Или чего случилось? А?

2-й краснофлотец. Слух какой-то есть, Марья Астафьевна...

Марья Астафьевна. Ой, господи... Про боцмана-то Капитон Силыча чего не слышно?..

2-й краснофлотец *(доверительно)*. Да вы не волнуйтесь, Марья Астафьевна...

Марья Астафьевна. Ды ты говори, сердце мое не мучай... Что с ними?

2-й краснофлотец. Да ничего... Хотя шутка разве: катерку прорваться... да еще утром... Видно, за ночь не успели...

Марья Астафьевна. Говори ты прямо: что с «Орленком»?.. Беда вышла... Господи ты мой...

2-й краснофлотец. Да не волнуйтесь, тетя Марья... Сигнальщик, не видно, а?

Сигнальщик. Нет, никого...

Появляется комендант базы Чижов.

2-й краснофлотец. Смир-но!.. Товарищ техник-интендант второго ранга, наряд краснофлотцев базы за уборкой праздничного украшения пирса номер один. Краснофлотец Шерстобитов.

Чижов. Вольно!

2-й краснофлотец. Вольно...

Марья Астафьевна. Комендант! Да что же делается? «Орленок»-то где?

Чижов *(помолчав)*. С моря никого не было? Не видно?

2-й краснофлотец. Никак нет.

Чижов. Сигнальщик, наблюдаете?

Сигнальщик. Так точно.

Марья Астафьевна. Уж ты, смотри, голубчик, смотри лучше... И стеклышки протри, и по радиво посмотри... Ахти, господи, твоя воля! Боцман-то мой... Да, как же это он... Уж ты, голубчик, стеклышки еще раз протри...

Чижов. Да вы, Марья Астафьевна, к сердцу близко не принимайте...

Марья Астафьевна. Да не учи ты меня, Евграф Лукич. «Не принимайте...» Да человек он какой — боцман-то, Капитон Силыч... Истинно мужчина, орел...

Чижов. Так сказать, контакт устанавливается?

Марья Астафьевна. А что ж: дело человеческое... Чем одной-то быть в такое трудное время...

Он, боцман-то, честный: «Марья Астафьевна, вот рука, вот оклад мой, да с надбавкой, да к вашему окладу, да с вашей надбавкой вместе вполне прожиточно, а поэтому — в загс...» Честные-то мужчины — те завсегда так поступают...

Чижов. Мы... конечно, конечно...

Марья Астафьевна. Не как некоторые: жена-то томится, исстрадается вся, а он, кобель, бегает...

Чижов. Именно, просто безобразие — как кобель бегает...

Марья Астафьевна. Вот бы на себя и поглядел... Да и за ум взялся...

Чижов. Уж и общественная проработка начинается... Боже, что будет!..

Марья Астафьевна *(сигнальщику)*. Не видно там...

Сигнальщик. Нет...

Марья Астафьевна. Евграф Лукич, будь человеком, узнай у начальства-то, в штабе, что ж с нашими-то... Что с Капитон Силычем... *(Тихо.)* Материю-то сымают зачем?

Чижов. Операция в тишине происходит...

Марья Астафьевна. Не врешь?.. Не несчастье какое, а?

Чижов. Ну вот — ей-богу...

Марья Астафьевна. Полегчало немножко... Уж больно ребята-то хороши на «Орленке»...

Чижов. И боцман, понятно, лучше всех!

Марья Астафьевна. Ну, уж, конечно. Вот старший лейтенант идет из штаба... Спроси его, сделай милость, хоть по секрету,— не слышно чего про наших-то?..

Мимо пирса проходит один из штабных командиров — старший лейтенант.

Чижов *(к лейтенанту)*. Конфиденциально. Какова обстановка?

Старший лейтенант. Читайте утреннее сообщение Совинформбюро.

Чижов. Я в смысле «СК-13» «Орленка»...

Старший лейтенант. Это другое дело. А зачем вам, товарищ Чижов?

Чижов. На предмет реагирования базы на возможный исход операции в смысле административно-хозяйственном, культурно-массовом, интеллектуальном и прочее... И члены семейств волнуются...

Марья Астафьевна быстро подошла.

Марья Астафьевна. Голубчик ты мой, товарищ старший лейтенант... Что с нашими-то?.. Уж ты не так... Мучаюсь я... Человек мне дорогой на «Орленке»-то... Что с ними... Уже утро ведь...

Старший лейтенант. Посторонних нет?.. Катер — при обратном прорыве — получил повреждения...

Чижов. Металл — мертвая материя, а люди, люди. Мои любимцы, питомцы...

Марья Астафьевна *(схватив старшего лейтенанта за руку)*. Мой-то, мой — цел?

Старший лейтенант. Дерутся с превосходящими силами противника.

Марья Астафьевна *(крестится)*. Слава те, господи!.. Пошли им, господи, богородица дево... Уж я поклоны била-била... Еще пойтить... — Богородица, Микола морской,— уж помоги им, фрицам-то морду нахлестать. Помоги матросикам-то... *(Торопится, уходит.)*

Чижов. Теперь не для успокоения, так сказать, женских сердец, а по службе: как там дела, товарищ старший лейтенант?

Старший лейтенант. Радиосвязь оборвалась...

Чижов. Возможно и худшее?..

Старший лейтенант. Точно. Прошу прощения, тороплюсь. *(Ушел.)*

Чижов. Сигнальщик, как там?

Сигнальщик. Ничего нет, товарищ комендант...

Чижов. Ох!.. Неужели беда?..

Подходит командир соединения.

Смирно! Товарищ капитан второго ранга, личный состав вверенной мне базы занят подготовлением к обеспечению встречи возвращающегося из операции катера «Орленок». Техник-интендант второго ранга Чижов.

Командир соединения *(жмет руку)*. Вольно... Ну, товарищ Чижов, должен коснуться ваших дел...

Чижов. Встреча предусмотрена в соответствии с быстро меняющейся на море обстановкой. Имеется как культурный ассортимент, как то: триумфальная арка с зеленью и красочными пятнами и музыкальным оформлением, равно, так сказать, и ассортимент научно-медицинский, но без выпячивания—на случай...

Командир соединения. Я, товарищ Чижов, имел в виду не эти дела — это от вас само собой требуется... Я имел в виду ваше заявление по поводу подозреваемого вами человека. Вы утверждаете, что видели его в Гамбурге. Как вы туда попали?

Чижов. По долгу службы... но с отвращением... как антифашист с ранних лет Евграф Чижов, русский, коренной здешний, питерский уроженец. В презренный Гамбург попал без умысла, в очередной рейс, как ресторатор первого класса, в смысле водки, закуски — богатый ассортимент...

Командир соединения. Понятно... Хорошо...

Чижов. Так точно, хорошо: особенно, знаете, зубровка... И это точно, в свое время. Но я о другом...

Командир соединения *(несколько потянув к себе Чижова)*. Ну, полдела, видимо, сделано. *(Жмет руку Чижову.)* Спасибо вам...

Чижов *(соображает)*. Не сплю, стараюсь... В каком смысле достоин, товарищ капитан второго ранга?

Командир соединения. Сведения, показания ваши оказались ценными.

Чижов. Служу Советскому Союзу!.. О боже, я как будто уже герой. Нет, «полдела» сделано, — значит я пока полгероя... Но есть шансы быть целым героем... *(Глядит на свою петличку. Затем к военкому.)* Взяли этого нахала? Тоже «куафер»!.. Ракетчик?

К о м а н д и р с о е д и н е н и я *(доверительно).* Берите выше...

Ч и ж о в. Автоматчик?

К о м а н д и р с о е д и н е н и я *(доверительно).* Резидент, глава группы.

Ч и ж о в. О боже! Вот Чижов! Вот это Чижов! А говорят, фамилия «птичья»... Шансы твои растут, Чижов! Значит, я раскрыл немецкое гнездо?.. Клубок змей?..

К о м а н д и р с о е д и н е н и я. Если б клубок! Взят только один.

Ч и ж о в. Загораюсь делом. Каждый гражданин — чекист. Старое понятие в груди... С Октября. Есть подозрения о наличии сообщников?

К о м а н д и р с о е д и н е н и я. Да. Он... не один.

Ч и ж о в. Приложим усилия. Задушил бы своими руками... Какие там у него гнездятся твари... *(Вдруг остолбенел. Мысль, догадка, подозрение.)*

К о м а н д и р с о е д и н е н и я. Что с вами?

Ч и ж о в. Не может быть... Нет, этого не может быть!

Возглас сигнальщика.

С и г н а л ь щ и к. Катер на горизонте!

К о м а н д и р с о е д и н е н и я. Следить неотрывно!

С и г н а л ь щ и к. Есть — следить неотрывно...

К о м а н д и р с о е д и н е н и я. «Орленок» ли? *(Смотрит внимательно.)*

На пирсе, на базе — оживление. Возгласы: «Катер идет!..» На пирсе г р у п п а о ж и д а ю щ и х...

Г о л о с а. Тихо идут... Подбиты...

К о м а н д и р с о е д и н е н и я. Где же командир? Сигнальщик, видно командира?

С и г н а л ь щ и к. Не видно.

Г о л о с а. Командира нет... — Нет, вон он! Жив.

Шум подошедшего катера. На пирс медленно поднимается раненый л е й т е н а н т К е д р о в. Его поддерживает Е л е н а и раненый М и ш а Ч е к р ы г и н. За ними — б о ц м а н с узлом трофеев и бумаг... Балтийская песня льется ликующе...

Кедров *(командир соединения обнял его, целует)*. Товарищ командир соединения! Катер «СК-13» «Орленок» из операции вернулся. Боевое задание выполнено... *(Пошатнулся.)*

Командир соединения. Дорогой!.. Какие ж тут рапорты!.. На перевязку! Доктор!.. Раненые же!..

Кедров *(отстраняя доктора)*. Никак нет, потерь нет. К выполнению новых заданий командования готовы...

Командир соединения обнимает смельчака, потом трясет левую руку раненому Мише, правую — Елене.

Командир соединения. Боцман! Силыч!

Боцман. Здравия желаю, товарищ капитан второго ранга!

Командир соединения. Что тут у вас за имущество?

Боцман. Так что в операции взятые трофеи и документы противника, товарищ капитан второго ранга!

Командир соединения. А где наш снайпер — товарищ Бронза?..

Миша. Жора!

Жора. Есть! Но я не могу оторваться от дела... Мы там с десяток фрицев угробили на берегу, да четыре штуки прихватили с собой... Так я их караулю... Товарищ капитан второго ранга, шё за должность для балтийского матроса сторожем быть... Прошу, вызволите, пожалуйста...

Командир соединения. Освободим, конечно, давайте их сюда...

Жора. Есть! Хальт! Фрицы, по-одному, марш!..

Снизу с катера на пирс выходят пленные: капитан из разведки, 2-й офицер — тоже попался, и еще двое, грязные, взлохмаченные, с подбитыми физиономиями, в синяках. Озираются... В толпе — невнятный гул...

Командир соединения. Это здорово!..

Лейтенант Кедров. Работа боцмана и товарища Бронзы... Немцы на своем катере ринулись нас догонять, но получили крепко.

Жора. У меня ж пушка... И я взял тройной комплект... И южный темперамент. Я ж говорил тебе, Миша, у меня ж бешеная скорострельность... Южный темперамент...

Командир соединения. А кто им так физиономии разделал?

Боцман. По-русски малость отвесил...

Жора. А это уж когда их брали — они сопротивлялись — так товарищ боцман крестил... Вдогонку сунулись за нами...

Толпу расталкивает Марья Астафьевна.

Марья Астафьевна. Пустите! Да дайте вы мне... Пустите!..

Голос. Пустите Марью Астафьевну.

Марья Астафьевна *(протолкавшись)*. Голубчики мои... Капитон Силыч! *(Хочет поцеловать боцмана.)*

Боцман. Опосля... хватит времени на личные интересы и ночью... *(Кашлянул.)*

Марья Астафьевна. Наши-то кого забрали! Живыми... Микола-то морской помог... А!.. Уж ты, господи, и каких же ты мерзких тварей сотворил, господи, хошь с людьми бы посоветовался.

Капитан фон Дитмарштейн что-то буркнул в ответ.

Ты когда с питерским народом разговариваешь, шапку сымай... Ну!..

Жора *(прикрикнул)*. Шапки снять!

Пленные сняли шапки. Озираются.

Марья Астафьевна. На Ленинград наступали?.. Взяли?.. Куда вам... идиотам малосольным! *(К Жоре.)* Сынок! Главного-то ихнего, Гитлера-то, вам не попадалось?

Жора. Я уж интересовался, но... прячется...

Марья Астафьевна. Под конвой бы его...

Голос Кисы: «Пропустите! Пропустите!..» Она вылезла вперед.

Киса. Пустите женщин Ленинграда... Боже!..

На нее угрюмо поглядел капитан фон Дитмарштейн; взглянули Кедров и Елена, боцман, переглянулись невольно. Врывается Чижов.

Киса. Боже, какая антисанитария!.. Эдди, здравствуйте, Миша!.. Это действительно, эти фрицы?.. О, как я их ненавижу!..

Пауза.

Командир соединения. Отведите их...

Жора и другие уводят их. Киса: «Смерть немецким оккупантам!» Толпа идет за пленными.

На пирсе остались капитан второго ранга, лейтенант Кедров, Елена, Миша Чекрыгин, боцман... Чижов тут же. Моряки присели на ящики, канаты.

Кедров. Что вы, товарищ Чижов, какой-то задумчивый, грустный? Не радует наш приход? Либо опять «Орленок» вид вам портит?

Чижов. Волнения истекших суток... Тревога за вас, лейтенант... И некоторые высшие соображения...

Кедров. Разрешите начать доклад, товарищ капитан второго ранга. Давайте узел, боцман...

Чижов. Посторонним разрешите удалиться?..

Командир соединения. Да что с вами, товарищ Чижов?.. Почему вы «посторонний»?

Чижов. Здесь, так сказать, сфера оперативная...

Кедров. Вы можете быть нужны здесь, товарищ Чижов. Кое-что надо будет выяснить.

Чижов. Что ж... Готов... Стремлюсь помочь делам государственной важности, видит бог... Вкладываю душу, но готов отдать все остальное, что и обдумываю.

Елена. Да, обдумать тут кое-какие вещи надо...

Командир соединения. Слушаю, друзья...

Кедров. Товарищ командир...

Припадок слабости.

Елена. Его просто шатает...

Кедров. Молчите... Я докладываю, а не вы...

Елена. Костя... *(Смутилась.)* То есть товарищ лейтенант...

Кедров. Дело не терпит отлагательств. Вот что удалось обнаружить...

Боцман помогает. Выложили карты, бумаги...

Для флота, полагаю, это пригодится...

Командир соединения. И карты... Фарватеры, заграждения... Так, так... Ну, молодцы!.. С немецкого катера?..

Кедров. Никак нет. Проникли на берег...

Командир соединения. На берег?

Кедров *(взглянув на Елену)*. Была необходимость...

Елена. Особой необходимости не было.

Кедров. Елена, то есть товарищ разведчик... какой у вас упрямый характер!

Командир соединения *(многозначительно-шутливо)*. Понятно... Пошли дальше... *(Продолжает разглядывать бумаги. Чижов напряженно задумчив.)*

Елена. Это, товарищ военком, папка особо важная... Немецкие агентурные дела, документы... А вот этот документ — о вашем соединении.

Командир соединения. Нашем соединении?

Елена. Удивляться не надо... И не то еще бывает... Здесь у вас действует немецкий агент, это женщина... брюнетка.

Чижов. Брюнетка?

Елена. Именно... Вот, видимо, одно из ее донесений.

Командир соединения *(читая)*. Чорт возьми!

Чижов. О вверенной мне базе?

Командир соединения. Именно. *(Протянул Чижову.)* Кто это?

Чижов *(смотрит на записку)*.

Все ждут, смотрят на него.

Всех вверенных мне по базе лиц знаю, товарищ капитан второго ранга, до десятого колена, социальное происхождение, год рождения, местность, кто из родственников в каком географическом пункте, квалификация, личные склонности, вкусы и почерки, но сей почерк во вверенной мне базе не состоит.

Командир соединения. И тем не менее: факт налицо, товарищ комендант!

Чижов *(бледнея)*. Налицо... Несу полную служебную ответственность по статье уголовного кодекса и по законам военного времени.

Командир соединения. Чего-то недоглядели...

Чижов. Так точно...

Командир соединения. Чем это пахнет,— понимаете, товарищ Чижов?

Чижов. Так точно...

Командир соединения. Внимательней подумайте, товарищ Чижов... Внимательней...

Чижов. Есть.

Командир соединения *(Кедрову, Елене и другим)*. Вам, лейтенант, и вам, товарищи, огромная благодарность от лица службы и просто так... по-дружески. Для флота вы много сделали... достав вот это...

Миша. Чего для Ленинграда не сделаешь!.. «О город мой, ты...»

Командир соединения. Стихи потом, сейчас — за дело. Немедленно доложу Военному Совету и... *(Задумался.)* И терять времени действительно нельзя, раз узнали такие вещи. Флот готовится к выходу — ваши материалы, разведка помогут...

Кедров. Есть.

Командир соединения. Идемте в штаб.

Боцман *(Мише)*. На катер! *(Пошли.)*

Чижов *(один)*. Ну, что же, товарищ комендант, пора нести ответ... Что вы делали, товарищ Чижов, в Великую Отечественную войну? Был слеп. Враги орудовали под носом... составляли нахальные записки. И в толпе сплошных героев великого Ленинграда, в мирном будущем, кем вы будете? На вас покажут паль-

цами: вот, скажут, отставной головотяп, бывший командир запаса... Ему оказали доверие и честь, а он... И это обо мне!.. Двадцать пять лет службы! А что я жене, детям скажу?.. Чижов, только не терять головы... Главное — внимательнее, товарищ Чижов! Как советует командир... Вникайте во все... О базе пишут — значит, с базы. Кто? Брюнетка. Киса отпадает — посторонняя, документов, боже упаси, не видит. Уж я-то осторожен, будьте спокойны!.. Женского персонала служащих на базе у меня восемнадцать (по пальцам): три рыжих отпадают, остальные — шатенки, блондинки... отпадают... Брюнеток — пять: подавальщиц три, в кладовой одна, телефонистка одна... Вот, поди, узнай — которая?

На пирсе начинается подготовка к новой операции соединения... Пробегают краснофлотцы, несут ящики, пулеметные ленты. Катят бочки с бензином... Движение... Чижов сидит в глубокой задумчивости.

Чижов. Кто?.. Ах, жизнь — глубокая загадка и даже цепь загадок... Рыжих три, шатенки и блондинки отпадают... *(В раздумье, выражая свое.)* Кто? Кто ж эта тварь?

2-й краснофлотец *(подходя)*. Товарищ комендант, разрешите обратиться...

Чижов *(свое)*. Рыжих три... шатенки и блондинки отпадают...

2-й краснофлотец. Товарищ комендант! Разрешите обратиться... Эскадра к съемке с якоря готовится.

Чижов. Есть... Люди идут в море, в бой, Чижов,— у людей праздник... а у тебя... Ха-ха, гримаса жизни...

По пирсу, не торопясь, идет пара: Киса и старший лейтенант из штаба соединения.

Нет... не может быть... Уже со штабным... Стоп! Надо проверить и ее... Брюнетка... почерк...

Киса *(старшему лейтенанту)*. Это просто герои... Орлята, как это символично! Расскажите о них, это так прекрасно... А я буду рассказывать об этом раненым... И они опять готовятся?.. Ну, это просто изумительно!

Чижов. Киса!.. Я хотел бы с вами поговорить...

Киса. Говорите, Эдди.

Чижов. Здесь есть лишние. Прошу извинения, товарищ старший лейтенант.

Киса. Я слушаю, Эдди.

Чижов. Киса, пришел час серьезного разговора и важных решений.

Киса. Эдди, вы — душка... Это формальное предложение руки?

Чижов. Хорошо, начнем с этой темы.

Киса. Бросьте старую жену...

Чижов *(подхватив)*. Идите в загс, документ о разводе, чтобы все было, как у порядочных...

Киса. .Советских людей.

Чижов. Советских?.. Хорошо, согласен.

Киса. Эдди, вы — рыцарь... Мы устроим великолепную, в осадных условиях, свадьбу... Это красиво — обнять жену, уходя на подвиг, и я хочу, Эдди, чтобы у вас были подвиги.

Чижов. Я тоже так думаю — сделать что-нибудь толковое...

Киса. Я буду в белом... Или нет, в темном — грозные оттенки войны... И какое-нибудь красное пятно... Роза, гвоздика... Мне идет... Эдди, правда, во мне есть что-то зовущее, манящее?..

Чижов. Безусловно... *(В сторону.)* Нет, она невинна!..

Киса. К свадьбе я бы подарила девочке шубку... Скоро зима. Девочке нужны туфельки и ботинки. *(Показала ножки.)* Девочка будет смело шагать и участвовать в борьбе...

Чижов *(вынув записную книжку)*. Размер какой?..

Киса. Еще не все.

Чижов. А ты мне запиши. *(Дал ей записную книжку.)*

Киса. Котик, пиши ты.

Чижов. Котик, ты. Мне хотелось иметь твои каракульки...

Она смотрит на него.

К и с а. Зачем?

Ч и ж о в. Что ты так смотришь?

К и с а. Ты такой...

Ч и ж о в. Влюбленный!..

К и с а. Зачем тебе мои каракульки?..

Ч и ж о в. Не могу же я в памяти удержать все, что нужно тебе купить, достать...

К и с а. Да. *(Пишет.)* Шубку, ботинки, туфельки, чулочки... и духи, обожаю духи... Д'Орсай...

Ч и ж о в *(следя за ее почерком)*. Пиши, деточка, пиши, крошечка...

Напряженно, сбоку, всматривается.

К и с а. Что ты так смотришь?

Ч и ж о в. Хочу запомнить каждую букву...

К и с а. Ты чудный, внимательный...

Ч и ж о в. О, конечно, внимательный. Пиши...

Чижов узнал почерк. Она!.. Сделал движение, сдержался.

К и с а *(перестает писать)*. А кого, Котик, мы пригласим на свадьбу?

Ч и ж о в *(проходящему краснофлотцу)*. Пойдите к капитану второго ранга и скажите, что я прошу его сюда.

К и с а. Ты хочешь представить меня?.. Это чудно!..

Ч и ж о в. Правда, хорошо придумано?

К и с а. Чудно!.. Ты просто душка!.. *(Он мягко берет ее записку, она на мгновенье задержала; взгляд во взгляд... отдала...)* И мы сразу поедем в свадебное путешествие...

Ч и ж о в. Сразу? А куда бы тебе хотелось?..

К и с а. По Ладоге — там синий север,— потом через Вологду в Москву...

Ч и ж о в. Ладога, Вологда, Москва... Интересные пункты...

К и с а. Конечно!.. У тебя в Москве есть где остановиться. Ну, в крайнем случае, в гостинице Наркомата, там все командиры останавливаются... со всех морей...

Ч и ж о в. Это еще интереснее!.. Об этом мы еще посоветуемся... Где ж командир?

Киса. А потом мы вернемся... Где ты устроишь свою кошечку?

Чижов. В большом чудном доме, на Литейном...

Киса. Хороший район. Конечно, с видом?

Чижов. Ну, конечно, вид будет...

Киса. Сколько комнат?

Чижов. Во всяком случае у тебя будет отдельная...

Появляются командир соединения, лейтенант Кедров, Елена. С катера подходят боцман, Миша, Георгий Бронза и другие... Движение на пирсе...

Киса. Почему так много людей?.. Опять что-нибудь такое!..

Чижов. И еще какое!..

Капитан второго ранга подошел к Чижову и Кисе.

Киса. Теперь ты можешь представить меня уже официально своему начальству. *(Бросила кокетливый взгляд на командира.)*

Чижов. Да, пожалуй, пора... Минута безусловно наступила. Вашу руку... *(Подводит Кису к командиру соединения и другим товарищам.)* Прошу разрешения обратиться, товарищ командир.

Командир соединения. Пожалуйста, товарищ Чижов. Вы мне хотели что-то сказать?

Чижов. Докладывает комендант базы техник-интендант второго ранга Чижов, балтийский моряк, беспартийный, но отдавший все-таки морю двадцать пять лет... Представляю вам *(крепко сжал, выпрямляясь, руку Кисы)* тварь, которая вела тут подлую игру. *(Дал записку Кисы.)* Ее почерк, товарищ капитан второго ранга!

Невольное движение Елены, Кедрова и других.

Эта тварь полагала, что советский моряк забудет из-за ее немецкой юбки свою честь...

Киса. Эдди!.. Он сошел с ума!

Командир соединения. А сейчас разберемся... *(К Мише.)* Товарищ Чекрыгин! Попросите сюда уполномоченного Особого отдела. Срочно.

Миша *(ошеломлен)*. Эта... *(Свистнул.)* Вот оно что!.. Есть — позвать уполномоченного.

Киса. Да, и, пожалуйста, поскорее, таких подлецов надо задерживать.

Чижов. Твой парикмахер и задержан.

Киса сильно рванулась, бросилась бежать... Кто-то ахнул, крикнул: «Держи!» Шпионке преградила путь Елена. Схватила, держит крепко.

Елена. А, вот кто!

Две разведчицы — немецкая и русская — лицом к лицу...

Елена. «Ноль шесть» — игра кончена...

Киса. Я погибла!

Ее подвели к командиру соединения, рядом встали Миша и Жора с оружием.

На пирсе движение краснофлотцев — морская пехота в шлемах: грузят боезапас, спускаются с пирса на катера...

Чижов. А, пожалуй, теперь мне скажут: товарищ техник-интендант второго ранга Чижов, вы сделали и вторую половину дела. И я, все перебрав — дела и грехи, — скромно замолчу...

Командир соединения *(подходя)*. Ну, товарищ Чижов, спасибо... И вторую половину дела сделали... Но впредь выбирайте себе знакомых... Дорого могло обойтись...

Чижов. Виновен, что ж; эта тварь немецкая намеревалась таких людей поуничтожать, без меня — меня использовать, искалечить, загубить!.. А на голову осиротевшей жены, семьи, друзей — позор... Я им за это... У Чижова душа горит... Теперь Чижов клянется: открыть свой счет. Одного, парикмахера, хлопнул. Другую, стерву, надо считать — хлопнул... Чижов начал свой счет... Чижов еще покажет...

Пришел уполномоченный Особого отдела: в защитной форме, сине-малиновой фуражке...

Командир соединения. Возьмите эту... особу...

Уполномоченный *(вынув оружие)*. Сумку отдайте. Прошу следовать...

Кису уводят.

Ж о р а. Миша, или я ошибаюсь? Кажется, эта особа смотрела на вас вот так? *(Стреляет глазами.)* Не понимаю, шё эти женщины так кидаются на этих поэтов. Шё они в них находят?

М и ш а. Горькая улыбка разочарования пробежала по губам молодого поэта...

Я не прощу себе, что протянул ей руку
И допустил кокетничать со мной,
Я сам бы удушил ее, гадюку.

Ж о р а. Ты бы лучше не читал стихи такой!

М и ш а. Доложу обо всем командиру.

Ж о р а. Это правильно. Выбрал ты не ту... *(Показал на Кедрова и Елену.)* Миша, а вот лейтенант выбирал лучше...

М и ш а. Мечта...

Ж о р а. Только не читай ей стихов... Лейтенант и сам умеет...

К е д р о в. Ну, теперь вы доверяете «Орленку»?

Е л е н а. А вы доверяете «туристке»? *(Улыбнулась.)*

К е д р о в. Елена, милая...

В стан врага я тебя провожал,
Тень пропала твоя за волной.
Я даже слова «люблю» не сказал,
Верил я в нашу встречу с тобой.

Ведь я за песней следовал,
Твоей заветной и знакомой,
Чтобы опять с победою
Вернуться к родному дому.

Е л е н а

В беде была я не одна,
Ты шел со мной,
Родной мой!
Тебя вела ко мне волна,
Ты шел за мной,
Товарищ мой,
Моя любовь!

В м е с т е

На вольном просторе
Раскинулось море широко,
Отважное сердце
Не будет нигде одиноко!

Так дай же мне руку —
На радость и муку.
Повсюду с тобою
За волю, за город родной —
Дорога одна
Нам открыта с тобой!

Звучит победная песнь катерников.

Каждый зорок на посту,
Каждый любит быстроту,
В огонь, в глухую темноту —
Дан полный ход.

Пускай дорога нелегка,
Мы были в логове врага,
Дает фашистам огонька
Балтийский флот!

Мы снова уходим в сраженье,
Пусть силу мщенья
Узнает враг.
Нас отчизна зовет в наступленье,
Горит победный над нами флаг!

Нам нельзя итти назад,
За плечами — Ленинград.
Сквозь пулеметный грозный град
Стремись вперед!

Пусть орудийный бьет раскат
Но для бесстрашных нет преград,
Ведь нас поставил в авангард
Балтийский флот.

Так в бой, молодые орлята,
Пусть братской клятвы
Слова гремят:

За смерть наших близких, за слезы
Вперед, матросы,
За Ленинград!

Общее движение. Горны, сигналы. Движение кораблей за пирсом — в глубине гавани.

25 августа — 12 сентября 1942
Ленинград.

У СТЕН ЛЕНИНГРАДА

Пьеса в трех актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Контр-адмирал — представитель командования Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота.

Капитан 3-го ранга Сибирцев Н. А., 39 лет. Манеры властные, решительные, порывист. Тон нередко иронический.

Батальонный комиссар Никонов И. С., 30 лет. Открытое лицо. Нетороплив, уверен.

Старшина 1-й статьи Лошкарев Иван Степанович. Старый матрос. 61 года, кряжистый, очень сильный.

Краснофлотец Михайлов. Из запаса. Рабочий Кировского завода. Коммунист.

Краснофлотец Николай Коробков. Кадрового состава. Коммунист. Физически очень крепкий, рослый.

Краснофлотец Борис Бушков. Кадрового состава. Давнишний друг Коробкова. Комсомолец. Лихой парень. В прошлом беспризорник. Вихор из-под бескозырки.

Иван Халявин. Из запаса. С виду простоват. С бородкой.

Писарь Фетисов, около 40 лет. Очень спокойный и хладнокровный.

Мымриков Никодим, 26 лет. Говорит унылым голосом.

Краснофлотец Вальцова Татьяна, 19 лет. Простая и красивая девушка-санитарка.

Юнга Сибирцев Юрий, 16 лет. Сын капитана 3-го ранга. Внешностью и повадкой напоминает отца.

Юнга Сибирцев Олег, 17 лет. Сын капитана 3-го ранга.

Сибирцева Н. Е. Жена капитана 3-го ранга.

Михайлов А. Мастер с Кировского завода.

Краснофлотцы морской бригады с лейтенантом В. Епечуриным и старшинами Шестивесельным и др.

Немцы из состава дивизии «СС», наступающей на Ленинград.

Действие происходит в течение трех критических дней сентября 1941 года в Ленинграде и на подступах к окраинам города.

АКТ ПЕРВЫЙ

Перед занавесом — краснофлотец-вестник.

Вестник. Вы увидите одну страницу из истории Отечественной войны, одну страницу из истории борьбы Ленинграда — города стоического и гордого... Сюда направил Гитлер свой первый удар, чтобы захватом старой столицы России, захватом города, где была провозглашена власть Советов, потрясти нашу страну, наш народ, вызвать растерянность среди наших друзей и союзников. Гитлер хотел ворваться в город на Неве, уничтожить его население, в клочья порвать его знамена и истребить самую память о делах этого города... Вал гитлеровских дивизий подкатывался к самым окраинам Ленинграда, к последним рубежам обороны. Войска Ленинградского фронта вели напряженные бои. Моряки Балтийского флота сошли с кораблей, чтобы помочь армии...

Занавес

Низкие старинные сводчатые казармы. Виден двор, часть набережной. Мачты.

В помещении сумрачно и пусто. Только справа, у канцелярского стола, сидит писарь Фетисов. Медленно входят моряки. Они в походной черной форме, в плащ-палатках, с оружием, вещевыми мешками. Люди молча располагаются на нарах и скамьях. Чувствуется, что они много перенесли, устали. Иные оглядывают казарму, иные молча начинают чистить винтовки, иные курят, иные жадно пьют воду... Приводят раненого... Ему дают место на нижних нарах; он прилег, сдерживая стон...

Писарь *(подходя к Лошкареву)*. Морская бригада?

Лошкарев угрюмо взглянул, не ответил.

Ты что, не слышишь? Где командир?

Л о ш к а р е в. Убит.

П и с а р ь. Комиссар?

Л о ш к а р е в. Там же.

П и с а р ь. Кто за командира? Мне списки составлять?

Л о ш к а р е в. Называли нового... Капитан третьего ранга Сибирцев.

Пауза. Писарь отошел.

(Свертывает цыгарку, задумался.) На последний рубеж приехали... В казармы. Что ж теперь?

О д и н и з м о р я к о в. Бригада свое сделала... Без приказа не отошли.

Л о ш к а р е в. Еще б вас хвалить за это: с честью отступили к Зимнему. *(Бросил цыгарку.)* А мы отсюда начинали, когда вы еще в проекте были... и будто неплохо начинали... А теперь пройденное, завоеванное— насмарку? С вашей молодой поддержкой? Ожидал ли я такого от своих!.. Глаза спрятать некуда... А ленинградцы нам верят.

О д и н и з м о р я к о в. Чего ты, старик, волнуешься? Россия еще в полсилы воюет. Вот озлится — начнет.

Л о ш к а р е в. Немцы завтра в проходную Кировского стучать будут, а ты такой спокойный... Да что вы — не чувствуете, что делается?

О д и н и з м о р я к о в. У каждого свой характер.

Входит в кожаном пальто, в щегольской фуражке и с автоматическим пистолетом на ремне к а п и т а н 3-г о р а н г а С и б и р ц е в.

Л о ш к а р е в *(зычно)*. Встать, смирно!

Сибирцев строго, по-хозяйски оглядел все помещение. Люди подтягиваются. Сибирцев молчит, ждет. Наступает полная тишина. Все замерли.

К а п и т а н 3-г о р а н г а. Вольно! *(Лошкареву.)* Товарищ старшина, прошу за мной. *(Уходит.)*

Лошкарев. Есть. *(С привычной, въевшейся за годы готовностью, идет за новым командиром.)*

Звонит телефон.

Писарь *(снял трубку, сухо, вяло)*. Флотский экипаж... Нет его. Отбыл. Нет тоже... Нет тоже... Убит... Убит тоже... *(Кладет трубку.)*

Звонок снова.

(Снял трубку.) Флотский экипаж... Нет его. Тоже нет. Отбыл. Не обязан сообщать... *(Бросает трубку.)*

Лошкарев *(входя)*. На поверку выходи строиться!

Моряки выходят на поверку. В дверях появился капитан 3-го ранга Сибирцев. Звонит телефон. Писарь берет трубку. Сибирцев остановился.

Писарь. Флотский экипаж.. Нет его... Тоже нет... Убит... Командир первой роты? Тоже нет... Этих тоже нет... Не знаю... Не было... Моя фамилия?.. Моя фамилия ничего не сообщит, кончайте разговаривать... *(Бросил трубку.)* Звонят... Звоните, звоните!..

Капитан 3-го ранга Сибирцев подошел ближе. Писарь его не видит.

(Вскакивает, заметив Сибирцева.) Дежурный писарь, старшина первой статьи Фетисов, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга. Что у вас тут — действительно никого?

Писарь. Последних отдали.

Капитан 3-го ранга. Ваша задача?

Писарь *(служебно)*. Продолжать службу, принимать телефонограммы, а также людей, если будут, а в случае вторжения — уничтожу документы и буду оборонять служебное помещение до последней возможности.

Капитан 3-го ранга. «В случае вторжения»?.. Вторжения в Ленинград не бывало и не будет.

Писарь. Понимаю.

Капитан 3-го ранга. Нет, видимо, плохо понимаете...

Звонок телефона.

Капитан третьего ранга Сибирцев слушает. Прибыл, товарищ контр-адмирал. Бригада? Живы, прорвались... Раненых сдал. Так точно... Указания даны. Люди будут поступать незамедлительно? Понимаю... Проверю лично... Да... Все будет исполнено... Дома? Никак нет, не был, не имею времени. Благодарю за заботу. Приступаю... *(Кладет трубку.)* Значит, у вас тут «последних отдали»?

Писарь. Так точно, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга. «Последних»?.. И никого больше, кроме вас, не осталось? И силы все иссякли? Был Балтийский флот и остался один... Как фамилия?

Писарь. Писарь Фетисов, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга. И остался единственный писарь Фетисов... А? Картина! И чем занят этот единственный писарь? Тоску на людей нагоняет. Сидит тут: «Флотский экипаж. Нет, отбыли, убиты, и эти убиты...» Врете — не убиты. Рано хороните. Как отвечают у нас во флотской части и на кораблях? «Есть» — понимаете, «есть!», а не «нет», «отбыли»... Действует, будет, а не «отбыл», «убит». Понятно?

Писарь *(тихо)*. Есть.

Капитан 3-го ранга. Плохо слышу.

Писарь *(громче)*. Есть.

Капитан 3-го ранга. Плохо слышу.

Писарь *(еще громче)*. Есть!

Капитан 3-го ранга. Ага, начинает доходить? Будет сформирована новая бригада.

Писарь. Есть!

Капитан 3-го ранга. Погодите. Составьте список новой бригады. Аттестаты оформите. Люди будут приходить с кораблей и из разных частей. Могут быть случаи, что на них не успеют заготовить аттестаты... Не до формальностей — принимайте... Сейчас не об аттестатах надо думать...

Писарь. Сутки-двое нам дадут, товарищ капитан третьего ранга?

Капитан 3-го ранга. Часа два, может быть, дадут, писарь.

Писарь. Часа два?

Капитан 3-го ранга. Не можете справиться — выгоню к чертям. Найду таких, которые справятся.

Уже в конце этого диалога за сценой слышен твердый, звучный шаг. Слышна команда: «Отделе-ние!» В помещение входит группа моряков. Характерная резкая команда: «На месте... Отделе-ние, стой!» После учащенного шага на месте отчетливый пристук каблуками. Все замерли.

Старшина группы. С линейного корабля «Октябрьская революция» в ваше, товарищ капитан третьего ранга, распоряжение, для зачисления в Морскую бригаду, прибыли. *(Вручил документы.)* Старшина второй статьи Петренко.

Капитан 3-го ранга *(поглядев на группу)*. Дела ясны, матросы? Задача ясна?

Из рядов. Ясна... «Последний парад наступает...»— Тут все добровольцы.

Капитан 3-го ранга. Писарь, занести в списки.

В конце диалога за сценой слышен твердый, звучный шаг. Подходит еще одно отделение, за ним — еще одно. Люди молодые, крепкие, ладные. В походном флотском обмундировании. Старшины коротко являются к капитану 3-го ранга, докладывают о прибытии: «Товарищ капитан третьего ранга, с отряда новостроящихся кораблей в Морскую бригаду. Старшина Шестивесельный».— «Из учебного отряда подводного плавания в ваше распоряжение, товарищ капитан третьего ранга, прибыли. Старшина второй статьи Николаев». Николаев еще не успел закончить, как возник шум. Голоса: «Здесь! Давай!» Через несколько секунд влетает краснофлотец Бушков и с ним группа. Бушков в крайнем возбуждении, бушлат раскрыт, фуражка сбилась.

Бушков. Здесь!.. Давай! Все, как один... Н-ну, альбатросы!.. Кто тут принимает? *(Дышит тяжело, бежал, торопился.)*

Капитан 3-го ранга. Кто ж вы будете, интересно? Атаман? Племянник батьки Махно?

Б у ш к о в *(опешив)*. Никак нет, краснофлотец первой статьи Бушков.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. Краснофлотец! Странно. А я вас принял за атамана.

Б у ш к о в *(застегиваясь)*. Никак нет.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. «Никак нет»? Ну, так и являйтесь краснофлотец первой статьи, как надлежит являться... Марш!

Б у ш к о в. Есть. *(Своей группе.)* Айда, обратно... То есть кру-гом!

Группа повернулась, но в спешке и смущении — не к выходу, а лицом в зал.

Б у ш к о в *(краснея)*. Отставить. Кру-гом!

Группа вышла. У некоторых — Лошкарева и других — улыбка на лице. За сценой ровный топот вышедшего отделения. Голос Бушкова: «Но-гу! Тверже шаг!» Лошкарев вслушивается и одобрительно кивает, негромко произнося: «Так, так». Голос Бушкова: «Отделение, стой! Кру-гом!» Слышны отчетливо исполняемые команды: «Отделе-ние, в помещение бригады, шагом арш!» Слышен равномерный и нарастающий шаг отделения. Оно входит, как на параде.

Б у ш к о в. Товарищ капитан третьего ранга, команда выздоровевших раненых в распоряжение командира Морской бригады прибыла. Люди все налицо. Старший команды краснофлотец первой статьи Бушков. *(Вручает документы.)*

К а п и т а н 3 - г о р а н г а *(неторопливо)*. Вот это понятнее... И пока вы в бригаде, службу будете нести именно так.

При этих словах подтянулись и люди в других группах.

Б у ш к о в. Есть.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а *(подошел ближе и спросил негромко, интимно)*. Почему в первый раз ввалились в безобразном виде?

Б у ш к о в. Виноват, товарищ капитан третьего ранга. Торопились, в возбуждение пришли: город в опасности, пожары, граждане на нас глядят: «Что ж, мол?» Мы пулеметные ленты надели и бегом, как отцы в восемнадцатом...

Капитан 3-го ранга. Вы думаете, отцы этим брали? *(Жест удальства и разнузданности.)* Общая задача ясна?

Бушков. Так точно.

Капитан 3-го ранга. Конкретнее.

Бушков. Оборонительные рубежи держать до конца, город сдан быть не может.

Лошкарев. Вот, вот, вот, сынок...

Бушков. Папаша, как же иначе? Фирма заслуживает доверия.

В дверях писарь. Он держит в руках лист бумаги — это списки. Лошкарев: «На поверку выходи строиться!» В группе Бушкова один из раненых идет хромая.

Мымриков *(с нар)*. А таких зачем же? Такого эвакуировать надо. Вообще слабых чего же брать?..

Раненый *(показал обеими руками, как бьют из пулемета)*. Могу еще? Могу. И ты не гнуси.

В соседнем помещении слышно: «Становись!» Топот ног. Лошкарев готовит там поверку людей. Мымриков продолжает лежать на нарах.

Капитан 3-го ранга. А для вас отдельное приглашение?

Мымриков. Виноват. *(Неуклюже берет винтовку, мешок, идет в строй.)*

К командиру подошел рассыльный.

Рассыльный. Товарищ капитан третьего ранга, разрешите обратиться?

Капитан 3-го ранга. Слушаю.

Рассыльный. Вас спрашивает ваша жена, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга. Жена?.. Сейчас буду. Нет, просите сюда. Времени в обрез.

Рассыльный козырнул, бегом бежит исполнять приказание. Вошел писарь, подал командиру списки.

Писарь. Списки сами предварительно проверите, товарищ капитан третьего ранга?

Капитан 3-го ранга. Дайте. *(Пробежал списки.)*

Писарь. Есть.

Входит жена командира — красивая, крепкая женщина лет 37.

Писарь. Разрешите быть свободным? Поверку без вас проводить?

Командир кивнул головой, смотрит на жену... Писарь вышел. Командир и его жена бросились друг к другу. Он целует ее — молча, часто, руки, лицо...

Капитан 3-го ранга. Ты! Ты! Ты — родная. Ты... Я думал, что уж никогда больше тебя не увижу. Не понимаю, как мы вообще вернулись... Двое суток нещадной бомбежки. Взрывы, люди тонут. Остановиться, помочь — нельзя. День, ночь... Атака за атакой. Ночь, море, мрак абсолютный, по сплошным минным полям пробирались, а утром перед нашим прорывом Берлин дал радио, конечно, «всему миру»: «Из окружения не вырвется ни один корабль Балтфлота...» Врете. Вырвались. *(Снова обнимает жену.)*

Жена. У тебя седые волосы, дорогой.

Капитан 3-го ранга. Да! Могло случиться. Могло. Как мальчики?

Жена. Они здоровы.

Капитан 3-го ранга. Дома все в порядке?

Жена. В порядке, милый... Мы тебя ждали...

В соседнем помещении началась перекличка. Грубоватый голос старого моряка выкрикивает по алфавиту фамилии: «Аввакумов, Абольников, Аверин, Батурин, Борисов, Боричснко, Бушков, Васильев, Вашугин, Ведерников...» Ритмически падают ответы: «Есть, есть, есть!» На фоне переклички:

Капитан 3-го ранга. Я тосковал по тебе. Я тебя обожаю. Ты мне снишься...

Жена. Ты мне тоже... *(Пауза.)* Как я тебя ждала...

Капитан 3-го ранга шепчет ей несколько слов на ухо.

Жена. Да.

За сценой вой проносящихся санитарных автомобилей.

Скорая помощь... Бьют уже прямо по кварталам...

Капитан 3-го ранга. И по нашему дому? Вас тоже обстреливают?

Жена *(замявшись)*. Ну, пустяки... один раз...

Капитан 3-го ранга. Я уже вижу: «один раз»... Как в городе реагируют?

Жена. Как реагируют? По-разному... Ну есть, конечно, типы, которые уже шипят, что «была советская власть...»

Капитан 3-го ранга. Ага, «была»? Перепуганные душонки! «Ах, немцы, ах, техника, ах, тактика окружения!..» Ну, посмотрим, посмотрим, кто кого будет окружать. Наш город выстоит. Слышишь? *(Порывисто, крепко взял жену за руку, до боли сжал эту руку.)*

Жена. Больно!

Капитан 3-го ранга. Прости меня, милая... *(Целует руку жены.)* Нет, действительно, разве можно представить — немцы в Смольном или немцы в Зимнем... Я этого себе не представляю...

Жена. Так же думают и настоящие ленинградцы. А вы надолго сюда пришли? Как, ты думаешь, будет дальше?

Капитан 3-го ранга. Думать, дорогая уже нечего, некогда. Драться надо. Драться будем. В морские бригады даем десятки тысяч моряков. Понимаешь?

Люди возвращаются с поверки. Писарь подошел к командиру. Капитан 3-го ранга встал.

Писарь. Список готов, люди в наличии, нетчиков нет, товарищ капитан третьего ранга. Ожидается прибытие последней роты. Приказы...

Командир принял бумаги. Слышен звук мотоцикла.

Жена. Ну, я пойду. Когда тебя ждать дома?

Капитан 3-го ранга. Вечером.

Связист-мотоциклист *(входя)*. Приказано вручить командиру бригады.

Капитан 3-го ранга *(взял пакет. Вскрыл.*

Просматривает). Нет, домой я не попаду. Позови мальчиков сюда.

Жена. Зачем? Неужели?..

Капитан 3-го ранга. Позови мальчиков.

Жена. Ты обещал быть вечером.

Капитан 3-го ранга. Я сказал: позови мальчиков сюда. *(Мягче.)* Домой уже я не попаду.

Жена *(тихо)*. Хорошо, хорошо, сейчас я с ними вернусь.

Капитан 3-го ранга *(писарю)*. Готовьте все документы для моего доклада.

За сценой шум.

Входят бойцы и Мымриков

Мымриков. Как же так? Как же так? Вот беда... вот беда — Шлиссельбург отдали... Теперь мы в кольце...

Голоса. Шлиссельбург?! Не может быть!

Мымриков. Как же теперь? Совсем отрезаны. Что же,— к чему пришли, товарищ командир?

Капитан 3-го ранга. Откуда слухи?

Мымриков. Другие говорят, и я говорю — я, что же...

Капитан 3-го ранга. Откуда слухи?

Мымриков. Люди говорят...

Капитан 3-го ранга. Какие люди? У каждого слуха есть имя, фамилия...

Мымриков. Во дворе один...

Капитан 3-го ранга. Это не имя и фамилия... Имя и фамилию!

Мымриков. Такой там один, бритый...

Капитан 3-го ранга. Это не ответ. Тогда ваше имя и фамилия?

Мымриков *(умоляюще)*. Товарищ капитан третьего ранга!

Капитан 3-го ранга. Я сказал...

Мымриков. Мымриков Никодим...

Капитан 3-го ранга *(к морякам, мимо Мымрикова)*. Советую зарубить, выжечь внутри: в бригаде — дисциплина. Служба. Долг. Присяга. Мы в крепости... И порядки тут будут крепостные. Запом-

нить. Осадного времени порядки. *(Писарю.)* Бланк дайте.

Тот подал.

М ы м р и к о в. Товарищ командир...

К а п и т а н 3-го р а н г а *(писарю, заполняя бланк)*. В Трибунал направите.

Слышен у набережной рев торпедного катера. Возглас: «Катер под флагом контр-адмирала!»

М ы м р и к о в *(воплем)*. Товарищ командир!..

Капитан 3-го ранга встал навстречу прибывшему контр-адмиралу.

Д е ж у р н ы й. Контр-адмирал!

В помещение входит к о н т р-а д м и р а л.

К а п и т а н 3-го р а н г а. Смирно! Товарищ контр-адмирал...

К о н т р-а д м и р а л. Отставить! *(Внимательно посмотрел на людей.)* Здравствуйте, товарищи.

С т р о й. Здрасс!..

К о н т р-а д м и р а л. Стоять вольно. Последняя рота... прибыла?

К а п и т а н 3-го р а н г а. Никак нет. Жду.

К о н т р-а д м и р а л. Каждая минута дорога, а они опаздывают! *(Командиру.)* Обстановку знают люди?

Пауза.

Бои у трамвайных остановок, за Кировским заводом три-четыре километра. Бои у Средней Рогатки. Перехвачены все железные и шоссейные дороги, соединяющие город со страной. Потерян Шлиссельбург.

Люди взглянули на командира и на Мымрикова.

М ы м р и к о в. Так отправление в Трибунал состоится или — правда есть правда?

К о н т р-а д м и р а л. Кого в Трибунал и за что?

М ы м р и к о в. А я сказал — с целью глядеть действительности в глаза, что Шлиссельбург потерян. Ну, меня — раз — и в Трибунал.

Капитан 3-го ранга молча выдержал взгляды контр-адмирала и других.

Контр-адмирал *(Мымрикову)*. А кто вам дал право выскакивать с собственной «информацией»?.. Кто вас уполномочил?.. За самочинные действия вполне можете угодить в Трибунал. Впрочем, это дело командира.

Мымриков. Товарищ командир... я просто не сообразил... Вот вы говорили о бригаде, о присяге... Просто за душу задели. Совестно! Клянусь, ей-богу, оправдаю, товарищ капитан третьего ранга...

Все молчат, ждут.

Капитан 3-го ранга *(молча пробежал бумагу в Трибунал и разорвал ее)*. Идите на свое место.

Мымриков. Есть. Спасибо.

Контр-адмирал. Последней роты еще не видно?

Капитан 3-го ранга. Немедленно доложат, товарищ контр-адмирал.

Контр-адмирал подходит к морякам, стоящим вольно. У некоторых мелкие непорядки в одежде, он мимоходом их поправляет. Моряки подтягиваются. Остановился около Лошкарева.

Контр-адмирал. Какого года рождения?

Лошкарев. Тысяча восемьсот восемьдесят третьего года, товарищ контр-адмирал.

Контр-адмирал. Так это запас второй очереди и даже вовсе выслуживший.

Лошкарев. Доброволец, товарищ контр-адмирал.

Контр-адмирал. Где плавали?

Лошкарев. На второй Тихоокеанской эскадре в тысяча девятьсот четвертом — тысяча девятьсот пятом годах. С тысяча девятьсот шестого по тысяча девятьсот двенадцатый на «Императоре Александре Втором», старший унтер-офицер. С тысяча девятьсот двенадцатого за политику — в арестантских ротах по тысяча девятьсот четырнадцатый. С тысяча девятьсот четырнадцатого по тысяча девятьсот восемнадцатый год с немцами дрался, затем гражданская война — на линейном корабле, а также в морских отрядах. Затем в Совторгфлоте. В финляндскую вновь на Балтике. Ныне тоже.

Контр-адмирал. Да-а...

Лошкарев. Так точно.

Контр-адмирал. Так вы стойте вольно...

Лошкарев. Ничего, постоим, товарищ контр-адмирал.

Контр-адмирал. Годы не мешают?

Лошкарев. Никак нет, здоровый. При разбивке у воинского начальника отметили: «Одному даст — трое свалятся».

Бушков *(стоит рядом, плечистый, с вихром)*. А пожалуй, и не свалятся.

Лошкарев. А когда старшие говорят, младших — тысяча девятьсот двадцать первого года рождения — дело слушать да помалкивать почтительно... *(Контр-адмиралу.)* Степан Осипович, между прочим, это первым пунктом для матроса считал — здоровье.

Контр-адмирал. Про адмирала Макарова говорите?

Лошкарев. Так точно, про адмирала Степана Осиповича Макарова. Они для матроса пункты выставляли. *(Чеканит, как на словесности.)* Матрос должен соответствовать по пяти пунктам: здоровье, выносливость — раз, дисциплина — два, привычка к морю — три, смелость — четыре, знания — пять.

Контр-адмирал. Ну, а как вы полагаете, современные соответствуют? *(Кивнул на окружающую молодежь.)* Ну, ну... Как вас по имени-отчеству?

Лошкарев. Иван Степанович, товарищ контр-адмирал.

Контр-адмирал. Иван Степанович, что о них можете сказать?

Лошкарев. Насчет здоровья — нашей выделки, в отцов пошли. Здоровые. *(Покосился на Бушкова.)* Дисциплину тоже знают... А если кто забывает, то им и напомнить можно. *(Опять покосился насмешливо, мягко, на Бушкова.)* Пункт третий — привычка к морю — есть, мы прививали. Смелость — так это у людей в русском характере. Знания? Тут, конечно, молодежь нас обжимать стала. *(Вздохнул.)*

Контр-адмирал. Обжимают, Иван Степанович?

Л о ш к а р е в *(вздохнув)*. Обжимают... беда... У них эти диференциалы и интегралы, а у нас только — псалтырь, вот какое дело... Но мы еще посмотрим, мы опытом возьмем.

Б у ш к о в. Посмотрим, посмотрим, потягаемся!

Л о ш к а р е в. Не надорвался бы, сынок.

Б у ш к о в. А там видно будет, папаша.

Л о ш к а р е в. Ну, что ж, дай бог «нашему теляти да волка съести», как говорится...

Опять с воем промчались санитарные машины. Контр-адмирал посмотрел на часы.

К о н т р - а д м и р а л *(Лошкареву)*. Вы в партии?

Л о ш к а р е в. Никак нет.

К о н т р - а д м и р а л. Почему?

Л о ш к а р е в. Характер закоренелый, случаются домашние происшествия, да и книга туго идет.

К о н т р - а д м и р а л. Какие у вас домашние происшествия?

Л о ш к а р е в. На почве быта, товарищ контр-адмирал. С бабой тридцать годов ужиться не можем — как зачнем, горшки летят,— а партийное дело, коммунизм,— это гармония, согласие и общий мир. Этого я еще не могу допонимать... Не получается у меня гармонии.

К о н т р - а д м и р а л. Дошлый ты, Иван Степанович.

Л о ш к а р е в. Так известно, матрос, пальца в рот не клади.

К о н т р - а д м и р а л. Ну, а насчет войны как вы лично смотрите?

Л о ш к а р е в. Вот в смысле войны, России — это я лучше разбираюсь, чем по теории,— более привык,— впиталось, так сказать. О войне? Очень большое закрутили дело — сведущим людям хватит на век, да и больше думать, разбираться... Я пятую войну воюю.. Глубокая это война — может, своим умом мне ее до конца и не постичь. Скажем, так: в тысяча восемьсот двенадцатом году при Бородине наши стояли, чтоб Москва — Россия уцелела, того не подозревая, чтоб потом Ленин

появился и чтоб потом, через век после Бородина, советская власть. А? Вот оно как одно за другое цепляется. Видно, и сейчас на век, да, пожалуй, и больше, мировые дела определяем.

Голос. А чего ж отступаем?

Лошкарев. А ты, малец, еще погодь. Гитлер наступает только в прениях, а еще заключительное слово будет у России-то... Отсюда и ясно, устоять обязаны. Виноват, что задержал, товарищ контр-адмирал...

Контр-адмирал. Устоим, Иван Степанович.

Лошкарев. По долгу — присяга, товарищ контр-адмирал.

Контр-адмирал. Ну, спасибо за правильное слово, за службу.

Лошкарев. Рад стараться... то есть служу Советскому Союзу!

Бушков *(блеснул глазами)*. Товарищ контр-адмирал, вопрос задать можно?

Контр-адмирал. Задавайте.

Бушков. Может быть, не ждать, пока другие роты подойдут? Есть желающие итти сразу.

Движение вперед всей команды Бушкова.

Мы служили, мы готовились, что ж теперь время терять! Пусть дадут нам последний бой принять. Бегом бросок сделаем. «ГТО» первый класс. *(Взглянул на старика.)* И пусть некоторые товарищи рождения девятнадцатого века заодно посмотрят, что такое комсомол.

Лошкарев. Во-от... во-от... Приятно на старости настоящее слово слышать... *(Контр-адмиралу с улыбкой.)* Тягаются внуки-то, товарищ контр-адмирал.

Бушков. Потягаемся, папаша, потягаемся. Конечно, мы только тысяча девятьсот двадцатого года рождения и к Цусиме не поспели, когда вас обрабатывали, но тоже кое-чего умеем и можем.

Лошкарев *(снисходительно)*. Во-от, вот разговор настоящий...

Мымриков. Вопрос задать можно, товарищ контр-адмирал?

Контр-адмирал. Да.

М ы м р и к о в. Увольнение на берег будет? С семьями проститься дадут?

К о н т р - а д м и р а л. Нет.

М ы м р и к о в. Вопрос задать можно?

К о н т р - а д м и р а л. Да.

М ы м р и к о в. Время подформироваться — чтоб верней было,— освоиться, осмотреться дадут?

К о н т р - а д м и р а л. Нет.

М ы м р и к о в. Еще вопрос задать можно, товарищ контр-адмирал?

К о н т р - а д м и р а л. Да.

М ы м р и к о в. В баню пустят, белье, обмундирование дадут?

К о н т р - а д м и р а л. Нет.

Пауза.

Теперь вам задать вопрос можно? Когда ваша бригада драться будет?

Пауза.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. Сегодня будет в действии, и я отвечаю за это.

В помещение входит еще одна г р у п п а м о р я к о в. Ее ведет пожилой штатский человек — м а с т е р М и х а й л о в. Заметно, что в этой группе люди одеты не так однообразно и строго, как в остальных.

М а с т е р М и х а й л о в. К кому ж тут обращаться из администрации? *(Сибирцеву.)* Вероятно, вы?..

Тот сделал жест в сторону контр-адмирала.

К вам?.. Вот пришли... *(Волнуется.)* Да вы поймите — в цехах снаряды уже рвутся... Да это же невозможно... Люди стоят у фрезеров, а он — бьет прямо по людям... *(Всем.)* Да поймите вы — Кировский обстреливают!.. Пути-лов-ский обстреливают! Да что ж это такое *(контр-адмиралу)*, товарищ уважаемый? *(Другим.)* Мы же танки на всю Россию делаем... Ну, а вы... Нельзя же так...

Моряки молчат.

М и х а й л о в - м л а д ш и й. Папаша, ближе бы к делу...

М а с т е р М и х а й л о в. Так что ж ты молчал до сих пор?.. Я за тебя должен говорить?.. *(Сибирцеву.)* Сынишка мой. Давай живей.

М и х а й л о в - м л а д ш и й. Разрешите обратиться к капитану третьего ранга, товарищ контр-адмирал?

К о н т р - а д м и р а л. Обращайтесь.

М и х а й л о в - м л а д ш и й *(Сибирцеву).* Запаса старшина второй статьи Михайлов. В ваше распоряжение с группой моряков запаса и моряков-допризывников Кировского завода прибыл. *(Вручает документы.)*

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. Куда и для чего вас направляют, знаете?

М и х а й л о в - м л а д ш и й. Знаем.

Подошла еще г р у п п а м о р я к о в. Старшина вручил бумаги: «В Морскую бригаду, товарищ капитан 3-го ранга». Сибирцев указал на писаря. Тот записывает.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а *(продолжая диалог с Михайловым).* Ко всему готовы?

М и х а й л о в - м л а д ш и й. К выполнению любого задания, товарищ капитан третьего ранга.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а *(одному из молодых).* Как понимаете свою задачу?

М о л о д о й. Стоять за Ленинград до конца, насмерть. Ну, и к заводу, конечно, не пускать.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. Писарь, внести в списки. *(Передал писарю список группы.)*

М и х а й л о в - м л а д ш и й. Ну, отец, благослови.

М а с т е р М и х а й л о в. Иди, Николай, час пришел... Иди, родной.

М и х а й л о в - м л а д ш и й. Есть, отец... Прощай.

М а с т е р М и х а й л о в. Ну, чего прощай, зачем прощай? До свиданья... *(Обнял, поцеловал сына троекратно, потом посмотрел на Сибирцева, на Лошкарева и на других моряков.)* Надеется на вас рабочий класс, товарищи моряки. Город мы решили не отдавать.

К о н т р - а д м и р а л. Все понятно, товарищ... Все понятно... *(Обращаясь ко всем.)* Товарищу Жданову и товарищу Ворошилову Балтийский флот дал слово, что бригада сегодня будет в действии.

Л е й т е н а н т *(входя, четко)*. Роты пополнения. Лейтенант Епечурин.

К о н т р - а д м и р а л. Давайте людей, сюда, быстро.

Л е й т е н а н т. Есть.

Р о т а заполняет помещение. Пришедшие ранее взводы и отделения потеснились.

К о н т р - а д м и р а л *(продолжает)*. Мы сейчас, употребляя выражение Ленина, в центре бешеной атаки на столицу. Идет кольцевой штурм города. Понятно? Видели — зарево кругом?.. Сейчас критический момент... Готовится большая операция Ленинградского фронта — и моряки примут в ней активное участие. Тут надо напрячь все силы, отдать все... Вы пойдете на один из решающих участков. Честь эта дается самым отважным.

Бушков гордо поднял голову, поглядел на своих.

Вы будете драться за город Ленина. Это город, который никогда никем не был взят... И не будет взят. *(Глядит на часы.)*

М а с т е р М и х а й л о в. А как же иначе? А как же...

К о н т р - а д м и р а л. Мы люди мирные и добрые, но, когда надо, тем, кто мешает, голову снесем, не постесняемся. Последнее: решайте свою задачу смело, как подобает русским морякам. *(Поглядел на Мымрикова.)* Попечения и мысли насчет домашнего уюта, бани, отдыха и прочих вещей — из головы пока советую выкинуть.

Мымриков заморгал глазами, ответил: «Есть».

Пауза.

Случаи измены, трусости карайте на месте... Да вот и все, друзья. Значит, положиться на бригаду можно?

М о р я к и. Можно! Полностью и до конца, товарищ контр-адмирал.

К о н т р - а д м и р а л. Выступите, когда прибудет новый комиссар, товарищ Никонов... Будет с минуты на минуту.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. Есть.

К о н т р - а д м и р а л *(морякам)*. Ну, с каждым прощаться тут уж некогда — одному передаю напутствие Ленинграда и флота... *(Поглядел на людей, подошел к Бушкову, протянул ему руку, обнял и поцеловал его. Тот пылко ответил, крякнул, поглядел гордо на Лошкарева.)* И давайте живо, командир. *(Пожал ему руку.)*

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. Есть!

Контр-адмирал уходит. Команда: «Смирно!» Контр-адмирал, уходя: «Вольно!»

Вошла д е в у ш к а-с а н и т а р к а, одета, как все, в походную морскую форму, с санитарной сумкой.

Д е в у ш к а. Вы товарищ командир?

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. В чем дело?

Д е в у ш к а. Я направлена к вам. Комсомол тоже весь идет... Вот тут путевка. Я — к морякам. *(Заметив Михайлова.)* Ой, можно с ним поговорить? *(Подошла радостная, непосредственная.)* И вы здесь! *(Протянула моряку руку.)* А рана прошла?

М и х а й л о в - м л а д ш и й. А, дружок!.. Прошла рана, прошла... Но вы доложите свое дело командиру.

Д е в у ш к а *(наивно, просто — командиру и другим — показывая на Михайлова)*. Мы с ним вместе всегда были... *(Смутилась.)* То есть не вместе, а на одном заводе, а потом я была в госпитале, то есть не я, а он был ранен, когда бомбили завод, а я ухаживала, то есть не ухаживала, а вообще, ну медицински заботилась... И он еще не долечился... Он же до срока выписался... Куда же ему итти?

Быстро входит ж е н а к о м а н д и р а, с ней с ы н о в ь я. Мальчики кинулись к отцу, обняли его, тормошат: «Отец, папа!» Командир просветлел, смотрит на сыновей, целует их. Мать и счастлива и встревожена. Лошкарев тут же, вперебив, к строю: «А ну, живо, в ноль минут собирайся!.. Лишнее имущество сдать. Боезапас — патроны и гранаты — допринять... Живо! Шевелись, как на пружинах». Моряки занялись последними сборами. Михайлов подвел девушку к писарю.

К а п и т а н 3-го р а н г а. Ну, гарнизон! *(Смотрит на сыновей.)*

Ю р и й. У тебя автоматический? *(Тянется к отцовскому оружию.)*

К а п и т а н 3-го р а н г а. Подожди. Что ты так похудел?

Ю р и й. Безумно занят, папа. Мы же ЛПВО. Знаешь, мы все время на крышах мотаемся, бомбы тушим, пожары тушим, столько дел — просто невероятно! И потом на мне — грандиозная ответственность.

К а п и т а н 3-го р а н г а. Какая?

Ю р и й. Ну, не будем уточнять, это связано с особыми заданиями.

К а п и т а н 3-го р а н г а. Ну, все-таки?

Ю р и й. Я командую звеном из трех ребят.

К а п и т а н 3-го р а н г а. А как ты учишься?

Ю р и й. Отец, какое тут ученье — тотальная же война!..

Ж е н а. Юрий совершенно помешался.

Ю р и й. Мамочка, погоди. *(Подошел к отцу, тянет его в сторону, несколько таинственно.)* Отец, мы идем с тобой.

К а п и т а н 3-го р а н г а. Как?

Ю р и й *(Олегу)*. Псс... на минутку к борту!

Олег подошел.

Сообщи.

О л е г. Отец, мы идем с тобой. Обсуждено и решено.

К а п и т а н 3-го р а н г а. Подождите, подождите, по порядку.

Ю р и й. Отец, ты вникни философски: настал решающий час. Идут все. Что же нам — со старинками сидеть или эвакуироваться? Это немыслимо! А во-вторых *(несколько снизив голос)*, даже девчонки идут. Проходят в форме и так пронзительно и едко смотрят на тебя, что ты штатский. *(Брезгливо взял пальцами свою рубашку.)* Понимаешь, ужас! Я готов сквозь землю провалиться.

К а п и т а н 3-го р а н г а. Мать знает?

О л е г. Нет, не было смысла волновать ее в твое отсутствие. Мы решили вынести все на семейный совет

и опереться на тебя. Получится большинство голосов — раз, два, и ты третий. Ты, пожалуйста, не подведи.

Капитан 3-го ранга. Попроси сюда мать.

Юрий кинулся к матери. Она беседует с подошедшей к ней девушкой-санитаркой.

Капитан 3-го ранга *(жене)*. Олег и Юрий хотят кое-что сообщить.

Жена. Почему так официально?.. Что случилось?.. *(Сыновьям.)* Что вы опять затеяли?

Юрий. Мамочка, не надо волноваться, все уже в порядке. Мы решили итти с отцом. Он не возражает...

Капитан 3-го ранга. Я ничего не говорил...

Юрий. Но морально ты на нашей стороне, конечно. В тебе я никогда не сомневался.

Жена. Вы никуда не пойдете, дети.

Юрий. Мамочка, ты вникни: война эта, понимаешь ли, ну, необыкновенная. Финляндская была маленькая, и мы не бегали,— обсудили тогда и решили выждать известного развития международных противоречий... А эта война... Эта война за все, понимаешь, мамочка?.. И мы стоять в стороне не можем, это было бы нечестно...

Жена. Дети, это невозможно...

Олег. Мама, во-первых, мы не дети. Я уже бреюсь.

Юрий. Я тоже — скоро буду... Потом, это не главное — усы... Главное: мы — ленинградцы или нет, мама?

Жена. А школа? Вы же должны учиться...

Олег. К чему аттестат, если ворвутся немцы?..

Юрий. Мамочка, я могу сразу тебя убедить. Ответь, что сделал отец, когда ему было семнадцать лет? *(Смотрит на мать, смотрит на отца.)* Ага... Пожалуйста. Ответа не требуется. Отец тоже пошел и дрался... А сколько раз ты нам сама говорила: «Будьте, как отец».

Жена. Но...

Юрий. Что «но», мамочка?

Мать молчит.

Вот видишь, мамочка, как мальчишки говорят, «и крыть нечем».

Жена. Юрий, милый... *(Заплакала.)*

Юрий. Ты не волнуйся. Многие знаменитые люди тоже начинали, как мы.

Олег. Надо сказать наоборот. Мы хотим начать, как знаменитые люди.

Юрий. Ну, пожалуйста, наоборот. Когда Суворов начал служить в гвардейском полку, он еще моложе нас был. А Александр Невский!..

Капитан 3-го ранга *(скрывая улыбку)*. Про юношеские годы Александра Невского науке ничего неизвестно.

Юрий. Но я уверен в Александре Невском! Ручаюсь, что он практиковался лупить немцев. Вот так... *(Уже бьет воображаемых немцев, натыкается на Лошкарева.)*

Лошкарев *(одним из первых закончил сборы; стоит подтянутый, крепкий, ладный)*. Ишь, бедовый!.. Ваши ребятки, товарищ командир?

Капитан 3-го ранга. Мои... Просятся со мной.

Неожиданный шум. Возгласы: «Пришел! Жив! Коробков жив!» Он в бинтах, повязанных через грудь. Высокий, ясный. Бушлат внакидку. Это — Коробков.

Бушков *(узнав в раненом своего старого друга Коробкова)*. Коробков, Коля, милый! Скитания юности, беспризорное горе!..

Лошкарев. Коробков! Жив!

Юрий *(матери)*. Смотри, даже раненые...

Коробков *(отвечая друзьям, пожимая руки)*. Старший разведчик Коробков из прорыва явился. *(Своим.)* А я двое суток на плоту шел... Мимо корабли на прорыв идут, машу, семафорю — куда! — не видят... Ну, я и греб себе... *(Жест.)* Добрался. *(Отдает честь.)* Товарищ капитан третьего ранга, краснофлотец первой статьи Коробков в вашем распоряжении.

Капитан 3-го ранга. Вас где перевязывали, Коробков? В каком госпитале?

Коробков. А я сбежал, да еще ребят с собой прихватил. *(Показал на нескольких раненых.)* Они, врачи, меня куда-то тянут. Мы вас, говорят, эвакуируем куда-нибудь на самолете. А я говорю: «Да вы в уме? Чтобы я с Балтики списался, из Ленинграда? Рано еще меня вывозить, что я, музейный предмет, что ли?.. Я еще стою, я еще похожу». Верно, Боря, верно, Иван Степанович?

Бушков. Н-ну, походим, дружба! *(Обнял его.)*

Коробков. А то, говорят, мы вас вывезем. А я здоров... *(Пошатнулся, обессилел.)*

Его подхватили. «Коля!.. Коля, что с тобой?» Капитан 3-го ранга: «К доктору, живо!» Повели на перевязку. Коробков властно, сильно отстранил всех: «Я сам». Пошел пошатываясь.

Юрий *(матери)*. Вот это парень! Отец, раненые идут — немыслимо быть в стороне. Мама! Да пойми ты...

Капитан 3-го ранга *(долгим взглядом посмотрел на жену)*. Идите, получите обмундирование.

Юрий *(вытаскивает из кармана сложенную бескозырку, надевает ее)*. Есть!

Капитан 3-го ранга. Гм... *(Олегу.)* А ты?

Олег тоже вытаскивает бескозырку.

А если бы разрешения не было?

Юрий. А у нас есть договоренность с танкистами...

Капитан 3-го ранга. Ну, ну, еще куда?

Юрий. Вот мы и знали, что ты будешь протестовать и все равно возьмешь к себе.

Капитан 3-го ранга. Н-да. *(Взглянув на жену.)* Ты видишь?

Жена. Вижу.

Юрий. Мы настойчивые. Мама говорила, что ты тоже был настойчивым. Вот когда ты ухаживал за мамой, то...

Капитан 3-го ранга. Ясно, ясно, отправляйтесь. Получите оружие. Иван Степанович, выдайте им...

Лошкарев. Есть. Ну, внучата-салажата, пошли

Юрий. Мне только, пожалуйста, автомат...
Лошкарев. Пушку тебе целую дадим...

Оба сына со старым моряком пошли на склад. Командир и его жена остались вдвоем. Входит Халявин.

Капитан 3-го ранга. Ну, вот и товарищ Халявин жив!

Халявин. Есть, жив, товарищ капитан третьего ранга. Пуля не берет, вода не принимает, еще поработаем.

Капитан 3-го ранга *(писарю)*. Внесите в списки Коробкова и тех, которые с ним, и вот — Халявина.

Писарь. Есть.

Жена. Как это все неожиданно... А кто же их оденет?.. Надо ж посмотреть. Теперь осень...

Командир и жена его вышли. Писарь подзывает к себе Халявина, тот подходит.

Халявин *(отпрянув, глядит удивленно)*. Вы?!

Писарь *(подзывая его к себе)*. Ну, без лишних вопросов. Я.

Халявин. Нашли, значит? А я думал, что я вам свое отработал.

Писарь. А ты меньше думай. *(Посмотрел, усмехнулся.)* Еще неожиданнее будут картины, Халявин. Понятно?

Собеседник кивнул головой.

Что за человек этот новый командир?

Халявин. Новый командир?

Писарь коротко кивнул головой.

Год рождения тысяча девятьсот третий. Место рождения — город Санкт-Петербург, ныне Ленинград...

Писарь. Будет опять называться Петербургом. Понятно?

Халявин *(кивнул, продолжает)*. Кончил Морское училище, потом Академию, член ВКП(б), женат,

двое сыновей, шестнадцати и семнадцати лет, крайне требовательный.

П и с а р ь. В общем верно. Со временем из тебя прок будет.

Х а л я в и н. Стараюсь.

П и с а р ь. Но сведения твои жи-и-денькие. Ты — агент номер два... Слушай внимательней. Это тип крепкий, из новой формации. Гражданская война. Четыре дальних плавания, был в Америке. Дрался в Испании. Десантник. Командовал батальоном на прорыве линии Маннергейма. После тринадцати атак на сорокаградусном морозе бетонные форты взял. Понятно?

Х а л я в и н. Берет за горло действительно очень просто.

П и с а р ь. Так чего ж ты жуешь: «Год рождения тысяча девятьсот третий»...

Х а л я в и н. Виноват.

П и с а р ь. Когда агентуришь, формальные моменты откидывай, знай их, но откидывай, за живое бери, за сущность. О нем еще только слух был, а я уже занимался им. За сущность бери, Халявин.

Х а л я в и н. Есть, буду брать за сущность.

П и с а р ь. А анкета, разве она сущность даст?

Х а л я в и н. Понятно. Учусь.

П и с а р ь. Что-то долго учишься, очень долго... А нам теперь от твоей учебы итоги нужны, прок нужен. Так вот, об этом капитане третьего ранга. Ты его уберешь, и побыстрее.

Х а л я в и н. Понятно.

П и с а р ь. Эта бригада должна быть... *(Делает мрачно-выразительный жест: косой крест.)*

Х а л я в и н. И это понятно... А заплатят?

П и с а р ь. Тебе было сказано?

Х а л я в и н. Да, сунете советскими, а как город возьмут, куда я с ними — аннулируют их.

П и с а р ь. Получишь в марках.

Х а л я в и н. Устраиваться тоже надо...

П и с а р ь. Будешь устроен.

Х а л я в и н. И документ на германское подданство, а то в горячке гестапо хлопать начнет, — где тут будет разбираться, некогда. Возьмут «русс матрозе» —

и к ногтю. Поди доказывай, что ты не верблюд... Город-то кровью умоете... Так что и для меня и для пользы службы — давайте документ.

Писарь. Ты в здравом уме?

Халявин. Точно, и в твердой памяти.

Писарь. Бумаг, документов не будет.

Халявин. Тогда не выйдет дело.

Писарь. А тогда...

Халявин *(перебивая)*. А вы не грозите, с вами тоже случайность произойти может. Жили-жили тихо, и вдруг случайность. Ясно? Мы понимающие. И вы понимающие. Лучше друг к дружке по-хорошему относиться, по-гуманному...

Вошел капитан 3-го ранга.

Капитан 3-го ранга. Ну, как, оформили?

Писарь. Все в порядке, ясность по всем пунктам, товарищ командир. Все в порядке, товарищ Халявин.

Халявин. Ну вот и хорошо.

Капитан 3-го ранга. Ну, действуйте, действуйте, добро...

Вошла жена командира. Артиллерийский гул разрыва. Звон стекол. Все вслушиваются.

Капитан 3-го ранга. И сюда бить начинает... Что же комиссар запаздывает? *(Посматривает на часы.)*

Лошкарев *(входя)*. Приказание выполнено, товарищ капитан третьего ранга. Обоих мальцов снарядили.

Входят оба сына, собравшиеся в поход.

Юрий. Краснофлотец Юрий Сибирцев в ваше распоряжение прибыл, товарищ капитан третьего ранга!

Капитан 3-го ранга Краснофлотец? Пожалуй, многовато — пока ты только юнга, ученик.

Юрий. Есть. Юнга Сибирцев готов. Ну, где эти немцы, давайте мне этого, их Гитлера... *(Щелкнул затвором.)*

Олег. Юнга Олег Сибирцев готов. Какие будут приказания, товарищ капитан третьего ранга?

Капитан 3-го ранга. Прощайтесь с матерью... И запомните: вы начали служить.

Юрий. Есть.

Сигнал воздушной тревоги. Волна глухих бомбовых разрывов. Все обернулись. Сибирцева невольно обняла Юрия.

Мымриков. Вот дает, вот дает... (*Старается прижаться под своды.*)

Юрий. Мама, абсолютное спокойствие. Бери пример с меня.

Капитан 3-го ранга (*Лошкареву*). Стройте людей!

Лошкарев. Станови-ись!

Моряки, уже одетые по-походному, строятся. Топот ног. Мать смотрит долгим взглядом на сыновей. Они стоят все вместе, близко-близко. Старший сын гладит ее руку, успокаивает.

Юрий. Ты, главное, не волнуйся, мама... (*Шепотом.*) Мама, и на нас смотрят... Мама, давай бодрее... Мама, давай спокойно, да?

Мать едва сдерживает слезы. В отдалении новый раскат гула.

Лошкарев. Стано-ви-ись!

Оба юноши рванулись, слыша команду. Мать инстинктивно их охватила, обняла... «Сейчас, сейчас!..»

Юрий. Мамочка, дорогая... (*Целует, но высвобождается.*)

Лошкарев видит прощание, подошел, нетерпеливо поглядывая на командира, кашлянул.

Мать целует своих сыновей, неотрывно глядит на них и только шепчет: «Сейчас... сейчас...» Увидела старого моряка и говорит ему: «Да, да, сейчас». Капитан 3-го ранга поглядел на прощающихся и невольно опустил голову, будто не замечая прощания... «Что ж тут скажешь...»

Жена. Идите. Я вас провожу...

Оба юнги быстро встали па места — на левом фланге строя. Опять отдаленный гул. Команда старого моряка: «Напра-оп! Ша-гом арш!» Моряки пошли, тяжело отбивая шаг. Старый моряк зычно: «Но-гу!» Мать пошла следом за сыновьями. Оглянулась на мужа. Он стоит, просматривая бумаги, поданные писарем. Шаг моряков слышен все тише, тише.

Входит комиссар. Ему лет тридцать. Он одет по-походному, крепкий, подтянутый.

Комиссар *(подходя)*. Товарищ Сибирцев? Будем знакомы. Никонов. Направлен в бригаду военкомом.

Капитан 3-го ранга *(сухо, пожимая протянутую руку)*. Сибирцев. Опаздываете, товарищ комиссар.

Комиссар. Торопитесь с заключением, товарищ командир.

Капитан 3-го ранга. Констатирую факты, товарищ комиссар.

Комиссар. А кто вам, товарищ командир, кадры отбирал, кто в соединениях и на кораблях побывал, людей проверил?

Капитан 3-го ранга. Ага, вот как... Ну, беру свои слова обратно.

Комиссар *(кивнув на бумаги)*. Разрешите посмотреть? Документы уже в порядке?.. И списки тоже... *(Проверяет.)* Так. Хорошо... И кировцы? Отлично... Любопытный почерк, а? Это кто тут составлял эти списки?

Капитан 3-го ранга. Писарь.

Комиссар. Не встречал у наших писарей такого почерка.

Капитан третьего ранга настороженно вскинул глаза на комиссара.

Нет, я пока ничего не говорю — так только, замечание или наблюдение. Мало ли почерков бывает. Здесь этот писарь?

Командир вскинул глаза, заметил писаря, который от дверей наблюдает за командиром и комиссаром.

Капитан 3-го ранга *(писарю)*. А вам что надо?

Писарь. Никак нет...

Капитан 3-го ранга. Делом занимайтесь.

Писарь. Я занимаюсь, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга. Пойдете с бригадой.

Писарь. Должен доложить, что я писарь кадрового состава экипажа. Оставлен здесь специально.

Капитан 3-го ранга *(резко)*. Повторить приказание.

Писарь. Приказано итти с бригадой.

Капитан 3-го ранга. На сборы минута. Бегом!

Писарь. Есть.

Писарь метнулся, схватил бушлат, фуражку, взял папки, сумку и рысцой помчался в выходную дверь. Вошла жена командира.

Капитан 3-го ранга. Прошу извинения... Прощусь с женой. Я на минуту...

Комиссар понял, кивнул головой, отдал честь жене Сибирцева, вышел. Командир остался с женой вдвоем. Он подошел и взял ее за руку.

Ну, вот...

Жена. Береги Юру и Олега.

Капитан 3-го ранга. Ты береги себя, дорогая.

Жена молча кивнула головой.

Береги дом. Это мы, семья, это наш Ленинград... И держитесь тут в городе... Понимаешь? Ты внушай людям, каждому просто и спокойно говори: город сдан не будет...

Жена. Да, да, хорошо... Город сдан не будет...

Капитан 3-го ранга. Ну что с тобой, дорогая?

Жена *(сдерживая слезы)*. Я не могу притти в себя. Вы уходите все... сразу все.

Капитан 3-го ранга. Держись, дорогая.

Жена. Я держусь *(а слезы катятся по щекам)*. Уходите все сразу, все... Я и понимаю, и чего-то не понимаю...

Капитан 3-го ранга. Все просто, дорогая.

Жена. Я это предвидела, так этого боялась, и так этого ждала, и так все это неожиданно...

Капитан 3-го ранга *(очень мягко)*. Ну, милая, родная моя... Надо итти. *(Она инстинктивно держит его.)* И за все прости...

Жена. Милый...

Капитан 3-го ранга. Прости, если в буднях, в сутолоке, в вечных делах ворчал, ругался, был груб.

Жена. Милый... Нет, ты не был груб.

Капитан 3-го ранга. Был груб, знаю... Прости за все... И тебе отдавал мало времени... мало любви... Прости и за это... Все так складывалось — годы такие...

Жена. Да, годы такие... Было и хорошее.

Капитан 3-го ранга. Очень много.

Жена. Много, милый.

Внизу за окнами уходящая колонна моряков запела:

Тучи над городом встали.
В воздухе пахнет грозой...
За далекой, за Нарвской заставой
Парень идет молодой...

Постой так, последнюю минутку...

Они оба минутку постояли.

Иди...

Командир быстро вышел. Жена подошла к окну. Где-то близко ударил ослепительный разрыв, гул, слышны песня уходящих моряков и мерная поступь их. Женщина стоит у окна и слушает. Гаснет северная вечерняя заря. Мерцает синяя дежурная лампочка.

АКТ ВТОРОЙ

Вестник. Вся страна и весь мир, затаив дыхание, следили за ходом борьбы: устоит ли Ленинград? Германские радиостанции сообщали: «Дни Ленинграда сочтены, назначен день вступления в северную столицу России...» Кольцо трехсоттысячной армии фельдмаршала фон Лееба сжималось вокруг города все туже. Немецкие штурмующие части подошли к последним рубежам ленинградской обороны.

Открывается занавес. Стелется дым. Разбитые пригородные дома с зияющими окнами. Вдаль уходит широкая перспектива приморской низины. С Невы и с моря гул кораблей и фортов.

Комиссар *(по телефону)*. На месте, товарищ контр-адмирал. Так точно. Понимаю... Кто там перебивает? Соседи... Бросайте трубку! Не мешать!.. Так. Будет исполнено, можете положиться...

Писарь. Старшина первой статьи Фетисов по вашему вызову прибыл, товарищ комиссар.

Комиссар *(делая кивок — подождать)*. Помешали, виноват. Как? *(Слушает.)* Понимаю, товарищ контр-адмирал... Последний рубеж, понимаю... Доведено, товарищ контр-адмирал, до каждого... Буду докладывать... Проверю сам. До свиданья. Кончаю. *(Кладет трубку. Писарю.)* Что там у вас?

Писарь. На подпись, товарищ комиссар.

Комиссар. Давайте.

Писарь. Дополнительные аттестаты на людей,

прибывших без узаконенных документов на продовольственное, денежное и вещевое довольствие... На формальности не приходится обращать внимания...

К о м и с с а р. Ясно. *(После некоторой паузы.)* Откуда вы? Срок службы?

П и с а р ь. Из запаса, товарищ комиссар, служил с тысяча девятьсот двадцатого года.

К о м и с с а р. Так...

Пауза.

Переводом в бригаду как будто недовольны?

П и с а р ь. Почему? Я доволен. Я везде свое дело выполню, куда ни назначат.

К о м и с с а р. Тут круто придется... Опыт есть?

П и с а р ь. Опыт есть... Мне не в первый раз... Это тоже подпишите, отчетность, форма номер семь... Порядок, так порядок...

Близкий разрыв.

Вот говорят: Гитлер, Гитлер один, мол, виноват, все он затеял. *(Кивнув в сторону разрыва.)* Ну, повесят его потом... Да не стоит ему такую смерть давать, лучше на-нет, в безвестность его свести... Вот, говорю, с ним кончат, а остальные немцы, а их ведь восемьдесят миллионов, что же, ручки нам протянут, улыбаться станут: «О русский труг, мы пратья, запудем все прошлое!.. Во имя гуманности и новых идей...» Нет, не могу я забывать, товарищ комиссар, ни прошлого и ни настоящего...

Новый разрыв.

Прямо по жилым домам, а?.. Ах ты, боже мой... Ни скидки, ни пощады им...

К о м и с с а р. Ни скидки, ни пощады... *(Беря из рук писаря остальные бумаги.)* Еще есть?

П и с а р ь. Есть, товарищ комиссар.

К о м и с с а р. Хорошо пишете. Какое образование получили?

П и с а р ь. Какое же образование! Служба, потом на заводе, на новостройках, в делопроизводстве. Вечерние курсы кончил.

К о м и с с а р *(подписал бумаги)*. Ну, добро...

П и с а р ь. Могу быть свободным, товарищ комиссар?

К о м и с с а р. Идите.

Писарь, взяв бумаги, вышел.

(Задумчиво посмотрел ему вслед.) Не встречались мне у писарей такие почерка...

К а п и т а н 3-г о р а н г а *(входя.)* Начинается. Сосед не отвечает.

К о м и с с а р *(взяв трубку)*. «Урал»... Ну, что за чорт! «Урал»... Я — «Гроза»... Вы меня слышите?.. «Урал»!..

К а п и т а н 3-г о р а н г а. Да что толку!.. Обходят слева... Самим итти надо, комиссар. *(Дослал патрон в патронник пистолета.)* Михайлов!

М и х а й л о в *(подойдя)*. Есть.

К а п и т а н 3-г о р а н г а. Останетесь у аппарата. Мы с комиссаром — на левом участке. Вызов «Урал» — доложить.

М и х а й л о в. Есть.

Командир и комиссар быстро двинулись. Михайлов сел у аппарата. Тихо пробует вызвать «Урал»... Гул разрывов. Д е в у ш к а-с а н и т а р к а подошла к Михайлову.

Д е в у ш к а. Можно с вами поговорить?

М и х а й л о в. А, дружок...

Д е в у ш к а. Если вы заняты или не хотите — я уйду...

М и х а й л о в. Нет, зачем... Поговорим... Я ведь вам и спасибо за лечение, за заботу не сказал...

Д е в у ш к а. А прошла рана?

М и х а й л о в. Проходит...

Пронесли двух раненых.

Д е в у ш к а. Что мы им сделали? Немцам... Скажи — твои теперь совсем отрезаны в Петергофе, и мать и сестра?

М и х а й л о в. Да. *(Взял ее руку.)* Подожди, забыл, как тебя зовут? *(Взялся за раненую голову.)*

Д е в у ш к а *(посмотрела)*. Забыл?.. Татьяна... И вот когда ты сказал мне: «Мать, моя мать, сестра»,

у меня, я не знаю... прямо вся душа заныла. Тебе тяжело, очень?

Михайлов. Нелегко, Таня...

Девушка. Ты слушай. Я важное хочу сказать. Хочу высказать, что на сердце. Пусть будет смешно, ну и смейтесь, мне все равно... Вот у тебя там сестра осталась... Ты стал одинокий. Поэтому я решила... *(Взяла его руку.)* Ну, пусть я буду тебе сестрой... Знаешь, теперь сколько одиночек остается, я думала об этом... Надо как-то помогать друг другу... У меня тоже мать погибла и брат погиб.

Михайлов. И брат погиб?

Девушка. Погиб... Никого нет... Я теперь тоже так ожесточилась.

Михайлов *(взял ее за руку)*. Тяжело?

Девушка. Очень тяжело. Вот и у тебя горе, поделись со мной... тебе будет легче, когда ты поделишься...

Михайлов. Ну, спасибо тебе...

Девушка. Ты только одиночеству не поддавайся, братишка...

Михайлов. О чем задумалась?

Девушка. Знаешь, я вдруг поняла, почему матросы раньше называли друг друга «братишка, браток»... Это очень ласково, очень человечески нежно...

Михайлов. Да, верно... сестренка...

Девушка. Сколько мы с тобой наговоримся — о жизни, о смерти, о людях.

Михайлов. Наговоримся, сестренка...

Пауза.

Девушка. А положение все хуже, да?

Михайлов. Хуже... *(Опять делает вызов.)* «Урал»... Я — «Гроза»... Вы меня слышите?..

Девушка. Братишка. И договорились: давай в любой обстановке держаться вместе.

Михайлов. Вместе? Хм... Трогательный ты человечек... Ну, будем вместе...

Девушка улыбнулась.
Вошли командир и комиссар.

Капитан 3-го ранга *(Михайлову)*. Ну?

Михайлов. «Урал» молчит.

Пауза.

Слышны голоса, шум: «А-а, немцы!.. Ого, Гитлер!.. Ага, поймали! Сюда их!» Лошкарев, Коробков и Бушков ведут трех пленных немцев. Это кадровики, помятые в последней схватке. Один — здоровенный унтер. Другой — в очках. Моряки хлынули к пленным.

Голоса. А, давай их сюда!

Некоторые вплотную, угрожающе надвинулись на пленных.

Коробков *(отстраняя надвинувшихся)*. К общественному вниманию. С изъявлениями ненависти и мести — просьба ходить на передний край. *(Жест.)* Ясно? Осадить. *(Командиру, сделав шаг вперед.)* Товарищ капитан третьего ранга, докладывает старший разведчик Коробков. Взято трое пленных. Документы отобраны. *(Вручает документы.)*

Командир, не спеша и не выказывая особого интереса, просматривает документы. Взглянул внимательно на рослого пленного унтер-офицера. Тот мрачно, вызывающе отвечает на взгляд.

Капитан 3-го ранга. Как сопротивлялись?

Коробков. Нахально сопротивлялись, товарищ капитан третьего ранга. Вот только троих поэтому и оставили. Кричат: «Ленинград капут»... *(Немцам.)* Привыкли?.. Линию Мажино брали? На вот, возьми теперь линию Ленинград. *(Показал на стенку моряков, поглядел на пленных; двое отвели глаза, понурились, третий, унтер-офицер, смотрит нагло, злобно, вызывающе.)* Смотри, смотри...

Комиссар. Потери у нас были?

Коробков *(кивнул на унтер-офицера)*. Этот двоих положил: Федорченко и Кротова... Ну а потом на Ивана Степановича нарвался.

Бушков. Действительно, старик одному даст— трое свалятся.

Лошкарев. Я ж даром слова не кидаю. Слово— вещь серьезная.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а *(одному из пленных)*. Имя, фамилия, часть?

П л е н н ы й *(моргнул, еще раз посмотрел на своего взводного)*. Альбрехт Ширт, первый полк «Германия», вторая рота, первый взвод.

К а п и т а н 3-г о р а н г а. Откуда?

П л е н н ы й *(заученно)*. При пленении солдат может указать на допросе свое имя и свою часть, отказавшись от других сведений, хотя бы ему угрожали.

Пленный унтер-офицер удовлетворенно-нагло взглянул на русского командира и других моряков.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а *(поймав взгляд)*. Та-ак. Остается принять к сведению и смириться?.. А вас доставить в Ленинград?

П л е н н ы й. Да.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. И держать на полном довольствии?

П л е н н ы й. О, да.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. Поручая относительно легкие работы и не более восьми часов в день?

П л е н н ы й. О, да.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. В надежно укрытых к тому же местах, вне зоны действий и бомбардировок?

П л е н н ы й *(подумав)*. Да.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. А затем, по прошествии некоторого времени, вернуть вас представителям германских властей, снабдив довольствием на три дня пути до Германии?

П л е н н ы й *(подумав)*. Да, да.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а *(рассвирепев)*. Вы что думаете — тут неграмотные?.. Глядеть мне в глаза!.. Дивизия «Германия», командир генерал Мальваршедт, старая полицейская сволочь. Прибыли с запада... Задача: «Расчистить Ленинград». Отвечать!

Пауза.

Отвечать — или будете болтаться на первой перекладине!..

П л е н н ы й *(глотает слюну)*. Нам сказали...

Капитан 3-го ранга. Вам сказали... Дальше. *(Кивнул на унтер-офицера.)* На этого покойника можете не смотреть.

Пленный. Сказали, что кольцо вокруг города Петерсбурга замкнуто и фюрер приказал закончить дело...

Капитан 3-го ранга. И убрать русских? Им тут нечего делать? Это в сущности смешанная, хилая раса?.. Вы посмотрите, действительно!

Моряки стоят стенкой, сильные, злые.

Пленный. Я слишком незначителен, чтобы понимать... Я только солдат... Мне приказано...

Унтер-офицер *(отодвинув солдата).* Генух[1]... Ну, раскис... *(Русскому командиру.)* Если вы хотите слушать откровенное немецкое мнение, так вы его можете услышать. Мы прошли всю Европу, мы пройдем и последние десять километров до этой резиденции бывших царей. Для механизированных частей это займет один день работы. Можете смотреть еще свирепее. Одним солдатом меньше, для Германии это ничего не значит. Но я не хочу, чтобы болтовню этого сопливого новобранца принимали за мнение германского солдата... Да, мы будем чистить Ленинград. А вы еще сегодня получите крепкие немецкие сюрпризы... Хайль Гитлер!

Моряки хотят прикончить этого немца. Командир их остановил.

Капитан 3-го ранга *(первому пленному).* Это унтер-офицер Неймаер?

Унтер-офицер побледнел: откуда тут могут знать его фамилию?

Я спрашиваю.

Пленный. Да.

Капитан 3-го ранга *(читая дневник третьего пленного, который жмется трусливо).* Полезно послушать. Писарь, записать...

Писарь. Есть.

Капитан 3-го ранга *(переводя дневник).*

---

[1] Довольно!.. *(немецк.)*

«Заняли Петергоф — живописное место, где жили русские цари летом. Поход подходит к концу. Чистим взятый город. Русские сами себе вырыли могилы. Экзекуции подверглось семьсот пять русских обоего пола. Потерь во взводе нет. Взводный унтер-офицер Неймаер отмечен в приказе...»

По мере чтения в рядах моряков движение. Возглас Бушкова: «Что же смотреть на этих скотов?» Несколько человек двинулось на немцев.

Подождите.

Михайлов. Мать моя, там, в Петергофе, сестра! Что ж они делают! *(Конвою.)* Пусти!.. Закапывают наших?!

Девушка *(удерживает его)*. Братишка, Алеша, подожди... *(Ласково обняла его.)* Братишка, все будет в порядке, будем в Петергофе, выручим... Ей-богу... *(Немцам.)* А вас... а вас... Не знаю, что с вами сделаем.

Капитан 3-го ранга *(морякам, показывая на записи в дневнике)*. Как назвать все это?

Все молчат.

(Пленным.) Как назвать все это?

Третий пленный *(бледный, испуганный, рухнул на колени)*. Там еще остались живые некоторые русские, мы некоторых не трогали.

Капитан 3-го ранга. «Еще остались», «некоторых не трогали». *(Лошкареву, кивнув на пленных.)* Отвести в комендантский взвод.

Лошкарев. Разрешите, товарищ капитан третьего ранга... опасаюсь — смять конвой могут, а этих порвут. *(Опять сдерживает моряков.)*

Капитан 3-го ранга. Доставить целыми, сдать, держать до потребности.

Лошкарев. Есть доставить целыми, сдать, держать до потребности. *(Морякам.)* Осади!.. Назад, ну!.. Дай дорогу.

Пленных повели. Бушков толкает унтер-офицера: «Ходи веселей, Берлин!..»

Капитан 3-го ранга *(всем)*. Мелко было бы, товарищи, мараться с одним-двумя... Может быть, покрупнее как-нибудь ответим?

Сумрачное молчание. Некоторые задумались.

Немного понятнее стало, что Ленинграду готовится?

Из рядов. Понятнее.

Капитан 3-го ранга. Понятнее, что от нас требуется?

Из рядов. И это понятнее...

Бушков. А этот верзила — сволочь какая — «один день работы». А? Товарищ капитан третьего ранга, приказывайте...

Капитан 3-го ранга. Разведчики не вернулись?

Комиссар. Второй группы пока не видно — с правого участка.

Капитан 3-го ранга *(раздраженно)*. Тянут, тянут разведчики! *(Подходит к телефону, делает вызовы.)* «Урал»... Нет, линия оборвана... Попробую через других... «Полтава»... «Полтава»... *(Поглядел на комиссара и тихо сказал.)* Вот что, комиссар, похоже на охват и, может, еще серьезнее.

Комиссар *(делает вызов)*. «Полтава», «Полтава»... Н-да... «Полтава»!

К командиру подводят раненого. Он в оборванном бушлате. Левая рука на перевязи. Раненый собирает силы, пробует отдать честь.

Раненый. Танки появились, товарищ капитан третьего ранга... Охватывают уже и справа.

Голоса. Охватывают уж и справа... Обходят!..

Капитан 3-го ранга *(яростно)*. Поговорите там... Прекратить! *(Указывая по карте.)* Место укажите точно, место, где танки...

Раненый указал.

(Командир и комиссар переглянулись.) Где остальные разведчики?

Раненый. Остальные разведчики приняли бой... И сын ваш там был... Потом меня ранило...

Девушка. Он уже не может...

Раненый *(слабо водя рукой)*. Вот здесь... охватывают...

Капитан 3-го ранга. На перевязку раненого...

Девушка. Есть.

Раненый *(увидел девушку, мотает головой)*. Никак нет...

Капитан 3-го ранга. На перевязку раненого.

Раненый. Да я ж сам... *(Обессилел, его подхватили и повели.)*

Капитан 3-го ранга *(комиссару)*. Двойной охват. «Урал» отвечает?

Михайлов. Молчит.

Капитан 3-го ранга. «Полтава»?

Михайлов. Молчит.

Комиссар. Молчит.

Подходят, тяжело дыша, два разведчика. Моряки подходят послушать их сообщения.

Первый разведчик. Товарищ командир бригады, танки на фланге.

Капитан 3-го ранга. Повторите спокойнее.

Первый разведчик. Товарищ командир бригады, танки на фланге.

Капитан 3-го ранга. Еще спокойнее.

Первый разведчик. Товарищ командир бригады, танки на фланге.

Капитан 3-го ранга. Так. Подышите еще спокойнее. *(Пауза.)* Теперь доложите конкретнее и обстоятельнее.

Первый разведчик. Товарищ командир бригады, на шоссе, где стык с соседом справа, замечено несколько танков.

Капитан 3-го ранга. Ну вот — несколько танков... Картина яснее... А то «танки», «танки», «танки»! *(Горячится.)* Я у вас вышибу эту танко-

боязнь... И первого отступившего сам своей рукой... *(Делает резкий, беспощадный жест.)*

Пошатываясь, в грязи, подходит ю н г а — младший сын командира.

К а п и т а н 3-г о р а н г а. Ты ранен?

Юнга молчит.

Что с тобой? Оглушен, контужен? *(Повысив голос.)* Ты меня слышишь?

Ю н г а. Слышу.

К а п и т а н 3-г о р а н г а. Где остальные разведчики?

Ю н г а. Убиты...

К а п и т а н 3-г о р а н г а. Все убиты, один ты остался?

Юнга молчит.

Остальные где?

Ю н г а. Они пошли... а я пошел... *(Делает неуверенный жест и замолкает.)*

К а п и т а н 3-г о р а н г а *(медленно догадывается о том, что сын его вернулся самовольно)*. Они пошли, одни ранены, другие убиты, а ты пошел назад?

Юнга молчит.

Командир подошел, резко открыл подсумок у сына посмотрел; посмотрел затем патронташ, взял у сына винтовку, резким движением открыл затвор, проверил магазин.

Выпущено два патрона.

Ю н г а. Я...

К а п и т а н 3-г о р а н г а. Только два патрона. Гранаты тебе зачем даны?

Подошел с т а р ш и й б р а т. Взволнованно, испытующе смотрит на младшего.

О л е г. Отец, он, может быть...

К а п и т а н 3-г о р а н г а. Юнга, молчать, не ваше дело.

Олег затих, отошел.

Что же теперь?..

Ю н г а *(упав к отцу на грудь)*. Отец...

Капитан 3-го ранга. Стоять смирно! Доложить коротко.

Юнга. Есть... Мы шли по заданию... Немецкий дозор нас обстрелял, но мы продолжали движение...

Капитан 3-го ранга. Подумаешь — «но мы»... А что вы еще должны были делать? Дальше...

Юнга. Потом на шоссе внезапно выскочили танки... Стали стрелять, нескольких убило... двое куда-то влево взяли... Я, я... *(Умолк.)*

Капитан 3-го ранга. Понятно. *(Горько вздохнув.)* Чему тебя учили? Для чего и куда ты шел?

Юнга молчит.
Все молчат. Некоторые отошли в сторону.

Почему смутились? Отчего глаза отводите? Когда Железняков в своем отряде увидел бежавших, решение было коротко. *(Лошкареву.)* Вы помните?

Лошкарев от неожиданности вздрогнул, поглядел на юнгу, молчит.

Я жду.

Лошкарев. Так точно — про тех решили коротко.

Капитан 3-го ранга. «Про тех», а про других? Про этих?

Молчание.

Халявин. Что ж тут размягчаться, Иван Степанович? Наказать по закону, а закон — известно какой, мы тоже помним.

Лошкарев *(тихо подойдя к Олегу и взяв его за плечо)*. Шли бы вы, дорогой... Не надо вам тут сейчас находиться.

Олег. Нет, я останусь.

К командиру подбегает автоматчик из 1-й роты и без доклада, коротко указывает рукой в сторону шоссе, что-то быстро шопотом говорит.

Капитан 3-го ранга *(негромко)*. На участке первой роты?.. Не может быть...

Автоматчик. Можем доставить.

Капитан 3-го ранга. Доложите комиссару.

Автоматчик на ухо докладывает комиссару.

Комиссар. Наш? От немцев? Ведите сюда.

Еще не зная, в чем дело, моряки ждут. Под конвоем автоматчика приводят Мымрикова. В полуподнятой руке он держит белый платок.

Капитан 3-го ранга *(удивленно, еще не веря)*. Сдался?

Мымриков. Танки... окружили...

Капитан 3-го ранга. Сдался в плен?

Мымриков. Я ничем не виноватый... Они со всех сторон взяли... «Пойдешь?»—говорят, а мне только в голову стучит, мне бы опять к своим, к своим... Делайте что хотите, я весь тут... Такое несчастье, товарищ капитан третьего ранга, ну, со всех сторон взяли, такое несчастье!..

Капитан 3-го ранга. Что в присяге сказано?

Мымриков молчит.

В минуту вспомнить!

Мымриков *(нетвердо, отводя глаза)*. «Я клянусь... защищать ее...»

Капитан 3-го ранга. Кого «ее»?

Мымриков. «Родину... мужественно, умело, с достоинством... С честью, не щадя крови... для... *(совсем тихо, глотая слюну)* для достижения полной победы над врагом».

Капитан 3-го ранга. Громче.

Мымриков. «Для достижения полной победы над врагом».

Капитан 3-го ранга. Так. А что вы, бывший краснофлотец Мымриков, со своей кровью и жизнью сделали?

Мымриков молчит.

Продолжение присяги не помните?

Мымриков молчит.

Напомнить ему. *(Посмотрел на моряков, плотно, полукругом стоящих вокруг задержанных.)*

Бушков *(несколько выйдя вперед)*. «А если отступлю, то да покарает меня...»

Капитан 3-го ранга *(Мымрикову)*. Это помните?

Мымриков *(глотает слюну, смотрит на одного, другого)*. Мне говорили... они...

Капитан 3-го ранга. Что «они» говорили? *(Чуть придвинулся. Заметил, что Мымриков выпивши.)* Угощались?

Мымриков. Зачем? Я... я... противохимическую жидкость выпил для бодрости...

Бушков. Чего же врать?.. Ты противогаз тут оставил.

Мымриков Ну, давай, давай, лягавый, сыпь... *(Командиру.)* Ну, хорошо, меня они угостили... дали стакан... и сами по стакану выпили. Вы, говорят, нас не бойтесь...

Капитан 3-го ранга. По стакану...

Пауза.

Что же продешевили?

Мымриков молчит.

Иуда — тот серебром взял... тридцать монет, крупные деньги были... А вы за стакан водки... И за «спасибо»?

Мымриков. Да какое там спасибо!.. Отдохнуть думал, а они сразу и запрягли. Платок вот дали: иди, говорят.

Моряки глядят молча, с отвращением на изменника.

Бушков *(подошел к Мымрикову)*. Продаешь своих? У-у, сволочь! *(Кинулся.)* Так и стой с платком, как у столба... Подыми платок...

Комиссар. Спокойно, Бушков. *(Изменнику.)* Вы сознательно совершили это? Что вам немцы говорили?

Мымриков. Нас двое попало... А этот *(на юнгу)* отстреливался... А мы попали. Я и Аникин.

Аникин с ними так ругался, ужасно ругался, ну, они его... *(жест)* убили.

Комиссар. А вы над телом товарища стали выпивать с немцами? Понятно. Дальше.

Мымриков *(хватаясь за проблеск надежды)*. Говорят по-русски чисто; один там такой: «Э, говорят, балтийцы. Дело, говорит, с Ленинградом ясное, к концу — зачем, как мухам, пропадать? Идите, поговорите со своими...»

Комиссар. Ну, поговорите — товарищи слушают.

Молчание делается угрюмым, смертельным.

Капитан 3-го ранга. Дальше.

Мымриков. Вот и все.

Капитан 3-го ранга. Остатки совести есть? Выкладывай все.

Мымриков. Еще говорили, если есть репрессированные или вообще такие, задумывающиеся, что ли, или у кого семья в захваченных местностях,— с ними поговорить.

Капитан 3-го ранга. С глазу на глаз, тихо?

Мымриков. Ага, укрыто...

Капитан 3-го ранга. А вы поговорите прямо... Кто у нас из захваченных местностей? *(Михайлову.)* Ваши были в Петергофе. Вы желаете, может быть, ответить? *(Кивнул на Мымрикова.)*

Михайлов *(вскинул свой автомат)*. Автоматическим или одиночным? Прошу разрешения.

Мымриков сжался. Прячется за угол, влип в стену.

Капитан 3-го ранга. Подождите... *(Мымрикову.)* Дальше.

Мымриков. Все.

Капитан 3-го ранга. Дальше.

Мымриков. Посмотреть, где штаб бригады и КП, велели.

Капитан 3-го ранга. Дальше.

Мымриков. Огневые точки.

Капитан 3-го ранга. Дальше.

М ы м р и к о в. Все.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. Дальше.

М ы м р и к о в. Велели сообщить, откуда вышли, когда. Проверяли меня, все знают... Коммунистов, комсомольцев, вообще актив велели сообщить...

Б у ш к о в. Все выложил?

М ы м р и к о в. Не, только часть...

К а п и т а н 3-го р а н г а. Так. Дальше.

М ы м р и к о в. Все сказал, товарищ капитан третьего ранга.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. Картина ясная?

К о м и с с а р. Вполне ясная.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. Писарь!

П и с а р ь. Есть.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. Пишите в журнал: «Сентября, сего дня, тысяча девятьсот сорок первого года, за сдачу в плен, измену Родине и пособничество...

П и с а р ь *(подхватывая)*... немецким захватчикам». Я заполню, товарищ капитан третьего ранга.

К а п и т а н 3 - г о р а н г а. Заполняйте.

П и с а р ь *(пишет и говорит вслух)*. «...захватчикам — расстрелян бывший краснофлотец Мымриков...» Имя, отчество?

М ы м р и к о в. Никодим Васильевич.

П и с а р ь. «... Никодим Васильевич...» Года рождения не нужно, хватит, так сказать, и года приговора. «Первой роты Морской бригады...» Социальное происхождение роли не играет...

М ы м р и к о в. Трудящийся...

П и с а р ь *(продолжает)*. «Приговор приведен в исполнение на рубеже Морской бригады, коей вверена оборона ближних подступов к Ленинграду». *(Командиру.)* Писать одного или будут еще кандидаты, согласно ваших слов?.. *(Посмотрел бесстрастно своими холодными голубыми глазами на командира, затем на юнгу.)*

Капитан 3-го ранга задумался, хмуро перевел взгляд на сына. Все глядят на юнгу.

К о м и с с а р *(решительно выйдя вперед)*. Юнга Сибирцев к этой сволочи отношения не имеет и иметь

не будет... Совершенно ясно каждому, что неопытный паренек, налетев на танки, несколько растерялся. Один были убиты, двоих, которых мы здесь видели с донесением, ранило. А юнгу вот этот жалкий тип, повидимому, в бою бросил, предательски бросил, а юнга в бою первый раз.

Юрий *(тихо)*. Первый... но все-таки виноват...

Комиссар. Я думаю, что в отношении юнги мы ограничимся мерами иного, воспитательного порядка.

Лошкарев, стоящий с ним рядом Олег и другие облегченно вздохнули. Гул одобрения: «Правильно!»

Лошкарев. Выправится мальчишка. Ну что ж, в первый раз нарвался...

Капитан 3-го ранга *(сыну)*. Почему ты не доложил об этом? *(Кивнул на Мымрикова.)*

Юнга. Я не думал никогда, что он может уйти и сдаться... Я кричал ему: «Стой!» А он куда-то делся... Я тогда по танку стал стрелять, два выстрела дал, но пули отскакивают. А по мне бьют... из орудия вот так, прямо... Орудие здоровое... до сих пор шум в ушах...

Комиссар. Понятно... Что же касается вот этого предателя,— вопрос ясен. Так и записано. *(Взял у писаря журнал, посмотрел внимательно.)*

Писарь. Есть.

Комиссар. Так. Приводите в исполнение.

Капитан 3-го ранга. Ведите его, Иван Степанович.

Лошкарев. Есть.

Старый матрос, не торопясь, подошел к изменнику. Вокруг Мымрикова стало совсем мертво и пусто.

Лошкарев *(изменнику)*. Шапку долой.

Тот выполнил команду. Иван Степанович аккуратно снял ленточку с фуражки Мымрикова, сложил ее. По знаку комиссара Михайлов и четверо моряков молча прошли мимо, твердым шагом. Они и будут расстреливать изменника.

Мымриков. Браточки...

Бушков. Нет тут тебе браточков. Фрицы твои браточки. Иди, гад.

Мымриков *(на коленях)*. Товарищи... простите... мать у меня...

Из рядов. Врешь, нема у тебя матери...

Мымриков. Я все про немцев расскажу, какой номер, какая часть...

Лошкарев. Иди, иди...

Мымриков *(падает к ногам командира и комиссара)*. Товарищ комиссар!

Лошкарев *(подымает его)*. Давай к делу... Пошли... *(Выволакивает предателя.)*

Старший брат подошел к младшему, Юрию, тронул его. Тот нервно и облегченно ответил брату кивком. Все ждут. Слышно: «По изменнику! Залп!» Залп.

Капитан 3-го ранга *(отводит в сторону комиссара)*. Ну, друг, давай решать. Либо сидеть в окружении и гибнуть, либо сделать дерзкую вылазку, прорваться... Но не просто уйти, прорваться, а с толком... Все можно повернуть, комиссар. На рубеже оставим часть, меньшую, остальных...

Комиссар. Я поведу.

Капитан 3-го ранга. Нет, не дам... Эти места знаю я с девятнадцатого года... И операцию не могу поручить никому... Мне итти... Вот что я обнаружил у пленных. *(Дал книжку и схему.)*

Комиссар *(посмотрев)*. Ну, если удастся...

Группа — Лошкарев, Михайлов и четверо других — пришла обратно.

Капитан 3-го ранга. А если нет, не поминай лихом. Держи рубеж, покуда...

Комиссар. Есть держать, покуда глаза не закроются... На то и пришли.

Капитан 3-го ранга. Объявляем решение.

Комиссар. А ты умный парень...

Капитан 3-го ранга *(шутливо)*. Ну?

(Подошли к морякам, ожидавшим в молчании. Бригаде.) Будем считать, что с Мымриковым у нас покончено... Попали в окружение? Мы еще посмотрим, мы еще посмотрим. Эта немецкая сволочь думает, что перед ней обалдевшие части, разложенные и деморализованные толпы, куда можно вот таких «парламентеров» засылать. Ну, пусть думают, пусть думают, немцы вообще многое упрощают по недостатку мыслительных способностей... Нужно нам с комиссаром группу добровольцев.

Лейтенант. Лейтенант Епечурин просит разрешения.

Из рядов — Бушков и Коробков. Разрешите нам, товарищ командир.

Из рядов — Михайлов, девушка и другие. Возьмите. Не откажите!

Капитан 3-го ранга. Подождите... Добровольцев, твердых.

Халявин. Есть.

Капитан 3-го ранга. Подождите... На дело, сопряженное с риском.

Бушков. Готов на любой риск, с другом...

Капитан 3-го ранга. Хорошо... Но я не кончил... Остаться в живых шансов будет мало... Тех, кто до конца в себе не уверен, прошу не беспокоиться. Таковы требования. А теперь — кто готов, шаг вперед!

Все шагнули разом. Командир заметил и своих сыновей в этом числе. Оба по-школьному подняли руки. Командир подавил слабую усмешку.

Значит, все? Иного от вас по совести ни я, ни комиссар не ожидали... Так слушайте, товарищи, внимательно. Вот что предстоит решать. Добровольцы остаются держать рубеж. Для этого мне нужна только часть людей.

Халявин. А остальные, товарищ командир?

Капитан 3-го ранга. Остальные? *(Поглядел на комиссара.)*

Бушков. Можно в партизаны... в леса пробиться...

Капитан 3-го ранга. Гм... Сколько советов... А вот спросим старика... *(Лошкареву.)* Вы как думаете?

Лошкарев. Как будет приказано, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга. Еще точнее.

Лошкарев. А это хуже нет, товарищ командир, когда *(чуть кивнул на Халявина)* с вопросами лезут и собственную стратегию разводят. Дали задачу, дали рубеж — и действуй. Меня так учили, а мне переучиваться поздновато.

Капитан 3-го ранга. Вот вы, Халявин, этот ответ и запомните.

Халявин. Есть.

Бушков. Есть.

Капитан 3-го ранга. Рубеж дан. Так вот — добровольцы остаются держать этот рубеж... Ленинград слово «сдача» и «капитуляция» не знает. В словаре питерском его нет. Понятно? Двести сорок лет город стоит, и никто из врагов никогда этот город взять не мог. И не нам позор на голову брать — отдать такой город. Еще справка: дрогнем сейчас — северный путь на Москву и на Урал немцам откроем, потеряем Россию... Ну, тогда жены, невесты посмотрят: «Эх вы...» Проклянут и имя наше, и кости, и память... А этого мы не хотим. Не будет этого! Вот в этом и поклянемся, матросы... «Пока сердце бьется в груди...»

Моряки. «Пока сердце бьется в груди...»

Капитан 3-го ранга. «Пока видят глаза...»

Моряки *(голоса крепнут)*. «Пока видят глаза...»

Капитан 3-го ранга. Тверже, громче: «Пока руки держат оружие...»

Моряки *(голоса крепнут)*. «Пока руки держат оружие...»

Капитан 3-го ранга. «Будем биться с врагами...»

Моряки *(едино, могуче)*. «Будем биться с врагами и город Ленина не отдадим!»

Пауза.

Капитан 3-го ранга. Так... Каковы же дела, а? Железные части «СС», окружившие матросов, внушили им страх. С наступлением ночи страх перешел в панику... *(Смешок.)* Несгораемые вы мои, мы еще поработаем!.. *(Входит в гущу моряков.)* Сейчас немцам и ответ дадим. Они «парламентера» присылали нам,— надо ответить. Ну, как же без ответа, невежливо было бы... А моряки народ вежливый... *(Вырвал листок из полевой книжки. Задумался, озорно усмехнулся — набросал несколько слов. Дал комиссару.)* Одобряете?

Комиссар *(прочел, засмеялся)*. Так!

Матросы подошли, читают.

Лошкарев *(забасил)*. Ну и н-ну... хо-хохо!

Матросы подходят, читают, смеются, показывают текст друг другу, передают на ухо. Хохот нарастает. «Ну и д-да!..», «Вот сказал!», «А перевести можно?» Бушков: «Поймут — у них там есть такие — чисто говорят по-русски...»

Бушков. Ну и загнули вы, товарищ командир! Для пополнения ихнего образования.

Коробков. Небоскреб, действительно...

Комиссар *(смеясь со всеми)*. Писарь, занести в журнал боевых действий...

Писарь *(смеется со всеми.)* Так полностью?

Комиссар. Именно полностью.

Раскаты хохота продолжаются. «Послание моряков» переходит из рук в руки. Девушка несколько конфузится, пробует тоже смеяться, временами перестает, смотрит на остальных. Взяла послание. Михайлов отобрал у нее.

Михайлов. Сестренка, тебе не стоит смотреть...

Девушка. Ну ничего. Я бы, раз надо, даже и прибавила бы...

Михайлов. Прибавила бы?.. Ну, знаешь, невозможно...

Капитан 3-го ранга. Теперь это надо доставить, довести до сведения... Одного человека нужно.

Халявин. Есть. Разрешите, пойду, доставлю.

Капитан 3-го ранга *(посмотрел, глаза искрятся)*. Хорошо... Нет, пожалуй, вы тут будете нужней...

Писарь *(быстро выйдя вперед)*. Могу пойти, товарищ командир. Подложу в упор... Будут довольны...

Капитан 3-го ранга *(посмотрев)*. А писарь-то — боевой! Хвалю. Что ж, пожалуй. Хотя нет, вы будете со мной. Вы тут будете записывать все до конца.

Михайлов. Прошу разрешить...

Бушков. Прошу разрешить...

Коробков. Прошу разрешить...

Капитан 3-го ранга *(посмотрел на младшего сына)*. Пойдет юнга.

Юрий. Есть.

Олег. Есть.

Капитан 3-го ранга *(Юрию)*. Пойдет юнга. Нате, юнга. О том, как вести себя, вы, видимо, начали узнавать...

Олег. Я помогу ему.

Капитан 3-го ранга. Пойдет один. Записку приколете к этому *(кивнул в сторону)* «парламентеру». Положите все на шоссе, там, где было несколько танков... *(Показал коротко по карте.)* И постарайтесь установить, где они сейчас.

Юрий. Есть.

Капитан 3-го ранга. Повторите приказание.

Юрий. Приказано действовать отдельной воинской частью, я старший, в моем подчинении мертвое тело с пакетом. Доставить на шоссе к переезду, где были танки, то есть несколько танков, и точно установить, где они сейчас.

Капитан 3-го ранга. Отправляйтесь.

Юрий *(взял пакет, отдал честь, сорвался, обнял отца)*. Батя, мы им воткнем... И тут, и в исторической перспективе! *(Помчался.)*

Комиссар *(ласково)*. Выправится мальчик...

Капитан 3-го ранга. Посмотрим, по-

смотрим... *(Всем.)* Ну, короткое прощание с добровольцами... Остаются следующие *(посмотрел на комиссара, согласуя с ним отбор)*: лейтенант Енечурин, вы, Иван Степанович, вы, Михайлов, вы тоже, Коробков, ну, понятно, и Бушков. Вы... Вы тоже.

Когда командир отобрал Михайлова, девушка сама пошла с ним и стала рядом. Командир заметил. Девушка: «Иначе невозможно».

Пусть будет так, пусть будет так. Сам был молод. *(Всем.)* Ну, быстрее прощаться.

Рукопожатия, объятия, несколько могучих шлепков по плечам.

Комиссар. Ну, готовы?

Капитан 3-го ранга. С добровольцами останется комиссар. *(Лошкареву.)* Комиссару во всем помощь.

Лошкарев. Есть.

Писарь *(Халявину)*. О товарище комиссаре позаботься.

Халявин. Понятно... Первый долг... А вы уж позаботьтесь о товарище командире. *(Обменялись рукопожатием.)*

Моряки с капитаном 3-го ранга выстроились. Команда: «На ремень!»

Халявин *(задерживая командира)*. Счастливо вам, товарищ капитан третьего ранга. Значит, на Ленинград прорываться будете?

Капитан 3-го ранга. Я и говорю — рубеж держать.

Халявин. А вы, значит, на Ленинград прорываться?

Капитан 3-го ранга. Я и говорю — рубеж держать. *(Пошел.)*

Лошкарев. То-то он тебе все и выложил! Ну, командир — озорной матрос...

Халявин. Н-да. Слов нет, веселый — посмеялся, собрался и пошел.

Коробков. Это ты к чему?

Халявин. Нет, я и говорю — веселый...

К о м и с с а р. Разговоры отставить! По местам! Наблюдение. Слушать внимательно!

Люди повернулись, вслушиваются. Отдаленный шум. Через некоторое время по фигурам моряков начинает скользить рассеянный свет.

К о р о б к о в. Автоколонна противника!

Свет сильнее.

Включили все фары. Идут прямо на нас.

К о м и с с а р. По местам! К бою!

Свет сильнее, определеннее. Приближение автоколонны чувствуется все ближе и отчетливее.

Моряки занимают места, сбрасывают с себя бушлаты. Они летят, как черные птицы. Автоколонна все ближе...

К о м и с с а р. За город Ленина... Гранаты!

Видны приготовившиеся к броску моряки в тельняшках. Сильные взмахи. Шум моторов. Музыка все острее, сильнее...

АКТ ТРЕТИЙ

Вестник. Шел третий день действий бригады... Стойте, сыны России, стойте насмерть... Враг не должен пройти в город Ленина...

Руины, среди которых остались добровольцы, почернели. Все перевернуто. Здесь прошли штурмовые налеты. Здесь свирепствовал огонь. Еще слышен воющий шум «юнкерсов». Дым. Моряки, обсыпанные пылью, черные от копоти, пробираются вдоль проломов стен. Бушков выпустил последнюю очередь. Вынул ленту из пулемета. Посмотрел. Бросил.

Бушков. Всё... Последняя...

Комиссар. Тогда идите стрелком, Бушков.

Бушков. Есть.

Внизу под обрушенной стеной вход в подвал. Тут подобие КП: полевой телефон, автомат на гвозде, ящик с гранатами, фонарь «летучая мышь», носилки в пятнах крови, несколько брошенных бушлатов, раскиданные обрывки бинтов. Коробков время от времени делает вызовы: «Урал», «Урал»... Лежат раненые. Комиссар рвет бумаги.

Комиссар. Лейтенанта Епечурина ко мне... Почему задерживается?

Коробков. Лейтенанта Епечурина к комиссару.

Вызов идет по цепочке в отдалении. Издали по цепочке: «Убит лейтенант... Убит лейтенант... Передайте: лейтенанта убило... Там весь край перевернуло».

Коробков. Убит лейтенант, товарищ комиссар...

К о м и с с а р *(подумав)*. Ивана Степановича ко мне.

К о р о б к о в. Есть. Ивана Степановича к комиссару.

Пошел по цепи вызов. Среди руин, проломов появляется закопченная фигура с т а р о г о м о р я к а. Он попрежнему со своей трехлинейкой.

Л о ш к а р е в. По вашему вызову прибыл, товарищ комиссар.

К о м и с с а р. Садитесь.

Л о ш к а р е в. Ничего, могу постоять.

К о м и с с а р. Садитесь, а то заденет... Потери большие?

Л о ш к а р е в *(присев на ящик)*. Большие, товарищ комиссар. «Юнкерсы» пикировали, чуть по головам не ходили.

К о м и с с а р. Юнга вернулся?

Л о ш к а р е в. Никак нет, уже полсуток прошло...

К о м и с с а р. Со всех сторон зажаты... Ну, что, старик?

Л о ш к а р е в *(деликатно, настороженно)*. В каком смысле, товарищ комиссар?

К о м и с с а р. Как на дела глядите, товарищ старшина?

Л о ш к а р е в. А дела обыкновенные, как на войне. Ротный склад опять же разбомбило.

К о м и с с а р. Дальше.

Л о ш к а р е в. Оба пулемета разворотило.

К о м и с с а р. Чем еще обрадуете?

Л о ш к а р е в *(шопотом)*. Десятую атаку отбивали, гранаты вовсе израсходовали.

К о м и с с а р *(попробовал, взяв трубку у Коробкова, сделать вызов по телефону)*. «Урал»... Молчит, как мертвый. Да как бы еще немцы не подключились...

Л о ш к а р е в. Так точно, проверял — перерезаны обе линии.

К о м и с с а р. Дальше, старшина.

Проносят тяжело раненного.

Л о ш к а р е в. Нет резерва.

К о м и с с а р. Слушаю дальше, товарищ дорогой...

Стоны раненого.

(Пробует опять сделать вызов.) «Урал»... «Полтава»... Молчат, как мертвые.

К о р о б к о в *(снова берет трубку и время от времени повторяет).* «Полтава», «Полтава»...

Пауза.

К о м и с с а р. Общий вывод?

Л о ш к а р е в *(встав).* Надлежит обороняемый пункт оборонять не количеством, а качеством гарнизона — и до конца.

К о м и с с а р *(встав).* Молодец, старик. Узнаю тех, кто Юденича и прочих передавили... На этом осмотр отсутствующих ресурсов кончаем?

Л о ш к а р е в. Есть, кончили. *(Пауза.)* Только напрасно сомневались, товарищ комиссар.

К о м и с с а р. Не сомневался, а интересовался... Вести наблюдение на угрожаемых направлениях.

Л о ш к а р е в. Вкруговую ведем — есть, товарищ комиссар. Как ежи, сидим.

К о м и с с а р. И хозяйство надо вести экономно... Боезапас пересчтите заново... Ну, сами знаете. Третью войну служите?

Л о ш к а р е в. Никак нет: пятую — японская, германская, гражданская, финляндская и эта...

К о м и с с а р. А потом, товарищ старшина?

Л о ш к а р е в. Потом пиво пить будем.

К о м и с с а р. Занятие неплохое — жизнь скрашивает... Где будем пить?

Л о ш к а р е в. А ездить будем, выбирать будем, пробовать будем, товарищ комиссар... Где получше.

К о м и с с а р. У немцев пиво хорошее.

Л о ш к а р е в. Как же: плавал, знаю. Мюнхенское, с пеной... Я, знаете, в жизни разнообразных напитков напробовался, но чего-то еще охота... Придется съездить...

Комиссар. И съездим, товарищ дорогой. *(Шутя.)* Попросить? «Эй, обер! Угостите прибывших из России моряков... Да, из контрольно-приемочной комиссии. Сколько? Полдюжинки...»

Лошкарев *(обтирая усы)*. Покорно благодарим. Можно и дюжинку — мы уберем.

Коробков *(отрываясь от телефона)*. А не шутя — знаменитая жизнь будет...

Комиссар. А например?

Коробков. Россию, понятно, поставим на первое место в мире. Еще точнее — на первейшее место.

Лошкарев. Дело. Давай еще дюжину... Заслужили... *(Шутя, чокаются.)*

Голос. Ух, только раздражаешь!

Раненые слушают, ободрились, подползли ближе

Комиссар. Ну, дальше... Пейте, пожалуйста...

Коробков. Большие дела в стране будут. Каких дорог настроим — автострады тройной, четверной ширины, с газонами, от Балтики на Владивосток — Камчатку. А потом сельское строительство, товарищ комиссар. Колхозы научно наладить. Подпочвенные пласты поднять. Каменную Россию надо воздвигнуть. Понимаете? Чтоб люди дома ставили на века. Едешь, и все стоит незыблемо, красиво и, как крепость, прочно... каждый колхоз. И вот еще, знаете, обязательно древонасаждение, сады, сады фруктовые... По десять, по двадцать деревьев на душу: вишня, яблоня, груша... Отборных сортов...

Комиссар. Миллиарда четыре деревьев? Весной вся страна в цвету... Со всего мира ездить будут — России поклониться. Понимаете? Ну, а с Германией как поступим?

Коробков. С Германией?.. *(Задумался.)* Два ока за око!..

Лошкарев. Чувства понятные. Только как она без очей работать будет?

Пауза.

Комиссар. Как, как?

Лошкарев. А я поясню — думал и об этом. Мне немцы пускай деньгами и натурой за все, что следует, заплатят,— пусть за все Советскому Союзу отдадут. Копейка в копейку.

Комиссар. Ну, после победы разберемся, а пока своих дел хватает. Коробков, вызывайте «Урал».

Коробков. Есть... «Урал»... Не отвечают, товарищ комиссар.

Комиссар. Без моего приказа — с рубежа никто никуда.

Лошкарев *(встал)*. Так точно: никто никуда.

Комиссар. Противника опять подпускать в упор.

Лошкарев. Есть.

Комиссар. Лейтенанта Епечурина убило. Замещайте. Идите.

Лошкарев. Счастливо оставаться, товарищ комиссар.

Старик лихо сделал поворот, щелкнул каблуками, легко приподнял винтовку и пошел, почти печатая шаг.

Комиссар. Линию проверьте, Коробков. Может, соединение и удастся...

Тот пошел.

Держатся люди. А старик? Ишь ты, пива ему... *(Вздохнул.)* А кстати было бы, очень кстати...

Показался Халявин.

(Пробует телефонный вызов. В трубку.) Вы меня слышите? «Полтава»...

Халявин остро посмотрел, озирается, вслушивается.

Вы меня слышите? «Полтава»...

Халявин делает еще два-три шага, нацеливаясь на комиссара. За руинами несколько коротких очередей.

(Повернул голову и заметил Халявина.) Ну, что, товарищ Халявин? Докладывайте.

Халявин. Передний край, товарищ комиссар, перевернуло... Пулеметов даже не найти... Расчеты

побиты... Вот вещи товарища лейтенанта Епечурина, как вашего заместителя...

К о м и с с а р. Положите... *(Посмотрел сумку, бушлат.)* А партбилет где?

Х а л я в и н. Партбилет?.. Куда я положил-то?.. Думал — поберегу... *(Отдает.)*

К о м и с с а р. Уж лучше я поберегу. *(Взял партбилет.)* Что еще?

Х а л я в и н. Ребята о вас беспокоятся... Иди, говорят, будь при нем. Побереги.

К о м и с с а р *(в трубку, негромко)*. Вы меня слышите? «Полтава»...

Х а л я в и н. И я говорю — что же, я готов.

К о м и с с а р. Вы там не митингуйте, Халявин. *(Снова в трубку, негромко.)* Вы меня слышите? «Полтава»...

Х а л я в и н. С капитаном третьего ранга соединяетесь?.. За выручкой он пошел в Ленинград — слух есть такой... *(Остро и испытующе смотрит на комиссара.)*

К о м и с с а р *(в трубку)*. Вы меня слышите?

Х а л я в и н. В Ленинград он пошел или куда, товарищ комиссар?

К о м и с с а р. Стоп!... Как будто слышно... *(Вслушиваясь в как будто донесшийся в трубку голос.)* Вы меня слышите? *(Сидит спиной к Халявину.)*

Гул самолетов.

Х а л я в и н *(медленно пододвигаясь и опять нацеливаясь для броска на комиссара)*. Я про дело беспокоюсь, товарищ комиссар... С народом беседую, вот, говорю, немцы сейчас опять Ленинград летят бомбить, ночью зарево было, глядеть тяжко... На женщин, на детей бомбы сбрасывают, мерзавцы...

К о м и с с а р *(снова в трубку)*. Слышите ли вы меня?

Х а л я в и н. Не слышат, товарищ комиссар, никто не слышит...

Халявин ловит последний удобный момент. Кажется, что этот момент сейчас наступит. Халявин подымает руку с ножом. Шум. Возвращается К о р о б к о в. Несет на себе раненого. Халявин отскочил.

Коробков *(положив раненого)*. Опять немецкие автоматчики совались — который раз уж лезут. Отбили, товарищ комиссар. Все на левый участок. Халявин, дай закурить в дружбу.

Халявин. Только в дружбу. *(Дал папиросу.)*

Коробков. За мной... На том свете угольками рассчитаемся...

Комиссар. Коробков, останьтесь здесь, вызовы продолжать... «Полтаву» вызывайте. Я проверю участок.

Коробков. Есть, товарищ комиссар.

Халявин. Вы собой не рискуйте, товарищ комиссар... Послать же можно... Вы у нас единственный, можно сказать...

Комиссар. Много вы лишнего болтаете, Халявин...

Халявин. Да я от сердца... И нагибайтесь, товарищ комиссар... Тут осторожнее надо быть. И нагибайтесь, пожалуйста... Я вас провожу...

Комиссар проверил автомат, двинулся.

(Проверил свою винтовку, щелкнул затвором и двинулся следом за комиссаром.) Нагибайтесь, осторожнее, дорогой товарищ комиссар. *(Вышли.)*

Лошкарев *(входя, Коробкову)*. Где комиссар?

Коробков *(указал направление)*. Пошел сейчас на участок.

Старый матрос поспешно двинулся по указанному направлению·

(Делая телефонные вызовы.) Вы меня слышите? «Полтава»... Вы меня слышите?.. Я — «Гроза»...

Из-за развалин: «Ру-ус — капут, сдавайся!..»

Капут? Врешь... *(Делает вызов.)* Я — «Гроза»...

Бушков *(выйдя сбоку и послушав)*. Гроза? Только грому от тебя, молнии не видно...

Коробков *(отрываясь)*. А?

Бушков. Грома и молнии, говорю, не видно, израсходовались...

Коробков. Все смеешься, браток?

Б у ш к о в. Ну, а что ж, плакать? Курить есть?.. Табачок ваш, бумажку дашь, огня добудем — вот и курить будем...

К о р о б к о в *(посмотрел, улыбается)*. Только для друга... На вот — оставил. *(Достает из-за уха окурок папироски.)*

Б у ш к о в *(присев)*. Спасибо, дружба. *(Затягивается жадно.)* Почему капитан третьего ранга ушел?

К о р о б к о в. А он мне не докладывал.

Б у ш к о в. А капитан с гибнущего корабля не уходит...

К о р о б к о в *(посмотрев)*. А матросы на гибнущем корабле языком не треплют.

Б у ш к о в. Слушай, «Гроза», поговорить по дружбе хочешь?

К о р о б к о в. Ну?

Б у ш к о в. Ты мне ответь, а не «ну»... Я к тебе по-серьезному пришел... Ты мне друг или только название?

К о р о б к о в. Ну, друг...

Б у ш к о в *(встал)*. Мне такой разговор не нужен, я пошел...

К о р о б к о в. Подожди...

Бушков остановился.

Друг я тебе.

Б у ш к о в. Это определеннее. *(Вернулся.)* Ты видишь, куда дела поворачиваются?

К о р о б к о в. Не слепой.

Б у ш к о в. Ты человек?..

К о р о б к о в. Человек.

Б у ш к о в. Ну, «человек...»

К о р о б к о в. А ты ближе к делу можешь? *(В трубку.)* Вы меня слышите? Я — «Гроза».

Б у ш к о в. Кого ты этими вызовами обманываешь? Себя?..

Пауза.

Что на последний случай делать будем?

Коробков молчит, ждет.

Слыхал — кричат... А у немцев с матросами разговор короткий.

Коробков. Давай еще ближе.

Бушков. Ближе некуда. *(Поймал настороженный взгляд друга.)* Я присягу не нарушаю, политику не трогаю... Я беру на крайний момент. Мы свое отработаем сполна... Но потом... Я ж немцам в руки даваться не буду...

Коробков. Давай ближе.

Бушков. Я уйду, прорвусь.

Коробков. Куда?

Бушков. На простор... Прорвусь в партизаны... Или еще лучше: самостоятельно, штатское одел и пошел... На советской территории в Прибалтике, в Польше места хватит... Главное смелость — работать широко можно...

Коробков. «Работать»? А, вот оно что! Ты опять за старое?.. Беспризорщина отрыгнулась?

Бушков. Я жил честно... Перековался, ты знаешь.

Коробков. На том и друзьями стали.

Бушков. Да, видно, не судьба... Слушай... Борьба до конца... Прорвемся, а? Поработаем в их новой Европе,— они всех чистят, мы их чистить будем...

Коробков. А-а... у тебя и идейное обоснование заготовлено? *(В трубку.)* Вы меня слышите? Я — «Гроза»...

Бушков. А что ж?.. Ты пойми... Бить их будем... индивидуально, а, подумай...

Коробков молчит.

(Встал.) Думать нам осталось, может, час... Я зайду... Молчишь? Я так честно, что на душе,— все выложил... Тебе одному, как другу.

Коробков. Понятно...

Бушков. А драться я буду до конца... Шестерых уже хлопнул.

Коробков. Понятно.

Бушков. Но после конца я сам себе хозяин...

К о р о б к о в. Значит, Ленинград, бригаду, товарищей бросаешь?.. А бодрился, старика задевал: «Девятнадцатый век рождения», а старик, дай бог, жмет...

Б у ш к о в. А зачем капитан третьего ранга ушел?

К о р о б к о в *(взяв Бушкова за «грудки», в упор, тихо)*. Я с этим командиром на линии Маннергейма был... Мы с ним и не такое отламывали... Я в него верю... Даже если и шансов нет, стой, понимаешь, стой, сволочь, а не выкомаривай, «индивидуально»... *(Пауза.)* Боря, друг, погляди в глаза... Народ на тебя смотрит, женщины смотрят: «Боец, спаси, помоги, не пускай немцев...» Дети на тебя смотрят: «Дяденька, миленький, не пускай немцев...» А ты «индивидуально», частный предприниматель? Где же твоя совесть?..

Б у ш к о в *(помолчал, вздохнул)*. Я ж о борьбе говорю...

К о р о б к о в. Не то... Ты, Боря, подумай... За какие идеи бьемся! Имя Ленина нам доверили...

Оба постояли. Потом Бушков протянул руку Коробкову, не глядя, пожал протянутую в ответ руку. Проспял Коробков, посмотрел вслед другу, покачал головой...

В отдалении на правом участке выстрелы.

(Прислушивается. В трубку.) Вы меня слышите? Я — «Гроза»...

Приносят р а н е н о г о — он без фуражки, бушлат внакидку. В т о р о г о р а н е н о г о ведет д е в у ш к а-с а н и т а р к а.

В т о р о й р а н е н ы й. Ну, что связь?

К о р о б к о в. А, корешок? Телефон? За невзнос платы выключили... Ничего, браточек, наладим... Что у вас там немцы шумели?

В т о р о й р а н е н ы й. Подобрались, кричат: «Рус, капут»...

Вошел Х а л я в и н. Следом — к о м и с с а р и за ним И в а н С т е п а н о в и ч.

К о м и с с а р *(раненым)*. Ну, как дела, товарищи? Перевязали? Курить дали? Берите. *(Отдал свой табак.)*

Первый раненый. Вот спасибо... А то сосет... Дымку хочется.

Девушка перевязывает двух раненых.

Второй раненый *(комиссару)*. Вот девушка! Вот стрелок! Дай бог бьет. Немец высунулся, она его хлоп, другой высунулся — хлоп. Как шары в лузу, аж треск...

Комиссар *(девушке весело)*. Хлопнула?

Девушка. А что ж... *(Второму раненому.)* Лежите, больной, тихо.

Первый раненый. Кричат: «Рус, ответ на ваше письмо дадим».

Комиссар. Ага, значит письмо получили... *(Коробкову.)* А юнга не возвращался?

Коробков. Никак нет.

Комиссар подошел к телефону. Раненые прилегли. Михайлов с левого участка подошел за боезапасом.

Комиссар. Что на вашем участке, товарищ Михайлов?

Михайлов. Противник подходит все ближе.

Комиссар. Мало огня?

Михайлов. Мы экономим. И они не стреляют. Они живьем хотят нас взять... Нам бы патронов, гранат... *(Взял ящики — они почти пустые.)* Да что ж тут брать?..

Комиссар. Хотят «живьем взять»... Советую запомнить: этого быть не должно и не будет.

Михайлов. Есть...

Комиссар. Продолжаю. Передадите своим: «По отражении противника гарнизон будет немедленно подготовляться к новым контратакам — всеми видами оружия...»

Михайлов. Понял... Вплоть до штыков...

Комиссар. Возвращайтесь.

С правого участка выстрел. Голос Коробкова: «Стой! Стой, кто идет? Стой, клади оружие! Подымай руки!» И звонкий возбужденный ответ: «Ну да, держи карман шире!» Появляется Коробков, за ним юнга, ободранный, но бодрый. У него на ремне немецкий автомат.

Юнга. Юнга Сибирцев Юрий из командировки прибыл. Поручение выполнено, товарищ комиссар.

Комиссар. Ну и отлично...

Юнга. А вы вчера автоколонне здорово вмазали, они так мордами в канаву и въехали... Мне все было видно, а я им сзади по шинам бил... Вот смотрите. *(Показывает комиссару и Ивану Степановичу опорожненные подсумки.)* Ну, конечно, пришлось и подраться... Я их разбил... Вот... *(Показал трофейный автомат.)* Ну, что они с моряками сделают!

Комиссар *(улыбнувшись)*. Ну, с боевым крещением, товарищ Сибирцев-младший. Почему так долго отсутствовали?

Юнга. Они заметили в конце концов, товарищ комиссар. Пришлось целый день сюда ползти. Грязи наелся... А где отец?

Комиссар *(после паузы)*. Садитесь.

Юнга. А где отец?.. *(Смотрит на одного, на другого, на третьего.)*

Комиссар. Командир занят и о планах своим юнгам не обязан докладывать...

Юнга. Да, отец всегда так вдруг и исчезнет — он горячий. А вы помочь мне хотели, сигналили?

Комиссар. Как сигналили?

Юнга. Ну да — я потерял направление... Ползу, ползу, там болото, тут разбитые машины, вдруг, смотрю, сигналят. *(Показал пальцами несколько знаков Морзе.)*

Лошкарев. Кто сигналит? Тебе, сынок, показалось... Прикуривал кто-нибудь, старец какой-нибудь, башку ему оторвать.

Юнга. Возможно, что и прикуривал... Но я никогда не видел, чтобы прикуривали от электрического фонаря.

Пауза.

Комиссар. Вы что-то путаете, юнга.

Юнга. Нет, путают другие, товарищ комиссар... Уж что-что, а азбуку Морзе я с таких лет знаю. *(Жест.)* Читал ясно: «Я *(пауза)* КП». Направление сюда, на командный пункт давали...

Комиссар. На командный пункт?

Юнга. Я еще удивился, что передают, но обрадовался... Коротко дали, раза три...

Комиссар, Михайлов, Лошкарев, Коробков, девушка и раненые переглянулись. Халявин слушает невозмутимо.

Комиссар. Электрические фонарики на снабжении бойцов были?

Лошкарев. Никак нет.

Комиссар. Кто ходил на передний край па правый участок?

Лошкарев. Сопровождали вас я, товарищ Халявин...

Халявин. Телефонист Коробков зачем-то ходил...

Коробков *(вспыхнув.)* Ну, знаешь!..

Халявин *(спокойно)*. А что ж ты забеспокоился? Ну?..

Комиссар. Проверить надо.

Некоторые невольно посмотрели на Коробкова

Лошкарев. Товарищ комиссар, я своих людей знаю — такого у нас быть не может. Халявин, ты как смотришь?

Халявин. Не может такого быть.

Лошкарев. Ну, раз товарищ комиссар говорит проверить — проверим... *(Волнуется.)* До седых волос дожил, такого не было. Проверяйте сами, товарищ комиссар. *(Отложил винтовку, расстегнул ремень, распахнул бушлат; на груди георгиевский крест.)*

Комиссар. Вы меня не поняли — вы и будете проверять.

Коробков *(оскорбленно)*. Что ж, давай. *(Распахнул бушлат. Видны широкие бинты перевязки.)*

Лошкарев *(застегнув свой бушлат)*. Эй, давай, Халявин,— извини, дело такое...

Халявин. Что ж, давай. *(Побелел.)*

Лошкарев. Уж извини, друг. *(Что-то нащупал у Халявина. Остановился пораженный. Халявин не дает вынуть фонарик. Лошкарев сильнее. Вынул.)*

Комиссар взял фонарик из рук старого матроса, сделал несколько вспышек.

Комиссар *(к юнге)*. Так передавали?

Юнга. Так.

Лошкарев *(тихим, властным голосом Халявину)*. Бумажник и прочее давай... И чтоб все было тихо, людей не беспокоить, понял?

Халявин *(тихо)*. Понял.

Комиссар *(проверяет бумажник)*. Откуда у вас немецкий пропуск?

Моряки глядят на бумажку, на Халявина. Тот молчит.

(Халявину.) Давайте коротко и ясно...

Халявин *(хрипло)*. Есть... Нашли меня, значит, в двадцать третьем году.

Комиссар. Кто?

Халявин. Немцы... А я был скрывавший про себя белый,— ну, у Деникина, Врангеля был... Приходят эти немцы в штатском, все вежливо,— либо, говорят, сообщить об этом секрете вашем можно, либо давайте по-хорошему...

Комиссар. И вы стали «по-хорошему»?

Халявин. Стал... Вы, говорят, не беспокойтесь, мы вас не затрудним, разве если по мелочи.

Комиссар. По мелочи?

Халявин. По мелочи... Ну, я на заводах работал. Документы дали исправные. Из белого моряка стал красным. В военкомат зашел. В запасе числился. Дальше — больше, велели стахановцем стать.

Михайлов. Тут имеется и рекомендация. Думали в партию вступить?

Халявин. Думал, но тут трудности бывают. Велели обождать, а то начнут, говорит, тебя копать, не выберешься.

Комиссар. Кто велел обождать?

Халявин. Значит, так я тихо и работал, восемнадцать лет подряд.

Комиссар. Кто велел обождать?

Халявин. Он.

Комиссар. Кто «он»?

Халявин. А я доподлинно личность его не знаю... Загадочный такой... «Я, говорит, в каких только местах мира не был и Россию вдоль и поперек исходил».

М и х а й л о в. Немец?

Х а л я в и н. Определить не могу.

Л о ш к а р е в. Халявин!

Х а л я в и н. Я, Иван Степанович.

Л о ш к а р е в. Пока в землю не отошел, выкладывай все.

Х а л я в и н *(вздохнул)*. Что я знаю — пешка я, несчастный я человек!

Л о ш к а р е в. Семью свою, значит, тоже обрекаешь?

Х а л я в и н. Семью?.. Они ни при чем, семью зачем? Они что же?.. Семью-то за что же?.. А все эта сволочь проклятая, все он!..

К о м и с с а р. А точнее?

Х а л я в и н. Писарь.

М и х а й л о в. Какой писарь?

Х а л я в и н. Наш писарь.

Ю н г а. Писарь?

К о м и с с а р *(встревожившемуся юнге)*. Подождите. *(Халявину.)* Так что этот писарь? Что он тут делает? Кто он?

Х а л я в и н. Немец. Лютеранского вероисповедания. Немец. Командира он убрать должен... А я тут ни при чем. Я доказать могу.

К о м и с с а р. Командира убрать должен?

Ю н г а. Пустите, пустите меня!.. Я догоню, я найду... Вы же знаете, куда отец пошел...

К о м и с с а р. Спокойно, спокойно, юнга.

Ю н г а. Вы боитесь, что я попадусь? Проболтаюсь, выдам? Вы мне верите? Товарищ комиссар!

К о м и с с а р. Верю, но вы останетесь здесь. *(Халявину.)* Все сообщили?

Х а л я в и н. Все.

К р а с н о ф л о т е ц *(с правого участка, вбегая)*. Танки на шоссе!

К о м и с с а р. Ну, точно: правый участок.

Отдаленный шум танков. Выскочил еще один к р а с н о ф л о т е ц.

В т о р о й к р а с н о ф л о т е ц. Танки атакуют!

Комиссар *(властно)* Зачем засуетились? Пойдите сюда.

Второй краснофлотец. Есть.

Комиссар. Не танки атакуют, а мы атакуем танки. Повторите.

Второй краснофлотец. Не танки атакуют, а мы атакуем.

Комиссар. И на место.

Оба краснофлотца идут на места, к переднему краю.

Четверо с гранатами.

Михайлов. Трое со мной. *(Сбросил бушлат, открыл ящик с оставшимися противотанковыми гранатами.)*

Лошкарев. Есть. *(Тоже сбросил бушлат.)*

Коробков. Подсмените-ка... *(Передал трубку одному из моряков. Смотрит на друга, на Бушкова.)*

Бушков. Коля, ну, конечно! Пошли, дружба!..

Юнга. И я.

Лошкарев. Сказано — четверо. *(Ласково отстранил юнгу.)*

Шум танков приближается. Михайлов, старый матрос, телефонист и его друг берут гранаты. Гул и лязг танков нарастают.

Халявин. Пройдут, раздавят... Пропали. Братцы! Господа...

Комиссар. Убрать эту гниду.

Халявин *(рвется)*. Ну бейте, все равно... Ну мыслимо ли, раздавят всех!.. Пропуск-то мой пропал, ах ты, господи... Оставьте в живых — перед немцами за вас заступлюсь, объясню им, уговорю... Братцы...

Комиссар. Он еще болтает! *(Выстрел.)*

Лошкарев. Вот... По закону, а закон — известно какой. *(Выволакивает убитого Халявина.)*

Комиссар *(четырем матросам)*. Братья мои, друзья... Надо...

Моряки кивнули головами.
На минуту Михайлов подошел к девушке.

Михайлов. Прощай, сестренка, спасибо тебе. Ты и не знаешь, как ты мне помогла...

Стоит она, вымолвить ничего не может... Моряк посмотрел на нее, поцеловал.

Ну... Ага, четыре тяжелых!

Коробков. Что ж, силы равные: четыре танка, четыре матроса...

Четверо моряков выходят навстречу танкам врага. Фигуры моряков отчетливо выделяются на вечернем фоне неба. Ветер свистит на прибрежной низине. Оставшиеся смотрят вслед ушедшим. Раненые подползают к комиссару.

Люди следят за ходом гранатометчиков. Кто-то не в силах сдержать себя: «Ох... левей, левей!» Рев танков нарастает. Секунды большого напряжения. Вспышка. Тяжелый гудящий взрыв. Крик Юрия: «Под танки ложатся, товарищ комиссар!» Вспышка. Взрыв... Короткая пауза. Пламя над низиной. Оно освещает последнюю группу защитников рубежа. Еще один взрыв. Люди стоят недвижно.

Голос. Один ползет обратно...

Комиссар. Кто?

Вопрос остался без ответа. Слева очереди автоматов... Ободранный, почерневший, вползает к своим старый матрос. Он делает знак рукой, предупреждает: «Автоматчики тут... не прозевайте... Танк, сволочь, человека испугался... Я под него, а он задним ходом... задним ходом, а? Но от Лошкарева еще не уходили...»

Голос. Автоматчики подходят!

Комиссар. Все — к бою!

Очередь автоматчиков. Крики: «Рус, рус, сдавайся!»

(Взял автомат и к последней группе еще уцелевших бойцов.) Ко мне! *(Раненым.)* Держать КП. Ну, товарищи, помогите в последний раз. *(Громко.)* Батальон! За родимый Ленинград! Ура!

И, собрав все силы, горсть людей кричит «ура». С комиссаром кинулись юнга, девушка и оставшиеся моряки. Ковыляя, вслед идут раненые. Один ползет, не может больше, останавливается, но продолжает со всеми кричать «ура». Крик постепенно затихает. На КП остались только те, которым трудно передвигаться.

Лошкарев *(облизывая почерневшие, потрескавшиеся губы)*. Попить нету? Воды бы... а то водки,

водка — она мне всегда помогает. *(Прислушивается.)* Отбили вроде?

Один из раненых. Воды дайте, жжет...

Лошкарев. Нету... Ну, подсчитать хозяйство...

Первый раненый вытащил нож. Второй раненый ощупывает свои карманы.

Один из раненых. Воды...

Третий раненый. Нету, браток, потерпи. Потерпи, милый, потерпи, хороший. *(Гладит его по голове, помогает другим.)*

Четвертый раненый. Подорваться есть чем, а?

Лошкарев. Нету, милый... Потерпи. *(Остальным.)* Глядеть в оба. Наблюдать вкруговую.

Четвертый раненый. Подорваться, спрашиваю, есть чем? Что ж, не слышите? Кричите мне громче... оглох я... Подорвемся, а? Дайте, я сделаю. Я умею...

Лошкарев *(понял, что четвертый раненый не слышит, кричит ему на ухо)*. Нечем подрываться, браток!

Четвертый раненый. Ну, что же, тогда будем по-другому... живьем не возьмут. *(Вынул из винтовки затвор, выбросил. Снимает штык, пробует острие.)*

Неожиданно загудел телефон. Лица осветились светом надежды. Лошкарев подполз, схватил трубку. Подтягивая все тело на локте, подполз и четвертый раненый. Следит лихорадочно заблестевшими глазами.

Лошкарев. Алло... Я — «Гроза». *(Смотрит на своих — люди чуть дышат, впились в старого матроса, в трубку.)* А?.. *(Лицо меняется. Поглядел на своих, дунул в трубку.)*

Четвертый раненый. Ну что?

Лошкарев молчит.

Что, Иван Степанович?

Лошкарев. Смеются в трубку — немцы... *(Четвертому раненому криком.)* Смеются немцы!..

Четвертый раненый. Теперь они смеются.

Лошкарев. На письмо ответ дают... Дай... *(Схватил снова трубку, слушает.)* У-ух! *(Со злобой и омерзением.)* Послал бы бог хоть одного бы немца, еще одного б... Попрощаться бы... Стой, будто по-русски говорят... По-русски говорят!

Третий раненый *(взяв трубку)*. Не верь, у них и по-русски разработано. Это такая сволочь... А? Как дела, спрашивают.

Лошкарев. Как дела? *(Рванул трубку к себе.)* Все в порядке. Соседи?.. Тем лучше... Резерв вот к нам подошел. Да, сплошной матрос... *(Яростно мигает своим.)* Здорово, орлы балтийцы! *(Шепчет, прикрыв трубку.)* Давай!

Раненые *(поняв)*. А, товарищ командир бригады! Здравствуйте, товарищ командир! Привет из Ленинграда... Там еще вторая и третья бригады идут... Черным-черно. *(Топают ногами, изображая приход резерва. Всплески встречных рукопожатий, возгласы.)*

Лошкарев. Сидоркин, и ты здесь?

Голос. Так точно, здесь.

Лошкарев. Бориченко, целый?

Голос. Бог терпит, земля носит, товарищ командир.

Моряки косятся на аппарат.

Лошкарев *(прикрыв трубку)*. Посмеются над кем-нибудь другим!

Первый раненый. Послать бы их...

Лошкарев. Не поймут. У них и в словаре таких морских терминов нету. *(Опять взялся за трубку телефона.)*

Раненые из последних сил подтягиваются к телефону. Весь последующий разговор рассчитан на то, чтоб немцы его услыхали.

Командиров батальонов ко мне.

Первый раненый. Командир первого батальона прибыл, товарищ командир бригады...

Второй раненый. Командир второго батальона прибыл, товарищ капитан третьего ранга.

Третий раненый. Заместитель командира третьего батальона прибыл, товарищ командир бригады.

Л о ш к а р е в. Командир пулеметной роты почему отстает?

Ч е т в е р т ы й р а н е н ы й. Никак нет, на месте!

Л о ш к а р е в. Выдвигайте пулеметы, быстро!

П е р в ы й р а н е н ы й. А как там, товарищ командир, фрицы поживают?

Л о ш к а р е в. Они не поживают, а доживают...

В т о р о й р а н е н ы й. Велено передать от Ленинграда привет ото всего сердца, балтий... *(Захлебнулся кровью, смолк.)*

Пауза. Опять крики: «Рус, сдавайся!»

Р а н е н ы й - н а б л ю д а т е л ь. Подходят! *(Пятится.)*

Л о ш к а р е в. Ну, прощаться будем.

Прощаются раненые моряки. Последние рукопожатия, братские поцелуи.

Ч е т в е р т ы й р а н е н ы й. Прощай, Балтика, и, Ленинград, прощай... Россия-мать, прощай. *(Обнажил грудь.)* Бей, старик, пора...

Еще медлит старый матрос... Слышен немецкий шаг. Крики: «Форвертс! Хайль Гитлер!»

П е р в ы й р а н е н ы й. Психическая...

Т р е т и й р а н е н ы й *(схватившись за сидящих рядом, встал, запел)*. «Вы жертвою пали в борьбе роковой, любви беззаветной к народу... Вы отдали все, что могли, за него...»

Моряки поют. Слились матросские голоса. Неожиданный свист резче, резче.

Л о ш к а р е в *(опуская руку с ножом)*. Стой!.. Подожди... *(Слушает.)* Наш свист...

И дает, еще не веря и веря, в ответ удалой четырехпалый свист из старых флотских драк, с крестьянской гульбы. И будто в ответ спустя секунду-две далекое, гулкое: «Полундрраа!» Иные раненые приподнялись, иные в бессилии опустились на землю головой... Нарастает шум, и вспыхнуло широко, шире и шире русское «ура». Это начался матросский удар, в котором не бывает пощады.

Еще поживем, братки, а?

Четвертый раненый. Что, братки? А? Что случилось, а?..

Лошкарев. Бригада, к бою!

Близкий шум схватки. Вбежало несколько немцев. Третий раненый вскинул винтовку. Яростная схватка. Влетают атакующие матросы, нещадно бьют немцев. Хрип. Стуки. Рукопашная На раненых наскочила группа немцев

(Не теряя ни секунды.) Куды? *(Своим.)* Гранаты к бою! *(И мгновенно швырнул первое, что попало под руки,— ботинок с ноги, тяжелый, грузный.)*

Немцы шарахнулись назад. Их смяли подоспевшие моряки. Вспыхнуло матросское «ура» Усталый, загрязненный, идет капитан 3-го ранга. Револьвер в руке. Рядом, неотступно его сын Олег. Затем девушка-санитарка и несколько других бойцов.

(Пробуя приподняться.) Встать смирно! Товарищ капитан третьего ранга...

Капитан 3-го ранга. Да сиди ты, вот «служба»...

Лошкарев. Да ж полагается же...

Капитан 3-го ранга. И в гробу «смирно» тянулся бы?

Лошкарев. Так точно, то есть никак нет... Рано еще в гроб... Разрешите доложить...

Входит комиссар.

Капитан 3-го ранга. Комиссар, родной. *(Обнялись.)*

Входит писарь. Держится, как всегда, спокойно, бросил взгляд на людей. Старый матрос удивленно посмотрел на комиссара, но пока сдержался.

Комиссар. Ага, писарь, кстати...

Капитан 3-го ранга. Да, пишите: «Сентября сего дня части Морской бригады были окружены противником..» *(Показывает комиссару детали операции по карте.)*

Писарь. «Окружены противником». Есть.

К а п и т а н 3-г о р а н г а. «По решению командира и комиссара на рубеже был оставлен заслон слабой численности, основные силы скрытно совершили за сутки шестидесятикилометровый бросок по лесам и болотам. В пути были использованы два пленных, сообщивших немецкий пропуск, места расположений немецких частей и штабов. Дивизия «СС», пытавшаяся сбить заслон Морской бригады, разгромлена. Удар был поддержан тяжелыми танками Кировского завода». Кажется, все.

К о м и с с а р. Есть дополнение. «В ходе операций попутно обнаружены засланные агенты противника *(смотрит бумаги)*: бывший белогвардеец Халявин...»

П и с а р ь *(спокойно)*. Халявин...

К о м и с с а р. «Халявин и писарь, готовивший покушение на командира бригады, именовавший себя Фетисовым, дело которого передается особым органам...»

Писарь пишет холодно, ровно... Юнга заглядывает ему через плечо. Писарь поглядел на комиссара серо-голубыми немецкими глазами. Комиссар ответил ему на взгляд. Иван Степанович усмехнулся

К а п и т а н 3-г о р а н г а. Кто открыл дело?

К о м и с с а р. Юнга. Он у нас вообще толковый мужчина...

Капитан 3-го ранга посмотрел на Юрия. Тот вытянулся, счастлив. И что-то серьезное есть уже в этом мальчике.

(*Писарю.*) Сдайте дела.

У писаря взяли его журнал, бумаги, сумку, быстро вынули оружие, документы. Он пробовал рвануться. Ему сказали: «Гражданин, не будем...» Юнга сбил с него морскую фуражку: «Не смеешь носить...»

К а п и т а н 3-г о р а н г а *(морякам)*. Отвести...

П и с а р ь. Все. (*Постоял, закрыв глаза и сложив ладони в немецкой молитве.*)

Шпиона увели.

К а п и т а н 3-г о р а н г а *(обнял, целует Юрия)*. Ну, что, Юрий?

Юнга. Полный порядок.

Шестивесельный *(влетел с наганом. Рядом еще несколько человек. Ведут двух немецких помятых офицеров).* Товарищ капитан третьего ранга, взяли их штаб со всем инвентарем. *(Вручает портфель, бумаги.)*

Немцы стоят хмуро, жмутся под взглядами моряков, которые окружают их стеной. Бой догорел, и моряков здесь все больше и больше. Приходят довольные, потные, усталые.

Капитан 3-го ранга. Что там еще?

Капитану 3-го ранга вручают чемоданчик и красивую плетеную с золотом бутылку. Надпись: «Храбрейшему за Ленинград».

Интересно... «Храбрейшему за Ленинград».

Комиссар. Вот у нас есть тут верный кандидат *(Отдает старому матросу.)*

Лошкарев. Никак нет, я что ж... Я, как все...

Комиссар. Выполняйте приказание...

Лошкарев. Есть...*(Схватил бутылку.)* Господи, ну прямо в душе прочитали! Товарищ комиссар, такая жажда томит... *(Привычно берет бутылку, поддает в донышко. Немцам.)* Со свиданьицем... Так и в Берлине доложите, как в сказке: «Мы, мол, там были, пиво-мед пили, по усам текло, в рот не попало,— русские сами пить мастера». *(Пьет старый матрос, рот полощет, наслаждается, передал другим раненым, те выпили, дух перевели, утерли рот.)*

Комиссар. А не повредит?

Лошкарев. Господи, да мы в ту блокаду, в восемнадцатом году, «череп, две косточки»... *(Показал, сложив кисти рук.)* Ничего не делалось, даже укрепляло...

Юнга. А мне?

Капитан 3-го ранга. Пожалуй, молод еще.

Юнга. Да, как воевать — так можно, а как попробовать — так молод!

Лошкарев. Чарку ему дозвольте, товарищ капитан третьего ранга! Все-таки послужил, можно.

Капитан 3-го ранга. Маленькую, по возрасту.

Юнга лихо пьет, но обжегся, замер, шагнул и поперхнулся. Все хохочут.

Лошкарев. Тоже наука нужна.

Телефонный звонок.

Капитан 3-го ранга *(беря трубку)*. Да. Здравствуйте, товарищ контр-адмирал. Есть. Есть. Прошу сообщить в Военный совет фронта, товарищу Жданову, товарищу Ворошилову: на рубеже надежно. Решительно надежно. Другие участки? Тоже. *(Остальным.)* Отбивают немцев везде.

Комиссар повторил это сообщение шопотом. Все шопотом «ура».

Да, очень помогли... Комиссар? Жив, отлично... Есть продвигаться вперед.

Юнга. Мамочке привет пусть передаст.

Приводят еще группу пленных немцев. Тут всякие: наглые, угрюмые, равнодушные.

Один из моряков. Товарищ капитан третьего ранга, у них в землянках женщины, дети наши захваченные.

Капитан 3-го ранга. Освободить сейчас же, накормить.

Один из моряков. Замученные они, мертвые уже...

Страшная тишина. Стоят немцы, хмурые, трусливые. Рванулись к немцам моряки...

Один из моряков. Каким судом судить вас, насильники, душегубы...

Раненый *(подползая к немцам)*. Семья моя где?

Девушка. Мать моя где, брат мой где?!

Общее движение.

Комиссар *(властно)*. Пленных убрать!

Шестивесельный. Есть.

Немцев уводят вниз, в подвал. У двери становится часовой.

Лошкарев. А ну, собирайся, Иван Степанович. Подсобите-ка, ребятки. Пошли, пошли — какой там отдых, гнать их подальше да поскорее.

Комиссар. Подождите. Минуту постоим... Поклонимся героям, за родину погибшим. Имена их запомните навсегда: Коробков Николай, Бушков Борис... Михайлов...

Девушка. Алексей?

Комиссар. Алексей...

Раздались три ружейных залпа. С развалин сняли пробитый во многих местах красный флаг. На его место водрузили винтовку. На ней, ветром подхваченная, взвилась флотская тельняшка: пусть память останется.

Капитан 3-го ранга. Вперед, товарищи!

Моряки подхватили под руки своих раненых, пошли вперед все вместе и вновь запели песню, с которой ушли из Ленинграда:

Тучи над городом стали,
В воздухе пахнет грозой...
За далекой, за Нарвской заставой
Парень идет молодой...

Стережет пленных моряк-часовой. Стоит горделиво, опершись о винтовку. Поза свободная, правая нога вперед. Обе руки покоятся на дульном срезе. Блестит штык.

Темнеет. В луче прожектора видна развевающаяся над развалинами тельняшка, и доносится еще песнь идущей к новым победам Морской бригады.

Ленинград 1943—1944 годы.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1919-й

Пьеса в трех актах с прологом и эпилогом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В. И. Ленин.
И. В. Сталин.
Воронов, член Революционного Военного Совета.
Шибаев, уполномоченный Особого отдела Балтфлота.
Комиссар округа.
Член Военного Совета армии.
Потапов, **Иванченков**, **Данилова** — путиловские рабочие.
Командир 1-го экспедиционного отряда Балтфлота.
Командир 2-го экспедиционного отряда Балтфлота.
Командир Петроградского морского отряда Балтфлота.
Комиссар эсминца «Гавриил».
Комиссар линкора «Андрей Первозванный».
Командир линкора «Петропавловск».
Командир стрелкового полка
Командир броневого отряда.
Командир бронепоезда № 52.
Летчик воздушного дивизиона Балтфлота.
Молодой матрос Потапов.
Секретарь товарища Ленина.
Секретарь товарища Сталина.
Секретарь члена Революционного Военного Совета.
Женщина, жена командира.
Отрядник Никандров.
Перебежчик с форта Красная Горка.

Командир бригады, бывший генерал Николаев.

Комендант форта «Обручев».

Взводный 1-го экспедиционного отряда.

Перебежчик.

Летчик.

Связист.

Полковник Н. Н. Буткевич, начальник артиллерии Кронштадта.

Мадам Буткевич, его жена.

Леля, их дочь.

Александр Рыбалтовский, капитан 1-го ранга, начальник штаба Кронштадтской базы.

Адъютант полковника Буткевича.

Генерал Родзянко, командующий вооруженными силами Северо-Запада России.

Зейдлиц, начальник штаба Родзянко.

Неклюдов, командир форта Красная Горка.

Полковник Вадбольский.

Дэкс, Эгар — английские шпионы.

Горничная Буткевичей.

Капельмейстер Мешков.

Военврач штаба Родзянко.

Адъютант генерала Родзянко.

Старший конвоец, унтер-офицер Жабоедов; Конвоец, молодой солдат — конвоиры в штабе генерала Родзянко.

Мистер Боб.

Управдом.

Подполковник Остен-Сакен.

Барон Фитингоф.

Старичок.

Предводитель дворянства.

Первый делегат.

Второй делегат.

Земский деятель.

Старый минер.

Сигнальщик.

Гости у мадам Буткевич.

Красноармейцы, матросы, солдаты.

Действие происходит в 1919 году в Москве, Петрограде, Кронштадте и на фронте.

ПРОЛОГ

Май, 1919 год. Кремлевский кабинет В. И. Ленина. В окна падают слепящие лучи солнца. Ленин сидит за бумагами.

Входит женщина-секретарь.

Секретарь. Вы вызывали товарища Сталина. Он пришел.

Ленин. Просите, просите, я ждал.

Секретарь выходит. Через короткий промежуток времени в кабинет входит И. В. Сталин. Ленин поднимается ему навстречу. Они здороваются.

Ленин. Очень, очень хотел вас видеть, товарищ Сталин. Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста. Сюда. Опять на фронтах назревает нечто крупное... Мне кажется, что Республика снова попадает в опасное положение. Я хотел вам сказать о том, что́ меня беспокоит, и уже не первый день. Мы ведь с вами откровенны до конца, не так ли?

Сталин *(все еще стоит)*. Безусловно так, Владимир Ильич. Я говорю то, что думаю, хотя порой это, может, некоторым и не нравится.

Ленин. Вот я и хотел бы сказать нечто, что не понравится нашему Реввоенсовету Республики и, может быть, еще кое-кому... Присаживайтесь, пожалуйста...

Товарищ Сталин садится.

Итак... Убеждаюсь все больше, что наш Реввоенсовет работает плохо... О сосредоточении сил Колчака он предупредил поздно, недопустимо поздно... Колчак по очереди бил Третью, потом Вторую, потом Пятую армии. А нас «успокаивали»... Что получилось — известно... Сейчас повторяется такая же история с Деникиным, — и боюсь, что может повториться подобное же под Питером...

Сталин. Совершенно разделяю ваши опасения.

Ленин. Реввоенсовет успокаивает. Повидимому, метод, привычка — успокаивать и успокаивать. Плохая тактика. «Игра в спокойствие»...

Сталин. Которое каждый раз сменяется истериками Троцкого...

Ленин. А на деле застой, почти развал. Ставят негодных военных руководителей.

Сталин. Или поощряют болтунов или заведомых предателей...

Ленин. Такая практика к добру не ведет. Вот и неуспехи, нас бьют... Смотрите. (*Показывает по карте.*) На юге неуспехи. Деникин прорвал фронт... А в ЦК присылают обещания, схемы, рисуночки — о противнике забывают. Главком так и сообщает: «Война на юге принимает оборот, неблагоприятный для нас. Свою задачу Украинский фронт решить не может за отсутствием войск»...

Сталин. Что он сообщает о Северо-Западном фронте, о Питере?

Ленин. Он даже не упоминает о Питере. Говорит лишь, что формирования Западного фронта оказались никуда не годными.

Сталин. По-моему, не войска оказались негодными, а автор этого сообщения, главком...

Ленин. Я уверен, что этой весной Антанта опять начнет натиск. Они хотят дать нам «последний бой», наступить нам на горло... Уже распространяются слухи о походе четырнадцати держав. Гм, четырнадцати? Посмотрим... подсчитаем... Англия, США, Франция, Италия, Япония, Греция, Югославия, Чехословакия, Польша, Финляндия, Эстония, Латвия плюс Колчакия и Деникия... Да... подсчет точный.

Очевидно, это совершенно ясно обдуманный и решенный в Париже или Лондоне шаг. Это — инспирации, замыслы Черчилля. А эти наши «деятели» в такие дни шлют схемы, рисуночки, обещания!.. Но сами себя и опровергают: этот фронт не может, этот не в состоянии... Что бы я хотел особо отметить — противник все упорнее действует изнутри: огромные заговоры — я уже говорил Дзержинскому,— усилились действия иностранных агентов, усилились кулацкие восстания, участились взрывы на железных дорогах... В Петрограде была сделана попытка взорвать водопровод... Вдобавок голод... Бедствия Питера, действительно, велики... Сыпняк... Вот мне пишут путиловцы. (*Протягивает письмо рабочих.*)

Сталин (*быстро пробегает его*). Смело и правильно пишут. Я знаю некоторых из авторов письма.

Ленин. Надо все перестраивать по-военному. А нас успокаивают или обещают, что дела будут еще хуже... Чорт знает что!.. В Питере — скопища бывшего офицерства, бывших собственников, переходы через границу... Кто там наблюдает за порядком?! В военном деле все эти упущения преступны, гибельны. Схемы, рисуночки... Мосты, водокачки на воздух взлетают, а они рисуют. Или жалуются, что отдали уже все силы и ничего больше дать не могут. Это Питер-то? Сидят там... (*Махнул рукой.*) Иосиф Виссарионович, если надо будет, на два, три, четыре месяца закроем все учреждения, все не безусловно необходимое, проведем массовые мобилизации коммунистов, рабочих, но людей на фронт дадим. Противника отбросим.

Сталин (*встав*). Полностью согласен с этими предложениями. Я хотел бы добавить о делах Петрограда.

Ленин. Да, да... Глаз спускать с Петрограда нельзя. Город этот не может быть сдан ни в коем случае.

Сталин. Тамошнее руководство не понимает или не хочет понимать этого... Белогвардейский Северо-западный корпус под английским прикрытием с моря нанес несколько ударов, и в Петрограде ра-

стерянно, даже панически «отреагировали»: дали «директиву» об эвакуации города...

Ленин насторожился.

Это еще не все: дали вторую «директиву» — о потоплении кораблей Балтийского флота.

Л е н и н. Это преступление!.. (*Вызывает секретаря.*)

Входит с е к р е т а р ь.

Прошу прощения. (*Секретарю.*) Пишите. (*Диктует.*) Петроград. Смольный. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны предлагает дать исчерпывающий ответ: по каким соображениям было решено эвакуировать некоторые заводы Петрограда и окрестностей. Кем и почему было дано распоряжение о потоплении судов. Все.

С е к р е т а р ь. Подпись ваша?

Л е н и н. Да... Отправить вне всякой очереди...

Секретарь уходит.

Этакие удельные князья: хочу — уезжаю, хочу — отступаю, хочу — топлю флот... Существует ли для них ЦК, существует ли правительство?.. С уделами покончим. Эти настроения надо раздавить — и решительно... И тут мы рассчитываем на вас, товарищ Сталин... Вы знаете дела Петрограда...

С т а л и н. В меру возможности, Владимир Ильич.

Л е н и н. Я просил бы вас изложить ваши соображения о Питере и о военной и политической обстановке на Петроградском фронте, с вашей точки зрения.

С т а л и н (*подходя к карте*). Противник думает окружить Петроград... Вероятные направления ударов: с Озерного участка — заход с востока; с Карельского перешейка — удар с севера, накоротке, до города каких-нибудь тридцать километров; Нарвский участок — удар с запада, на Гатчину, Красное Село, Тосно. Цель: перерезать Октябрьскую железную дорогу. С моря возможны английские удары по Кронштадту, десанты... Затем возможен удар от Пскова на Дно — Бологое... Наиболее опасным я считаю Нарвский участок... Северо-западный белогвардей-

ский корпус, поддержанный с моря английской эскадрой и белоэстонцами, начал наступление четыре дня тому назад...

Л е н и н. Иосиф Виссарионович, я вызвал вас, чтобы от имени ЦК просить отправиться на Петроградский фронт.

С т а л и н. Я готов выполнить поручение партии.

Л е н и н. Одну минуту. (*Вызывает секретаря.*)

С е к р е т а р ь входит.

Нужно заготовить мандат для товарища Сталина.

С е к р е т а р ь. Да... Я записываю, Владимир Ильич.

Л е н и н. На бланке Совета Народных Комиссаров. «17 мая 1919 года. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны командирует члена своего, члена Центрального Комитета Российской коммунистической партии, члена Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Иосифа Виссарионовича Сталина в Петроград... (*Пауза.*) ...и в другие районы Западного фронта...» (*Сталину.*) Там части как будто никуда не годные... (*Снова диктует.*) «...для принятия всех необходимых экстренных мер в связи с создавшимся на Западном фронте положением...» Так... Это еще не все... «Все распоряжения товарища Сталина обязательны для всех учреждений, всех ведомств, расположенных в районе Западного фронта». Так... И это не все... Надо подкрепить ваш опыт Царицына и Перми... «Товарищу Сталину предоставляется право действовать именем Совета Обороны, отстранять и предавать суду Военно-Революционного трибунала всех виновных должностных лиц»... Есть у вас, товарищ Сталин, какие-нибудь дополнения?

С т а л и н. Нет, документ исчерпывающий.

Л е н и н (*секретарю*). Перепечатайте сейчас же — и мне на подпись.

С е к р е т а р ь. Сейчас перепечатаю и принесу, Владимир Ильич. (*Уходит.*)

Л е н и н. Ну, теперь мы с вами будем «их» успокаивать. Мы им пошлем рисуночек и покажем нашу схему...

С т а л и н. Я бы хотел, Владимир Ильич, затронуть некоторые практические вопросы...

Л е н и н. Не теряя ни минуты?..

С т а л и н. Да. Вот этот автор кислых сообщений — я говорю о главкоме — тоже хочет вывести Балтийский флот из строя. Он не рискует топить Балтийский флот сразу, как это хочет сделать Зиновьев... Он предлагает превратить линкоры и крейсеры в плавучие форты... Их будут таскать буксиры...

Л е н и н. То есть, как? Это же значит лишить флот подвижности, оперативности... Идейка, простите, архиглупая...

С т а л и н. Значит, считаем, что Балтийский флот остается в качестве действующего флота. Уверен, что матросы Балтийского флота сумеют себя показать как революционная сила. Балтийский флот может оказаться очень нужным...

Л е н и н. Согласен. Флот не раз помогал партии и еще поможет. Да, кстати, учтите и тактику врага, приемы этого Черчилля: авантюризм, налеты, отчаянные предприятия, сеяние паники... Внушите Питеру: бдительность, доведенная до высших пределов. Принимайте любые меры. Лучше посадить или расстрелять сотни изменников, чем позволить белым перепороть, перебить десятки тысяч трудящихся...

С т а л и н. И еще одно предложение.

Л е н и н. Я слушаю.

С т а л и н. Вы дали второго мая указание за вашей подписью о введении в Петрограде осадного положения и ряда мер... Я не уверен, что тамошнее руководство довело это до масс... Я предлагаю поэтому обратиться от имени ЦК к петроградскому пролетариату.

Л е н и н. Отличное предложение... Не будем терять времени. Запишем... (*Записывает.*) «К рабочим и всем трудящимся Петрограда. Красный Петроград находится под серьезной угрозой. Питерский фронт становится одним из самых важных фронтов Республики».

С т а л и н. «Советская Россия не может отдать Петроград даже на самое короткое время. Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало»...

Л е н и н. «Слишком велико значение этого города, который первый поднял знамя восстания против буржуазии и первый одержал решающую победу. Питерские рабочие, не жалея сил, отдавали десятки тысяч борцов на все фронты. Теперь вся Советская Россия должна придти на помощь Петрограду...» Так?

С т а л и н. Скажу по секрету, Владимир Ильич, что думаю обойтись без присылки резервов. За счет внутренних сил Петрограда... Я уверен, что это возможно. Отвлекать внимание других фронтов, просить помощи не намерен.

Л е н и н. Ну, хорошо... действуйте, как вы считаете полезным. Оставим этот текст в качестве основы... Затем обсудим на Политбюро, и не позже, чем через три дня, текст будет опубликован.

С е к р е т а р ь вносит готовый мандат.

(*Подписав мандат.*) Вручаю вам... И как ни тяжело положение, уверен: выдержим, устоим; народ у нас чудесный... Одолеем... останется позади эта гражданская война, откроется главное: мирное строительство. Как оно привлекает! Мы хотим его, ждем его... Посвятим ему все свои усилия, всю свою жизнь. Вам еще сорока нет, вы молоды, Иосиф Виссарионович, еще многое увидите... Ну, пожелаю успеха. Помните: противник опасный, душить умеет, душит до конца. А Черчилль — это старый колониальный каратель.

С т а л и н. С врагами будем действовать по-вражески. Это мы их додушим, и до конца.

Л е н и н. Да, минутку: пожалуйста, передайте привет морякам Балтфлота и бойцам и командирам Петроградского фронта.

С т а л и н. Передам обязательно. До свиданья!

Л е н и н. Всего вам доброго.

Крепкое рукопожатие.

И прошу вас: по делу обращайтесь ко мне в любую минуту, в любой обстановке...

ПЕРВЫЙ АКТ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

КВАРТИРА НА СЕРГИЕВСКОЙ

Петроград. Великолепная квартира Буткевичей на Сергиевской улице. Большая ампирная гостиная. Легкие колонны. Изящная обстановка. Рояль.

Звонок. Пробегает миловидная горничная. Она пропускает в гостиную двух посетителей.

Дэкс. Лиза, мадам еще не вернулась?

Горничная. Должна быть вот-вот — как всегда, к шести.

Дэкс. Нас и просили к шести.

Часы где-то бьют шесть. Звонит телефон. Горничная подходит.

Горничная. Слушаю... Их еще нет. Приходят со службы в шесть. (*Смотрит на посетителей.*) Нет, к ним никто не заходил. Пожалуйста. Передам...

Дэкс. Кто звонил?

Горничная. Из посольства...

Дэкс. Какого?

Горничная. Не сказался...

Дэкс. Ну, мы подождем мадам... Идите, Лиза.

Горничная. Может, вам подать что-нибудь?

Дэкс. Спасибо. Чего-нибудь холодного, Лиза.

Горничная уходит.

Э г а р. Итак, я в салоне мадам Буткевич?

Д э к с. Сэр, вы в салоне мадам Буткевич.

Э г а р. Кто она и откуда?

Д э к с. Это лихая, своеобразная дама. Она завербована мною в тысяча девятьсот четырнадцатом году, пять лет тому назад. Ее муж — полковник береговой артиллерии. Она освещала нам русский Балтийский флот, затем ей поручали и более крупные дела. У нее был и сохраняется салон. Здесь, сэр, бывали и великие князья, и министры, и деятели Думы, и наш посол — сэр Бьюкэнен, и представители армии и флота. Здесь бывал, затем, Керенский...

Э г а р. Обширные связи...

Д э к с. В тысяча девятьсот семнадцатом году — по обстоятельствам — я устроил ее машинисткой в Смольном, в учетном отделе.

Э г а р. Превосходная позиция. У меня ряд конкретных вопросов именно по этому отделу...

Д э к с. Уверен, что мадам сделает для вас все необходимое... Как прошла ваша поездка из Лондона?

Э г а р. Превосходно. Штилевые погоды, я первый раз наблюдал эти северные белые ночи... Но что же она не идет?

Д э к с. Возможно, несколько запаздывает...

Г о р н и ч н а я вносит на подносе хрустальный графин и два бокала.

Г о р н и ч н а я. Пожалуйста. Морс.

Д э к с. Лиза, вы гений...

Горничная, вспыхнув, уходит.

Русский клюквенный морс, со льда...

Э г а р. А, «русская клюква»?.. Любопытно...

Д э к с. Сэр, я был бы очень благодарен, если бы вы сообщили информацию, которая ориентирует меня и моих сотрудников в обстановке.

Э г а р. Я привез письма военного министра мистера Уинстона Черчилля к нашим руководящим деятелям в Петрограде. Морс великолепен. Вы можете быть в курсе дел.

Дэкс слегка кланяется.

Задумана необычная и смелейшая операция. Черчилль неутомим.

Дэкс. Русские настороженены, сэр. Из документов, которые раздобыла мадам Буткевич, ясно, что еще в апреле Ленин дал ряд приказов, касающихся Петрограда, в частности, по линии ЧК...

Эгар. Почему нет этой мадам? Время идет...

Дэкс. Не понимаю, что могло ее задержать.

Эгар. Прошу, продолжайте о Ленине и его приказах.

Дэкс. Город на осадном положении...

Эгар. Это сильно затруднило мне перейти границу Финляндии и добраться до Петрограда.

Дэкс. В город прибыл народный комиссар, уполномоченный Совета Обороны Сталин.

Эгар. Какова его роль?

Дэкс. Это ближайший единомышленник Ленина, его друг и помощник. В декабре тысяча девятьсот семнадцатого года, когда Ленин уходил в отпуск, Сталин был назначен председателем Совета Народных Комиссаров, то есть премьером. Через год примерно, когда был создан Совет Обороны, в связи с расширением, как говорят русские, интервенции, Сталин был назначен заместителем председателя. Председатель — Ленин.

Эгар. И вы придаете особое значение приезду Сталина в Петроград?

Дэкс. Безусловно.

Эгар. All right![1] Обдумаем и этот вопрос и это препятствие. Но при всей подозрительности и настороженности русского руководства — они и не подозревают, что готовится... Слушайте внимательнее... Мистер Черчилль указал...

Звонок телефона. Оба настороженно поворачиваются. Горничная входит, берет трубку.

Горничная. Слушаю... Ольги Симеоновны дома нет. Когда будет? Должна быть скоро. Прино-

[1] Хорошо! (*англ.*)

сили ли пакет? Нет, никого не было... Еще позвоните? А как передать? Хорошо. (*Вешает трубку, уходит.*)

Э г а р. Видно, что дама деловая... Но куда она пропала?.. Дэкс, это меня беспокоит...

Д э к с. Меня тоже начинает беспокоить. Что же могло случиться?

Э г а р. Я продолжаю... Мистер Черчилль дал сигнал: действовать. Созданный русскими деловыми кругами «Национальный центр» — вы тут много помогли, Дэкс, — готов к выступлению. Сеть «Национального центра» охватила сотни людей.

Д э к с. Тут ценную помощь оказала мадам Буткевич. Ее муж сейчас начальник артиллерии Кронштадта.

Э г а р. О, отлично! Так вот, главные черты плана Черчилля: Северо-западная армия генерала Родзянко ведет удар на Петроград, передовые части генерала подойдут не сегодня-завтра к Красной Горке... Мне сообщил об этом наш резидент в Гельсингфорсе. Следующий шаг, Дэкс, — восстание на Красной Горке. Там есть наш человек: поручик Николай Неклюдов; затем — по нашему плану — произойдет восстание в Кронштадте, затем — шах и мат: мы в Петрограде. Понятна вам идея плана?

Д э к с. Я подумаю и скажу вам через несколько минут. Но почему ее нет?

Э г а р. Черчилль рассчитал все. О, это голова! Он имеет великолепный опыт. Индия, Куба, Судан, война с бурами, война с Германией... Черчилль отлично осведомлен о делах России. «Национальный центр» — он получает по меньшей мере пятьдесят тысяч фунтов стерлингов ежемесячно — сообщает: «Петроград отдадут легко. Войска сражаться не будут»... Действительно, к белым перешло за последние дни несколько полков. Эта ваша работа?

Д э к с. Это работа полковника Буткевича, сделанная по моим инструкциям.

Э г а р. Следите дальше. Черчилль учел одно из последних донесений «центра»: «Двигайтесь вперед во что бы то ни стало, чем стремительнее, тем лучше... Мы готовы к восстанию внутри города...»

Д э к с. Да, здесь есть значительные кадры.

Э г а р. Тогда всю операцию, может быть, удастся провести в несколько дней. Это будет пилюля в горло большевиков... Нет, я положительно встревожен... где ваша Буткевич?

Д э к с. Я теперь отвечу, сэр, на некоторые затронутые вами вопросы. Мое мнение о плане и вообще о делах в России. Сэр, Россия — страна сюрпризов, страна неограниченных возможностей. Может быть, кстати, какой-нибудь сюрприз выпал и на долю мадам Буткевич, и нам надо быть осторожнее. Полезно помнить опыт последнего года: сколько планов уже сорвалось. У большевиков дьявольское умение выходить из самых невероятных затруднений.

Э г а р. Каким образом?

Д э к с. Путем напряженнейшей борьбы, организаторских и агитационных усилий и феноменальной энергии. Ленин — необыкновенный интеллект, он непреклонен и дальновиден. Он за полтора месяца до сообщенного вами плана мистера Черчилля указал на опасность. Сталин уже на месте. Он мастер крупных операций. Нужно считаться с ним, с его мерами.

Звонок. Оба встревоженно привстают. Г о р н и ч н а я идет открывать.

Лиза, дома никого нет. Не впускать.

Горничная кивает. Слышно, как открылась дверь, хлопнула. Кто-то, очевидно, пришел.

Г о р н и ч н а я (*входя*). Это барышня.

Входит Л е л я.

Л е л я. Здравствуйте, Поль.

Д э к с. Леля, позвольте познакомить вас с моим другом...

Л е л я. Буткевич... Леля...

Э г а р. Эгар.

Л е л я. Я на минутку пройду к себе. Извините...

Эгар делает молчаливо вопросительный знак в сторону ушедшей.

Д э к с. Ее дочь... Уже помогает мадам. Служит в штабе Петроградского фронта.

Э г а р. Тоже отличная позиция.

Д э к с. Да. Засекреченная машинистка-стенографистка.

Э г а р. Что значит «засекреченная»?

Д э к с. Допущенная к секретной переписке.

Э г а р. All right! Вернемся к делу. Значит, у вас сомнения насчет нашего плана?

Д э к с. Нет, сэр, но я хотел бы предупредить вас официально. Вы первый раз в России. Я в ней родился, мой отец владел шахтами в Донецком бассейне — мистер Стаффорд Дэкс из Дайтона. Образование я получил, конечно, в Англии. В Оксфорде. Затем был направлен снова в Россию.

Э г а р. Когда?

Д э к с. В начале мировой войны. Я ставил британскую разведку в Петрограде. Я не покинул поста, когда после революции весь состав британского посольства распылился...

Э г а р. Досадный случай.

Д э к с. Я уже говорил, что Россия — страна необычайных возможностей. Здесь возможно даже распыление британского посольства. Продолжу. Я был покинут, потерял все связи, но я прокормил себя: я был красноармейцем, матросом... Я был механиком. Недавно я внушил Зиновьеву идею полного ремонта всех автомашин и мотоциклов. Он благословил эту идею. Сейчас Петроград и фронт лишены мототранспорта. Я устроил разборку всех моторов, перемешал их и разбросал по десяткам складов и мастерских... Все превращено в ржавый лом. Полагаю, сэр, что это наиболее крупная и толковая диверсия, сделанная одним человеком и в нужный момент.

Э г а р. Это интересно, Поль. Продолжайте совершенно откровенно. Я рад знакомству с вами.

Д э к с. Я же внушил Зиновьеву идею потопления Балтийского флота. Уже дело готовилось, но сорвалось из за вмешательства Москвы. Прошу, сэр, прощения, но мне хотелось бы еще рассказать вам о России...

Э г а р. Я слушаю, слушаю.

Д э к с. Может быть, я зайду в исторические детали, еще раз прошу прощения. Но мне хотелось бы, чтобы вы ясно представили себе суть русского противодействия. Идя в операцию, полезно предвидеть ее ход... Итак, о традиции человеческого бытия. Что выпадает на долю смертного? Страдание, греховность, искупление, смирение... И основа основ бытия: человек обречен на постоянную войну. Воюют все против всех. Каждый под своим знаменем: «я», «мне», «мое»... Повсеместный крик о себе... Всемирный стан неутомимых эгоистов... Так вот — Россия первая кончает с этим. Она ищет путь не для эгоистической личности, а для всех, для масс. В России заявили о человеческом достоинстве каждого. О том, что человек от рождения добр, хорош... что его калечат лишь внешние, социальные условия. А раз так — условия должны быть изменены... Уродство мира, полагают большевики, излечимо, исправимо.

Э г а р. Любопытно. О чем они еще заявили?

Д э к с. У них, скажем объективно, феноменально смелая концепция. Она рушит старые, косные, мистические представления о неисправимости мира, о зле... Советская Россия верит в человека. «Человек — это звучит гордо». Он выше всех, он — основа основ мироздания, явление небывалое... Они, большевики, раскрыли перспективы, разбудили в массах силы, чувство достоинства, дерзания, мечтания. Вот в этом, сэр, их огромная наступательная сила... а их более ста пятидесяти миллионов... Они уверены, что способны на все, все решат, одолеют. Они уверены, что их поймут, поддержат, что правда, большая правда этого мира, на их стороне. И это охватило всю страну, это пожар душ. В большевизме сконцентрирована вся тоска человеческая, все недовольство, все чаяния, ожидания, надежды...

Э г а р. Когда я был молод, Дэкс, я тоже старался показать начальству, что я постиг душу того или иного народа. Я тоже блистал знаниями... Могу вам сказать: «браво»... Вы искренни и убедительны. Это высокий класс для разведчика. Представляю себе, как вы обрабатываете русских. Но к делу. Итак: армия Родзянко

доходит до Красной Горки, мы вызываем на флоте восстание... Затем подымаем Петроград, затем британская эскадра приходит в Неву. План ясный и смелый. Британский план.

Д э к с. Вот на случай прихода нашей эскадры мне и нужна Буткевич. Но за каждый разговор она требует денег...

Э г а р. Я поговорю с ней и уплачу, если так нужно... Меня интересует коммунистическая организация...

Д э к с. Понимаю. Это важно, сэр. Но я просто в тревоге: где эта мадам Буткевич? Не исчезла ли она?

Э г а р. Не схватили ли ее? Я чувствую, что попадаю в какой-то неизвестный, опасный, любопытный мир.

Д э к с. Желаю вам, сэр, ориентироваться в этом любопытном мире и остаться целым...

Э г а р. Могу ответить пожеланием того же...

Звонок.

Г о р н и ч н а я (*бежит открывать*). Это, наверное, мадам!

Входит м а д а м Б у т к е в и ч. Оба англичанина встают.

Д э к с. Мадам, позвольте представить вам моего друга, капитана второго ранга мистера Эгара. Он очень интересуется вашей блестящей деятельностью и хотел бы побеседовать с вами...

М а д а м Б у т к е в и ч. Капитан второго ранга — это подполковник? Буткевич, Ольга Симеоновна. Жена полковника... Господа, какие новости! Армия Родзянко блестяще наступает... Она уже в семидесяти верстах от нас. Господа, это «канун»! И Англия нам помогает... Почему я задержалась? Масса работы... Здесь теперь Сталин. Проводится мобилизация коммунистов. Уйма дел... Лиза! Что тут пьют? Боже, морс! Бутылку коньяку! Эти дамские рюмки оставьте мужчинам, мне принесите мужской бокал... Лиза, подождите... К коньяку принесите мне перцу... Присаживайтесь, джентльмены... Ну, кто же так пьет? Ну, ничего, мы это сейчас поправим... Поль, можно говорить все?

Д э к с. Ну, что за вопрос!

М а д а м   Б у т к е в и ч. Еще вопрос: это приватная беседа за рюмкой или деловая беседа, которая по-деловому и оплачивается? Мистер Эгар?

Э г а р. Беседа закончится вознаграждением.

М а д а м   Б у т к е в и ч. Вот это я ценю.

Г о р н и ч н а я приносит бокалы и перец.

(*Налив себе солидный бокал.*) Так, теперь чуть-чуть перчику. Вам тоже?

Мужчины испуганно отстраняются.

Не хотите, как хотите... Ваше здоровье, джентльмены! (*Лихо выпивает.*)

Э г а р. Могли бы вы мне сообщить некоторые сведения о Петрограде?

М а д а м   Б у т к е в и ч. Могла бы. Я коренная уроженка Петербурга — терпеть не могу этого названия «Петроград» — и знаю в столице многих. Кто и что вас интересует? Выпьем?.. (*Наливает снова.*) Здоровье Родзянко!

Э г а р. Что вы можете сказать о коменданте Красной Горки Неклюдове?

М а д а м   Б у т к е в и ч. Ну, боже!.. Nicolas Неклюдов — милый юноша, я его помню еще кадетиком... Поручик, связанный с нами. Он горячий, энергичный, но, учтите, неврастеник. А почему вы спрашиваете о нем? В связи с Красной Горкой?

Оба англичанина молчат.

Ага, конспирация... Молчу...

Э г а р. Каковы настроения в петербургских деловых кругах?

М а д а м   Б у т к е в и ч. Мы очень долго вас ждали... Работа шла раздробленно. Выступления носили случайный, эпизодический характер. Теперь благодаря мистеру Дэксу и его шефам (*улыбается Эгару*) создался центр. Петербург!.. Надеюсь, вы понимаете его значение. Отсюда мы развернем борьбу за великую Россию. Выпьем! (*Чокается, пьет.*)

Эгар пьет.

Мы терпеливо собираем бывшее офицерство, юнкеров, гардемарин, бывших полицейских, военное чиновничество, наконец, добровольцев. Мы ждем лишь сигнала... Погибнуть от ЧК мы всегда успеем, но раньше надо сделать все возможное, чтобы гибнуть со спокойной совестью. Не так ли, Поль? Выпьем!..

Д э к с. Гибнуть вообще не надо.

Э г а р. Разделяю: гибнуть не надо, гибнут неумелые... Что вы можете сообщить мне о господине Родзянко?

М а д а м Б у т к е в и ч. Он был в царской армии подполковником. Сделал в последнее время блестящую карьеру. Племянник известного Родзянко, председателя Государственной думы. Исчез куда-то в восемнадцатом году, по слухам, в свое имение под Ригой, потом появился вновь, сделал визит на английскую эскадру. Ну, это вам известно...

Э г а р. Каковы его лозунги?

М а д а м Б у т к е в и ч. «Армия приводится к присяге царю и русскому государству»... Выпьем! (*Чокается, пьет.*)

Э г а р. Перейдем к Петрограду.

М а д а м Б у т к е в и ч. Перейдем. Но, боже, вы трезвы, как девочки!

Э г а р. Прежде всего о коммунистах города.

М а д а м Б у т к е в и ч (*хлопнув Эгара по плечу*). О'кэй!.. Сразу виден деловой мужчина. Отвечу. Записывайте: в городе десять районов.

Эгар делает пометки.

К данному времени в партийной организации семь тысяч человек. Процент мужчин — восемьдесят три, женщин — семнадцать. Классовый состав — абсолютное преобладание рабочих. Эти семь тысяч способны поднять город. Дисциплина особая. Они все сведены сейчас в боевые отряды. по районам. Их лестно аттестует сам Ленин. Когда вы проходите мимо районных комитетов, вы слышите непрерывный треск винтовочных затворов. Эти люди обучаются. Это будут тысячи большевистских офицеров... Ах, господа, все это надо видеть, пережить, понять. . А эти мальчики — комсомол:

«Только через наши трупы проклятые интервенты и белые войдут в город»... Еще коньяку?

Э г а р. Мадам, не помешает ли это нам?

М а д а м Б у т к е в и ч. Х-ха!.. *(Пьет.)*

Э г а р. А вы могли бы, мадам, дать полный список коммунистов Петрограда? Вы говорили, что их семь тысяч?

М а д а м Б у т к е в и ч. Могла бы... Даже с краткими характеристиками.

Э г а р. И адресами?

М а д а м Б у т к е в и ч. Ага, будете «брать из кроваток»? «А что ты делал с семнадцатого года?»... Да, и адреса. Сэр, это будет стоить пятнадцать тысяч рублей в царской валюте или полторы тысячи фунтов стерлингов в британской. Предпочитаю наличными.

Э г а р. Гарантии?

М а д а м Б у т к е в и ч. Мое имя!..

Д э к с. Почем же это выходит, за семь тысяч коммунистов пятнадцать тысяч рублей?

М а д а м Б у т к е в и ч. Мм... Сейчас прикину... По два рубля пятнадцать копеек.

Э г а р. Вы особо будете сообщать нам и о Сталине. *(Вручает пачку банкнот.)* Здесь полторы тысячи фунтов стерлингов.

М а д а м Б у т к е в и ч *(аккуратно пересчитывает)*. Счет точен. За особые сообщения вы уплатите особо... Они будут у нас в руках!

КАРТИНА ВТОРАЯ

ВАГОН СТАЛИНА

Поезд товарища Сталина на путях Балтийского вокзала в Петрограде. Хорошо оборудованный для штабной работы вагон. Зеркальные широкие окна, светлые занавески. Столы, карты, столик с пишущей машинкой, рабочий стол.
Поздний час.

С е к р е т а р ь. Товарищ Сталин, не сделаете ли перерыв? Пропустили обед и ужин.

С т а л и н. Нет. Кто там на очереди?

С е к р е т а р ь. Вызванный вами член Военного Совета Армии прибыл.

С т а л и н. Пусть входит.

Секретарь уходит. Через некоторое время входит ч л е н В о е н н о г о С о в е т а А р м и и. Он неопрятно одет, взлохмачен, в пенсне. Держится нервно. Сразу начинает болтливо-резко.

Ч л е н В о е н н о г о С о в е т а. Вы вызвали?.. Понимаю. Хотите знать о настроениях в нашей армии? Настроения плохие. А в чем дело? Пополнений нет. Те, что поступают, плохо обучены. Части измотаны боями, наполовину больные... Нет сил привести их в порядок...

С т а л и н. У кого именно нет сил?

Ч л е н В о е н н о г о С о в е т а. Ну, у нас, в Петрограде...

С т а л и н. Что вы еще можете сообщить?

Ч л е н В о е н н о г о С о в е т а. Что могу еще? Я могу сообщить о полной невозможности не только наступать, но и обороняться... Не можем поручиться за судьбу Петрограда...

С т а л и н. Кто не может поручиться?

Ч л е н В о е н н о г о С о в е т а. Ну, те, о которых я говорю... Усталые, измотанные люди... Все равнодушны, нет порядка, пожимают плечами, ничего не знают... Лень, отсутствие ответственности...

С т а л и н *(повысив тон)*. Кстати, об отсутствии ответственности. Это в вашей армии был организован переход третьего пехотного полка на сторону белых?

Ч л е н В о е н н о г о С о в е т а *(растерянно)*. Такой случай действительно был...

С т а л и н. Вам было — за несколько месяцев — указано на ненадежность полка, на его чуждый состав и необходимость расформировать этот полк?

Молчание.

Можете ли вы назвать такое отношение к директивам партийным отношением? Переход полка к белым повлек гибель комиссарского, партийного состава.

Молчание.

Не ясно ли, откуда исходит беспорядок, лень, отсутствие ответственности и — как следствие всего этого — поражение на фронте?..

Молчание.

(Секретарю.) Препроводите арестованного в Военный Трибунал.

Член Военного Совета *(вскочив)*. Вы не знаете, кем подписан мой мандат! *(Выхватывает мандат и кладет на стол.)*

Сталин *(не глядя на мандат)*. Не будет принято во внимание. *(Отбрасывает бумажку.)*

Член Военного Совета *(беря бумажку)*. Но я тогда сам обращусь к Зиновьеву!

Сталин. Вы ни к кому не обратитесь. Вы будете давать показания следователю — по делу о преступном отношении к своим служебным обязанностям, о пособничестве изменникам...

Член Военного Совета. Этого не было!

Сталин. Нет, это было... и вы объясните Трибуналу, почему вы и подобные вам «деятели» «не могут поручиться за судьбу Петрограда»...

Секретарь твердо, уверенно снимает с члена Военного Совета пояс с кобурой. Член Военного Совета стоит растерянно, без пояса, протирает пенсне.

(С коротким жестом.) Увести...

Секретарь выводит арестованного.

Следующего... Военного комиссара Петроградского округа.

Секретарь не откликнулся.

(Встает, подходит к двери.) Комиссара округа.

Входит комиссар округа, раздобревший, в коже, в ремнях, со значком. Он несколько встревожен. Он уже вспотел от волнения. Он видел, как был выведен член Военного Совета Армии.

Комиссар. По вашему вызову прибыл, товарищ уполномоченный Совета Обороны.

Входит секретарь.

Секретарь. Арестованного члена Военного Совета Армии отправил под конвоем в Трибунал.

Сталин *(кивнул и обратился к комиссару)*. Сообщите о численности войск округа и фронта.

Комиссар *(робея)*. На сегодняшний день на довольствии в частях округа, включая фронт... *(заглядывает в записную книжку)* числится сто девяносто две тысячи пятьсот двадцать девять человек и двадцать пять тысяч шестьдесят четыре лошади.

Сталин. Лошадей пока оставим... Займемся людьми и их деятельностью. Вы сообщили о числе едоков — меня интересует реальное число бойцов... Вы представляете себе ясно, что для обороны Петрограда первостепенное значение имеют действующие бойцы?

Комиссар молчит.

Я еще раз спрашиваю о числе бойцов.

Комиссар. Что-то около пятидесяти тысяч.

Сталин. Скажите, вы комиссар или «что-то около»? В функции комиссара входит знание дела, людей, фактов, обстоятельств.

Комиссар. Как-то из памяти вылетели цифровые данные...

Сталин. Как раз тогда, когда назрел кризис обороны Питера? Плохая, неделовая у вас память... Скажите, как у вас в Петроградском округе обстоит дело со всеобщим военным обучением?

Комиссар *(вытирая пот, заглядывает в записную книжку)*. Одну минутку... С апреля месяца привлечено восемьдесят тысяч двести десять лиц, подлежащих отбытию воинского обучения...

Сталин. Так. Привлечено к отбытию... и что же?

Комиссар. Но в силу ряда объективных причин обучение приостановлено.

Сталин. Какие это «объективные причины»?

Комиссар. Наступление белых.

Сталин. Значит, тогда, когда Красной Армии особо нужны обученные резервы, у вас обучение этих резервов «объективно» прекращено?

Комиссар. Мы думали...

Сталин. Что вы думали?

К о м и с с а р. Может быть, ежедневное военное обучение вызовет недовольство населения...

С т а л и н. Недовольство населения России вы действительно вызовете — тем, что не заботитесь об обороне Петрограда...

К о м и с с а р. Я не знаю...

С т а л и н. Вы должны *знать*... Продолжим, однако, беседу. Как ведется работа в уездах и волостях, среди крестьянства?

К о м и с с а р. Усилилось дезертирство...

С т а л и н. Что вы предприняли?

К о м и с с а р. Отпечатал обращение, провел также концерты-митинги.

С т а л и н. И что дальше?

К о м и с с а р. Произошли кулацкие восстания.

С т а л и н. Следовательно, в результате ваших обращений и концертов-митингов произошли восстания?.. Так надо понимать?

К о м и с с а р. Не совсем так... Я выразился не точно... Я хотел сказать...

С т а л и н *(не дослушав)*. Сами были на местах? Беседовали с крестьянским активом? Беседовали с призванными?

К о м и с с а р. Нет.

С т а л и н. Что мешало?

К о м и с с а р. Перегружен...

С т а л и н. Чем? Обращениями и концертами-митингами?..

Комиссар молчит.

(Секретарю.) Заготовите приказ о снятии комиссара.

С е к р е т а р ь. Есть. Прибыли товарищи из Чрезвычайной тройки Московско-Нарвского района, путиловцы.

С т а л и н. А, отлично... Просите. *(Бывшему комиссару.)* Не задерживаю больше. Будете привлечены к партийной ответственности.

Бывший комиссар уходит. В ту же минуту входят т р о е п у т и л о в ц е в. Сталин шагнул им навстречу.

Здравствуйте, здравствуйте, товарищи... А мы знакомы, товарищ Потапов, вспоминаете?

П о т а п о в. Ну, как же, товарищ Сталин, и Сибирь, ссылку помню, и как встречались на шестом съезде партии. *(Указывая на Иванченкова)*. Делегат от Московско-Нарвского района...

С т а л и н. Помню и вас, помню, товарищ...

И в а н ч е н к о в. Иванченков...

С т а л и н. Иванченков, делегат Второго Всероссийского съезда Советов.

И в а н ч е н к о в. Запомнили, товарищ Сталин...

С т а л и н. Дельные выступления имею привычку запоминать.

П о т а п о в *(указывая на Данилову)*. А это товарищ Данилова. В тысяча девятьсот семнадцатом была секретным курьером Ленина.

С т а л и н. Помню... *(Здоровается с Даниловой)*.

И в а н ч е н к о в. Накопилось, товарищ Сталин!.. Поэтому и потревожили вас...

С т а л и н. Накопилось?.. Это вы писали товарищу Ленину о безобразиях в системе обороны Питера?

Д а н и л о в а. Мы писали.

С т а л и н. Присаживайтесь, друзья.

П о т а п о в. Люди мы штатские, но поговорить хотим о делах военных. Работаем в Чрезвычайной тройке, и видеть, и слышать по обороне много приходится. Писали Владимиру Ильичу. Теперь с вами хотели бы поделиться... Не нравится нам многое: зачем эвакуируют Петроград?

С т а л и н. Владимир Ильич дал телеграфное указание об отмене эвакуации.

П о т а п о в. Владимир Ильич дал указание, а другие уже действуют в обход. Создана техническая комиссия по парализации промышленности и транспорта Петрограда.

С т а л и н. Комиссия по парализации?

П о т а п о в. Да... И инструкцию отпечатали. Дескать, в условиях маневренной гражданской войны противник может — *может*, обратите внимание! — овладеть той или иной местностью Советской России, — понимай, и Петроградом... Возможность чего и требует-де подготовить промышленность и транспорт Петрограда к быстрой парализации, дабы белые не смогли ими вос-

пользоваться, а мы — при возвращении — быстро бы могли все наладить...

Сталин. Придумано хитро.

Иванченков. И уже действуют. К парализации уже подготовлено двести сорок шесть предприятий. Все по группам: А, Б, В. Аккуратненько посадят нас на мель...

Данилова *(протягивая бумагу)*. А мы на мель не хотим! Вот мнение Путиловского, Ижорского и других заводов, принято на собраниях: «Всякую эвакуацию прекратить, дабы не вводить дезорганизации в среду рабочего класса, а также в работу по выпуску военной продукции». Правильно, товарищ Сталин?

Сталин. Мы парализуем эту комиссию по парализации.

Потапов. Свернуть им шею... Мы напрягаем все силы, даем боевую технику, а нам предлагают бросить город? Сдачу готовят. Кто разрешил им? Нас спросили?.. ЦК точно пишет: «Питера не сдавать». *(Указывает на выпутое обращение ЦК.)*

Иванченков. А почему штаб Седьмой армии переехал в Новгород? Питер обороняется, в Питере и будьте...

Сталин. Правильно.

Потапов. Я еще добавлю. Что же это за оборона получается? Вот из Петроградского комитета обороны, где председателем Зиновьев: «Возможен десант на Васильевский остров... При вынужденном отходе обороняющимся частям отходить по Николаевскому и Дворцовому мостам». Это не оборона, товарищ Сталин, это похуже... Десант на Васильевский остров?.. А где же тогда Балтийский флот и Кронштадт? На что их держим? Сыновей туда дали... И почему это надо настраивать население на «отход по мостам»?.. Мы в Октябре наступали по этим мостам...

Сталин. И хорошо наступали...

Иванченков. Еще не все, товарищ Сталин. Я — снова об эвакуации. Я бы эвакуировал из Питера всю контрреволюционную буржуазию... Она действует, выжидает, шпионит... Городской водопровод хотели взорвать. Вот это был бы паралич... И еще, из личных

наблюдений: почему иностранные машины с флажками ездят повсюду и наблюдают все наши оборонные работы?.. Зачем иностранцам дана такая свобода в осажденном городе?

Данилова. Разрешите и мне добавить? Чувствуется рука врагов... С чего неудачи в мае начались, товарищ Сталин? Измена на ряде участков.

Сталин. Расследование идет. Виновные понесут наказание.

Данилова. И еще хотела бы сказать, товарищ Сталин. Не думайте, что о себе хлопочем: мол, наш, особенный Петроград. За коммунизм бьемся, за него сердце болит...

Иванченков. Ты товарища Сталина не агитируй...

Сталин. Не нужно прерывать... Каждый трудящийся должен иметь право свободно высказать свои мысли, свои соображения... *(Думая вслух.)* Со временем это правило будет, полагаю, наряду с другими внесено в Конституцию нашей страны... Продолжайте, пожалуйста, товарищ Данилова.

Данилова. Спасибо... Вот я хочу сказать, как мы жили... В поте работает человек, а его оскорбляют, считают за раба, существо без души. Если он недоволен — избивают, гноят его в тюрьмах, стреляют в него... А женская доля какая была!.. Вспомнить страшно... А теперь лезут англичане. Нет, хватит, господа хорошие!.. Теперь мы к свету вышли и прав своих не уступим, не отдадим... Святое дело затоптать хотят, Россию опять в грязь?.. Нет, немыслимо, назад возврата не будет... Не пойдет русский народ обратно: во тьму, во мрак, к городовым, к кабале, к нищенству и сиротству... Страшно и подумать об этом, товарищ Сталин...

Сталин. Вы правы, товарищ Данилова... *(Пауза.)* Не сомневаюсь ни на минуту в силах рабочего класса, всего трудового народа. Все препятствия одолеем, и какие бы враги ни встретились на пути, — мы одержим верх...

Потапов. Надежда на вас, товарищ Сталин, озаботьтесь о городе, о защите... Что заводу передать?

Сталин. Поделюсь своими соображениями. Силы у нас достаточные, безусловно. Надо их лишь правильно использовать. Что у врагов? Из всех наблюдений и проверок ясно одно: действиями врагов руководит какая-то группа, некий «центр», вдохновляемый из-за границы. Какая перед нами задача? Раскрыть этот «центр» и раздавить. Сумеем ли мы это сделать и этим защитить Петроград? Полагаю, что питерский рабочий класс сумеет это сделать. Можете не сомневаться в том, что пассивная, отступательная, пораженческая практика будет пресечена. Благодарю вас за полезную беседу. *(Жмет руки делегатам.)*

Потапов. Вам спасибо — за прием, за беседу, за ясные слова.

Сталин. Было бы полезно, чтобы вы, ваша группа, побывали на фронте и в Кронштадте, побеседовали бы с бойцами. Понаблюдали бы. Этим вы поможете делу.

Потапов. Будет выполнено, товарищ Сталин.

Входит секретарь.

Секретарь. Вызванный вами начальник артиллерии Кронштадта Буткевич прибыл.

Сталин дружески прощается с путиловцами. Входит Буткевич — плотный, пожилой, с моржовыми усами, бывший офицер. Сталин кивком указывает ему место. Секретарь уходит.

Сталин. Доложите об обстановке на фортах.

Буткевич. Слушаюсь... Как раз захватил все необходимые документы. Вот копия последнего рапорта комиссара Кронштадтской морской базы, поданная Петроградскому Комитету Обороны... Здесь излагаются результаты обследования всех фортов.

Сталин. Каковы же эти результаты?

Буткевич. Вот, например, о Красной Горке... «Охрана на должной высоте, техническая часть в полной исправности». Двенадцатидюймовая батарея, десятидюймовые батареи меньшего калибра, электростанция, радиостанция и прочее... Сплошной круговой оборонительный пояс. «Артиллерийский огонь может быть открыт по истечении десяти минут, а дежурной бата-

рсей в любую минуту»... «Настроение как комсостава, так и команды вполне удовлетворительное. На Красную Горку можно положиться, как на вполне надежную опору. Признаков, наталкивающих на подозрение в измене, не наблюдалось нигде»...

Сталин. Это выводы комиссии. А ваши личные?

Буткевич. Я только технический специалист. В функции политические не разрешаю себе углубляться.

Сталин. Отвечайте прямо.

Буткевич. Присоединяюсь к выводам комиссии... Полагаюсь на ее авторитет.

Сталин. А как вы объясните три попытки взрыва Красной Горки?

Буткевич. А-а... об этом... Слушаюсь. Велось следствие. Установлена одна попытка дать ток в минный кабель, затем попытка злоумышленников пробраться к минному погребу и, наконец, третий случай — удар молнии в погреба десятидюймовой батареи и одной шестидюймовой. Погреба взорвались...

Сталин. Громоотводы «случайно» отказали... Как вы расцениваете такое накопление «случаев»?

Буткевич. Я, право, не знаю... Несомненно, тут есть злой умысел... Мы оговорили это в одном параграфе.

Сталин. Ага, «оговорили»? Итак, в одних параграфах виновата природа, в других — «злоумышленники»?.. В политике такая двойная бухгалтерия к добру не приводит, а мы занимаемся именно политикой — политикой России. Имеете что-либо сообщить еще?

Буткевич. В основном я доложил все...

Сталин. На этом пока закончим. Сообщение ваше не может считаться удовлетворительным.

Буткевич кланяется, уходит. Вошел секретарь, вручил товарищу Сталину сводку и сказал: «Неблагоприятные сведения». Сталин прочел сводку, задумался глубоко... Медленно заходил по вагону.

Сталин *(делая телефонный вызов)*. Военный Совет Балтийского флота. Товарищ Воронов? Говорит Сталин. Здравствуйте .. Читали сводку? Да... Авангарды белых в семи-восьми километрах от Красной Горки. Балтфлот

приведите в немедленную готовность. Проследите сами за положением на фортах. Там не все благополучно с кадрами. Неудовлетворительное впечатление о начальнике артиллерии. Не внушает доверия. Обращение ЦК о Петрограде доведите до масс. Петроград сдан не будет... Что? Пытаются прорваться, напугать... Никогда, никому не удавалось испугать большевиков — и не удастся, какие бы комбинации они там ни придумывали. А вот мы их действительно заставим испугаться. *(Пристукнул рукой по столу.)*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В ШТАБЕ РОДЗЯНКО

Штаб командующего белой Северо-западной армией генерал-майора Родзянко. Дом в одном из имений Петроградской губернии. Ковры, старинное оружие и портреты. На охране стоят два конвойца личной сотни генерала. Они в кубанках, башлыках, наброшенных на плечи, гимнастерках с нарукавными черными нашивками: череп и скрещенные кости; у пояса кинжалы, револьверы, шашки. Старший из конвойцев — в галифе, обшитых кожей, и высоких охотничьих сапогах. Вид — явно нерегулярный.

Конвоец. Два месяца, третий жалованья не дают — армия, служба... Знал бы...

Старший конвоец. В Питере дадут николаевскими, и от англичан премия фунтами.

Конвоец. У них на вес дают? Фунтами? Вот здорово! А сколько до Питера осталось?

Старший конвоец. Генерал идет смело... семьдесят пять верст осталось. На несколько дней работы. В Питере хозяевами будем: там чего хочешь напечатают — и николаевских, и керенок...

Конвоец. Говорят, и свои печатать будут, «родзянки». С орлами...

Старший конвоец. Не болтай много, генерал услышит, беда будет... Отвечай еще за тебя.

Конвоец *(озираясь)*. А большевики, говорят, клятву дали: «Помрем — в Питер не пустим». Ох, резня будет... И чего нас сюда понесло, дядя Иван?

Старший конвоец. Боиться? А я на всю жизнь от страху излечился. Мне хоть в ад, хоть сам дьявол.

Конвоец. Ну? А как излечился?

Старший конвоец. Излечился. Стакан человеческой крови выпил без закуски — и все сняло.

Конвоец. Действует? А чью кровь-то пил?

Старший конвоец. Пил, послал господь... А твое какое дело, чью? Чего-то ты сегодня разболтался, парень?

Конвоец. Не, я молчу, дядя Иван.

Старший конвоец. Кому дядя Иван, а тебе господин унтер-офицер Жабоедов.

Конвоец. Виноват...

Молчание. В кабинет входит генерал Родзянко. Потирает руки, смотрит на конвойцев, на стол.

Родзянко. Так, так, идем, идем... *(В дверь.)* Попросите ко мне начальника штаба!

За дверью: «Полковника Зейдлица к командующему! Полковника Зейдлица!» Торопясь, входит Зейдлиц.

Садитесь, Зейдлиц. Докладывайте, что там у вас подготовлено по Петербургу.

Зейдлиц *(с немецким акцентом)*. Приказ по Петрограду, то есть по Петербургу, номер первый. Следует дата: некоего июня тысяча девятьсот девятнадцатого года. «Приказывается: Первое. Каждый должен немедленно заявить коменданту города о всяком известном ему коммунисте или комиссаре, равно о советском служащем, живущем в городе».

Родзянко. Так.

Зейдлиц. «Второе. Всем домовладельцам немедленно дать сведения о всех коммунистах и комиссарах».

Родзянко. И неблагонадежных элементах.

Зейдлиц. «И неблагонадежных элементах, проживающих в доме. Третье. Всякий, знающий какой-либо советский склад и оставленное советское имущество, должен заявить об этом коменданту или сдать на сборный пункт»... Укажем адрес. Может быть, Гостиный

двор... «Четвертое. При проходе войск никому окон не открывать и у окон не стоять... Пятое. Всякое оружие, холодное и огнестрельное, сдать в двадцатичетырехчасовой срок. За несдачу расстрел владельца оружия».

Р о д з я н к о. И ответственного за дом лица.

З е й д л и ц. Записал. «Шестое. Движение по Петрограду разрешается до...»

Р о д з я н к о. Пяти часов вечера. Дальше.

З е й д л и ц. «Седьмое. Всему населению обменять советские удостоверения у коменданта города»...

Р о д з я н к о. Устроите давку и очереди. У районных комендантов.

З е й д л и ц. Ваше превосходительство, неудобно оставлять советские районы, лучше восстановить старые участки.

Р о д з я н к о. Согласен. Быть по сему.

З е й д л и ц. Как приятно звучат эти старинные понятия и слова! Заново воскресаем, ваше превосходительство!.. «Восьмое. Восстанавливается свободная частная торговля всеми товарами и продуктами».

Р о д з я н к о. Откроются Пассаж, Елисеев, Бурэ...

З е й д л и ц. «Девятое. Восстанавливаются все прежние названия улиц, площадей, зданий и прочее, согласно наименованиям, бывшим до большевистского переворота».

Р о д з я н к о. «Десятое. За нарушение какого-либо из этих пунктов — смертная казнь через повешение».

З е й д л и ц. Я добавил бы, так сказать, несколько бодрых перспектив для населения.

Р о д з я н к о. «Одиннадцатое. Благонадежной части населения можно продолжать свою работу»... гм... «в ожидании прибывающего в ближайшем будущем для него продовольствия».

З е й д л и ц. А оно будет?

Р о д з я н к о. Англичане обещали.

З е й д л и ц. О подписи. Как разрешите именовать вас, ваше превосходительство?

Р о д з я н к о. Обыкновенно.

З е й д л и ц. Ваше превосходительство!.. Сам на-

род найдет формулу необыкновенную, достойную... И союзники поддержат. Надо полагать, вы будете Верховным правителем России...

Р о д з я н к о. Гм... Спасибо, Зейдлиц. Не забуду ваших услуг. Отпечатайте несколько десятков тысяч экземпляров этого приказа. Надо его заслать в Петербург, в нашу сеть. Дату поставим в нужный момент. Писарей подготовить для этого. Идите. Благодарю.

Зейдлиц уходит.

(Конвойцам.) Ну, молодцы, скоро и в Питере?..

С т а р ш и й к о н в о е ц *(рявкает)*. Так точно, ваше превосходительство!

Вбегает З е й д л и ц.

З е й д л и ц. Ваше превосходительство! Победа, радиограмма. Красная Горка восстала и примкнула к нам.

Р о д з я н к о. Дайте. *(Читает радиограмму)*. Это Неклюдов. Прекрасно, Зейдлиц, мы на пороге столицы России. Еще шаг — и мы там. Зейдлиц, поздравьте Неклюдова... что бы ему дать?

З е й д л и ц. Орден святого Георгия...

Р о д з я н к о. Неклюдов поручик? *(Думает.)* Надо произвести в полковники... Человек открыл ворота Петербурга, это чего-то стоит.

З е й д л и ц. Он слишком молод.

Р о д з я н к о. Это не помеха. Да, и сейчас же пишите — прямо Кронштадту — надо не терять ни минуты. Пишите: «Кронштадт. Наша армия на пороге Петрограда. За нами идет эскадра с десантом. На фронтах сдаются без боя. Красная Горка с нами. Не губите своих жизней и приготовьтесь к сдаче». Поймут?

З е й д л и ц. Полагаю, поймут.

Р о д з я н к о. Зейдлиц, нужно как можно скорее двинуть наши авангарды на соединение с Красной Горкой. Покажите, где сейчас передовые части?

З е й д л и ц *(развернув карту)*. В семи-восьми километрах от форта стоит Островский полк. В резерве — Ингерманландский полк, из финских добровольцев.

Р о д з я н к о. Двигайте их. Английская эскадра, наша армия, финские добровольцы — все шире антибольшевистская коалиция. Это подействует на советских.

З е й д л и ц. Предупредить считаю долгом, что на берегу наши части могут попасть под губительный огонь Красного Балтфлота.

Р о д з я н к о. Зейдлиц, об этом Красном флоте мы уже подумали. Обеспечена его пассивность, парализация. Советский главком дал приказ превратить боевые корабли в плавающие батареи. Они — в лучшем случае — будут ползать на буксирах недалеко от Кронштадта. Зейдлиц, приводите в исполнение план.

З е й д л и ц. Я все же опасаюсь, ваше превосходительство...

Р о д з я н к о. Довольно опасений! Мы осуществляем — и с успехом — огромный план. Он одобрен Черчиллем — военным министром Англии. Ко мне должен прибыть его представитель капитан второго ранга Эгар для личного контакта и согласования действий. Англичане прислали эскадру адмирала Коуэна.

З е й д л и ц. Да, у Биоркэ видны дымы их кораблей.

Р о д з я н к о. Это не случайность. Это — реальные силы для выполнения плана. Если мы владеем сегодня берегом, Красной Горкой, а завтра — Кронштадтом, и с нами английская эскадра, — то...

З е й д л и ц. То все же мы можем натолкнуться на сопротивление. У большевиков резервы, в Петрограде до восьмидесяти тысяч штыков.

Р о д з я н к о. Подумали и об этом, Зейдлиц. Обучение этих резервов остановлено. Нашли одного слабоголового комиссара, обработали. Меньше сомнений, никаких сомнений, Зейдлиц! Ведь вы написали приказ номер один по Петербургу?

З е й д л и ц. Так точно, я.

Р о д з я н к о. Значит, верите, что Петербург будет наш?

З е й д л и ц. Надо полагать, ваше превосходительство, но...

Р о д з я н к о. Опять «но»?

З е й д л и ц. Я опасаюсь техники красных. Петербургская промышленность...

Р о д з я н к о. Подумали и о ней, Зейдлиц. Она уже парализуется.

З е й д л и ц. О, тогда... Но чрезвычайные меры обороны, прибытие Сталина...

Р о д з я н к о. Будут приняты меры противодействия.

З е й д л и ц. Я, ваше превосходительство, воспитан на правилах штабного учета, осторожности и осмотрительности.

Р о д з я н к о. Больше веры и огня, Зейдлиц! Операция начата и идет отлично... С нами англосаксонские союзники. Они одели нашу армию, накормили, дали оружие. Это крупное вложение средств, а англичане капиталовложений даром не делают. Черчилль практичен и дальновиден. У него огромный военный опыт. Он карал восставших индусов — и они были поставлены на колени. Он наводил порядки на Кубе — и мятежники были брошены на колени. Он ломал буров — и они тоже стали на колени. Он — сторонник решительных операций. Он нам в масть... Успех будет на нашей стороне.

З е й д л и ц. Дай бог!..

Р о д з я н к о. Наконец, наши десять тысяч в подполье Петербурга. Они ждут часа... Внезапное выступление, молниеносный удар по узловым пунктам города, ликвидация красных — их списки заготовлены — и вы понимаете, что мы — победители? Зейдлиц, хватит предостережений и опасений! Докладывайте об удачах, успехах.

З е й д л и ц. Слушаюсь. Есть одна добрая весть. Был налет наших партизан. Они взяли ночью командира третьей бригады девятнадцатой советской стрелковой дивизии. Бывший генерал Николаев.

Р о д з я н к о. Давайте его сюда! *(Конвойцу.)* Жабоедов, приведи его, но смотри — не трогать!..

С т а р ш и й к о н в о е ц. Так точно, ваше превосходительство. Обойтись аккуратно. *(Быстро уходит.)*

Родзянко. Значит, мы наступаем...
Зейдлиц. Так точно, сегодня наступаем...
Родзянко. И завтра будем наступать!
Зейдлиц. Я доложил реальную обстановку.

Конвоец вводит пленного. Это сухощавый загорелый человек лет пятидесяти пяти; открытое красивое лицо, седые усы и бородка клинышком. Опрятно одет.

Родзянко. А-а... вот... Вы стоите перед командующим вооруженными силами северо-запада России генерал-майором Родзянко.

Командир бригады. Я такого не знаю. Я помню, что в старой армии был подполковник Родзянко, который в начале восемнадцатого года дезертировал из части и отсиживался где-то в имении под Ригой.

Родзянко. Отказываетесь признавать?

Командир бригады. Я признаю Второй Всероссийский съезд Советов; я признаю законное, избранное народом правительство — Совет Народных Комиссаров; я признаю главу его, Ленина, российского гражданина, окончившего Петербургский университет, юриста, автора исторических и социально-экономических трудов...

Родзянко. Что — сам из этой проклятой породы очкастых интеллигентов? Хватит о Ленине. Что же, ты не знаешь, что в России есть верховный правитель адмирал Колчак?

Командир бригады. Я не признаю дважды дезертиров: бывшего адмирала Колчака, бывшего генерал-лейтенанта Деникина, бывшего генерала Карла Маннергейма, бывшего военного чиновника Семена Петлюру и других...

Родзянко. Дважды дезертиров?! С ума сошел!

Командир бригады. В здравом уме и твердой памяти. Они — все эти колчаки — сбежали из старой армии и старого флота. Раз. Они затем не явились по призыву советского правительства в военкоматы, когда была объявлена офицерская мобилизация. Два...

Родзянко. А ты явился?

Командир бригады. По зову Родины, во имя России, нашей, народной, встал в ряды Красной Армии. А ты из Риги побежал к англичанам, Колчак — к американцам... Конеечники, перебежчики, предатели России.

Родзянко. Замолчать!!

Командир бригады. Почему молчать? Разговор начат... *(Приблизился к Родзянко.)*

Конвойцы настороже.

Протестую против подлых действий — меня взяли обманом... Вы переодели красноармейцами своих бандитов...

Родзянко. Разговор кончен. Либо вымолишь службой у нас прощение, либо...

Командир бригады. Таких «либо» для советского гражданина не бывает. До конца служу народу и советской власти.

Родзянко. Жабоедов, взять! Подвесь на ближайшем суку.

Старший конвоец. Слушаю, ваше превосходительство! *(Грубо вытаскивает пленного из комнаты.)*

Командир бригады *(в дверях)*. И запомни ты, дезертир, английская шлюха! Петрограда вам, как своих ушей, не видать.

Входит адъютант.

Адъютант. Ваше превосходительство, делегация городских и земских деятелей просит принять ее.

Родзянко. Делегация? Земских деятелей? Что за керенщина? Кто пустил эту сволочь? И в такую минуту, когда решается главное...

Адъютант. Там предводитель дворянства и еще ряд приличных господ.

Входит делегация так называемых общественных деятелей.

Первый делегат. Ваше превосходительство, позволяем себе обратиться к вам от имени здоровых

общественных слоев, принести сердечные поздравления по поводу побед доблестной армии, руководимой...

Родзянко. Да, идем вперед. Но к делу, к делу, господа! У меня идут важные операции. Решается судьба Петрограда, России.

Второй делегат. Ваше превосходительство... Фонарные столбы, увешанные людьми, обыски, аресты, вымогательства, приказы, восстанавливающие помещиков, расстрелы, тюрьмы, переполненные бог весть за что сидящими людьми, полное упразднение юстиции — все это тревожит нас...

Родзянко. Мм... Меня это тоже беспокоит. Я сторонник высокой юстиции. Передайте это населению. Я сделаю все, чтобы юстиция была восстановлена в России в полном объеме.

Первый делегат. А как, ваше превосходительство, насчет земли?

Родзянко. Я на стороне тех, кто работает на земле. Я и сам в известном роде от земли. И давно интересуюсь аграрным вопросом... Без справедливого решения аграрного вопроса в России вообще ничего не будет.

Голос из делегации. А как, отец родной, решаешь-то о земле?

Родзянко. Как решаю? Русский мужик здоров душой и телом, и он давно уже думает о земле. Надо считаться с этим.

Голос из делегации. Правильно, батюшка, правильно...

Родзянко. Но торопиться обидеть тех, кто владеет землей, обидеть грубым насилием, захватом мы не можем. Это противоречит нашей совести, христианской морали.

Голос из делегации. О земле-то как решат?

Родзянко. Мм... решит будущее народное собрание... Наш долг — охранить его от опасностей вредной агитации и прочего и направить на здоровый путь... Исходя, конечно из принципов уважения к праву... Больше ничего не имею сообщить, господа. Крайне занят, чрезвычайно занят. На фронте — важнейшие события. Пришла английская эскадра. К нам присо-

единился форт Красная Горка, можно ожидать присоединения Кронштадта. Это решит дело — и мы будем в Петербурге.

Первый делегат *(неуверенно)*. Пожелаем, ваше превосходительство, успеха...

Делегация уходит.

Родзянко *(конвойцам)*. Идите, я буду занят.

Конвойцы уходят.

Пристали с землей!.. А этот тип смеет еще о повешенных! Эсер или меньшевик. Самого повесить надо. *(Пауза.)* Нет, этот Зейдлиц не по мне. Он «привык к осмотрительности», он опасается!.. Х-ха... Бухгалтер немецкий — считает каждый штык у большевиков... Резервы... Ничего, я собью их резервы! Наступать!

Слышны звуки марша.

(Вслушивается.) Да, да, наступать! Они меня поняли, музыканты... Полковника Вадбольского ко мне, затем Мешкова!

В кабинет входит полковник Вадбольский, рослый строевик.

Вадбольский. По вашему вызову явился, ваше превосходительство.

Родзянко. Прошу присаживаться, полковник. Вы помните наши долгие беседы о Петербурге?..

Вадбольский. Так точно.

Родзянко. Отправляйтесь туда... Вы свяжетесь с «Национальным центром». Сообщите им об обстановке. Детализировать не надо. Наступаем и уже в семидесяти верстах от города. Я приказываю, чтобы кадры в Петербурге были приведены в полную боевую готовность. В подходящий момент они должны выступить. Может быть, это будет связано с общим восстанием Кронштадта, может быть, с операциями английской эскадры, может быть, с появлением наших авангардов в предместьях города. А может быть, — между нами — выступление в Петербурге и поможет нам... Вы знаете, в чем дело?

В а д б о л ь с к и й. Так точно.

Р о д з я н к о. Поезжайте. Действуйте. Надо взорвать мосты на Николаевской железной дороге и на Северной, чтобы большевики не могли подвезти резервы... Особое внимание захвату ЧК, телефона, телеграфа... Ну, детали вы укажете им сами. Общее руководство выступлением — за вами. С богом, полковник.

Рукопожатие и троекратный поцелуй. Вадбольский уходит.

К а п е л ь м е й с т е р *(спешно входя)*. Зауряд-прапорщик Мешков по вашему приказанию явился, ваше превосходительство!

Р о д з я н к о. Здравствуй, Мешков.

К а п е л ь м е й с т е р. Здравия желаем, ваше превосходительство.

Р о д з я н к о. Ты, голубчик, что играл в семнадцатом году?

К а п е л ь м е й с т е р. Что требовалось, ваше превосходительство!

Р о д з я н к о. Что требовалось?.. Тоже, наверное, шлялся с красным бантом и дирижировал до пота «Марсельезой».

К а п е л ь м е й с т е р. Виноват, как приказывало начальство...

Р о д з я н к о. Ты этот случай из жизни выкинь навсегда. Опять придется играть... Гвардейские императорские марши помнишь?

К а п е л ь м е й с т е р. Так точно, ваше превосходительство. *(Начинает наигрывать на губах марши)*.

Р о д з я н к о *(вторя)*. Правильно...

К а п е л ь м е й с т е р. Понимаю, ваше превосходительство, на случай вступления в столицу. Уже репертую... Ваше превосходительство, дозвольте от искренней души: что исполнять в высшем торжественном случае?

Р о д з я н к о. А ты что, голубчик, забыл?

К а п е л ь м е й с т е р. Никак нет, ваше превосходительство. *(Запел «Боже, царя храни».)*

Р о д з я н к о. Ну иди, иди, голубчик... Репетируй... Или, как ты говоришь: репертуй. Ну, репертуй, репертуй!.. *(Родзянко остался один.)* Боже, царя

храни... *(Поглядел куда-то вверх.)* И не сохранил... Нехорошо, конфуз... Увезли в Екатеринбург, расстреляли и... А хорошо будет: «Пал Петербург. С утра в столицу России вступили части генерала Родзянко»...

Слышны звуки марша.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАГОВОРЩИКИ В КРОНШТАДТЕ

Служебный кабинет начальника артиллерии Кронштадта Буткевича. Тяжеловесность во всем убранстве: безвкусная бронза, большие вазы, красный бархат, картины, морские узоры, модели парусников.

Буткевич. Адъютант, вы сами говорили с Красной Горкой?

Адъютант. Так точно, товарищ начальник. Как только узнал о событии, кинулся к телефону, стал спрашивать.

Буткевич. И что же?

Адъютант. Ну, там ребята-телефонисты свои, узнали: «Привет, товарищ адъютант, у нас, говорят, полундра»...

Буткевич. Именно полундра.

Адъютант. Успели сообщить следующее: еще двенадцатого июня белые подошли на семь-восемь верст к форту. Партколлектив заметил подозрительность поведения коменданта Неклюдова и его свиты.

Буткевич. Свиты?

Адъютант. Так точно. У него на подбор: Гримм, Делль, Брунес, Арнольд...

Буткевич. Что вы хотите сказать?

Адъютант. Русские командиры из иностранных.

Буткевич. Пустяки. Продолжайте.

Адъютант. Партколлектив устроил собрание. Неклюдов туда послал своего холуя — денщика. Недавно втесался в партию... Обсудило собрание меры. Приняли правильное решение — сместить Неклюдова

и всех этих Гриммов-Арнольдов... Холуй доложил. Неклюдов ночью поднял роту пулеметчиков. Подобрана специально — кулацкое отродье... Неклюдов им и говорит: «Мы окружены белыми. Петроград, Кронштадт сдались, идет английская эскадра. Конец войне. Обезоруживать коммунистов!» — и началось... А пулеметчики там — любимчики Неклюдова. Они коммунистов и забрали.

Буткевич. Дальше!

Адъютант. Дальше шум в трубке, телефонистов взяли за горлянку... Я подул, подул в трубку, кто-то ответил: «Доболтаешься, красная рожа, до петли»...

Буткевич. А вы?

Адъютант. Я, конечно, ответил. Они помолчали, поперхнулись и трубку хлопнули. Разрыв дипломатических отношений.

Буткевич. Ну, идите.

Адъютант уходит.
Стук в дверь.

Да!

Входит начальник штаба Кронштадтской морской базы Александр Рыбалтовский.

Рыбалтовский. Точно в двадцать ноль-ноль, как вы просили. Добрый вечер, господин полковник.

Буткевич. Здравия желаю, господин капитан первого ранга.

Рыбалтовский. Ну-с, ваш первый шаг блестящ. Красная Горка — это просто пилюля! Поздравляю.

Буткевич *(замахав руками)*. Не говорите, не говорите, просто сглазите. Посмотрим еще, как пойдет...

Рыбалтовский. Пойдет отлично. Везде ошеломление и растерянность...

Буткевич. Не везде, не везде, Александр Аполлонович. Боюсь, что нас возьмут на подозрение.

Рыбалтовский. Не может быть!

Б у т к е в и ч. Может... Я был вызван к Сталину. Ну, пережил труднейшие минуты. Он заявил, что не удовлетворен моим докладом и что «двойная бухгалтерия в политике к добру не приводит»... Ну, а что у вас?

Р ы б а л т о в с к и й. Мне было приказано открыть огонь линейных кораблей по Красной Горке. Я приказал стрелять из гавани. Это безвредно — недолеты.

Звонок.

Б у т к е в и ч. Начальник штаба морской базы здесь, на совещании. Передаю трубку. Вас, товарищ Рыбалтовский, из Военного Совета.

Р ы б а л т о в с к и й. Слушаю... Так точно, товарищ член Военного Совета. Как? Линкоры вывести... *(Посмотрев на Буткевича.)* Кто приказал? Сталин? Есть. *(Вешает трубку.)* Да, видимо, начали проверять. Сталин. Теперь форт пострадает.

Б у т к е в и ч. Я говорил! Не везде растерянность, дорогой... Ага, забеспокоились, дорогой?..

Р ы б а л т о в с к и й. Весьма неприятное и неожиданное осложнение.

Входит а д ъ ю т а н т.

А д ъ ю т а н т. Просит разрешения войти уполномоченный Особого отдела товарищ Шибаев.

Б у т к е в и ч. Кто?

А д ъ ю т а н т. Уполномоченный Особого отдела Шибаев.

Б у т к е в и ч. Мы заняты.

Входит уполномоченный Особого отдела Балтфлота Ш и б а е в.

Ш и б а е в. Уполномоченный Особого отдела Балтийского флота военный моряк Шибаев.

Сухие полупоклоны.

Мне поручено расследование дела на Красной Горке. Имею некоторые вопросы.

Б у т к е в и ч. А я эти вопросы буду докладывать Военному Совету. С вами, молодой человек, у меня на

эту тему нет охоты беседовать. Можете быть свободным. У нас совещание.

Шибаев. Вынужден пока подчиниться. Побеседуем в другой раз. *(Уходит.)*

Буткевич. Видали?.. Уже ходят. Я продумал дела: я подам «центру» сигнал, что мы идем к опасности. Я не хочу напрасных жертв.

Рыбалтовский. Вы не хотите отвечать? Вы пятитесь в момент, когда решается все...

Буткевич. Нет, я предупреждаю. Вот, слышите — идут на подавление. По приказанию Сталина.

За окнами оркестр. Твердый шаг воинской части. Морской отряд направляется на фронт. Стук в дверь. Оба затихают.

Да.

Входит Дэкс, одетый матросом. Обмен приветствиями.

Наконец-то! Вас так долго не было.

Дэкс. Дела. Вот письмо от вашей супруги и дочери.

Буткевич. О, спасибо, спасибо!.. Они здоровы?

Дэкс. В цветущем состоянии обе... Дома выпили за ваше здоровье и успехи.

Буткевич *(задумавшись)*. А это, знаете, я ее приучил. Молодость, грехи... Началось с ликерной рюмочки.

Дэкс. Теперь она свободно оперирует стаканами. Сообщаю новости: британская эскадра в Биоркэ. Части генерала Родзянко в семи-восьми километрах от Красной Горки. Форт поднял мятеж и присоединился к белым. Ультиматум Кронштадту передан...

Буткевич. Несколько запоздалые сведения. Ультиматум уже послан товарищами ко всем чертям. Линейные корабли открыли огонь по форту. Двинуты морские отряды на подавление...

Дэкс. Поэтому я и прибыл сюда, господин полковник. «Национальный центр» приказывает поднимать, не медля, форты Кронштадта, парализовать огонь Балтийского флота, наносить удары один за другим.

Рыбалтовский. Пока парализовали мои приказы.

Б у т к е в и ч. Удары следуют стремительно, именно один за другим со стороны большевиков. Я уже сообщил об этом господину капитану первого ранга. *(Кивает на Рыбалтовского.)* По-моему, за нами начато наблюдение.

Д э к с. С этим надо считаться...

Б у т к е в и ч. Что дальше? Опасность подошла вплотную.

Д э к с. Что дальше? Следующий шаг «центра»: завтра в Петрограде будет собран весь командный состав нашей организации. Мы накануне выступления в Петрограде. *(Властно.)* От вас, господин полковник, ждут действий в Кронштадте. На меры Сталина отвечайте контрмерами.

Б у т к е в и ч. Да, да... Я только предупреждаю... По долгу службы, совести... Да, да. Скажите там, в Петербурге, что полковник Буткевич советует внимательно прислушаться к его сообщениям. Именно прислушаться... Да, вот и все, что я имею. А приказ будет выполнен точно, в срок. Немедленно... Я даю указание своей сети на форты. Начнем с «Обручева», там превосходные и абсолютно надежные мои люди. *(Берет трубку.)* Город? Дайте службу. Служба, дайте «Обручев». «Обручев», алло! Коменданта форта. Кто просит? Начальник артиллерии, быстрее. *(Пауза.)* Родион Николаевич, как существуете? Я, я, Буткевич... Здравия желаю. Загораете на летнем солнышке и смотрите на море... Завидую, завидую... Так вот в чем дело, комендант. Вы помните приказ номер ноль ноль тринадцать?.. Твердо помните?.. Я не ставлю под сомнение, я извещаю вас: приводите в действие. Да. Точно. Без изменений. Спасибо. Кончаю. *(Кладет трубку.)*

Д э к с. Что он ответил?

Б у т к е в и ч. «Обручев» начнет восстание. Это значит — Кронштадт примкнет к Красной Горке.

Д э к с. А к ним завтра примкнет Петроград. Прибыл из Лондона сам Эгар.

Звонок телефона.

Б у т к е в и ч *(берет трубку)*. Начальник артиллерии слушает. Да... Слушаю... Передавайте. *(Дэксу*

и Рыбалтовскому шопотом.) Петроград говорит. Да, это я, Леля... *(Собеседникам.)* Это дочь. Сообщение... Да, да... Да... *(Выслушав, внезапно схватывается за сердце и сползает на кресле.)*

Д э к с *(подхватывает трубку.)* Начальник артиллерии слушает. Не понял. Повторите, громко и не торопясь. Так, так... В Ораниенбаум — в штаб береговой группы войск направляется... Кто? Товарищ Сталин... Прибытие поезда завтра, четырнадцатого июня...

Перегляды.

Понял. Все... *(Вешает трубку.)*

Р ы б а л т о в с к и й. Прибывает сам?

Д э к с. Боюсь, не выйдет ли полковник из строя...

Б у т к е в и ч *(медленно поднимаясь)*. Это так неожиданно. Сам едет. Знаете, сердце... Но ничего, ничего, я опять в порядке...

Д э к с. Отлично. Пишите, я передам в Питере через нашу радиостанцию.

Б у т к е в и ч. Что вы хотите?

Д э к с *(диктует)*. «Красная Горка точка Дать завтра четырнадцатого июня в течение всего дня и вечера огонь по району вокзала Ораниенбаума».

Буткевич пишет.

Р ы б а л т о в с к и й. Почему только вокзала, а если где-нибудь в стороне?

Д э к с. Верно. «Вокзала и прилежащих кварталов». Подпись?

Б у т к е в и ч. Горка меня знает под шифром «Шестнадцатый».

Д э к с. «Шестнадцатый»... Будет передано к полуночи. Ну, под Петроградом сделаны первые ходы. Завтра ожидайте острой схватки.

ВТОРОЙ АКТ

КАРТИНА ПЯТАЯ

СОВЕЩАНИЕ В ОРАНИЕНБАУМЕ

Угловая комната первого этажа на даче в Ораниенбауме. Здесь железнодорожный штаб. Рядом шлюпочный канал, пристани и портовая железнодорожная ветка. Слышны гудки, сирены, команды, грохот работ у пристани, лязг буферов и сцеплений. Совещание старших начальников Балтийского флота и береговой группы войск. Собрано до тридцати человек. Раскрылась дверь. Входит товарищ Сталин. Командующий береговой группой: «Встать, смирно!» Сталин здоровается с командирами. Отчетливо звучит строевой ответ: «Здрасс...»

Сталин. Прошу садиться... *(Встав у стола.)* Совещание старших начальников Балтийского флота и береговой группы войск прошу считать открытым. Товарищи, раньше чем перейти к обсуждению оперативных дел, я хотел бы передать вам, представителям Балтийского флота и Петроградского фронта, привет от Владимира Ильича Ленина.

Все встают, аплодисменты.

Рассмотрим военную обстановку. Противник стремится к Петрограду. Все данные говорят за то, что силы противника на Петроградском фронте невелики. Но противник стремится добиться успеха не столько собственными силами, сколько силами агентуры в

нашем тылу... Существует достаточное количество обиженных бывших людей, буржуа и помещиков, которые ждали и ждут удобного момента для удара в тыл нашим войскам. Вот на эти силы и рассчитывают генерал-майор Родзянко и его покровители. Противник рассчитывал занять Красную Горку — ключ Кронштадта, поднять восстание на фортах, обстрелять Петроград и, объединив свое наступление с переполохом в нашем лагере, окружить и занять Питер — очаг пролетарской Революции. Расчеты противника частично оправдались. Это требует от нас быстрых и энергичных мер противодействия. Агентура врага, рассчитывающая на новые мероприятия, должна быть парализована и отведена в более «спокойные» места. Достаточные силы у нас есть. Несколько слов о Балтийском флоте. Нельзя не приветствовать, что Балтийский флот, считавшийся погибшим, возрождается самым действительным образом. Это признают не только друзья, но и противники. Англичане уже испытали удары Действующего отряда Балтийского флота — линейных кораблей и эсминцев в первую очередь. Из строя выведен ряд кораблей противника, и надо думать, это лишь начало. Отрадно, что балтийские матросы нашли себя, оживив в своих подвигах лучшие традиции русского революционного флота.

Считаю долгом сказать, что наличными силами мы можем отстоять Петроград от каких бы то ни было покушений... Наша задача — вернуть форт Красная Горка... Красная Армия под Петроградом должна победить.

Прошу товарищей высказываться: о состоянии частей, их настроении, об оперативных и политических соображениях, которые у вас сложились к данному моменту. Излагайте свои соображения возможно откровеннее и короче.

В о р о н о в. По старой традиции начнем с младших?

С т а л и н. Хорошо, пусть будет по старой традиции.

Перегляд командиров и начальников. Небольшая пауза.

Воронов. Что ж, командиры морских отрядов, вам начинать.

Командир 1-го экспедиционного отряда. Есть. Наш Первый экспедиционный отряд, товарищ Сталин, сформировался в течение одиннадцати часов. Проверял людей сам... В отряде восемьсот штыков. Все матросы специалисты: машинисты, турбинисты, электрики и прочие. По-этому случаю уже шептуны и разлагатели Кронштадта пустили слух: отряд ненадежный, полевого боя не знает. А мы поэтому немедленно деремся у Тамengонта. А как вы думаете, товарищи, если человек знает турбину, динамомашину, сам рабочий,— неужели ему не овладеть трехлинейкой и лопатой? И сообщаю, что на практике показали себя и уже опрокинули мятежников... Действительно, попали под обстрел. Некоторые разбежались... У них нижняя челюсть дребезжит. Таких я немедля убрал: позорить отряд не позволю. А общее мнение отряда — и партколлектива и всех военных моряков: разобьем мятежников, вообще врагов, капиталистов, как в песне.

Сталин. Что значит «как в песне»?

Командир 1-го экспедиционного отряда. «До основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем». Я кончил.

Сталин улыбнулся и подает знак следующему командиру.

Командир 2-го экспедиционного отряда. Второй экспедиционный морской отряд... Когда мы получили этот ультиматум Красной Горки, прочли на общем собрании,— поднялись все, шумят: «Еще каждая, извините, белая сволочь революционному Кронштадту будет ультиматум посылать?! А карман шире держать не хочешь?.. Брать мятежников цап-царап, за горло — и на дно! Смерть капиталу, да здравствует советская власть!» Да... Отряд уже действует. Помощника моего убило — военный моряк Левачов был,— во главе второй роты... Взял окопы... Вечная ему память... Товарищ Сталин! Моряки были борцами за власть крестьян и рабочих — и останутся

честные и терпеливые и докажут... Ждем только приказа.

Сталин делает знак следующему командиру.

Командир Петроградского морского отряда. Добавить от Петроградского морского отряда ничего не могу. Все сказано. (*Садится.*)

Внезапное падение тяжелого снаряда поблизости. Шуршат осколки. Звон стекол. Чья-то реплика: «Направление с Красной Горки...» Пауза.

Сталин. Будем продолжать... Надеюсь, что у мятежников тут нет корректировщиков. Хотя гарантии нет... Итак, кто следующий? Корабли Действующего отряда Балтфлота. Эсминцы, начинайте.

Комиссар эсминца «Гавриил». Я с эсминца «Гавриил». Товарищ Сталин правильно отметил про дух балтийских матросов. Четвертого июня мы вышли к Копорскому заливу — линкор «Петропавловск», «Азард» и мы. Отогнали три английских эсминца. Идем... В семнадцать часов тридцать семь минут смотрим — две торпеды по нашему эсминцу... Боевая тревога! И из воды рубка английской подводной лодки — в пяти кабельтовых, пятистах саженях — Комендор Богов по ней ныряющим. Огромный столб черного цвета так и взвился... Готова лодка, будь здоров! Водоворот сильный — и с огромной силой выходит из затонувшей лодки воздух, пена так и бурлила. Да, еще хочу добавить. В команде разговоры: среди начальства есть такие, которые спят и во сне видят возвращение своего старинного друга — старого режима... Просьба обратить внимание на проверку этого дела. «Гавриил» к выходу в море готов.

Вдали, глуше, чем в первый раз, грохот снаряда. Чья-то реплика: «В сторону вокзала бьют». Сталин смотрит на следующего.

Комиссар линкора «Андрей Первозванный». Линкор «Андрей Первозванный» в непрерывной готовности. Команда раздражена об-

стрелом с Красной Горки. Надо разгромить так, чтобы не горка была, а блин. Просим разрешения.

Сталин смотрит на следующего командира.

Сталин. Слово имеет командир линейного корабля «Петропавловск».

Снова глухой разрыв. Реплика: «Да, по вокзалу».

Командир линкора «Петропавловск». Я начал бы с претензий.

Сталин. Говорите, товарищ командир, какие и к кому претензии. Говорите то, что думаете.

Командир. Передаю свое мнение и команды линкора «Петропавловск». Мы не хотим, чтобы наш линкор превращали в «плавающую батарею». А такое решение нам стало известно. Директива главкома была... Пора бы знать, что мы — русские линейные корабли... Таскать нас буксирным способом?! Я командир корабля первого ранга, служил в старом флоте, и не первый год. Я не сплавщик плотов на буксире... Очевидно, хотят повести линкоры малым ходом — на буксирах — в качестве мишени для англичан или Красной Горки?..

Сталин. Эта так называемая «директива» отменена.

Командир. Приношу вам, товарищ Сталин, благодарность от имени линейных кораблей. Мы в часовой готовности и готовы к морскому бою и бою с берегом. Флот существует для боя... В этом смысл нашей службы, жизни. Мы готовы к встрече с любым противником, включая и эскадру английского адмирала Коуэна. Я особо ценю сказанные здесь слова о русской морской традиции. Она жива. Я кончил.

Сталин. От частей армии, от ударной группы?

Встает командир, молодой краснознаменец.

Командир стрелкового полка. Четвертый стрелковый полк трехбатальонного состава, с пулеметной командой и командой конных разведчиков. Всего тысяча пятьсот штыков. Обмундированием

и продовольствием обеспечены. Партколлектив сто человек. Общее собрание проведено. К бою готовы. Резолюцию прилагаю.

Еще один глухой разрыв.

Сталин. Кто следующий?

Командир броневого отряда. Бронемашины отряда к бою изготовлены. Горючее на неделю операции получено...

Реплика: «Ты что — неделю возиться хочешь?»

Командир броневого отряда. Нет, я хочу неделю гнать беляков, прижать к эстонской границе и искупать в Нарове. Понятно?

Сталин. Вот — правильный ответ. Следующий?

Командир бронепоезда № 52. Бронепоезд номер пятьдесят два Сормовский — к наступлению готов. Все приемки закончены.

Сталин. Летчики...

Летчик. Ораниенбаумский воздушный дивизион изготовлен. Вся материальная часть в порядке, опробована. Можем взять полный запас бомб и металлических стрел. И если надо, листовок. Личный состав ждет боевого приказа. И просили передать вам, товарищ Сталин, спасибо за отмену эвакуации... Если бы эвакуация, мы бы остались без материальной части. Петроградский авиазавод все-таки нужное количество новых самолетов дает.

Сталин. Производство самолетов еще будем увеличивать. Авиация — государственно важное дело. Итак, осталось выслушать начальника артиллерии и начальника штаба Кронштадтской базы. *(Воронову.)* Затем вы.

Воронов. Есть.

Буткевич. Двадцать пятого мая сего года я ознакомился с рапортом комиссии, обследовавшей Красную Горку. *(Читает.)* «Охрана форта на должной высоте, техническая часть в полной исправности, огонь может быть открыт в десять — пятнадцать минут»...

Сталин. Против кого, это вас не заинтересовало?

Буткевич. В комиссии были партийные товарищи, я положился на их авторитет.

Сталин. Мы проверим этих партийных товарищей, обстоятельно проверим.

Буткевич. Они же писали: «Настроение форта вполне удовлетворительное. Крепость на форт может положиться, как на вполне надежную опору. Признаков, наталкивающих на подозрения, не наблюдалось нигде». Я прислушивался и также полагался на форт.

Сталин. Самооправданием заниматься поздно. Надо задавить измену.

Буткевич. Да, но положено пятно на честных специалистов.

Сталин. Чем реально сейчас можете помочь?

Буткевич. Мы мобилизовали все силы...

Сталин. Какие же?

Буткевич. Я отдал два кронштадтских крепостных полка.

Сталин. Которые целиком перешли к белым...

Буткевич. Плохая воспитательная работа, плохой контроль. Я докладывал Военному Совету...

Сталин. Чем можете помочь сейчас?

Буткевич. Так сразу очень трудно ответить.

Сталин. Ну, а все-таки?

Буткевич. Форты Кронштадта не рассчитаны на обстрел Красной Горки.

Сталин. Значит, ничем не можете помочь?

Буткевич. Я начал расчеты для форта «Риф»...

Сталин. Нам нужны не теоретические расчеты, а дело, практика. Вы слушали, как выступали товарищи?

Буткевич. Я представлю расчеты...

Сталин. Неконкретные, пустые предложения. Послушаем начальника штаба Кронштадтской базы.

Рыбалтовский. Я внимательно слушал выступления товарищей, особенно с кораблей. И должен сделать некоторые выводы. Теоретические, научные

положения, утвердившиеся во всех флотах мира — подчеркиваю это,— осуждают атаку приморских крепостей флотом. За последние пятьдесят пять лет не было ни одного примера удачных атак. А прошло много войн: итало-австрийская, франко-прусская, русско-турецкая, испано-американская, японо-китайская, русско-японская, наконец — мировая война... Все они показали безуспешность операций кораблей против берега. Последний пример — провал атаки британским флотом фортов Дарданелл...

Красная Горка — очень сильный форт, крепость. Наши корабли просматриваются и с финского берега. Противник видит даже разводку паров. Далее. Весь район действий наших линкоров простреливается с финского берега. Посылая линкоры против Красной Горки, мы ставим их между двух огней: и с Красной Горки, и с финского берега... Это не все... Научный анализ должен быть полным. Противник на путях наших линкоров держит свои подводные лодки. Вы слышали сообщение об этом...

Голос. Да, одну английскую лодочку отправили на дно лихо.

Рыбалтовский. Я считаю, что предложения о посыле линейных кораблей и крейсера «Олег» с научной военно-морской точки зрения неприемлемы. Более того — опасны... Эти пылкие антинаучные предложения могут обречь Балтийский флот на гибель. Считаю своим служебным долгом поставить совещание, равно и Советское правительство в известность об этом. Добавлю, что интенсивный огонь приведет к тому, что через день-два стрельбы орудия будут изношены, или, как говорят специалисты, «расстреляны», и Балтийский флот окажется не в состоянии встретить английскую эскадру, выжидающую в Биоркэ...

Воронов. Что же вы предлагаете?

Рыбалтовский. Методическую атаку с суши.

Командир линкора «Петропавловск». А противник в это время будет обстреливать Кронштадт и пассивно стоящие корабли?.. Вы хотите превратить нас даже не в буксирные батареи, а просто в мишени?

Сталин. Слово имеет член Революционного Военного Совета Балтийского флота товарищ Воронов.

Воронов. Я коротко. Целиком поддерживаю взгляды и предложения товарищей с кораблей. Надо действовать всеми видами огня, надо, не теряя времени, растрепать политико-моральное состояние мятежников... Не буду далее распространяться, так как полагаю, что решающие выводы даст нам лично товарищ Сталин.

Сталин *(поднимается)*. Как могло случиться, что фронт, недавно стоявший под Нарвой, откатился почти к Петрограду? Как могло случиться, что некоторые наши части сдались противнику или подняли мятеж? Очевидно, объяснение может быть одно: не было твердого командования, части комплектовались без политического отбора, тылы были засорены. Наконец, не велось минимальной политической работы. Она заменялась разговорами об эвакуации Петрограда и о потоплении Балтийского флота.

Как и почему происходили отступления?

Документы расследований показывают следующее:

В решительную минуту на боевом участке появляется обыкновенно какой-нибудь наймит-белогвардеец. Этот негодяй начинает кричать: «Вас обошли, сдавайтесь, а то всех перебьем!» Бывает и так, что среди советских войск находится паршивая овца, которая хочет перепортить все стадо. Бывает так, что некоторые иуды-предатели идут в Красную Армию для того, чтобы в решительную минуту предать ее.

К сведению собравшихся начальников и командиров. Семьи всех перешедших на сторону белых немедленно будут арестованы, где бы они ни находились. Земля у таких изменников будет немедленно отбираться безвозвратно. Все имущество изменников — конфисковаться. Изменникам пощады не будет. По всей Республике отдан приказ расстреливать их на месте.

Политическая работа должна быть поставлена со всей энергией. До солдат Красной Армии должна быть доведена основная идея: вы защищаете свою землю,

вы защищаете родную рабоче-крестьянскую Россию. Белые хотят вернуть царя, рабство. Белогвардейцы подкуплены английской, французской, немецкой и финской буржуазией, врагами рабоче-крестьянской России. Белых надо истребить всех до единого. Без этого мира не будет. Кто сделает хотя бы один шаг в сторону белых — тому смерть на месте.

Нет сомнения, что мы справимся с этой задачей.

Перехожу к вопросам оперативным.

Нам тут в научной, академической форме пытались доказать, что на войне могут убить и что, мол, высший научный вывод: держаться в сторонке... Нам тут пытались привить теоретические положения, основанные на опыте иностранных флотов. Полезнее было бы вспомнить, как корабли России обрушивались на крепости и брали их штурмом... Достаточно назвать штурм Корфу, Чесменский бой и Синопский... Для военно-морской науки было бы полезно изучить и свежий опыт нашей гражданской войны. Я имею в виду смелые и удачные действия наших флотилий, не раз обрушивавшихся против укрепленных баз противника. Высказанные здесь академические взгляды не могут быть приняты. Отрадно было слышать выступления непосредственных практиков с кораблей, людей дела, для которых честь и достоинство России стоят выше иностранных «теорий».

Заключаю. Исходя из реальной обстановки, необходимо принять план комбинированного стремительного удара по противнику: с моря, с суши и с воздуха. Главный удар нанесет флот, который выйдет в море и откроет огонь главным калибром непосредственно по форту. Устарелые «научные» справки, таким образом, отпадают. Завершающие удары нанесут морские отряды, пехота и бронечасти. Авиация произведет разведку и поможет частям бомбовыми ударами. Оперативный приказ будет вручен в полночь. Совещание считаю законченным.

Все встают надевая фуражки, прощаются с товарищем Сталиным.

До свидания, товарищи, желаю удачи...

Командир линкора «Петропавловск» *(подойдя к Сталину)*. Позвольте от души пожать вам руку.

Сталин. Не сомневайтесь в том, что Россия станет могучей социалистической державой.

Сталин остается с секретарем.

Мне нужен представитель Особого отдела. Он здесь?

Секретарь. Ждет, товарищ Сталин.

Сталин. Просите.

Входит Шибаев.

Шибаев. Военный моряк Шибаев. По вашему вызову прибыл, товарищ Сталин.

Сталин. Ваше лицо мне знакомо. Мы где-то встречались...

Шибаев. Узнали, товарищ Сталин! В июльские дни... Мы из Кронштадта выступили на демонстрацию — все горячие, ух!.. «Власть Советам!» — и ничего меньше... Ну, нас юнкера и офицеры Керенского из окон да в затылок... Мы — в Петропавловскую крепость... Нас окружили. Сидим, ждем: либо корабли по Неве выручат, либо вот тут и перережут нас у царских могилок... Вдруг от ворот сообщение: «Товарищ Сталин прибыл». Шестого июля днем. Вы переговоры начали и очень дипломатично всю кронштадтскую ребятню вызволили. Жизнью вам обязаны... Вот там у ворот я вас и встречал — от партколлектива.

Сталин. Вспоминаю этот случай... Рад, что был полезен балтийским морякам... Я выполнял свой долг: помогал товарищам...

Шибаев. Сами на смерть ведь шли...

Сталин. На войне, как на войне... Вы давно в особых органах?

Шибаев. Полгода. Ходил в строю — ранили, голову раздуло вот так, хожу с перевязкой, гляжу одним глазом. Тут собрание... Организуется Особый отдел... Меня выдвигают... Говорю: «Опыта нет».— «Бро-ось!» Один товарищ выходит, участник тысяча девятьсот пятого года: «У нас тоже опыта не было!

Получилось...» Кладет передо мною книгу, бухгалтерскую: «Видишь?» — «Вижу». — «Вот это «приход» — кого из врагов заберешь, пиши в «приход»... А кого по революционному закону и совести выведешь в расход — пиши их в графу «расход». Понял?» Отвечаю: «Понял»...— «Ну, и берись за дело. Главное: доглядай и поспевай...»

Сталин *(улыбаясь)*. Принципы дела изложены весьма упрощенно, но в общем верно... Поспевать нам необходимо. Для этого я вас и вызвал.

Шибаев. Есть, товарищ Сталин. Какие будут распоряжения?

Сталин. С очевидностью доказано, что во всей прифронтовой полосе и, конечно, в Петрограде, развита агентурная сеть противника. Май месяц дал особые подтверждения этому. Диверсии и мятежи, несомненно, составляют часть общего, широко задуманного плана, составленного неким единым контрреволюционным «центром». Следовательно, надо его нащупать. Он, полагаю, в Петрограде. Отправьтесь сейчас же в Петроград. С моим поручением. *(Записывает.)* «Петроградской ЧК. Сегодня в ночь произвести в Петрограде массовые обыски в буржуазных кварталах, не исключая иностранных посольств, миссий, представительств, как бы они ни именовались и какие бы доводы ни приводили против... Обыскать все основательно: от колоколен до подвалов и складов. Обыски произвести силами партийных и рабочих отрядов. На время обысков электростанциям дать ток в обыскиваемые кварталы города. Операцию держать до ее начала в полном секрете. Об исполнении донести утром пятнадцатого июня. Сталин». *(Пробегает еще раз текст.)* Отправляйтесь и исполняйте. Надо поспевать...

Шибаев. Есть, сделаем все аккуратно, поспеем, товарищ Сталин. И идейка у меня одна мелькнула. Проверю квартиру одного технического специалиста Буткевича.

Сталин внимательно посмотрел на Шибаева, подумал, понял, кивнул головой. Шибаев уходит. Сталин остается один. Шагает в раздумье по комнате. Закурил трубку.

С т а л и н *(снимает телефонную трубку).* Военный Совет Балтфлота... Почему не стреляете? Действуете?.. Не вижу и не слышу ваших действий!..

Пауза. Раздаются залпы линейных кораблей.

Вот это — другое дело... Бейте их так, чтобы поняли, что значит подымать руку на власть Советов...

КАРТИНА ШЕСТАЯ

ОБЫСК У МАДАМ БУТКЕВИЧ

Петроград. Сергиевская улица Гостиная мадам Буткевич. Вечер. Горят керосиновые лампы и свечи.

М а д а м Б у т к е в и ч. Вы видели полковника?

Д э к с. Да, вчера.

М а д а м Б у т к е в и ч. Как он?

Д э к с. Увы, начинает сдавать...

М а д а м Б у т к е в и ч. Возраст, и, потом, он много пил прежде. Сердце... Ну хорошо, он сдает, но ты держишься, мой мальчик. *(Обнимает Дэкса.)*

Д э к с *(слабо отстраняясь).* Я должен итти... Не думай, что сегодня сбор только у тебя. Я обязан быть у Эгара.

М а д а м Б у т к е в и ч. Останься, позвони, что не можешь. Кстати, у меня будут американцы.

Д э к с. Что, новые дела? *(Посучил тремя пальцами: деньги.)*

М а д а м Б у т к е в и ч. Поль!..

Д э к с. Я хотел бы предупредить вас, миссис Буткевич, что мы не любим и не прощаем, когда наши люди заводят параллельные дела.

М а д а м Б у т к е в и ч. Что за ерунда, Поль!.. Ну, я пойду, проверю хозяйство...

Д э к с. У тебя ужин?

М а д а м Б у т к е в и ч. Чорта с два, жирно будет. Выдано будет только вино... У меня нет средств

кормить всех этих господ... Пшенку кушайте — по талонам... (*В соседнюю комнату.*) Леля, пойди посиди с мистером Полем! (*Уходит.*)

Входит Леля. Здоровается с Дэксом.

Леля. Добрый вечер, Поль.

Дэкс. Добрый вечер, Лелечка. Вы передали нам очень ценное сообщение, благодарю.

Леля. Благодарность может иметь материальные формы.

Дэкс (*со смешком*). Вся в мамашу. Хорошо. Теперь о другом. Когда же вы ко мне придете, Леля?

Леля. Опять, Поль?

Дэкс. Я дам вам материальные формы благодарности. (*Порывисто берет Лелю за руки.*) Когда ты придешь, ну скажи?..

Леля (*заинтересованная*). Когда? (*Пауза.*) Сегодня... Мне так противны эти мамины сборища...

Дэкс. Удери с вечера... Адрес помнишь, найдешь?

Леля. Как-нибудь...

Дэкс. Ну, в задаток. (*Медленно, сильно целует ее.*)

В дверях горничная, всплескивает руками, смотрит, пятится.

Ну, я иду... Жду. Не провожай.

Гостиная постепенно наполняется гостями. Это по преимуществу бывшие офицеры царской армии в гимнастерках и кителях без погон и орденов; некоторые в штатском, сидящем не весьма ловко; есть и штатские с императорскими университетскими значками, в сюртуках, несколько старичков, несколько дам. Мадам Буткевич здоровается с гостями, рассаживает их. Полна светской привычки, заботы и внимания. Горничная вносит еще несколько зажженных подсвечников.

Мадам Буткевич. Господа, не будем терять времени. Прибывший от генерала Родзянко полковник Вадбольский сообщит нам последние указания.

Вадбольский. Генерал сердечно приветствует деятелей и господ офицеров петербургского «центра». Генерал надеется на личную встречу в самые ближайшие дни.

Одобрительный шопот и перегляды: «Браво!»

Генерал приказал передать, господа, нижеследующее: все чины петроградских частей «Национального центра» должны быть приведены в состояние полной боеготовности и сосредоточены для действий против пунктов, кои будут указаны... Момент выступления приблизился — и ответ на большевистский переворот будет дан.

Аплодисменты.

Сообщенные сведения прошу хранить в полной тайне. Господ офицеров начать стягивать в обозначенные кварталы завтра с утра.

Я, господа, имел честь изложить вам общие вводные указания командования Северо-западной армии. Теперь прошу с особым вниманием выслушать указания конкретные, оперативные, тактические. Кто представляет железнодорожную группу?

Один из офицеров *(встав)*. Подполковник Остен Сакен.

Вадбольский. Отлично. В вашу задачу входит занятие вокзалов и взрыв мостов на Николаевской и Северной железных дорогах. Петербург должен быть отрезан от Москвы. Возможность подвоза советских резервов должна быть парализована. Штабные поезда должны быть взяты... В первую очередь — поезд на Балтийской дороге: Петербург — Ораниенбаум.

Остен-Сакен. Понятно.

Вадбольский. Кто, господа, руководит силами в центре города?

Второй из офицеров. Капитан первого ранга барон Фитингоф. К захвату Зимнего дворца готов.

Вадбольский. Зимний дворец, барон, нам не нужен. Музеи нас не интересуют. Гораздо полезнее устремить внимание на ЧК и телефонную станцию. Удар по ЧК нужно произвести внезапно и полностью захватить весь ее аппарат, дела и архив.

Барон Фитингоф. Понимаю, господин полковник.

Вадбольский. Действовать рекомендуется решительно. К моменту выступления будут розданы

списки коммунистов города, и это позволит полностью их обезвредить. Приказ номер один по Петербургу уже заготовлен в штабе и будет своевременно доставлен.

Старичок. Слава тебе, господи!.. Дождались...

Мадам Буткевич. Лиза!

Появляется с подносом горничная. Она ловко и быстро разносит бокалы.

Господа, позвольте пригласить вас... Лиза, перчику!.. пригласить вас выпить за успехи родного оружия.

Старичок *(с бокалом)*. Был в России законный царь, государь император, и да будет вновь! Вот-с... За будущего государя императора всея Руси! Ура!..

Кричит один. Кто-то опасливо подхватывает, но получается недружно, неловко.

Вадбольский. Не стоит, господа, препираться, спорить. Все в свое время... *(Беря под руку мадам Буткевич)* Ах, если бы вы знали, мадам, как я счастлив вновь быть в Петербурге, сменить грязь на милые гостиные, на очарование столицы, на видения молодости и недавних дней...

Неожиданный звонок.

Мадам Буткевич. Спокойствие, господа, мы справляем мой день рождения... Лиза, откройте!

Мадам Буткевич садится за рояль и играет вальс. Это было приглашением. Образовались пары, которые понеслись по паркету. Некоторые традиционно стоят у стен, чуть ритмически покачиваясь, или напевая, или взмахивая в такт рукой... Вальс, кажется, захватил всех. Но глаза всех устремлены к двери. Затем стук. Все остановились, будто парализованные. Напряженные лица, испуг. Входит управдом. В это время вспыхивает электричество. Всеобщее движение.

Мадам Буткевич. Это управдом.

Управдом. Ольга Симеоновна, здравствуйте и не волнуйтесь, голубушка... Не волнуйтесь. Там

ЧК с ордером. Все в исправности, ордер предъявили, и не волнуйтесь.

Входит Шибаев с отрядом.

Шибаев. Прошу оставаться на местах. Кто ответственный съемщик квартиры?

Ему молча по-разному показывают на мадам Буткевич.

Вручаю ордер. Прочтите.

Мадам читает.

Все в порядке? Нет замечаний, неточностей, ошибок? Внимание. Сообщу особо — бегство напрасно. Обыски и облавы идут по всему городу. Выступили рабочие отряды. Приступим к делу. *(Задувает ненужные свечи и лампы. К мадам Буткевич.)* Причины данного сборища, гражданка?

Мадам Буткевич. Мой день рождения... выпить по бокалу, потанцовать.

Шибаев. Ваши документы.

Мадам Буткевич вручает документы.

Так, благодарю... Неубедительно про день рождения. Тут помечено: «родилась в декабре тысяча восемьсот восьмидесятого...» Виноват, оглашать год рождения не буду, поскольку деликатный дамский вопрос. Но все-таки не получается день рождения, гражданка.

Мадам Буткевич. Я хотела сказать — день именин...

Шибаев. Есть... Минутку. *(В телефон.)* Справочная? Дайте мне номер кого-либо из настоятелей церкви. Не поняли... Кто говорит? Говорят из ЧК... Ага, поняли? Продолжаю: номер кого-либо из настоятелей церкви... Да... Любых, посмотрите, к примеру: Преображенский собор, Троицкий всей артиллерии собор, Казанский, Исаакиевский... Да... жду... А-1-58-28. Спасибо. *(К мадам.)* Минутку. А-1-58-28. Отца Богоявленского к телефону, если не спит. По служебному делу просят. Разбудите. Прошу прощенья, дело... Отец Богоявленский? Извините, в поздний час беспокою. Говорят из справочного бюро, да, да, на Нев-

ском... Нужно узнать день святой Ольги — на какой день года падает день именин означенной святой Ольги... Жду... Да, справочное бюро, батюшка. Жду... *(Пауза.)*

П о т а п о в *(входя)*. Обнаружил на чердаке склад винтовок. Кого спросить?

Ш и б а е в. Управдома пригласить придется... Его обязанность следить за чердаками, подвалами, лестницами, выгребными ямами и прочим...

П о т а п о в. Понятно, товарищ начальник. *(Уходит.)*

Ш и б а е в *(в трубку)*. Как? Согласно книге «Русские святые» Ольга празднуется одиннадцатого июля старого стиля, двадцать четвертого нового стиля. Да, да... Спасибо, батюшка. Да, минутку, а другой святой Ольги, резервной, скажем, нет? На другой день, скажем, на сегодня, четырнадцатого июня нет другой Ольги?.. Нет... *(К мадам Буткевич.)* Не получается и именин, гражданка Буткевич. Православная церковь справку дала. Не получается четырнадцатого июня, совсем другое получается.

М а д а м Б у т к е в и ч. Вероятно, какая-нибудь путаница, опечатка. Или несведущий священник. Во всяком случае, я праздную. И факт есть факт...

Ш и б а е в. Прошу предъявить документы, граждане. Не надо толпиться — в очередь, организованно... Я прошу организованно, к столу. *(Подошедшему в штатском Вадбольскому.)* Так... Андрей Севастьянович Коротков... Заготовитель, отлично. Год рождения... так... Повернитесь. *(Нащупывает в заднем кармане Вадбольского револьвер.)* Так... А это машинка для стрижки овец... для заготовки шерсти? Так... Внимание. Всем имеющим оружие — сдать немедленно или уложу на месте!

Общий шок. Четверо подходят, сдают оружие.

Так, заготовители... *(Вадбольскому.)* Присядьте там и ждите. Следующий... Никандр Владимирович Иноземцев... инвалид. *(Поднимает глаза, удивлен.)* Барон Фитингоф!.. А мы-то искали, а мы-то беспокоились... *(Своим.)* Командир нашего корабля. Спускал шкуры,

не милуя. Исчез после Октября... Так... Присядьте там, барон.

Старичок. Разрешите сказать несколько слов.

Шибаев. Прошу, папаша.

Старичок на ухо шепчет что-то Шибаеву.

Никандров, проводи папашу в одно место...

Кто-то засмеялся.

Почему смех? Научно объясню. Бывает на нервной почве...

Старичка провожает конвойный.
Звонок телефона.

(Берет трубку.) Да, квартира мадам Буткевич. Да... Говорит один из гостей... Да... Она, к сожалению, занята и просит узнать, кто говорит. Ага, Борис Максимович, или мистер Боб. Она просит вас притти, Борис Максимович, или мистер Боб, не считаясь с часом. Да, говорит, милости прошу, ждем... Иф ю плиз...

Мадам Буткевич. Я не говорю этого!..

Шибаев *(прикрыв трубку)*. А это уж наше дело. *(В трубку.)* Да, да, ждет... *(Вешает трубку, своим.)* Оставишь тут засаду: мистер Боб придут... *(Быстро проверяет оставшихся.)* Так, теперь, после проверки документов, согласно инструкции надо начать обыск, гражданка. Есть ли у вас что-либо из неразрешенного: оружие, взрывчатые вещества, нелегальные издания?..

Мадам Буткевич. Не знаю, может быть, какое-нибудь охотничье ружье. Муж увлекался...

Члены отряда путиловцы Данилова, Иванченков и другие начинают обыск.

Отрядник Никандров *(входя)*. Повесился старичок.

Шибаев. Фу, вот жулик!.. Не хочет следствия перед народом, не желает ответить... В два счета привести в чувство. Снял с петли?

Отрядник Никандров. Сразу.

Шибаев. Мигом — скорую помощь: дыхание

делай, вот так, массаж. Влейте в него немного вина. Эй... горничная тут была.

Горничная подходит.

Сестренка, стакан вина старику там, помалу...

Данилова приносит несколько винтовок, сваливает их и выходит.

Это как понять, гражданка Буткевич?

Мадам Буткевич *(невозмутимо)*. Не знаю... Охотничьи... Но я совершенно не разбираюсь в этих... ну, как их... сортах, моделях всех этих двустволок и как они там называются...

Шибаев *(держа винтовку)*. Смазанная двустволочка... Бить по бекасам...

Входит Данилова, подает Шибаеву бумаги.

Данилова. Списки какие-то...

Шибаев *(к мадам Буткевич)*. Это что?

Мадам Буткевич. Служебная работа. Взяла на дом печатать. Я работаю в Смольном.

Шибаев. Именно?

Мадам Буткевич. В учетном отделе.

Шибаев. Минутку. *(Берет трубку.)* Смольный. Дежурного. Дежурный, кто у вас заведующий учетным отделом? Ушел или еще у себя? Ушел... Какой его телефон дома? А мне нужно... *(Звонит снова.)* Товарищ Акимов? Добрый вечер. У вас работает гражданка О. С. Буткевич? А-а... Ну и как? Прекрасный работник... Так, а на кого она работает, вы задумывались? Удивлены? Приходится в нынешние времена удивляться. Давали ей на дом списки городской партийной организации Петрограда печатать? Нет... Больше вопросов не имею. Кто спрашивал? А позвоните мне через часок: ЧК, комната двести восемнадцать. *(Вешает трубку.)* Так, отпадает вслед за днем рождения и именинами и это дело... Липа получается... Целая липовая роща... *(Смотрит списки.)* Э-э... И наши есть. Данилова, и ты включена!

Данилова *(читает протянутый список)*. Ох, ты... И адрес! «Из чернорабочих, малокультурный тип». Это почему же? Вы нами заинтересовались, а мы

вполне культурно ответили. Вы визит к питерскому пролетариату сделали, адреса собрали, и мы соответственно собрали и — с ответным визитом. Как подобает, культурно... Э-э... Тут и про других есть... Вот про тебя, Иванченков... Имя, фамилия... «угрюмый тип».

Иванченков. «Угрюмый тип», барыня? Не все сказано. Допиши, барыня: «Угрюмый против классовых врагов». Вижу, у вас припасено вот это вот *(на винтовки)*, и нечего тут веселиться... Класс на класс, до смерти... А про тебя, Шибаев, поискать?.. *(Берет списки.)*

Шибаев. Ну вот, читальню тут откроем... *(Забирает списки.)*

Приводят старичка.

Нехорошо... Я вас и «папашей» назвал, вежливо, а вы в такой политический обман, сразу... Сядьте и сидите там. Что, штанишки падают? Подтяжки израсходовали, вешались?.. Нехорошо, нехорошо...

Данилова приносит найденные деньги.

Данилова. Деньги. Иностранная валюта.

Шибаев *(к мадам Буткевич)*. Откуда?

Мадам Буткевич. Кое-какие дореволюционные сбережения.

Данилова. А почему на бандероли: «Лондон, июнь тысяча девятьсот девятнадцатого года»?

Мадам Буткевич. Странно. Вероятно, опечатка.

Шибаев. Что-то много опечаток выходит: и в святцах и тут.

Мадам Буткевич. Не знаю. Я бывала в Финляндии в прежние времена—у мужа, он в артиллерийском этом управлении или отделе, в Балтийском флоте...

Шибаев *(наивничая)*. Ах, Буткевич из артиллерии Балтфлота? Супруг? Какое совпадение!.. *(Своим.)* Обыскать кабинет!

Мадам Буткевич *(преграждая путь Даниловой)*. Не надо! Назад! Нельзя!

Данилова ее сильно и резко отстраняет.

Д а н и л о в а. Мускулы у вашего класса слабоваты.

М а д а м Б у т к е в и ч. О, будьте вы прокляты навеки, навеки!...

Ш и б а е в. Что ж, будем кончать... *(Берет трубку.)* ЧК дайте. Комнату двести восемнадцать. Я говорю, Шибаев. Докладываю: операцию заканчиваю. Да, задержал... Есть кое-что и по этой части. Существенное.

Д а н и л о в а приносит бумаги из кабинета.
Звонок.

(В трубку.) Весьма существенное! Кончаю разговор. *(Вешает трубку.)*

Слышен звонок в прихожей. Шибаев гасит электрический свет.

Наверное, некто мистер Боб идут... Горничную.

Г о р н и ч н а я входит.

Веселей, сестренка! Пойди открой и скажи: «Вас ждут!» *(Мимирует.)* А ну-ка покажи, как выйдет.

Г о р н и ч н а я *(сделав книксен, улыбку, повторяет)*. Вас ждут!

М а д а м Б у т к е в и ч. Лиза, не смейте ходить!

Г о р н и ч н а я. Нет, кончена ваша власть, барыня.

Горничная встречает нового гостя. Он влетает в вечернем костюме: смокинг, цветок в петлице и прочее—м и с т е р Б о б.

М и с т е р Б о б. О, миссис Ольга!.. Американский консул просил передать...

Шибаев вновь включает свет и ловко выхватывает у мистера Боба протянутый к мадам пакет.

Стоп! Кто такие?.. *(Выставив защитно ладонь.)* Я — американский подданный. Пропустить!.. Я — Америка!..

Ш и б а е в. Шшш... Америка, тихо. Взять его...

Американца берут.

Пошли все!..

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

В РЕВВОЕНСОВЕТЕ БАЛТФЛОТА

Кабинет члена Революционного Военного Совета Балтфлота. Просторно, книжные шкафы по стенам, письменный стол, стол для заседаний. Настенные карты Балтийского моря и фронта. Часы. Пятый час утра. Рассвет.

Без стука влетает секретарь, встрепанный, в тельняшке, в носках.

Секретарь. Товарищ член Военного Совета! Товарищ Воронов! Вставайте! На «Обручеве» восстание! Взяли врасплох... Коммунисты арестованы. Вот-вот откроют огонь по штабу и Военному Совету.

Воронов *(быстро одевается, смотрит на секретаря, берет телефонную трубку)*. Санчасть... Воронов говорит. Фельдшера с аптечкой ко мне — бегом...

Пауза. Влетает фельдшер.

Валерьяновых капель, двойную дозу.

Фельдшер дает капли.

Спасибо, вы свободны.

Фельдшер уходит.

Тяжелый случай в Кронштадте... Военный моряк Терентьев, секретарь члена Военного Совета, потерял спокойствие и выдержку. Пей!

Секретарь затих, выпил поданные капли, стоит навытяжку.

Запомни: паники тут не бывало и не будет. Ступай!

Секретарь уходит. Воронов остается один.

Только спокойно, Алексей Воронов... Только спокойно! Ты отвечаешь за Кронштадт и Балтийский флот. Пятый час утра... Так. Все спят... В этот час как раз удобно брать спящих из кровати... Что на «Обручеве» и сделано...

Звонок. Воронов берет трубку.

Да, Воронов... Я, товарищ Сталин! Так точно — в курсе. Да, слушаю... Понимаю... понимаю... *(Внима-*

тельнейше слушает указания товарища Сталина.) Сумею, товарищ Сталин. Понимаю. Немедленно сообщу вам. Есть. *(Кладет трубку.)*

Входит умытый, подтянутый с е к р е т а р ь.

С е к р е т а р ь. Разрешите к утреннему докладу? Сегодня несколько раньше. Газета из типографии. Актуальные стихи к событиям... «Грозой на банду белых куцую ударят Питер и Москва, и мировую революцию не сдаст балтийская братва!» Прямо как у Пушкина!

В о р о н о в. Ну, загнул... *(Повторяет стишки.)* Идея верная, а форма подхрамывает, рифма явно страдает... «Банду белых куцую» — «революцию» — плохая рифма. А о форме всегда думать надо. А более существенных дел у тебя нет?

С е к р е т а р ь. Так точно, есть. О снабжении трех экспедиционных отрядов Балтфлота, отправленных в распоряжение товарища Сталина. На подпись.

В о р о н о в. Все?

С е к р е т а р ь. Никак нет. О новом отпуске снарядов для линейных кораблей. Пойдут на подавление.

В о р о н о в (*подписав*). Все?

С е к р е т а р ь. О новых мерах контроля для въезда и выезда из Кронштадта.

В о р о н о в *(горячась)*. Все?

С е к р е т а р ь. Никак нет. *(Подает листок.)* Телефонограмма о форте «Обручев»...

В о р о н о в. Чего ж ты тянешь мокрого кота за хвост?!

С е к р е т а р ь. Соблюдаю по вашему указанию полное хладнокровие. Паники тут — у нас в Кронштадте — не бывало и не будет.

В о р о н о в. Тоже выискался хладнокровный... Стишки ты писал?

С е к р е т а р ь. По мере возможности, товарищ член Военного Совета.

В о р о н о в. Иди. Да вызвать ко мне начальника штаба базы Рыбалтовского и начальника артиллерии Буткевича.

Остается один.

(Пробегает еще раз листок об «Обручеве»). Ну, конечно, как по заказу — ночью, взяли врасплох. Ну, я дам комиссару «Обручева»!.. Башку оторвать мало... Что же делается, товарищи?! Красная Горка, «Обручев»... А мы партией зачем поставлены? Зачем нас кормят, поят, одевают, жалованне дают?! Нет, вы мне ответьте, зачем такой расход, если у нас каждый день по форту вылетает?.. Гнать нас грязной метлой за такую служ- бу... И погонят, вполне погонят. *(Пауза.)* Только спо- койно, Воронов. И не вдаваться в лишние слова. Нервы и горячка еще никогда не помогали... *(Вдруг нервно.)* Расстрелять сволочей, «Обручев» к чортовой матери!.. В упор... Один сигнал — и весь огонь обрушится... А что дальше? Крепость лишится сильного форта. Кто сработал? Член Военного Совета Воронов. Спасибо ему... Вот — позвонят и поблагодарят... Отставить. Иначе, иначе надо... *(Думает, что-то нащупал, берет трубку.)* Служба, быстрее дайте форт «Первомайский»... Да... Говорит Воронов, комиссара срочно... Комиссар, здравствуй! Да, я... Слушай, есть срочное дело... Как твои, в готовности?.. Ну и держи в готовности. Может быть, минут через десять стрелять придется. Что-о? «Куда стрелять?» Куда прикажет партия, комиссар. Ах, ты не в смысле... а для задания артиллеристам... Я не так понял — мне оттенок показался. Нет оттен- ков?.. Добро... Подробностей? Сообщу тебе одну по- дробность: кончаем этот разговор, и никому ничего... Жди, позвоню... Пока... *(Вешает трубку, делает но- вый вызов.)* Служба, быстрее форт «Риф». Да... Комис- сара. Воронов говорит. Как готовность? Полная? Будь на месте и жди моего звонка, понял? Вопросов нет? Все ясно? Молодец, Бобрышев! Пока... *(Вешает труб- ку, переводит дух.)* Так значит, «Обручев» с двух сторон зажали... Пошли дальше, и спокойнее, Воронов! *(Берет трубку.)* Служба, форт «Обручев» дайте... «Обручев»... Коменданта... Кто просит? Революцион- ный Военный Совет Балтийского флота... Воронов. Побыстрее. *(Пауза.)* Нет, не здравствуйте, а слушайте и записывайте. *(Пауза.)* «Команде форта «Обручев» точка. Восставшие против рабочих и крестьян соб- ственной страны во имя интересов иностранцев, а также

белых генералов и помещиков, заявите в кратчайший срок, что вы не пойдете против рабочих и матросов Кронштадта, и мы вас простим, а если этого не сделаете, то путем обстрела мы вас уничтожим»... Записали? Прочтите. Громче. Отчетливее и медленнее. Так, так... Можете добавить команде, что начинается подавление Красной Горки. На линкоры посмотрите, на рейде... Да, двинем все имеющиеся в наличии силы. Петроград выделил резервы... Товарищ Ленин указывает: Петроград сдан быть не может. Комендант, обстановка ясна? Ультиматум посылай по форту. Сам пока останься. Добавляю: соседние форты к открытию огня по тебе готовы. Говорил с ними пять минут назад.. Комендант, часы есть? Вынимай и смотри. *(Вынимает часы.)* Даю на размышление две минуты. *(По второй трубке делает вызов.)* Служба? Дайте «Первомайский». Комиссара... Ты? Ждешь? Подожди еще две минутки... У тебя все готово?.. Так. Ну, пока... *(В первую трубку.)* Думаешь, комендант? Ну, думай, люди ждут, слыхал? *(Смотрит на вынутые карманные часы.)* Истекает время-то... Решай, комендант... Не перебивать там, служба!.. Кто там лезет, на губу загоню... *(Дует в трубку.)* Да, да, говорю. Комендант, жду... *(Пауза.)* Что? Какие будут приказания по «Обручеву»? Комиссара и всех коммунистов освободить... Повтори. Команде прочесть и сообщить все, что я тебе указал. Да... Комиссара к телефону, бегом... Некогда мне с вами время терять... Жду! *(Откладывает трубку, вытирает лоб платком.)* Ф-фу, д-да... бывает. А сам чуть не проморгал... За форт-то отвечаешь...

В трубке шум, голос.

Да... Здоро̀во... Что ж ты, друг ситный,— из коечки взяли? Живьем? Неожиданность? Какая такая неожиданность? У хорошего комиссара не может быть неожиданностей, все должно быть предусмотрено. Видеть сквозь землю на два метра должен. Что тебе делать? Сиди и жди. Пришлю другого. Да, сейчас катер высылаю. А тебя куда? А вот куда надо будет, туда и пойдешь... Да смотри, чтобы с тобой опять неожиданность не приключилась... Выручать больше не буду. Иди,

иди, чай пей... *(Соединяется с другими фортами.)* Служба, «Первомайский»... Комиссар? Я... Отставить дело, о котором говорили. И никому ничего... Да нет, порядок... А вообще посматривай... Пока *(Делает вызов.)* Служба, дайте «Риф». Бобрышев? Отставить дело, о котором говорили... Отпала надобность. Продолжай службу. И тебе того же... (*Вешает трубку.*)

Входит секретарь.

Секретарь. Начальник штаба базы и начарт прибыли, товарищ член Военного Совета.

Воронов. А, зови, зови...

Входят настороженные Рыбалтовский и Буткевич.

Здравствуйте, товарищ начальник штаба, товарищ начарт... Садитесь... Срочное дело, побеспокоил так рано... Ночью произошло восстание на «Обручеве».

Буткевич. Не может быть!

Воронов. Нет, вот — может!

Рыбалтовский. Что же предприняли восставшие?..

Воронов. А мы и предпринять ничего не дали. Предъявили ультиматум от имени Военного Совета Балтийского флота, и они сдались.

Буткевич. Не может быть! То есть так и должно быть.

Воронов. Да, вот о чем хотел поговорить, поскольку «Обручев» уже успокоен. Не слишком ли часты эти мятежи на фортах, товарищ начальник артиллерии? Ваше ведомство...

Буткевич. Задумываюсь... И прихожу к выводу, что недостаточен партийный контроль. Прошу извинить, я лишь беспартийный специалист, техник, но глубоко принимаю все происходящее к сердцу. Да, недостаточен контроль... ваших, партийных сил... Сказывается, очевидно, и недостаток воспитательной работы. Понимаю — кадры партийцев слабы, нет еще достаточного опыта, навыков... Не всегда умеют уловить настроение команд... Сами изволите припомнить рапорт комиссара: «Все в порядке, настроение команд твердое, бодрое»... А вдруг — и происшествия... Зна-

чит, товарищи партийцы не улавливают истинного положения вещей.

Воронов. Полагаю, что уловят, а может, уже уловили...

Буткевич. Тем лучше. А вообще тут сложный комплекс... Но прежде всего советовал бы обратить внимание именно на кадры партийцев. Недостатки их работы вряд ли можно оспаривать...

Рыбалтовский. Николай Николаевич во многом прав.

Секретарь *(входя)*. Доставлены двое перебежчиков с Красной Горки, товарищ член Военного Совета... Бежали с форта сегодня утром.

Воронов. Кто такие?

Секретарь. Один военный моряк и одна женщина. Разрешите ввести?

Воронов. Вот случай толком узнать о Красной Горке. Введите.

Секретарь вводит моряка в потрепанной форме и молодую женщину.

Воронов. Вот, послушаем... *(Перебежчику.)* Сообщите, кто и откуда?

Перебежчик. Военный моряк команды службы связи форта Красная Горка член партии Семен Свиридов. *(Подает документы.)*

Воронов *(женщине)*. А вы?..

Женщина. Я — жена командира товарища Василия Березкина. Муж мой был на шестидюймовой батарее. Его расстреляли там... *(Всхлипывает.)*

Воронов. Вы успокойтесь. Товарищ Свиридов, расскажите, что произошло на форту и как вы бежали.

Перебежчик. Есть. Двенадцатого, позавчера, белые подошли к форту. Мы изготовились к бою. Но ночью Неклюдов со своими пулеметчиками — плохо настроенная, порченая рота — окружил бараки и арестовал коммунистов. Днем тринадцатого Неклюдов передал радио: одно в Биоркэ англичанам — я ваш, мол; другое в Кронштадт — присоединяйтесь или будете сметены ураганным огнем.

Воронов. Это их и ждет.

Перебежчик. Больше всех лютовал старый царский офицер с двенадцатидюймовой батареи Куприянов... Он все в Кронштадт до этого ездил. Да — вот к начальнику артиллерии.

Буткевич. Да, да... вспоминаю... Какой двуличный подлец!

Воронов остро посмотрел на Буткевича.

Перебежчик. Сидим арестованные. Пели «Интернационал», «Смело, товарищи», «Вы жертвою пали»... На рассвете пришли офицеры. Вызвали Мартынова, председателя Кронштадтского Совета и других товарищей. Мы стали прощаться. Мартынов крикнул: «Прощайте! Оставайтесь живы! Привет товарищам. Да здравствует Коммуна!» Понял я, что и нам скоро конец. Полез к окну, протискался вниз головой, упал на мешки с песком, еще за мной лезут, я побежал, оборвался на проволоке, но убежал...

Воронов. Значит, сегодня расстреливали группами?

Перебежчик. Да. Неклюдов, кроме того, запер роту матросов, которая целиком против него. Сидят ребята...

Воронов *(женщине)*. А вы что сообщите?

Женщина *(плача)*. У меня муж погиб. Когда мужей наших расстреляли, нас, жен, забрали. К нам приходили офицеры и рассуждали: что выгоднее — расстрелять и нас или оставить заложницами... Ну, некоторые говорили: «Оставить заложницами» — и смеялись. Ну, сами понимаете — таким смехом... Потом вызвали Шидловскую и Елену Ланскую... Одна была на шестом месяце, другая — на четвертом. Их повели... Слышно — выстрелы. *(Волнуется, накипают слезы.)* Потом нам один матрос шепнул, что бегите, пока не поздно. Дверь открыл, и мы побежали... Другие где-то потерялись. Я вот дошла. *(Вдруг вскинулась.)* Да, вспомнила, вспомнила!.. Чуть не забыла — на форту офицеры говорят: «Если большевики придут, все взорвем — верст на тридцать все полетит»... Господи,

что же с нами делают? *(Буткевичу, плача.)* Товарищ начальник, за что мучают, за что убивают?

Буткевич оторопело успокаивает женщину.

Воронов. Давить надо предателей, до корня...

Телефонный звонок

Воронов слушает. Да... Я, товарищ Сталин. Все выполнено. Как раз еще дела нахлынули. Так точно. Пресек в зародыше... Просил бы разрешения прибыть лично и доложить. Есть. *(Присутствующим.)* Вы пока свободны... Меня вызывают.

Буткевич и Рыбалтовский уходят. Пауза. Входит Шибаев.

Чего такую рань?

Шибаев. Прочтите, товарищ член Военного Совета. Взята ночью в кабинете начальника артиллерии.

Воронов. Буткевича?

Шибаев. Так точно. Товарищ Сталин указал, что он ненадежен. Вот и возникла у меня идейка: проверить квартиру. Проверил. Обнаружил целое сборище контрреволюционеров, оружие... Ясно, что «работает»... на ту сторону.

Воронов. Буткевич?!

Шибаев. Так точно... Вы читайте, товарищ член Военного Совета.

Воронов *(не торопясь читает)*. Чорт знает что... Не может быть!

Шибаев. Так точно: *может* быть, голые факты и реальные фамилии.

Воронов. Корчевать их до корня, до корешочка, Шибаев!

Шибаев. Этим и занят.

ТРЕТИЙ АКТ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

ЗАГОВОРЩИКИ АРЕСТОВАНЫ

Служебный кабинет Буткевича. Гул канонады с моря: Балтфлот начал операции. Быстро входит Рыбалтовский, как всегда, элегантен, уверен.

Рыбалтовский. Ну, что у вас?

Буткевич. Я звонил домой, почему-то не отвечают. Что это значит?

Рыбалтовский. Семейные дела меня сейчас абсолютно не интересуют. Слышите стрельбу? Полным ходом идет реализация их плана: в море «Петропавловск», «Андрей Первозванный», «Олег», эсминцы и тральщики.

Буткевич. Что делать?

Рыбалтовский. Все, чтобы помочь Красной Горке и парализовать флот... Какой неожиданный поворот событий!

Буткевич. Я же предупреждал, говорил... Чувствовало мое сердце.

Рыбалтовский. Полковник, вас в последнее время охватывает страх. Это противно. Вы знали, на что шли. Продержитесь еще некоторое время, и вы — уважаемый и известный генерал.

Буткевич. Вы уверены? Давно пора, давно...

Только большевики помешали производству. А вас поздравим контр-адмиралом.

Р ы б а л т о в с к и й *(махнув рукой)*. А!.. Я хотел бы сейчас одного: быть сегодня простым наводчиком на Красной Горке и топить большевистскую эскадру и этих штатских товарищей — рыбам на корм...

Стук в дверь.

Б у т к е в и ч. Это наш Дэкс. Да!

Д э к с входит в матросской форме.

Какие новости?

Д э к с. Вчера в Петрограде всю ночь шли массовые обыски и облавы. Арестованы тысячи наших людей. Изъят основной запас оружия: до семи тысяч винтовок...

Б у т к е в и ч. Боже!

Д э к с. Обыск был и в вашей квартире. Арестована ваша жена.

Б у т к е в и ч. Оленька! А дочь?

Д э к с *(помедлив)*. Дочь ваша цела. *(Усмешка.)* Ей вчера повезло.

Б у т к е в и ч. Боже... обыск... Взяли Оленьку... У меня там оставались бумаги...

Д э к с. Конспиратор...

Б у т к е в и ч. Я служил тридцать лет государю императору и вашей конспирации не обучался.

Д э к с. Вот когда к вам явится ЧК, вы это и доложите ей. Она, наверное, учтет, «все поймет», извинится и уйдет...

Б у т к е в и ч. Да... у меня и тут кое-какие бумаги. Надо уничтожить. Сжечь?

Д э к с. Останется пепел и запах.

Б у т к е в и ч. Господи, проглотить их, что ли... *(Мелко рвет листочки, жует и глотает.)* Но Олечка, Олечка!.. Надо что-то предпринять.

Д э к с. Все сделано: я написал самым солидным моим адресатам, мистеру Зиновьеву. Ссылаюсь на вас: ценнейший специалист, незаменимый, и так далее... Уверен, что Ольгу Симеоновну освободят, может быть, сегодня.

Буткевич. Буду по гроб жизни благодарен. Какой вы благородный и верный друг семьи!

Рыбалтовский *(полируя ногти)*. Господа, закончатся эти семейные излияния или нет? *(Дэксу.)* Где британская эскадра?

Дэкс. Очевидно, у себя в Биоркэ — на якорной стоянке.

Рыбалтовский. Они гнусно — не подберу иного слова — подводят нас. В нужный момент действуем мы, а англичане в стороне.

Дэкс. Не будем спорить об англичанах. Это очень давний мировой спор.

Рыбалтовский. Имеют мощную эскадру — и бездействуют! Да, передайте вы адмиралу Коуэну, чтобы нанесли удар по Кронштадту. И флотом и авиацией.

Дэкс. Насколько я осведомлен в морской истории, последние десятилетия не оправдали ни одного удара флота против крепости. У англичан, в частности, уже был тяжелый урок в Дарданеллах.

Рыбалтовский. А, чорт побери! Эскадра может итти с гарантиями — я послал англичанам карту минных полей, полковник давал указания на батареи...

Дэкс. Будем практиками прежде всего. Дело принимает явно неблагоприятный оборот. Нельзя Красную Горку отдавать в руки большевиков.

Буткевич. А как же ее нам удержать?..

Дэкс. Ее надо взорвать.

Рыбалтовский *(подумав)*. А что же — это идея!.. И взорвать так: по возможности впустив туда «товарищей»... Когда они будут торжествовать на форту, включить ток во все группы — рубильники в минном каземате — и взорвать весь форт.

Буткевич. Кто это сделает?

Дэкс. Я.

Рыбалтовский. Это блестяще. Смотрите схему минной станции и проводку. *(Набрасывает схему.)* Надо проверить все кабели, все запалы. Вы понимаете в этом деле?

Дэкс кивнул.

Ну, двигайте — и бейте всю эту посуду в черепки...

Д э к с. Благодарю. Я возьму эту схему.

Прячет схему. В это время без стука решительно входит Ш и б а е в.

Ш и б а е в. Оставаться на местах. *(Буткевичу.)* Пожалуйста, ордер. *(Рыбалтовскому.)* Вам тоже.

Б у т к е в и ч. К-как ордер? На арест? Какое недоразумение. Я позвоню в Военный Совет.

Ш и б а е в. Оставьте телефон. Вы арестованы.

Б у т к е в и ч. Нет, нет, нет... Дайте Военный Совет. Это просто скандал, самоуправство Особого отдела!

Ш и б а е в. Сядьте и не шумите!

Звонок телефона, Шибаев берет трубку.

Уполномоченный Особого отдела военный моряк Шибаев слушает. Здравствуйте, товарищ член Военного Совета. На месте. Да, обоих. Бумаг пока не трогал. Сами будете? Есть. *(Глядя на Дэкса.)* А ты кто таков?

Д э к с. Военный моряк Урванцов из Транспортного отдела Главного военного порта.

Ш и б а е в. Документы.

Д э к с *(в тон, требовательно)*. Мандат.

Ш и б а е в. Вот ты какой...

Д э к с. Такой... не люблю, когда свои наскакивают, да еще понапрасну... *(Возвращает мандат уполномоченного.)* Теперь прочти мое.

Ш и б а е в *(проверяет удостоверение Дэкса)*. Транспортный отдел Главного военного порта. Кто там у вас комиссар?

Д э к с. Петрухин.

Ш и б а е в *(берет трубку)*. Служба, дайте Главный военный порт. Петрухина. Ты посылал пакет в Кронштадт, к начальнику артиллерии? Кто спрашивает? Из Особого отдела спрашивают. Посылал, посылал... Насчет чего? *(Дэксу.)* Дай пакет... *(Пробегает.)* С кем посылал? Давно знаешь его?.. Ну?! Свой в доску! Партийный?

Д э к с *(сидя и спокойно пуская дым папироски)*. Сочувствующий.

Ш и б а е в *(повесив трубку)*. Браток, действительно, вроде я напрасно наскочил.

Д э к с. Об чем забота...

Ш и б а е в. Балтиец?

Д э к с. С тысяча девятьсот четырнадцатого.

Ш и б а е в. Кто Вторым Балтийским командовал?

Д э к с. Господи, да кто собаку Гирса не знает!

Ш и б а е в. Так... А кто в Кронштадте главным командиром до февраля был?

Д э к с. Старушек лотошниц спроси, и те ответят. Вирен был. Порвали его в феврале. Собаке собачья смерть.

Ш и б а е в. А кто Минной дивизией в мировую войну командовал?

Д э к с. Ну, Колчак.

Ш и б а е в. А кто...

Д э к с. Слушай, уполномоченный, надоел ты мне, и твои приставанья, и экзамены надоели... Пойди сюда. Почитай. *(Протягивает, сидя, еще один документ.)*

Шибаев читает, несколько меняясь в лице.

Понял? И не надо своим на своего наскакивать. И у другого может быть своя работа... Скажем, по транспорту... Можешь позвонить, ты дошлый, видно, любишь справки наводить. Ну, наведи: Смольный, коммутатор, дайте первый... Иди, иди, позвони, браток... Ах, с тебя и мандата хватит? Дело твое... Зайдешь туда как-нибудь... Тебе объяснят, кто Урванцов, откуда и почему... Не один ты работаешь. *(Встает.)* Держи пять... Ну, пока... (*Глянув на арестованных.*) Тоже — дают к людям поручения, думаешь — дело, а тут такое... Ну, я пошел... Заглядывай, уполномоченный... Ты, видно, толковый парень. *(Уходит. Оставшиеся поглядели ему вслед.*)

Ш и б а е в *(Буткевичу)*. Вы знаете этого матроса?

Б у т к е в и ч. Каждого матроса знать не обязан... Присылают с пакетами. Матросов в Балтфлоте было сто двадцать тысяч.

Ш и б а е в. А вы?..

Рыбалтовский. Понятия не имею. *(Полирует ногти.)*

Буткевич. Товарищ уполномоченный... Надо же кончать недоразумение...

Шибаев. Будет разъяснено. Слышали мой разговор? Приедут...

Входит член Революционного Военного Совета Воронов, с ним путиловцы Потапов, Иванченков и Данилова.

Буткевич. Слава богу!.. Узнал, успел, приехал... Товарищ член Военного Совета, разберитесь, бога ради!.. Что же делается?!

Воронов. Дело Красной Горки у вас?

Буткевич. У меня, у меня... *(Роется в столе. Подает папку.)*

Воронов. Тут есть о минировании форта?

Буткевич. Все есть, все... Могу разъяснить.

Воронов. Разъяснять буду я... Введите сюда арестованного бывшего коменданта «Обручева»...

Буткевич присел.

Два конвойных матроса вводят бывшего коменданта форта «Обручев». Это тихий, простой человек средних лет. Говорит искренно.

Воронов *(бывшему коменданту)*. Показания будете давать перед представителями пролетариата Питера. Говорить правду! Когда вы беседовали с гражданином Буткевичем последний раз?

Бывший комендант. Тринадцатого июня сего года, позавчера, по телефону, товарищ член Военного Совета.

Воронов. Что он вам говорил?

Бывший комендант. Говорил гражданин Буткевич так: «Родион Николаевич»... Мы — знакомые по службе лет десять и именуем друг друга по имени-отчеству... Говорит, значит, так: «Родион Николаевич, приказ номер ноль ноль тринадцать помните?.. Выполняйте». Это означало: начать выступление.

Буткевич. Родион Николаевич, побойтесь бога! Зачем человека оговаривать?

В о р о н о в. Что за приказ ноль ноль тринадцать?

Бывший комендант. Условный знак, поясню.

В о р о н о в. Чей условный знак?

Бывший комендант. «Национального центра».

В о р о н о в. Что это за «центр»?

Бывший комендант. «Национальный центр» — подпольная организация. Создана в июне тысяча девятьсот восемнадцатого года.

В о р о н о в. Год назад?

Бывший комендант. Так точно, товарищ член Военного Совета.

В о р о н о в. И Буткевич с этого времени состоял?

Бывший комендант. Состоял.

Б у т к е в и ч. Оговор, оговор! Вот свидетель!

Д а н и л о в а. Мы вчера на вашей квартире взяли вашу переписку и документы. Бросьте отпираться.

Б у т к е в и ч. Не бываю на квартире, ночую тут, служу советской власти... За это контрреволюционеры и преследуют... подбросили документы... Видит бог!

В о р о н о в. Ненадежных свидетелей выбираете... *(Бывшему коменданту.)* Рыбалтовский тоже?

Бывший комендант. По флотской, корабельной линии я не в курсе.

В о р о н о в. Цели организации?

Бывший комендант. В задачу входило: первое — свержение советской власти, второе — установление единоличной диктатуры и переход к монархии и третье — немедленное восстановление частной собственности...

В о р о н о в. Скромные задачки...

Б у т к е в и ч. Ни сном ни духом...

В о р о н о в. Что делали в армии и Балтфлоте?

Бывший комендант. Задача заключалась в расстановке членов организации и сборе сведений о всем советском аппарате — партийном, советском, как военном, так и гражданском...

В о р о н о в. Для кого сведения?

Бывший комендант. Пересылались в Финляндию, для английских резидентов...

Воронов. Через кого гражданин Буткевич связывался с «центром» и иностранцами?

Бывший комендант. У Николая Николаевича бывал один матрос...

Шибаев *(застонал, закачался)*. Ммм... Живьем ушел!

Буткевич. Оговор, оговор... Люди подтвердят...

Бывший комендант. Матроса этого и я видел. Могу опознать. Интеллигентный вид.

Шибаев. Упустили, ну и раззява я!.. «Свой в доску, сочувствующий братишка...» Братишка его в серой шкуре в лесу бегает. Ну, не уйдет...

Воронов. Ну, достаточно... Шинель дайте гражданину Буткевичу.

Двое конвойных подходят, раскрыв старую офицерскую шинель Буткевича.

Буткевич. А-а... Черный саван... Черный саван... Товарищ член Военного Совета... *(Рабочим.)* Товарищи делегаты! Помогите!.. *(Валится Воронову в ноги, хватает, молит, целует сапоги, протягивает руки Даниловой, та брезгливо отталкивает предателя.)*

Воронов. Поднять и собрать вещи. Полотенце там, мыло, зубную щетку...

Буткевич. А-а-а!.. В тюрьму, в тюрьму!.. Люди русские, спасите!.. Господи, отец всех сил, помоги... А семья-то, Оленька, Леля!..

Рыбалтовский. Полковник, не роняйте достоинства мундира. Перестаньте!

Буткевич *(бьется в руках конвойных)*. А-а-а!.. Не виноват, не виноват... *(Рыбалтовскому.)* Подтвердите... Как перед богом... А-а-а!..

Рыбалтовский *(надевая перчатку)*. Какая шваль! *(Бьет одной перчаткой Буткевича по лицу, дважды, накрест.)*

Воронов *(конвойным)*. Вывести его...

Обвисшего Буткевича, который что-то мычит, выводят из комнаты.

Р ы б а л т о в с к и й. Так-с... Ну что ж, направимся для дальнейших деловых бесед, товарищ член Военного Совета. *(Светски.)* Прошу...

В о р о н о в. Нет уж, теперь мы вас попросим. Прошу...

Рыбалтовский идет своей упругой, покачивающейся барской походкой, указывая на дверь Воронову.

Ш и б а е в. Пригрели птичек.

П о т а п о в. Во-время взяли...

Д а н и л о в а. Так как же — поймает Балтфлот этого матроса-агента или упустит?

В о р о н о в *(Шибаеву)*. Вот что: весь Балтийский флот перевернуть, найти этого матроса, который к Буткевичу ходил.

Ш и б а е в. Вот так *(жест мимо лица)* прошел... Ну, тип!.. Говорит, как шелком шьет... Ну, каждый скажет — свой! Спокойствие, манера, флотские дела — наизусть...

В о р о н о в. Кончаем разговор... Повторяю: Балтфлот перевернуть — найти.

Д а н и л о в а. От пролетариата Петрограда требуем: найти.

Ш и б а е в. Есть перевернуть и найти. Умру, а найду. Вот тут у нас с ним и получится флотский разговор. *(Крепко сжимает кулаки.)*

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

ЗАКАТ РОДЗЯНКО

Все тот же кабинет генерала Родзянко. Тона кажутся поблекшими. Вид людей тоже поблекший, нервозный. Р о д з я н к о, небрежно одетый, за столом. Рядом З е й д л и ц. Стоит о х р а н а.

Р о д з я н к о. Что на Красной Горке? Что с Неклюдовым? Почему не отвечает?

З е й д л и ц. Связь прервалась...

Р о д з я н к о. Какие были последние данные?

З е й д л и ц. Корабли красных ведут с утра ожесточенный обстрел форта двенадцатидюймовыми орудиями... На форту пожары и повреждения. Провода перебиты, ряд казематов обрушился... Часть раненых доставлена сюда. Авиация красных производит налеты. Морская пехота прогрызает предполье обороны форта и приблизилась к форту.

Разрозненные звуки духовых инструментов. Где-то поблизости идут репетиции оркестра.

Р о д з я н к о. Что еще?

З е й д л и ц. Прибыли господа иностранные представители: капитан второго ранга Эгар...

Р о д з я н к о. Нужны они сейчас, как дыра в голову... Просите, но предупредите: я очень занят... Ах, Зейдлиц, Зейдлиц...

Зейдлиц, понурив голову, уходит. Вскоре он возвращается, за ним входит Э г а р в британской военно-морской форме.

З е й д л и ц. Ваше превосходительство, позвольте представить... Коммендер — что соответствует капитану второго ранга — Эгар...

Обычная церемония поклонов и рукопожатий.

Э г а р. Имею честь вручить генералу личное письмо от британского военного министра мистера Уинстона Черчилля...

Вручает письмо Родзянко, который уныло и скучающе пробегает письмо, бросает его на бювар. Слышны звуки мотоцикла.

Р о д з я н к о. У нас говорят: «Дорого яичко ко христову дню». Письмо запоздало и практически беспредметно, мистер Эгар... *(Снова отбрасывает письмо.)*

З е й д л и ц *(уходя)*. Прибыли бежавшие из Петербурга, ваше превосходительство!

Входят Д э к с, м а д а м Б у т к е в и ч и Л е л я. Дэкс в форме мотоциклиста, в перчатках с раструбами. Мадам, как и дочь, в летнем дорожном пальто.

Мадам Буткевич. Генерал, здравствуйте!.. Ужас, что творится... *(Сбрасывает пальто.)* Ну, возьмите же кто-нибудь там!..

Жабоедов подхватывает пальто.

Аресты... Да, ваш представитель полковник Вадбольский арестован у меня на глазах... Все, все рушится... Я тоже была схвачена. Но хорошо, что мне быстро помогли... И я спасена! *(Указывает на Дэкса.)* Он вывез меня. Будьте знакомы.

Поклоны. Дэкс козыряет.

Ужасные дороги... Красные нас остановили в пути. *(Грубо.)* «Пропуск!» Дэкс выстрелил два раза, тот упал, и мы благополучно проскочили... Боже, как я утомлена! Дайте мне пить!

Родзянко подает ей стакан воды.

Нет, зачем воду?.. Дайте коньяку... И скажите, чтобы принесли перчику. Из кухни или из буфета... Обыкновенный перец... Ну, я так хочу... *(Конвойцу.)* Сейчас же, голубчик...

Жабоедов бежит выполнять поручение. Входит военный врач. Обвисшие усы, китель с орденом, повязка Красного Креста.

Врач. Подвоз раненых с Красной Горки усилился. Тяжелые осколочные ранения. Там форменный разгром... Несколько человек у меня умерло.

Родзянко. Захороните.

Врач. А что же остается — закопаю..

Родзянко *(раздраженно)*. Зачем, доктор, вы пристаете ко мне с пустяками? Знаете, бывали в переделках...

Врач уходит. Жабоедов приносит коньяк и перец. Мадам встрепенулась, жадно наливает себе и генералу.

Мадам Буткевич. Поль, хотите?

Дэкс отмахивается.

Ваше здоровье, ваши успехи, генерал! *(Лихо пьет.)*

Зейдлиц (*входя снова*). Комендант форта Красная Горка поручик Неклюдов!

Р о д з я н к о. Сбежал?

Пауза. Все ждут Неклюдова. Он входит, нервный, одежда не в порядке.

Р о д з я н к о. Вас хватило только на три дня?

Н е к л ю д о в. Нас хватило... Генерал... это ужас... Вы не представляете себе, что значит огонь этих линейных кораблей... Это непрерывные чудовищные удары в мозг. Вбивают острые железные колья... Кругом пожары, гарь, удушье... Обваливается бетон... А вы мне дали зачем-то финнов. Они начали грабить форт... Как бьют красные! Кто им все это организовал?.. Кто?! *(Мрачная пауза.)* Почему нам внушали, что они сразу сдадутся, эвакуируются?.. Где Буткевич?

М а д а м Б у т к е в и ч. Нicolas, я здесь... Не надо так переживать.

Н е к л ю д о в. Уйдите, я не о вас говорю. Где Буткевич? Где Рыбалтовский? Где их обещанья, гарантии?.. «Поручик, смелее, начните — и перед вами сверкающий путь!..» Сверкают эти чудовищные линейные корабли. Боже, как я верил!..

Звуки панихиды. Хоронят умерших в полевом госпитале.

Р о д з я н к о. Кой там чорт?

З е й д л и ц. Доктор хоронит погибших на Красной Горке.

Р о д з я н к о. Прекратите!.. Жабоедов!

Жабоедов метнулся.

Н е к л ю д о в. Ваше превосходительство! Все ведь было сделано. Повел весь гарнизон... кроме роты матросов. *(Заметив иностранца.)* А этот тут зачем?.. А, господа союзники?.. Наблюдатели событий. Смотришь, Британия?..

Э г а р. Я был в Ютландском бою, знаю истерики после действия огня линейных кораблей. Поэтому не буду отвечать...

Залп эскадры Балтфлота.

Н е к л ю д о в. Вы всегда «не отвечаете». Вы всегда «наблюдатели». Шлете нам письма, компли-

менты, клозетную бумагу, зубные щетки, бритвенные ножички... *(Швыряет из грудного кармана какие-то пакетики.)* Нам доставили эту английскую рвань — «доблестной Красной Горке»...

Второй залп эскадры.

Мы, идиоты, верим... Ждем.

Третий залп.

А они — большевики — не верят. Умницы... Господи, зачем я расстрелял там столько людей! (*Эгару.*) Вам все равно... двести — да больше! — таких, как я, русских... Что вам Россия? *(Плача.)* А, пусть бьют — огонь! По нас... Огонь, большевики!

Еще залп.

Мадам Буткевич. Nicolas, дорогой, перестаньте! Nicolas, у вас просто нервы... Успокойтесь, возьмите себя в руки. Вы же дворянин, офицер...

Неклюдов. Нервы?.. Дворянин? Я устал от вранья — всю жизнь вранье... «Мадам», «месье»... И все кланяются, лезут, что-то болтают, и все врут, утомительно и отвратительно...

Мадам Буткевич подает Неклюдову бокал коньяку.

Зачем вы лезете ко мне, Ольга Буткевич? Вы — старая кокетка, захватанная любовниками, английская шпионка... Уйдите вон со своими мужьями, дочерьми, любовниками... Семейка...

Леля. Заставьте его замолчать!..

Мадам Буткевич. Nicolas!

Звуки оркестра: «Боже, царя храни!» Все обернулись, обомлели. Эгар встал, вытянулся.

Неклюдов. О, прекратите эту ложь!

Родзянко. Зейдлиц! Капельмейстера сюда!..

Зейдлиц метнулся. Оркестр играет. Родзянко машет руками и кричит: «Остановить! Остановить!» Музыка затихла. Зейдлиц втаскивает капельмейстера.

Капельмейстер. Зауряд-прапорщик Мешков прибыл, ваше превосходительство.

Р о д з я н к о *(тяжело дыша, бьет капельмейстера по лицу)*. Ты, подлец, смеешься? Над мертвыми! И над государем! И над нами?! Двуличная тварь! *(Бьет снова стеком.)* Сегодня — «Марсельезу», «Интернационал», завтра — «Боже, царя...» *(Бьет.)* Жабоедов!

Ж а б о е д о в. Я, ваше превосходительство. Повесить, ваше превосходительство?

Р о д з я н к о. Выпороть... Дать сто... *(Выталкивает капельмейстера.)* Господа, я прошу всех успокоиться... Я понимаю — отступление, бегство, стрельба... Но надо спокойнее...

Входит З е й д л и ц. Он бледен. Подает Родзянко телеграмму.

З е й д л и ц. Телеграмма от Верховного — адмирала Колчака...

Родзянко читает телеграмму и тяжело оседает на кресло.

М а д а м Б у т к е в и ч. Генерал, что с вами? Глотните, и вам станет лучше. *(Берет телеграмму, читает вслух.)* «Командующим Северо-западной армией назначаю генерала от инфантерии Юденича»... Генерал, это ваша отставка?

Родзянко молча кивает головой. Зейдлиц молча, интимно-сочувственно гладит Родзянко по плечу. Снова панихидное пение из полевого госпиталя. Люди сидят мрачные, неподвижные.

М а д а м Б у т к е в и ч. Пошлите кого-нибудь, чтобы эти идиоты замолчали наконец... Нет сил...

Э г а р. Милостивые государыни и милостивые государи! Я отдаю дань потрясенным чувствам, эмоциям, но я хотел бы узнать наконец о делах, которые нужно продолжать.

М а д а м Б у т к е в и ч. Генерал, да, да, скажите, что нужно делать... Поль, вы всегда спокойны... Надо что-то делать, господа. Взят муж, неизвестно, что с ним... Остаюсь я и дочь... И мы будем действовать... Борьба продолжается... Вот этими ногтями я выцарапаю глаза большевикам. Борьба продолжается... сегодня и завтра, на годы... Генерал, диктуйте...

Входит Ж а б о е д о в

Жабоедов. Ваше превосходительство, ваше приказание сполнено... Всыпал... Лежит, не встает...

Эгар. Я полагаю, что мы не оставим Красную Горку большевикам.

Родзянко *(Неклюдову)*. Поручик Неклюдов, форт подготовлен к уничтожению?

Неклюдов. Да, к взрыву приготовлен... Минеры оставлены.

Родзянко *(Эгару)*. Вы напомнили о существенном деле... Благодарю...

Неклюдов *(придя в себя)*. Ваше превосходительство... Я что-то наговорил тут?.. Не мог иначе, ваше превосходительство... Накипело... Столько пережил за эти три дня... Готов под суд. Отдавайте, ваше превосходительство. Но и перед судом скажу: союзники предадут. Вот таких, как я, и прочих, погонят в лагеря, на работы. Я же знаю. Мне отец, старик мой — генерал, рассказывал о британских методах, про бурскую войну, про Индию... Ваше превосходительство! Поймите происходящее... Что-то огромное надвигается, все в мире переворачивается... *(Указывает на Эгара.)* Что ему Россия!

Родзянко. Поручик, замолчать! Средства для взрыва на месте? Заложены? Люди для этого найдутся?

Неклюдов. Там остался матрос, старый минер... Он сказал мне: «Ну, нагрешили, только смертью искупать!» Он взорвет.

Родзянко. Старый матрос? Гм... Ненадежно... Надо проверить, обеспечить... Кто же пойдет от нас?

Эгар. Он пойдет. *(Указывает на Дэкса.)* Ему нужно переодеться... Морскую форму, генерал.

Родзянко. Жабоедов! Сними там с убитых или раненых... Быстро. Второй рост. Матросское, полный комплект.

Жабоедов. Слушаю, ваше превосходительство! *(Уходит.)*

Новые залпы, все ближе. Дребезжат стекла.

Эгар *(Дэксу)*. Я буду рад засвидетельствовать королевскому правительству, что в критические

минуты вами были проявлены образцы хладнокровия и доблести.

Д э к с. Благодарю.

Новые залпы.

М а д а м Б у т к е в и ч. Надо уйти отсюда. Они разобьют дом... Господи, нигде покоя нет... Какой век, какой век!..

Входит Ж а б о е д о в.

Ж а б о е д о в. Доставил!.. Еще тепленькое. *(Передает Дэксу комплект обмундирования, снятого с раненого.)*

Дэкс берет вещи, идет переодеваться.

Э г а р. С вашего разрешения, генерал, визит свой могу считать законченным?

Р о д з я н к о. Так получилось. Вы сами видите... сами виноваты...

Э г а р. Борьба продолжается, генерал. Что имеете вы передать, сэр, в Лондон?

Р о д з я н к о. Это уже передаст Юденич.

В матросской форме входит Д э к с.

М а д а м Б у т к е в и ч. Дайте я благословлю вас на дорогу.

Крестит и целует Дэкса в лоб, он иронически на нее глядит. Леля подходит, жмет руку, волнуясь.

М а д а м Б у т к е в и ч. Поль, вы — смелый человек. *(Язвительно, оборачиваясь.)* Мсье Неклюдов мог бы взять с вас пример. Я преклоняюсь перед вами, Поль.

Д э к с. Оставим ненужные слова.

Р о д з я н к о. Неклюдов, у вас остались ваши бланки? Надо дать удостоверение. *(Указывает на Дэкса.)*

Н е к л ю д о в *(шарит по карманам)*. Ага... я напишу... Предъявитель сего военный моряк... Как пометить?

Д э к с. Военный моряк Балтфлота Павел Урванцов.

Н е к л ю д о в *(пишет).* Павел Урванцов... действительно является...

Д э к с. Минером-подрывником форта Красная Горка...

Н е к л ю д о в. Минером-подрывником форта Красная Горка... Подпись...

Д э к с. Благодарю вас. *(Присутствующим.)* Ну, пожелаю всего доброго. Я буду там быстро.

М а д а м Б у т к е в и ч. Добрый путь, Поль. Мы ждем вашего возвращения.

Р о д з я н к о. И не рискуйте — возвращайтесь обязательно.

Э г а р. Целиком присоединяюсь к просьбе генерала.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

БОРЬБА ЗА ФОРТ

Береговой участок фронта. Расположение 1-го экспедиционного отряда моряков. Сквозь сосны видно море. М а т р о с ы наблюдают за стрельбой линкоров «Петропавловск» и «Андрей Первозванный». Возбуждение... С воем сирен мимо берега идут эскадренные миноносцы... Залпы...

Г о л о с а. Ух, дают! Дай, «Петропавловск», дай, «Андрей»!

Свист снарядов с полевой батареи мятежников. Все прилегли.

Г о л о с. Тоже дает... Земные поклоны кладете? Паломники...

В з в о д н ы й. Сигнальщик, семафорь на головной эсминец: «Просим подавить батарею противника, расположенную на оконечности мыса».

С и г н а л ь щ и к. Есть.

Быстро семафорит, вызывая головной эсминец. Снова свист снаряда. Матросы вжимаются в землю.

Г о л о с. Заскучали?

Залп эсминца. Все привстали. Отряхиваются.

Голоса. Тут она ему и сказала...
Голос. За мной, мальчик, не гонись.

Второй залп эсминца.

Голоса. Недолет. Подожди... сейчас даст.

Третий залп эсминца.

Гул голосов. Ага-а! Уррра!..

Вверх летят бескозырки.

И лапки вверх! Вот дали! В самую батарею! В щепки... «Адмирал изъявляет свое удовольствие лихим эскадренным миноносцам»...

Взводный. Сказано: «Грозой на банду белых куцую ударят Питер и Москва, и мир-ровую революцию не сдаст балтийская братва!»

Голос. Дорога на Горку теперь открыта!..

Голос. Кого-то взяли...

К толпе подводят раненого матроса, его провожают двое.

Голоса. Откуда?.. Кто?..

Один из провожатых. Перебежчик с Красной Горки...

Голоса. Ну-у?.. Эй, вали сюда, живой с Красной Горки!

Взводный (*молодому матросу*). Потапов, на носках за командиром отряда. Скажи — перебежчика привели!

Молодой матрос Потапов бросился выполнять поручение.

Голоса. Видал, как батарейку ковырнули?
Перебежчик. Видал.
Взводный. А ты кто таков?
Перебежчик. Военный моряк.
Взводный (*напирая*). А дальше?
Перебежчик. Член партии.
Взводный. Партбилет!..
Перебежчик (*достает здоровой левой рукой*). На...
Взводный. Почему сохранил?

П е р е б е ж ч и к. А не видел надобности паниковать. Знаешь, как партбилет беречь надо?..

Г о л о с а. Вот, правильно... Ты его на бога не бери, взводный...

Подходит к о м а н д и р 1-г о э к с п е д и ц и о н н о г о о т р я д а.

В з в о д н ы й. Смирно! Товарищ командир отряда, первая рота в отрядном резерве. Ведем опрос перебежчика с Красной Горки. Вот его документы.

К о м а н д и р о т р я д а *(посмотрев документы)*. Что на форту?

П е р е б е ж ч и к. Пожары, все горит... Начальство — Неклюдов и его свита — дают тягу.

Г о л о с. Чего ж нам ждать?

К о м а н д и р о т р я д а. Тихо!.. Оборона форта цела?

П е р е б е ж ч и к. Часть орудий повреждена... Главное, гарнизон в полном расстройстве...

Г о л о с. Что ж ждать! Ударим — и в дамках...

К о м а н д и р о т р я д а. А это без советников решу. *(Перебежчику.)* Отвечаешь за каждое показание.

П е р е б е ж ч и к. Могу показать путь. Знаю и пропуск. *(Негромко.)* «Петербург». Что ж, пошли или раздумали?

Матросы впились в командира: Что решит?.. Кто-то опять простонал: «Эх, чего ж ждать-то?»

К о м а н д и р о т р я д а. Горнист, большой сбор!

Матросы оживились... «Живем! Даешь Неклюдова!» Горнист играет сигнал. Подбегают новые люди на сбор. Матросы перед боем: идут последние приготовления. Кто-то от нетерпения выбивает чечетку. Лязгают затворы. Незаметно подходит т о в а р и щ С т а л и н. Его сопровождают В о р о н о в, Ш и б а е в, путиловцы-делегаты Д а н и л о в а, И в а н ч е н к о в. Бойцы узнали Сталина.

К о м а н д и р о т р я д а. Смирно! Товарищ народный комиссар, командир Первого экспедиционного морского отряда Балтийского флота... Расположены в полутора километрах от мятежного форта. Отряд готовится к бою, происшествий никаких не случилось.

С т а л и н. Здравствуйте, товарищи матросы.

В с е. Здрасс!..

С т а л и н. Вольно... *(Командиру.)* А почему сыграли сбор?

К о м а н д и р о т р я д а. Обстановка благоприятная. Вот матрос с Красной Горки бежал...

С т а л и н. Документы проверяли?

К о м а н д и р о т р я д а. Так точно, проверили.

С т а л и н. Когда вы бежали?

П е р е б е ж ч и к. Час тому назад... Пришли выводить в расход: «А ну, члены РКП, собирайся!» Я решил: так пропадать и так. Кинулся... «Стой, стой!» Один кричит, заступается: «Зачем убивать?» Я — ходу. Стреляют. Попало вот в руку.

С т а л и н. Что делается на форту?

П е р е б е ж ч и к. Вся площадь в пределах фортового пояса завалена осколками снарядов, бетоном, убитыми. Все казармы городка уничтожены. Лес горит. Пожары. Командный пункт значительно поврежден. Неклюдов сбежал.

С т а л и н. Как гарнизон?

П е р е б е ж ч и к. Идут споры: сдаваться или сопротивляться.

С т а л и н. У нас есть сведения о подготовке взрыва форта.

П е р е б е ж ч и к. Да, есть слух о том, что готовится взрыв... Несколько минеров засело в минном каземате. Там один отчаянный старый минер. К нему подослали сегодня какого-то инструктора из штаба белых, на мотоцикле...

С т а л и н. В итоге получается, если подумать без горячки, что обстановка пока неблагоприятна. Рисковать отрядом не будем. *(Командиру отряда и Воронову.)* Нужно предварительно выслать разведку, постараться проникнуть в казематы, к матросам, и выяснить обстановку.

Ш и б а е в. Я пойду, товарищ Сталин.

В о р о н о в *(вынимая папку)*. Вот тут подробно указано все минное устройство форта.

П е р е б е ж ч и к. Можно прямо итти в минный каземат. Я проведу, товарищ Сталин.

Сталин. Не лучше ли вам итти на перевязку? Товарищи сумеют найти дорогу.

Перебежчик. Мне недавно делали перевязку свои — на заставе. Я проведу товарищей, если разрешите, товарищ Сталин. Знаю все ходы и выходы, пять лет на форту отслужил. Я знаю и сегодняшний пропуск.

Сталин. Это пригодится. Ну, хорошо, идите...

Из рядов отделился молодой матрос Потапов. Волнуется. В руке записка.

Молодой Потапов. Товарищ народный комиссар! Разрешите обратиться.

Сталин. Я вас слушаю, товарищ.

Молодой Потапов *(читая, несколько сбиваясь)*. «Прошу разрешить настоящую судьбу мою. Ввиду надвинувшихся событий на Красный Петроград, мое молодое коммунистическое сердце не желает находиться бесполезным организмом...» В резерве стоим, товарищ Сталин... «всецело желаю оказать содействие»... Пустите в разведку! «...дабы поделом наказать затравщиков Англии и их наймитов»...

Сталин *(с улыбкой)*. С моей стороны нет возражений. Как ваша фамилия?

Молодой Потапов. Потапов, Андрей.

Сталин. Вы петроградец?

Молодой Потапов. Да, с Путиловского.

Сталин. Вы не сын ли Петра Степановича Потапова?

Молодой Потапов. Сын. А вы и отца знаете? Он мне рассказывал, как вы в Сибири были и побеги делали... Шесть побегов... Это здорово!

Сталин. Ваш отец мне тогда очень помог. Сейчас он здесь. Он задержался в штабе — составляет отчет.

Молодой Потапов. А что слышно в штабе? Как обстановка, товарищ народный комиссар? Что в Питере?

Матросы сгрудились, интересуются.

Сталин. Могу передать вам вести о делах в Петрограде: там раскрыт крупный контрреволюционный заговор. В ночь на сегодня рабочие отряды Петрограда

произвели массовые обыски в буржуазных кварталах. *(Выдвигает за плечи Данилову несколько вперед.)* Вот участник дела расскажет вам. Вскрыты подпольные вражеские гнезда, арестовано несколько тысяч контрреволюционеров.

М о л о д о й П о т а п о в. Отец, наверное, участвовал в раскрытии?

С т а л и н. Участвовал.

О д и н и з м а т р о с о в. А что контрреволюционеры готовили?

С т а л и н. Цель заговорщиков: взять в свои руки всю Кронштадтскую крепость, подчинить флот, открыть огонь в тыл нашим войскам и прочистить Родзянко путь в Питер...

М о л о д о й П о т а п о в. По нас стрелять хотели?

С т а л и н. Да. Теперь ясно нахальство, с которым шел Родзянко на Питер со сравнительно небольшими силами.

Г о л о с. Рассчитывал нас с тыла стукнуть!

С т а л и н. Рассчитывал на бывших людей, обиженных буржуа, помещиков, продажное офицерство... Они копили оружие и ждали удобного момента, чтобы ударить нам в тыл и занять город.

М о л о д о й П о т а п о в. Ну, нашел простачков!

С т а л и н. Петроградские рабочие не стали ожидать такого удара и выступили сами. Заговорщики и шпионы отведены в «спокойные» места.

М о л о д о й П о т а п о в. В «дом отдыха»... *(Жест «под замок».)* Это я одобряю.

Д р у г о й г о л о с. Оружие у них забрали, товарищ Сталин?

С т а л и н. Несколько тысяч винтовок, пулеметы и в одном посольстве даже орудие.

Г о л о с а. Вот дипломаты! Дипломаты от артиллерии!

М о л о д о й П о т а п о в. По-русски сказать — пушкари-дипломаты...

С т а л и н. Да, дипломаты фальшивые... Каковы же итоги дела в целом?.. Расчеты противника на занятие Питера, захват Кронштадта и Балтийского флота оказались преждевременными. Нас пугали контррево-

люционными генералами. Теперь эти генералы бегут, как чорт от ладана. Нас пугали всякими «сюрпризами» войны. Но оказалось, что пролетарские военные работники могут устраивать и устраивают врагу сюрпризы еще покрепче буржуазных. В чем теперь задача? Нанести противнику последний сильный удар и занять Красную Горку. Для этой цели и двинуты отряды моряков Балтийского флота. Корабли «обработали» Красную Горку, решили свою задачу. Теперь — решите вы свою задачу?

Молодой Потапов. Честное комсомольское, решим, товарищ Сталин!

Взводный. Кто как — не знаю, но наш первый батальон — глаза пусть лопнут — задачу выполнит. Ребята какие, товарищ народный комиссар! Заводские...

Сталин. А задача какая! Дело не только в этой Горке, дело в Революции, в будущем всего народа. Врагу надо показать, что всякая его попытка подавить движение народа будет беспощадно отбита.

Взводный. Понимаем, товарищ народный комиссар, посылайте!

Сталин. Сначала проведем разведку... Двигайте, товарищ Шибаев. До встречи на Красной Горке.

Шибаев. Есть. Когда закончу разведку и установлю, что можно продвигаться, я дам красную ракету.

Данилова *(бросается к Шибаеву)*. Ну, счастливо вам!.. *(Смотрит на матроса горячим долгим взглядом.)*

Молодой Потапов *(Сталину)*. Так до встречи на форту. Если батю моего увидите, скажите ему: будет полный порядок.

Сталин *(улыбаясь)*. Я тоже так думаю...

Затемнение

Минный каземат на форту. Распределительная доска, рубильники. У стола сидит мрачный, медлительный седоусый минер. Рядом с ним — Дэкс.

Старый минер. К чему же пришли?

Дэкс. Кронштадт не поддержал. Корабли расковыряли на форту все в пыль и пепел.

Старый минер. Петроград молчит.

Дэкс. Еще хуже. Англичане не пришли. А, сволочи!..

Старый минер. И не говори...

Дэкс. Остались мы брошенными. Сбежал Неклюдов, арестованных перебил. Зачем? Что ему коммунист Михаил Михайлович Мартынов сделал? Рабочий человек, простой, душевный... О людях всегда беспокоился...

Старый минер. Оставим мертвых. У нас свои заботы...

Дэкс. Вот жизнь и к концу подошла... Ах, что натворили! Что натворили!.. Позовут, спросят: «Военный моряк, старший минер Степан Петрович Брызгалов!» — «Есть!» — «Поднял руку на советскую власть, на Ленина, на народ?» — «Опутали, виноват». — «Ах, так, — скажут, — виноват? Становись, старый минер, к стенке, раньше думать надо было»... Решают просто. Вот она как смерть-то подбирается к человеку. Ее и не ждешь, а она сама подбирается... «А я, — скажет старый минер, — после службы к своим думал ехать, в деревню...» Как же, пустят тебя, виноватого... Так и пропадешь «без вести», и семья словечка не узнает... Был, скажут, Брызгалов и исчез, как пыль в воздухе...

Старый минер задумался, вынимает лист бумаги, начинает что-то писать.

Что пишешь?

Старый минер. Подожди... *(Пишет, тяжело думает.)* Слушай, друг Урванцов... Павел, кажется?

Дэкс кивает.

Большую и горькую правду ты говоришь, Павел. Ценю, что пришел и готов разделить со мной даже смерть. Так?..

Дэкс с усилием кивает.

Видно, человек ты настоящий, русский. *(Пауза.)* Одна у меня просьба к тебе будет.

Дэкс насторожился.

Иди и письмо вот это в деревню, семье моей передай.

Дэкс облегченно усмехнулся про себя.

Адрес указан. Прощанье мое, вина моя и благословенье...

Д э к с. Да нет, я уж до конца с тобой буду, Петрович.

С т а р ы й м и н е р. Ценю — поэтому и прошу: иди. Последнюю волю мою исполни.

Д э к с *(испытующе)*. Значит — решил?

С т а р ы й м и н е р *(показал на рубильники)*. Оба рубильника — и все! *(Жест «общий взрыв».)*

Д э к с. А кабели и запалы проверил?

С т а р ы й м и н е р *(удивленно)*. А как же!.. Ну, двигай.

Д э к с. Ну, перед последней волей должен склониться. Давай. Куда доставить?

С т а р ы й м и н е р. Написано.

Д э к с *(читает)*. Новгородская губерния, Старорусский уезд... Будет сделано, Петрович.

С т а р ы й м и н е р. И не мешкай. Неклюдовцы тут кругом. Иди, друг. Пропуск: «Петербург».

Д э к с. Ну... попрощаемся.

С т а р ы й м и н е р. С богом!..

Троекратно целуются. Дэкс направляется к выходу.
Входит Ш и б а е в с д в у м я с в о и м и с п у т н и к а м и.

Д э к с *(отпрянув)*. Ты?..

Ш и б а е в *(спокойно и холодно)*. Я... Прошлый раз ты просил заходить, вот я и вспомнил, заглянул...

С т а р ы й м и н е р. Кто таков? Откуда пришли?

Д э к с. Ну, что я тебе говорил? Придут, потянут к Иисусу: что да откуда, да кто родители, да становись к стенке. Из ЧК пришли, Петрович. Знаю его. Володька Шибаев. За нашими головами пришли.

С т а р ы й м и н е р. Вот оно как!.. Не дамся... *(Вынимает наган.)* Оружие сними, ну!.. *(Перебежчику и молодому Потапову.)* И ты, и ты, щенок!

Дэкс быстро и радостно снимает оружие с трех моряков.

Еще не брали Степана Петровича живьем. И садитесь там, и сидите тихо. Ишь, в секретную минную за Петровичем пришли!..

Ш и б а е в. Не пугай наганом, пуганые... А зачем я пришел, объясню. Таких, как ты, дураков жалко...

Сидите, со страху еще наделаете бед... А с народом ты советовался? Все они с тобой взрываться желают? Только и мечтают об этом... Россия форт создала, пот, труд свой вложила, защиту возвела, а Брызгалов один все в воздух пустить хочет?..

Дэкс. Не агитируй, чекист!

Шибаев. Степан Петрович, значит, с народом говорить не желаешь?

Старый минер *(тяжело, медленно)*. Нет, почему?.. От народа я никогда не отказывался.

Дэкс. Не надо народа, Петрович.

Старый минер *(тяжело, медленно)*. То есть как «не надо народа»? Ты решал, советы мне давал, а люди действительно ничего не знают. Их Неклюдов запер под замок... «Не надо народа»? Нет, так нельзя. *(Молодому Потапову.)* Эй, малый, беги, открой там выход ребятам...

Дэкс. Не надо!

Шибаев *(молодому Потапову)*. Беги, Потапов. Часовому кричи пропуск «Петербург». Скажи: приказ, мол, — и выпускай ребят...

Молодой Потапов. Оружие!

Молодой Потапов, получив оружие, помчался. Слышен крик часового: «Стой!», ответ молодого Потапова, пауза, несколько возгласов, выстрелов — все насторожились... затем неистовое «ура!»

Голоса. Освободили... Ребята железные! Неклюдов зубы обломал на них...

В каземат врываются освобожденные. Молодой Потапов сияет.

Молодой Потапов. Я винтовку у часового отобрал!..

Голос. Шибаев, Володька! Откуда? Здорово!

Шибаев. Здорово, Вася! Дело есть, заглянул...

Голоса. А что этот старик тут у минных рубильников делает? Форт взорвать хочет? Забирай старика!

Молодой Потапов. Стой!.. Это он послал вашу роту освободить.

Голос. А это кто с ним?

Голос *(Дэксу)*. Кто таков? Чего здесь делаешь?

Несколько человек надвинулись на Дэкса.

Шибаев. Тихо!.. Потапов — к рубильникам на пост. Никого не подпускать.

Молодой Потапов встал на пост, вскинул винтовку наизготовку.

Я вам скажу, кто он таков и что он тут делает. И ты, Петрович, послушай. Присылают к нам в Россию разных типов, пошпионить... Вот и прислали среди прочих одного молодого человека, хорошо знающего наш язык... Жил он в России с начала германской войны тысяча девятьсот четырнадцатого года, втерся во флотскую среду... Ну, прямо свой! За словом в карман не лезет, ходы-выходы знает... Душу матроса изучил иностранный шпион. Квартира в Питере есть, деньги есть — и работает себе. Документ выправил на имя матроса. И имя взял: Павел Урванцов. Может, и крестик медный на шее носил. Расход небольшой. Словом, «работал» с умом. Скольких он загубил, еще не подсчитано. Подсчитаем. А сейчас сюда явился, за душу старика взялся: нагрешил-де ты, а выход один — рвануть форт, и все расчеты с жизнью кончены...

Все смотрят на Петровича. Он потрясен.

Старый минер *(Шибаеву)*. Правду говоришь?

Шибаев. Истинную.

Старый минер *(Дэксу)*. Что же ты, паскуда, со мной, с русскими людьми сделать хотел?

Дэкс молчит.

Молодой Потапов *(показывая на Дэкса)*. Я догадываюсь. Он хотел дождаться, когда отряд начнет штурм, и тогда всех на воздух!..

Старый минер. Все верно... Советовал...

Молодой Потапов. Я и догадался. *(Дэксу)*. На воздух? Тысячу ребят, и каких ребят — живая Балтика, один к одному ребята... Зачем их губить?.. Народ советский: вся жизнь впереди, только на дорогу

выходим... Разобьем белых, англичан — жизнь начнется. Что же ты, шпионская твоя морда, думаешь?

Дэкс *(ища компромисса)*. Давайте прежде всего не кричать... Можно найти спокойный деловой язык. Я вам объясню ряд вещей...

Прокатился гул возмущения. Дэкс шагает, взвешивая свои слова.

Молодой Потапов. К рубильникам не подходить, застрелю.

Дэкс *(сдаваясь, Шибаеву)*. Вот что я хотел бы вам объяснить. Всегда есть возможность обсудить возможность обмена пленными... Возможности взаимного обмена и расчета... Я предлагаю трезвый подход... Вот какая возможна комбинация: я...

Старый минер. Иуда ты — и больше ничего. *(Стреляет в упор.)*

Дэкс убит.

Вяжите меня, ребята...

Шибаев. Брось, старик! Пойдем неклюдовцев глушить! *(Своим.)* Давай красную ракету!

В ночной тьме — красная ракета.

ЭПИЛОГ

Огромное береговое пространство Финского залива. Белая ночь. Сирены с моря. В свете прожекторов идет последний удар. Сквозь проволоку и огонь хлещут матросские цепи. Сверкает огонь пулеметов белых. Всплески «ура». Отблески пожаров. Наконец матросы у кольцевого броневого вала. Форт взят. С шипеньем и лязгом подходит бронепоезд. Раскрылась броневая дверца. Из нее выходит товарищ Сталин.

К Сталину, рапортуя, подходит Шибаев.

Шибаев. Задание выполнено, товарищ Сталин. Действительно намечался взрыв, но был предотвращен.

Данилова *(подбегая, в походном снаряжении, с винтовкой, схватила Шибаева)*. Шибаев, жив?.. *(Не может скрыть своей радости, обняла матроса. Шибаев несколько смущен.)* Виновата, товарищ Сталин, помешала беседе... *(Шибаеву.)* А матроса-шпиона поймал?

Шибаев. Взял.

Данилова. А где он?

Шибаев. Лежит там, налево за углом. *(Сталину.)* Личные моменты помешали, извиняюсь, товарищ Сталин. Я продолжу. Установлено проникновение на форт англо-белогвардейской агентуры. Означенная агентура ликвидирована.

Сталин. Записана «в расход»?

Шибаев. Так сложилось... Разрешите, товарищ Сталин, по служебной надобности обратиться к взводному. *(Получив согласие, окликает взводного 1-го экспедиционного отряда.)* Взводный, надо быстренько сменить часового у рубильников минного каземата.

Взводный. Есть сменить! *(Одному из матросов.)* Станешь на пост в минном каземате.

Матрос. Есть.

Шибаев. Не подпускать к рубильникам никого: ни брата, ни папу, ни маму. Сейчас пустим минеров обезопасить кабели...

Матрос. Есть. *(Уходит на пост.)*

Сталин *(взводному)*. Ну, как настроение?

Взводный. На ять! На красной черте, товарищ Сталин! Вы нам здорово помогли, с бронепоезда... Нас прижало было у первой проволоки... Лежим, заскучали. Тут бронепоезд — как даст, ну, их пулеметы замолчали. Мы встали. А тут, смотрю, делегатка... *(Кивает на Данилову.)* Кричит: «Вперед, вперед, Балтика!» Ну, нас за живое взяло... Женщина — и покрикивает...

Сталин. Чем же вы недовольны?

Взводный. Нет, мы ничего... Просто заело.

Сталин. Зацепило?

Взводный. Зацепило! Ну, думаем, не отставать же, ну и дали рывок...

Сталин. Значит, выходит, что товарищ делегатка помогла вам?

Взводный *(вздыхает)*. Выходит...

Сталин. Смотрите — еще будут случаи: женщины и опережать вас будут...

Взводный. Что ж, это мы еще посмотрим...

Данилова. Ладно, и мы, женщины, посмотрим... *(Окидывает взводного взглядом превосходства.)*

Шибаев. Ладно, будем смотреть вместе. *(Берет ее за руку. Данилова счастливо заулыбалась.)* Там и выяснится — как и что...

Приходит молодой Потапов, сияет.

Вот, товарищ Сталин, разрешите доложить. Военный моряк Андрей Потапов. Освободил на форту роту заключенных матросов и первый стал на часы у рубильников минного каземата и этим не дал заговорщикам произвести взрыв.

Молодой Потапов. Да я просто выполнял его *(указывает на Шибаева)* приказания... Ничего такого особенного не сделал. А вот он напирал — это да!

Ох, батя идет! *(Увидел своего отца и Иванченкова.)* Разрешите, товарищ Сталин?

Сталин кивнул головой.

Молодой Потапов кидается к отцу, обнимает его, целует.

Потапов. Андрюшка, ты как тут?

Молодой Потапов. С разрешения товарища Сталина. Можешь его спросить. Ей-богу, батя... Да, батя, дела на форту — полный порядок, четкая революционная служба и советская власть.

Потапов. Очень бойцы просят вас, Иосиф Виссарионович, выступить.

Сталин. Ну, раз просят такие отличные боевые товарищи... *(Встает.)* Хорошо, коснемся некоторых весьма актуальных вопросов. *(Поднимается на пригорок.)* Приветствую бойцов Петроградского фронта и Балтийского флота, выполнивших важное правительственное задание. Передаю им благодарность Советского правительства.

Гул ответа: «Служим трудовому народу!»

В критическую минуту с вами были товарищ Ленин, поддержка пролетариев Питера и миллионных масс всех наций, населяющих нашу необъятную страну. Вот эта народная поддержка и помогла решить задачу. Враг отбит, но означает ли это, что он оставит свои попытки нападать на нас? Нет, таких гарантий нет. Враг упрямствует, он отверг мирные обращения Советов, он хочет вооруженной силой принудить нас к сдаче. Что ж, может быть, пойти на уступки?

Все. Нет!

Сталин. Иного ответа у советских людей и быть не может. Чего хочет враг? Враги хотели бы видеть Советское государство беззубым, безоружным, падающим ниц, окровавленным. Нет, товарищи!.. Пусть составители такой «программы» убираются ко всем чертям. Если уж быть кому-нибудь окровавленным, мы приложим все силы к тому, чтобы разбитым в кровь, окровавленным оказался бы буржуазный стан, а не Советское государство.

Общее согласное и грозное «ура». В порыве все подняли винтовки. Сквозь толпу прокладывают дорогу трое связистов: «Пропустите, а ну, потеснитесь!»

С в я з и с т *(пробравшись к товарищу Сталину).* Разрешите обратиться, товарищ народный комиссар!

С т а л и н. Слушаю вас.

С в я з и с т. Так что связь восстановлена. *(Улыбаясь.)* Тянули за вами беспрерывно, поспели, товарищ народный комиссар. Можно и по телефону, а с последней станции и по юзу, хоть в Москву связь давать, хоть куда — на всю Россию...

С т а л и н. Так... Дайте мне последнюю станцию.

С в я з и с т. Есть. Алле, Егорушкин! Это я... Будет говорить народный комиссар.

С т а л и н *(подходя к ящикам, где установлен телефонный аппарат)*. Товарищ Егорушкин? Здравствуйте. Говорит Сталин. Как устроились? Хорошо?.. Запишите, пожалуйста, телеграмму. Да, жду... Готовы? Так... «Москва запятая Кремль запятая Владимиру Ильичу Ленину точка Вслед за Красной Горкой ликвидирована Серая Лошадь точка Орудия на них в полном порядке точка Идёт быстрая проверка всех фортов и крепостей точка Морские специалисты уверяют запятая что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку точка Мне остается лишь оплакивать так называемую науку точка Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей *(поглядел на Потапова, Данилову и других)* и вообще штатских в оперативные дела запятая доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных точка Считаю своим долгом заявить запятая что я и впредь буду действовать таким образом запятая несмотря на всё моё благоговение перед наукой точка *С т а л и н*». Передадите быстро, товарищ Егорушкин? В момент?.. Ну, отлично... Благодарю вас. *(Обращаясь к командирам и Воронову.)* Захваченные орудия Красной Горки немедленно повернуть по тылам белых. Открыть огонь и гнать, и гнать их на запад.

Москва.
Январь—октябрь 1949 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КАК Я ПИСАЛ «ПЕРВУЮ КОННУЮ»

В начале июля 1929 года я получил от театра Красной Армии предложение разработать текст-литмонтаж на тему «Первая Конная в песнях». После предварительных переговоров и переписки театр в начале ноября сформулировал задание, которое я должен был выполнить:

«Вс. Вишневскому.

«Конную» дать сложнее, чем «Красный флот в песнях», театральнее. Написать пьесу, 3 части с прологом. Пролог: предпосылки к созданию Конной. Далее 3 части: фронт и период современный, переключение на мирное строительство. *Пьесу дать эпизодами для возможности отдельного показа самостоятельных кусков в лагерной обстановке*».

Я начал вспоминать те пьесы о Красной Армии и Флоте, которые пришлось мне видеть или читать. Раздумывал, волнуясь, почему столько бездейственных статистов в наших военных пьесах? Почему вылезают первоплановые «герои»? Разве новый театр не требует новой формы? Почему герои по-старому выворачивают на протяжении 3—4—5 актов свое «нутро»?.. Почему они часто не живут, а философствуют?.. Почему нарушается закономерность соотношения «я» и «коллектива»?..

Я чувствовал, что мне необходимо выполнить задание и готовой пьесой ответить на эти вопросы.

Надо было взять право на то, чтобы еще раз показать на сцене Красную Армию, на то, чтобы политиче-

ское, агитационное слово снова зазвучало со сценических подмостков. Можно было, конечно, заранее предугадать возражения. «Опять о гражданской войне, опять стрельба, белые, красные... Про это же писали и показывали...»

Надо было убедить, что тема не исчерпана и в сотой доле, что эпос Красной Армии и Красного Флота будет питать творчество и воображение целых поколений.

Я полез в свой архив. Вытянул старые папки: «1914», «1915», «1916», «1917», «1918», «1919», «1920», материалы, собранные за годы моей фронтовой службы... Фронт, здравствуй! А дни были в ноябре 1929 года — опять боевые. ОДВА билась. А 17 ноября — годовщина Конармии. Живее стал перелистывать дневники...

Выцветшие, подмоченные в десантах и скитаниях письма, клочки приказов, листовки Поарма. Перечитал свою статью о «Конной» в журнале «Красный флот». Перечитал полные патриотических мальчишеских, честных глупостей записки 1914—1916 годов.

Вспомнил царскую службу (отбухал добровольцем «верой и правдой» с начала германской войны). Пробежал одну работу о Конармии в журнале «Война и революция», просмотрел книги по истории Красной Армии.

Мне необходимо было дать в прологе предпосылки создания Конной. Я совершенно сознательно вводил пролог, давая императорскую гвардию, так как:

1) необходимо было показать материал, из которого создались многие красные отряды зимой 1917/18 года и истоки ненависти к барам — офицерам фронта;

2) необходимо было показать неизмеримый контраст между царской и Красной Армией.

Содержание эпизодов пролога и эпизодов германской войны я черпал из личного опыта, рассказов моих «годков» (одновременно служивших), также из некоторых материалов, сообщенных моими товарищами, служившими в царское время. Так, эпизоды «Околодок», «Бегом, братец», частично эпизоды «Забавы» и «Ученье» написаны на материале из воспоминаний моих товарищей о царской казарме. Само собой разумеется, я брал из этих воспоминаний только общую схему, переработ-

тывая их, внося внутреннее усложнение и напряженность, отделывая язык.

Дать царскую казарму живо, как сегодня, даже уйдя от нее на добрых пятнадцать — семнадцать лет можно тому, кто ее прошел. Чудовищно сильно клеймо этой казармы: как кислота, въелось. Когда я начал пролог, я восстановил в памяти великолепие — внешнее — этой армии. Хвала великолепию императорской гвардии мне была нужна для начала, которое звучит странно в 1930 году, как-то приковывает внимание, а затем резко контрастирует с настоящей, будничной обстановкой казармы.

Должен теперь продолжить о замыслах, о ходе выполнения их. Мне трудно здесь писать систематически потому, что пьеса писалась с перебоями, с постоянным изменением «точек прицеливания» в частностях. Писал я эпизоды не по порядку. Но пролог все же раньше всего. Потом, загораясь все больше, я перебрасывался, писал на первых попавшихся клочках, на краях газет, даже останавливаясь на улице; так, раз ночью, на Литейном проспекте, написал эпизод, относящийся к польскому фронту, найдя решение после долгих раздумий. Замыслы, понятно, формировались и уточнялись в ходе работы, так как срок был ударный, материал — волнующий до предела, и работа шла горячо — и днем и ночью.

Написав о 1914—1917 годах, я подошел к самой Конной. Что тут? Как? Решил: к чортовой матери «любви», «поединки», «философствующих». Хватит! Вещь должна быть посвящена коллективу, а не отдельным философствующим и нудно переживающим резонерам.

Фрунзе говорил: «Конная, как в фокусе, собрала типичное для всей Красной Армии». Значит, тема еще расширяется. Вещь — о борьбе всей Красной Армии, воспоминания о которой заставляют вскипать. Вещь — о радостях наших, слезах наших, о крови нашей, о будущем. Вещь о живых людях, многих из которых я знаю по именам, кличкам и встречаю сейчас. И смею ли я портить хоть чем-нибудь наносным, — даже «приятным», «освященным традицией», — подлинный мате-

риал замечательной красоты, обнаженной силы? Смею ли я дать его, как фон для сексуально-философских упражнений двух-трех «героев» и «героинь»? Никогда!

Как только я подошел к диалогу, речевой характеристике солдат, — я вызвал в памяти старых сослуживцев и стал их играть. Я шел таким образом: я импровизировал, громко подавал команды, ругался по-фельдфебельски — и все яснее и яснее видел и слышал людей, которых надо изобразить. Я вспоминал, как нужно стоять, стоял не шелохнувшись, тая дыхание, и, устраивая себе интенсивно-физическую муштру, я все больше и больше, острее входил опять в этот тяжелый мир. И соединение нескольких удачных сюжетных штрихов, исторически верных, с восстановленным точно языком, дало спрессованный пролог, доходящий до типового, общего охвата. На читке пролога С. М. Буденный прервал эпизод «Молитва» замечанием: «Вот, да — у нас так было». А штрих взят не из практики того полка, где был Буденный.

Эпизод «Словесность» сделан иначе. Я шел здесь по пути вскрытия уже не узко бытового материала, я остановился на исторически точном материале нравоучительных бесед с нижними чинами. Взял патриотический монархический текст 1912 года. Пришлось отобрать ряд подходящих фраз из книжки и видоизменить их для обрисовки барина-ротмистра. Иначе сделан текст взводного — о титулах и прочем. Здесь врывается повадка «шкуры» — мордобойца и автоматизированного тупого зубрилы. Унтера-«шкуры» любили щеголять и зашибать молодых солдат знанием уставов и т. п. Они выпаливали, наслаждаясь эффектом, целые столбцы из казенных изданий. Я привел два-три таких столбца, взяв их точно из памятной книжки 1914 года. (Вольноопределяющийся вставлен позже по идее режиссера А. Д. Дикого.) Вопросы о титулах особо были нужны: с одной стороны — для показа, чему нас учили, с другой — для вскрытия социальной физиономии командного состава: граф, князь, генерал царской свиты...

Детали издевательств — с натуры — по воспоминаниям моим и товарищей. Именно так дана взаимная лупцовка двух нижних чинов. Я только ввел в нее

национальный момент — сделал одного великороссом, другого украинцем. Это я сделал, чтобы показать — штрихом — «разрешение» национальной проблемы в царской армии. Также с натуры — «Письма».

Работая над языком, я, помимо самих слов, их смысла, расстановки, давал им этнографическую окраску: вводил воронежский акцент, акцент украинский и т. п.

Эпизоды войны сделаны по личным воспоминаниям. Рассказ об атаке Преображенского полка был записан мной со слов б. унтер-офицера лейб-гвардии драгунского полка. Он сменял со своим взводом преображенцев на Стоходе, после их атаки.

Эпизод «Нихт шисен» [1] также автобиографичен. В 1915 году осенью я стоял в окопах под винтовкой за повторное неисполнение приказа и за отлучку на реку (ходил купаться). Противник не стрелял. Так бывало и в других местах не раз, и это я знаю из разных сообщений.

Следующий эпизод определился также воспоминаниями — о «политработе» в царское время. Офицеры и священники с 1915 года стали усиливать попытки «нравственного воздействия» на «нижних чинов». В армии и флоте проводились беседы и т. п. и рекомендовалось подбадривать свои семьи. Писать же письма, вскрывающие суть дела, было невозможно, так как цензура изымала эти письма или бесцеремонно, тушью, черной краской или химическим карандашом, вычеркивала «нежелательные» фразы. Количество циркуляров о воздействии на нижних чинов было велико. Я ознакомился с ними по книге «Разложение русской армии». Само письмо—подлинное. Я берегу его с 1915 года. Оно написано было мне Семеном Кабановым, георгиевским кавалером, моим сослуживцем по окопам, которого я потерял из вида в январе 1918 года. (Я изменил лишь обращение, поставив вместо своего имени «любезная супруга и детки».) Потом я узнал подоплеку письма, то есть то, что такие письма «внушались».

Семен Кабанов был «отчетливый», боевой, русский «воин» призыва 1910 года из крестьян Донской области

---

[1] Не стрелять *(немецк.)*.

(из Усть-Медведицкого окр.). Я хорошо его запомнил, изучил, и многое от него дано ряду персонажей пьесы.

Сцена «Суд» написана под влиянием воспоминаний (дней, когда ввели смертную казнь после срыва июльского наступления 1917 года). Все эти элементы соединились, изменились, «повернулись», результат — данный эпизод. В слова подсудимого я внес подлинные солдатские выражения (политические), найденные в книге «Разложение русской армии».

Итак, я кратко сообщил о приемах, технике работы.

Надо добавить теперь несколько слов о том, как возникла сама манера распределения по эпизодам. Искусственное сочетание — подгонка кусков, плавно текущих, — казалось мне неподходящим для пьесы о гражданской войне.

В «Красном Флоте в песнях» я должен был дать период 1917—1929 годов. Уместить материал громадной насыщенности в часовой спектакль можно, лишь отжав узловые, предельно выразительные, характерные моменты. В «Конной» задача была еще сложнее, и отбор я производил еще строже. Здесь мне помог мой научно-исследовательский опыт в области военной истории, изучения живой силы армий. Я производил отбор, следуя требованиям показа наиболее существенных моментов стратегически-оперативно-тактических.

Первые наброски эпизодов были, как я чувствовал, удачны. Писал все время залпом, страница за страницей, только подбегая к тому или иному письму, книге, документу (они лежали в сторонке). Сильно давила привычка публициста, военно-научного исследователя быть документальным, скрупулезно точным. Вставлял оперативные детали, давал до последней буквочки солдатские песни (напевал их и так вспоминал давно забытые, записывал), речи ведущего писал иногда в сугубо разъяснительном тоне. Потом на ходу поправлял (не всегда все-таки: то не досмотришь, то пожалеешь, — «будто бы и ладно»).

Откуда ведущий?

Из первой вещи моей — «Красный Флот в песнях». Только там было два ведущих.

Ведущий в «Конной» поднят выше, развит мной. Ведущий — наша совесть, наша память, наше сознание, наше сердце. Мне предложили назвать его «политконферансье». Я пожалел, что предлагающий, очевидно, не до конца понял и ведущего и пьесу.

Продолжаю о работе над эпизодами. О первой части — староармейской — я сказал.

Подойдя к 1918 году — к развалу старой армии — я задался целью показать, как тогда уже, в диком хаосе теплушек, были видны первые очертания Красной Армии. Я внимательно вдумывался в тот период. Уйдя в документальность, я, однако, упустил художественную сторону. Важный момент — появление первых новых ростков на гниющем старом поле — я не развернул. Дальше будет сообщено, как дело исправлялось мной во втором варианте пьесы.

Я ограничился в первом варианте передачей повествования о развале фронта — ведущему. Повествование должно было оттеняться символической сценой: теплушка, ритм поезда, свист, пляс, вопли — и на слова ведущего об опасности — только злые крики: «Долой, к матери!»

Насколько я все время уклонялся к словесному, документальному, покажут такие строки ведущего из первого варианта пьесы: «Царил жуткий хаос на железных дорогах. Все пути забиты, солдаты, угрожая железнодорожным служащим, захватывают паровозы и сами гонят эшелоны и разбивают их». Это же сухая сводка, донесение. Но я писал, часто не замечая срывов. И тут же за этими сухими строками я писал напряженный эпизод — прохождение трех красных отрядов мимо теплушки. Этот эпизод я давал в соответствии с историей. Шли отряды. Как их показать? Нашел форму: написал эпизод, как символический — первый вызов (первых наших), брошенный армии Вильгельма, тогда самой опасной, и прятавшимся за ней белым. В эпизоде показал, кто вел отряды в самые опасные первые дни.

Эпизод был ориентирован и на вокалистов театра: песни трех отрядов.

Приходилось все время учитывать и сочетать самые различные требования театра, темы и т. д.

Эпизоды мобилизации крестьян и ухода в степь мобилизованных построены также по прямому авторскому политзаданию: доказать, что в гражданской войне нет нейтральных. Эти доказательства в жизни бесчисленны — надо суметь дать их сюда, в пьесу, максимально ярко, убедительно. Я с предельной силой воображения написал эпизод встречи Сысоева с казаком, вспоминая обстановку тысяча девятьсот восемнадцатого года, где всякий встречный мог нести смерть, где все были настороженны, недоверчивы. Эпизод был позже проверен: организатор партизан т. Городовиков сказал мне в театре: «Со мной так было». Большего, думается, не надо.

Особенно фактографичен и документален эпизод — так и неисправленный в книге — «Как у нас с конницей» (у Царицына). Здесь, работая по документам, я опять забыл о том, что драматург обязан обобщать, показывать лишь наиболее типичное, и привел, как сделал бы историк, много ненужных деталей (вплоть до перечня полков и числа орудий). Есть возможность сжать детали, сделать выразительнее. Но в этом же эпизоде, мне кажется, есть хорошее место: образец нашей присяги тысяча девятьсот восемнадцатого года, образец приема в Красную Армию. Я только приподнял диалог, сделал его не бытовым, а символически значительным. Человек вступает ведь в Красную Армию в суровый год. Рождается Конная!

В этом же эпизоде очень мельком, намеренно серо, я дал фигуру рабочего-питерца. Это не примелькавшийся герой в кожаной тужурке, а коммунар, старая питерская мастеровщина. Потом я его показал во весь рост.

Эпизод «Под темным небом» написал набело сразу, без помарок. Писал текст ведущего ритмической речью, стремясь передать сильнее прощанье с жизнью степных сынов. Был очень взволнован, вспомнил, что было, как гибли, — и написал...

Вообще переход к ритмической прозе в ряде мест ведущего дан для усиления текста.

О том, как был написан эпизод «Кого на испуг берете?» и почему был написан, — особо скажу ниже.

Тут было новое политическое задание — совет одного товарища из ЦДКА.

Эпизод «Встреча»[1] — «проблемный». Дан по личным воспоминаниям. Такие встречи видел я во время нашего наступления на Ростов. В эпизод вставил я — для «перебоя» и оттенения остроты положения — популярный у нас тогда мотивчик «Ростов-город мы прославим». Именно гундоровцев я выбрал потому, что Гундоровский полк (уроженцы Гундоровской станицы) был одним из самых стойких белых полков: старые казаки. Задавался я в эпизоде и целью характеризовать противника. Полагаю, убежден и знаю по опыту: недооценивать его не следует.

Дальше идут два эпизода — история захвата бронепоезда белых. Эти эпизоды написаны позже, для второго варианта пьесы (окончательный текст ее), так как я ознакомился и заинтересовался некоторыми новыми материалами об этом захвате. Эпизоды эти целиком исторически выдержаны, если не считать одной неточности: тогда был взят не один бронепоезд, а три. Но я считал, что достаточно показать в эпизоде и один.

В эпизоде я вывел С. М. Буденного таким, каким он был в ночь захвата, каким я его знаю; старался показать присущую ему мягкость (отношение к телеграфисту), которая сочетается в нем со всеми боевыми качествами.

С целью дано: показать путь белых от тысяча девятьсот восемнадцатого года — от «Лежанки», переход от наглой уверенной силы, веры в себя, — к началу разгрома белых, к «началу конца», к тупику, где уже надо стреляться. Что еще остается, кроме последнего демонстративного акта, если красные уже в самом логове лучших белых дивизий? Мы забрались именно в логово.

Потом: об оценке врага. Подчеркну, что против ударной Конной были ударные белые офицерские части. Надо показать это, надо и с этим считаться.

---

[1] Название VII эпизода «Встреча» заменено в позднейших изданиях названием «Отец и сын».

Далее: лучше ожидать большую опасность, большее сопротивление врага и встретить меньшее, чем наоборот. А я имею в виду ориентировать зрителя не на «историю» вообще, а на годы будущей войны.

Обращаюсь снова к технике. Когда я писал о захвате бронепоезда, я особенно отчетливо вспомнил, как на фронте, в самые напряженные минуты, кто-нибудь, может быть, из желания нарушить страшное молчание, выкидывал «коники», шутки, фокусы. Я дал эту деталь,— психологическую,— в репликах: «шарнуть ба», «ку-ку» и т. п.

Эпизод «Видишь кладбище» был сделан опять «литературно»: рассказ о событии, а не показ. Просматривая текст, я увидел удручающее обилие «рассказов» и выкинул их, заменив их драматургическим материалом. Так, я заменил первоначальный рассказ о победе под Ростовом — эпизодом «Марковцы». Из сводки я взял: «Взяты три марковских полка в плен». Как взяты? Покажи противника! Эти задачи я и решаю в эпизоде «Марковцы». Здесь у меня как бы завершается массовый показ белых: 1-я фаза — бодрые, самонадеянные корниловцы в с. Лежанка; 2-я фаза — смелые гундоровцы и офицеры с бронепоезда, чувствующие уже крах; 3-я фаза — крах, деморализация.

Сводки о разгроме марковцев — подлинные, из газет (январь 1920 года).

Дойдя до момента взятия Ростова, я задумался над дальнейшим развертыванием материала. Необходимо переключение, необходим отдых. Эмоционально-будоражащего, нервного материала дано достаточно. Нужен материал иной окраски. Я припомнил веселые дни весны 1920 года, раздолье бойцов на отдыхе. Но как же весь замечательный поход на Кубань? Он дан через восприятие настроения победителя, отдыхающего бойца. Были отпуска. Удобно! Покажу социально-смешанную вагонную аудиторию. Можно показать, как по-разному реагируют на рассказ о походе. Так писал я эпизод «В вагоне», решая ряд задач. Боец задуман у меня как простяга-мужик, охочий до баб, рубака и — раз конник, да еще в отпуск едет — значит, щегольнуть любит (белые нитяные перчатки

и пр.). Парень с натуры; были и несколько более забавные внешне бойцы: зеленые фуражки, алые галифе, цепочки, пояски с серебром, малиновые башлыки...

В рассказ бойца я вложил определенную установку: подчеркивание *оперативного* значения Конной под Ростовом (Конная обходом своим исправила тяжелые ошибки командования фронтом) и подчеркивание социальных корней Конной (Буденный — Ворошилов). К этому — элемент юмористический по необходимости внутренней конструкции вещи. В язык ввел детали той поры: «Деникин — артельщик» и т. п.

Эпизод «Смерть коммунара» для меня особенно дорог. Так погибали товарищи. Так просто погиб 1 октября 1918 года мой командир Николай Георгиевич Маркин [1], чтобы другим дать возможность спастись, себе оставив смерть. Так умирали и другие бойцы. В обстановке, данной в эпизоде, от коммуниста нельзя ждать иного. Армии нужнее пулемет, чем обременяющий ее человек, близкий к агонии. Сам коммунар знает это. И «человеческое» проскользнуло только в словах его: «значит, прощайте... с коммунистическим приветом». Впрочем, три последних слова — от класса, а не от «человечества». Умели и умеют быть коммунары выдержанными. Это я видел.

Эпизод «Допрос пленного буденновца поляками» — сплетение натуралистических и символических элементов. Разные театры берут то одну сторону, то другую. Мой боец — не Швейк. Это — мужик, знающий ясно, очень элементарно, но «насмерть» — что к чему. По-мужицки, чуть со смешинкой, он и говорит. Слово его верно. Действительно, «валят добровольные бойцы». Помню: Лисичанск, Переездная. Ворвались мы в Донбасс. Мчат дивизии по шоссе, бронепоезда стучат рядом. А из дворов, на неоседланных конях — парни в карьер, локти взлетают только кверху. В Конную — добровольцы

---

[1] Маркин Николай Георгиевич (1892—1918) — балтийский матрос, коммунар. Входил в ЦИК II созыва от Балтфлота. Комиссар Волжской речной флотилии. Погиб у села Пьяный Бор на реке Каме осенью 1918 г. в бою с белогвардейцами на военном корабле «Ваня-коммунист». *(Прим. автора.)*

Деталь о пятиконечной звезде: вспомнились первые часы политграмоты в восемнадцатом году, спотыканья малограмотных на перечне частей света...

Гул хора из зала: стремление к уничтожению рампы, к слиянию актеров со зрителем и т. д.

Дальше — Чонгар. Чонгар — исключительный момент истории Конной, замечательный подвиг, оцененный сразу, на месте боя: дивизия в поле же, навсегда, получила наименование «Чонгарская». Давать прямо батальную сцену я, подумав над материалом, отказался. Не перегружать «драками». Я выбрал косвенный метод: показ дела, преломленно. Это дало возможность дать напряжение: как идет бой — сразу не видно. Нагнетается тревога.

Далее косвенный метод позволил затронуть и незаметных бойцов — телефонистов, которые держали связь армий, дивизий и находили смерть в одиночку, без ободрений, без «ура», без «чувства локтя» (сосед рядом), без всего.

Последний эпизод гражданской войны «Поверка» я взял прямо с натуры: я был участником взятия Крыма — в рядах горных партизан. Мы шли с гор Крыма навстречу Конной. Брали пленных. В одном татарском селении мы ночью сделали справку — перекличку — и кончили ее, еще на белой территории, «Интернационалом». Каждый на справке отвечал свою фамилию, об убитых говорили «убит». Пленные стояли рядом, смотрели, как белеют повязки раненых — некуда девать было раненых, оставались в строю. «Справка» эта была где-то под Алуштой в ноябре двадцатого года.

Заключительная, 3-я часть пьесы была мною в первом варианте — из-за сильной усталости (я писал без перерыва больше недели, спал, не раздеваясь) — скомкана. Больше того: опять дана была «литература». Ее я переработал почти целиком, развив, дополнив до второго варианта, который и издан.

Девиз 3-й части: «И здесь фронт» — определял всю работу над последними эпизодами. Я взял подлинные письма послевоенного периода, факты и развернул их.

Траурный кусок ведущего в эпизоде «С нами Ворошилов» — сочетание приказа по Конармии, написан-

ного после гражданской войны т. Ворошиловым, и повторяющихся для вызова определенных ассоциаций мотивов из эпизода гибели пяти братанов («Под темным небом»).

Завершение линии Сысоев — офицер дано в эпизоде «Здравья желаю, ваш-сок-родь!» Здесь я показываю таящуюся везде вражью спрятанную лапу. Здесь я показываю, *какими* стали старые конники, оставшиеся в РККА. Показываю эволюцию бойца.

Вместе с тем я имел в виду: многие, конечно, будут ждать личной расправы, мести со стороны Сысоева (драма же!) А у меня: «А мы не партизаны уже...» Да, вот как...

Все знание наше, общее, и уверенность в боеготовности СССР дали финальные слова ведущего.

По плану, набросанному в ночь на 2 ноября, я писал до 14 ноября.

Числа 13—14-го ко мне приехал один из работников упоминавшейся выше группы ЦДКА. Я прочел ему с некоторой боязнью ряд эпизодов. Он сказал: «Здорово! Вот только почетче бы роль партии в организации Конной, в переделке партизан. Были моменты, помнишь?» — «Помню! Пропустил действительно. Сегодня напишу».

Так определился новый эпизод: «Кого на испуг берете?», где питерец-рабочий, показанный в эпизоде Царицына, дан как представитель партии, осуществляющий ее волю. Он укрощает бушующих партизан. Писал буквально с натуры, видя братанов перед собой, как живых. Боец в галифе — «ростовский Сенька», «шпана», но боевой. Для зарисовки взял и свою «полемику» с красными кубанцами под Александрией на Украине в 1919 году. Они не хотели итти на фронт — «кони заморены». Мне пришлось уламывать эскадрон.

14 ноября пьеса была готова. Два дня на перепечатку. В ночь на 17-е, в ночь 10-й годовщины Первой Конной, пьеса была отослана театру.

17-го — в день десятилетия Конной — пьеса была в Москве.

Я ждал из Москвы отзывов. Они пришли — и я был ошарашен успехом. Писал отзыв Буденный, передавали отзывы писателей и драматургов, всей труппы и т. д. — единодушная высокая оценка. Я был рад, что задание выполнил.

Но на этом работа не была кончена. Непрестанно, вновь и вновь рассматривая пьесу, я увидел чрезмерность словесного материала, данного ведущему. Я увидел, что ряд моментов необходимо переделать, доработать.

Пока в Москве знакомились с пьесой, читали ее и т. п.— я принялся за отделку вещи.

Я решительно срезал ряд мест ведущего и сделал из них эпизоды. Так, из нескольких фраз ведущего об эшелонах, идущих с солдатами «домой, домой», я сделал «Теплушку».

Этот эпизод я писал с большим внутренним напряжением и быстро, час-два. Я хотел показать буйную, звериную толпу, где всяк всякому враг, где бьются за место у печки, где за дверью стужа и смерть. Я сам пережил все это. «Перебив» трагизма я сделал фразой флегматика.

Далее, как я упоминал, я ввел эпизод «Марковцы», развив оперативную сводку.

В процессе доработки и переписки с театром определилась окончательно вся пьеса. Меня усиленно просили некоторые работники ЦДКА дать «женщину» и развить личную интригу. Я не шел на это, резко отказался. Потом я дал три *иронических* эпизода. В этих эпизодах, дано требуемое товарищами, подвластными «канону»: «она» и т. д. Дано, вместе с тем, в соответствии с запросами, предъявленными мне. Театр увидел, что впечатление «обычных», «канонных» элементов диссонирует, портит вещь. Думаю, что там поняли и иронию.

Затем началась доработка пьесы окончательная. Определилась линия Сысоев — офицер, идущая пунктиром, не выпячивая «героев». Этой парой (Сысоев — офицер) я хотел решить задачу не только показа про-

тивостоящих друг другу социальных сил, но и задачу установления соотношения «я» и «коллектива». Как удалось — судить не мне.

Откуда имена, фамилии действующих лиц?

Имена, фамилии я брал из памяти. Фамилию Сысоев я взял так: в детстве мне много рассказывал о флоте, о Цусимском бое один матрос с броненосца «Сысой Великий». Это странное, особенное имя мне врезалось в память. Я взял его для «главного героя» пьесы — рядового старого командира РККА. Я вижу его, знаю, что он есть в каком-нибудь кавалерийском полку РККА. Уже после написания пьесы я увидел его живого. Прочел в газете о том, как старый командир вел в бой на Дальнем Востоке в ноябре двадцать девятого года свою часть (кавалерийскую), как был ранен, не вышел из строя. Вот он — Сысоев. И я поэтому имел право, думается мне, в третьей Пролетарской дивизии, после читки пьесы, на вопрос красноармейцев: «А где сейчас Сысоев?», сказать: «В Особой Дальневосточной»

Кончаю: 1) вещь удалась главным образом потому, что построил ее на верном социально-политическом фундаменте; потому, что глубоко знаю и чувствую военно-бытовой материал; имел опыт военно-исторических, политических и литературных работ; знаю литературу, знаком с литературно-критическими вещами; 2) вещь моя и *весьма рассудочна*, документально выверена по сути — подготовленное политическое агитвыступление в день юбилея Конной.

Повидимому, вполне возможны: и технически точное, быстрое выполнение определенного задания и политическая рассудочная целеустремленность вещи — при отсутствии «психологизма» и при присутствии нужных художественных качеств и показа настоящей психологии *вокруг и внутри действий*. Что и требовалось доказать.

Москва, 1930—1931 гг.

ОТ АВТОРА

Автор хотел бы побеседовать — и как автор, и как военный консультант — с теми товарищами, которые будут читать и ставить пьесу.

«Последний Решительный» — первая из единой серии задуманных мной военных пьес, с разных сторон показывающих черты будущей войны. Для начала я выбрал тему морскую. В одной ведь пьесе обо всем не скажешь. Пьеса эта прежде всего — творческий взнос в фонд обороны СССР.

В пьесе я ставил ряд военно-политических задач, стремясь направить массового зрителя и читателя в русло верных эмоциональных и идеологических движений, сопряженных с моментами военной опасности, так отчетливо грозно определяющейся сейчас.

Пьеса вами прочтена. Вы видите материал. Теперь нужно полное коллективное напряжение сил композитора, режиссера, актеров и художника. Если их идейный пульс, направленность и температура одинаковы с нашими,— можно, я думаю, создать интересный боевой спектакль.

Возможности есть такие: в прологе смело и зло ударить по псевдо-революционным пьесам (где выводятся «матросики» и т. п.) и изжившим себя старым слащавым нежизненным оперным формам, развив остро пародийность. В работе над музыкой композитор сможет и должен нащупывать грядущий новый стиль музыки, отметая фокстротчину, цыганщину, формалистскую заумь и т. п.

Особенно вдумчиво надо подать «Анатоль-Эдуарда» и «Жан-Вальжяна», вызвав нужное их осуждение зрителем. Тут можно попробовать, обыграть «от обратного» некоторые мотивы «Кармен».

Какое посягательство на Мериме, Бизе!

Позвольте! В 1875 г. «Кармен» звучала ново и смело: на сцену вышли персонажи четвертого сословия. Музыка Бизе утверждала их выход, пела гимн их страстям и с болью следила за их судьбой. В наших условиях вещь, бывшая вызовом в опере, и повторенье ее сюжетной ситуации и в жизни и на сцене звучат уже по-иному. Такова диалектика, и голос нашей пьесы звучит при касании к этой теме, как голос осуждения.

Дальше. В условиях боевой тревоги — борьбы — не будет места (радующему жалостливых зрителей) романтическому и традиционному искуплению вины двух моряков. Преступление перед классом есть преступление. Оставим старым романам «доброту», нам же нужна социальная целесообразность. Этот момент следует акцентировать и — переносить внимание на 3-й акт. Он имеет свои особенности — он «мрачен».

Какой, казалось бы, странный финал для такой пьесы! Но в наших условиях даже высокая трагедийность судьбы гибнущих в заставе бойцов не *окрашивает пьесы в черный цвет.* Могучая жизненная победная сила нашего марша, поступи масс, так велика, что в ней растворяется, тонет трагедийность заставы. Жертвы не останавливают нас.

Несколько замечаний о военной и военно-бытовой стороне. Настоятельно и дружески рекомендую: без привлечения опытных квалифицированных военных работников постановку не начинать. От начала до конца пьеса содержит в себе десятки военных и военно-бытовых (флотских и армейских) деталей — и ошибки, промахи поставят театр в неприятное положение: взявшись осмеять псевдопостановки с их искажениями, театр сам допустит искажения.

Поэтому привлечение военных и морских консультантов (морских из демобилизованных командиров или

старослужащих краснофлотцев) от местных гарнизонов и местных советов Осоавиахима — обязательно.

Вообще, принимаясь за постановку, *надо учесть прежде всего ее военно-политическую утилитарную направленность*. Нет театра для театра. Не нужен спектакль для спектакля. Нужно рассчитанное, максимально эффективное в политическом отношении действо. Пьеса, весь спектакль — рычаг для подъема интереса к обороне. Вокруг спектакля необходимо вести живую военно-политическую работу: целесообразно устроить в театре военную выставку, выпуск стенгазеты «За оборону»; интересны и полезны будут военные сообщения-лекции и воспоминания в антрактах; демонстрирование приемов обращения с противогазом и оружием и т. п. и т. д. При настоящем, боевом отношении к делу, такая работа, ведомая театром обязательно совместно с гарнизоном и Осоавиахимом, даст положительные результаты.

Москва, 1931 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

«КРАСНЫЙ ФЛОТ В ПЕСНЯХ»

(Стр. 61)

Героическая оратория «Красный флот в песнях» написана Вс. Вишневским зимой 1929 года для ансамбля красноармейской песни и пляски Центрального Дома Красной Армии. Ансамбль исполнил ораторию в постановке П. И. Ильина и проф. А. В. Александрова. Это первое произведение Вс. Вишневского, созданное им для театра.

Автор использовал тексты песен, которые записывал на флоте. У него хранилось десять тетрадей с песнями и стихами о флоте. Наряду с такими известными песнями, как «Гибель «Варяга», «Смерть кочегара» («Товарищ, не в силах я вахту стоять...»), писатель собрал песни пятого года о казнях матросов, о тяжкой их службе.

Характерно, что проф. А. В. Александров в своих методических указаниях по музыкальному оформлению оратории отметил: «Ряд номеров введен не из-за их музыкальных достоинств, а исключительно из-за их исторической значимости, по настоянию Вс. Вишневского, участника гражданской войны» [1].

Вскоре после ансамбля осуществил постановку «Красный флот в песнях» ленинградский театр «Стройка».

В 1931 году «Красный флот в песнях», исполненный театром «Стройка» на Всесоюзной олимпиаде, получил первую премию.

---

[1] Архив писателя.

Незадолго до своей смерти Вс. Вишневский просмотрел и отредактировал для издания текст оратории «Красный флот в песнях», который и вошел в данное собрание сочинений.

«Красный флот в песнях»— печатается впервые.

«ПЕРВАЯ КОННАЯ»

(Стр. 81)

Пьеса «Первая Конная» — первое драматургическое произведение Вс. Вишневского.

Начало работы над пьесой относится к ноябрю 1929 года.

Первым был написан пролог, остальные эпизоды писались не по порядку.

8 декабря 1929 года комиссия Реввоенсовета СССР по подготовке и проведению празднования десятилетия Первой Конной армии под председательством С. М. Буденного постановила: «Признать пьесу Первая Конная армия автора тов. Вишневского чрезвычайно художественно ценной, построенной на исторически правильном материале и идеологически выдержанной. Пьесу, как единственно удачную из всех прежних попыток в этом направлении, всемерно рекомендовать к постановке в театрах»[1].

Как сообщала «Правда» (31 января 1930 года), пьеса была прочитана автором в Москве в Доме Герцена, в ЦДКА, в Доме печати и т. д.

В это время пьеса репетировалась театром Центрального Дома Красной Армии в Москве и театром Народного дома имени К. Либкнехта и Р. Люксембург в Ленинграде. Оба театра готовили пьесу к десятилетию Первой Конной армии — 23 февраля 1930 года.

Пьеса получила высокую оценку М. Горького.

«...Когда вышла «Первая Конная», я получил письмо от Горького, где он сказал: «Вы сделали большую вещь. Она мне напоминает «Тараса Бульбу». Работайте еще». (Из выступления Вс. Вишневского на втором Пленуме Оргкомитета писателей. Журнал «Советский театр», № 2—3 за 1933 год.)

23 февраля 1930 года в день двенадцатой годовщины Красной Армии и десятилетия Первой Конной армии состоялась премьера пьесы Вишневского в Ленинграде, в театре Народного дома им. К. Либкнехта и Р. Люксембург, в постановке А. Дикого.

---

[1] Выписка из протокола заседания комиссии Реввоенсовета СССР. Протокол № 6 от 8 декабря 1929 года. Архив писателя.

16 марта 1930 года спектаклем «Первая Конная» открылся театр Центрального Дома Красной Армии. Осуществил постановку режиссер П. И. Ильин.

Позднее показал «Первую Конную» Московский театр Революции в постановке А. Дикого и декорациях И. Рабиновича. В последующие годы пьеса была поставлена во многих театрах нашей страны.

В 1930 году пьеса Вс. Вишневского вышла первым изданием в издательстве «Федерация». Впоследствии она была издана на немецком, французском и английском языках.

Вс. Вишневский неоднократно возвращался к пьесе и вносил в нее поправки. Так, например, в первом варианте заключительные эпизоды пьесы были посвящены конфликту на КВЖД (1929). Автор изменил конец пьесы, что вызвало и изменение названия второго эпизода в эпилоге: «Встреча».

Пьеса печатается по тексту, вошедшему в сборник «Пьесы». Государственное издательство «Искусство», Москва, 1949 год.

«ПОСЛЕДНИЙ РЕШИТЕЛЬНЫЙ»

(Стр. 173)

Замысел пьесы «Последний решительный» возник у Вишневского под впечатлением сообщений о боях на дальневосточной границе [1].

14 августа 1930 года ленинградский композитор Пл. Дешевов от имени Ленинградского Государственного театра оперы и балета обратился к Вишневскому с предложением создать оперу на советскую тему.

«...Рождается замысел,— пишет в своих записках Вс. Вишневский,— ударить в стенах оперы по оперным штампам. Замысел облекается в пародийно-сатирическую форму пролога. Ему противопоставляется действие, корни которого уходят в наш день (момент военной опасности)».

Уже 17 августа Вс. Вишневский закончил краткое либретто, а вскоре либретто переросло в краткий вариант пьесы на 24 страницах.

Писатель отказался от работы для оперного театра, вплотную взялся за работу над пьесой и в декабре 1930 года ее закончил.

[1] Конфликт на КВЖД в 1929 году.

В статье «Ответ критикам» («Вечерняя Москва», 25 февраля 1931 года) Вс. Вишневский писал: «Я отказываюсь писать традиционные, «благополучные» пьесы. Я пишу и буду писать пьесы, в которых я сам ищу пути, нащупываю новые формы. Так дал я «Первую Конную», так дал «Последний решительный», так дам и другие пьесы.

Я взял простую большую идею: мы готовы к вооруженной борьбе, и жертвы не остановят нас в марше к победе.

Эту идею я оформил несколько иначе, чем в «Первой Конной», более усложненно драматургически... Я дал пьесу тремя ходами непрерывно нарастающего и видоизменяющегося действия.

Первый ход — сатирический. Кто возразит против борьбы с реакционно-приспособленческим искусством, когда оно своей линией вставляет палки в колеса обороны? Никто.

Второй ход — срывание масок. В подлинно нашем спектакле беспощадное самокритическое разоблачение индивидуалистических позывов в нашей флотской среде. С этим ходом я сплел такой замысел: вот идет все по традиционно-сюжетной линии. Есть главные действующие лица: Анатоль-Эдуард, Жан-Вальжян, Кармен, иностранец и все, как «полагается». И, наконец, когда все эти герои показаны с их «тоской» и прочим...— я кончаю одним ударом с традиционным сюжетом, со всеми главными действующими лицами, их «переживаниями» и устремляюсь третьим ходом к главному: к показу героики коллектива».

В 1931 году пьеса «Последний решительный» была издана отдельным изданием Государственным издательством художественной литературы и вошла в сборник пьес Вс. Вишневского «Поиски трагедии», Гослитиздат, 1934 год.

В этом собрании сочинений впервые печатается последний авторизованный вариант 1950 года.

«ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

(Стр. 215)

9 января 1932 года Всеволод Вишневский записал в своем дневнике: «Сегодня — были уже сумерки, оттепель. Невский сырой. Шли бойцы и пели походную. Старый мотив. Думал о войне и взволнованно нашел после ряда сложных ходов... решение пьесы к пятнадцатилетию Октября. Это должна быть

патетика. Гимн. Матросы — и сквозь них решение большего. Увидел ряд отрывков и ясно, как некогда в 30 году финал «Последнего решительного», — увидел финал новой пьесы: умирание командира-большевика. Колоссальной силы человек...»[1]

В тот же день Вишневский телеграфировал жене о том, что нашел острейшую линию формы новой пьесы «Гимн матросам».

Так возник замысел, из которого впоследствии родилась пьеса «Оптимистическая трагедия».

В дневнике писателя мы находим такие записи: «11 мая, уже есть наметка трехактная, трехчастная. Уже появляется первая тема—«Маленькая женщина», беседы, инструктивность, тема суда, тема боя, тема ревности, тема начала...

...Я говорю о военном коммунизме. Это были незабываемые годы и не потому, что мне было 19—20 лет, а потому, что это было время, осветившее мрак человечества. Такие вещи не забываются и не повторяются...

...Тема для меня очень близка. Литературное осуществление этой темы было начато примерно в 19-м году. Постепенно шаг за шагом материал откладывался...»[2]

Все лето 1932 года Вишневский провел в плавании по Черному морю, а осенью поселился неподалеку от Севастополя в Балаклаве, где и написал «Оптимистическую трагедию».

В 1950 году, вспоминая о работе над «Оптимистической трагедией», Вишневский писал: «Плавал много, читал и работал (мы перекидывали нефть из Туапсе в Бердянск, Мариуполь и пр., обеспечивая уборочную)... Я был увлечен всем: и Черным морем, и трудом, и беседами с командой и слушателями Морской Академии, и пьесой... Написал ее затем по черновикам — в 3 дня—3 акта. 28 августа прочел впервые жене — на скалах Балаклавы, над морем...»[3]

Написав пьесу очень быстро, писатель тщательно работал над ней в дальнейшем.

Определив вначале название, как «Гимн матросам», Вишневский потом назвал ее «Да здравствует жизнь!» В третий раз на титульном листе стояло «Из хаоса (оптимистическая трагедия)». В конце концов из этого, заключенного в скобки, жанрового определения родилось окончательное название пьесы.

---

[1] Архив писателя.
[2] Там же.
[3] Из писем к Ю. Осносу, 1950 год.

Большой переработке подвергся финал.

Уже после того как пьеса была показана широкому советскому зрителю, Вишневский говорил: «После премьеры мне был задан ядовитый вопрос: «Что у вас произошло с третьим актом?» Ничего не произошло, все стоит на месте. А было следующее: у меня был один вариант, два варианта, три варианта...»

Действительно, автор несколько раз варьировал финал «Оптимистической трагедии». В первом издании «Оптимистической трагедии» пьеса кончается тем, что все попавшие в плен матросы и комиссар предаются казни. Их мужество, безграничная вера в революцию, победившие страх смерти,— дают оптимистическое звучание этому трагическому концу. Этот же текст был использован в первой постановке «Оптимистической трагедии» в Киеве. Позже, в процессе работы с Камерным театром, Вс. Вишневский вернулся к первому своему замыслу финала, записанному им 9 января 1932 года, дав в финале эпизод гибели комиссара. Этот вариант был им окончательно утвержден для всех последующих изданий и постановок.

Первым осуществил постановку пьесы Киевский Государственный русский драматический театр в марте 1933 года. Режиссером спектакля был В. Нелли-Влад, художники — С. Вишневецкая и Е. Фрадкина.

18 декабря 1933 года состоялась премьера «Оптимистической трагедии» в Московском Государственном Камерном театре, где спектакль в общей сложности прошел свыше восьмисот раз. Ставил пьесу А. Я. Таиров, оформлял художник В. Рындин.

«Правда» (23 декабря 1933 года) писала: «Хотя пьеса и повествует об истории, пусть и недавней, но это насквозь злободневная пьеса. Она в такой же мере устремлена в прошедшее, как и в грядущее... «Оптимистическая трагедия» — новый тип и пьесы и спектакля. Он насквозь агитационный. Но если это агитация, то агитация, поднятая на высоту подлинного искусства...»

Французский писатель Жан-Ришар Блок, приехавший в 1934 году на Первый Всесоюзный съезд советских писателей, посмотрев «Оптимистическую трагедию», писал: «Оптимистическая трагедия» в Камерном театре для меня оказалась самым ярким и свежим театральным переживанием. Это нечто новое, грандиозное не только по остроте подачи, экспрессивности драматургической манеры, но и прежде всего по своей социальной выразительности...»

В 1936 году «Оптимистическая трагедия» была поставлена в Чехословакии.

16 октября 1937 года состоялась премьера «Оптимистической трагедии» в революционном Мадриде, где в то время испанский народ, отстаивая свою свободу и независимость, вел героическую борьбу против фашистов.

Корреспондент «Литературной газеты» так описывал этот спектакль: «Наконец наступил день премьеры... Спектакль должен был начаться в 5 ч. 30 м., но уже задолго до этого времени на небольшой площади перед театром толпился народ.

...Семьсот метров отделяют театр от траншей. В любое мгновенье неприятель может обстрелять его. А между тем театр переполнен. Зритель страстно, как нечто свое, родное, переживает пьесу. Его волнует судьба отряда советских моряков: ведь это же его собственная «оптимистическая трагедия». Те же вопросы волнуют сейчас испанский народ...»

Когда победоносно закончилась Великая Отечественная война, у всех прогрессивных людей за рубежом возник еще больший интерес к СССР, к советскому искусству.

1 июля 1948 года состоялась премьера «Оптимистической трагедии» в Берлине. Перевел ее немецкий писатель Фр. Вольф. Этот спектакль получил премию имени Гете.

Вишневский, читая берлинскую прессу, говорил: «Моя «Оптимистическая трагедия» начала вторую жизнь».

В 1950 году «Оптимистическую трагедию» поставил в Париже «Независимый театр».

Впервые «Оптимистическая трагедия» была напечатана в февральской книге журнала «Новый мир» в 1933 году. В том же году пьеса вышла отдельным изданием в Государственном издательстве художественной литературы. «Оптимистическая трагедия» переведена и издана на немецком, французском, румынском, польском и других языках.

В этом издании пьеса печатается по тексту, вошедшему в сборник «Пьесы». Государственное издательство «Искусство». Москва, 1949 год.

«РАСКИНУЛОСЬ МОРЕ ШИРОКО»

(*Стр. 277*)

В 1942 году в осажденном Ленинграде Военный Совет Краснознаменного Балтийского флота поручил Вс. Вишневскому написать пьесу к XXV годовщине Великой Октябрьской

социалистической революции. Так как в это время в городе остался только «Театр Музыкальной комедии», то и спектакль должен был быть музыкальной комедией.

Писатель рассказывал:

«Меня вызвали в Военный Совет Балтийского флота и сказали, что надо дать боевой спектакль. Спрашивают, в какой срок можно сделать. Я говорю, что раньше я писал долго. Мне говорят: «Две недельки возьмите». Я подумал и сказал: Есть!»[1]

Больше всего Вишневского смущало то, что надо писать музыкальную комедию. Писатель посмотрел все спектакли Театра Музыкальной комедии, осваивая их построение и особенности.

К участию в работе над пьесой Вишневский привлек служивших в то время на Балтийском флоте московского драматурга А. Крона и поэта-ленинградца Вс. Азарова.

1 августа 1942 года была начата работа над пьесой. Сообща обсудили содержание и план. Решили, что создаваемая ими комедия должна быть героической.

Первый акт писал А. Крон, второй и третий Вс. Вишневский. Тексты песен создал В. Азаров. Дорабатывали пьесу коллективно. 12 сентября пьеса была окончена.

Ленинградцы помогали работе над спектаклем. Ученики ремесленных училищ строили декорации по эскизам служившей на Балтийском флоте художницы С. К. Вишневецкой. Моряки приносили детали с вышедших из строя катеров и прочие морские аксессуары для создания нужной на сцене обстановки. Артисты в свободное от репетиций время помогали шить костюмы и красить декорации.

Первый спектакль состоялся в день празднования 25-летия Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1942 года под грохот вражеской канонады. Ставил пьесу Н. Янет.

Поэт Николай Тихонов в газете «Правда» (30 ноября 1942 года) так рассказывал об этом спектакле: «На темной площади перед театром толпится много народа: это жаждущие попасть на спектакль. Подъезжают машины. На проспекте 25-го Октября взлетают зеленые искры медленно идущих трамваев. Откуда-то доносится глухая канонада, напоминающая, что вы в блокированном городе.

---

[1] Из выступления 23 мая 1950 года в Ленинграде. Архив писателя.

Но вы входите в театральный зал, и он встречает вас блеском золотоузорных лож, чистотой, светом огромных люстр, гулом праздничной толпы.

То, что все сидят, не снимая верхней одежды, не портит общего впечатления. Вы слышите бодрые голоса, видите улыбки, слышите смех. Почти все мужчины — в армейской или морской форме и много женщин в военном. Сегодня идет спектакль Ленинградского государственного Театра Музыкальной комедии «Раскинулось море широко»...

...Этот спектакль интересен той своеобразной особенностью, что представляет картины не прошлого, не вчерашнего, а сегодняшнего дня города. Казалось бы, что средствами почти развлекательного характера трудно передать рассказ о защитниках Ленинграда, казалось бы, что сама мысль — отразить героические черты моряков в куплетах, песенках, во всей шумной непрерывной пестроте музыкального комедийного спектакля — не может иметь успеха. И однако это не так... Зритель оставляет театр бодрым, веселым и уверенным. Вс. Вишневский когда-то написал прекрасную «Оптимистическую трагедию», сейчас ему пришлось в блокированном городе написать оптимистическую героическую комедию — и спектакль получился...»

23 февраля 1943 года в день годовщины Красной Армии показал «Раскинулось море широко» Камерный театр, находившийся в то время в Барнауле, в постановке А. Таирова, художник А. Рындин. Свыше пятисот раз сыграли артисты Камерного театра этот спектакль в Москве. Многие театры нашей страны осуществили постановку «Раскинулось море широко».

Напечатана пьеса была в ленинградском журнале «Звезда» в № 5—6 за 1942 год.

В этом издании пьеса печатается по тексту журнала «Звезда».

«У СТЕН ЛЕНИНГРАДА»

(Стр. 357)

Пьеса посвящена теме обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Автор писал пьесу для театра Краснознаменного Балтийского флота.

Пьеса, начатая в январе 1943 года, была закончена только в 1944 году. Весной 1944 года ее постановку осуществил театр Краснознаменного Балтийского флота. Ставил пьесу А. Пергамент.

Пьеса «У стен Ленинграда» в постановке театра Краснознаменного Балтийского флота была показана морякам и армейцам, рабочим и жителям Ленинграда, а затем театр привез спектакль в Москву.

«Правда» 2 сентября 1944 года писала: «Театр Краснознаменного Балтийского флота, драматург Вс. Вишневский и художник С. Вишневецкая соединили свои творческие усилия, чтобы показать на сцене одну страницу из истории борьбы за Ленинград. Все они пережили блокаду в стенах города, поистине гордого и стоического. Может быть, это и сообщило пьесе и спектаклю то решающее качество, которое, если и не устраняет недостатков, то во всяком случае заставляет говорить о них, как о чем-то присутствующем, но не главном.

Это качество состоит в том, что спектакль наполнен дыханием великой войны, и зритель видит не только поведение героев, но и движение настоящей боевой жизни...»

27 марта 1945 года осуществил постановку пьесы «У стен Ленинграда» Московский государственный Камерный театр.

Пьеса была впервые напечатана в журнале «Знамя», № 9—10 за 1944 год.

В этом издании пьеса печатается по тексту сборника «Пьесы». Издательство «Искусство», 1949 год.

«НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1919-й»

(Стр. 439)

Вишневский готовился к работе над пьесой очень долго. По существу вся жизнь писателя, все его творчество были насыщены теми поисками, которые привели Вишневского к «Незабываемому 1919-му».

В одной из своих статей Вишневский писал: «...Рассказать о работе над пьесой — это значит рассказать о тридцати годах моего творчества. Пьеса «Незабываемый 1919-й» — закономерное завершение долгого этапа исканий.

...В 1934 г. на Первом съезде советских писателей я поставил себе задачу показать в художественных произведениях образы вождей революции. Годы я обдумывал эту задачу, изучал материалы, труды классиков марксизма-ленинизма, посещал музеи, исходил в Ленинграде и Париже места, связанные с пребыванием Ленина. В Баку, в Тбилиси и Гори — места, где жил

и работал И. В. Сталин. Вел много записей... Без этой работы нельзя было приступать к новой пьесе...

...Стал обдумывать новую задачу... Шел таким путем: осенняя оборона Питера в 1919 году в «Мы из Кронштадта» показана... А что было в основе ее? Боевая работа И. В. Сталина в Питере и Кронштадте в мае — июне 1919 года. Нужно осветить этот период!

Выехал на Балтику. На самолете прошел над историческими местами событий 1919 года, побродил по болотам и лесам, разыскал стариков — участников событий, поднял архивы. Картина событий на Балтике в мае — июне 1919 года встала передо мной, как живая. Вел я записи днем и ночью.

В мае я засел за работу. Каждый эпизод писал по три-четыре раза, отделывал деталь за деталью. Изучил 4-й том сочинений И. В. Сталина (о гражданской войне). Мне привелось как матросу, работнику ВЧК, участвовать летом 1919 года в раскрытии «Национального центра». Достал старые записи, документы, старые газеты, комплект «Красного Балтийского флота». Я сознавал: пишу пьесу актуальную, заостренную против англосаксонских реакционеров и их агентуры! Ясность темы воодушевляла. Пишу славу вождю революции — Сталину, пишу славу родному флоту. Работал быстро, выверяя все шаг за шагом, отбрасывая «фантазии» и «театральные ухищрения». Меня интересовала правда событий...»[1]

21 декабря 1949 года исполнялось семьдесят лет И. В. Сталину. Писатель хотел отметить эту дату пьесой о великом вожде.

Верный себе и своей теме, Вишневский увидел И. В. Сталина в среде, которой посвятил все свое творчество,— в среде матросов-балтийцев.

Еще в июне 1939 года в газете «Красная звезда» Вс. Вишневский напечатал статью «Наша Балтика», рассказывающую о том, как под руководством И. В. Сталина был разгромлен мятеж на Красной Горке.

19 мая 1949 года писатель создал предварительный план.

В июне 1949 года в газете «Красный флот» Вс. Вишневский печатает статью «Незабываемый 1919-й», посвященную тридца-

---

[1] Из статьи «Привет родным балтийцам» от 2 апреля 1950 года в флотской газете.

тилетию разгрома неклюдовского мятежа Красной Армией и флотом под руководством И. В. Сталина.

К 18 июня был написан пролог. В конце июня Вишневский пьесу вчерне закончил.

28 июня 1949 года он писал Вс. Азарову: «Пьесу кончил: пролог и три динамических акта (трое суток борьбы)... Чувствую, что это самая моя крупная пьеса. От «Оптимистической трагедии» с передачей партизанских стихий и пр. я шагнул к более сложным и высоким формам борьбы следующего периода. Дал Ленина, Сталина, члена Военного Совета, дал группу врагов, дал массу и пр. Писал непрерывно. Вещь буквально из меня «перла». Я ее видел во сне, слышал, вскакивал по утрам и пр. Вот лежит горячая в папке... Нужна отшлифовка. Затем на машинку...»

До конца 1949 года писатель вносил исправления в свою пьесу.

Много времени отняли поиски названия пьесы. Сначала она называлась «За жизнь миллионов», потом «Россия большевистская».

В конце концов Вс. Вишневский взял для пьесы название своей статьи, напечатанной в газете «Красный флот» — «Незабываемый 1919-й».

Эпизод «Каземат» был переработан Вс. Вишневским специально для Государственного академического Малого театра; действие в этом варианте стремительней, диалоги лаконичней. Но во всех изданиях автор сохраняет первый вариант.

В день семидесятилетия И. В. Сталина — 21 декабря 1949 года — пьесу показал Ленинградский Академический театр драмы им. А. С. Пушкина. Ставили пьесу режиссеры Л. Вивьен и В. Мехнецов. Художник спектакля С. Вишневецкая.

21 декабря Вишневский записал: «Ленинград отлично сдал премьеру...»

4 марта 1950 года осуществил постановку пьесы Вишневского Центральный театр Советской Армии. Режиссеры А. Попов и А. Окунчиков. Художник спектакля Н. Шифрин.

Оценивая этот спектакль, «Правда» 26 апреля 1950 года в статье «Искусство жизненной правды» писала: «Пьеса Вс. Вишневского «Незабываемый 1919-й» получила широкое признание и популярность. Она уже завоевала прочное место на сцене, принята к постановке многими театрами нашей страны Значительность содержания этого произведения, мастерство художественного воплощения исторических событий дают надежду, что

пьеса будет экранизована и обогатит фонд замечательных советских фильмов... Вс. Вишневский давно работает над темой гражданской войны. Новая его пьеса явилась как бы завершением многолетней работы писателя — именно здесь, когда он создал образы людей, воплощающих движущую силу истории, ему удалось достигнуть большого успеха. Широта охватываемого материала, историческая точность и конкретность в воспроизведении событий, жизнеутверждающий революционный пафос характерны для новой пьесы Вс. Вишневского...»

2 мая 1950 года показал премьеру «Незабываемого 1919-го» Государственный Академический Малый театр. Ставили пьесу К. Зубов и В. Цыганков. Художник спектакля И. Федотов.

Пьеса «Незабываемый 1919-й» была переведена почти на все языки народов СССР и в течение двух лет была показана в большинстве драматических театров страны. Издана она была также на китайском, венгерском, румынском, польском и других языках.

8 марта 1950 года Совет Министров СССР присудил Сталинскую премию первой степени Всеволоду Витальевичу Вишневскому за его пьесу «Незабываемый 1919-й».

Впервые «Незабываемый 1919-й» был напечатан в журнале «Новый мир», № 12 за 1949 год.

В 1950 году пьеса «Незабываемый 1919-й» вышла в Гослитиздате и издательстве «Искусство».

В 1952 году на экранах Советского Союза широко демонстрировался фильм, поставленный по пьесе «Незабываемый 1919-й».

В этом издании пьеса печатается по тексту, напечатанному Государственным издательством «Искусство». Москва, 1950 год.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КАК Я ПИСАЛ «ПЕРВУЮ КОННУЮ»

(Стр. 551)

Печатается с учетом авторских исправлений, сделанных в 1938 году. (Архив писателя.)

«ОТ АВТОРА»

(Стр. 566)

Печатается по последнему, авторизованному варианту 1950 года. (Архив писателя.)

СОДЕРЖАНИЕ

Солдат революции. *К. Симонов* 5

Всеволод Вишневский. *П. Вершигора* 11

ПЬЕСЫ

Красный флот в песнях 61

Первая Конная 81

О пьесе пулеметчика Вишневского. *С. М. Буденный* 83

Последний решительный 173

Оптимистическая трагедия 215

Раскинулось море широко 277

У стен Ленинграда 357

Незабываемый 1919-й 439

ПРИЛОЖЕНИЯ

Как я писал Первую Конную 551

От автора 566

Примечания *Г. Гайдовского* 569

Переплет и титул художника Н. В. Ильина

Редактор А. Воинов. Художеств. редактор Н. Мухин
Технический редактор Г. Каунина. Корректор А. Сабадаш

Подписано к печати 24/XI 1953 г. А07241. Бумага 82×108[1]/[32] — 36,5 печ. л. = 29,93 усл. печ. л. 26,51 уч.-изд. л. + 6 вклеек = = 26,81 л. Тираж 30 000. Заказ № 1088. Цена 11 руб.

3-я типография «Красный пролетарий» Союзполиграфпрома Главиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

ГОСЛИТИЗДАТ
1954

ВСЕВОЛОД
ВИШНЕВСКИЙ

ТОМ
1